

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

**ИСТОРИЯ
РУССКОЙ АРМИИ
1850—1900 гг.**

ПОЛИГОН
Санкт-Петербург
2003

УДК 355/359 (47)
ББК 63.3 (2)
И90

И90 История русской армии. — СПб.: ООО «Издательство «Полигон», 2003. — 667, [5] с.; ил. — (Военно-историческая библиотека).
ISBN 5-89173-248-3

В этой книге наиболее полно и систематизированно рассматривается история русской армии от ее состояния накануне Восточной (Крымской) войны 1853—1856 гг. до Ахалтекинской экспедиции 1880—1881 гг., столкновения с Афганистаном в 1885 г., памирских походов 1891—1895 гг. и других малоизвестных боевых операций российских войск. Показаны перемены в армии России после реформ 1860—1870 гг., роль армии в Русско-турецкой войне 1877—1878 гг. Авторами описаний этих событий являются известные русские военные историки А. М. Зайончковский, Д. Н. Логофет, А. Д. Шеманский, К. И. Дружинин. В книге даны характеристики главных военачальников второй половины XIX в., руководивших боевыми действиями русских войск в войнах и походах этого периода.

УДК 355/359 (47)
ББК 63.3 (2)

ISBN 5-89173-248-3

© ООО «Издательство «Полигон», 2003

Восточная война 1853—1856 гг.

*А. М. Зайончковский,
генерал-лейтенант*

Император Николай I и политические отношения между Россией и Турцией

В событиях, ознаменовавших собой историю 1850-х гг., одну из главных руководящих сил представляет личность императора Николая Павловича. Непреклонная воля, рыцарский характер, твердость убеждений, любовь к своему государству и желание возвеличить Россию — инстинктивно давали каждому чувствовать, что государь не уклонится от избранного пути.

Император Николай I родился 25 июня 1796 г. и сначала был на попечении своей бабки, а после смерти императрицы Екатерины II воспитание Николая Павловича перешло в руки родителей. По смерти отца ребенка окружила сфера суровости, созданная строгостью императрицы Марии Федоровны и черствым характером воспитателя генерала Ламздорфа.

Заботы об обучении и образовании великого князя сосредоточивались в неумелых руках. Сделав все возможное, чтобы оттолкнуть его от учения, воспитатели и педагоги, повинаясь требованиям императрицы матери, прилагали все усилия с целью предостеречь великого князя от увлечения военным делом. Старание это успеха не имело и повлекло за собой то, что и в этой отрасли знаний образование Николая Павловича не получило правильного направления.

Серьезные занятия военными науками начались лишь с 1813 г., но, при отсутствии литературы по тактике и военной истории, в программу военного образования будущего генерал-инспектора по инженерной части не были включены предметы, имевшие целью ознакомить августейшего ученика с требованиями, которые можно предъявлять солдату, как физической и боевой единице, с техникой ведения боя и с прочими элементами войны.

В 1817 г. закончился цикл научных путешествий Николая Павловича и в этом же году он сочетался браком с прусской принцессой Шарлоттой.

Служебная деятельность великого князя до вступления на престол состояла в командовании Измайловским полком, 2-й бригадой 2-й Гвардейской пехотной дивизии (Измайловский и Егерский полки) и с лета 1825 г. этой дивизией, но служба эта вращалась главным образом около муштры солдата.

Будучи же с 1818 г. привлечен к исполнению обязанностей генерал-инспектора по инженерной части, он весь избыток присущей ему энергии посвящал делам Инженерного управления, то просиживая на лекциях офицерских и кондукторских классов и тем пополняя круг своего образования, то занимаясь строительными проектами, то увлекаясь постановкой дела в излюбленном своем детище — Главном инженерном училище.

Но, удаляемый от всего, что выходило за пределы его служебной деятельности, великий князь Николай Павлович не был ознакомлен с делами государственными, не мог принимать участия в правительственных совещаниях и, совершенно не посвященный в вопросы высшей политики, не зная требований своего времени и внутреннего состояния государства, взшел на престол, будучи почти неизвестен, при общем против него предубеждении; лишь только многочисленные и злые анекдоты о строгости великого князя, выпускаемые в обществе недовольными им гвардейскими офицерами, встретили первые шаги Николая Павловича на новом трудном пути. А между тем внутреннее положение России в это время находилось в самом критическом состо-

Император Николай I, великий князь Михаил Павлович
и цесаревич Александр Николаевич. *Художник Крюгер*

янии. И вновь воцарившемуся государю предстояло исправить неисчислимые беспорядки и злоупотребления.

Результатом либеральных тенденций начала царствования императора Александра I и Заграничного похода в революционную Францию явилось волнение в обществе и отчасти в армии; брожение в войсках вызвало к жизни ряд союзов. К тому же «первый урок на царство», 14 декабря 1825 г., когда картечные выстрелы на Исаакиевской площади прекратили бунт, лег тяжелым, неизгладимым отпечатком на всю жизнь и деятельность императора Николая I.

Любовь Николая Павловича к военному делу не уменьшилась после оцарения. Напротив того, по мере знакомства с жизнью, военная среда сделалась еще более ему симпатичной, так как ее духовная сущность вполне соответствовала нравственному мировоззрению государя.

«Здесь, между солдатами, — говорил он Шнейдеру, — и посреди этой деятельности я чувствую себя совершенно счастливым. Здесь порядок, строгая законность, нет умничанья и противоречия, здесь все одно с другим сходится в совершенном согласии. Никто не отдает приказаний, пока сам не выучится повиноваться; никто без права перед другим не возвышается, все подчинено определенной цели, все имеет свое значение, и тот самый человек, который сегодня сделал мне по команде на караул, завтра идет на смерть за меня. Только здесь нет никаких фраз, нет лжи, которую видишь всюду. Здесь не поможет никакое притворство, потому что всякий должен рано или поздно показать, чего он стоит в виду опасности и смерти. Оттого мне так хорошо между этими людьми, и оттого у меня военное знание всегда будет в почете. В нем повсюду служба, и самый главный командир тоже несет службу. Всю жизнь человеческую я считаю не чем иным, как службою: всякий человек служит».

Одиннадцатилетний мирный период, предшествовавший воцарению Николая Павловича, свел со сцены доблестных представителей освободительных войн и не дал случая выдвинуться молодым силам, получившим практическую подготовку в наполеоновских кампаниях.

В качестве главного советчика по военным делам первое место занял Дибич. Человек бесспорно талантливый, но более всего ловкий, Дибич своей деятельностью преследовал скорее личные интересы, чем пользу дела. Ему не удалось выказать ни твердости убеждений, ни смелости открытой поддержки перед государем своего мнения, если оно шло вразрез с первоначальными мыслями монарха, т. е. тех качеств, которые были столь необходимы сотруднику первых годов царствования Николая Павловича, особенно при отсутствии у последнего «необходимой опытности» и наличии «необходимой поспешности».

Мирное течение военной службы было нарушено в первые годы царствования войнами, сначала Персидской, а потом Турецкой и Польской. Наибольшее впечатление на государя должна была произвести Турецкая война, так как первый год кампании он лично находился при армии, имевшей, однако, особого главнокомандующего — фельдмаршала князя Витгенштейна.

Вскоре за Турецкой войной началась война против польских мятежников.

Прославившийся Забалканским походом Дибич снова стал во главе русской армии. Но ему не удалось поддержать своей славы полководца; неустойчивость в мыслях и нерешительность в действиях отличали Дибича в продолжении всей затянувшейся по его вине кампании.

Переписка государя с главнокомандующим во время этой продолжительной войны является яркой характеристикой военных взглядов императора Николая I. Предлагая Дибичу разные советы, государь настоятельно требовал, чтобы они исполнялись лишь по мере, соответствующей личным взглядам главнокомандующего, которому на месте лучше видны все обстоятельства дела. «Я не австрийский гофкрихсрат и за несколько сот верст не могу давать точных указаний, как действовать», — писал государь.

Война с польскими мятежниками дала возможность государю выказать свои обширные военные дарования и познания в собственноручной записке о плане военных действий, относящейся к началу апреля 1831 г. Граф Паске-

вич воспользовался почти в полном объеме планом государя.

После подавления Польского мятежа начался продолжительный мирный период, обхватывавший время вплоть до 1849 г., когда, уступая просьбе императора Франца-Иосифа, государь двинул войска для подавления Венгерского восстания.

Прерванное кампанией 1849 г. военное затишье продолжалось затем вновь до Восточной войны 1853—1856 гг. И военная деятельность Николая Павловича за этот период времени должна была сузиться до роли административной и воспитательной с присущей мирной обстановке односторонностью.

Бросая общий взгляд на наши отношения к турецкому Востоку со времени падения Константинополя и до воцарения императора Николая Павловича, невольно приходится прежде всего отметить ту нравственную связь, которая существовала между Россией и подвластными Турции христианскими народностями с первых дней утверждения Оттоманской империи в Европе.

Императрица Екатерина II заключением Кючук-Кайнарджийского мирного договора дала могущественнейший толчок к самостоятельной жизни большинства христианских народностей турецкого Востока. В то же время этот договор предоставил России фактическое право защиты христианских жителей некоторых турецких провинций и нравственное покровительство над всеми подвластными Порте христианами.

Одновременно с этим Россия благодаря успешным войнам императрицы Екатерины II достигла на юге естественных границ.

Величие, приобретенное ею за время царствования императрицы Екатерины II, а главное, обширные восточные проекты наших государственных людей конца XVIII столетия заставили несколько иначе смотреть на миссию России на Ближнем Востоке. И хотя с воцарением императора Александра Благословенного в основу русской политики, в корне подорвавшей доверие к нам христианских народностей, легло сохранение до последней возможности существова-

ния слабой Турции, но вышеуказанные проекты и двойственная относительно Порты политика императора Александра Павловича дали возможность созреть общему убеждению в исключительно завоевательных намерениях России относительно Порты Оттоманской.

Вся последующая политика Александра I, сводившаяся к поглощению русских интересов общеевропейскими, не уменьшила недоверия к России, но зато отодвинула ее в делах Востока на второстепенный план. Из числа иностранных дворов, наиболее заинтересованной в исторической миссии, выказала себя Австрия, отличие взглядов которой выяснилось еще с 1700 г., когда рознь между интересами московского и венского дворов обнаружилась вполне; образ ее действий во время наших столкновений с Портой оставался всегда одинаков. Почти в таком же положении находилась и Англия, которая только однажды, во время ее борьбы с Наполеоном, стала на сторону русских требований. К концу же рассматриваемого периода ее влияние не только в Турции, но и среди христианского населения южной части этой империи упрочилось за счет уменьшившегося влияния России. Что же касается Франции и Пруссии, то обе эти державы в русско-турецких делах находили лишь средство давления на Россию в видах тех или других своих интересов. Таково было политическое наследие по делам Востока, которое пришлось принять на себя императору Николаю I.

Первым своим дипломатическим актом Николай Павлович объявил, что в делах внешней политики он будет руководствоваться заветами предшествовавшего царствования и строго придерживаться начал, обеспечивающих мир Европы со времени Венского конгресса. Что же касается до запутанных в то время восточных дел, то государь различал в них две категории фактов, из которых одна представляла многочисленные нарушения Турцией заключенных трактатов и составляла в глазах государя наше частное дело с Портой Оттоманской, другая же касалась событий, в которых были затронуты интересы и прочих европейских государств.

Что касается первых, то государь, не питая никаких честолюбивых замыслов, желал только точного исполнения

договоров и, в случае надобности, готов был прибегнуть и даже прибежал, как например в 1828 г., к силе оружия.

Действуя столь энергично и самостоятельно в делах, считавшихся императором частными русско-турецкими, Николай Павлович в греческом вопросе желал видеть Россию поставленной «на одну линию с другими державами-посредницами». И, несмотря на недоверие к политике России, он рядом коллективных представлений в защиту греков, как то было в 1826 г., и даже совместными боевыми действиями, как то было под Навариным, прилагал все усилия к разрешению недоразумений между Турцией и Грецией.

Неудачный исход кампании 1828—1829 гг. и падение влияния центральной государственной власти внутри страны затянули дело реформ в Турции; одну только армию кое-как удалось организовать в тактическом отношении, причем административная ее часть по-прежнему продолжала оставаться в хаотическом беспорядке.

Победы восставшего египетского паши Мехмед-Али в 1831—1832 гг. так подействовали на султана, что, несмотря на господствовавшую в то время политику недоверия к России, он решился обратиться за помощью к императору Николаю I. Однако появление русских знамен и флага у самых ворот Царьграда вызвало такое сильное возбуждение в Париже и Лондоне, что благодаря стараниям англо-французской дипломатии султан предпочел уступить требованиям Мехмед-Али. Дальнейшие дипломатические шаги привели Россию и Турцию к подписанию Ункяр-Искелесийского договора, имевшего целью «взаимную защиту против всякого покушения». При этом правительство обоих государств обещает согласоваться откровенно касательно всех предметов, которые относятся до их обоюдного спокойствия и безопасности, и в этом случае взаимно оказывать существенную помощь. Россия должна была представить Турции в случае надобности армию и флот, а Турция — закрыть проливы.

Договор этот был принят с нескрываемым неудовольствием в Париже и в Лондоне. Английский кабинет начал подыскивать себе союзников, но все его старания не увенчались успехом; Австрия и Пруссия признали Ункяр-Искелесийский дого-

вор без всяких оговорок; Швеция предупредила о своем строгом нейтралитете, если дело дойдет до англо-русского столкновения, а правительство Луи-Филиппа согласилось только на военную демонстрацию против России, но не считало возможным вступать с нами в действительную войну. И в Лондоне должны были смириться перед совершившимся фактом.

Однако в 1835 г. деятельность лондонского правительства вновь ознаменовалась целым рядом враждебных нам протестов и, не ограничиваясь пререканием с нашими представителями в Лондоне, министр иностранных дел Англии лорд Пальмерстон преследовал более существенную цель противодействия русскому влиянию в Константинополе, завершившуюся торговым договором Турции с Великобританией, послужившим могучим средством для упрочения в Константинополе влияния держав, которые имели наиболее значительные торговые обороты с Оттоманской империей.

Причины умаления нашего значения на берегах Босфора лежали в руководящих основах нашей политической программы относительно Турции, принятой после 1829 г. Адрианопольский мир ставил нашей целью иметь соседом Турцию слабую и неспособную к внутреннему и внешнему росту, а потому вполне естественно, что мы не могли поддерживать турецких реформ, направленных к укреплению и обновлению империи оттоманов. Напротив того, Великобритания, в лице лорда Пальмерстона, являлась убежденной защитницей живучести Турции и вместе с австрийским министром князем Метернихом считала единственным способом разрешения восточного вопроса установление общеевропейского покровительства над Турцией.

Новая распря Мехмед-Али с султаном давала случай для осуществления этой идеи. Боясь, что возможное поражение турецких войск может принудить султана искать помощи у императора Николая, державами было предложено России принять участие на совещании в Вене по восточному вопросу, на что наш кабинет ответил решительным отказом.

Между тем переговоры султана с Мехмед-Али к желательным результатам не приводили, и новый султан Абдул-Меджид обратился за содействием к представителям держав.

Соглашаясь теперь на свое участие в коллективной гарантии турецко-египетского соглашения, Россия ставила условием отказ морских держав от объявления неприкосновенности владений Турции и их согласие на закрытие проливов для военных судов всех наций.

В этом духе и была закончена конвенция 3 (15) июля 1840 г. между Россией, Австрией, Пруссией, Англией и Турцией. Успехи турок при содействии Англии и Австрии принудили Мехмед-Али принять предложенные ему условия, а симпатизировавшая ему Франция присоединилась к группе европейских государств. 1 июля 1841 г. между Россией, Англией, Австрией, Пруссией, Турцией и Францией была подписана новая конвенция, отличавшаяся от прежней тем, что закрытие проливов являлось обязательным для Турции, «пока Порты находится в мире». Эта оговорка сыграла роковую роль в 1854—1855 гг., когда англо-французский флот стал свободно бомбардировать русско-черноморское побережье.

Балканская наша политика сводилась в это время к руководству управлениями княжеств и к поддержке существующего порядка. Но «агенты русского правительства, — по словам современника, — своими гордыми приемами оскорбляли личность и достоинство князей, унижали чувства народности, делались гонителями всякого свободолюбивого человека, объявили неловкую войну Западу, преследовали того, кто их не раб, превращали дома свои в вертепы интриг и доводили всех благомыслящих людей княжеств до отчаяния; так что народы, любившие Россию, как мать, исполнились неприязнью к их благотворительности». Таковы, в общем, несколько односторонние, выводы современника. Неудивительно, что наше влияние на Турецком Востоке в 1830—1840-х гг. он признает влиянием мнимым. Оно таковым и было на самом деле.

Взамен же русского влияние Англии продолжало возрастать и укрепляться.

Места, связанные с воспоминаниями о важнейших событиях земной жизни Иисуса Христа, с древнейших времен особо почитались христианами.

Победы Миниха и Кючук-Кайнарджийский договор обратили взоры православных восточных христиан к могущественной России. Начатая борьба с франками за обладание Святыми местами с переменным успехом велась до половины XIX столетия, когда она и достигла высшего напряжения. Щекотливое положение Турции в этом споре держав и необходимость удовлетворить совершенно противоположные требования России и Франции принудило ее избрать среднее решение, предложив некоторые уступки католикам взамен за другие уступки в пользу греков.

Однако полумеры турецкого правительства не удовлетворили императора Николая, а все усилившееся влияние при дворе султана посла Франции Лавалета побудило государя принять энергичные меры для удовлетворения своих справедливых требований. После ряда новых настойчивых переговоров была признана необходимой посылка к султану чрезвычайного посольства с генерал-адъютантом князем Меншиковым во главе. Предназначенный в случае войны с Турцией в главнокомандующие, посол помимо чисто дипломатических поручений должен был ознакомиться и с современным состоянием Турции в военном отношении, выбрать удобные для высадки пункты и т. п.

Но всесильный в то время в Константинополе посол Англии лорд Редклиф, посвятивший всю свою продолжительную дипломатическую деятельность борьбе против усиления нашего влияния на Босфоре, объединил вокруг себя дипломатический корпус и заставил турок считаться с его взглядами. По его совету турки разделили наши требования на две категории. Первая касалась вопроса собственно о Святых местах и о правах Православной церкви, а ко второй категории были отнесены наши предложения, могущие, по мнению турок и их английского друга, создать в пользу России такое влияние на христианские народности подданных Порты, которое могло бы вызвать опасность или серьезные неудобства для осуществления верховных прав султана.

Идя навстречу первым нашим требованиям, касавшимся главным образом прав хранения ключей от Вифлеемского храма и права исправления купола на храме Гроба Господ-

ня, турки восставали против вторых, особенно возражая против установления между Турцией и Россией конвенции, гарантирующей точно *status quo* преимуществ православного вероисповедания и Святых мест, находящихся в его исключительном или совместном с другими исповеданиями владении, и представлявшей между прочим русским дипломатическим агентам в Константинополе право делать представления правительству Турции о нуждах греко-русской церкви и ее духовенства.

Затягивая переговоры, турки тем временем успели обеспечить себе заступничество со стороны держав запада. И в то время, когда, приводя в исполнение свою угрозу, князь Меншиков покинул Константинополь, англо-французская соединенная эскадра подошла к Дарданеллам, и турки почувствовали себя в полной безопасности.

Состояние русских войск перед началом войны

К началу Восточной войны военно-сухопутные силы империи состояли из регулярных и иррегулярных войск. Регулярная армия делилась на войска действующие (или линейные), резервные и запасные, местные и вспомогательные.

Действующая пехота разделялась на линейную и легкую (карабинерные и егерские полки и стрелковые батальоны), части, ничем, впрочем, существенно между собой не различавшиеся.

К 1853 г. пехота состояла из 110 полков (от трех до пяти батальонов, шестиротного состава каждый), 9 стрелковых и 84 линейных батальонов. Пехотные полки и часть линейных батальонов сводились в 30 дивизий (по 4 полка) и 6 отдельных бригад; стрелковые же батальоны были приданы непосредственно корпусам.

Кавалерия делилась на тяжелую (кирасирские, драгунские полки) и легкую (уланские и гусарские полки). Всех кавалерийских полков шести- и десятиэскадронных было 59, из которых 23 тяжелых и 36 легких. Полки эти сводились в 15 дивизий.

Полевая артиллерия состояла всего из 135 батарей (106 пеших и 29 конных, все двенадцатиорудийного состава), сведенных в большинстве в 28 пеших и 7 конных бригад. Почти все бригады сверх того сводились в 10 артиллерийских дивизий.

Для снабжения войск огнестрельными припасами имелись 4 летучих и 12 подвижных парков.

Инженерные войска состояли из десяти саперных батальонов четырехротного состава, сводившихся в 3 бригады, и двух конно-пионерных дивизионов, по два эскадрона, возивших с собой понтонные парки.

Высшими войсковыми соединениями являлись корпуса, которых всего имелось 14. Корпуса, в большинстве случаев, состояли из 3 пехотных, 1 кавалерийской и 1 артиллерийской дивизий и 1 саперного батальона. В трех резервных кавалерийских корпусах (из общего числа 14) имелось по 2—3 кавалерийских дивизии. Штаты войсковых частей (230 чел. в роте и 133 коня и 168 рядовых в эскадроне) в отличие от современного состояния этого вопроса не отличались от штатов военного времени и пополнялись в случае мобилизации лишь бессрочноотпускными, которых полагалось на роту 25 человек.

Резервные и запасные войска для пехоты составляли резервные и запасные батальоны, содержащиеся в незначительных кадрах в составе 1 офицера и 22 нижних чинов каждый. В военное время предполагалось сформировать по 1 резервному и 1 запасному батальону на каждый действующий полк. В кавалерии на каждый полк в военное время формировались резервный и запасный эскадроны. Резервные и запасные части артиллерии составляли в военное время 8 резервных артиллерийских бригад шестибатарейного состава (3 резервных и 3 запасных батареи). Конная артиллерия формировала во время войны резервные и запасные части в составе 12 конно-артиллерийских батарей. Инженерные войска формировали 4 резервных, 2 запасных саперных батальона, 6 понтонных рот с понтонными парками, 1 запасную роту, резервный и запасный конно-пионерные эскадроны.

К войскам местного и вспомогательного назначения нужно отнести местные артиллерийские и осадные парки, гарнизонную артиллерию, осадные инженерные и полевой инженерный парки, корпус внутренней стражи и корпуса жандармов, учебных и образцовых войск. Кроме того, к началу Восточной войны имелось 25 округов поселения кавалерии и 10 округов пехотных солдат.

Помимо регулярных войск в ведении военного министерства находились войска, состоявшие из казаков и инородцев, в числе коих находился и Балаклавский греческий батальон.

Численность русской армии выражалась следующими цифрами: в регулярной армии состояло 27 745 генералов и офицеров и 1 123 583 нижних чина; в иррегулярных войсках числилось 3 647 генералов и офицеров и 242 203 нижних чина. Следовательно, общая численность войск достигала 31 392 генералов и офицеров и 1 365 786 нижних чинов.

Главнейшими особенностями организации армии были следующие:

1) армия состояла из двух, резко отличавшихся по своим качествам, частей — действующей и резервной. И в то время, когда по своему мирному составу почти не отличалась от боевого, кадры резервных и запасных войск не могли служить гарантией их надлежащей и скорой формирования;

2) процент небоевого элемента был слишком велик, составляя 17 % общей численности;

3) обращает на себя внимание разнообразие в составе тактических единиц;

4) существование системы военных поселений не оправдало возлагавшихся на них надежд и чисто военные качества не привились к воинам-пахарям.

Комплектование армии нижними чинами производилось по рекрутскому уставу 1831 г., обязывавшему нести личную повинность только лицам податного сословия. Благодаря этому вся тяжесть военной службы ложилась на беднейшие классы населения, а общинный характер повинности представлял армии малопригодный контингент рекрутов.

Сроки действительной службы были установлены от 22 до 25 лет. Прослужившие беспорочно 15 лет увольнялись в бес-

срочный отпуск, во время которого они ежегодно собирались на один месяц в учебные сборы.

Что касается казачьего населения, то отбывание военной службы было обязательно для всех казаков и срок службы считался 30 лет, причем служба неслась с перерывами, в которые казаки увольнялись на льготу.

Комплектование армии унтер-офицерами благодаря большим срокам службы не встречало затруднений и производилось производством поступивших добровольно и по набору рядовых, а некоторая часть пополнялась из числа кантонистов и окончивших курс учебных частей.

Комплектование армии офицерами производилось при помощи:

- 1) выпуска из военно-учебных заведений;
- 2) производства добровольно поступивших на службу;
- 3) производства нижних чинов, поступивших по набору.

Офицеры первой категории составляли лишь $\frac{1}{3}$ часть потребного для армии количества офицеров, да и эта треть поступала исключительно на укомплектование гвардии и специальных войск. Главный же контингент офицеров армейской пехоты и кавалерии пополнялся производством из дворян и вольноопределяющихся. Незначительный экзамен для поступления юнкером в армию и дальнейшее производство в офицеры лишь за небольшую выслугу лет делали весьма легким достижение офицерского чина. Нижние чины, поступившие на службу по набору, должны были по прослужении 10—18 лет в звании унтер-офицера сдать особый экзамен при штабе дивизии и отбыть один год испытания по службе.

Вооружение пехоты и кавалерии состояло из гладкоствольного заряжавшегося с дула кремневого ударного ружья семилинейного калибра, дававшего возможность стрелять до 600 шагов. Стрелковые батальоны были вооружены Лютихскими штуцерами (7-лин.) нарезными, заряжавшимися с дула и позволявшими стрелять до 1200 шагов. Медленность заряжания, плохие баллистические качества и плохое состояние оружия делало его малопригодным для употребления в бою.

Полевая артиллерия была вооружена медными, гладкоствольными, с дула заряжавшимися 6- и 12-фунтовыми пушками и $\frac{1}{4}$ и $\frac{1}{2}$ -пудовыми единорогами, укороченными пушками, приспособленными для стрельбы разрывными снарядами и для стрельбы навесной. Снарядами полевой артиллерии являлись картечь, ядра, картечные и обыкновенные (пустотелые) гранаты. Предельной дальностью при 15 % попадания считалось 500—600 сажен для гранаты и 200—300 сажен для картечного выстрела при 21 % попадания. При таких свойствах огонь этого рода войск не мог служить могущественным средством для подготовки атаки, но, однако, артиллерия наша, «по меткости своей стрельбы и по спокойствию прислуги, оказалась намного выше неприятельской».

В состав осадной артиллерии входили 24-, 18-фунтовые пушки, пудовые единороги, $\frac{1}{2}$ -, 2- и 5-пудовые мортиры. Снарядами для пушек служили сплошные ядра, единорогам — гранаты, мортирам — бомбы.

Для обороны крепостей употреблялись все орудия как новейших, так и старых образцов, входившие в состав осадной и полевой артиллерии, и, кроме того, 36-фунтовые и 3-пудовые бомбовые пушки. Почти все эти орудия были чугунные, гладкоствольные, с дула заряжающиеся.

В Севастополе, преимущественно для сильного картечного огня, употреблялись во время Восточной войны еще каронады, т. е. 12-, 18-, 36- и 68-фунтовые пушки, применявшиеся также и для навесной стрельбы. Холодным оружием пехоты служил тесак, в коннице — сабля, а у улан, 9-х и 10-х эскадронов драгун, кирасир и казаков — и пики; кавказские казаки вместо пик имели кинжалы.

В обмундировании войск того времени совершенно забывалось главное назначение одежды для солдата: дать ему укрытие от непогоды, сохранить его силы и здоровье и дать возможность удобно передвигаться и удобно действовать оружием.

Ни одному из этих условий обмундирование наших войск не удовлетворяло. В формах одежды преследовалась только одна цель — грозный вид всего строя и воинственный и красивый вид каждого воина, взятого в отдельности. Поэто-

му войска наряжали в предметы, крайне неудобные, и по большей части не только бесполезные во время войны, но даже и вредные; материалы для обмундирования по большей части были малоудовлетворительные.

Головные уборы у большей части войск состояли из касок черной лакированной кожи, с двумя козырьками, подбородной чешуей, большим гербом и многими медными украшениями. Этот головной убор был настолько стеснителен, что в начале войны разрешено было на походе их бросить и ограничиться только фуражками, которые предназначались в обыкновенное время для домашнего обихода.

Общая же тяжесть всего носимого пехотным солдатом доходила до 77 фунтов, что в значительной степени превышало вес носимого солдатами иностранных армий.

Для продовольствия нижних чинов отпускались ржаная мука или печеный хлеб (3 фунта в день), гречневая крупа ($\frac{1}{4}$ фунта в день) и мясо (7 фунтов в месяц), соль и винные порции.

Фуражное довольствие было установлено в размере ежедневного отпуска на каждую строевую и артиллерийскую лошадь от 4 до 3 гарнцев овса, от 15 до 10 фунтов сена и от 3 до 2 фунтов соломы.

Все виды довольствия войска получали из двух различных ведомств: провиантского, которое снабжало их провиантом и фуражом, и комиссариатского, снабжавшего войска деньгами, вещами, а также ведавшего хозяйственной частью военно-врачебных заведений и ремонтированием лошадей.

Войсковое хозяйство фактически всецело находилось в руках командиров частей, ближайшими помощниками которых являлись казначей и квартирмейстер. Единственные ответчики за продовольствие и состояние имущества своей части, командиры полков являлись как бы комиссионерами, обязанными содержать вверенный их управлению полк за определенную, отпускаемую казной сумму. В каждой отдельной части войск имелаась масса своих мастерских, отвлекавших рабочих из строя, как-то: швальня, сапожня, оружейная, слесарная, плотничья, столярная, басонная, лакировальная, кузнечная, а в гвардии и султанная.

В военное время войска продовольствовались при помощи запасов, сосредоточенных в магазинах внутри страны и на базисе, а также при помощи войсковых запасов и средств самого театра войны. Наши войска выступали в поход, имея при себе провиант на 10 дней (на 4 дня — в ранцах и на 6 дней — в полковых провиантских телегах) и в подвижном магазине на 20 дней. Зерновым фуражом кавалерия была обеспечена на 3—4 дня, а артиллерия и обозы — на 6 и более дней. При передвижениях вблизи и вдали от неприятеля войска расходовали свой 10-дневный запас, пополняя его немедленно из местных или подвижных магазинов, а в крайнем случае — реквизициями. Ранцевый же запас позволялось расходовать лишь в исключительных случаях.

Хлебопечение в военное время производилось частью самими войсками в полевых печах, частью же обывателями.

Войсковой обоз подразделялся на комиссариатский (аптечный выюк, патроны, провиант и прочее хозяйственное имущество), артиллерийский и инженерный. Почти весь обоз имел простую оглобельную упряжку, что составляло один из главных его недостатков.

Лечение воинских чинов в мирное время производилось в военных госпиталях, полковых лазаретах и, за неимением их, в «городских» больницах. К 1 января 1853 г. состояло всего 183 госпиталя и их отделений с 1095 офицерскими и 40 662 для нижних чинов местами. Это число не удовлетворяло общей потребности нашей армии и до 85 тысяч человек ежегодно должны были пользоваться в больницах гражданского ведомства.

При выступлении в поход войска, кроме лазаретов, по положению имели перевязочные припасы на себе, каждый третий солдат: бинт в 4 аршина, компресс в 1 аршин и корпии 12 золотников.

Комплектование войск врачами производилось выпуском из Медико-хирургической академии и из медицинских факультетов университетов. Фельдшера и фармацевты выпускались из фельдшерских школ, состоявших при некоторых госпиталях и комплектовавшихся кантонистами.

Что касается до болезненности в войсках того времени, то за десятилетие с 1841 по 1852 г. средним числом на

1 тысячу человек приходилось в год около 692 заболеваний и 38 умерших, которые таким образом составляли 3,8 % всего наличного состава войск.

Такая смертность превышала почти вдвое смертность в других европейских армиях и втрое — таковую же среди населения России соответствующих возрастов.

Обращаемся теперь к рассмотрению в общих чертах тактического устройства войск.

П е х о т а . Рота в строевом отношении разделялась на 2 взвода, а каждый взвод — на 2 полувзвода.

Боевыми строями роты и батальона были развернутый трехшереножный строй, предназначавшийся главным образом «для частой и сильной пальбы», колонны, каре и рассыпной строй. Колонны полувзводные, взводные и дивизионные применялись во всех случаях расположения на месте, при маневрировании и атаке. Главнейшим недостатком этих построений являлась глубина колонн, особенно увеличивавшаяся от построения людей в 3 шеренги.

Рассыпной строй употреблялся исключительно для стрельбы и состоял из цепи застрельщиков (28 стрелков в роте) и ее резервов. Когда же число застрельщиков по условиям боя оказывалось недостаточным, то 3 роты батальона становились в 1-ю линию и высылали от себя необходимое число стрелков, а гренадерская рота располагалась в 100—150 шагах в резерве. В цепи люди располагались попарно (чтобы иметь одно из двух ружей всегда заряженным) и подчинялись тактическим условиям, во многом удовлетворяющим современным взглядам на это дело. К сожалению, только рассыпной строй играл в бою второстепенную, вспомогательную роль.

Боевой порядок нескольких батальонов пехоты состоял из двух боевых линий и резерва. Интервалы и дистанции в батальонах 1-й и 2-й линий, построенных в колоннах к атаке (12 шеренг), были 100—300 шагов. Колонна резерва располагалась в 3-й линии на дистанции 400—500 шагов.

Боевые действия пехоты состояли из наступления и обороны. При наступлении боевой порядок строился в таком рассто-

янии от неприятеля, чтобы последний не мог напасть на выстраивающиеся войска раньше, чем они займут свои места.

Первая линия обычно, строясь «в колоннах к атаке», высылала на 200 шагов вперед застрельщиков; когда боевой порядок придвигался к неприятелю на 250—300 шагов, застрельщики открывали огонь с целью расстроить, «до некоторой степени», сомкнутые части противника и тем подготовить атаку нашим колоннам, причем, если первая наша линия расстраивалась, она сменялась второй, а вторая — резервом.

Этот порядок лишал войска, введенные в дело и надеющиеся на смену, необходимой энергии и узаконивал преступную, с военной точки зрения, систему введения войск в бой по частям.

При обороне развернутая 1-я линия встречала неприятеля огнем, и если огонь не задерживал наступления противника, то 2-я линия проходила сквозь 1-ю и встречала атаку атакой; 1-я же свертывалась в колонны к атаке.

Столь сложное перестроение являлось рискованным, особенно в случае возможного замешательства. Атака конницы отбивалась из каре, располагавшихся в шахматном порядке. За 40—50 шагов открывался батальонный огонь или огонь залпами, после чего брали на руку.

К а в а л е р и я. Строи кавалерии состояли из развернутого, для производства атак; колонн — для маневрирования на поле сражения; походных движений; рассыпного — когда требовалось достигнуть не столько силы удара, сколько быстроты нападения; строя для фланкирования.

Спешивание легкой кавалерии применялось очень редко. Для этой цели употреблялись преимущественно драгуны, выделявшие из 10-эскадронного полка 8-взводный батальон.

А р т и л л е р и я. Резких особенностей от нынешнего устава в строевых порядках не было. Огонь полагалось открывать с расстояний верного выстрела с 400—500 сажен и только по густым колоннам допускалась стрельба с 600 сажен.

Большим недостатком артиллерии, усложнявшим вопрос снабжения снарядами, являлось разнообразие калибров в составе батарей, имевших и пушки и единороги.

Для совокупных действий различных родов оружия были установлены так называемые нормальные боевые порядки пехотных и кавалерийских дивизий с их артиллерией, точно устанавливавшие расположение частей, интервалы и дистанции.

Боевых порядков для пехоты существовало четыре, а один назывался резервным. Все они состояли из различного сочетания батальонов в двух боевых линиях и резерве. Артиллерия располагалась равномерно по линии и несколько впереди ее, прикрытая цепью застрельщиков.

При наступлении боевой порядок продвигался к неприятелю на 400—500 сажен, и здесь начиналось артиллерийское состязание. Это время служило для производства рекогносцировки противника и окончательного видоизменения боевого порядка в зависимости от собранных сведений. Подойти затем к противнику на 300—350 сажен, боевой порядок вновь приостанавливался для производства атаки огнем, а застрельщики завязывали бой. Сопровождая наступающую пехоту, артиллерия также двигалась до картечного выстрела (400—500 шаг.), откуда покровительствовала пехотной атаке. При производстве последней требовалось самое точное соблюдение интервалов, дистанций и равнения.

Движение производилось ускоренным шагом без стрельбы, за 20—30 шагов люди бросались атаку. Вторая линия безостановочно следовала за первой, готовая поддержать или сменить ее. В случае успеха батареи выезжали вперед и открывали огонь по отступающему.

Вообще отличительными чертами нашей тактики того времени были: стремление к действиям большими массами, взгляд на рассыпной строй как на средство вспомогательное, твердость форм боевых порядков, малая их гибкость и применяемость к местности, большая приверженность к точным цифровым данным, малая подготовка атаки огнем и пренебрежение к мерам, уменьшающим потери от огня. Способ действий, требующий стройности движений, требовал и совершенно ровных мест; на местности же пересеченной эти порядки были неприменимы, а другие тактические формы не были предусмотрены уставом.

Общий характер обучения сводится исключительно к выработке из солдат и офицеров составных единиц тех масс войск, которые предполагалось двигать на полях сражений. Все внимание обращалось на обучение действиям в сомкнутом строю, и в этом отношении наша армия доходила до совершенства.

Уставы, изучение которых составляло всю премудрость военного дела, были слишком сложны и объемисты в той своей части, которая была наполнена техническими мелочами и лишь незначительная их часть относилась собственно к боевой стороне дела.

Обучение рекрут лежало исключительно на нижних чинах, учивших их тому, что нужно было для смотра, и потому употребляли все силы солдата на уразумение премудрости тихого учебного шага в три приема, стойки и щегольских ружейных приемов.

Упражнения войск в полевой службе своевременно не производились, хотя этот отдел обучения входил в уставы и требовался как государем, так и наследником. И офицеры и нижние чины терпеть не могли этих занятий, на которые смотрели как на источник излишних мучений, так как они не подлежали проверке на смотрах. Что касается обучения стрельбе, то этот важный отдел военного ремесла как бы совершенно находился в загоне и вызывал больше, чем какой-либо другой отдел, нареканий современников.

На стрельбу смотрели как на излишнее, никому не нужное бремя, и даже производимые ежедневно государем смотры не помогали делу. Отлично было поставлено дело стрельбы лишь в штуцерных и стрелковых батальонах, где стрельбе отводилось должное место. Бою на штыках полагалось обучать во всей армии только застрельщиков.

В одиночном образовании кавалериста, как это ни странно, важную роль играли: пешая выправка, ружейные приемы и маршировка. На обучение людей езде имела большое влияние заботливость эскадронных командиров о лошадях. При обучении эскадронов, полков и более крупных частей все внимание было обращено на стройность движения масс, чистоту уставных построений и церемониальный марш.

В артиллерии и инженерных войсках также много внимания было обращено на стройность движений и церемониальный марш, и лишь хороший состав офицеров сделал то, что эти войска во время Крымской войны стояли на высоте современных требований.

С целью обучения офицеров государь принимал меры к широкому развитию учений с обозначенным противником, маневров, военной игры и бесед по тактике строевых офицеров с офицерами генерального штаба. Но, падая на неподготовленную почву, занятия эти пользы никакой не приносили. Особенно ничтожны были военные познания у высших строевых начальников, заботившихся лишь о хорошем шаге и равнении.

**Подготовка к войне.
Дунайский театр военных действий.
Начало войны. Ольтеницкий бой.
Бой при Четати**

Энергичное дипломатическое воздействие на Турцию, при наличии в ней сильной борьбы влияний между морскими (Англия и Франция) и континентальными (Россия и Австрия) державами, вызвало необходимость поддержать это воздействие и боевой готовностью, на случай неудачи миссии князя Меншикова.

Первые военные распоряжения государя о сборе резервных и запасных частей для приведения в боевую готовность одного корпуса относятся еще к концу 1852 г.

Широкий, правильный военный взгляд государя в отношении самого характера действий выказался в собственной записке Николая Павловича по этому вопросу:

«Быстрые приготовления, возможная тайна и решительность в действиях необходимы для успеха», — заключал император свои соображения. Обращаясь к средствам выполнения поставленной цели, государь полагал, что «сильная экспедиция с помощью флота в Босфор и Царьград может все решить очень скоро».

Однако изложенный выше план не встретил сочувствия и поддержки со стороны князя Меншикова; начинаются постепенные уклонения Николая Павловича от своего первоначального плана, постепенные уступки государя мнению своих доверенных советников. Здравый военный взгляд императора Николая ясно сознавал искусственность той обстановки, в которую приближенные к нему лица мало-помалу старались облечь военные операции, и которая, в конце концов, вылилась в форму бесцветного, почти годового сидения в княжествах, энергично поддерживаемого инициатором его светлейшим князем Варшавским, и давшего созреть пагубной для нас Крымской экспедиции союзников.

Окончательный план операций, выработанный государем совместно с князем Варшавским, разделял военные действия на три эпохи.

Первая заключалась в занятии «в залог» Придунайских княжеств, на случай непринятия турками нашего ультиматума. «В этом положении, — писал государь, — держа войска в здоровых лагерях, имея по Дунаю только наблюдательные казачьи посты и в избранном месте резерв или авангард, — будем ждать, какое впечатление занятие сие произведет на турок».

Вторая эпоха наступает тогда, когда и после занятий княжеств Турция будет продолжать упорствовать. Она должна была выразиться в блокаде Босфора, в разрешении, может быть, брать нашим крейсерам турецкие суда, в предложении Австрии занять Герцеговину и Сербию и в объявлении туркам, что, в случае их упорства, государь объявит независимость княжеств и Сербии.

И, наконец, третья эпоха заключалась в приведении вышеназванных угроз в исполнение, чтобы признанием независимости княжеств положить начало разрушению Оттоманской империи.

16 мая 1853 г. высочайше повелено было войскам сосредоточиться на исходных для занятия княжеств пунктах, не переступая, однако, границы. Третий корпус в то же время должен был пододвинуться к предстоящему театру военных действий на смену 4-му корпусу, предназначенному вместе

с частями 15-й пехотной и 5-й легкой кавалерийской дивизий для занятия княжеств.

Первые приготовления турок, или, вернее, их будущих союзников, к войне с Россией относятся к 1849 г.

Составленный тогда французским послом в Константинополе генералом Опи́к план военных операций на случай наступательной против турок войны со стороны Придунайских княжеств и лег в основу действий турецкого главнокомандующего осенью 1853 — весной 1854 г. Предполагалось усилить фортификационными сооружениями обороноспособность Балкан, сформировать под их прикрытием солидные резервы, учредить в Адрианополе главный складочный пункт армии; оставить в Константинополе минимальный гарнизон (очевидный расчет на флоты союзных иностранных держав) и задерживать сколько возможно наши войска на Дунае. Кроме того, предполагалось упорно оборонять Силистрию, после взятия которой одна часть турецкой армии должна отойти на Шумлу, к тому времени усиленную, а другая — к Балканским дефиле, которые и защищать с имеющей намерение подойти туда резервной армией. В случае же прорыва русских через Балканы борьба должна была свестись «к отчаянной храбрости безнадежной защиты». Ограничивавшийся строгой обороной на Европейском театре, турецкий план предусматривал наступательные действия в Азии.

В половине октября 1853 г. число турецких войск, предназначенных против нас, доходило до 143 тысяч человек.

Во главе турецкой армии был поставлен Омер-паша, беглый австриец, кроат по происхождению. Таланты его как полководца во многом уступали его талантам как организатора, сделавшего турецкую армию неузнаваемой, и, действуя против русских, Омер-паша выказал в большой степени осторожность и нерешительность.

К открытию кампании около половины всех турецких войск находилось в четырехугольнике крепостей: Рушук, Силистрия, Варна и Шумла, составляя главные силы и центр армии; на крайнем левом фланге сильнее других был Виддинский отряд — 30 тысяч, правый же фланг, главным образом, охранялся 20-тысячным отрядом, расположенным у Исакии.

Такое распределение сил объясняется, отчасти, желанием заставить русских растянуть свои войска и прикрыть переправу на правом фланге границы.

В конце сентября 1853 г. стратегическое расположение турецкой армии закончилось.

С этим же временем совпадает и переход турок к открытым враждебным против нас действиям.

Еще ранее, нежели выяснился неудачный исход миссии князя Меншикова, государь счел необходимым принять ряд мер по приведению армии на военное положение с тем, чтобы в случае надобности иметь полную возможность поддерживать силой оружия справедливые требования. 4-й и 5-й корпуса были поспешно укомплектованы бессрочно отпускными; 13-й дивизии в Севастополе было приказано изготовиться к отплытию в Закавказье; конница должна была присоединиться к своим корпусам и т.д.

Когда же безуспешность переговоров князя Меншикова сказалась, император Николай 14 июня 1853 г. повелел занять войсками Дунайские княжества.

Для этой цели были назначены 4-й и 5-й корпуса и Дунайская флотилия контр-адмирала Мессера. Общее начальство над этими войсками поручалось генерал-адъютанту князю Михаилу Дмитриевичу Горчакову.

21 июня авангард армии под начальством графа Анреп-Эльмпта переправился через Брут у Леово и через Фальчи, Текуч, Фокшаны двинулся к Бухаресту, отделив наблюдательный отряд к Слободзее.

Театром предстоявших военных действий в Европейской Турции являлись княжества Молдавия и Валахия. Значительная часть первой покрыта второстепенными горными хребтами; реки к востоку от Серета текут в болотистых долинах и имеют негодную для питья воду; по правую же сторону р. Серета горная сторона придает и рекам характер горных потоков.

Прикрытая с севера Карпатами, гористая (более на западе) Валахия была с запада от Сербии и юго-востока от Болгарии отделена р. Дунаем, на берегах которого и совершались важнейшие события кампании 1854 г.

Почва плодородна, особенно в Валахии, лесов мало.

В отношении путей сообщения княжества имели мало дорог шоссейных, но зато многочисленные грунтовые дороги были вполне удобны для движения.

Река Дунай прикрывает границы Валахии от Орсовы до Галаца на протяжении 700 верст, образуя также удобный судоходный путь.

На пространстве от Ольты до Калараша, против Силистрии, левый берег состоит из болотистых плавней и большей частью непроходим. У Силистрии ширина Дуная имеет 360 сажен, но течение здесь весьма быстро, у с. Гура-Яломице, где берега Дуная сильно понижались, ширина доходила лишь до 350 сажен.

Левый берег Дуная весьма мало доступен и неудобен для устройства переправы, а где переправа и была возможна — там стояли крепости Виддин, Рахова, Никополь, Рущук, Силистрия и укрепленные города Систово, Туртукай, Гирсово, Мачин, Исакча, Тульча. Словом, Дунай представлял для турок превосходную оборонительную линию.

В сентябре 1853 г. наши войска расположились в окрестностях Бухареста и считали в своих рядах 55 тысяч человек.

Охранение квартирного района было возложено на авангард графа Анрепа, сборным пунктом которого являлся лагерь на р. Аржисе, между селениями Колибаш и Гостинари. Кроме того, у Обилешти стоял отдельный конный наблюдательный отряд генерала Богушевского.

15 сентября князь Горчаков составил «передовой отдел войск», порученный генералу Данненбергу. Авангард этих войск, которым поручилось охранение Дуная от реки Веде до монастыря Карницели, стал у Одая.

Для общего охранения войск со стороны Малой Валахии у Руссе-де-Веде был расположен правый отряд генерала Фишбаха, в составе 7 батальонов, 2 полков конницы, 2 пеших и конной батареей и одного полка и 3 сотен казаков. С подобной же целью у Будешти был поставлен левый отряд генерала Павлова, приблизительно такой же силы, как и правый. Кроме того, на Нижнем Дунае стоял отряд генерала Лидерса,

состоявший из частей 15-й дивизии и расположенный у Рени, Измаила и Килии.

27 сентября Омер-паша в письме на имя князя Горчакова предложил очистить в 15-дневный срок княжества, в противном случае грозя открытием военных действий. Князь Горчаков ответил, что вести переговоры он не уполномочен.

Опасение перехода турками Дуная большими силами привело князя Горчакова к решению образовать в Слободзее отряд графа Анрепа, силой в 6 батальонов, 10 эскадронов, 6 сотен и 12 пехотных орудий. Этот отряд, совместно с войсками генерала Энгельгардта, расположенными у Браилова, в достаточной степени обеспечивал армию князя Горчакова со стороны Силистрии и, главное, Гирсова, но зато облегчал туркам переправу у Ольтеницы, так как в состав отряда графа Анрепа была взята почти вся пехота отряда генерала Павлова.

Заняв почти одновременно с действиями в Малой Валахии острова у Силистрии и Туртукая и приступив к их укреплению, турки 20 октября открыли враждебные действия и против Журжи; однако попытка их ничем не кончилась, так как наш гарнизон Журжи, лежащей против Рущука и на пути к Бухаресту, был увеличен, а остров распоряжением генерала Соймонова усилен расположением батарей и редутов.

Одновременно с наступательными попытками против левого фланга и центра у Гирсова и Журжи и против правого фланга у Калафата турки перешли к активным действиям и в ближайшем от Бухареста пункте, около Ольтеницы, что и привело к бою здесь 23 октября.

Решительно начатое дело, несмотря на большие потери, причиняемые густым строем наших войск огнем превосходных турецких сил, готовилось закончиться атакой. Поддержанные артиллерией генерала Сикстеля, постепенно переезжавшей на 100, 300 и 250 сажень от неприятеля, наши батальоны стройно приближались к неприятельским укреплениям и, не глядя на громадные потери в рядах и большую убыль среди начальников, чувствовалось, что 6 батальонов селенгинцев и якутцев имеют еще достаточно мощи, чтобы через несколько мгновений быть на валах турецких укреплений.

В это время, однако, было получено приказание корпусного командира генерала Данненберга начать отступление.

Неохотно, но с полным спокойствием повернули наши батальоны назад и отошли за вязкие низины. А турки, убедившись в нашем отступлении, выдвинули из укреплений свою конницу, которая, однако, после первого нашего удачного ядра ускакала обратно. Подобрав раненых и убитых, отряд генерала Данненберга грустно подвигался к Ольтенице, недосчитывая в своих рядах 980 храбрых товарищей. Потери турок в точности неизвестны.

Таковы были печальные результаты первого значительного дела на Дунае, которые явились следствием всех предшествовавших распоряжений, колебаний и противоречий главнокомандующего с одной стороны, а с другой — полной нераспорядительности в бою генерала Данненберга; отсутствие разведки подступов, неправильная оценка неприятельской позиции и сил, направление главной атаки в лоб, вместо того, чтобы ее вести на важный в стратегическом отношении левый фланг; наконец, руководство боем с далекого тыла и, как следствие этого, приказание отступать, когда обстановка давала полное вероятие успеха.

Между тем у Журжи, против Рушука, все попытки турок переправиться разбивались об энергию и храбрость генерала Соймонова.

С начала ноября до конца 1853 г. на всем протяжении Среднего и Нижнего Дуная происходили только редкие незначительные попытки турок делать поиски на наш берег, всегда оканчивавшиеся для них неудачно.

Наша Дунайская армия приняла к этому времени следующее расположение: главные силы, в составе 31 батальона, 7 эскадронов и 92 орудий, были сосредоточены у Бухареста, а остальные войска разбросаны по Дунаю, начиная от его устья в следующих группах: 15 $\frac{3}{4}$ батальона и 16 орудий у Килии, Сатунова и Измаила; 11 батальонов, 8 эскадронов и 36 орудий между Рени и Браиловым; отряд графа Анрепа, 4 батальона, 10 эскадронов и 12 орудий, между Каларашем и Слободзеей; генерал Павлов с 4 батальонами, 8 эскадронами и 16 орудиями против Туртукая; генерал Соймонов с 7 батальонами,

8 эскадронами и 32 орудиями у Журжи; между Систовым и Никополем 8 эскадрилий, 9 отрядов и 4 конных орудия и, наконец, Мало-Валахский отряд генерала Фишбаха, силой в 8 батальонов, 16 эскадронов, 6 сотен и 32 орудия, у Крайово.

Между тем армия наша томилась в ожидании возможности сойтись, наконец, грудь с грудью с врагом, в бесполезных поисках за которым она влекла в течение многих месяцев трудную жизнь.

После этого турки сосредоточили в Калафате до 20—25 тысяч человек при 52 орудиях, обнесли этот пункт двумя линиями весьма солидных укреплений и, опираясь на них, занимались сосредоточением в укрепленный лагерь запасов из окрестных деревень и, главным образом, революционированием местного населения. Все возрастающее влияние их на местных жителей заставило генерала Фишбаха принять при помощи летучих отрядов ряд мер по стеснению круга деятельности турок и ограничению своза продовольствия.

Опасение возможности серьезных здесь столкновений привело князя Горчакова к решению назначить начальником Мало-Валахского отряда графа Анреп-Эльмпта, пользовавшегося славой энергичного начальника. Граф Анреп 8 ноября прибыл в Крайово, а вслед за ним на усиление Мало-Валахского отряда была двинута из-под Бухареста в Крайово 12-я пехотная дивизия. Передвижения частей Мало-Валахского отряда, производившиеся с целью либо усмирения восставших деревень, либо для отогнания неприятельской конницы, набеги коей становились все смелее, свелись в результате к тому, что к 19 декабря он занял следующее расположение: генерал Бельгард с батальоном Тобольского полка, взводом гусар, 2 сотнями добровольцев и 2 орудиями стоял в селе Престав, полковник Баумгартен с таким же отрядом, но без добровольцев, — у села Четати, и главные силы графа Анрепа (3½ батальона, 2 эскадрона, 2 сотни и 20 орудий) — у Быйлешти, имея в 10 верстах за собой, в Черее, 10 эскадронов кавалерии. Очевидно, что такое расположение, при котором Бельгард отстоял от Баумгартена на 30 верст и этот последний от графа Анрепа на 25 верст, давало энергичному про-

тивнику, владеющему укрепленной позицией у Калафата, возможность разбить наши отряды по частям и, по крайней мере, заставить их принять неравный бой поодиночке.

Это и привело к славному, но совершенно бесцельному делу у с. Четати 19 декабря.

Несмотря на дело 19 декабря, растянутое расположение 7-тысячного отряда графа Анрепа оставалось в том же опасном положении.

Ахмет-паша решил этим воспользоваться и 24 декабря с заходом солнца вывел совершенно скрытно из Калафата отряд в 13 батальонов, 5 рот карабинер, 3 полка конницы и 28 орудий, всего силой около 15 тысяч человек, и сосредоточил их в Модловите. Оставив в последнем пункте 1 батальон, 1 эскадрон и 2 орудия, турки в 4 часа утра 25-го скрытно подошли к с. Четати.

Отряд полковника Баумгартена располагался, не приняв никаких мер предосторожности от внезапного нападения, и неприятель свалился ему как снег на голову.

Селение Четати и смежная с ним деревня Фонтына-Банулуй лежат на гребне высот, составляющих левый берег долины Дуная, шириной в 600 сажен.

Высоты эти круто спускаются к реке и полого в противоположную сторону, кончаясь открытым степным пространством, которое тянется на с. Моцедей и Быйлешти. Обе деревни, Фонтына-Банулуй и Четати, были обнесены со стороны степи большим рвом с насыпью. К северу от Четати находилась позиция, где происходил бой 19 декабря.

На рассвете 25 декабря полковник Баумгартен получил известие о приближении значительных масс неприятельской кавалерии, быстро поднял свой отряд по тревоге и, видя присутствие многочисленной турецкой конницы, приготовился для встречи ее.

Однако две фронтальные атаки турок были отбиты и отхлынули в деревню Морени. Тогда турки решили нанести удар в охват нашего правого фланга, но и здесь не имели успеха.

Во время этого единоборства наши войска несли огромные потери от огня турецких штуцерных.

К 10 часам в резерве оставалось лишь две роты, из которых одна охраняла обоз. Необходимо было выиграть время, чтобы дать возможность подойти отрядам генерала Бельгарда и графа Анрепа. Достигнуть этого можно было только, заняв соответствующую силам отряда внутреннюю позицию на валах, что и было в полном порядке исполнено отрядом Баумгартена.

Теперь для встречи противника с фронта у нас имелось три роты, а для встречи его с востока и запада, на длинных фасах Четати, по две роты.

Под прикрытием этих рот остальные части продолжали отходить назад на позицию к северу от Четати; наконец, с трудом отбившиеся от турок 3-й и 1-й батальоны с полковым обозом стали подходить к северной опушке Четати, прикрываясь от теснивших с юга турок 4-м батальоном.

Но здесь истомленную трехчасовым боем горку храбрецов ожидало новое испытание.

Турецкая кавалерия обскакала деревню и заняла уже ту позицию, на которую стремился отряд Баумгартена.

На высоте стояло 6 конных орудий, из которых два открыли по нашей пехоте огонь.

Выставив у выхода из селения 4 орудия, Баумгартен собрал роты 3-го батальона и, лично двинувшись с ними против неприятельской конницы, не только обратил турок в бегство, но и взял с боя 2 орудия, а тем временем сюда подошли и прочие два батальона.

Не успели еще наши войска расположиться на позиции, как турецкая конница бросилась отбивать потерянные орудия; попытки эти окончились полной неудачей, но в это время был ранен полковник Баумгартен. Между тем противник возобновил свои атаки и с других сторон. Более часа обстреливал он наше расположение огнем 14 орудий, после чего двинул в атаку свою пехоту. Но трижды повторенный против правого нашего фланга удар не имел успеха, как и атака конницы на наше левое крыло.

Было около 12 часов. Упорный и кровопролитный бой длился уже около четырех часов, патроны подходили к концу, прислуга орудий была почти вся перебита. Чтобы окон-

чательно сломить сопротивление тобольцев, турки решили повести последнюю атаку уже на фронт нашей позиции, т. е. со стороны самой деревни Четати. Эта фронтальная атака должна была быть поддержана атакой с обоих флангов. Все было готово для нанесения этого решительного удара и неизвестно, удалось ли бы храбрецам отразить его... Но в эту минуту турки остановились и начали постепенно оттягивать свои войска назад.

Остатки тобольцев были спасены... Вдали раздался гул оружейных выстрелов.

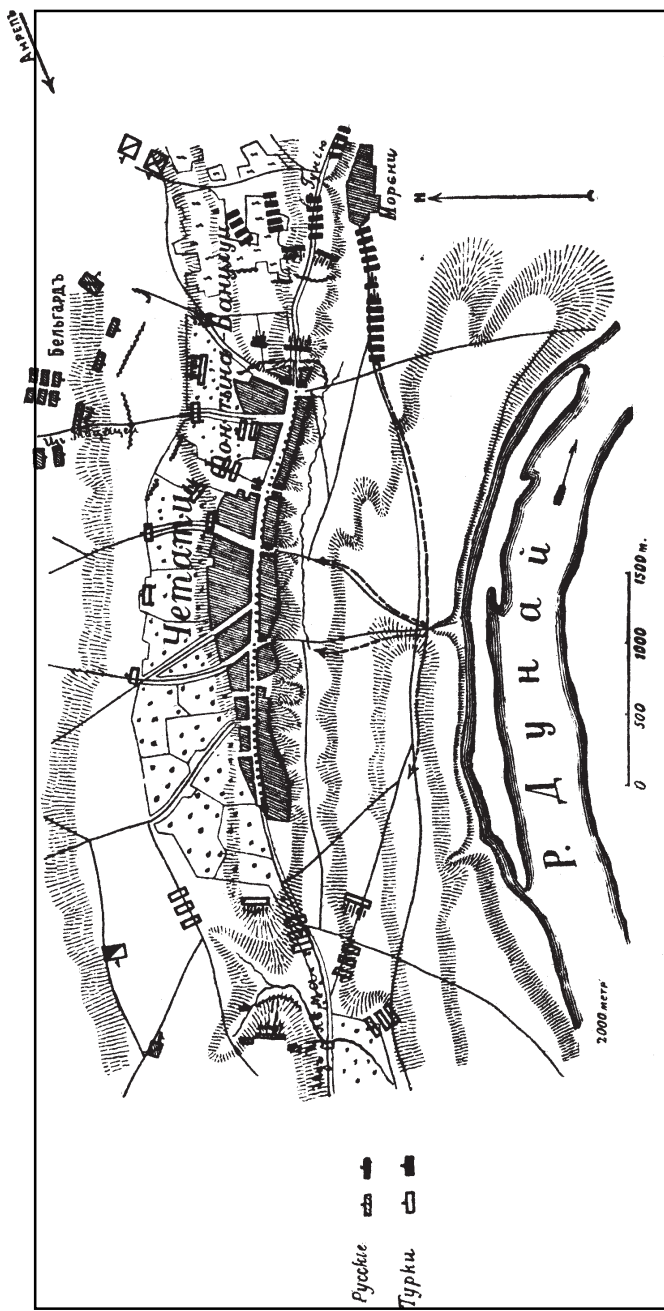
В 11-м часу 26-го, отеснив турецкие пикеты, одесцы почти бегом подошли к Фонтына-Баулуй, восточнее которого, около шанцев, турки спешно выстраивали боевой порядок. Около полудня началась сильнейшая канонада между отрядом Ахмет-паши, занимавшего позицию фронтом к д.Моцецей за рвами и насыпью, и войсками генерала Бельгарда, развернувшего обе свои колонны с большим между ними промежутком.

В густых строях, неся большие потери, правая колонна двинулась против турок, открывших сильный огонь картечью с фронта и с фланга. Стремительным натиском турки были выбиты из рвов, но ввиду потерь среди начальников и контратаки свежих турецких войск с фронта и с фланга конницей, хотя и отбитой, оставшиеся без руководства и поддержки роты потеряли силы и начали постепенно отходить.

Одновременно 1-й и 2-й батальоны одесцев с генералом Бельгардом во главе, после подготовки атаки артиллерийским огнем, атаковали центр неприятельской позиции.

Поражаемые с фронта штуцерным огнем, а с фланга картечью, одесцы скоро потеряли убитыми обоим батальонных командиров, приостановились и уже огнем отбили атаку турецкой конницы. В свою очередь наша конница атаковала неприятельскую батарею и заставила ее сняться с позиции.

Между тем довершить удар было нечем, так как весь резерв был израсходован; решение отойти уже назрело, и генерал Бельгард отвел свой отряд из сферы турецкого огня, отразив попытку турок его преследовать. Спустя немного

Бой при Чегати 25 декабря 1853 г.

турки получили сведения о движении графа Анрепа и оперативно отошли на Голенцы-Команы и Гунию.

Граф Анреп, слыша с 8 часов канонаду, оставался спокойно в Быйлешти и Черее и лишь в полдень, получив от генерала Бельгарда донесение, что под Четати с утра идет сильный бой, спустя два часа после этого двинулся на вырчку, но, дойдя до с. Скрипетуль, отряд его остановился, предоставив туркам полную возможность отступить спокойно; здесь граф Анреп возвратился в Быйлешти, приказав отрядам Бельгарда и Баумгартена соединиться в Четати.

Дорого стоил нам этот кровопролитный бой: 22 офицера и 813 нижних чинов были убиты и 1 генерал, 32 офицера и 1161 нижний чин выбыли из строя ранеными. По донесению князя Горчакова потери турок доходили до 3 тысяч человек.

Результатом Четатинского дела явилось решение князя Горчакова обложить Калафат и тем преградить туркам доступ в Малую Валахию. Прибыв в Быйлешти лично, главнокомандующий сделал на месте необходимые распоряжения, после чего Валахский отряд, усиленный втрое и порученный теперь генералу Липранди, занял к 17 января 1854 г. следующее расположение: 12 батальонов, 20 эскадронов и сотен и 66 орудий (генерал Липранди) стали у с. Модловиты и Гунии и 8 батальонов, 10 эскадронов и сотен и 28 орудий (генерал Бельгард) у с. Пояны. В конце января и в феврале конница генерала Липранди предприняла ряд поисков, из которых наиболее удачным был набег на занятое неприятелем с. Чепурени.

У Журжи по-прежнему генерал Соймонов с успехом парализовал все поползновения турок к переходу через Дунай.

Для того чтобы лишить неприятеля возможности переправиться через Дунай, нами решено было уничтожить турецкую флотилию. Это дело было возложено на энергичного и талантливое инженера — генерал-адъютанта Шильдера.

Найдя турецкие суда собранными в устье реки Лом и готовыми к отплытию, генерал Шильдер в ночь с 26-го на 27-е и с 27 на 28 января построил две батареи ниже и выше места расположения флотилии и занял пехотой и артиллерией остров Радоман, откуда с рассветом 28-го орудия открыли

огонь. Нанеся существенные потери судам, наши войска вернулись с острова.

В ночь с 29-го на 30-е нами было сооружено еще несколько батарей, которые в течение 5 дней обстреливали Рушукскую флотилию, приведенную, в конце концов, почти в полную негодность. Успех наш был тем более ценен, что в то время, когда с нашей стороны действовало самое большее 7 полых орудий, правда, весьма искусно расположенных, турки имели в своем распоряжении 92 крепостные пушки.

Из числа турецких судов 6 больших сели на мель, семь затоплены, 21 судно разбито и т.п. Наши потери в людях составили 1 офицер раненым, 2 нижних чина убитыми и 14 ранеными. В половине февраля генерал Хрулев зажег калеными ядрами флотилию турок у Систова и Никополя, после чего приступил к подобной же операции у Силистрии.

Работая по ночам, генерал Хрулев возвел к 20 февраля ряд батарей, которые турки решили было срыть, однако их попытки окончились полной неудачей.

В ночь на 21-е наши батареи были исправлены и с утра открыли огонь по городу.

27 февраля генералом Хрулевым были построены батареи для обстрела острова Большого Кичу, а 28-го было предпринято и само наступление в целях очищения острова, не имевшее, однако, успеха ввиду исчезновения ранее существовавшего брода.

На Нижнем Дунае между тем шли деятельные приготовления к переправе. Находившиеся там под начальством генерал-адъютанта Лидерса 25-тысячные войска еще с ноября 1853 г. располагались следующим образом: 1) у Браилова стояло 6200 человек при 14 орудиях; 2) у Галаца — 2800 человек при 6 орудиях; 3) у Рени — 5200 человек и 16 орудий; 4) у Сатунова — до 3500 человек с 8 орудиями и 5) у Измаила — до 7 тысяч человек с 8 орудиями.

Желая ознакомиться с местностью, предназначавшейся для переправы, генерал Лидерс произвел в течение зимы ряд рекогносцировок.

8 декабря турки произвели попытку вытеснить оставленный нами на острове Бындое небольшой отряд, но успеха не имели.

Отказавшись затем временно от покушений против наших войск, турки принялись за постройку батарей на правом берегу Дуная.

В конце января войска 5-го пехотного корпуса были смещены 7-й пехотной дивизией под начальством генерал-лейтенанта Ушакова, а на генерала Лидерса, передвинутого в Восточную Валахию, было возложено охранение пространства вверх по Дунаю до Бордушан включительно и по реке Яломнице до Сарацены.

Сообразно этому, генерал Лидерс расположил свои войска у Галаца, Браилова, Слободзеи и в окрестностях. Имея целью уничтожить турецкие работы по охранению входа в Мачинский рукав, генерал Лидерс построил новую сильную батарею на острове Бындое, открывшую 11 февраля огонь и заставившую замолчать отвечавшую вначале турецкую артиллерию. 18 февраля генерал Лидерс перевел необходимую для будущей переправы часть флотилии в Браилов введя турок в заблуждение демонстрацией.

К началу марта приготовления к устройству переправы генералом Лидерсом были закончены и предстояло только перейти к выполнению самой операции.

Переправа через Дунай. Опасения князя Паскевича.

Осада Силистрии; снятие осады.

Отступление армии князя Горчакова к русской границе

Между тем государь, озабоченный положением нашей Дунайской армии, вел со своими приближенными обширную переписку относительно плана кампании на 1854 г. Переписка эта свелась, в конце концов, к тому, что Николай Павлович признал необходимым оставаться в оборонительном положении в Малой Валахии, перейти возможно скорей Дунай в его низовьях, овладеть малыми крепостцами Исакчей, Тульчей и Гирсовым и немедленно приступить к осаде Силистрии, чтобы в ней приобрести твердый пункт на левом фланге, а затем, подняв вверх по реке нашу флотилию, прибегнуть к осаде Рушука.

Однако назначенный 21 февраля новый главнокомандующий всеми вооруженными силами на западной и южной границах князь Варшавский был преисполнен опасений нападения со стороны Австрии, которая могла угрожать нашей коммуникации в Валахии. Он не верил в целесообразность переправы через Дунай и в ряде писем вливал сомнение в душу и без того не обладавшего особой решительностью князя Михаила Дмитриевича Горчакова, на плечи которого должна была лечь вся тяжесть производства переправы, приготовления к которой в конце февраля были уже на исходе. Саму операцию переправы решено было произвести в начале марта в трех пунктах, с целью привлечь внимание турок: в Браилове, Галаце и Измаиле; на всем же остальном, занимаемом нами, пространстве Дуная предполагалось продолжать производство демонстраций.

Переправа в трех пунктах хотя и разобщила наши силы и требовала устройства двух мостов у Браилова и Галаца, но зато помимо привлечения внимания турок давала нам возможность зайти в тыл туркам, занимавшим Мачин, атакованным, кроме того, со стороны Браилова, другой частью наших сил, направленных от Галаца на Гарвань. В первых числах марта в Браилове, под непосредственным начальством князя Горчакова, сосредоточилось 12¼ батальона, 7 эскадронов, 5 сотен, 52 орудия и понтонный парк; в Галаце, под командой генерал-адъютанта Лидерса — 24¼ батальона, 8 эскадронов, 6 казачьих сотен и 64 орудия; в Измаиле, под начальством генерал-лейтенанта Ушакова — 14 батальонов, 16 эскадронов, 6 сотен и 50 орудий. При этих войсках, достигавших численностью 45 тысяч человек, состояли два парохода — «Прут» и «Ординарец» и несколько канонерских лодок. Для содействия переправе у Браилова на левом берегу Дуная были сооружены 4 батареи и две на острове Бындое. Местами для переправы были избраны Браилов и Галац ввиду того, что часто разделяющийся на несколько рукавов Дунай соединяется между этими городами в одно русло. Это обстоятельство, при условии командования левого берега, представляло нам удобство обстрела противоположной стороны, особенно у Браилова, где образуе-

мый Дунаем и Мачинским рукавом входящий угол мог нами обстреливаться сосредоточенным огнем. Переправа немного выше Измаила была избрана на узком месте Дуная, где берег, заросший густым камышом, мог скрыть сосредоточение войск. Для обеспечения себя от нападения с моря нашей флотилии было поручено заградить рукава Дуная и соорудить необходимые батареи.

В намеченных пунктах собраны были плавучие средства и материал для устройства мостов. Предположенную на 10 марта переправу, ввиду бурной погоды и утомления войск, перенесли на 11-е.

8 марта, в целях демонстрации, полковник Зуров, с отрядом из 2 батальонов, дивизиона улан и 10 орудий, развел на пространстве 30 верст против Гирсова огни, играл в нескольких местах зарю и сосредоточил перед турецкими батареями до 350 лодок. На другой день усиленной канонадой этого отряда были нанесены значительные потери и разрушения турецким батареям.

10-го с 16 часов началась канонада у Браилова, смолкнувшая лишь с наступлением темноты. 11-го утром турки не отвечали на наш огонь, тоже скоро прекратившийся. В 16 часов, вслед за приказанием начать переправу, канонада снова разгорелась. Немедленно же от левого берега отчалила флотилия с 3 батальонами Замосцкого егерского полка, двумя ротами 3-го саперного батальона, 4 орудиями легкой № 8 батареи и 50 казаков, под общей командой начальника штаба Дунайской армии генерал-адъютанта Коцебу. Спустившись от пристани у Карантина вниз по Дунаю, десант, необстреливаемый турками, высадился у пристани Гичети и немедленно рассыпал цепь застрельщиков, двинувшуюся с окончанием высадки к Мачину. Турок нигде на пути видно не было. Только когда генерал-майор Бутурлин с несколькими греческими волонтерами взшел на оставленную неприятелем влево от дороги батарею, скрывавшиеся позади в траншеях турки открыли сильный штуцерный огонь, на который наша цепь стала отвечать. Заметив с нашей стороны приготовления к наводке через Дунай моста, турки открыли огонь из главной береговой батареи по месту его постановки.

В это время наши батареи на острове Бындое и артиллерия десанта генерала Коцебу открыли огонь по ближайшим турецким батареям, а саперы принялись трассировать предмостное укрепление. Турецкая батарея непрерывно вела огонь по мосту, войскам и по рабочим на предмостном укреплении.

Однако уже спустя 2 часа после начала переправы десант наш был усилен двумя батальонами Люблинского полка, а ночью были перевезены 2 орудия легкой № 8 батареи. Тревожное положение отряда генерала Коцебу сильно облегчилось, когда в ночь на 12-е турки, очистив батареи, стали отходить к Мачину. Поддержанный утром 12-го числа еще 2 батальонами люблинцев, десант выдвинул вперед цепь постов и занял покинутые неприятелем батареи. Наводка же через Дунай моста шла очень медленно. Ветер и сильное течение сносили мостовые суда, на помощь которым пришли канонерские лодки, первоначально поддерживавшие своим огнем высадку десанта, и пароход «Прут».

По этим же причинам в отряде генерал-адъютанта Лидерса, несмотря на самоотверженную работу саперов, мост у Галаца, начатый постройкой вечером 10-го, был готов только в 5 часов 13 марта.

Между тем уже 11-го с рассветом пароход «Ординарец», вооруженный 6 единорогами и имея на борту генерал-адъютанта Лидерса и команду штуцерных, подошел к правому берегу Дуная и своим огнем прикрыл высадку охотников и казаков, одновременно переправлявшихся на Кишлаках. В течение 11 марта большая часть пехоты была уже перевезена на неприятельский берег, а небольшой передовой отряд, после перестрелки с турецкой конницей, занял селение Азаклы. На другой день авангард войск генерал-адъютанта Лидерса, под командой генерал-лейтенанта Гротенгельма, двинулся по дороге к Гарвану. 12-го перевозились на судах главные силы, а 13-го по готовому уже мосту перешли Дунай обозы. Заняв Гарван, авангард генерал-лейтенанта Гротенгельма установил сообщение с Браиловским отрядом, двигавшимся к Мачину, а 14-го и главные силы войск генерала Лидерса сосредоточились к Гарвану.

Получив известие, что турки очистили г.Мачин и двинулись по дороге на Гирсово, князь Горчаков в 7 часов 13-го переправил на судах на правый берег Дуная остальные батальоны, а в 6.30, когда готов был мост, и конницу, и с частью сил направился к Мачину. Так, сравнительно без затруднений и при небольших потерях (ранены у Браилова 2 генерала, 1 офицер и 36 нижних чинов и 6 нижних чинов убиты), совершился переход через Дунай у Браилова и у Галаца.

Тяжелее досталось отряду генерал-лейтенанта Ушакова. Переправа (на собранных 147 лодках и 4 паромах) была намечена в узком месте Сулинского рукава, где береговой тростник мог скрыть сосредоточение войск. 10-го отряд генерала Ушакова сосредоточился на острове Четале, а гусарские — Мариупольский и Белорусский полки и обоз, находившиеся в Измаиле, должны были подойти к месту переправы 11-го утром.

В ночь с 10-го на 11-е суда Дунайской флотилии заняли позиции против турецких батарей, а вся наша артиллерия расположилась вдоль берега, имея штуцерных между орудиями. Пехота же стала позади. С раннего утра 11-го началась сильная артиллерийская канонада. К 10 часам огонь турецких батарей был сильно ослаблен, и генерал Ушаков нашел своевременным начать переправу. Десантные суда, укрывавшиеся до этого за судами флотилии, были переведены лейтенантом Степановым сначала бичевой, а потом на веслах, несмотря на учащенный огонь турецких орудий, к месту посадки и вторые батальоны Могилевского и Полоцкого егерского полков к полудню с 4 орудиями высадились без выстрела на неприятельский берег. За первым эшелонном постепенно была переведена вся остальная пехота и легкая артиллерия. Устроившиеся на правом берегу 2 Могилевских батальона двинулись вправо для наблюдения за береговыми турецкими батареями, а Полоцкий егерский полк с 4 орудиями направился к Сомову-гирлу.

Определив место нашей переправы, неприятель начал собирать на высотах Старой-Тульчи и в камышах около Сомова-гирла свои войска, поставив 8 орудий на скате горы. Энергично наступавшие под командой генерал-майора Ко-

пьева, полочки егеря опрокинули турок за Сомово-гирло и захватили мост. С целью обеспечить правый фланг, генерал Ушаков приказал могилевцам взять береговые батареи. После захвата легко доставшегося нам ближайшего турецкого редута, могилевцы, наступавшие в полубатальонных колоннах, были встречены картечью и сильнейшим штуцерным огнем.

Потеряв старших начальников, батальоны остановились. Перестроенные в ротные колонны и двинутые на штурм, могилевцы уже почти взобрались на валы, но были отбиты. Заняв рвы и укрепившись за ближайшими деревьями, атакующие батальоны завязали перестрелку с неприятелем, в то время как 4 орудия 2-й легкой батареи открыли огонь картечью. Следивший за атакой Могилевских батальонов, генерал Ушаков поддержал их тремя батальонами Смоленского полка.

Увлекая за собой могилевцев, 3-й и 4-й батальоны смоленцев ворвались в турецкое укрепление и, осеняемые святым крестом, поднятым священником Могилевского полка Пятибоковым, овладели главным валом. Новый сильнейший картечный и штуцерный огонь засевших в редутах турок стал вырывать большие жертвы из рядов штурмующих, но в это время второй батальон смоленцев с другой стороны ворвался в редут, гарнизон которого после этого был переколот. Затем взятие последнего ретраншаменты прекратило бой около 1.30.

Овладение береговыми батареями повлекло за собой отступление турок из Тульчи и Исакчи к Бабадагу. У нас было выведено из строя 24 офицера и 725 нижних чинов. Искусно выдуманная и успешно выполненная переправа русских войск через Дунай требовала, казалось, развития дальнейших решительных действий. Но, сдерживаемый инструкциями нового главнокомандующего, князь Горчаков не предполагал двигаться далее Мачина.

Однако полученное 15 марта известие об оставлении турками Гирсова соблазнило князя быстро занять этот пункт, удобный для переправы. Он разрешил захватить его полковнику Зурову, а затем двинул туда и генерал-адъютанта Лидерса со всеми перешедшими Дунай войсками, кроме отря-

да генерал-лейтенанта Ушакова, расположившего 18 марта свой авангард у Фрикоча, а главные силы — у Бабадага. Выступив 11-го, генерал Лидерс оставил в Мачине 2 батальона, 8 орудий и 1 сотню казаков, а 20-го сосредоточил у занятого уже донскими казаками Гирсова все свои силы.

Но дальнейшее наступление к Силистрии из-за угрожающего положения Австрии задержалось. Боясь ответственности, нерешительный князь Горчаков заколебался, а тем временем 3 апреля в Фокшаны прибыл фельдмаршал князь Варшавский. Как на беду, первым известием, которое он там получил, было сообщение из Вены об угрожающем положении, принимаемом Австрией. На воспаленное воображение Паскевича известие это привело удручающее впечатление. Он немедленно же отозвал из Сербии нашего агента Фонтонна и приказал генералу Липранди отойти к Крайову, рассчитывая такими мерами умиротворить Австрию.

В то же время для успокоения государя фельдмаршал делал вид о намерении энергично действовать под Силистрией, приказав подвинуть туда осадную артиллерию и вызвав генерала Коцебу в Калараш. Собственно этим и кончились сделанные лишь для успокоения государя приготовления к активным действиям на нашем левом фланге. Объехав низовья Дуная, князь Варшавский прибыл в Бухарест, откуда 16 апреля отправил всеподданнейшую записку о положении дел на театре войны. Фельдмаршал считал Нижний Дунай ключом нашей оборонительной позиции, так как неприятель, ворвавшись в гирла реки, мог привести туда всю свою армию и действовать на Дунае, имея сообщение с морем. Крепость Измаил находил слабой, а потому низовья Дуная беззащитными. Считая, что французы высадят в Константинополе или Бальчике 30—40 тысяч своих войск, фельдмаршал полагал, что они легко могут соединиться с 70—80 тысячами турок и, таким образом, иметь в кулаке до 100 тысяч человек. С такой армией союзники, по мнению Паскевича, могли раздавить у Гирсова небольшой сравнительно отряд генерала Лидерса и в несколько переходов быть в Браилове, где могли захватить миллион четвертей хлеба. Если же од-

новременно с этим австрийцы, объявив нам войну, будут угрожать и нашему правому флангу и тылу, то положение нашей армии было бы так затруднительно, что мы принуждены были бы бежать из княжеств и пробиваться сквозь окружающего нас неприятеля. «В предупреждение столь тяжелого положения, — писал фельдмаршал, — благоразумие требовало бы теперь же оставить Дунай и княжества и стать в другой позиции, где мы можем быть так же сильны, как теперь слабы на Дунае». Позиция должна быть за Серетом, даже за Прутом.

Но до получения разрешения исполнить свое желание отойти за Серет и даже за Прут фельдмаршал считал необходимым сделать обозначенное движение к Силистрии, во исполнение воли государя, требовавшего энергичных действий. С этой целью три батальона из отряда генерала Ушакова были направлены в отряд генерала Лидерса, который должен был их оставить в Гирсовском предместном укреплении, а сам 18 апреля выступил в Черноводы. Спустя 10 дней отряд генерала Лидерса был двинут вверх по Дунаю, и лишь 4 мая, т. е. спустя почти 2 месяца после переправы через Дунай, наши войска подошли к Силистрии.

Первоначальное распоряжение князя Варшавского об отходе Мало-Валахского отряда к Крайову было впоследствии дополнено требованием отходить за р. Ольту для сближения с Бухарестом.

Несмотря на то что все, по-видимому, говорило, что неприятель уменьшает свои силы на левом фланге, Липранди был оттянут.

Противник с фронта преследовал нас очень слабо и осторожными своими действиями не давал нашему отряду случая разбить его в открытом поле. Не решаясь нападать на русских с фронта, турки задумали двинуться от Никополя на Турно, но это движение закончилось потерей турок в 800 человек и 123 человека взяты в плен; наши потери составили убитыми 18 нижних чинов, ранеными 2 офицера и 58 нижних чинов.

Тем временем отряд генерала Липранди, остававшийся к Крайове, все постепенно уменьшался распоряжениями свыше. Кроме уже отобранной 10-й пехотной дивизии с ее ар-

тиллерией (1 бригада для усиления резерва Паскевича, Екатеринбургский полк в Бухаресте, Тобольский — в Турно) ему было приказано отправить 1 бригаду 12-й пехотной дивизии с 2 батареями в Текуч, бугских улан в с. Дорешти и оставаться в Крайове с 2-й бригадой 12-й дивизии, 2 батареями, 2-й бригадой 5-й легкой кавалерийской дивизии, конно-легкой батареей и 2-м казачьим полком.

19 апреля выдвинувшаяся вперед к Радовану регулярная турецкая конница была с успехом атакована казаками генерала Липранди, а произведенная на другой день разведка у Калафата выяснила, что турки в числе 15 тысяч вышли из укрепленного лагеря и расположились у Быйлешти.

Это известие вызвало со стороны главнокомандующего новую группировку Мало-Валахского отряда. Генералу Липранди было предписано отойти на левый берег реки Ольты с таким расчетом, чтобы быть в Слатине 3 мая с 3 полками 12-й дивизии и прочими частями отряда, выделив 4-й полк с батареей и 2 сотнями к Руссе-де-веде для поддержки отряда, расположенного в Турно и для связи этого отряда с отрядом генерала Липранди. 3 мая Мало-Валахский отряд благополучно достиг Слатина и занял наблюдательными постами все течение реки Ольты от Рымника до Турно.

По собранным генералом Липранди сведениям, турки имели в Радоване 3 тысячи конницы с 6 конными орудиями, с передовым отрядом у с. Подати; в Быйлешти 3 батальона с 6 орудиями, а главные силы (около 10 тыс.) вновь отошли в Калафат. Казалось, эти сведения в связи с имеющимися данными об уходе в горы части турецких гарнизонов из Рахова и Никополя могли служить достаточным доказательством того, что турки не предполагают развивать никаких активных действий на нашем правом фланге.

Решившись наконец приступить к осаде Силистрии, фельдмаршал приказал, уезжая в Калараш, объединить в руках генерала Даненберга командование всеми войсками, расположенными в княжестве Валахия.

Крепость Силистрия служила для турок опорным пунктом Нижнего Дуная и прикрывала кратчайший путь от этой

реки к Константинополю. Расположена она на низменном мысе правого берега Дуная, ниже которого река образует ряд мелких болотистых островов. Ядро крепости состояло из 10 небольших бастионов с короткими фланками, соединенными куртинами от 150 до 200 сажен длиной. Общее протяжение ограда, состоявшей из вала со рвом, достигало 4 верст. Сила крепости базировалась, главным образом, на фортах, сооруженных на окружающих город высотах в расстоянии 700—1200 сажен от главного вала. Кроме форта Абдул-Меджид, имевшего ров с каменной одеждой и казематированный редюит, все прочие форты были земляные. На юго-востоке, далеко вперед, был выдвинут форт Араб-Табия, который занимал командующую над крепостью высоту. Этот открытый с горжи форт, сыгравший столь видную роль при обороне Силистрии, в апреле только строился и имел бруствер не более 3 футов вышиной, достигший, однако, во время осады 12 футов. К северу от Араб-Табия были сооружены укрепления Еланли-Табия, Дейрмен-Табия, а на высоте между Араб-Табия и Абдул-Меджид — промежуточное укрепление Орбу-Табия; правее и несколько впереди укрепления Абдул-Меджид были расположены люнеты Кучук-Мустафа и Кяхья-Табия. Береговой фронт главного вала на флангах имел 2 батареи. Гарнизон крепости в начале мая состоял из 16 тысяч человек, а на вооружении было от 50 до 120 орудий. Обеспеченная продовольствием на год, крепость имела комендантом энергичного Мусса-пашу, реорганизатора турецкой артиллерии.

Ко времени начала осады Силистрии князь Варшавский имел сосредоточенные у этой крепости 56 батальонов, 30 эскадронов, 15 сотен, 192 полевых, 52 осадных орудия, 2 парохода, отряд канонерских лодок, три артиллерийских парка, осадный инженерный и понтонный парки общей численностью до 65 тысяч человек. Большая часть этих сил (пришедший из Черновод отряд генерал-адъютанта Лидерса) была расположена на высотах, прикрывавших голову моста через Дунай, фронтом на юг и юго-запад и предназначалась для отражения армии Омера-паши, если бы таковая атаковала нас со стороны Шумлы. Избранная позиция при-

крывалась с юга Алмалуйским, а с юго-запада несколькими другими оврагами. 8-я пехотная дивизия, предназначенная для действий против крепости, расположилась, перейдя на правый берег Дуная, фронтом к Силистрии, между рекой и правым флангом отряда генерала Лидерса.

Острова Салган и Гола были заняты Камчатским егерским полком, остров Голый — Вознесенским уланским полком, а Кременчугский егерский полк с легкой батареей стоял у моста через р. Борч, за которой были сосредоточены парки и госпитали. Единственное сообщение правого берега Дуная с Каларашем производилось через болотистый остров Голый и р. Борч, причем за мостами на Дунае необходимо было следить с особенным вниманием ввиду наступающего времени периодического подъема воды в реке.

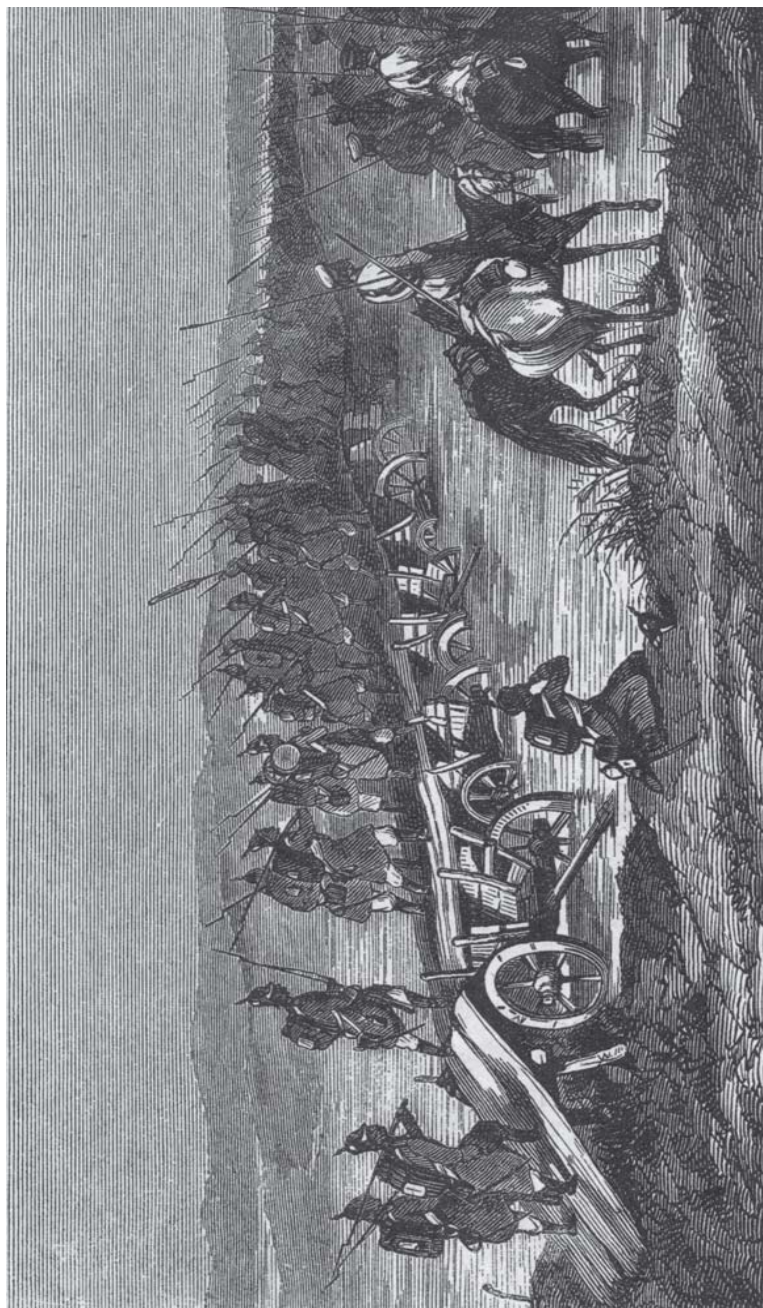
4 мая наша артиллерия удачно обстреливала северо-восточный угол крепости — бастион Ченгель, а 5-го вечером для обстреливания этого же бастиона были сооружены батареи на острове Салгане. На следующую ночь была заложена первая параллель на расстоянии 700 сажен Арабского форта и в 2,5 версты от главного вала.

Воспользовавшись тем, что крепость с западной стороны обложена не была, турки 8 мая ввели в Силистрию подкрепление в 5 батальонов с 6 орудиями.

В ночь на 9-е начаты были работы по устройству 2-й параллели на расстоянии 350 сажен от форта Араб-Табия. Дейтельно производившимися осадными работами руководил генерал-адъютант Шильдер, имея одним из помощников подполковника Тотлебена — будущего героя Севастополя.

При небольших потерях в людях осадные работы продолжались до 16 мая, когда было решено заложить против Араб-Табия участок третьей параллели на расстоянии 80 сажен от бастиона.

15 мая начальствование войсками в траншеях было объединено в лице начальника 8-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта Сельвана, в помощь которому были назначены генералы Веселитский, князь Урусов и полковник граф Опперман. Опасения князем Варшавским наступления союзников вызвали формирование особого рекогносцировочного

Переправа русских войск по мосту на каруцах в Молдавии

отряда под начальством князя Бебутова, в составе 4 батальонов, 6 эскадронов, 1 пешей и 1 конной батареей.

Между тем в ночь на 17-е под Силистрией случайно для нас разыгрался высоко драматический эпизод.

С наступлением темноты с нашей стороны начались по обыкновению осадные работы, при этом, ввиду неоднократных вылазок турок, мы начали в последние дни ставить за нашим левым флангом особый дежурный резерв, независимо от траншейного караула и его резервов. В описываемую ночь за левым флангом был поставлен отряд, в составе 2 батальонов, 6 пехотных орудий, 2 эскадронов, 1 сотни и 4 конных орудий, под начальством гвардейской конной артиллерии полковника Костанда. Кроме того, генерал Сельван приказал командиру 2-й бригады его дивизии, генералу Попову, если он услышит ночью сильную стрельбу в траншеях, выстроить свою бригаду и быть готовым к немедленному движению на помощь. Это распоряжение, по-видимому, было вызвано опасностью работ, производимых уже на близком расстоянии от неприятельского укрепления, а также проявленными уже турками энергией и активностью в обороне крепости.

Около полуночи турки вышли из рытвины, находившейся на правом фланге Араб-Табии, и под покровительством сильного огня с форта двинулись против наших работ левого фланга. Генерал Веселитский легко отбил эту атаку двумя находившимися в его руках батальонами. Вслед за вылазкой на левом фланге последовала таковая же на правом, также скоро отбитая.

Между тем форт Араб-Табия замер и не открывал огня. Окружавшие слабохарактерного генерала Сельвана адъютанты фельдмаршала убедили его атаковать, по-видимому, покинутый турками форт. Войска, назначенные для штурма, выстроились в одну линию в колоннах к атаке, тылом к нашим траншеям, отстоявшим от турецкого форта шагов на триста. На правом фланге стал 3-й батальон Алексопольского полка, в центре 3-й батальон Полтавского полка и на левом фланге — 3-й батальон Замосцкого полка из отряда полковника Костанда. Батальоны Алексопольский и Полтав-

ский должны были наступать уступом справа, а Замосцкий батальон — действовать по усмотрению полковника Костанда. Генералу Попову с резервом приказано было следовать на помощь. Двинувшиеся с барабанным боем на штурм войска заставили встрепенуться все еще молчавших турок, которые теперь встретили наши колонны убийственным картечным и ружейным огнем. Безостановочно продвигавшиеся штурмующие части скоро опустились в 12-футовой глубины ров и, несмотря на то что никаких приспособлений для облегчения эскаладирования укрепления с собой взято не было, через четверть часа все амбразуры с орудиями были в наших руках, и внутри Арабского форта завязалась борьба не на жизнь, а на смерть. Атака русских дошла, по свидетельству Омера-паши, до такого предела, когда обыкновенно всякое сопротивление со стороны гарнизона прекращается. И победа была, безусловно, в наших руках, тем более что еще четыре батальона резерва генерала Попова торопились к месту схватки.

Но в это время где-то раздался сигнал отбоя. Никто на него не обратил внимания, кроме генерала Веселитского, который старался узнать, кто дал отбой. Ничего не узнавши, не найдя старшего начальника, генерала Сельвана, Веселитский отдал приказ трубить отбой, который раздался вскоре властным звуком по всему фронту. Но войска не слушались отбоя и не хотели уступать завоеванного. Пришлось прибегнуть к настойчивым приказаниям, после которых только войска отошли, переправившись с большими потерями через ров и понеся при отступлении большие потери. Генерал Сельван погиб во время штурма, Веселитский и Костанда были ранены.

Но отступлением в траншее трех батальонов, первоначально штурмовавших Арабское укрепление, еще не окончилось кровавое дело этой ночи. В момент отступления к месту свалки подходил резерв генерала Попова. Не войдя в связь с бывшими впереди начальниками, не разузнав положения дела и не получив никаких приказаний, Попов повел в атаку свой резерв, преимущественно направляя его в охват Арабского форта. И, лишь понеся большие потери и убедив-

шись, что войска Веселитского и Костанда отошли назад, четыре батальона Попова также повернули обратно.

В этом деле мы потеряли убитыми и ранеными 2 генералов, 25 офицеров и 911 нижних чинов. Турки определяют свои потери в 100 человек.

Так кончился этот «бессмысленный и беспорядочный», по словам генерала Коцебу, штурм, придавший бодрости обороняющемуся и задержавший ход работ атакующего.

Осадные работы после Сельванского штурма продолжались в прежнем направлении, причем главное внимание обращалось на подход к Араб-Табия. В ночь на 19-е заложенная еще 16-го числа траншея была продолжена тихой сапой. 21 мая она подошла к форту на 18 сажен. Для того чтобы иметь возможность вести дальше эту работу с наименьшими потерями, в этот день вечером пространство земли между окончанностью траншеи и оврагом, проходившим подле турецкого укрепления, было взорвано, а воронки взрыва коронованы турами. Неприятель открыл огонь со всех батарей и произвел вылазку, но был с уроном отбит.

В эти дни Силистрийский гарнизон понес большую утрату в лице энергичного коменданта Мусса-паши, который был убит осколком бомбы у себя на квартире во время молитвы. Заместителем его явился Гуссейн-паша, бывший комендантом Араб-Табия.

Не решаясь, из-за боязни растянуть блокадный корпус, на полное обложение крепости, князь Варшавский выдвинул на сообщения Силистрии с Шумлой особый отряд генерал-лейтенанта Хрулева, 28 мая под личным начальством фельдмаршала с целью «обозрения отдельных неприятельских укреплений и расположения турецких войск и, вместе с сим, с намерением показать неприятелю значительность наших сил, а главное, показать войскам нашим, каким образом маневрировать и устраиваться в виду неприятеля», было произведено наступление к Силистрии отряда в составе 31 батальона, 32 эскадронов и 8 казачьих сотен, 16 пехотных и 2 конных орудий. Во время этой рекогносцировки одно ядро упало около лошади Паскевича, и он был контужен. Оставшись при войсках до окончания перестрелки, фельдмаршал после этого пере-

сел в дрожки и поехал в Калараш, а войска пошли домой. Во время пути состояние здоровья Паскевича сильно ухудшилось, и он вскоре, сдав командование князю Горчакову, оставил армию.

1 июня в 17 часов при осмотре осадных работ генералом Шильдером ему раздробило правую ногу осколком гранаты, а 1 июня талантливый, обладающий энергией, верой в успех дела и необходимым военным чутьем, «душа осады» инженер Шильдер вследствие полученной раны, скончался.

Осмелевшие благодаря последним событиям турки после 1 июня произвели ряд вылазок, с успехом, однако, нами отбитых. 7 июня полковником Тотлебенем были взорваны, в 17.30 горны под гребнем бруствера Араб-Табия. Действие взрывов было успешно и ими образован удобовосходимый обвал в 20 сажен шириной. Наши батареи начали усиленно обстреливать внутренность укрепления. В ночь с 8-го на 9-е решено было взять штурмом Араб-Табия.

Все приготовления к штурму были окончены, когда подоспело приказание остававшегося еще в яме князя Варшавского: немедленно снять осаду и перейти на левую сторону Дуная. Приказание это было вызвано тем, что 6-го июня фельдмаршал получил письмо государя от 1 июня с условным согласием на снятие осады и в ту же минуту отправил со своим адъютантом графом Протасовым предписание князю Горчакову о снятии осады, мотивированное скорым подходом к Силистрии союзной армии и готовностью Австрии начать военные действия в самом ближайшем будущем.

Уныло встретили войска весть об отходе. Вся осада стоила нам убитыми 6 офицеров и 530 нижних чинов и ранеными 62 офицера и 1925 нижних чинов.

Сделав 9-го и 10-го необходимые приготовления, 11-го наши войска стали переходить Дунай. 12-го с раннего утра было приступлено к разводке ближайших мостов, а 15-го все мосты и суда спущены к Измаилу под прикрытием пароходов и канонерских лодок. Осадная же артиллерия была отправлена сухим путем.

Перейдя Дунай, наши войска расположились следующим образом: 2-я драгунская дивизия — в Урзичены; отряд гене-

рала Лидерса из полутора пехотных дивизий с 3 полками кавалерии — в Калараше; князь Горчаков с 9 и 10 пехотными дивизиями и кавалерийской бригадой — в Урзичены. Вверх от Калараша Дунай охранялся отрядом генерала Данненберга, который имел у Ольтеницы 1 пехотный полк, у Журжи — бригаду и 1 полк конницы и в резерве у Бухареста — бригаду пехоты и кавалерийский полк. Генералу Ушакову было предписано стянуть 15-го числа свой авангард к Бабадагу и все приготовить к поспевшему очищению Тульчинских укреплений, имея свои главные силы у Исакчи. При таком распределении своей армии князь Горчаков считал возможным встретить австрийцев у Проешти с 44 батальонами и 52 эскадронами.

Омер-паша, вслед за получением известия о снятии нами осады Силистрии, приказал всем войскам, находившимся перед Шумлой, продвинуться к Дунаю и направил дивизию Гассан-паши, силой в 15—18 тысяч, к Рушуку, имея целью завладеть Журжей. Этот пункт привлекал с самого начала кампании особое внимание турецкого генералиссимуса и первоначально он предполагал даже устроить в нем на левом берегу Дуная опорный пункт, который должен был сыграть такую же роль, как Калафат на левом фланге турецкого расположения. Отличные действия генерала Соймонова в течение зимней кампании не дали осуществиться предположениям Омера-паши, и теперь, при начавшемся отступлении русской армии, он вновь обратил свое внимание на Журжу. Усиленные работы по постройке там нами новых батарей не смущали турок, которые видели в этом лишь демонстрацию для облегчения спокойного отхода главных сил князя Горчакова на Серет. Армия Омера-паши до выяснения обстановки сосредоточилась следующим образом: один корпус, силой в 41 батальон, 24 эскадрона и 60 орудий, под начальством Измаила-паши у Силистрии; второй корпус, силой в 39 батальонов, 12 эскадронов и 60 орудий, под начальством Гассана-паши у Рушука; третий, силой в 27 батальонов, 24 эскадрона и 55 орудий у Гургенли, в шестичасовом переходе от Шумлы по дороге на Силистрию и, наконец, резерв, силою

в 9 батальонов, 6 эскадронов и 18 орудий, оставался в Шумле. Что касается до армий западных держав, то в то время, когда князь Горчаков начал отступательное движение к Урзичени, они еще продолжали сосредоточение к Варне, рассчитывая довершить его к 1 июля. Австрия же по-прежнему оставалась в угрожающем положении.

Получив сведения о сосредоточении 21 июня больших турецких сил у Рушука, князь Горчаков немедленно же подвинул из Урзичени в Колентино 11-ю пехотную дивизию, с ее артиллерией, 1 бригаду 4-й легкой кавалерийской дивизии с конно-легкой № 7 и донской № 9 батареями и донской казачий № 40 полк. 23-го к Журже прибыл генерал Данненберг, которому было поручено начальствование над войсками, обороняющими Дунай выше Туртукая, и, найдя распоряжения генерала Соймонова отвечающими положению вещей, возвратился на другой день в Бухарест.

А между тем турки с 23 по 25 июня предприняли серьезную попытку оттеснить Соймонова от Журжи.

Бой имел самый кровопролитный характер; батальоны по несколько раз ходили в штыки. Офицеры и нижние чины дрались с особым ожесточением. Но они, бросаемые по частям, без общего руководства, могли только грудью своей отстоять прилегающий остров Радоман, не имея сил окончательно столкнуть врага в Дунай.

С наступлением темноты, когда бой затих, турки остались владеть ближайшим к Рушуку берегом Радомана. Наши потери в отряде генерала Соймонова за этот день составили 342 человека убитых, 22 офицера и 653 нижних чина ранеными и контуженными. Турки, даже по свидетельству их самих, потеряли 500 человек убитыми и свыше 1000 человек ранеными.

В ночь на 26-е во Фратешти прибыл с Екатеринославским полком генерал Данненберг, а вслед за ним туда же были направлены три полка 2-й дивизии и бригада конницы с князем Горчаковым. Не уведомленный о приближении подкреплений, генерал Соймонов предполагал, что он предоставлен собственным силам, и, не считая возможным продолжать отстаивать остров Радоман как ввиду сильного утомления

войск, так и ввиду превосходства противника в числе, очистил с наступлением темноты острова, а к утру и Журжу, отведя свои войска к Фратешти.

После Журжинского дела князь Горчаков получил от своего двоюродного брата князя А. М. Горчакова, нового русского посла при австрийском императоре, успокоительные относительно Австрии сообщения. Император Франц Иосиф обещал не вводить свои войска в Валахию, пока мы будем в ней находиться. Тогда князь Горчаков стал опасаться наступления на Бухарест союзников. Поэтому главнокомандующий решил сосредоточить все свои силы, кроме частей, стоявших против Австрии в Молдавии и Плоешти, в центральном положении у Фратешти, Желавы и у Обилешти, имея передовые отряды против Туркутая и Силистрии. Находясь в таком положении, он считал возможным встретить союзников с достаточными силами, если бы они решились вступить в Валахию. Большая часть войск — 43 батальона и 32 эскадрона с самим князем Горчаковым во главе, была расположена у Фратешти против Журжи, имея в резерве у Желавы 16 батальонов и 32 орудия; у Обилешти, для прикрытия со стороны Силистрии и Туртукая, был сосредоточен отряд генерала Лидерса, расположенный первоначально у Калараша.

Тем временем турки, не занимая Журжи и Слободзеи, усиленно строили между этими пунктами предместное укрепление, и когда 1 июля князь Горчаков в своей постоянной нерешительности относительно того, атаковать или не атаковать турок, произвел усиленную рекогносцировку их расположения, то неприятель так успел укрепиться на левом берегу Дуная, что всякая мысль об атаке была отброшена. Приходилось ожидать наступления союзников (что, однако, в их планы не входило), с одной стороны, а с другой нельзя было быть уверенным в нейтралитете Австрии. Поэтому, простояв на избранных позициях до 14 июля, мы начали свой окончательный отход за Серет и Прут.

15 июля наши войска выступили к Бухаресту. 20-го, минуя Бухарест, войска достигли с. Марезены, а затем через Синешти и Кашарени подошли к Бузео 27 июля. Начиная с 1 июля по 16-е наша главная квартира оставалась в Фокшанах, откуда

излишние тяжести и больные были отправлены в Яссы. 25 июля в Бузео прибыл отряд генерала Липранди и оттуда двинулся на Фокшаны к Бырлату. 30 июля отряд генерала Лидерса в составе 15-й пехотной дивизии, 3 стрелковых батальонов, трех рот 5-го саперного батальона и Валахской батареи выступил к Браилову, куда и прибыл 30 июля. Отряд же генерала Ушакова продолжал по-прежнему оставаться на правом берегу Дуная.

В конце августа князь Горчаков с главными силами вверенной ему армии переправился на левую сторону Прута у Скулян; затем и войска генерала Ушакова, очистив Добруджу, расположились у Измаила. Вслед за нашим уходом подвигались вперед турки, и 10 августа Омер-паша вступил в Бухарест. Тогда же перешли границу Валахии австрийцы и сменили турок в княжествах по соглашению союзных держав с турецким правительством.

Военные действия на Кавказе: операции Александропольского отряда; сражения при Баш-Кадыкларе и Кюряк-Дара

Наша граница с Турцией на Азиатском театре военных действий имела центральным опорным пунктом против Анатолии и в частности против Карса крепость Александрополь.

К северо-западу от Александрополя была расположена крепость Ахалцых, прикрывавшая путь Карс-Ардаган, а к юго-востоку наша граница, со стороны Турции и Персии, обеспечивалась крепостью Эриванью.

Представлявшаяся в виде куртины с двумя флангами, граница наша ограничивалась на севере Чалдырским горным хребтом, а на юге хребтами Агри-Даг и Кара-Даг, по правой стороне Араса. Протекавшая по границе на протяжении 100 верст река Арпачай уже с конца мая была проходима вброд и потому серьезной преграды не представляла.

Самые же крепости были чрезвычайно слабы и, кроме Александрополя, кстати сказать, очень неудачно расположенного для овладения ими, правильной осады не требовали. Кроме сухопутной границы на Кавказе, имелась обширная морская граница «Черноморское побережье», права на кото-

рое перешли к нам по Адрианопольскому миру. Это приобретение дало нам возможность окружить своими владениями горские племена Кавказа, номинально признававшие власть Порты Оттоманской и подчинить их нашему влиянию.

Открытие военных действий в Азиатской Турции застало врасплох наместника князя Воронцова, доносившего в Петербург, что он не может сосредоточить на границе более 6 батальонов, так как все остальные силы были необходимы для удержания в покорности населения Кавказа.

В ответ на доводы князя Воронцова император Николай «с большой неохотой» отправил морем на усиление Кавказской армии 13-ю дивизию из Севастополя в Сухум. Только когда эта трудная в осеннее время операция благополучно совершилась, прекратились опасения государя за Кавказ.

Но уже в октябре положение вещей представлялось наместнику снова в самых мрачных красках.

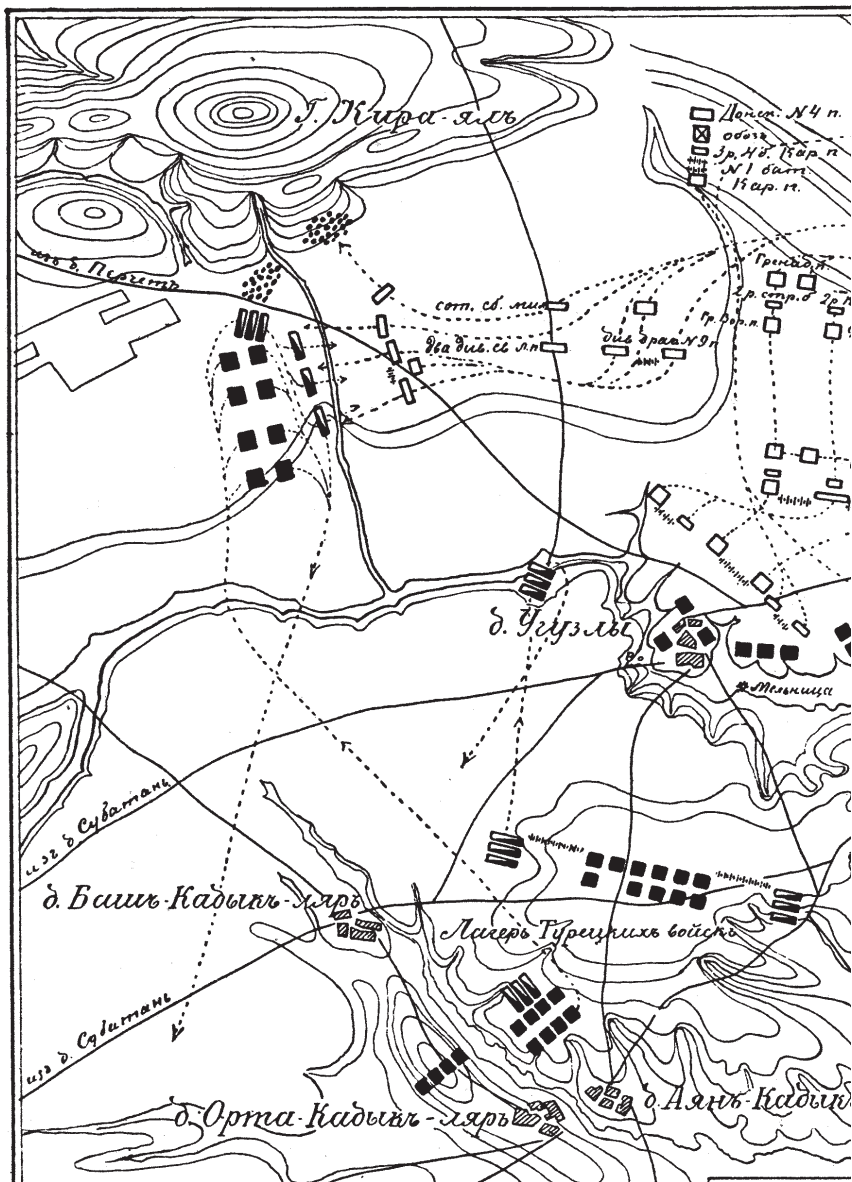
Тяжелый недуг, мешавший князю Воронцову принимать деятельное участие в управлении вверенным им краем, слухи о сосредоточении на границе внушительных турецких сил с целью перейти в наступление, удачное нападение на пост Святого Николая до объявления войны и разброска войск были тому причиной.

Удрученное состояние князя Воронцова увеличивалось еще тем, что он должен был, ввиду болезни командира действующего корпуса князя Бебутова, отправить в Александропольский отряд на его место своего начальника штаба князя Барятинского.

К ноябрю войска действующего корпуса на турецкой границе были доведены до $32\frac{1}{4}$ батальона, 68 орудий, 10 эскадронов, 21 сотни, 4 дружин и 36 сотен местной милиции. Эти войска были расположены следующим образом:

В Александрополе $7\frac{1}{4}$ батальона, 40 орудий, 10 эскадронов, 3 сотни казаков, 3 дружины и 2 сотни милиции. Сюда же между 2 и 16 ноября должны были прибыть $52\frac{1}{2}$ батальона и 18 сотен.

В Эривани и ее окрестностях $3\frac{1}{2}$ батальона, 8 орудий и 14 сотен милиции. В Ахалкалакском отряде 2 батальона,

План сражения при деревне Баш-Кадьлар 19 ноября 1854 г.

2 орудия и 2 сотни милиции. В Ахалцыхском отряде 5 батальонов, 8 орудий, 1 дружина и 6 сотен милиции.

В Гурийском отряде 7 батальонов, 8 орудий и 12 сотен милиции. В Сураме 2 батальона; они вместе с войсками, которые могли освободиться с Гурийского кордона, должны были составить резерв, находящийся в ведении князя Воронцова.

Силы и расположение турок определились, по нашим сведениям, следующим образом: в Карсе 25 тысяч при 65 орудиях, в Ардагане 7 тысяч при 10 орудиях и в Баязете 5 тысяч при 10 орудиях. Кроме того, отдельная и очень большая часть турецких войск была собрана в Батуме.

30 октября, к вечеру, было получено достоверное известие о том, что главные силы турок придвинулись из Карса к нашим границам и расположились на ночлег между разрушенным городом Ани и Баяндуром.

Князь Барятинский решил немедленно выдвинуться на позицию в 3—4 верстах от Александрополя.

Утром 31 октября турок перед нашим расположением не оказалось, и князь Барятинский, оставив разведывательные части, увел войска обратно.

1 ноября прибыл к отряду выздоровевший князь Бебутов и, узнав, что курды и башибузуки вновь занимаются грабежом в наших пределах, двинул генерал-майором князем Орбельяни с 7 батальонами, 28 орудиями, 4 эскадронами, 1 сотней и 1 тысячей милиционеров, чтобы очистить край от грабителей. Выступив 2 ноября, князь Орбельяни, храбрый и решительный, но не имевший практики в вождении значительных масс войск, имел в этот день бой у д. Баяндур с главными силами Абди-паши, который дождался темноты и увел свой отряд на противоположный берег Арпачая. Вместе с подошедшим с наступлением темноты князем Бебутовым, с 3 батальонами, 12 орудиями, 6 эскадронами и 1 сотней казаков, отряд князя Орбельяни отошел ночью в Александрополь, имея выведенными из строя 8 офицеров, 433 нижних чина, в то время как турки потеряли до тысячи человек.

Вся тяжесть боя в деле под Баяндуром легла на артиллерию, и начальники свидетельствовали о меткой и хладнокровной стрельбе наших артиллеристов.

4 ноября, наконец, в Александрополе был получен манифест о войне, и руки главнокомандующего были развязаны.

Почти одновременно с переходом турок в наступление против Александропольского отряда начались их действия и против Ахалцыха. Наши войска в Ахалцыхском районе к 1 ноября располагались следующим образом: в Ахалцыхе — 5 батальонов, 8 орудий, 2 сотни казаков, Гурийская дворянская дружина и Осетинская милиция. В Ахцуре — 1 батальон Белостокского полка, горийская дружина и сотня Осетинской милиции; в Боржоме — 1 батальон Брестского полка и 2 роты Белостокского полка; в Квишхетах — 1 батальон Брестского полка и в Сураме — 2 роты Белостокского полка и обозы 3 полков дивизии.

С 30 октября перед Ахалцыхом, единственным пунктом Ахалцыхского района, оставшимся всецело в наших руках, появились передовые части 18-тысячного корпуса Али-паши.

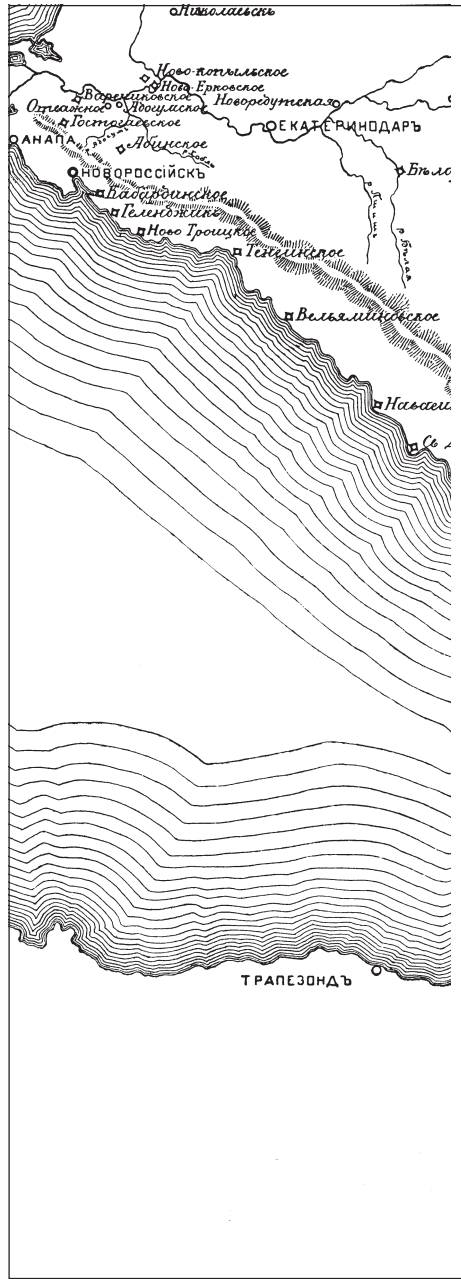
Это привело к упорным боям сначала отряда князя Адронникова 6 ноября у с. Ахцура с передовыми частями Али-паши, а затем 14 ноября под Ахалцыхом (сел. Суплис).

Преследуя турок на протяжении 5 верст, утомленным, но воодушевленным победой войскам пришлось снова выбивать с позиции турецкий арьергард, открывший картечный и ружейный огонь. Прогнав неприятеля, бросившего 3 орудия за пределы русской границы, наш отряд остановился.

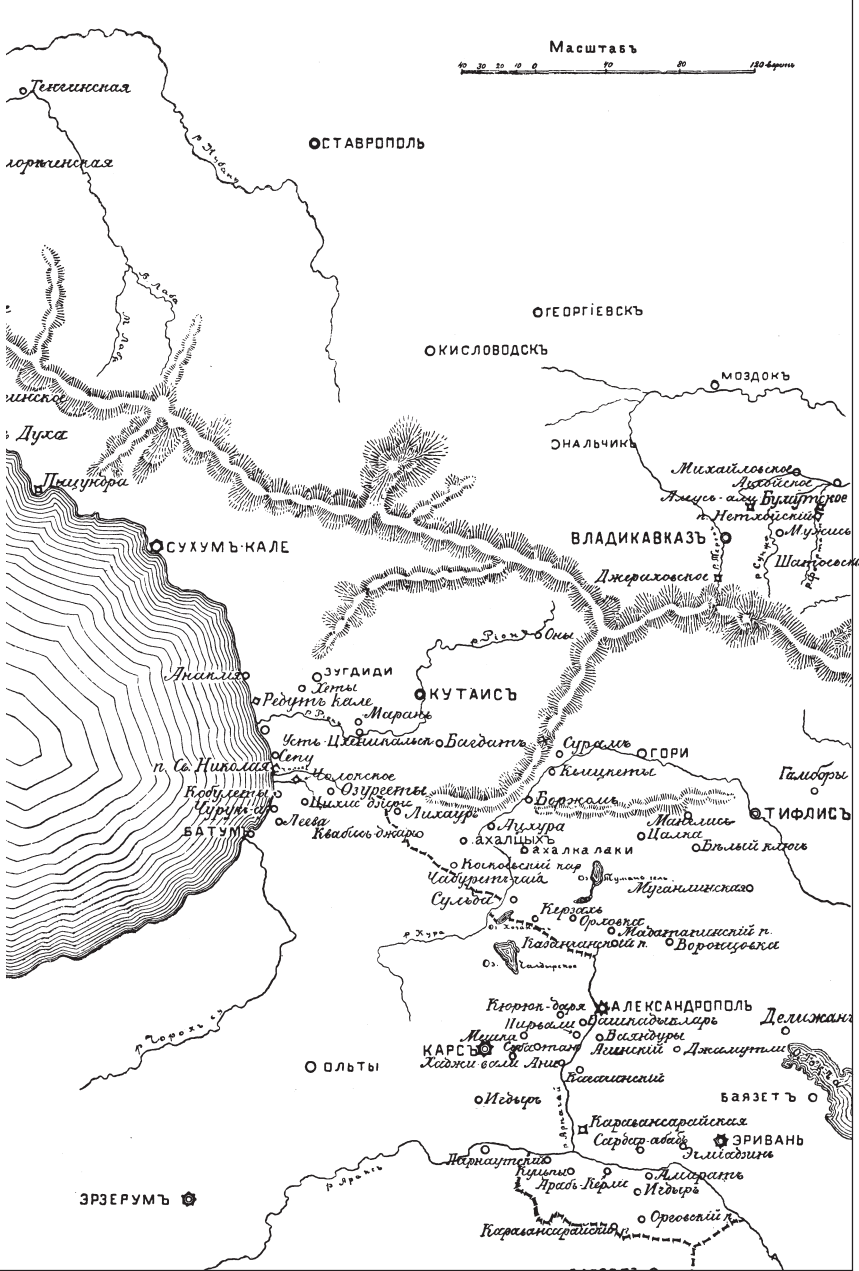
Турки потеряли 11 орудий, много зарядных ящиков, боевых патронов, канцелярию Али-паши и весь лагерь с запасами фуража и провианта; 120 турок было взято в плен и 700 тел предано земле. Наши потери составили 12 офицеров и 340 нижних чинов выведенными из строя.

15-го и 16-го наши войска оставались на позиции, а 17-го отряд, оставив на месте авангард в $1\frac{1}{2}$ батальона, 2 орудия и 3 сотни, возвратился в Ахалцых на отдых. Новой победой Ахалцыхский уезд был совершенно очищен от неприятеля, спокойствие было восстановлено и сообщение с Боржомом открыто.

После Баяндурского боя 36-тысячный турецкий корпус Абди-паши отступил за реку Арпачай, но, узнав, что наш отряд вновь отошел к Александрополю, перешел на прежнюю позицию и укрепился на ней, ожидая подкреплений из Карса.

Карта театра военных действий
в Азии в 1853—1854 гг.

Масштабъ

Терекская
Корчинская
Тарская
Духа
Пенукова

ОСТАВРОПОЛЬ

ОГЕОРГІЕВСКЪ

ОКИСЛОВДСКЪ

МОЗДОКЪ

ВЛАДИКАВКАЗЪ

ОСУХУМЪ-КАЛЕ

Анапза

КУТАИСЪ

ОГОРИ

Тифлисъ

п. Св. Николая
Кобулетъ
Мурму
БАТУМЪ

Зугдиди
Редутъ Калъ
Марабъ
Четь Цхидиланка
Вандитъ
Агу
Чо-лоспое
Озуретъ
Цыхис влеръ
Лева
Квабсь джаръ

Сурале
Боржомъ
В. Филура
ахалцыхъ
Ополесский пар
Сабурталь
Сулдоба
Керосъ
Архонте
Надзгаринский п.
Ворокичогла

Бхиццетъ
Бахалла лаки
Мадлисъ
Машпа
Ахалинское

ОПЛТЫ

Медуръ

Александрополь
Делижанъ

КАРСЪ
Мушра
Светоталъ
Казань воля Аши

Пиромъ
Вашлидигларъ
Ашанский
Джалутинъ
Есантинский

Баязетъ

ЭРЗЕРУМЪ

Карвансарайский
Сардар-абадъ
ЗРИВАНЬ
Длимадинъ
Алигранъ
Медуръ
Орловский
Карвансарайский

Отряд князя Бебутова в свою очередь усилился с 4 по 12 ноября двумя батальонами и 2 казачьими полками. Удовлетворяя сердечному желанию войск вступить в бой, в особенности после получения известия о победе князя Андронникова, князь Бебутов решил выступить в ночь с 13 на 14 ноября со своим отрядом для атаки турок на Баяндурской позиции и для изгнания неприятеля из наших пределов.

Узнав о выступлении 14 ноября русских, турки стали отходить, и лишь 17 ноября столкновение наших фуражиров с конницею неприятеля подало мысль, что, вероятно, недалеко и его главные силы.

С вечера 18 ноября лишние обозы были отправлены в Александрополь под прикрытием 1 батальона, 6 орудий и 2 сотен казаков, а 19-го числа отряд князя Бебутова двинулся в 7 часов от с. Баш-Тургеля по Карсской дороге к с. Орта-Кадыклара и Баш-Кадыклара, где по полученным сведениям остановились турки. Отряд, пройдя 20 верст и переправившись через реку Карс-чай вброд у с. Пирвали, в полдень поднялся на высоты, которые далее постепенно спускались к ручью Мавряк-чай. С этих высот нашему отряду открылась благодаря ясной погоде вся неприятельская позиция. Она представляла из себя ряд возвышенностей, имевших общее направление от д. Гамза-Кирьяк на Баш-Кадыклар. С фронта эта труднодоступная позиция прикрывалась ручьем Мавряк-чай, имевшим обрывистые берега, и д. Угузлы, но зато в тылу у нее протекал ручей Кадыклар, крутые берега которого стесняли маневрирование больших масс войск. Число турок, расположенных на позиции, простиралось до 20 тысяч регулярной пехоты, 3 тысяч регулярной конницы и более 14 тысяч курдов и милиции и 46 орудий.

Наши же силы достигали лишь 12 655 человек по списку с нестроевыми (8 батальонов пехоты и 3 тысячи конницы).

Когда в 10 часов Рейс-Ахмет-паша, командовавший турецким отрядом, получил известие о приближении князя Бебутова, он построил свои войска на левом берегу р. Кадыклар в две боевые линии по 6 батальонов в каждой. На правом фланге стало 16, а на левом — 6 орудий; обе батареи с флангов были прикрыты двумя полками регулярной конницы.

В резерве расположились 8 батальонов пехоты и полк регулярной конницы с орудиями. Иррегулярная конница, курды и башибузуки расположились в больших массах правее позиции, в лощинах у с. Гамза-Киря и на левом фланге выше с. Угузлы. Князь Бебутов, произведя рекогносцировку, решил обойти левый фланг противника, стать на Карсской дороге и оттуда нанести туркам удар, лишив их пути отступления.

Был первый час дня, когда князь Бебутов приказал отряд спуститься к с. Угузлы и построить боевой порядок.

Первой линией, которую составили 3 батальона, 2 саперные роты и 16 орудий, командовал генерал Кишинский, второй линией, из 4 батальонов, начальствовал князь Багратион-Мухранский. Для охранения нашего правого фланга от многочисленной турецкой конницы было направлено к верховью оврага 6 эскадронов нижегородских драгун и 3 сотни с 4 конными орудиями под начальством князя Чавчавадзе. Для охранения левого фланга было выдвинуто к с. Гамза-Киряк 4 эскадрона драгун, 700 казаков и 4 конных орудия под начальством генерала Багговута.

1³/₄ батальона, 8 пехотных орудий и 5 сотен казаков составили резерв, прикрывавший вместе с тем и обоз.

С наступлением князя Бебутова перешел к активным действиям и Рейс-Ахмет-паша. Две своих линии он перестроил в одну и занял ими берег Мавряк-чая от с. Гамза-Киряк до с. Угузлы, а резерв из 8 батальонов, 8 орудий и полка регулярной конницы был направлен в обход нашего правого фланга между с. Угузлы и Караял.

Это новое распределение неприятельских войск заставило князя Бебутова изменить свое первоначальное предположение и нанести удар на ближайший, т. е. правый фланг турецкого расположения. Нашей первой линии было приказано подвинуться к д. Угузлы. Турки упорно наступали, и только дружный удар в штыки 1-го батальона Егерского князя Воронцова полка и 2 рот Кавказского стрелкового батальона опрокинул в овраг неприятельские колонны.

Вышедшая влево 2-я линия, не дойдя полверсты до неприятеля, передохнула на балке и перестроилась к штурму. После личной рекогносцировки князь Багратион подъехал

к войскам и воодушевил их. Колонне надлежало спуститься в овраг и подняться на высоту для взятия батареи под картечным огнем орудий и батальным огнем пехоты. Стройное движение наших войск, наступавших держа ружья на руку, с развернутыми знаменами и барабанным боем, произвело заметное впечатление на турок. Выдержав 3 залпа из орудий, эриванские карабинеры отбросили штыками вышедшую им навстречу пехоту и с криком «ура» ударили на правый фланг неприятельской батареи. И после жаркой рукопашной схватки знамя 2-го батальона карабинер было водружено поручиком Менделеевым и штабс-капитаном Кавтарадзе на неприятельской батарее.

Колонна grenадер, наступавшая в то время правее карабинер, ослабленная значительным уроном и особенно потерями среди офицеров, была встречена на подъеме на батарею значительными силами неприятеля.

Заметив критическое положение grenадер, князь Бебутов лично повел в бой свой последний резерв — 2 роты эриванцев и взвод легкой батареи.

Картечный огонь приостановил турок, а князь Бебутов, устранив замешательство в колонне grenадер, двинул их на батарею, где после дружной атаки они примкнули к эриванцам. Взятая 16-я батарея вознаградила мужество наших войск. В этой атаке приняла участие и конница нашего левого фланга.

Генерал Багговут опрокинул двинувшуюся против него турецкую конницу и устремившихся за нею курдов и в самую решительную минуту сражения смело перенесся через реку и вышел по горному скату на плато, занятое правым крылом неприятельской армии.

Сотник Кульгачев со взводом донской батареи опередил конницу и, подскавав к фланговому батальону турок на 50 сажень, осыпал его картечью. Драгуны врубались в каре, построенное турками и, пробив его угол, разметали батальоны шашками. Тем временем казаки опрокинули регулярный кавалерийский полк, взяли знамя и заскакали в тыл туркам.

Эти одновременные удары поколебали неприятеля и, дрогнув, он обратился в бегство.

Когда эти описанные действия происходили на нашем левом фланге, то неприятель в центре продолжал оказывать упорное сопротивление колонне генерала Кишинского.

Выбив неприятеля из селения, отряд генерала Кишинского переправился через овраг и скоро примкнул к флангу левой колонны, уже стоявшей на взятых батареях. Во время боя на нашем фронте и левом фланге конница нашего правого фланга, под начальством командира нижегородцев князя Чавчавадзе, выдержала натиск несоразмерных превосходных сил, направленных в обход нашего правого фланга (2 уланских полка, 8 пехотных батальонов, сопровождаемых толпами курдов).

Сознавая всю опасность замыслов неприятеля, князь Чавчавадзе построил своих драгун с 4 донскими орудиями в боевой порядок, направив дивизион казаков против курдов.

После залпа двух наших орудий, подскакавших на картечный выстрел к приближавшейся турецкой коннице, неприятельские уланы были обращены в бегство двумя дивизионами драгун, а пикерный дивизион опрокинул за овраг 4 пехотных батальона. Едва наши драгуны отошли на прежнюю позицию, как новой атакой пришлось рассеивать оправившихся улан и подоспевшую пехоту. 4 орудия составили трофеи второго удара.

Описанный бой покрыл неувыдаемой славой доблестных нижегородских драгун, в продолжение 2,5 часа отбивавших атаки превосходного противника. В 15.30 бой повсеместно прекратился, и конница левого фланга двинулась преследовать разбитого неприятеля; колонна генерала Кишинского отправилась на Баш-Кадыклар, а гренадеры — на Орта-Кадыклар.

Турки, покинув лагерь, бежали к Карсу. Прекратив поздним вечером преследование, наши войска нашли приют в покинутом турецком лагере. Мы потеряли 8 офицеров и 308 нижних чинов убитыми, 1 генерала, 48 офицеров и 920 нижних чинов ранеными.

Неприятель оставил убитыми свыше 1500 человек, обшая же потеря турок достигла 8 тысяч человек. В руках победителей остались 24 орудия, 13 зарядных ящиков, знамя, 13 значков, масса лошадей и оружия.

В награду за победу князь Бебутов получил орден Георгия 2-го класса, Багговут, князь Багратион-Мухранский и князь Чавчавадзе — ордена Святого Георгия 3-го класса, 10 штаб- и обер-офицеров были награждены орденами Георгия 4-го класса, а на каждую роту, батарею и дивизион дано было по 10 крестов.

Урок, полученный неприятелем под Баш-Кадыларом, сделал то, что ни турки, ни курды, ни башибузуки не осмеливались целую зиму нарушить спокойствие на нашей границе.

9 февраля князь Воронцов представил, согласно воле государя, свои предположения о плане кампании на 1854 г. Наместник сознавался, что в истекший осенний период кампании у него не было общих предположений о действиях против турок, и цель заключалась в том, чтобы отбросить противника подальше от нашей границы, что и было с успехом достигнуто случайно собранными отрядами. Так как турки после этого сосредоточили значительные силы против Гурии, Ахалцыха, Ахалкалака и Эривани, то и нам волей-неволей приходилось разбросать свои войска по всей, растянутой на 700 верст, пограничной полосе, группируя их у поименованных пунктов.

Князь Воронцов полагал выделить отряд в Гурии по его отдаленности в самостоятельный, а остальным войскам действовавшего корпуса поставить задачей овладение Карсом, Ардаганом и Баязетом. Однако открыть наступательные действия в глубь Малой Азии князь Воронцов находил возможным лишь в случае мира с западными державами, так как, не обеспечив себя предварительно на всем протяжении правого фланга, мы не могли, по его мнению, и думать о широких наступательных действиях. Одобрив план наместника, государь признал необходимым увеличить отряд, расположенный в Гурии, Мингрелии и Имеретии, до 20 батальонов, подчинив его князю Андронникову. Действующий же корпус должен был, до выяснения намерений неприятеля на нашем правом фланге, ограничиться защитой границы. Однако волнения последнего года, окончательно подорвавшие здоровье князя Воронцова, не дали ему возможности осуществить намечен-

ный план действий и, прося освободить себя от непосильной при болезненном состоянии работы, он 3 марта отбыл из Тифлиса, сдав временно должность генералу Реаду.

Имея в виду, что из числа назначенных на Кавказе 18-й и 17-й пехотных дивизий, прибытие второй из них было отменено, генерал Реад распределил свои войска следующим образом:

Центр Кавказской линии — 17 батальонов, 16 пехотных и 8 конных орудий и 12 сотен;

Владикавказский округ — $13\frac{1}{2}$ батальона, 8 орудий и 6 сотен;

Левый фланг линии — 14 батальонов, 20 пехотных и 10 конных орудий и 32 сотни;

Прикаспийский край — 24 батальона, 8 пехотных, 2 горных и 2 конных орудия и 30 сотен;

Лезгинская линия — 10 батальонов, 2 пехотных, 8 горных и 4 конных орудия, 5 пехотных и 19 конных сотен.

Итого для борьбы с горцами предназначалось $78\frac{1}{2}$ батальона, 104 сотни и 106 орудий, кроме 11 батальонов и 12 орудий, оставленных в Тифлисе.

В действующие на турецкой границе войска входили:

Самостоятельный отдел войск князя Андронникова из отрядов Гурийского — 13 батальонов, 16 пехотных и 8 конных орудий, 9 сотен казаков, 26 пехотных и 3 конных сотни милиции, и Ахалцыхского — $7\frac{3}{4}$ батальона, 16 пехотных и 4 горных орудия и 6 сотен казаков. Всего у князя Андронникова — $25\frac{3}{4}$ батальона, 44 орудия, 15 сотен казаков и 29 сотен милиции.

Действующий корпус князя Бебутова из отрядов: Ахалкалакского — $2\frac{1}{4}$ батальона, 4 пехотных орудий, 3 сотни казаков и 1 сотни милиции, главного Александропольского — $18\frac{1}{2}$ батальона, 48 пехотных и 16 конных орудий, 26 эскадронов, 21 сотни казаков, и Эриванского — $6\frac{1}{2}$ батальона, 8 пехотных орудий, 6 сотен казаков и 2 сотни милиции. Всего у князя Бебутова — $27\frac{1}{4}$ батальона, 76 орудий, 26 эскадронов, 30 сотен казаков и 3 сотни милиции.

Таким образом, на турецкой границе всего предполагалось сосредоточить — 53 батальона, 120 орудий, 26 эскадронов,

45 сотен казаков и 32 сотни милиции. В общем резерве оставалось 4 батальона, 8 пехотных и 4 конных орудия.

Кроме того, в Черномории, под начальством генерала Хомутова, находилось $25\frac{1}{4}$ батальона, $90\frac{1}{2}$ сотни и 50 орудий, распределенных на два отряда — Таманский и Закубанский. Что касается до турецкой армии, то она, устроившись на зиму и получив подкрепления, имела главные силы в 60 тысяч человек, расположенными под стенами Карса, а отдельные корпуса стояли в Батуми, занимая авангардом Озургеты, и в Баязете.

27 мая обулетский бек Гассан-паша, став во главе озургетского турецкого авангарда силою в 12 тысяч человек при 4 орудиях, начал наступление на с. Нигоити, где стоял авангард подполковника князя Эриванского, силою в $2\frac{1}{2}$ батальона, 4 орудия и 10 сотен Гурийской милиции, который и разбил наголову Гассан-пашу.

Получив известие о победе при с. Нигоити, князь Андронников двинулся с главными силами своего отряда 29 мая к с. Озургеты, а оттуда — вслед за отступившим за р. Чолок неприятелем; на р. Чолок князь Андронников разбил 4 июня турок под начальством Селима-паши, в числе 34 тысяч человек, наголову.

Трофеями этой славной победы служили 13 орудий, много знамен, имущество 3 лагерей и масса пленных. Потери турок достигли 5 тысяч человек, наши — 1500 человек.

Сражение на р. Чолок совершенно расстроило Батумский корпус и обеспечило край, вверенный попечению князя Андронникова.

Не менее успешны были наши действия и на левом фланге в Эриванском отряде.

Сосредоточив свой отряд у Амарата, начальник Эриванского отряда, барон Врангель, первоначально охранял Эриванскую губернию от неприятельских покушений. 18 июня отряд этот в составе 5 батальонов, 12 орудий, 9 сотен милиционеров перешел к Игдырю, затем 22-го продвинулся до Орговского поста, откуда, после небольшого дела, 23 июня отошел обратно к Игдырю, где и простоял в бездействии до половины июля.

Получив разрешение перейти в наступление, отряд барона Врангеля в 2 часа ночи 16 июля выступил с целью скрытно занять перевал через хребет Агри-Даг, в шести верстах от которого в долине расположился вышедший из Баязета корпус Селима-паши. Здесь, у небольшого озера Чин-гина, решительно атаковав превосходного в силах (у турок 12 тыс., у нас — 3 тыс.) врага, барон Врангель разбил его наголову.

4 орудия, несколько знамен, масса всевозможных запасов и два турецких лагеря достались в руки победителей. Потери турок достигли 3 тысячи человек, наши — 400 человек, причем был ранен и сам барон Врангель. Конница преследовала неприятеля на протяжении 3 верст, после чего, ввиду чрезмерного утомления коней, была остановлена, и отряд расположился на ночлег биваком на месте турецкой позиции, откуда была видна вся Баязетская долина.

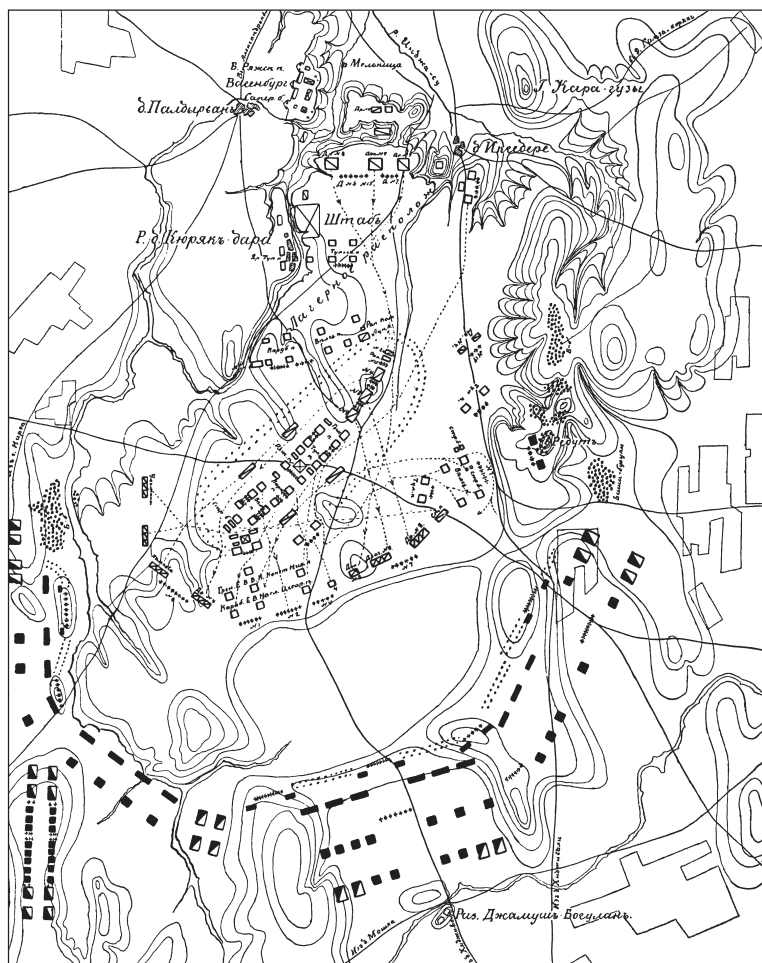
Турки, очистив Баязет, бежали безостановочно к Вану.

На следующий день барон Врангель двинулся к Баязету, который и занял 19-го числа.

Найдя там большие запасы, он частью увез их, частью уничтожил, и, не рискуя оставаться со столь малыми силами в таком удалении от нашей границы, отошел назад и занял позицию на Абаз-Гельском перевале. Расположение в этом пункте давало возможность господствовать над караванным путем из Персии, а самое движение барона Врангеля по направлению к Карсу должно было оказать содействие князю Бебутову.

Александропольский отряд, имея целью двигаться в пределах Турции по направлению к Карсу, выступил 15-го июня с начальником князем Бебутовым и вновь назначенным его помощником князем Барятинским во главе.

20 июня корпус князя Бебутова, в составе 17 батальонов, 26 эскадронов, 72 орудий, 14 сотен казаков и 14 сотен милиции, перешел через Карс-чай и остановился на ночлег в 10 верстах от этой реки между селениями Палдерваном и Кюряк-Дара. До турецкого лагеря у Хаджи-Вали оставалось 15 верст. Здесь, в близком соседстве от турок, Александропольский отряд простоял свыше месяца, не предпринимая никаких активных действий.

План сражения при деревне Кюряк-дара 24 июля 1854 г.

22 июля командующий Анатолийской армией Зафир-паша получил сведение о поражении Баязетского отряда и о намерениях барона Врангеля соединиться с князем Бебутовым для совместных действий. Желая предупредить усиление Александропольского отряда, Зафир-паша решил утром 24-го атаковать князя Бебутова на его позиции. С этой целью обозы были отправлены к Карсу, а войскам было приказано пододвинуться ночью к русской позиции, а на рассвете ее атаковать. Для этого отряд Абдурахман-паши, в составе 5 батальонов, горной батареи и 2 эскадронов, должен был в полночь направиться на высоты Кара-Яла и овладеть этим пунктом. Правая колонна под начальством Керима-паши, силой 19 батальонов, 16 эскадронов и 30 орудий, должна была выступить вслед за Абдурахман-пашой, направиться к подошве Кара-Яла и развернуть боевой порядок влево от предыдущего отряда. Левая колонна, под командой генерала Кмети, в составе 22 батальонов, 22 эскадронов и 48 орудий, выступившая вслед за правой, должна была взять направление от Хаджи-Вали на Ингедери и выстроить боевой порядок в уступной форме справа, примыкая к левому флангу правой колонны. Артиллерия, массивованная в 4 большие батареи, должна была занять интервал между колоннами, имея за собою резерв в составе 4 батальонов и 2 кавалерийских полков. Башы-бузуки, около 8 тысяч, человек двинулись на обоих флангах.

Князь Бебутов, узнав о приготовлениях турок к выступлению, но не зная цели их движения, решил в случае наступления противника предупредить его в поле, в случае же его отхода к Карсу — идти к этому пункту через Мешко и ударить туркам во фланг.

Перед рассветом 24-го наш отряд (усиленный 15 июля 2 батальонами и 6 орудиями) с авангардом из стрелкового батальона, 3 сотен казаков и 2 сотен охотников вытянулся на позиции и приготовился к движению. Таким образом, 18 тысяч наших сил должны были вступить в бой с 34—36 тысячами турок в случайной для обеих сторон обстановке. Пройдя три версты по направлению на Мешко, передовые цепи Александропольского отряда заметили на волнис-

той равнине, отделявшей нас от турецкого лагеря, движущиеся нам навстречу массы. В то же время на отрогах Кара-Яла, где был наш редут, не занятый нами по случаю перехода в наступление, показались турки. Князь Бебутов приказал рассыпать цепь, коннице выдвинуться вперед, а пехотным колоннам зайти правым плечом и стать на позиции. Когда наша передовая конница развернулась на ближайшем берегу лощины, пересекавшей поле сражения по вогнутой к стороне турок дуге, то и неприятельская кавалерия, в свою очередь, также заняла противоположный берег, к которому уже спешили головные части турецкой пехоты.

Князь Бебутов быстро оценил обстановку и, видя растянутое на 8 верстах расположение турок, решил прорвать центр армии Зафира-паши. Тем временем наши пехотные части, исполняя данное им приказание, зашли правым плечом и стали на указанной позиции, имея в первой линии Белевский и Эриванский полки, а за ними Гренадерский и Тульский. Батареи выехали в интервалы первой линии. Шесть эскадронов новороссийских драгун и сводный линейный казачий полк с № 6 Донской батареей стали на правом фланге, остальная конница — в резерве. Вслед за этим князь Бебутов образовал под начальством генерала Белявского отряд из 5 батальонов и 8 орудий с приказанием штурмовать Кара-Ял и выбить оттуда турок, а для прикрытия этой атаки справа были выдвинуты вперед 16 эскадронов и 6 сотен. Через несколько минут на поддержку генерала Белявского были двинуты 2 батальона Тульского полка, а гренадерская бригада, назначенная для удара против неприятельского центра, выдвинулась вперед на окраину лощины.

Открывшая еще в 17.15 огонь, артиллерия Кемира-паши начала в 18 часов с продвижением вперед правой турецкой колонны наносить нам существенный вред.

Около этого времени генерал Белявский, получивший приказание, отменявшее атаку Кара-Яла, занял позицию у подошвы этой горы и открыл по неприятельским колоннам штурцерный и артиллерийский огонь.

Едва только пехота генерала Белявского дала нашей коннице опорную точку, как начальствовавший здесь кавалери-

ей генерал Багговут приказал тверским драгунам атаковать главную батарею правого крыла турок.

Молча веденная атака под картечным огнем с фронта и фланга отбросила передовые турецкие батальоны, и скоро, изрубив прислугу, драгуны были уже на орудиях. Вынесшиеся было из резерва баши-бузуки и повернувшие за ними уже однажды помятые батальоны были обращены в бегство. Исполнив задачу, тверцы увезли 4 неприятельских орудия и отошли за нижегородцев.

В свою очередь турки пожелали отвлечь стремительную атаку натиском на другом пункте и направили три штуцерных батальона и улан против отряда генерала Белявского. Скоро наш левый фланг должен был перейти к обороне, и чувствовалось, что ему, может быть, не удастся устоять против решительного натиска отборных турецких войск.

Заметив опасность положения, стоявшие невдалеке нижегородские драгуны кинулись в шашки на штуцерные батальоны, а дивизион № 7 Донской батареи есаула Кульгачева, снявшись с передков непосредственно перед неприятельской пехотой, обдал ее картечью. Но, не глядя на град пуль и непрерывные атаки наших драгун, турки захватили часть орудий Кульгачева и не выпустили их до тех пор, пока силы не оставили последнего из оставшихся в живых. Но, сломив геройство турецкой пехоты, нижегородцы недосчитали в своих поредевших от потерь рядах 23 из общего числа 33 офицеров.

Тем временем генерал Белявский справился с уланами и пошел в штыки на правый фланг пехоты турок; нижегородцы снова понеслись в атаку и к 8 часам правое турецкое крыло окончательно дало тыл. Преследовать дивизию Кемирапаши было невозможно, так как колонна генерала Мети вошла уже в боевую линию и угрожала правому нашему флангу. Туда спешно был направлен генерал Багговут с дивизионом Тверского полка и тремя сотнями казаков.

Когда разыгралось дело у генерала Белявского, то князь Бебутов двинул в 7 часов гренадерскую бригаду с тремя батареями для прорыва центра боевого порядка турок.

Спустившись в лощину, гренадеры заняли первоначально позицию в 450 сажен от противника. Затем, медленно

и стройно продвигаясь вперед, бригада начала нести сильные потери от перекрестного огня расположившихся по охватывающей дуге турок, направивших, кроме того, сюда свою конницу.

Но трудное положение бригады сильно облегчилось с отступлением правого турецкого фланга, и предводимые князем Барятинским гренадеры ринулись в атаку.

Турки не дрогнули и, осыпаемые картечью снявшейся в 60 сажен нашей артиллерии, пошли сами в атаку. Схватка была жаркая и долговременная. Однако с трудом, но все же гренадеры сломали вдвое превосходного врага и, одной угрозой подвергнуть 2-ю линию батальонов участи первой, заставили турок отойти. В этот момент, когда правый фланг уже бежал, а центр был сломлен, к полю сражения начала подходить левая колонна, сбившаяся с пути и грозившая теперь охватить наш правый фланг. Этой колонне предшествовали массы баши-бузуков, поддержанные регулярной конницей и артиллерией.

Здесь было 6 эскадронов новороссийских драгун с Донской № 6 батареей, 9 сотен линейных казаков и еще правее 10 сотен милиции. К 8 часам турки сосредоточили на своем левом фланге от 14 до 16 батальонов, 3 батареи и несколько уланских полков. Выставив 2 сильные батареи, турки громили фронт нашей конницы перекрестным огнем; их пехота стояла в несколько линий на близкий пушечный выстрел; массы баши-бузуков, поддержанные регулярной конницей, полком пехоты и батареей, обходили и теснили оконечность нашего правого фланга. Время дальше терять было нельзя, и принявший начальство над правым флангом генерал Багговут решил перейти в наступление. Усиленный 6 ротами Рязского полка, 4 орудиями, дивизионом тверских драгун, 3 сотнями казаков и ракетами, правый фланг выстроился в боевой порядок.

Брошенные в баши-бузуков несколько ракет заставили их отхлынуть, вслед за чем наша конница пошла в атаку. Баши-бузуки и подкрепившие их уланы были смяты, отброшены, прислуга конной турецкой батареи была изрублена.

На державшийся за конницей полк пехоты были направлены роты Рязского полка, но, встреченные сильным огнем,

они приостановились. Видя это, турки перешли в контратаку. Но бросившийся на них дивизион тверских драгун заставил неприятельскую пехоту повернуть назад, а Рязские роты вновь перешли в наступление. Между тем князь Бебутов, видя, что центр турок прорван, что князь Барятинский с отрядом генерала Бриммера зашел уже правым плечом вперед и стал в тылу запоздавшей отступлением левой колонны турок, решил ввести в дело последний резерв — 2 батальона Тульского полка, 8 орудий и 4 эскадрона новороссийских драгун. Став во главе этого отряда, маститый воин князь Бебутов лично повел его против сопротивляющегося еще противника и довершил полное поражение армии мушира Зафипаши. В первом часу дня прекратилось преследование ввиду полного изнеможения людей. Благодаря этому остатки неприятельской армии, несмотря на совершенное ее поражение, успели спастись, собрались к Карсу и послужили основанием для новых формирований. Трофеями победы были 15 орудий, 6 знамен, множество оружия и свыше 2 тысяч пленных. Общие потери турок достигли 10 тысяч человек, у нас же вышло из строя около 3 тысяч. Князь Бебутов в награду за эту победу был награжден в чине генерал-лейтенанта орденом Святого Андрея Первозванного. 4 августа войска наши начали отходить к своим границам и в ноябре расположились на квартиры у Александрополя, а позднее разошлись на широкие квартиры в окрестностях Александрополя, Тифлиса, Ахалкалаки и Делижана. Прочие же отряды в наступившую зиму были расквартированы следующим образом:

Ахалкалакский — в окрестностях Ахалкалак;

Ахалцыхский — в окрестностях Ахалцыха и на пространстве между Ахалцыхом и Сурамом;

Гурийский — в окрестностях Кутаиса и на пространстве от Сурама до устья речки Техуры, впадающей в Рион.

**Операции в Крыму: театр военных действий;
состояние крепости Севастополь.
Высадка союзников; сражение на Альме.
Обложение Севастополя с южной стороны;
бомбардировка 5 октября; Балаклавский бой;
сражение при Инкермане**

Если до осени 1854 г. враги России имели в борьбе с нею более обширные, но менее определенные цели ослабить русское влияние в Европе, то с этого времени цели их хотя и сузились, но зато приобрели более определенную форму — раздавить могущество России на Черном море. Предполагалось положить окончательный предел ее дальнейшему поступательному движению на юг, с целью захвата проливов, или же хотя бы только замедлить это движение на много лет.

В действительности же борьба за Черное море вылилась в форму борьбы за Севастополь, базу и место стоянки нашего, грозного в то время для Турции, Черноморского флота.

Крымский полуостров, сильно вдающийся неправильным четырехугольником в Черное море, соединяется с материком узким Перекопским перешейком, шириною около 18 верст.

С севера на юг полуостров имеет протяжение около 200 верст, а с запада на восток в самом широком месте — 300 верст. С трех сторон Крым омывается Черным морем, а северо-восточная его часть — Азовским морем и озером Сиваш или Гнилым морем. Сравнительно мало изрезанные берега Крыма, а также почти повсеместное мелководье у берегов образуют весьма немного заливов и бухт, удобных для якорной стоянки. К числу последних надо отнести на северо-западном берегу бухту Ак-Мечетскую, далее, на юго-западном участке, Евпаторийский рейд, который, однако, совершенно открыт и имеет грунт, затрудняющий стоянку судов на якоре, затем Севастопольский рейд и гавань и глубокий Балаклавский залив — из числа заливов: Ялтинского, Алуштинского, Суданского и Феодосийского — только последний вполне удобен для якорной стоянки. Омывая далее южный берег Керченского полуострова, Черное море через Керчь-Ени-

кальский пролив, длиной 40 верст и шириной в самом узком месте 4,5 версты, соединяется с Азовским. Азовское море, мелководное у берегов и неудобное поэтому для судоходства, омывает северный берег Керченского полуострова до Арабатской стрелки, отделяющей его от озера Сиваш.

Несколько уширивающаяся на севере стрелка отделяет от материка Геническим проливом.

Крымский полуостров делится по рельефу местности на две неравные и резко отличающиеся части — горную и степную; часть, простирающаяся на 15—60 верст от морского берега внутрь страны, горная и занимает около одной трети всей поверхности; остальное пространство полуострова степное.

Главный хребет Крымских гор тянется вдоль южного берега и большей частью в недалеком от него расстоянии. Как он, так и параллельные ему второстепенные хребты, круто обрываются к югу и, напротив, полого спускаются к северу. Высшая часть хребта Чатыр-Даг — 5000 футов.

Близ Феодосийской бухты главный хребет почти прерывается, сохраняя слабую связь с горными возвышенностями Керченского полуострова.

Из рек северного склона Крымского хребта наиболее замечательны: р. Черная, протекающая по болотистой Инкерманской долине, Бельбек, Кача и Алма, долины которых покрыты виноградниками.

Все названные реки не судоходны и представляют затруднения для переправы лишь в период дождей и таяния снега.

Хорошими путями сообщения Крым во время Восточной войны был до крайности беден. До 1854 г., за исключением шоссе, построенного вдоль южного берега на протяжении около 100 верст от с. Таушан-Базар, у подошвы Чатыр-Дага, до Севастополя, все прочие пути сообщения состояли из грунтовых дорог. Средоточием всех путей в Крыму был Симферополь, от которого дороги расходились в следующих направлениях: 1) из Симферополя на Перекоп, главный почтовый, торговый и военный путь, по которому производились все сношения Крыма с прочими частями империи; 2) из Севастополя на Евпаторию и Ак-Мечеть; 3) из Симферопо-

ля через Бахчисарай до Севастополя; главное сообщение Севастополя с остальным полуостровом и с внутренними областями империи. (Дорога эта находилась в весьма дурном состоянии и пролегла то по каменистой горной, то по глинистой местности, то по болотистым низменностям.); 4) от предыдущей дороги ветвь, отделяющаяся близ Бахчисарая и направляющаяся на Балаклаву; 5) Симферополь, Карасу-Базар, Феодосия, Керчь; 6) Симферополь, Чангарский мост (соединяющий Крым и материк в наиболее узком месте оз. Сиваш), Харьков; 7) от Феодосии по Арабатской стрелке, по паромной переправе через пролив Геничск на материк. Кроме того, из Севастополя, Евпатории, Карасу-Базара и Феодосии шли дороги, которые выходили на главный путь из Симферополя в Перекоп.

Население Крымского полуострова до войны превышало 430 тысяч человек, что составляло 811 человек на квадратную милю. Большая часть населения состояла из татар, остальные же были караимы, жившие преимущественно в городах, немцы-колонисты в Феодосийском и Симферопольском уездах, греки в Балаклаве, небольшое число русских переселенцев, болгаре, армяне и евреи. Жители степей занимались преимущественно скотоводством, главным же занятием жителей горной части Крыма являлось садоводство. Селения (аулы) татар по тесноте и загрязненности помещений для расположения в них войск не годились.

В общем Крым не представлял удобств ни в смысле путей сообщения, ни в целях расквартирования, ни в отношении снабжения всеми припасами, за исключением мяса, имевшегося в достаточном количестве.

Подвоз морем прекратился с началом войны, а сухопутные пути были труднодоступны.

Окрестности Севастополя, на которых преимущественно сосредоточились военные операции 1854—1855 гг. и потому заслуживающие более подробного описания, ограничиваются на севере р. Бельбеком, на западе и на юге Черным морем и на востоке Балаклавской бухтой и отрогами главного хребта Крымских гор. В очерченном районе, в от-

личие от остальной части полуострова, очень извилистый берег моря образует несколько бухт. Таковы Севастопольский рейд, в 6 верст длины, от 250 до 450 сажен ширины и от 35 до 63 футов глубины, по своим качествам один из лучших в мире. Северный и южный берега бухты, образуемые уступами гор, высоки, скалисты и обрывисты, но к морю понижаются. Северный берег образует несколько выдающихся мысов и малых бухт, в которые впадают короткие и неглубокие балки: Северная, Сухая, Куриная, Панаиотова, Голландия, Сухарная, Маячная и Графская. Южный берег образует три большие бухты, глубоко вдающиеся в материк: Килен-балочную или Килен-бухту, Южную, очень удобную, и Артиллерийскую. Из них Южная бухта совершенно защищена от всех ветров и представляет превосходную естественную гавань, в которой помещался весь Черноморский флот. От Артиллерийской бухты к востоку морской берег, постепенно понижаясь до Херсонесского мыса, образует еще несколько более или менее обширных бухт: Карантинную, Херсонесскую, Казачью, Песочную, Камышевую и Стрелецкую.

От Херсонесского мыса берег круто поворачивает на юго-восток, постепенно возвышается и переходит в отвесные и местами нависшие обрывы, образующие у Булуклавы весьма удобную, но, однако, со стесненным выходом в море, бухту.

Самые ближайшие окрестности Севастополя большим рейдом и рекою Черной разделяются на 2 части. Южная, или так называемый Херсонесский полуостров, от Севастополя постепенно повышается к востоку и у верховьев Большого рейда обрывается уступом Сапун-гора, составляющим 12-верстную неприступную позицию, обращенную фронтом к востоку.

Херсонесское плато, сильно изрезанное балками, идущими по направлению с юго-востока на северо-запад, делится глубокой Сарандинакиной балкой на 2 части с различным характером. Восточная часть представляет, сравнительно с западной, более пересеченную местность с глубокими балками и крутыми берегами этих балок, именно: Килен-балка протяжением до 4 верст. Пространство между Килен-

балкой, рейдом и рекою Черной состоит из Инкерманских высот. Почти параллельно с Килен-Балкой идет Доков овраг. Местность между Килен-балкой и Доковым оврагом представляет длинный хребет с тремя отдельными высотами: ближайшая к городу — Малахов курган, далее высота Камчатского люнета и на одной линии с ними у устья Микрюковой балки (одно из разветвлений верховьев Килен-Балки) высота Виктория или Микрюкова.

Следующая балка, Лабораторная, соединяющаяся в устье с Сарандинакиной. Хребет между Лабораторной балкой и Доковым оврагом также образует две высоты: Бамборскую, ближайшую к городу, и Воронцовскую, в версте от первой.

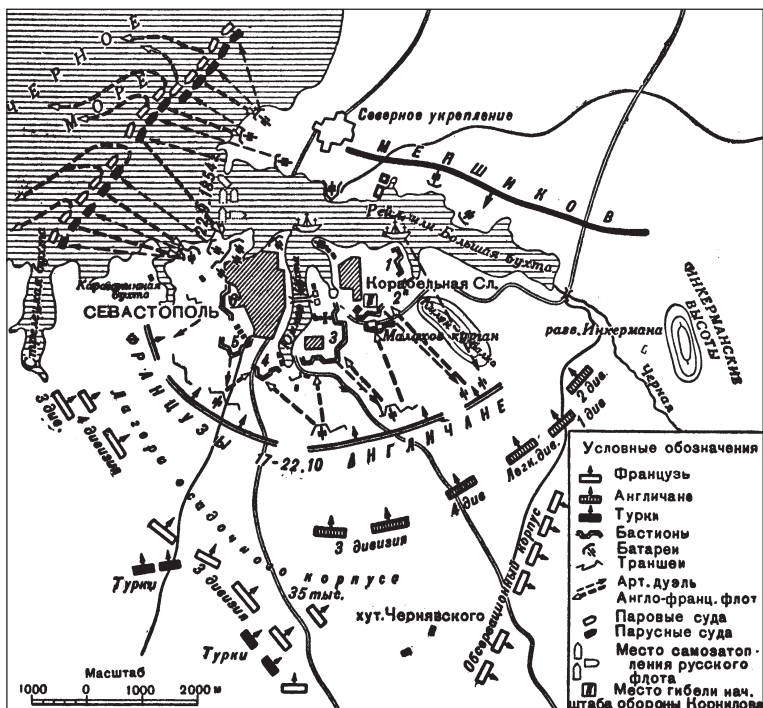
Наконец, упомянутая выше Сарандинакина балка, которая идет почти по прямому направлению с юга на север, длиною в 6 верст, до впадения в Южную бухту. Она, соединяясь у своего устья с Лабораторной балкой, образует довольно обширную низменность, называемую Пересыпь.

С правой стороны Сарандинакина балка принимает в себя две другие — Хомутовку и Делаягардиеву. Высота, находящаяся между Лабораторной, Сарандинакиной и Делаягардиевой балками, называется Зеленой горой.

Западная часть Херсонесской возвышенности гораздо обширнее и местность на ней менее пересечена.

Почти параллельно Сарандинакиной балке здесь тянется Карантинная балка с менее крутыми и почти повсюду удобовосходимыми берегами. Возвышенное плато между Сарандинакиной и Карантинной балками называется Куликовым полем.

Отсюда берут начало: Городской овраг, пересекающий город и впадающий в Артиллерийскую бухту; Загородная балка, пролегающая к западу от города, и Кладбищенская лощина. Между Карантинной балкой и вершиной городского оврага находится отдельная продолговатая высота с пологими скатами, называемая Рудольфовой горой. К западу от Карантинной балки местность, называемая Новой Землей, принимает более ровный характер; из пересекающих ее балок самые значительные — Стрелецкая и Камышева, впадающие в бухты того же наименования.

Осада Севастополя. Штурм 17—22 октября 1854 г.

Почва Херсонесского полуострова представляет пласты твердого известняка, местами совершенно обнаженного, местами же покрытого тонким слоем глины и растительной земли, перемешанной с хрящом.

Растительностью и водой местность бедна до крайности и только Килен-балочная высота и верховья Доковой и Лабораторной балок были покрыты дубняком и колючим кустарником, все же остальное пространство представляло голую степь. Местность между восточной оконечностью Херсонесского плато, Сапун-горой, балаклавскими высотами и ближайшими отрогами главного хребта образуют живописную и плодородную Балаклавскую долину, которая постепенно понижается к Черной речке, образуя ряд отдельных

холмов; наиболее значительные из них — Федюхины высоты. Местность к северу от большого рейда и долины реки Черной, ограниченная рекою Бельбеком и притоком Черной-Шулею, составляет часть второстепенного хребта, параллельного Яйле.

Восточную часть ее составляет Каралевская гора, лежащая между Бельбеком и Каралевским ущельем. Далее в прямом направлении на протяжении 10 верст тянутся Мекенаивы горы, образуя ближе к бухте многочисленные балки.

Этот горный массив образует еще одну, более слабую, позицию фронтом на север по левому берегу Бельбека.

На южном преимущественно берегу Севастопольского рейда расположен основанный в 1784 г. г. Севастополь. Находясь почти в средоточии Черного моря, в выдающемся положении нашего побережья и представляя все удобства для стоянки многочисленного флота, он составляет важный стратегический пункт как для оборонительной, так и для наступательной войны.

Южная сторона Севастополя разделялась на Городскую сторону, лежащую к западу от Южной бухты, и Корабельную, расположенную к востоку от нее.

К началу Восточной войны Севастополь, будучи главным военным портом на юге России, был снабжен всем необходимым для флота. Там было прекрасное, так называемое, Лазаревское адмиралтейство, доки, водопровод, окружный арсенал, деловые дворы, провиантские магазины, лаборатория, значительный склад орудий, пороха и прочих припасов, сухарный завод, казармы для морских чинов и два госпиталя. В городе насчитывалось до 2 тысяч каменных домов и до 40 тысяч жителей, почти исключительно русского, близко стоявшего к флоту, населения.

По своим природным свойствам Севастополь дает массу положительных данных для сильной обороны со стороны моря и крайне неудобен для обороны с суши. Разделенный большим рейдом, как непроходимой вброд рекою, на две части, северную и южную, он требует для своей обороны сравнительно большого числа войск.

Северный берег рейда командует городом и всеми морскими сооружениями, а потому обладание им равносильно владению рейдом и портом. В юго-восточной своей части город окружен командующими высотами, которые постепенно повышаются до Сапун-горы, отстоящей от него в 9—10 верстах. Наиболее удобная для обороны западная часть, где местность менее пересечена.

Что касается обороны рейда с моря, то к началу Восточной войны она уже была совершенно закончена и состояла из 8 сильных батарей. Из них казематные — Константиновская, Михайловская и отчасти каменная, отчасти земляная — батарея № 4, были на северном берегу рейда, а Павловская, Николаевская, № 8, в связи с 7-м бастионом, Александровская и № 10 — на южной стороне рейда. Кроме Александровской батареи, которая была частью каменная, частью земляная, и земляных батарей № 8 и № 10, остальные были каменные, казематные.

Все эти батареи, вооруженные 533 орудиями, обстреливали взморье и рейд фронтальным, фланговым и тыльным огнем.

Для обороны же Севастополя с суши было сделано очень мало и, надо признать, что город с этой стороны был совершенно не укреплен. Так, во исполнение проекта укреплений города 1837 г., на южной стороне рейда были выполнены следующие работы: оборонительные казармы для закрытия горж на местах бастионов № 1, 5 и 6, почти законченный бастион № 7 и оборонительные стены между бастионом № 7 и местами бастионов № 6 и 5. На местах рвов проектированных бастионов № 3, 4 и 6 были сделаны небольшие валики. Кроме того, была сделана тыльная оборонительная стенка позади батареи № 8 и бастиона № 7 между артиллерийскими зданиями.

На северной стороне имелось единственное Северное укрепление, построенное еще в 1818 г. и оставшееся до Восточной войны без изменения. Оно имело вид восьмиугольного форта с боками от 80 до 100 сажен. Укрепление не было применено к местности и не было анфилировано с высот, лежавших к северу от него, и само почти не доставляло никакой обороны впереди лежащей местности.

Бруствера укреплений осыпались, развалились и совершенно утратили свою первоначальную профиль.

Ни одно из укреплений сухопутной стороны к 1853 г. не было вооружено, а на береговых батареях хотя орудия и были установлены, но все же не в полном числе.

Практическую стрельбу гарнизонная артиллерия производила только из двух ближайших к морю батарей, для остальных же не было определено ни углов возвышения, ни действительности выстрелов. На каждое орудие имелось по 160 боевых зарядов, из которых в готовом виде на батареях было по 115 для бомбовых пушек и единорогов и 55 для мортир. Во всей крепости не было ни одной снаряженной бомбы. Таким образом, ко времени начала военных действий с Турцией оборонительная сила Севастополя не соответствовала необходимой безопасности этого ключа к владычеству России на Черном море и базе нашего флота. Но, пропуская подробности, строительные предположения и сам постепенный ход работ по укреплению Севастополя, посмотрим, в каком же состоянии находились в действительности укрепления Севастополя ко 2 (14) сентября, когда вражеская нога впервые вступила на землю Таврического полуострова.

Укрепления со стороны моря оставались те же, что были и в 1853 г. Они были усилены лишь на северном берегу башней, воздвигнутой усердием морского подрядчика отставного поручика Волохова, имевшей целью препятствовать неприятелю обстреливать с моря в тыл Константиновскую батарею; в тылу же ее была построена земляная батарея Карташевского на 5 крепостных орудий. Кроме того, вдоль рейда были построены: земляная батарея № 1, на мыску между Константиновской и Михайловской батареями, Двенадцати-Апостольская, Парижская и Святославская.

Сухопутные же укрепления находились в следующем состоянии: на южной стороне самым сильным укреплением был 6-й бастион, начатый постройкой только зимой и еще не оконченный.

По устройству 5-го бастиона ничего сделано не было и лишь возведенная там башня была приспособлена для артиллерийской обороны и снабжена 11 орудиями.

Оборонительная стенка между 7,6-м и 5-м бастионами была закончена и вооружена 14 орудиями.

Левее 5-го бастиона, на берегу городского оврага, был построен и вооружен редут Шварца (№1).

Для заграждения промежутка между редутами Шварца и 4-м бастионом было устроено три завала. Первый из них, начинаясь у редута, спускался в городской овраг и закрывал выходы улиц; в четырех местах за ним было поставлено 8 орудий. Второй завал пересекал Балаклавскую дорогу и был вооружен 4 полевыми орудиями. Третий завал, вооруженный двумя 24-фунтовыми пушками, поднимался по крутизнам на Бульварную высоту.

От 4-го бастиона, вооруженного 17 орудиями, был устроен вдоль окраины большого бульвара каменный завал, на оконечности которого у Грибка (беседка над обрывом высоты) была построена слабая батарейка № 2 (Грибок); у вершины Южной бухты, на Пересыпи, были устроены 4 батарейки; на Бомборской высоте, на месте, назначенном для 3-го бастиона, была устроена батарея, в виде редута с отрезом. Для фланкирования левого фаса батареи, построенной на месте 3-го бастиона, была построена у восточного угла сада Прокофьева маленькая батарея Будищева (№ 3) в виде каменного завала.

Позади этой батарейки была устроена у восточных ворот морского госпиталя другая батарейка — Госпитальная (№ 4).

На Малаховом кургане, кроме башни, никаких сооружений возведено не было.

На месте 2-го бастиона на голой скале была устроена 6-орудийная батарея для действия по Килен-балочной высоте. По обе стороны этой батареи тянулись каменные завалы, примыкавшие к садовой ограде в Ушаковой балке. На месте 1-го бастиона была также возведена 4-орудийная батарея полевой профили. Казарма 1-го бастиона была вооружена 9 полупудовыми единорогами.

На Корабельной стороне была устроена, кроме этих укреплений, линия каменных завалов, которая простиралась от ограды морского госпиталя к Доковой стене и далее через морской остров к ограде общественного сада в Ушаковой балке.

Перевозка морского орудия на сухопутное укрепление.
С картины И. Прянишникова

Все описанные укрепления южной стороны были весьма слабы и удовлетворяли лишь до известной степени условию отражения только немногочисленного десанта. На вооружении их, совместно с сухопутной частью бастиона № 7 и батареи № 10, было всего 145 орудий.

Причины неготовности Севастополя должны быть отнесены к инертности князя Меншикова и к отсутствию должной энергии начальника инженеров генерала Павловского.

Далее к числу причин неготовности Севастополя относятся отсутствие искусных и энергичных руководителей, недостаток шанцевого инструмента и прочих запасов сухопутного ведомства. Самая же значительная доля вины должна лечь на князя Меншикова, не умевшего объединить местных деятелей, лить в них должную энергию и настоять на быстрой и планообразной работе.

К концу марта 1854 г. в окрестностях Севастополя были сосредоточены: Волынский пехотный полк — 4 батальона,

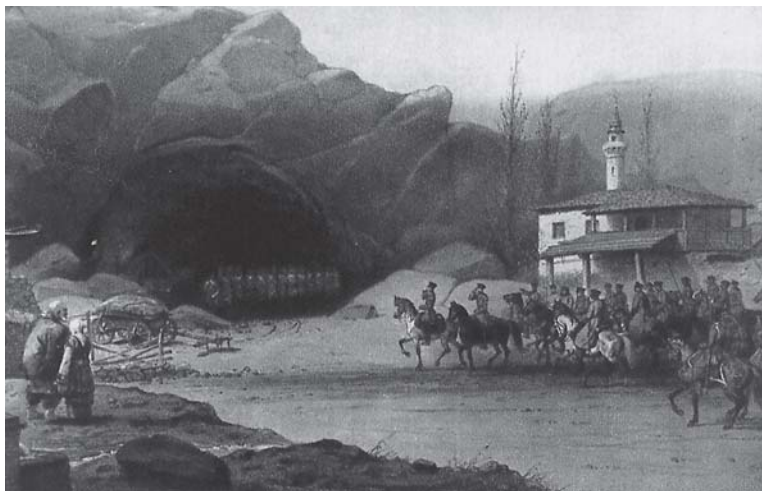
Минский пехотный полк — 3 батальона; резервная бригада 13-й пехотной дивизии — 8 батальонов; 6 саперный батальон — 1 батарея; Черноморский резервный линейный батальон — 1 батарея; Киевский гусарский полк — 4 эскадрона; Веймарнский гусарский полк — 12 эскадронов; 14-я артиллерийская бригада — 12 орудий и конно-легкая № 12 батарея — 6 конных орудий, всего 17 батальонов, 12 эскадронов, 12 полков и 6 конных орудий.

Князь Меншиков решил из всех этих войск, за исключением 8-го батальона резервной бригады, образовать действующий в поле отряд для отражения неприятельских покушений к высадке и к нападению на Севастополь с береговой стороны. В состав отряда должна была войти и 2-я бригада 17-й пехотной дивизии с ее артиллерией, по прибытии ее в Крым.

Все эти силы князь Меншиков решил сосредоточить на Бельбеке, предназначив для обороны собственно города и укреплений северного берега резервную бригаду с 4 полевыми орудиями и батареей горных единорогов, сводный флотский батальон и нестроевые команды сухопутного и морского ведомства.

Кроме этих войск в Крыму находились: в Феодосии — 4-й батальон Минского полка, 2 роты Таврического гарнизонного батальона и 4 орудия 14-й артиллерийской бригады — всего $1\frac{1}{2}$ батальона, 4 орудия; в Керчи — около батальона местных войск и в резерве между этими пунктами 4 эскадрона Веймарнского гусарского полка. Отряд этот находился под начальством генерала Жабокрицкого.

Государь особенно беспокоился за оборону восточной части Крыма. Благодаря этому с приходом в Крым 1 бригады 17-й пехотной дивизии князь Меншиков, по сношению с наказным атаманом войска Донского генералом Хомутовым, расположил войска для обороны восточной части Крыма следующим образом: в Керчи — 3 батальона, казачий полк и батарея; в Феодосии — $3\frac{1}{2}$ батальона, казачий полк и батарея и в Арчине — в резерве 4 батальона, казачий полк и донская батарея. Всего, таким образом, на Керченском полуострове сосредоточивалось $10\frac{1}{2}$ батальона, 3 казачьих полка и 3 батареи и, кроме того, полк гусар передвигался

У Балаклавы

в Карасу-базар. Общее начальство над этими войсками генерал Хомутов оставлял в своих руках.

В начале июля из абордажных судовых команд были сформированы 2 резервных батальона, а из орудий, снятых с судов, — подвижная десантная батарея.

Помимо этого предполагалось, что если противник начнет высаживаться поблизости от Севастополя (на что потребуются дней 5), то генерал Хомутов, пройдя 200 верст в 5—6 переходов при условии, что ранцы повезут на подводах, успеет подойти и ударить ему в тыл.

Прибытие 6-й дивизии еще больше увеличило радужное настроение князя Меншикова, и он писал, что хотя слухи о высадке и продолжаются, но что со стороны союзников было бы благоразумным не пускаться в подобную рискованную экспедицию.

Прибывающую дивизию командующий войсками решил расположить следующим образом: одну бригаду на Альме у с. Бурлюк, а другую в Симферополе, чтобы иметь возможность оказать помощь Хомутову в случае неприятельского десанта на Азовском берегу.

Успокоение Меншикова передалось и в С.-Петербург.

К 1 сентября 1854 г. общее число сухопутных вооруженных сил в Крыму было следующее: местных войск — $19\frac{1}{2}$ батальона и действующих — $51\frac{3}{4}$ батальона, 17 эскадронов, 27 сотен, 108 орудий — всего 51 тысяча человек. Действующие войска подразделялись на 2 группы, из которых на самом полуострове под непосредственным начальством князя Меншикова находилось: $42\frac{1}{2}$ батальона, 16 эскадронов, 11 сотен и 84 орудия, числом 35 тысяч человек.

Из общего числа войск князя Меншикова в окрестностях Севастополя находилось: 26 батальонов, 3 сотни и 42 орудия. Между Качею и Алмой — 8 батальонов, 8 эскадронов и 32 орудия; на аванпостах 6 сотен и остальные — у Симферополя, на пути из Перекопа.

Войска, состоявшие под начальством генерала Хомутова, были разделены на 2 отряда и резерв. Феодосийский отряд генерала Жаборицкого, силой в $2\frac{3}{4}$ батальона, 6 сотен и 8 орудий. Керченский отряд генерала Тимофеева, силой в $2\frac{3}{4}$ батальона, 6 сотен и 8 орудий и резерв у Арчина, силой в 4 батальона, 1 эскадрона, 6 сотен и 8 орудий. Князь Меншиков мог, таким образом, при появлении неприятеля сосредоточить в окрестностях Севастополя из всего находящегося на полуострове числа войск не более 30 тысяч человек.

В распоряжении командующего войсками находилась, кроме того, большая часть Черноморского флота, личный состав которого доходил до 18 500 человек, в том числе 416 офицеров.

Если же сюда прибавить состав арсенальных, портовых и лабораторных рот, ластовых экипажей и прочих, то число чинов флота, находившихся в Севастополе, достигало до 24 500 тысяч человек. Но из всего этого числа моряков для сухопутной обороны города предназначалось 418 человек артиллерийской прислуги и 3600 человек разных команд, в том числе были и 4 десантные роты.

К 1 сентября 1854 г. неприятельский флот доставил к берегам Евпатории Союзную армию, достигавшую 60 тысяч при 134 полевых и 72 осадных орудиях. Из общего числа

союзников около 30 тысяч человек (40 бат., 2 эск., 6—8 п. ор.) приходилось на долю французов, около 22 тысяч человек (32 бат., 10 эск., 54 ор.) — на долю англичан, а 7 тысяч человек при 12 орудиях составляли турки.

В тот же день трехтысячный отряд неприятеля вытеснил из Евпатории слабосильную команду егерей-тарутинцев и захватил в складах 60 тысяч пудов пшеницы, обеспечив армию этим провиантом на четыре месяца.

Со 2 по 6 сентября союзники высаживали свои войска на берег между Евпаторией и деревней Кюнтоуган совершенно в мирных условиях, так как попыток помешать с нашей стороны не предпринималось. Русская армия, руководимая своим главнокомандующим, адмиралом-князем Меншиковым, силой в 35 тысяч человек (42½ бат., 27 эск. и 84 орудия), сосредоточилась на левом берегу р. Альма, на пути высадившихся союзников к Севастополю. «Не признав возможным атаковать высаженные войска на плоском берегу, обстреливаемом с флота», князь Меншиков решил померяться силой с противником на занятой им выгодной позиции, прикрывавшей путь к цели действий неприятеля — к Севастополю.

Располагаясь по обе стороны дороги Евпатория—Севастополь, Альминская позиция представляла из себя плато левого берега р. Альма, высотой 150—350 футов с весьма крутыми, обрывистыми, труднодоступными даже для пехоты скалами на участке от устья до селения Алматамак, составлявшего левый фланг нашей позиции; выше этого селения возвышенности левого берега сворачивают к югу и отходят от реки, приобретая постепенно характер открытых террас.

В центре позиции фронт ее пересекался у селения Бурлюк спадающей к р. Альма балкой, по которой проложена главная Евпаторийская дорога. К востоку от этой дороги находится довольно значительная возвышенность, отдельный холм которой отстоял от реки в 300 сажень, составляя крайний правый фланг нашей позиции.

Высоты левого берега Альмы представляли все удобства обзора и обстрела обширной равнины правого берега, по-

крытый густыми виноградниками, садами и селениями (Алматамак, Бурлюк и Тарханлар) лишь непосредственно у реки.

Альма проходима во многих местах в брод, мост же (деревянный) имелся лишь против селения Бурлюк. Выгодными сторонами позиции являлись: 1) командование впереди лежащей местностью (обзор, обстрел); 2) скрытое расположение наших войск; 3) обстрел с моря затруднялся благодаря высотам на нашем левом фланге.

К числу недостатков позиции надо отнести: 1) растянутость — 7 верст, хотя левый фланг мог обороняться в силу своей труднодоступности весьма небольшими силами; 2) укрытия правого берега (сады, селения) могли служить защитой врагу.

И без того сильная позиция на Альме могла, конечно, быть доведена средствами фортификации до высокой степени обороноспособности, но несмотря на избыток времени, средств и рабочих, ничего в этом отношении сделано не было.

Пространство от моря до левого фланга нашего расположения, т. е. до дороги Алматамак—Аджибулат, обеспечивалось только батальоном Минского полка, высланного к д. Аклес с целью мешать возможной высадке в бухте Улукуль. Обход нашего левого фланга считался ввиду его труднодоступности невозможным.

Интересно то обстоятельство, что прежде ежедневно к бухте Улукул высылался батальон с четырьмя орудиями, а к старому Татарскому укреплению на утесе левого берега Альмы — 1 рота.

С вершины этого утеса, почти вовсе недоступного, вьется лишь одна искусственная тропинка к реке, и преградить здесь наступление неприятелю представлялось делом весьма легким. Но в роковой день сражения ни к бухте, ни к утесу не было выслано ни войск, ни наблюдателей.

К востоку от дороги Алматамак — Аджибулат по обрыву Альмы располагались в ротных колоннах 5-й и 6-й батальоны Белостокского и Брестского полков, имея за собой Тарутинцев в колоннах к атаке. Московский полк, составляя вместе с 4 батареями 17-й артиллерийской бригады резерв участка, располагался в версте за его серединой.

В центре позиции у подошвы гор и почти над самым виноградником левого берега Альмы стояли легкие № 1 и № 2 батареи 16-й артиллерийской бригады. Позади них на полугорке стоял построенный в колоннах к атаке Бородинский полк. На правом участке позиции, восточнее Евпаторийской дороги, на северо-западном склоне имеющейся там возвышенности стояла в эполементах, в расстоянии картечного выстрела от Бурлюковского моста, батарейная № 1 батарея 16-й артиллерийской бригады; за нею — егерский великого князя Михаила Николаевича полк (ныне Казанский); на вершине той же горы в эполементах стояла № 3 батарея 14-й артиллерийской бригады, а правее не — Суздальский пехотный полк, с легкой № 4 батареей той же бригады. На южном склоне горы во второй линии были расположены Владимирский и Углицкий полки и за ними в резерве — батарейная № 5 и легкая резервная № 4 донская батарея. Казаки, располагаясь за правым флангом, прикрывали его.

6-й стрелковый, 6-й саперный и сводный морской батальон были рассыпаны в садах деревень Бурлюк и Алматамак. Общий резерв, располагавшийся в ложбине при Евпаторийской дороге, составляли 3 батальона Минского полка, Волынский полк с легкой № 5 батареей 17-й артиллерийской бригады и гусарская бригада 6-й кавалерийской дивизии. Командование войсками, размещенными в центре и на правом фланге (вправо от Евпаторийской дороги), было вверено генералу князю Горчакову¹, войсками же левого фланга командовал генерал-лейтенант Кирьяков.

Неприятельская армия, закончив приготовления, 7 сентября выступила к р. Альма и после небольшого авангардного дела остановилась невдалеке от нашей позиции, с целью атаковать ее с рассветом 8-го.

Сообразно этому 4 дивизии французов и 1 дивизия турок должны были составить правое крыло атакующих войск, левое же состояло из пяти английских дивизий, еще левее которых должна была следовать конница Кардигана.

¹ Брат главнокомандующего Дунайской армией.

Союзники предполагали атаковать, пользуясь превосходством сил, одновременно позицию русских с фронта, обойти дивизией Боске наш левый фланг и нанести решительный удар нашему правому флангу, также обойдя его. В целях одновременности действий выступление дивизии Боске с ночлега было назначено в 5.30, англичанам — в 6 часов, прочим войскам — в 6.30. Однако до 9 часов наступление Боске и остальных французских дивизий сильно тормозилось тем обстоятельством, что англичане, ожидая почему-то вторичного приказа, только в 9 часов двинулись с мест ночлега. Тогда и генерал Боске, успевший уже произвести тщательную разведку местности зуавами и алжирскими стрелками, перешел в наступление двумя колоннами. Правую колонну составила бригада генерала Буа, двинутая по отмели вдоль Морского берега, а левую — бригада генерала д'Отмара, направленная по пролегавшей в овраге тропинке. Генерал Боске шел во главе левой колонны.

Зуавы быстро поднялись на утесы левого берега, а один их батальон немедленно продвинулся к дер. Улукул и, найдя ее свободной, занял. Когда наступавшая под прикрытием стрелков и огня с пароходов дивизия Боске развернулась на высотах левого берега Альмы, прочие войска союзной армии построили боевой порядок. Против с. Алматамак развернулись французы, имея в 1-й линии дивизии Канробера и Наполеона, а дивизии Форе и турецкую, двинутую по пути правой колонны генерала Боске, — во 2-й линии.

Против селения и моста через Альму выстроились в боевой порядок англичане. У них в 1-й линии были дивизии Эвенса и Броуна, а во второй — Энгленда и Герцога Кембриджского. Резерв, составленный из дивизий Каткара и бригады конницы Кардигана, расположился за левым флангом. Боевой порядок союзников прикрывался огнем 3 батарей и цепи рассыпанных впереди штуцерных.

Сосредоточение дивизии Боске к нашему левому флангу было замечено с 8 часов. Видя наступление спускающихся к реке батальонов, главнокомандующий переехал на левый фланг как раз в тот момент, когда враг уже преодолел высоты правого берега. Между тем зуавы рассыпали цепь и, обой-

для второй батальон Минского полка, открыли в тыл ему огонь.

Посланный на помощь батальон москвичей встретили успевшие устроиться пять батальонов дивизии д'Отмара, а новое подкрепление в лице всего остального Минского полка нарвалось уже на 10 батальонов подоспевшей бригады Буа. Огонь с судов и превосходство в силах сломили отвагу русских батальонов. Загнув флангом к позиции, Минский полк и Московский батальон неоднократно повторяли попытки штыками сбросить в реку наступавшего неприятеля, но, не принимая атаки и пользуясь превосходством вооружения, французы безнаказанно расстреливали ряды русских.

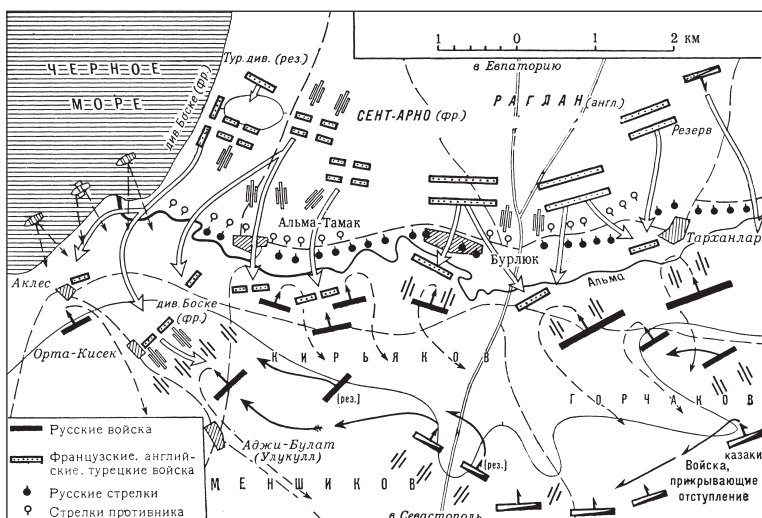
В то время, когда загорелся бой на левом фланге, маршал С. Арно приказал французским дивизиям начать наступление с фронта. Преимущество вооружения союзников скоро склонило успех боя на сторону французов, и сначала штыцерные 3-го батальона Московского полка, занимавшие селение Алматамак, а потом и весь Московский полк, спустившийся с высот в долину Альмы с целью обстрелять наступающие французские колонны, понес громадные потери, а безрезультатный огонь наших ружей не мог остановить наступление дивизий Канробера и принца Наполеона.

Англичане вступили в бой позднее французов и притом вышли не против правого фланга русской позиции, а развернулись с фронта на селения Бурлюк и Тарханлар. Слабо занятые нашими стрелками сады правого берега Альмы скоро перешли в руки неприятеля.

Овладев правым берегом, союзники перешли в наступление с фронта сразу всеми силами. Перешедшие вброд Альму батальоны понесли тяжелые потери от огня упорно оборонявшихся русских стрелков и 4-й легкой батареи 17-й артиллерийской бригады.

Не успевшие подать на высоты свою артиллерию наступавшие дивизии воспользовались помощью генерала Боске, приславшего одну батарею.

В то же время маршал С. Арно поддержал наступавшие войска дивизией генерала Форе, направив одну ее бригаду на содействие генералу Боске, а другую генералу Канроберу.

План сражения на р. Альма 8 (20) сентября 1854 г.

Высланная в голову колонн артиллерия успела повлиять на исход боя на этом участке поля сражения, и около 14 часов наше левое крыло отошло.

Около этого времени медленно, но в образцовом порядке подходили к с. Бурлюк английские колонны лорда Раглана.

Наши отступившие части подожгли селение (Бурлюк), а саперы, видя продолжающееся наступление неприятеля, кинулись разрушать мост, «но совершенно в этом не успели». Однако и англичане, понеся громадные потери, на некоторое время залегли.

Вынесшаяся было к мосту бригада Кардигана не выдержала нашего огня и отхлынула. Но стрелки противника, продвинувшиеся вперед и залежшие в виноградниках и за камнями, довели огонь до высшего напряжения, и Бородинский полк с легкими батареями, понеся огромные потери, понемногу стал отходить. Новое наступление англичан в 15 часов было встречено огнем батареей № 1 батареи 16-й артиллерийской бригады. Первые же, с большим трудом переправившиеся 5 английских батальонов, были двинуты для ата-

ки этой укрытой эполементам батарее. Для защиты ее двинулись два батальона Казанского полка. Но когда они миновали батарею, то тем самым, заслонив ее огонь, лишили себя огневой поддержки, дали передохнуть англичанам, которые, не приняв атаки, стали издали расстреливать наступавших русских. Бессильные против английского огня Казанские батальоны стали отходить, а на их плечах на батарею ворвались англичане. Два новых батальона Владимирского полка, не ожидая, пока враг устроится в эполементах, ударили на англичан и штыками погнали их к реке. Безостановочно наступавшие владимирцы с генералами князем Горчаковым и Квицинским во главе скоро начали обстреливаться с фланга двумя английскими орудиями, в то время когда с фронта трещали штуцера подкрепленных подошедшими поддержками и начавших устраиваться англичан.

Охватив наступавших, неприятель поставил владимирцев под перекрестный огонь и в несколько минут вырвал из среды полка всех офицеров и громадное число рядов. Израненный, несомый на носилках, генерал Квицинский стал возвращать из боя остатки славного полка, рассчитанного после сражения лишь на 4 роты.

Суздальский и Углицкий полки прикрыли отступление наших войск, а неприятель с возвышенностей былой нашей позиции громил отходящие по дороге за правым флангом наши колонны. Одновременно с правым крылом и центром отходили вдоль долины Улукуль и части левого крыла

Для заполнения образовавшегося в середине промежутка, несколько позади места расположения нашего главного резерва, развернулись: Вольнский полк с тремя выехавшими на позицию батареями, гусары и казаки. Этот арьергард принудил утомленного и расстроенного боем неприятеля прекратить преследование.

Двойное превосходство врага в силах, важное преимущество в вооружении, неиспользование нами всех средств фортификации в целях возможного усиления позиции, недостаточность разведки, не выяснившей возможности обхода нашего левого фланга, отсутствие наблюдения за флангами и за движением неприятельских колонн и, наконец, разроз-

ненность в действиях частей нашего боевого порядка, не имевших общего руководства и предоставленных самим себе, сделали свое дело и, понеся громадные потери в 5709 человек (1200 убитыми, 3174 ранеными и 735 без вести пропавшими), наша армия 9 сентября отошла к Севастополю.

Озабоченный обороной Севастополя с моря, князь Меншиков в день Альминского сражения приказал генерал-адъютанту Корнилову затопить у входа на рейд несколько кораблей. Желая сразиться на море с врагом, генерал-адъютант Корнилов всячески боролся против затопления. Прервав собранный им совет из флагманов и капитанов, также высказавшихся за потопление судов, — Корнилов произнес: «Готовьтесь к выходу; будет дан сигнал, кому что делать».

Но, настаивая на своем, главнокомандующий предложил Корнилову оставить Севастополь и хотел уже отдать приказ о потоплении кораблей вице-адмиралу Станюковичу. «Остановитесь, — крикнул Корнилов, — это самоубийство то, к чему вы меня принуждаете. Но, чтобы я оставил Севастополь, окружаемый неприятелем — невозможно. Я готов повиноваться вам». 10-го состоялось распоряжение, а утром 11-го на местах затопленных кораблей «Сизополя», «Варны», «Силистрии», «Уриила», «Флоры», «Селафиила» и «Три Святителя» плавали лишь обломки рангоутов.

11 сентября у главнокомандующего созрело решение предоставить оборону Севастополя резервным батальонам, саперам и морякам, а с прочими войсками отойти к Бахчисараю, где занять фланговую позицию на случай движения неприятеля к Севастополю и в то же время обеспечить себе сообщение с Перекопским перешейком, а оттуда и с внутренними губерниями. Командование расположенными в Севастополе войсками князь Меншиков передавал начальнику 14-й пехотной дивизии генерал-лейтенанту Моллеру-второму; оборона северной стороны поручалась генерал-адъютанту Корнилову, а южной — вице-адмиралу Нахимову. Во исполнение распоряжения главнокомандующего войска Севастопольского гарнизона 13 сентября были расположены следующим образом:

П. С. Нахимов в Севастополе. С картины И. Прянишникова

а) на северной стороне: в северном укреплении — 6 тысяч человек под начальством капитана 1-го ранга Бартенева; у правого ретраншаменты — до 2200 человек капитана 1-го ранга Зарницкого; у левого ретраншаменты и в балке северной пристани — 3200 человек вице-адмирала Новосильского; на Константиновской батарее — 800 человек и прислуга на батареях: Константиновской, Карташевского, Волохова, Пестича и № 4;

б) на южной стороне: 5800 нижних чинов и прислуга батарей — легкой № 4 (14-й арт. бриг.), 2-й морской подвижной и 4 орудий резервной бригады 13-й пехотной дивизии.

В то же время начатые еще со 2 сентября усиленные работы по приведению крепости в оборонительное состояние, производившиеся под руководством недавно прибывшего в Севастополь полковника Тотлебена, шли самым усиленным темпом.

Утомление войск и необходимость наладить эвакуацию больных и раненых, устроить тыл, задержали союзников на берегах Альмы до 11 сентября. В этот день в 7 часов союз-

ники двинулись к р. Кача, после ночлега на которой было предположено атаковать северное укрепление. Однако полученные сведения об устройстве новых батарей на северной стороне и о потоплении кораблей, лишавшем союзников содействия флота, повлияли на изменение плана атаки крепости, и 13 сентября, когда авангард союзников подходил уже к Бельбеку, ими решен был переход на южную сторону. Между тем в ночь с 11-го на 12-е авангард князя Меншикова двинулся к хутору Мекензи, Отаркой и далее к северу от Севастополя, в то время, когда союзники переходили с северной стороны Севастополя на южную.

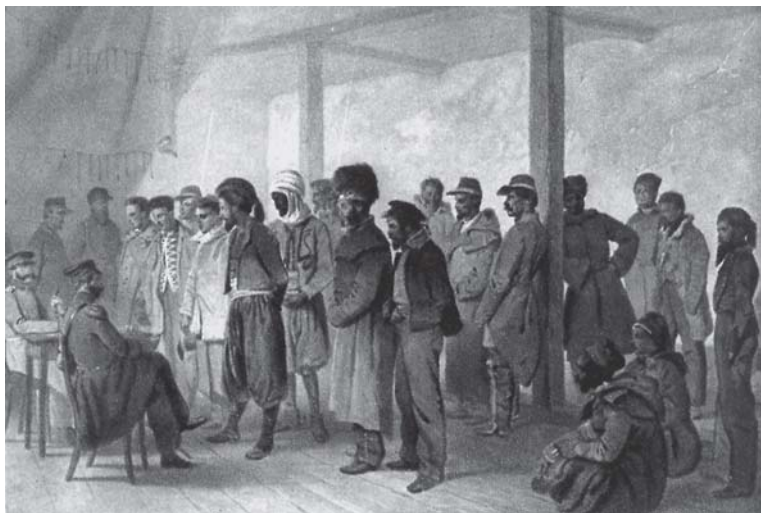
13 сентября у хутора Мекензи конница союзников столкнулась с частью нашего обоза, следовавшего в хвосте колонны князя Меншикова и захватила 25 повозок. 14-го, оставив авангард генерала Жабокрицкого в Отаркой, князь Меншиков отошел к р. Кача по дороге на Бахчисарай, а союзники, перейдя на южную сторону, заняли: французы — Федюхины высоты, а англичане — Балаклаву, после отчаянного сопротивления последней роте Греческого батальона. Базу свою французы устроили в Камышевой бухте, а англичане — в Балаклаве, которую князь Меншиков считал недоступной для судов большого ранга.

14 сентября в командование союзными войсками вступил генерал Канробер вместо заболевшего холерой, свирепствовавшей в союзной армии, и скоро умершего маршала С. Арно.

Убедившись в переходе союзников на южную сторону, генерал-адъютант Корнилов списал еще 6 тысяч человек с судов и принял на себя, по просьбе генерал-лейтенанта Моллера-второго и вице-адмирала Нахимова, официально должность начальника штаба обороны, а фактически и все руководство ею.

Работы по укреплению южной стороны пошли с удвоенной энергией; гарнизон ее был доведен до 6 тысяч человек при 23 орудиях; гарнизон же северной стороны был соответственно ослаблен и составлял 3,5 тысячи человек. На судах было оставлено 3 тысячи матросов.

Князь Меншиков, убедившись после перехода союзников на южную сторону в безопасности своих сообщений с внут-

Опрос пленных. С картины В. Маковского

ренными губерниями, 18 сентября вернулся к Севастополю и расположился на северной его стороне.

Первая рекогносцировка союзниками укреплений южной стороны относится к 15 сентября. Глазам разведчиков представилась картина кипучей деятельности осажденных. Ряд новых укреплений, батарей, траншей, завалов не мог не вызвать удивления. После рекогносцировки было принято мнение английского инженера Бургона, стоявшего за правильную осаду и говорившего, что штурмовать укрепления, не подготовив атаки их огнем тяжелых осадных орудий, легкомысленно. Вслед за решением прибегнуть к правильной осаде союзники изменили свое первоначальное расположение и заняли следующие места: французы — 3-я и 4-я дивизии (г. Форэ) — между Стрелецкой бухтой и Сарадинакиной балкой в расстоянии 2,5—3 верст от города и фронтом к бастионам 4, 5, 6-му и 7-му; правее французов стали англичане — на левом фланге 3-я дивизия Ингланда, в центр — 4-я дивизия Каткарта и легкая Броуна; на правом, занимая обрывы Сапун-горы против развалин Инкермана, 2-я дивизия Леси-Эванса; за легкой

дивизией стояли парки, первая дивизия герцога Кембриджского и конница.

Остальные две французские дивизии — первая и вторая, под начальством генерала Боске, и турецкая дивизия составили обсервационный корпус, расположенный на обрывах Сапун-горы фронтом к Балаклаве и Фдюхиным высотам. На обсервационный корпус возлагалась задача охранять армию со стороны Черной речки. Французы имели промежуточную базу в Камышевой и Казачьей бухтах, а англичане базировались на Балаклаву. Численность союзников к 19 сентября достигла 67 тысяч человек (41 тысяча французов, 20 тысяч англичан и 6 тысяч турок). Постепенно подходившие подкрепления усиливали также и русскую полевую армию и гарнизон Севастополя, достигший к концу сентября 30 тысяч человек.

Энергия полковника Тотлебена и усердие гарнизона привели к тому, что в период с 14 сентября по 4 октября вновь были построены 20 батарей, вдвое увеличено вооружение, составлявшее теперь 341 орудие, и впереди некоторых бастионов и Малахова кургана были заложены фугасы и построены засеки. В этот период времени наши батареи обстреливали неприятеля, а гарнизоном производились вылазки с целью беспокоить устраивавшегося на позициях врага.

Наконец, закончив свои предварительные работы, в пасмурную и ветреную ночь с 27 на 28 сентября, французы заложили 1 параллель на Рудольфовой горе в 400 сажен от 5-го бастиона; англичане, построив двумя ночами раньше две батареи для обстреливания Малахова кургана и батарей Ландкастеровскими орудиями, в ночь с 28-го на 29-е заложили первую параллель на Воронцовой высоте и горе Зеленой в 700 сажен от бастиона № 3. К 4 октября 53 французских и 73 английских орудия готовы были открыть огонь из батарей по осажденным. Штурм был предположен 5-го после подготовки его огнем артиллерии.

Канонада началась с 6—7 часов 5 октября и спустя час уже оборонительные казармы 5-го и 6-го бастионов и Малахова кургана оказались сильно поврежденными; стоявшие

за парашютом орудия 5-го бастиона и на башне приведены к молчанию. Но и французам был причинен изрядный вред; так, береговая батарея № 10 сбила 3 неприятельских орудия, на неприятельской № 4 батарее был нами взорван пороховой погреб, на 1-й — зарядный ящик.

Около 11 часов бомбардировка на французском фронте стихла. На нашем левом крыле особенно пострадал 3-й бастион, где выбыли из строя последовательно 6 командиров и дважды была сменена прислуга у орудий, третья часть которых была сбита. В 15 часов на 3-м бастионе взорвался погреб, обратив укрепление в груды камней; в 4-м взорвался ящик на Малаховом кургане.

Вред, нам нанесенный, не был бы особенно велик, если бы не смерть доблестного генерал-адъютанта Корнилова. Показываясь непрерывно в опаснейших местах и не сдаваясь на убеждения беречь себя, он возражал: «Что скажут обо мне солдаты, если сегодня меня не увидят». Проехав к Малахову кургану, встреченный восторженными криками матросов 44-го флотского экипажа, Корнилов спокойно отдавал распоряжения, наблюдая за врагом. Исполнив, казалось, все, он сошел с Малаховой башни, подошел к Кремальерной батарее, чтобы сесть на лошадь и поехать в Ушакову балку, где стояли резервы. В это время ядро ранило его в ногу у живота. «Отстаивайте же Севастополь», — сказал он окружающим и потерял сознание. Очнувшись в госпитале, он говорил свидетелям своей кончины: «Скажите всем, как приятно умирать, когда совесть спокойна, — и спустя немного: — Благослови, Господи, Россию и Государя, спаси Севастополь и флот». И уже в агонии услышав голоса о том, что англичане будто бы принуждены к молчанию, вскричал «ура» и, более в себя не приходя, скончался.

Когда бомбардировка нашего правого крыла прекратилась и огонь поддерживался лишь англичанами, вступили в дело корабли неприятельской эскадры, но от этой бомбардировки они пострадали более, нежели крепостные верки.

Видя безуспешность морской атаки, союзники скоро прекратили бой и лишь англичане вели огонь на сухопутном фронте до наступления полной темноты. Убыль наша в день

первого бомбардирования составила 1250 человек, союзники потеряли 868 человек. Напрасные жертвы осаждающих, не достигших серьезного результата, вселили уныние в их ряды и привели к сознанию, что только медленной осадой им удастся овладеть Севастополем.

Неудача союзников, напротив, подняла дух осажденных, увеличила их силы и желание отстоять кусок родной земли. Обращаясь к причинам неудачных действий французов, необходимо отметить, что сосредоточенное расположение батарей на Рудольфовой горе приводило к необходимости вести обстрел нашей позиции по расходящемуся вееру, тогда как нам приходилось вести огонь по ветру сходящемуся, что в смысле сосредоточения огня несравненно выгоднее.

Достигнутые же англичанами успехи объясняются тем, что действие их орудий с фронта сопровождалось огнем фланговым и частью даже тыльным.

Ночь с 5-го на 6-е была нами употреблена на исправление повреждений и на приведение в относительно оборонительное состояние бастиона № 3. А французы в эту ночь и день вывели участок первой параллели от Рудольфовой горы к капители 4-го бастиона, обнаружив тем свое намерение прибегнуть к правильной осаде. Рассвет 6-го принес нам новую бомбардировку бастионов № 3, 4 и Малахова кургана со стороны английских батарей. Потери 3-го бастиона вновь достигли 543 человек. Затем, начиная с 7 по 13 октября, ежедневно с нашей стороны в ответ на неприятельскую канонаду выпускалось от 10 до 12—14 тысяч снарядов.

Устройство траверсов и блиндажей, искусство опытных сигнальщиков, предупреждавших о летящих на укрепления снарядах, значительно уменьшили наши потери, достигшие за сутки в среднем 254 человека. Кроме того, громадную роль сыграло чрезвычайно удачное расположение новых батарей, строившихся под руководством Тотлебена. Едва союзники построят батарею, как за ночь Тотлебен выстраивал против нее две, и тем не давал им возможности приобрести перевеса в огне.

Не ограничивавшийся одной пассивной обороной, доблестный гарнизон Севастополя стал прибегать к вылазкам. Ме-

На бастионе.

С картины В. Маковского

шая неприятелю производить ночные работы, охотники, в большинстве случаев участвовавшие в этих опасных предприятиях, держали неприятеля в постоянном тревожном ожидании нападения. Активные наши выступления влияли прекрасно на дух защитников, и число желающих принять участие в вылазках росло. Так, в ночь с 8 на 9 октября нашим морякам удалось заклепать 7 французских орудий на Рудольфовой горе. В этой вылазке погибли славной смертью лейтенант Троицкий и князь Путятин.

В ночь на 10-е французы повели подступы против капители 4-го бастиона, редута Шварца и успели заложить участок 2-й параллели.

В первой половине октября наши силы достигли 65 тысяч человек и в самом недалеком будущем, с подходом 10-й и 11-й дивизий, должны были возрасти до 80—90 тысяч. К этому же времени численность союзников доходила до 70—85 тысяч человек. Если принять во внимание растянуто положение со-

П. С. Нахимов 5 октября на батарее.
С картины И. Прянишникова

юзников и необходимость прикрывать осадные работы, то для нас являлось весьма выгодным предпринять наступление на базу англичан — Балаклаву — и тем поставить союзников в затруднительное положение. Гарнизон Балаклавы состоял из 3350 англичан и 1000 турок, последние занимали редуты (шесть), которые составляли внешнюю линию укреплений и были расположены на холмах, отделяющих Балаклавскую долину от долины Черной речки. Вторую линию укреплений, внутреннюю, составлял ряд батарей, соединенных траншеями.

Для атаки Балаклавы был отряжен 16-тысячный отряд генерала Липранди, первоначально сосредоточившийся в Чоргуне.

Начатое в 6 часов русскими наступление, поддержанное канонадой, через час уже увенчалось взятием редутов, поспешно покинутых турецким гарнизоном. На выручку бежавшим туркам была устремлена конная бригада Скерлета, а затем и Кардигана. Дело свелось к кавалерийскому бою,

в котором удачной фланговой атакой Еропкин со своим сводным уланским полком разбил английскую конницу.

Подход французских войск на выручку заставил генерала Липранди только удержать в своих руках редуты 1, 2 и 3 и, не двигаясь далее, тем самым прекратить сражение. Потери наши составили 550 человек, союзников — 598.

Значение боя было, конечно, главным образом моральное, поднявшее бодрое настроение в войсках. И только остается пожалеть, что эта операция была предпринята без достаточных для полного успеха сил, которые можно было сосредоточить, подождав подхода 10-й и 11-й дивизий. Тогда следовало одним могучим ударом лишить англичан их базы, к охране которой до сей поры они относились не столь внимательно.

Союзники, обеспокоенные Балаклавской операций, ослабили после нее бомбардировку Севастополя и сосредоточили все свое внимание на обеспечении промежуточной базы англичан. Обсервационный корпус пододвинулся к англичанам, 1-й французской дивизии приказано быть готовой оказать англичанам необходимое содействие.

Усиленные осадные работы французов пододвинули к 20 октября их траншеи до 100 сажен к 4-му бастиону, тогда как траншеи медленно действовавших англичан остановились в версте от бастиона № 3.

22-го в состав Севастопольского гарнизона влилась 10-я дивизия. Полученные около этого времени сведения о предполагаемой в начале ноября атаке города вынудили князя Меншикова озаботиться подготовкой Севастополя к штурму и принятием необходимых мер на случай очищения города. С подошедшими частями 10-й и 11-й дивизий общее количество русских в Крыму достигло 90—100 тысяч человек, тогда как союзники насчитывали лишь 70 тысяч. Кажется, момент для действий назрел, и главнокомандующий решил перейти в наступление всеми силами.

Исходя из того что успешная атака неприятельского расположения может быть достигнута при одновременном нападении на правый фланг, центр, с целью его прорвать, и левый фланг, с целью приковать к месту расположенные там

неприятельские силы, князь Меншиков распределил предназначенные для наступления войска следующим образом:

1) действующий отряд г. Севастополь — 29 батальонов, 1 казачья сотня, 38 орудий — всего 19 тысяч человек, под начальством генерал-лейтенанта Соймонова, должен был начать наступление из Килен-балки в 6 часов;

2) отряд с Инкерманской горы, генерал-лейтенант Павлова, силой в 20,5 батальона, 96 орудий, всего 16 тысяч человек, должен был выступить в 6 часов, восстановить Инкерманский мост и быстро следовать на соединение с генерал-лейтенантом Соймоновым. Общее руководство этими двумя отрядами возлагалось на генерала Данненберга;

3) Чоргунский отряд генерала князя Горчакова, силой в 16 батальонов, 52 эскадрона, 10 сотен, 88 орудий, всего 20 тысяч человек, имел назначение отвлекать внимание союзников и должен был овладеть одним из подъемов на Сапун-гору;

4) гарнизон — имел задачу содействовать наступлению огнем и в случае замешательства у неприятеля захватить батареи противника; для обеспечения от неприятеля Бахчисарайской дороги на Мекензиевой горе был оставлен отряд около 6 тысяч при 36 орудиях.

Отрядам генералов Соймонова¹ и Павлова предстояло наступать сперва по узкому, 350 сажен шириной, плато между долиной Черной речки и Килен-балки и далее к единственно доступному участку неприятельского расположения между вершинами Каменоломного оврага и другого, впадающего в Килен-балку. Дождь, сопровождающийся сильным ветром, испортил окончательно дороги, но помог скрытному сосредоточению наших войск к исходным пунктам, начавшемуся еще с 2 часов ночи. К 6 часам отряд генерал-лейтенанта Соймонова уже построился в версте от правого неприятельского фланга фронтом к 2-й английской дивизии

¹ По предположению колонна генерала Соймонова должна была следовать по левому берегу Килен-балочного оврага, но на деле произошла путаница из-за названия — правый или левый берег.

генерала Лесси, расположение которой было обеспечено тремя весьма слабыми укреплениями.

При первых же выстрелах со стороны Килен-балки не ждавшая атаки дивизия Лесси (при 12 орудиях) стала в ружье, примкнув свой правый фланг к редуту № 1, а левый — к верховьям Килен-балки. С трудом преодолевая размокший грунт, расстреливаемые нарезным оружием англичан русские медленно, но безостановочно продвигались вперед. В течение часа вторая английская дивизия была значительно усилена и ко времени атаки достигла 12—13 тысяч человек.

Осилив естественные препятствия, два батальона тобольцев с двумя батальонами Кольванского полка опрокинули бригаду Паннефазера, овладели редутом № 2 и заклепали 2 орудия. В то время подошедший к Инкерманскому мосту еще в 5 часов и задержанный возобновлением переправы, генерал Павлов только начал переходить реку Черную, между тем егеря 10-й дивизии окончательно расстроили передовые полки бригад Паннефазера и Буллера, а два батальона Екатеринбургского перешли верховья Килен-балки, атаковали бригаду Кондригтона и захватили 4 орудия, но, наткнувшись на превосходные силы и не поддержанные с тылу, принуждены были отойти.

Одновременно остановились, а скоро и отошли понесшие большие потери егеря 10-й дивизии, прикрытые Бутырским и Углицким полками, за правым флангом которых находились в резерве Владимирский и Суздальский полки.

Огонь 38 орудий помог нашим батальонам отступить и расположиться вне выстрелов.

В 8 часов на занятые англичанами высоты взобрались Тарутинский и Бородинский полки, ведя атаку под прикрытием канонады генерала Соймонова на правый фланг бригады Адамса.

Решительно атакованные англичане подались назад, а тарутинцы захватывают редут № 1. Отошедшая бригада Адамса стала издали расстреливать тарутинцев и, нанеся последним громадные потери, атаковала их. Поредевшие тарутинцы покинули редут, но, едва успев восстановить порядок и сомкнуть ряды, они новой атакой отбрасывают англичан.

Однако к бригаде Адамса успели подойти 6 свежих батальонов гвардии, за ними устроившаяся бригада Паннефазера, и волна ослабленных тарутинцев откатилась к Каменоломному оврагу.

Рукопашный бой сменился канонадой. Развернув свои силы, англичане имели на правом фланге у вершины Каменоломного оврага гвардейскую бригаду Бентика, редут № 1 занимали Кольдстримы, в центре стали бригады Адамса и Паннефазера, на левом фланге была бригада Буллера. Бригада Кондригтона расположилась на левом берегу Килен-балки. Кроме того, к полю сражения должны были скоро подойти вызванные еще в 7 часов прибывшим к месту боя лордом Рагланом дивизии Каткара и Джона Кемпбеля.

Генерал Боске, обеспокоенный движением Чоргунского отряда, первоначально приготовился встретить атаку князя Горчакова, но потом, видя, что деятельность его ограничивалась одной канонадой, разгадал демонстративный характер и принял все меры к тому, чтобы перевести возможно большее количество войск к решительному пункту поля сражения.

В 8.30 на Килен-балочное плато взошли батальоны Охотского полка и, видя перед собой развернувшегося врага, бросились на него, не ожидая подхода прочих батальонов и артиллерии отряда генерала Павлова. Встреченные канонадой и сильным штуцерным огнем англичан, стрелки Охотского полка были первоначально оттеснены; но, поддержанные 4-м саперным батальоном, опрокинули неприятельских стрелков и прикрыли развертывание колонны Инкерманского отряда. За Охотским полком развернулись Якутский и Селенгинский полки, имея впереди и влево 32 орудия. Огонь нашей артиллерии, сосредоточенный по неприятельской № 1 батарее, сильно способствовал взятию ее штыками охотцев, понесших, однако, ужасные потери от перекрестного огня англичан.

Прибывший в этот момент на поле сражения генерал Каткарт со своей дивизией немедленно двинул в обход охотцев бригаду; но атака ее была отбита селенгинцами. Приблизившись неосторожно к батарее № 1 и рассчитывая най-

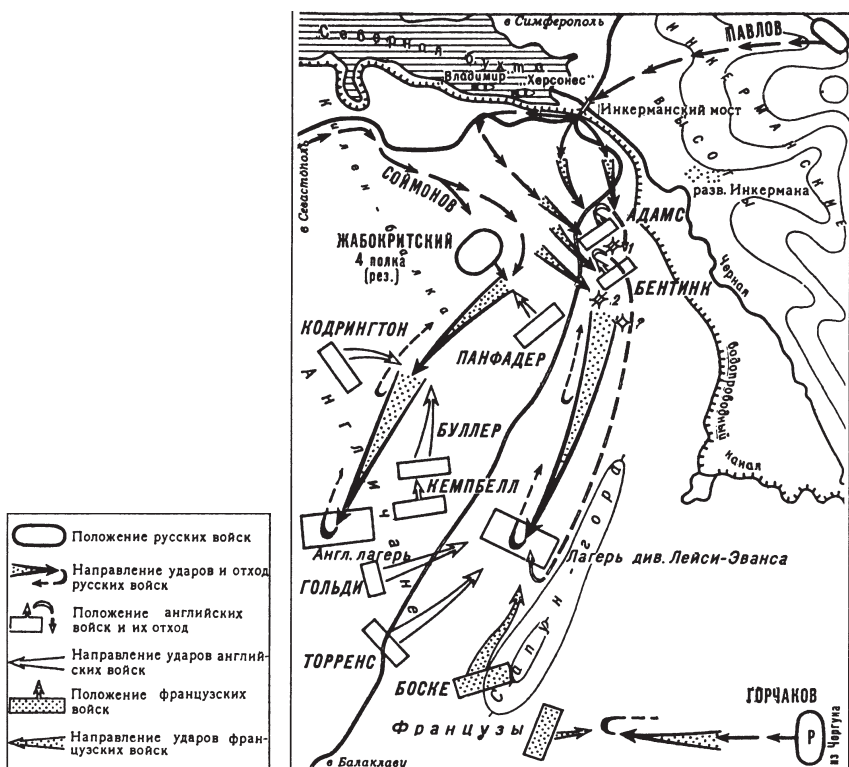
ти там англичан, генерал Каткарт неожиданно для себя был атакован Охотским полком и поддержавшими его якутцами и селенгинцами. Громадные потери среди начальствующих лиц и выбытие из строя четверти состава нижних чинов, при полном израсходовании резервов, заставили англичан прибегнуть к помощи французов, от содействия которых до сей поры они отказывались.

Но стихийное наступление 11-й дивизии не удалось остановить и прибывшим передовым частям французов с генералом Бурбаки во главе. Уже расстроенные боем ряды англичан и французов, перемешавшись, подались назад. Успех на решительном пункте поля сражения, казалось, был уже обеспечен.

Оставалось только отвлечь внимание противника на прочем фронте, приковать к местам своего первоначального расположения силы союзников при помощи вылазки из Севастополя и энергичного наступления Чоргунского отряда, — и победа была бы в руках русских... Но произведенная из Севастополя вылазка, по малочисленности принимавших в ней участие сил, особого влияния на ход боя не оказала, а руководимые князем Горчаковым 20 тысяч человек Чоргунского отряда оставались равнодушными зрителями разыгравшейся на Инкермане драмы.

Половина всех сил Чоргунского отряда была оставлена князем Горчаковым на правом берегу речи Черной в то время, когда другая половина была растянута на пространстве от Федюхиных высот до Балаклавского редута № 1. Подобное расположение отряда обуславливало полную невозможность энергичного наступления и ему оставалось ограничиться безвредной, продолжавшейся до 9 часов, канонадой; с 9 часов и до 14 часов обе стороны лишь наблюдали друг за другом. В 16 часов князь Горчаков расположил свой отряд в долине Черной речки.

Бездеятельность Чоргунского отряда позволила генералу Боске выделить значительные силы на поддержку англичан и уже с 11 часов 12 тысячам пехоты и многочисленной коннице князя Горчакова были противопоставлены 5 батальонов бригады Эспинаса силой 3200 человек.

Сражение под Инкерманом
24 октября (5 ноября) 1854 г.

Новые французские силы совместно с англичанами навалились на поредевшие и истомленные продолжительным боем полки 11-й дивизии. Уступая громадному превосходству в силах, части отряда генерала Павлова начали понемногу отходить. Не введенными в бой у нас были лишь полки Бутырский, Углицкий, Владимирский и Суздальский. Первым двум предстояло прикрыть отступление 11-й дивизии, а вторые должны были расположиться вдоль саперной дороги, по которой тянулась наша расстроенная боем артиллерия. В 13 часов на смену отступавшим были выдвинуты

Отбитие штурма. С картины В. Маковского

Владимирский и Суздальский полки и грудью своею прикрыли отходящие части.

Скоро, однако, потери заставили и это свежее прикрытие отступить вслед за прочими войсками, из которых артиллерия вместе с вышедшими из Севастополя частями направилась к мосту на Килен-балке, а части отряда генерала Павлова — к речке Черной.

Провожая отступающих штурцным огнем, стрелки противника, пользуясь кустарником, слишком приблизились к нашим батареям и едва не захватили несколько орудий. Лишь находчивость Тотлебена, своевременно рассыпавшего роту Углицкого полка, поддержанную затем батальоном Бутырского и двумя батальонами владимирцев, дала возможность выиграть время и под прикрытием огня нескольких выкаченных на позицию орудий, спасти нашу артиллерию, успевшую втянуться за оборонительную линию лишь в 20.30.

Потери наши были для того времени колоссальны: 6 генералов, 289 офицеров и 11 669 нижних чинов выведены из

Затишье на бастионе. С картины В. Маковского

строя. Союзники потеряли 4500 человек. Главными причинами нашей неудачи надо признать:

1) неиспользование всех сил, имевшихся в распоряжении князя Меншикова; полки Тобольский, Волынский, 8 батальонов 13-й резервной дивизии, многочисленная конница, моряки, отряд князя Горчакова, отряд на Мекензиевой горе — почти вовсе не приняли участия в бою, а силы переименованных частей составляли треть общего числа войск;

2) неясность диспозиции, приведшая к тому, что колонны действовали без всякой связи и вступали в бой по частям;

3) преступную бездеятельность князя Горчакова, представившего генерала Данненберга самому себе.

Все же результатом Инкерманского сражения явилось то обстоятельство, что союзники отказались временно от всяких штурмов Севастополя и перешли к правильной осаде.

**Осада Севастополя; бой за передовые позиции;
бомбардировка 28 марта — 7 апреля;
штурмы 26 мая и 6 июня**

Союзники, несмотря на успех в сражении при Инкермане и несмотря на подход 31 октября новых подкреплений, отказались, однако, на некоторое время от решительных действий и обратили самое серьезное внимание на обеспечение своего расположения от наших покушений.

С конца октября в окрестностях Севастополя сильно ухудшилась погода. Вместе с тем отсутствие теплой одежды в наступившие ненастные и дождливые ночи и частые бури с проливными дождями развили болезненность среди союзников, и холера стала уносить большое количество жертв. В ночь на 2 ноября весь лагерь союзников затопило ливнем, бурей сорвало палатки, а на море значительное число судов было потоплено и разбито.

Разрушения, причиненные в эту ночь осадным работам, заставили неприятеля заняться их исправлением, прекратив на время ведение новых подступов.

Принятые нашей администрацией меры достаточно обеспечили защитников теплой одеждой, и только бессменное расположение людей на позиции изнуряло гарнизон Севастополя, давая возможность развиваться лихорадкам и желудочным заболеваниям.

Усиливая свою циркумвалационную линию, союзники особенно прочно укрепили Килен-балочную высоту, создав, кроме уже имевшихся, ряд новых редутов, получивших общее название «Черных редутов», предназначавшихся для обстреливания подступов от Килен-бухты и Черной речки.

В то же время были усилены укрепления впереди Балаклавы и на Сапун-горе.

Ослабление огня осадных батарей дало возможность передохнуть и гарнизону, который в свою очередь использовал конец октября и начало ноября для ряда работ по укреплению оборонительной линии. Так, Малахов курган был обращен в сомкнутое укрепление, были сомкнуты горжи некоторых бастионов, устроены завалы, искусственные препятствия и т.п.

Начатые в ночь на 7 ноября атаки небольших частей союзников на наши завалы впереди укреплений вначале успеха не имели, но в ночь на 9 англичанам удалось овладеть завалами на Зеленой горе и устроить из них траншею на протяжении 100 сажен. Чтобы не дать возможности англичанам утвердиться на оконечности Зеленой горы, с нашей стороны были приняты меры для возможно сильного обстреливания противника и производились частые вылазки охотниками преимущественно из моряков и черноморских пластунов, которые облюбовали это занятие, сделав из него род спорта, вносящего некоторое разнообразие в томительные дни обороняющегося... Первое место среди молодцов-охотников бесспорно принадлежало матросу 30-го флотского экипажа Петру Кошке¹, которого так и тянуло на какой-нибудь отчаянный подвиг. То, незаметно подкравшись к неприятелю, он снимает часового, то спасает от вражеского поругания труп убитого товарища, то, ворвавшись в траншею противника, захватывает с собой пленного.

Кроме обстрела неприятельских работ и вылазок, обороняющийся часто прибегал к устройству ложементов, состоявших из небольших участков траншей, закладывавшихся посредством летучей сапы впереди оборонительной линии и на таком расстоянии от неприятельских работ, чтобы производству их можно было бы мешать ружейным огнем. Впервые ложементы были заложены перед редутом Шварца и в период между 20 и 24 ноября количество их достигло семи. Затем, по мере распространения французской атаки к стороне Карантинной бухты, ложементы были устроены на всем протяжении от Городского оврага до упомянутой бухты и на других участках оборонительной линии.

Вместе с тем нами было усилено вооружение правого фланга обороны и построен ряд батарей и новых редутов: Чесменский, Ростиславский и Язоновский; вообще продолжавшееся до половины декабря затишье было использовано в полной мере и оборонительная линия возможно усилена.

¹ Вдова его находилась на попечении Севастопольского комитета.

Еще со времени Инкерманского боя французы заложили на левом фланге перед третьей параллелью полупараллель и из нее также вывели вперед несколько подступов, приблизивших неприятеля к исходящему углу люнета Шварца на 210 сажен.

Но продвинуться к нам ближе им не удавалось.

Это заставило полковника Тотлебена опасаться, что французы спустились под землю и ведут под бастион мины с целью его взорвать. Тогда полковник Тотлебен приказал и с нашей стороны спуститься минами, чтобы идти навстречу неприятелю.

С тех пор и до падения Севастополя перед четвертым бастионом велась очень упорная минная война, и так успешно для нас, что французы принуждены были бросить свои попытки овладеть 4-м бастионом и обратить все усилия на Малахов курган.

Заведовал минными работами с нашей стороны штабс-капитан Мельников, который постоянно находился в минных галереях под землею, постоянно следил за неприятельским минером и, подпуская его незаметно поближе к себе, взрывал заложенные камуфлеты, разбивал на большое пространство его галереи, заставляя начинать эту кропотливую работу снова.

Самое сильное впечатление произвел на французов наш первый камуфлет, взорванный 22 января. Услышав 18 января работу неприятельского минера, наши минеры заложили заряд в 12 пудов и неожиданно для противника взорвали его.

Когда последовал взрыв, то с нашей стороны было слышно, как подземный гул удалялся в стороне неприятеля, и потом в его траншеях показались пламя и дым. Французы были так ошеломлены неожиданным взрывом, что в испуге выскочили из своих закрытий и были встречены сильнейшим картечным огнем наших орудий, заранее приготовленных для этой цели.

10 февраля нашим минерам удалось совершить редкий подвиг: саперный унтер-офицер Федор Самокатов, работая в галерее, наткнулся на неприятельскую мину и занял 12,5 сажени ее открытой силой с командой, состоящей всего из четырех минеров и фейерверкера с ракетами.

Постоянной удачей отличалась для нас минная война, но и дорого же стоила она труженикам-саперам, которым целые месяцы приходилось жить под землею, в узких галереях, где нельзя было выпрямиться, при полном недостатке свежего воздуха, да к тому же каждую минуту ожидать, что неприятельский взрыв живого похоронит в обширной могиле.

Производившиеся в течение всей зимы вылазки предпринимались нами с целью мешать ночным работам неприятеля.

Но наибольшую славу заслужил постоянный участник вылазок лейтенант Бирюлев, отличавшийся замечательной отвагой и распорядительностью.

Ряд его заслуг был отмечен производством Бирюлева в капитан-лейтенанты и назначением флигель-адъютантом к его императорскому величеству.

Уступая настояниям государя и военного министра в необходимости перейти к решительным действиям, князь Меншиков решил штурмовать Евпаторию с целью лишить союзников этого пункта высадки.

Произведенная генералом Хрулевым 5 февраля 1855 г. попытка штурмовать Евпаторию благодаря сильному гарнизону, солидным укреплениям и достаточной артиллерии не удалась.

Несмотря на жестокий огонь обороняющегося, наши войска подошли было к самому рву города, но, найдя ров наполненным водой, принуждены были отойти, так как лестницы оказались короткими.

Известие о неудаче под Евпаторией застало государя на одре болезни.

Поручая наследнику ответить князю Меншикову, государь высказал свое огорчение о напрасных потерях и, изверившись в способности командовавшего войсками в Крыму, высочайше уволил его по болезненному состоянию от должности. Начальствование Крымской армией было вверено генерал-адъютанту князю Горчакову-второму.

В начале осады союзники главную атаку вели на укрепление городской стороны и вспомогательную — на третий бастион. Но 20 января 1855 г. на военном совете Ниель указал на важное значение Малахова кургана, командовавшего всею Корабельною слободкою, гаванью и сообщениями с Се-

верною стороною; с овладением Малаховым курганом, по мнению генерала Ниеля, представлялась возможность обстреливать с тыла оборонительную линию, что в свою очередь должно было повлечь падение Севастополя.

26 января против Малахова кургана была заложена на расстоянии 840 сажен первая параллель и начаты постройкой 2 батареи.

В целях возможного замедления успеха неприятельских работ против Малахова кургана нами было решено занять лежащие впереди Малахова кургана и за Килен-балкою высоты. Подробно обследовав местность за Килен-балкою и выбрав место для укрепления, вечером 10-го в Троицкую балку свезли шанцевый инструмент и туры, а полковник Тотлебен с капитаном Тидебель разбили редут в 400 сажен от неприятеля и в 450 сажен впереди 2-го бастиона, названный в честь селенгинцев Селенгинским.

Французы в ночь с 11-го на 12-е повели самое решительное нападение на этот редут, но селенгинцы и волынцы, под начальством генерала Хрущева, с помощью парохода «Владимир» отбили блестяще все попытки французов.

Столь же успешно 17 февраля в 100 сажен впереди Селенгинского редута был выстроен редут Волынский, а 26-го вырос в 315 сажен от Малахова кургана Камчатский люнет, имевший назначением обстреливать местность между Килен-балкою и Доковым оврагом, подступы французов за Килен-балку и англичан впереди 3-го бастиона.

Сооружение Камчатского люнета, составившего центр нашей контр-параллели, простиравшейся к северо-востоку до Большой бухты и к юго-западу до Лабораторной балки, заставило французов безотлагательно приступить к осадным работам против Зеленой горы. И в ночь на 1 марта французы заложили параллель в расстоянии 225—350 сажен от Камчатского люнета. Для замедления в устройстве подступов неприятеля нами закладывались ложементы, и кровавая борьба за обладание каждой пядью земли возобновлялась почти что каждой ночью.

7 марта смерть унесла доблестного защитника Севастополя контр-адмирала Истомина.

Все свои силы отдавая на укрепление и удержание Малахова кургана, он примирился с необходимостью умереть, отстаивая родину, и пал смертью храбрых, возвращаясь с осматра Камчатского люнета.

8-го на северную сторону прибыл вновь назначенный командующий войсками князь Горчаков.

С целью уничтожить левый французский подступ, пододвинувшийся на 40 сажен к нашим ложементам у Камчатского люнета, решено было произвести, под начальством генерал-лейтенанта Хрулева, большую вылазку с войсками численностью около 5 тысяч человек. Кроме этой главной вылазки предполагалось сделать против англичан две другие, вспомогательные. Однако ввиду начавшейся перестрелки условленный сигнал барабанным боем услышан не был, и вспомогательные вылазки капитана 2 ранга Будищева и лейтенанта Бирюлева произошли несколько позднее, хотя и с обычным успехом.

Предназначенные для главной вылазки батальоны расположились следующим образом: впереди Камчатского люнета находились 2 батальона Камчатского полка, левее их 2 Днепровских батальона, прочие же были выстроены по сторонам люнета.

Быстро выбив французов из ложементов, камчатцы ворвались на их плечах в траншею, и здесь завязался страшный рукопашный бой. Тогда же саперы принялись за возобновление ложементов.

Не давая возможности приблизиться неприятельским резервам, прочие Камчатские батальоны штурмовали левый подступ, прогнали французов, а рабочие и моряки разрушили неприятельские сооружения; одновременно два Днепровских батальона успешно атаковали средний французский подступ.

Когда работа моряков была уже окончена, командовавший передовыми батальонами полковник Голиков стал отводить свои части.

Перешедшие в наступление французы были встречены свежими частями из резерва и ударами во фланг батальонами левой колонны.

Когда же в тылу противника раздался ружейный огонь штуцерных отряда Будищева, то, окончательно ошеломленный, он бежал, очистив первую параллель и побросав орудия.

Достигнув цели вылазки, генерал Хрулев с большим трудом увел упоенные успехом и рвавшиеся вперед войска.

Противник должен был заняться исправлением поврежденных, а мы тем временем усиливали нашу оборонительную линию.

11 марта, после описанной выше вылазки, назначено было перемирие для уборки убитых.

Как только взвились белые флаги, возвещавшие перемирие, то целые массы русских и французов бросились навстречу друг другу, приветствуя врагов, покрывших себя во время ночной схватки неуязвимой славой. Но насколько наши солдаты любили французов, настолько же недружелюбно относились они к холодным англичанам, с которыми никогда не хотели здороваться.

После 10 марта удачный опыт применения контр-апрошей был к 28 марта распространен на всем пространстве против правой французской и обеих английских атак между рейдом и Лабораторной балкой.

К этому же времени был заключен постройкой ряд новых батарей, сооружено до 140 блиндажей, вмещавших по 6 человек, усилено артиллерийское вооружение новых укреплений и в самом составе гарнизона были произведены перемены. Численность защитников к концу марта достигала 48 487 человек, и из них в строю находилось 34 тысячи штыков и 9 тысяч артиллеристов.

Не переставая время от времени обстреливать Севастополь, союзники между тем готовились к усиленной бомбардировке города. И на второй день Пасхи, 28 марта, в 5 часов, по сигналу ракетой открыли огонь французские орудия, а через час к ним присоединились и батареи англичан. Началось второе бомбардирование, более ужасное и более продолжительное, чем первое. Весь город — старики, женщины и дети — кинулись к Николаевской батарее, единственному прикрытие от всюду падавших снарядов.

Во все время этого второго десятидневного бомбардирования главной целью для союзников служили редут Шварца и 3-й, 5-й и 4-й бастионы. Особенно страдал последний. Не-

сколько раз на нем заменяли все вооружение, а к вечеру 1 апреля и сам бастион был приведен в такое состояние, что его пришлось почти что вновь восстанавливать. Помимо бомбардировки союзники вели борьбу за обладание ложементами впереди редута Шварца и 4-м и 5-м бастионами, переходившими из рук в руки. Но все же к концу бомбардировки — к 7 апреля — ни одного из укреплений оборонительной линии не перешло врагам. А все преимущества были на стороне противника. Их охватывающее положение допускало вести сосредоточенный огонь; перелет снарядов наносил вред городу, тогда как наши перелеты пропадали даром; мы, ожидая штурма, должны были держать резервы вблизи боевых линий, а союзники имели на позициях лишь артиллерийскую прислугу; наконец, изобилие запасов, безнаказанно подвозимых удобным морским путем, доставило нашим врагам возможность выпустить за 10 дней 160 тысяч снарядов, тогда как мы выпустили лишь 80 тысяч. В результате в то время, как наши враги потеряли во время бомбардировки 1850 человек, мы лишились 6130 человек убитыми и ранеными.

Самоотверженная работа медицинского персонала, руководимого профессорами Пироговым и Гюббенетом, спасла жизнь многим, а преисполненные христианской любви заботы о раненых сестер Бакуниной, Барщевской и Мещерской с госпожой Стахович во главе облегчали страдания героев-севастопольцев.

Начиная с 7-го французы начали производить ряд покушений к образованию из воронок от взрывов горнов сплошной траншеи перед 5-м бастионом. С целью этому помешать решено было на пространстве перед бастионом возвести ряд контр-апрошей.

Предприятие это было блестяще с боем выполнено генерал-лейтенантом Хрулевым, начавшим работы с наступлением ночи 11 апреля и на другую ночь окончательно их завершившим. В последующие дни новые ложементы были вооружены девятью 6-фунтовыми мортирами.

19 апреля французы, атаковав большими силами наши контр-апроши впереди редута Шварца, овладели ими после

упорного боя с Волынцами. Попытка наша отобрать ложементы за недостаточностью назначенных для этой цели сил потерпела неудачу. Со своей стороны и неприятель, несмотря на достигнутые успехи, ограничивался, в ожидании имевших подойти подкреплений, ведением подступов и постройкой новых батарей. Обороняющийся старался всеми силами замедлить приближение врага и в свою очередь сооружал батареи, а вылазками разрушал сооружения союзников, поддерживая в них тревожное настроение.

Израсходованные во время второго бомбардирования артиллерийские запасы были пополнены и в Севастополь подвезено 27 тысяч пудов пороха и 2 миллиона патронов.

В конце апреля и в начале мая армия союзников усилилась 15-тысячным сардинским корпусом и 25-тысячным резервным корпусом французов.

Несогласия среди союзных начальников сперва привели к решению предпринять экспедицию в восточную часть Крыма, но потом категорическое приказание императора Наполеона III заставило союзников, силы которых в Крыму достигли 170 тысяч человек, перейти к решительным действиям против Севастополя.

Обсуждая план действий, предложенный Наполеоном III, союзные военачальники его не одобрили, а генерал Канробер просил себя освободить от командования армией и 7 мая сдал ее генералу Пелисье. С вступлением в должность нового главнокомандующего союзный флот, деятельность которого до сей поры ограничивалась доставкой к армии подкреплений, артиллерии и разных припасов, получил назначение отплыть с корпусом в 16 тысяч человек к восточным берегам Крыма. В то же время генерал Пелисье наметил пунктом будущей решительной атаки Малахов курган, считая, что овладение им отдаст в руки союзников и самый Севастополь.

Занятие французами ложементов впереди редута Шварца предоставило им возможность поражать во фланг 4-й бастион и в тыл Язоновский редут, а с занятием Кладбищенской высоты неприятель мог бы поражать 5-й бастион, правый фас люнета Белкина, а также выходы из города между 6-м и 5-м бастионами.

Укрепление Кладбищенской высоты являлось для нас поэтому существенной необходимостью.

Генерал Тотлебен предложил устроить параллельно ограде кладбища траншею в 200 сажен и соединить ее ходом сообщения с люнетом Белкина, а генерал Хрулев нашел необходимым устройство контр-апрошей у Карантинной бухты.

В ночь на 9 мая начаты были работы, и к утру ложементы были соединены, и на левом фланге французских подступов оказался наш укрепленный лагерь. Угроза левой французской атаке, ближайшие траншеи которой анфилировались нами, побудили генерала Пелисье к решению немедленно атаковать наши контр-апроши.

10-го днем французы готовились к атаке, а вечером, в то время, когда полки Подольский, Орловский и два батальона Житомирского собрались для работ и прикрытия контр-апрошей, французы открыли артиллерийский огонь и начали в больших силах выходить из траншей. Завязался упорный пятичасовой рукопашный бой, и лишь незадолго до рассвета французы отошли в свои траншеи, успев занять лишь часть наших контр-апрошей.

У Карантинной бухты ложементы и траншеи трижды переходили из рук в руки, но все же в конце концов французы ими овладели.

Жестокий и продолжительный бой стоил нам 78 офицеров и 2438 нижних чинов, выбывших из строя; французы потеряли 2303 человека.

Казалось, что значение контр-апрошей как средства активной обороны было неоспоримо, но, боясь больших потерь, князь Горчаков отказался от дальнейшего отстаивания кладбищенских траншей, гарнизон их был значительно уменьшен, и в следующую же ночь они перешли в руки неприятеля, захватившего их с боя, причем у нас из строя были выведены 415 человек.

Союзный флот в течение мая месяца, а потом снова в июле, августе и сентябре произвел вторжение в Азовское море.

Наши слабые гарнизоны Керчи, Арабата, Геническа, Таганрога, Мариуполя и других пунктов побережья, где могли, оказывали посильное сопротивление, в противном слу-

чае уходили, уничтожая запасы, орудия и взрывая укрепления. Между прочим, Керчь, занятая неприятельским десантом, осталась в его руках.

Вслед за взятием кладбищенских траншей генерал Пелисье решил немедленно приступить к атаке Корниловского бастиона¹. Однако первоначально союзникам предстояло овладеть передовыми укреплениями нашего левого фланга, а именно: Селенгинским и Волынским редутами и Камчатским люнетом.

Взятие их и было поставлено ближайшею задачей, выполнить которую было предположено 26 мая. В штурме редутов должны были принять участие 39 батальонов, причем правая колонна генерала Лаваранда направлялась на Волынский редут, левая генерала Фальи — на Селенгинский; Камчатский люнет должны были штурмовать 6 батальонов бригады Вимпфена с резервом в 5 батальонов.

С нашей же стороны всего для обороны редутов, участь которых должна была решиться, и люнета имелось первоначально 5,5 батальона и штуцерные.

В течение 25 и 26 мая велась бомбардировка города и укреплений Корабельной стороны. В 19 часов 26-го взвилась сигнальная ракета, и стоявшая в 300 шагах от Волынского редута колонна столь стремительно бросилась на штурм, что почти без потерь ворвалась в укрепление.

Одновременно же был атакован и Селенгинский редут. 450 человек Муромского полка, составлявшие гарнизон его, не могли противостоять во много раз превосходному в силах врагу и после отчаянного сопротивления, потеряв убитым коменданта редутов капитан-лейтенанта Шестакова, майора Белякова и большую часть людей, отошли к Забалканской батарее.

Подкрепленные своим другим батальоном, муромцы не смогли, однако, удержаться и здесь, и батарея также перешла в руки французов. Но скоро командир Полтавского полка со

¹ Малахов курган по повелению императора Николая I после смерти Корнилова был переименован в Корниловский бастион.

своим батальоном вернул в наши руки батарею, несмотря на потерю половины людей, и даже захватил французскую гаубицу. Непосредственно перед атакой на Камчатский люнет туда прибыл Нахимов. Едва наши артиллеристы успели стать к орудиям, а Полтавский батальон занял банкет, как расположенная левее люнета 4-орудийная батарея была захвачена алжирскими стрелками, а сквозь амбразуры с фронта ворвался 50-й линейный французский полк. Начался упорный бой внутри люнета. Окруженный неприятелем, Нахимов едва не погиб в ужасной схватке, и только стеной загородившие его полтавцы и моряки отстояли обожаемого начальника. Полтавцы дрались отчаянно, несмотря на то что силы врага все прибывали. Только когда и с тылу показался неприятель, горсть храбрецов, оставшихся в живых, решила отойти. Преследовавшие отступавших вплоть до Малахова кургана французы могли бы при решительности им завладеть, но, потерпев неудачу, они дали нам возможность выиграть время и подвести резервы.

Когда французы впервые заняли Камчатский люнет, англичане кинулись на контр-апроши у каменоломни впереди 3-го бастиона. Борьба за обладание ими продолжалась очень долго, но в конце концов они остались за врагом.

Потери наши в людях составляли 175 офицеров и 5274 нижних чина, выведенных из строя, союзники потеряли 276 офицеров и около 5500 нижних чинов.

На следующий день французы принялись за работу по переустройству контр-апрошей в 3 и 4 параллели, начали сооружать на редутах и люнете батареи и вскоре летучей сапой заложили против Малахова кургана 5-ю параллель на расстоянии 250 сажен от Корниловского бастиона.

Англичане в свою очередь продвинули траншеи из каменоломни на 115 сажен от 3-го бастиона, а в каменоломне соорудили батарею.

Мы также не отставали от противника в энергии ведения работ и возвели ряд новых батарей, исправили повреждения валов и амбразур, очистили рвы и т.п.

Поставив себе целью взять Малахов курган, союзники усиленно готовились к его штурму с одной стороны, а с другой не оставляли и город без внимания, и в продолжение

пяти дней, с 25 по 30 мая, Севастополь вновь выдержал по счету третье бомбардирование, не уступавшее по интенсивности огня и количеству выпущенного чугуна двум первым.

Штурм, согласно воле Наполеона III, был назначен на 6 июня, годовщину сражения при Ватерлоо.

Предполагалось напрячь возможные усилия для взятия Малахова кургана и затем двинуть 25-тысячный отряд на Мекензиевы высоты по направлению к Бахчисараю. Руководство штурмом было поручено генералу Реньо-де-Сент Анжели. Непосредственно для штурма предназначалось 30 тысяч французских войск и 14 тысяч англичан, всего 44 тысячи человек. Отряд же генерала Боске, двигавшийся по р. Черной на сообщение нашей армии, составили дивизии: Канробера, Каму, Дюлака, резервная Гербильона и вся конница.

В целях подготовки штурма 5 июня союзники открыли 4-е бомбардирование, направляя огонь на Корабельную сторону, 4-й бастион, батареи Северной стороны и рейд. Огонь союзников был столь действителен, что уже к 9 часам на Корниловском, 1-м и 2-м бастионах и ближайших батареях половина амбразур была завалена и много орудий и людей выбыло из строя. С 15 часов дня бомбардировка была распространена и на Городскую сторону. Ночью в обстреливании города, береговых батарей и судов на рейде приняли участие и неприятельские пароходы.

На другой день канонада раздалась уже с 3 часов, и скоро получились донесения о сосредоточении неприятеля в больших силах.

Согласно диспозиции, правая колонна союзников, составленная из дивизий Майрана и батальонов гвардейских стрелков, должна была направиться на 1-й и 2-й бастионы: левая колонна, дивизии Брюне и Отемара, направлялась на Малахов курган; 15 батальонов гвардии составляли главный резерв и должны были штурмовать 3 английских дивизии.

Начатое бомбардирование спустя немного времени, ввиду нашего молчания, объясненного слабостью, было прекращено, и генерал Пелисье решил произвести штурм немедленно с рассветом. Но бой завязался ранее, нежели он подал условленный сигнал ракетами.

Получив сведения о сосредоточении неприятеля против командуемого им левого фланга, князь Урусов приказал пробить тревогу, расположил боевые части на банкетах, пододвинул резервы и выслал разведывательные патрули, скоро открывшие присутствие колонны генерала Майрана. Последний, боясь лишиться французов выгоды нечаянного нападения, пошел на штурм за четверть часа до подания условленного сигнала.

Огонь с 1-го и 2-го бастионов и с пароходов нанес противнику столь значительные потери, что французы не выдержали и подались назад. Прибыв на Ландкастеровскую батарею, Пелисье поддержал отступающую колонну раненого и сдавшего командование генерала Майрана 4 гвардейскими батальонами и дал сигнал 3 ракетами к общему наступлению. В этот момент дивизия Майрана еще не успела устроиться после беспорядочного отступления, а части левой колонны не были готовы к наступлению. Наконец колебавшаяся левая колонна двинулась на куртину между 2-м бастионом и Малаховым курганом, на курган и батарею Жерве, а англичане устремились на 3-й бастион.

Несмотря на ужасный огонь обороняющихся, французы перешли было через ров и стали приставлять к нему лестницы.

Но два Суздальские батальона, поддержанные прибывшими из резерва штуцерными Якутского и Селенгинского полков, сбросили врага с куртины и отбили с большими для французов потерями две их новые атаки.

Части, предназначавшиеся для штурма Корниловского бастиона, дважды приближались на сто шагов ко рву укрепления, но страшный штуцерный и картечный огонь полевых, стрелявших через банкет, орудий заставлял их отходить.

Между тем бригада Ниеля, после упорного боя со слабым батальоном Полтавского полка, захватила батарею Жерве и домики на западном скате Малахова кургана. Таким образом, неприятель успел прорваться сквозь нашу оборонительную линию.

Сознавая опасность положения, генерал Хрулев повел случайно встреченную роту Севского полка и остатки Полтавского батальона выбивать французов из домов. Отчаян-

но защищался враг, но, воодушевленные генералом Хрулевым, севцы и полтавцы все же выбили французов и захватили 9 офицеров и до 100 нижних чинов пленными.

Все подходившие подкрепления, за отбитием штурма на других пунктах, направлялись в распоряжение генерала Хрулева, и скоро батарея Жерве была нами отбита и осталась за нами, несмотря на две последующие атаки на нее генерала Ниеля.

Англичане двинулись на штурм 3-го бастиона в 3.30. Лишь 400 шагов отделяло их от наших укреплений. При выходе из траншей, не имевших приготовленных ступеней, в рядах английских войск нарушился порядок, и штурмовые колонны, превратившиеся в толпу, смешались с подошедшими резервами.

Ударившая по головным частям противника наша картечь и залпы штуцерных заставили было англичан отойти, однако, устроившись, они направили одну колонну на батареи Будищева и Яновского, а другую непосредственно на 3-й бастион. Под страшным огнем, неся громадные потери, особенно среди начальствующих лиц, англичане разбирали засеку, рубили палисады и неоднократно бросались на укрепление, но безуспешно.

Таков же был результат попыток англичан овладеть батареями на Пересыпи. Ряд неприятельских атак был постоянно отражаем огнем картечи и прикрытия.

К 6 часам штурм был отбит повсюду, и вслед за тем открылась канонада с обеих сторон. В целях демонстрации во время приступа на Корабельную сторону генерал Боске выдвинулся было на позицию между сс. Кучка и Шулю, против левого фланга наших войск, расположенных на Мекензиевых высотах, но скоро снова отошел назад.

На другой день, 8 июня, состоялось перемирие для уборки тел и раненых. Всего за время усиленного бомбардирования и штурма у нас было выведено из строя 98 офицеров и 4728 нижних чинов. Союзники потеряли до 7 тысяч человек.

Неудачу штурма наши союзники сваливали на генерала Майрана, ранее сигнала двинувшегося на приступ. Справедливее, однако, отнести причину поражения неприятеля к об-

щей его неподготовленности для нанесения решительного удара.

Государь щедро наградил защитников Севастополя. «Скажите им, — писал император Александр II, — что я и вся Россия ими гордимся».

Едва передохнув от пережитых ужасов бомбардирования и штурма, гарнизон Севастополя с 7-го числа вновь принялся за работы по оборонительной линии. К сожалению, 8 июня был надолго выведен из строя главный и неутомимый руководитель оборонительных сооружений генерал Тотлебен. Рана в ногу навывлет два месяца продержала в постели доблестного инженера, что, конечно, не могло не отразиться на успехе наших работ.

Тем не менее заместители генерала Тотлебена — Гарднер, Тидебель и Геннерих — делали свое дело, и к 3 августа Севастополь усилился рядом новых оборонительных сооружений и батарей, снабженных соответственными орудиями как на сухопутном фронте, так и на северном берегу большой бухты.

Неудача принудила союзников напрячь все усилия для того, чтобы подойти траншеями как можно ближе к оборонительной линии, приобрести перевес над нашей артиллерией и, усилив огонь по рейду, лишить наши пароходы возможности занимать выгодные для действия позиции.

В то время, когда энергично веденные работы союзников шаг за шагом приближали их траншеи к нашим укреплениям, а новые его батареи, расположенные в самом близком расстоянии от оборонительной линии, громили обороняющегося, последний всеми силами старался замедлить осадные работы и, расходуя в день около 1700 артиллерийских снарядов и до 12 тысяч ружейных патронов, нес все же большие потери и гарнизон постепенно таял.

Наиболее чувствительный удар гарнизону Севастополя был нанесен смертью деятельного руководителя обороны адмирала Павла Степановича Нахимова. Прибыв по служебным делам на Малахов курган, он не внял просьбам подчиненных покинуть опасное место и, взяв трубу, стал наблюдать за неприятелем. Скоро пули заметивших его неприятеля

тельских стрелков стали ложиться все ближе, ближе и, наконец, одною из них он был смертельно ранен в висок. С его смертью не стало души обороны. «Всем почувствовалось, — писал один из участников обороны, — что недостает более объединяющей силы и той крепости убеждения в необходимости держаться до крайности».

Упорно преследуя намеченную цель, атакующий усиленно обстреливал Городскую сторону Севастополя и траншеями приближался к Корабельной стороне. Англичане устроили на Зеленой горе новую параллель по окраине высот, обращенных к южной бухте, и начали выводить ход вперед из 4-й параллели.

Французы в свою очередь приближались к Малахову кургану и 2-му бастиону.

Продвигаясь далее вперед из устроенного ими на расстоянии 75 сажен от бастиона плацдарма, они подошли между 5 и 12 августа к бастиону на 40—60 сажен, а к Малахову кургану — на 50 сажен. Обороняющиеся же главное свое внимание в этот период осады обратили на внутреннюю оборону укреплений, сооружая батареи во 2-й линии и устраивая ретраншаменты на Малаховом кургане, 2-м бастионе и в других пунктах.

Помимо артиллерийского огня в числе средств борьбы обороняющимися по-прежнему применялись частые вылазки, заставлявшие атакующего держать в траншеях сильные караулы, и подземная война продолжалась впереди 4-го и 5-го бастионов люнета Шварца и Малахова кургана. Для упрочения сношений с армией и облегчения доставки в город припасов в половине июля начали, а к 18 августа закончили постройкой мост на плотках через Большую бухту. Потери наши со дня штурма 6 июня по 4 августа составили около 12¹/₂ тысячи человек.

В конце июля на усиление Крымской армии на реку Качу подошли 4-я, 5-я пехотные и 7-я резервная дивизии, а 2-я и 3-я гренадерские дивизии, стоявшие у Балты и Ольвиополя, двинулись к Перекопу. Кроме того, в состав Перекопского отряда поступили Тульское и Орловское ополчение, 17 же дружин Курского ополчения направились в Крым.

**Сражение на р. Черной; штурм 27 августа;
оставление Севастополя. Операции союзников
на южном побережье Черного моря.
Общая убыль и потери**

«Ежедневные потери неодолимого Севастопольского гарнизона, — писал государь 20 июля 1855 г. князю Горчакову, — все более и более ослабляющие численность войск ваших, которые едва заменяются вновь прибывающими подкреплениями, приводят меня еще более к убеждению, выраженному в последнем моем письме, в необходимости предпринять что-либо решительное, дабы положить конец сей ужасной бойне, могущей иметь, наконец, пагубное влияние на дух гарнизона.

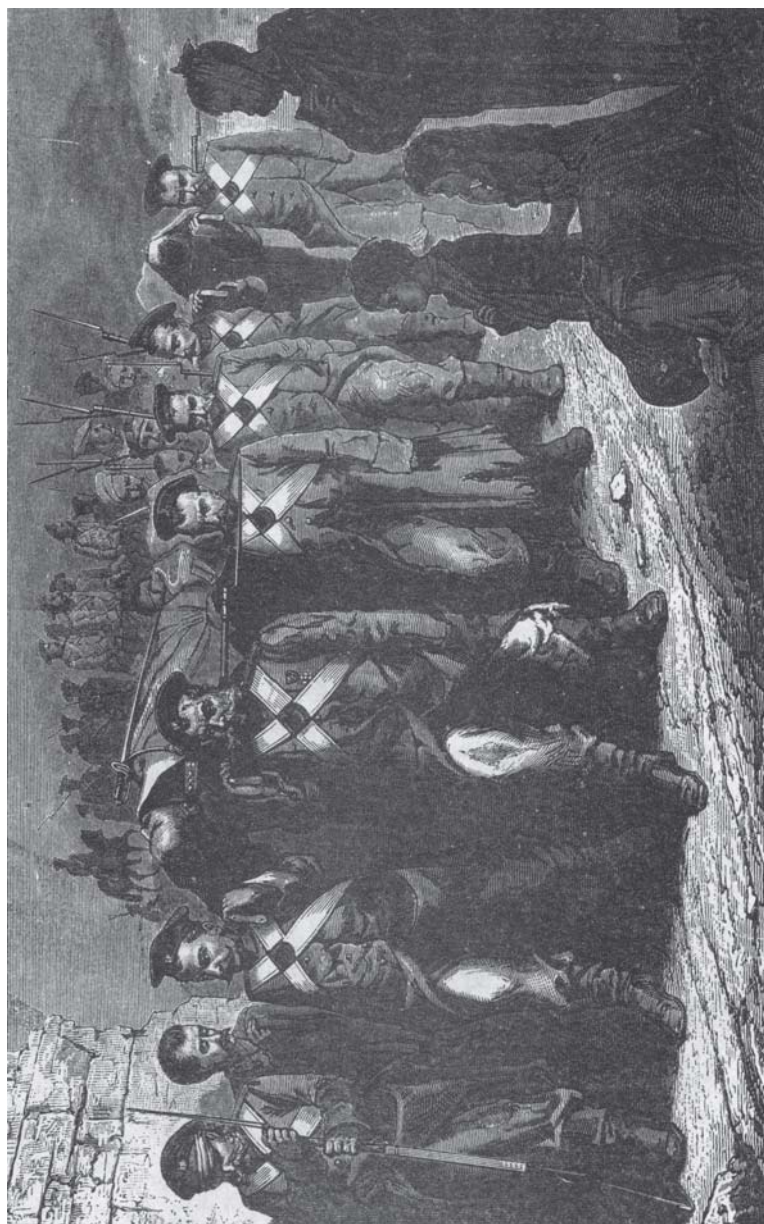
В столь важных обстоятельствах, дабы облегчить некоторым образом лежащую на вас ответственность, предлагаю вам собрать из достойных и опытных сотрудников ваших военный совет. Пускай жизненный вопрос этот будет в нем со всех сторон обсужден, и тогда, призвав на помощь Бога, приступите к исполнению того, что признается выгоднейшим».

28 июля военный совет состоялся и на нем князем Горчаковым были предложены вопросы: 1) какое действие предпринять и 2) в какое время.

Письменные мнения были представлены на другой день, причем большинство высказалось в пользу наступления со стороны р. Черной, с чем согласился и главнокомандующий.

Но, решаясь на атаку неприятеля, князь Горчаков не вел в спех задуманного дела и не без основания колебался приступить к его выполнению.

Занятая противником позиция на левом берегу р. Черной располагалась на возвышенностях, правую часть которых составляли Гастфортовы, а левую Федюхины высоты. Полого спускаясь к Балаклавской долине, они напротив круто обрывались к реке, прикрывавшей неприятельскую позицию, и представляли все выгоды для обороняющегося. Кроме р. Черной позиция союзников прикрывалась во-

5-я мушкетерская рота Севского полка возвращается со штурма

допроводным каналом с покрытыми каменной одеждою берегами. Переход через канал был возможен только по мостикам.

На р. Черной имелось два моста: каменный, Трактирный, прикрытый слабым предмостным укреплением и расположенный на дороге от Мекензивых высот к Балаклаве, и деревянный, на дороге от позиции союзников к Телеграфной горе, занятый передовым постом сардинцев под прикрытием эполементы.

На занятых сардинскими войсками, в числе 9 тысяч при 36 орудиях под начальством генерала Ламармора, Гастфортых высот было построено несколько батарей, а Федюхины высоты, для обороны которых предназначались расположенные там 18 тысяч французов при 48 орудиях под начальством генерала Гербильона, были усилены ложементами для стрелков.

Между Гастфортвыми и Федюхиными высотами стояла конница генерала Морриса силою в 20 эскадронов; у Кадикой располагалась английская дивизия Скерлета — 30 эскадронов; турецкий корпус в 10 тысяч человек с 36 орудиями занимал высоты правее селения Комары и, наконец, в Байдарской долине стояли биваком 20 эскадронов, 2 батареи и 12 конных орудий генерала д'Алонвиля.

Диспозиция для атаки неприятеля распределяла наши силы следующим образом:

1) правое крыло генерал-адъютанта Реада, силою в $25\frac{1}{4}$ батальона, 14 эскадронов и сотни и 62 орудия, всего 14 833 человека и 62 орудия, должно было с наступлением сумерек 3 августа спуститься с Мекензиевой горы и стать в резервном порядке правее дороги на высоте нового редута. С рассветом 4-го войска генерала Реада, выстроив 7-ю и 12-ю пехотные дивизии в боевой порядок и имея конницу в резерве, должны были двинуться к р. Черной и, обстреливая Федюхины высоты, приготовиться форсировать переправу через р. Черную.

Для переправы через р. Черную и атаки Федюхиных высот генерал Реад должен был ожидать приказания главнокомандующего, а по овладении Федюхиными высотами выст-

После бомбардировки. С картины И. Прянишникова

роить боевой порядок фронтом частью к Сапун-горе, частью к стороне неприятеля; после боя предписывалось укрепиться на занятых позициях;

2) левое крыло генерал-лейтенанта Липранди, силой в $30\frac{1}{4}$ батальона,

2 сотни, 70 орудий, Греческий легион, всего 15 899 человек, должны были в сумерки 3 августа выступить двумя колоннами (левая — генерала Липранди, 11 батарей, 28 орудий за генералом Реадом и правая — генерала Бельгарда, $13\frac{1}{4}$ батальона, 2 сотни, 42 орудия на Юкары-Каралез и Чоргун). Правая колонна, спустившись с горы, должна была построить резервный порядок левее большой дороги и на высоте большого редута, а левая скрыто расположиться на ночь на Мокрой луговине.

С рассветом 4 августа генерал Липранди должен был атаковать Телеграфную гору, а генерал Бельгард, выдвинув одну батарею для обстреливания Телеграфной горы, а другую для обстреливания долины Чоргуна и Гастфортовой

Мальчик Пищенко. С картины В. Маковского

горы, должен был быстро наступать к Чоргуну. По занятии Телеграфной горы генерал Липранди должен был подготовиться и ждать приказа для переправы и атаки Гасфуртовых высот;

3) главный пехотный резерв генерал-лейтенанта Шепелева, силой в $30\frac{1}{2}$ батальона и 36 орудий — всего 18 968 человек и 36 орудий, должен был 3-го прибыть с Бельбека на Мекензиеву гору, а 4-го за 2 часа до рассвета выступить и стать за войсками генерала Реада;

4) артиллерийский резерв полковника Челокаева (76 орудий) должен был следовать и располагаться за пехотным резервом;

5) главный кавалерийский резерв генерала от кавалерии Шабельского в 50 эскадронов, 9 сотен, 28 орудий, всего 8195 человек и 28 орудий, должен был по выступлении с Бельбека следовать до с. Шули за колонной генерала Бельгарда и расположить 34 эскадрона левее артиллерийского резерва, а 16 эскадронов должны были остаться у с. Шули.

Всего для действий против союзников предназначалось 47 622 штуки, 10 263 сабли, 224 пеших и 48 конных орудий.

Кроме того, для охранения левого фланга предназначалось 6 батальонов, 18 эскадронов и сотни и 12 орудий генерала-майора Миттона. Отряд этот, скрытно сосредоточившись у с. Кучки, должен был высылать разъезды по всем направлениям; для обеспечения тыла к с. Ени-Сала был выслан отряд из 14 эскадронов и сотни при 4 орудиях под начальством генерал-майора Халецкого; наконец, для прикрытия с востока северной части Севастополя и для демонстрации к нижней части р. Черной и к Сапун-горе был назначен отряд генерал-майора Попова-первого силой в $6\frac{1}{4}$ батальона, 3 сотни и 16 орудий.

Помимо полевых войск главнокомандующий предполагал в случае успеха привлечь к сражению и защитников Севастополя. Сильная и своевременная вылазка могла бы довершить поражение союзников.

Движение в ночь с 3-го на 4-е было произведено вполне скрытно, и войска без помехи сосредоточились к указанным в диспозиции исходным для атаки пунктам.

С рассветом артиллерия колонн генерала Липранди и Реада открыла канонаду. Но, видя, что снаряды наши рвутся, не достигая неприятеля, генерал Реад приказал прекратить огонь. Спустя немного времени к генералу Реаду прискакал адъютант главнокомандующего, посланный еще до открытия огня нашею артиллериею и передал, что «пора начинать».

Введенный в заблуждение, генерал Реад, понимая это приказание, имевшее в виду лишь открытие огня, как указания начать атаку неприятеля, отдал распоряжение для движения вперед.

На левом нашем фланге бой начался с 4 часов, когда войска генерала Бельгарда заняли позицию на высотах против с. Карлоки, где 10 орудий открыли огонь по Телеграфной и 14 — по Гастфортовой высоте и на горе правого берега реки Шули, где легкая № 8 батарея начала громить укрепление Телеграфной горы с тыла.

Колонна же генерала Липранди выстроилась правее войск генерала Бельгарда, против Сардинских укреплений. Выдви-

нутая против неприятельского фронта батарея № 3 батареи 17-й артиллерийской бригады приняла участие в перекрестном обстреле укреплений сардинцев, а двинутый спустя немного 4-й батальон Тарутинских егерей скоро погнался перед собою неприятеля и овладел Телеграфной горой. Немедленно же огонь нашей артиллерии был перенесен на собравшегося у Чоргунского моста неприятеля и по Гастфортовой высоте.

Успешные действия нашего левого фланга побудили князя Горчакова решиться на атаку Гастфортовой высоты, и 5-я дивизия, стоявшая в резерве, получила приказание поддержать наступление левого крыла. Но уже подъезжая к отряду генерала Липранди, главнокомандующий получил донесение с правого фланга, что «предмостное укрепление взято, и французы бегут».

Тогда князь Горчаков, недоумевая о случившемся, приказал генералу Реаду «атаковать Федюхины высоты, выждав прибытие 5-й дивизии», которая вместе с тем передавалась в его распоряжение.

После описанного недоразумения с приказанием начать дело, генерал Реад направил укрепление, прикрывавшему Трактирный мост, 3 полка следовавшей вдоль большой дороги 12-й дивизии.

Одесский полк с полковником Скюдери во главе быстро заставил французов очистить укрепление, и скоро наши войска перешли реку, а за нею и водопроводный канал по мостикам; цепь стрелков Одесского полка уже взошла, не глядя на картечь, на уступ средней Федюхиной высоты и захватила неприятельскую батарею. Но большие потери одесцев, храбрый командир которых также пал смертельно раненным, не дали им возможности развить успех, а подошедшие французам подкрепления помогли противнику удержать высоту в своих руках.

Азовский полк, атаковавший восточную Федюхину высоту, нарвался на превосходные силы, которые, перейдя в свою очередь в атаку, оттеснили с большими потерями 12-ю дивизию за реку.

Таков же был результат наступления 7-й дивизии, штурмовавшей западную Федюхину высоту и своевременно не поддержанной резервами.

Главкомандующий, пользуясь подходом резервов, решил повторить атаку свежими силами. Генералом Реадом в бой был двинут один Галицкий егерский полк, который, естественно, и разбился о бригаду Фальби, поддержанную полками Клера. Новые подкрепления, присланные в распоряжение генерала Каму, и 8 батарей, расположившихся на Федюхиных высотах, громили вводившиеся в бой по частям полки нашей 5-й дивизии.

За Галицким полком в атаку был двинут Костромской, после его отхода послали снова Галицкий, снова перешедший реку и канал, но принужденный отступить. За Галицким пошел на штурм Вологодский полк. Снова предмостное укрепление, переходившее несколько раз из рук в руки, было нами взято. Под сильным ружейным огнем вологодцы взобрались было даже на высоты, но, атакованные несколькими неприятельскими колоннами, принуждены были отойти за реку, и французы окончательно утвердились в предмостном укреплении.

К 8 часам громадные потери среди начальников, в числе которых генерал Реад был смертельно ранен, и большая убыль в рядах правого крыла заставили князя Горчакова, с целью отвлечения неприятеля, приказать генералу Липранди атаковать восточную Федюхину высоту 1-й бригадой 17-й пехотной дивизии.

Спустившись с Телеграфной горы, 1-я бригада 17-й дивизии под начальством генерал-майора Гриббе перешла вброд реку и канал и взобралась на гору.

Однако к расположенным здесь 4 ротам французов успели подойти 8 батальонов 62-го и 73-го полков, но шедшие в голове бутырцы, смененные затем ввиду больших потерь Московским полком, все же сломили неприятеля и достигли его лагеря. Здесь к французам подошел на помощь 14-й егерский полк и спешила сардинская бригада Моллара.

Обессиленная бригада 17-й дивизии, потеряв раненым своего командира, принуждена была отойти под прикрытием Бородинского полка на Телеграфную гору.

К 10 часам, видя бесплодность наших разрозненных атак, князь Горчаков приказал отвести войска, непрерывно тер-

певшие от артиллерийского и штуцерного огня, от реки Черной на расстояние пушечного выстрела, имея левый фланг на Телеграфной горе.

Урон наш в бою составил свыше 8 тысяч человек убитыми, ранеными и без вести пропавшими; в том числе 3 генерала были убиты и 4 ранены. Союзники потеряли около 2 тысяч человек.

Не веря в успех задуманного боя, князь Горчаков нерешительно руководил войсками, переменяя раз навсегда назначенный пункт атаки, и потерял почву под ногами из-за происшедшей путаницы в передаче приказаний; войска вводились в дело частями, резерв запоздал и в результате — новая неудача и громадные потери.

С 5 августа союзники начали пятое усиленное бомбардирование Севастополя. Обычно огонь открывался залпами, затем до полудня продолжался сильный батальный огонь, после чего наступал перерыв от 2 до 3 часов, которым пользовались защитники с целью подвезти снаряды на батареи и произвести исправления в разрушенных сооружениях.

Перед вечером неприятель снова открывал огонь, и бомбы продолжали сыпаться всю ночь на всем пространстве оборонительной линии.

В течение 5 и 6 августа противник производил до 17 тысяч выстрелов в сутки, тогда как мы имели возможность израсходовать за оба дня лишь около 15 тысяч снарядов.

Ежедневные потери в тысячу человек привели к необходимости усилить гарнизон 4-й пехотной дивизией, увеличившей число защитников на 7500 человек, и тремя дружинами Курского ополчения.

Кроме бомбардировки, неприятель прибегал по ночам к фальшивым тревогам, заставляя защитников покидать закрытия, выходить на банкеты в то время, когда по ним сосредоточивался усиленный огонь.

8-го, в последний день пятого усиленного бомбардирования, Севастополь посетил главнокомандующий и своим хладнокровием в минуты опасности поддержал силы обороняющихся. В течение 7 и 8 августа число снарядов, выпущенных союзниками, достигало 10—12 тысяч в день, мы же

сделали за это время 7 тысяч выстрелов. С 9-го по 24-е обстрел Севастополя ослабел, и потери гарнизона сократились до 500—700 человек в сутки.

15 августа была окончена постройка, начатая 2-го числа того же месяца, моста на плотках через Большую бухту, строившегося как на случай необходимого отхода на Северную сторону, так и для ускорения подхода подкреплений и подвоза снарядов с Северной стороны.

Пользуясь превосходством своей артиллерии, неприятель медленно, но непрерывно пододвигался вперед.

К 24 августа французы закончили 7-ю параллель и приблизились к контр-эскарпу 2-го бастиона на 22 сажени; к Малахову кургану неприятельские работы подошли на 18 сажень; к 3-му бастиону англичане приблизились на 81 сажень. Кроме того, в весьма близком расстоянии от оборонительной линии был сооружен ряд новых батарей.

Во второй половине августа неприятель приблизился на 60 шагов к контр-эскарпам бастионов Корнилова, 2-го и 4-го и на 85 шагов к бастиону № 5.

22-го августа на совете союзных генералов решен был штурм Севастополя. Для того чтобы осажденный не мог составить себе представление относительно времени и направления штурма, решено было с 24-го начать новую бомбардировку, перенося огонь на различные пункты крепости. 3 дня продолжалась канонада, превосходившая по своей силе все прежние бомбардировки.

Число выстрелов противника за 24-е число достигало 40 тысяч, и из рядов обороняющегося выбыло 2 тысячи человек; 25-го неприятель выпустил 52 тысячи снарядов, мы потеряли $2\frac{1}{2}$ тысячи человек; в городе вспыхнули пожары, исправления становились невозможными. 26-го 50 тысяч снарядов разорвалось в осажденном городе, последовало несколько взрывов пороховых хранилищ, и 3 тысячи защитников выбыли из рядов.

К вечеру 26-го приготовления союзников к штурму были закончены, но производство его было отложено до полудня 27-го, т. е. до такого времени, когда атака для русских должна быть более всего неожиданной.

Разработанный генералом Боске план атаки Севастополя сводился прежде всего к овладению Малаховым курганом. Для этого войска правой французской атаки были разделены на 3 колонны, из которых левая, генерала Мак-Магона, силой в 19 батальонов, направлялась непосредственно на Малахов курган; средняя, генерала Ламотружа, силой 21 батальон, предназначалась для атаки куртины между Малаховым курганом и 2-м бастионом, и правая, генерала Дюлака, силой 20 батальонов, должна была штурмовать 2-й бастион.

Штурм 3-го бастиона предоставлялся англичанам, которые выделили для этой цели около 11 тысяч человек под начальством генерала Кондрингтона.

Разделенные также на три штурмовые колонны, войска левой французской атаки под общим начальством генерала де Салль направлялись против 5-го бастиона.

Кроме того, должны были содержаться сильные резервы пехоты и артиллерии, готовые оказать помощь в нужном направлении, и были приняты меры для охранения тыла союзных войск.

Всего для атаки Корабельной стороны предназначалось около 39 тысяч штыков, на городскую сторону направлялось $18\frac{1}{2}$ тысячи, и около 63 тысяч человек составляли резерв и охрану тыла.

В гарнизоне же Севастополя насчитывалось 49 тысяч человек, из которых городскую сторону обороняли около 17 тысяч человек, под начальством генерал-лейтенанта Семякина, и Корабельную сторону около 23 тысяч человек, под командой генерал-лейтенанта Хрулева.

Канонада 27 августа напоминала бомбардировку предыдущих дней, но к полудню все ближайшие к нашим укреплениям траншеи наполнились перебежавшими из задних параллелей неприятельскими колоннами и ровно в 12 часов без всякого предупредительного сигнала по сверенным часам вся дивизия Мак-Магона с криками «да здравствует император» стремительно кинулась к Малахову кургану и, перебежав 40 шагов, отделявшие их от Корниловского бастиона, взо-

бралась на обвалившийся бруствер. В то же время прочие колонны правой французской атаки ринулись на штурм 2-го бастиона и куртины.

Гарнизон Корниловского бастиона, состоявший из 4 батальонов Модлинского, Пражского, Замосского и Люблинского полков (последний отсутствовал) силой 1400 человек, укрывшись за траверсами, обедал, а когда, по оклику оставленных на банкетах часовых: «Французы!», схватился за оружие, то пришлось уже выбивать устраивавшегося на бруствере неприятеля. За ворвавшимися на бастион 1-м зуавским и 7-м линейным полком стали прибывать все новые и новые силы, и скоро, не глядя на отчаянное сопротивление обороняющихся, дравшихся штыками, банниками и камнями, французы, подавляя своей численностью, овладели сперва валгангом перед башней и влево до куртины, батареей около башни и пробрались уже в тыл ретраншамента.

Атакующие за горжею бастиона Прагскими ротами, французы первоначально подались назад, но поддержанные 20-м и 27-м линейными полками снова потеснили защитников Малахова кургана, и скоро неприятельские знамена были водружены на Корниловском бастионе и соседних батареях. Остатки батальонов Пражского, Модлинского и Замосского полков, отстаивая каждую пядь земли, отстреливались из-за ретраншамента, схватывались рукопашную на площадке перед горжею, но французы постепенно вытесняли храбрцов и к часу дня завладели Малаховым курганом окончательно. Но еще многие доблестные защитники сидели в блиндажах, завалив в них входы, а поручик Юний и подпоручики Дальниченко и Базевич с 30 нижними чинами засели в башне и, отчаянно сопротивляясь, нанесли большие потери неприятелю.

Распространившись влево от Корниловского бастиона, французы ударили во фланг батареи Жерве и оттеснили Казанский полк за вторую линию; дальнейшее наступление неприятеля сдержали подошедшие с городской стороны Костромской и Галицкий полки.

Атака 2-го бастиона, занятого 2 батальонами Олонцецкого полка, была произведена при обстоятельствах, тождествен-

ных атаке Малахова кургана. Но здесь, увлеченные первым успехом, полки бригады Сен-Поля занялись преследованием отходивших в Ушакову балку Олонецких рот и, не закрепив за собой захваченного бастиона, были выбиты из него контратакой капитана 3-го саперного батальона Лебедева, собравшего остатки Олонецкого полка, майора Ярошевича с Белозерским батальоном и генерал-майора Сабашинского, приведшего Кременчугский батальон из резерва. Расстроенная бригада Сен-Поля отошла в беспорядке.

Несколько позднее была произведена атака на куртину между 2-м и Корниловским бастионами.

Атаковавшая ее дивизия де-Ламотт-Ружа первоначально сломила упорство 2 батальонов муромцев и 2 олонекских батальонов. После жаркой схватки, которой командовавший Муромским полком подполковник Пшик был тяжело ранен, а командир Олонецкого полка, окруженный французами, был захвачен в плен, неприятель прорвался через 2-ю линию и достиг уже Корабельной слободки. Но здесь к опасному месту подоспел генерал Хрулев с Шлиссельбургским и Ладожским полками и при содействии прискакавшей еще несколькими минутами раньше 5-й легкой батареи 11-й артиллерийской бригады под начальством капитана графа Тышкевича французы были задержаны.

Немедленно же в контратаку двинулся 3-й батальон Шлиссельбургского полка, 2 батальона Севского полка, за ними Ладожский полк, а с фланга на неприятеля ударили вышедшие из Ушаковой балки Черниговский и Кременчугский полки и Полтавский батальон.

Дружным натиском французы принуждены были отдать в наши руки захваченную часть куртины и укрыться в параллелях.

Однако спустя немного времени неприятель повторил тем же порядком атаку на 2-й бастион и куртину, но расстроенный огнем батарей Парижской и Лабораторной, неприятель хотя и взобрался на бруствер, но скоро был отброшен, а пароходы «Херсонец», «Владимир» и «Одесса» своими выстрелами довершили поражение французов. Пытавшиеся выехать на позицию неприятельские батареи полковника Сути,

потеряв раненым своего командира, большую часть прислуги и лошадей, быстро были приведены в расстройство, и французы, оставив на месте 4 орудия, еле спасли остальные благодаря содействию осадных батарей, расположенных против куртины, и ружейному огню с Малахова кургана, поражавшему наши войска во фланг и тыл. Громадные потери в рядах Черниговского и Кременчугского полков, занимавших куртину и расстреливаемых с Корниловского бастиона (ранены оба командира полков Нейдгардт и Закаузен), принудили генерал-майора Сабашинского отвести от рокового места бесцельно гибнувшие батальоны и поставить их за второй оборонительной линией.

Тогда поддержанные бригадой Марона французы снова кинулись на валы. Свежие 15-й и 96-й линейные полки уже успели водрузить свои знамена на 2-м бастионе, но генерал Сабашинский, воодушевляя своих людей, в несколько минут штыками обратил французов в бегство. Генерал Марон и большое число офицеров легли при этой схватке, но результат борьбы не изменил положение вещей, и в руках противника по-прежнему оставался лишь бастион Корнилова и ближайшая к нему часть куртины.

Англичане предприняли штурм 3-го бастиона вслед за овладением французами Малаховым курганом. Их штурмовым колоннам предстояло первоначально перебежать 300 шагов, отделявших их от контрэскарпа исходящего угла 3-го бастиона, гарнизон которого составляли два батальона Владимирского полка, а невдалеке на смежных батареях располагались 2 суздальских и 2 якутских батальона, 47-я дружина Курского ополчения, 6-й сводный резервный батальон и 2 батальона Камчатского полка. Кроме перечисленных частей на Пересыпи стоял Охотский полк (2 бат.), а в резерве, за бастионом, Селенгинский полк (2 бат.).

Несмотря, однако, на потери, англичане ворвались на полуразрушенный бастион и вытеснили из него владимирцев.

Пользуясь тем, что англичане не пошли далее, подполковник Артемьев и капитан Коршун с частями Камчатского, Суздальского и Якутского полков и подполковник Венцель с остатками владимирцев ударили на англичан; полковник

Мезенцев по своей инициативе привел на выручку свой Селенгинский полк, и хотя сам и пал смертью героя, но враг был отброшен и бастион перешел в наши руки. Одними пленными англичане потеряли до 150 человек. Вторичная атака англичан, поддержанных сильными резервами, была отбита уже одним огнем. Также не имели успеха английские атаки и на смежные с 3-м бастионом батареи.

Наступление частей левой французской атаки началось в 14 часов. На 5-й бастион и люнет Белкина двинулась бригада Трошю, а на редут Шварца, оборонявшийся батальоном Житомирского полка, направилась бригада Кустона.

Несмотря на сильные потери от огня, причем генерал Трошю был ранен, французы миновали 5-й бастион по глубокому оврагу и залегли в 40 шагах от люнета Белкина, но взорванные под неприятелем каменоломные фугасы скоро обратили его в бегство. Атака на 5-й бастион велась довольно вяло, и залегших за бруствером французов сбросили батальоны Белостокского и Подольского полков.

От люнета Шварца французов отделяли 50 шагов, быстро перейдя которые, они ворвались через амбразуры на первый фас люнета и оттеснили защитников. Огонь с 5-го бастиона и люнета Белкина задержал на некоторое время дальнейшее продвижение неприятеля, чем и воспользовался командир Житомирского полка для того, чтоб контратакой двух своих батальонов сбросить французов в ров. Вторичную попытку овладеть люнетом встретил командир Екатеринбургского полка подполковник Веревкин. Понеся громадные потери и оставив 90 пленных, французы возвратились в свои траншеи.

Расстройство войск заставило союзного главнокомандующего отложить атаку 4-го бастиона и прекратить попытки к овладению 5-м бастионом и прилегающими к нему укреплениями.

Таким образом к 15 часам неприятель успел овладеть частью куртины и Малаховым курганом. Отступая шаг за шагом, гарнизон Малахова кургана столпился на последней его площадке.

Скоро туда приблизился генерал Лысенко с полками Орловским, Елецким и Брянским, а спустя немного с Ладож-

ским полком подошел и генерал Хрулев. Спешившись и ведя голову узкой колонной, обстреливаемый алжирскими стрелками, к горже бастиона, генерал Хрулев едва не достиг траверса, за которым залегли французы, но рана, а потом контузия вывели его из строя.

Груды тел завалили горжу, но сменяя друг друга генерал Лысенко, генерал Юферов, полковник Галкин, флигель-адъютант Воейков, полковник Черемисинов, подпоручики Насакин, Постников стремились вернуть утраченное укрепление и падали ранеными или убитыми; все усилия и жертвы оказались напрасными и бастион остался в руках врага.

Около 17 часов на вторую линию против кургана прибыл главнокомандующий и, лично убедившись в невозможности вернуть захваченный бастион, решил очистить Севастополь и в 6-м часу отдал приказ об отводе войск на Северную сторону.

Причиной этому послужило то обстоятельство, что потери наши, достигшие в последние дни осады $2\frac{1}{2}$ тысячи человек в день, неминуемо должны были бы с приближением противника к нашей оборонительной линии значительно увеличиться, и не прошло бы и 2 недель, как остатки защитников все равно принуждены бы были очистить Севастополь. Главнокомандующий решил воспользоваться отбитием штурма почти на всех пунктах и произвести трудную операцию перевода войск на север, что могло бы не удасться при другом положении вещей.

Диспозиция для отступления была разработана начальником штаба гарнизона князем Васильчиковым. Она предусматривала: 1) оставление охотников от пехоты и артиллерии для поддержания стрельбы, имевшей целью скрыть наше отступление, для порчи орудий и взрыва пороховых погребов; 2) занятие внутренних баррикад для прикрытия отступления; 3) сам порядок отвода войск с оборонительной линии и пр.

Отступление началось в 19 часов, когда взвилась первая сигнальная ракета.

Войска, оборонявшие Городскую сторону, переправлялись через Большую бухту частью по мосту, частью на суд-

нах. С Корабельной же стороны защитники переправлялись через Южную бухту на судах и по малому мосту. Раненые, которых нельзя было перевезти, были оставлены при письме князя Горчакова союзному главнокомандующему и предавались милосердию неприятеля.

Всю ночь продолжалась переправа, совершавшаяся при сильном северо-восточном ветре. Чрезвычайных трудов стоило генералу Бухмейеру, строителю моста, генерал-майору Белявцеву, на которого было возложено наблюдение за переправой по мосту, и капитану 2-го ранга Воеводскому соблюсти в таком трудном деле относительный порядок, тем более что заметивший наше отступление неприятель, не решавшийся, боясь взрывов, преследовать наши войска, обстреливал большой мост навесно бомбами.

Однако ценой страшных усилий к 8 часам переправа была почти закончена и на Северную сторону двинулись последние, составлявшие резерв, полки Азовский, Одесский, Волынский, Минский и наконец Тобольский. Вслед за окончанием переправы мосты были разведены, а последние уцелевшие суда грозного когда-то Черноморского флота потоплены.

На Северной стороне войска расположились для отдыха и постепенно приводились в порядок. А город, в котором столько было пережито, подожженный, пылал и временами оттуда доносились взрывы погребов и батарей.

Только 29-го, когда развалины Севастополя погасли, неприятель занял город.

Потери наши в день штурма 27 августа достигали 13 тысяч человек выбывшими из строя, в то время как союзники потеряли около 10 тысяч человек.

В общем, за 11-месячную оборону у нас выбыло из строя около 102 тысяч человек. Если к этому прибавить потери в 26 тысяч человек, понесенные в сражениях при Альме, Балаклаве, Инкермане, Евпатории и Черной, и $8\frac{1}{2}$ тысячи умерших от болезней, то общая убыль выразится около $136\frac{1}{2}$ тысячи человек. Но из этого числа около $53\frac{1}{2}$ тысячи выздоровели и вернулись в строй и, таким образом, безвозвратно покинули ряды 83 тысячи человек. Союзники лишились око-

Подвиг матроса Шевченко. С картины В. Маковского

ло 73 тысяч человек, из которых на долю французов приходилось 46 и на долю англичан 25 тысяч человек.

Общая численность собранной у Севастополя армии с окончанием обороны достигла 115 тысяч человек и по приведении войск в порядок была распределена следующим образом:

п р а в о е к р ы л о — генерал-адъютант граф Остен-Сакен — располагалось частью на северной стороне рейда (10 и 12 див.), частью на Инкерманских высотах (11 и 15 рез. дивизии), и для наблюдения за морским берегом (5 эск. и сот.) от Константиновского форта до мыса Лукулл;

ц е н т р — генерал-лейтенант Липранди — был расположен частью в промежуточном лагере между Инкерманской и Мекензиевой позициями (4 и 5 див.), частью на Мекензиевой горе (16 и 17 див.), и кроме этого на Бельбеке у с. Зеленкой стояло 4 эскадрона;

л е в о е к р ы л о, о б щ и й р е з е р в — генерал от артиллерии Сухозанет — на позиции в ущелье Юкара-Каралес.

Смерть П. С. Нахимова. С картины В. Маковского

Союзники же располагались от Байдарской долины к селению Чоргун и далее по реке Черной и по южному берегу Большой бухты.

Французский главнокомандующий предпринял в течение 30 августа и 3 сентября безуспешные попытки обойти наш левый фланг; затем им было решено произвести демонстрацию со стороны Евпатории, где 8 сентября, к 15 тысячам расположенных в этом пункте турок, высадились три полка французской конницы с конной батареей под командой генерала де Алонвиля.

17 сентября де Алонвиль внезапно атаковал стоявший на отдыхе с размундштученными лошадьми за оврагом у с. Кенегез и Кангил отряд генерала Корфа и, воспользовавшись оплошностью улан, опрокинул нашу конницу и, захватив 6 орудий, отошел к Евпатории.

Затем союзники, решив выманить нашу армию нападением на какой-либо важный пункт Черноморского побережья, остановились на Николаеве, в котором были располо-

жены важнейшие после Севастополя заведения для Черноморского флота. 25 сентября около 10 тысяч союзников, посаженных на 90 судах, отплыли из Севастополя к Николаеву. С нашей стороны оборона всего побережья от Одессы до Перекопа была возложена на Южную армию генерала Лидерса силой до 70 тысяч человек.

Появившись в вид Одессы 26 сентября, неприятельский флот в начале октября подошел к устью Днепровско-Бугского лимана, вход в который запирался двумя крепостями: Кинбурном и Очаковым, расположенными на двух противоположных, отстоявших друг от друга на 5 верст, берегах. 3 октября союзный флот начал бомбардировку Кинбурна, а 5-го, после того как расположенные на косе батареи были приведены к молчанию, а крепость была объята пламенем, — девять неприятельских паровых фрегатов прошли в значительном удалении от Очакова мимо Кинбурна и расположились к северо-востоку от крепости в то время, когда линейные корабли открыли огонь вдоль Кинбурнской косы.

К вечеру безвыходное положение горящей и лишенной в силу того, что большая часть артиллерии была подбита, возможности защищаться крепости, привело ее коменданта к решению согласиться на предложение и сдаться. В половине октября неприятель, занявший и укрепивший Кинбурн, отплыл в Камыш и Балаклаву, оставив в крепости на зиму небольшой гарнизон.

Окладением Кинбурном и закончилась предпринятая союзниками экспедиция к Николаеву.

В конце октября император Александр II, предварительно осмотрев сооружавшиеся в Николаеве работы, прибыл в Бахчи-Сарай, главную квартиру Крымской армии, и в продолжение 4 дней осматривал укрепления Северной стороны и объезжал войска, имея целью «лично поблагодарить их за геройскую оборону Севастополя».

Дальнейшие действия союзников по занятии Севастополя выразились в маневрировании их на небольшом расстоянии все с той же целью выманить нашу армию с занятых позиций. С октября наступило полное бездействие, нарушаемое только незначительными рекогносцировками.

Проведенная в Крыму зима дорого обошлась союзникам и особенно французской армии, санитарное состояние которой, из-за отсутствия хорошо оборудованных теплых помещений, было отчаянное. С апреля 1855 г. у французов насчитывалось больных до 218 тысяч человек, из числа которых $130\frac{1}{2}$ тысячи заболели лихорадкой и тифом и $11\frac{1}{2}$ тысячи человек — холерой.

Англичанами было своевременно обращено внимание на болезненность и смертность в войсках и, если последняя достигала более 50% наличного состава армии в первую половину кампании, то во вторую от болезней умирало 6 человек на тысячу.

1 января 1856 г. князь Горчаков, получивший вследствие тяжелой болезни князя Паскевича назначение на должность главнокомандующего Западной армией, сдал начальство Крымскими войсками, а на его место был назначен генерал-адъютант Лидерс. Несколько ранее, в конце 1855 г., Крымская армия была реорганизована, часть войск была отправлена во внутренние губернии, а в Крым были введены новые силы. Изменено было и самое расположение войск. Кроме того, были предприняты инженерные работы с целью усилить оборону важнейших пунктов Крыма. Так, был сооружен укрепленный лагерь в Перекопе, устроены батареи и вырыты траншеи у Геническа, прикрыт укреплениями Чонгарский мост и т. п.

В санитарном отношении положение наших войск по оставлении Севастополя улучшилось, и только дружины ополчений Орловского, Калужского и Тульского, страдая от тифа и лихорадок, к началу марта 1856 г., т. е. спустя 5 месяцев после своего прибытия, не досчитывались из 40 730 нижних чинов 21 347 поступивших в госпиталь.

Общая цифра заболевших в нашей армии достигла $183\frac{1}{2}$ тысячи человек, из которых $101\frac{1}{2}$ тысячи болели тифом и лихорадкой и 19 тысяч — холерой.

Действия на Кавказе: операции под Карсом; падение его. Парижский мир

В конце 1854 г. наместником Кавказа и главнокомандующим отдельным Кавказским корпусом был назначен генерал-адъютант Муравьев-первый. Престарелый, но со славным боевым прошлым и чрезвычайно энергичный, генерал Муравьев объехал за зиму и весной расположенные на линии и в действующем корпусе войска и, приняв ряд мер по усилению последних, расположил их следующим образом:

а) главные силы (21½ бат., 28 эск., 49 с. и 10 батр. — всего 24½ т. и 76 орудий) под начальством генерал-лейтенанта Бриммера — у Александрополя (здесь же был и наместник);

б) отряд правого крыла (12 бат., 1 дружина, 15 сот. милиции и 2 батр. — всего 10 200 человек и 16 орудий) генерал-лейтенанта Ковалевского занимал Ахалцых и Ахалкалаки;

в) отряд левого крыла (4 бат., 16 сот., 1 батр. — всего 5 т. человек и 8 орудий) генерал-майора Сулова располагался у подошвы Арарата.

Турецкая Анатолийская армия, предназначенная для обороны Карса и прикрытия путей к Эрзеруму, в начале 1855 г. имела 20 тысяч войск в Карсе, 6 тысяч человек у Сурб-Оганеса, 1½ тысячи человек в Эрзеруме и небольшие отряды в Ардагане, Ольте и Кагызмане; кроме того, отдельный Батумский корпус был разбросан по Черноморскому побережью вплоть до Сухума.

Главными объектами наших действий в Анатолии должны были явиться крепости Карс и Эрзерум.

Сравнительная малочисленность нашего действующего корпуса и недостаток материальной части привели к тому, что из числа способов к овладению Карсом была избрана блокада и при этом неполная.

Предположено было, став на пути Карс — Эрзерум, окружить крепость посредством сильных подвижных конных отрядов с артиллерией; занять крепость Ардаган, через которую проходило сообщение Карса с Батумом, и город Кагызман, узел путей; лишить неприятеля собранных на пути

к Эрзеруму запасов и затем, вместе с Баязедским отрядом, неожиданно напасть на Вели-пашу.

24 мая выступил из-под Александрополя авангард, а 26-го и главные силы, сосредоточившиеся 3 июня в окрестностях Агджы-Кала и Займа.

27-го двинулся к Ардагану отряд генерала Ковалевского, а отряд генерала Сулова в то же время должен был следовать по долине верхнего Ефрата.

4 июня следовавший при главных силах генерал Муравьев произвел усиленную рекогносцировку Карса, причем наши казаки имели удачное столкновение с конницей турок. Главнокомандующий, присоединив к главным силам большую часть Ахалцыхского отряда, предпринял 6 июня фланговый марш от Агджы-Кала к селению Махараджих с целью выйти на сообщение Карса с Эрзерумом, что и было выполнено без помехи.

Начавшиеся дожди ограничили деятельность наших войск отдельными поисками, и только, когда погода несколько прояснилась, 16 июня генерал Муравьев, для ближайшей угрозы неприятельским сообщениям, перевел свой отряд в село Каны-Кев.

11 июня Вели-паша отступил к Эрзеруму.

Ожидая подкреплений с Кавказа с целью двинуться к Эрзеруму, генерал Муравьев предпринял удачную экспедицию на Саганлуг для уничтожения турецких запасов.

Постепенно стесняя круг действий гарнизона Карса, генерал Муравьев перевел 30 июня свой корпус на левый берег Карса, в с. Тикме. 3, 7 и 10 июня легкими отрядами был произведен ряд нападений на турецких фуражиров и организованы поиски позади Карса.

16 июля подошли подкрепления: 3 батальона, взвод легкой № 8 батареи и несколько сотен. Желая уничтожить отряд Вели-паши, укреплявшегося у с. Керпи-Кев, генерал Муравьев решил снова перейти Саганлуг и атаковать турок, направив против них с другой стороны отряд генерала Сулова, но медленные и сложные маневры этой операции позволили Вели-паше благополучно уйти по Эрзерумской дороге за хребет Деве-Бойну.

От дальнейшего наступления к Эрзеруму, овладеть которым мы, вероятно, могли, но не были бы в состоянии удержать, генерал Муравьев решил отказаться, и 25-го началось обратное движение наших войск.

Возвратясь, генерал Муравьев, ввиду того, что сообщения Карса с окрестною странюю все же окончательно прекращены не были, расположил войска на весьма выгодной для лагеря местности у с. Чифликая по обе стороны Карсчая и приступил к совершенному обложению крепости.

Состояние верков Карса к этому времени было следующее: на командующих Шорахских высотах были устроены два редута, Тахмас-Табия и Тепе-Табия, вооруженные артиллерией и соединенные ретраншаментом, имевшимся и влево от Тахмас-Табия по склону горы; вправо же от Тепе-Табия до Баши-бузукской горы тянулись вооруженные артиллериею окопы так называемых Ренисоновских линий; для обороны Чахмахского оврага на горе Ширшане имелась батарея Тетек-Табия.

В общем, простиравшаяся по кругу на 17 верст обширная линия укреплений хотя и не соответствовала силам гарнизона, но, будучи хорошо устроенной, доставляла укреплениям взаимную оборону и возможность упорной защиты.

Гарнизон крепости составляли 20 тысяч турок и 6 тысяч башибузуков.

С началом тесной блокады, совпавшей с 1 августа, наши войска были расположены главным образом на позиции у Чифликая и вокруг крепости на протяжении 50 верст. Связанные разъездами отдельные отряды скоро почти совершенно прекратили сообщение крепости с окрестною странюю.

Получив сведения о движении из Батума высадившейся там 30-тысячной армии Омера-паши на выручку Карса, генерал Муравьев решился предупредить турок штурмом крепости, направив главную атаку на Шорахские и Чахмахские высоты и вспомогательную — против нижнего лагеря.

Для производства штурма войска распределялись следующим образом.

Левая колонна под начальством генерала Ковалевского, слой около 3 тысяч пехоты, 1½ тысячи конницы, 16 орудий

и 8 ракетных станков, должна была сосредоточиться у Обсервационной горы и оттуда двинуться против правого крыла Ренисоновских линий, выждав наступление правой колонны; промежуточная колонна генерал-лейтенанта князя Гагарина, силой 2200 человек, собравшись впереди села Шорах, должна была двинуться в промежуток между Яриман и Тахмас-Табиями, действуя в связи с прочими колоннами; правая колонна генерал-майора Майделя, силой 6 тысяч человек пехоты, 400 человек конницы и 20 орудий, должна была собраться у горы Стол и оттуда начать атаку в 4 часа.

Общий резерв, 5 тысяч человек пехоты, 500 человек конницы и 22 орудия, имел сборным пунктом сел. Кюмбет, а с началом штурма должен был перейти к подошве горы Муха.

Кроме того, для атаки Чахмахских высот был назначен отряд генерала Базина силой 2½ тысячи пехоты, 2300 человек конницы, 16 орудий и 8 ракетных станков и для демонстрации против нижнего лагеря отряд графа Нирода силой 1½ тысячи человек пехоты, около 2 тысяч конницы и 18 орудий.

16 сентября были закончены все содержавшиеся в тайне приготовления, и ночью войска выступили к сборным пунктам для того, чтобы на рассвете двинуться на штурм. Однако незадолго до назначенного времени случайный выстрел в колонне генерала Ковалевского возбудил внимание неприятеля, открывшего скоро артиллерийский огонь и занявшего стрелками ложементы.

Построенные в ротные колонны войска генерала Ковалевского почти бегом направились против неприятельских окопов. Но крутость горы оказалась длиннее, нежели рассчитывали, и скоро утомленная первая линия перешла в шаг, в то время когда штуцерный огонь турок стал вырывать страшные жертвы из ее рядов. Вторая линия, нагнав первую, смешалась с нею и, потеряв почти всех начальников, расстроенная перекрестным огнем турок, остановилась в нескольких шагах от неприятельских укреплений. Генерал Ковалевский бросился вперед, размахивая саблей, за ним устремились смельчаки, но скоро все пали под ударами турок во главе со своим начальником, смертельно раненным.

Защитник Севастополя Петр Тоболов, бомбардир

Фельдфебель 1-й роты Белостокского полка

В довершение бедствия задние ряды открыли по туркам огонь и поставили передних между двух огней. Скоро весь скат покрылся трупами.

Колонна князя Гагарина также перешла в наступление вслед за открытием турками огня.

Едва пехота наша стала подниматься по отлогости, ведущей к позиции турок, как огонь их благодаря заранее отмеченным расстояниям сделался невыносимым. Однако охотники, под командой подпоручиков Яцына I и Симонова, кинулись на люнет Ярым-Ай и овладели им при поддержке следовавшего за ними батальона Ряжского полка; но и этот успех, основанный на отчаянной смелости охотников, оказался непрочным.

Столь же печальна была участь и колонны генерала Майделя.

Полковник Серебряков с одним батальоном мингрельцев атаковал промежуток между Юскес-Тобия и Тахмас-Табия; майор Баум с другим Мингрельским батальоном направился правее Тахмас-Табия.

Отряды полковника Моллера и майора Баума под сильнейшим огнем неприятеля ворвались в ретраншанмент, выбили турок и захватили 4 орудия.

Генерал Майдель в свою очередь повел в атаку грузинских гренадер. Овладев лагерем турок, гренадеры бросились на соседнюю с Тахмас-Табия батарею и взяли с бою 4 орудия; затем генерал Майдель направил карабинер на Тахмас-Табия, а мингрельцев — на Юскес-Табия.

Между тем наступление батальона полковника Серебрякова встретило большое препятствие в виде крутизны подъема, приводившего мингрельцев к необходимости не раз оттаиваться, чтобы перевести дух. Когда рассвело, головные части увидели перед собой в 80 саженьях турецкие укрепления Тахмас-Табия и Юскес-Табия и, не имея времени поджидать, пока вся колонна, частью примкнувшая к эриванцам колонны полковника Моллера, подтянется, пошли на штурм последнего, слабейшего редута, но, к сожалению, были отбиты, потеряв тяжело раненным полковника Серебрякова.

Расстреливаемые ружейным и картечным огнем войска наши несли страшные потери, а турки, отразив нападение колонн генерала Ковалевского и князя Гагарина, начали стягивать значительные силы против генерала Майделя, вскоре раненного.

Ряд начальников, его сменивших, выбыл из строя из-за смертей или ран. Несколько раз повторялись настойчивые атаки колонны генерала Майделя на редут, но перекрестный огонь турок и отсутствие лестниц сводили на нет отчаянную храбрость войск.

Узнав о неудаче наших атак на Шорахские высоты, главнокомандующий двинул туда из резерва 2 белевских и 2 грузинских батальона; вместе с тем общее командование назначенными для штурма войсками поручалось генерал-майору Броневскому.

Двинутые в атаку белевцы потерпели неудачу; новая атака вступившего в командование, вместо раненого Броневского, полковника Ганецкого-второго, бросившегося вперед со знаменем в руках, докатилась до валов редутов для того, чтобы снова без успешного результата поглотить массу жертв и громадный процент начальников убитыми и ранеными.

Желая использовать ослабление неприятеля на его правом крыле, генерал Муравьев приказал князю Дондукову-Корсакову, вступившему в командование колонной генерала Ковалевского, возобновить атаку неприятельских укреплений. Новое наступление, расстрел, потери и отход назад.

Печальный результат штурма был очевиден, но прекращение атак могло подвергнуть опасности отряд генерала Базина, с успехом штурмовавшего Чахмахские высоты, и потому генерал Муравьев колебался отдать приказ об общем отступлении.

Проводником в колонне генерала Базина служил прекрасный изучивший местность знаменитый генерал Бакланов. Благодаря ему пехота скрытно приблизилась к турецким укреплениям на картечный выстрел и, ответив на огонь турок грозным «ура», сразу овладела передовым редантом.

Затем, направив артиллерийский огонь на следующее укрепление и тем подготовив себе атаку, генерал Базин ус-

пешно его штурмует, за вторым тем же порядком берется третий редант, после чего решено было выждать результат атаки прочих колонн.

Около этого времени генерал Муравьев вновь решил овладеть Тахмас-Табией и тем вступить в связь с колонной генерала Базина.

В 8.30 подполковник Кауфман-второй двинулся с 1 батальоном Рязанского полка на Шорахские высоты для штурма Тахмас-Табии; присоединив к себе охотников из расстроенных рядов колонны генерала Майделя, подполковник Кауфман взял по дороге с боя два небольших каменных редута, но при дальнейшем наступлении попал со своим сборным отрядом под перекрестный огонь турок.

Насчитывая, по отправлении раненых, в своем распоряжении лишь до 500 человек, подполковник Кауфман все же отважился на штурм Тахмас-Табии. Двинувшийся вперед батальон рязанцев, оказался отрезанным от пути отступления и после неудачной попытки овладеть намеченным укреплением решил идти на соединение с генералом Базиным.

Между тем генерал Базин, осведомившись в 10 часов о неудаче штурма крепости прочими нашими войсками, начал постепенно выводить свои части из занятых укреплений и, отразив несколько раз попытки турок его преследовать, благополучно избег опасности, захватив 3 орудия, 2 знамени и 11 значков.

Едва он узнал об опасном положении Рязанского батальона, как дальнейшее отступление приостановил и для содействия подполковнику Кауфману выслал генерала Бакланова.

В 10 часов к лагерю у Чифликая вернулся подполковник Кауфман с многострадальным Рязанским батальоном, уцелевшим только благодаря энергии и находчивости своего начальника.

Что касается отряда графа Нирода, то им был предпринят ряд демонстраций, существенно, однако, на ходе боя не отразившихся.

Выдвинув в 11 часов 2 батальона из резерва, генерал Муравьев приказал генералу Бриммеру выступить к Шорахским высотам и в случае, если он по обстоятельствам дела на мес-

те найдет возможным штурмовать Тахмас-Табю, то возобновить ее атаку, или прикрыть отступление прочих войск. Генерал Бриммер остановился на втором решении и, приняв меры по уборке раненых, благополучно вывел войска из боя.

Потери наши были громадны и составляли:

4 генерала, 248 офицеров и 7226 нижних чинов выведенными из строя. Урон неприятеля не достигал и $1\frac{1}{2}$ тысячи человек.

Главнейшими причинами неудачи надо считать:

1) неправильный выбор пункта главной атаки на Тахмас-Табю, являющуюся одним из наиболее сильных укреплений и не имевшую укрытых подступов;

2) ведение повторных атак небольшими силами;

3) нарушение необходимой тишины, лишившее нас элемента внезапности, важнейшего в подобной обстановке;

4) потерю в самом начале боя многих начальников.

На Черноморском побережье, на Гурийском театре, по левому берегу Ингура расположились русские войска под начальством князя Мухранского в составе $8\frac{3}{4}$ батареи, 12 орудий, 11 сотен и $3\frac{1}{2}$ тысячи милиции, всего 9200 человек при 12 орудиях; кроме того, для обороны Гурии близ Озургет занимал позицию на Аскетских высотах генерал-майор Бруннер с 5 батальонами и 6 орудиями, всего силой до $2\frac{1}{2}$ тысячи человек, и при нем Рачинская дружина и Гурийское ополчение; для обороны устья Риона на правом берегу были расположены Азовские казаки и 3 сотни мингрельской милиции, и на левом — 3 сотни императорской милиции.

Против него действовал Омер-паша с отрядом силой в 20 тысяч человек при 37 орудиях, высадившийся в Сухум-Кале. Несмотря на громадное превосходство своих сил (силы Омер-паши увеличились скоро до 40 тысяч человек, высадившимися у Редут-Кале; кроме того, на р. Чолок стояло 20 тысяч человек, составлявшие Батумский корпус Мустафа-паши), он действовал нерешительно.

Однако Омер-паша, несмотря на тройное превосходство в силах, медлил энергичными действиями, а тем временем

начались ливни, реки выступили из берегов, мосты оказались сорванными, дороги непроходимыми и вторжение турок в Закавказье стало затруднительным.

С присоединением 8 ноября генерал-майора Брунера и подходом подкреплений из Грузии силы Гурийского отряда возросли до 22 батальонов.

20 ноября Омер-паша продвинулся до реки Чехура и на следующий день, совершив при очень трудных условиях переправу, 22-го достиг с. Абаши в нескольких верстах от реки Цхени-Цхале.

Новые ливни не дали возможности Омеру-паше вступить в бой с нашими войсками до 25 ноября, когда, получив сведения о падении Карса, он, быстро снявшись с бивака, начал отступление.

Что касается до Батумского корпуса, то Мустафа-паша неоднократно высылал отряды для перехода через нашу границу, но все они терпели неудачу. А с отступлением Омера-паша все части Батумского корпуса собрались к Батуму.

Также не имела успеха диверсия турок со стороны Эрзерума. Высадившийся в Трапезунде, Селим-паша привел с собой лишь 1200 человек турок, а двинувшийся на соединение с ним из Эрзерума Вели-паша принужден был отступить ввиду движения ему навстречу отряда генерала Сулова.

Неудача штурма 17 сентября только укрепила генерала Муравьева в намерении добиться овладения Карсом.

Немедленно же были приняты меры по усилению блокады крепости, по замещению убыли в начальствующих лицах, по отправке раненых, заготовке продовольствия и устройству войск на зимнее время.

Русский лагерь обратился в целый город с хорошо оборудованными постройками, домиками, землянками, люди не терпели недостатка в довольствии и были тепло одеты.

Между тем положение гарнизона Карса становилось невыносимым, холера вырывала огромное количество жертв, развился голод, появилась масса перебежчиков.

Генерал Вильямс предложил туркам пробиться через блокадную линию. Но на собранном Муширом военном совете

единогласно было постановлено сдать крепость, и 15 ноября Мушир прислал на имя генерала Муравьева письмо, в котором говорилось, что для ведения переговоров об оставлении крепости назначен Ферик Вильямс-паша.

Им были подписаны условия сдачи, заключавшиеся в своих главных пунктах в следующем:

- 1) крепость сдается с полным своим вооружением;
- 2) гарнизон, сдавшись военнопленным, выходит из крепости, сложив предварительно оружие в укреплениях, офицеры сохраняют шпаги;
- 3) милиция, редифы и нестроевые отпускаются по домам и обязуются честным словом не сражаться против русского императора.

На другой день, 16 ноября, произошла самая сдача, причем пленные были накормлены, а редифы под конвоем отправлены в Саганлуг.

Вслед за принятием крепости в ней и окружающей области было введено русское управление, облегчено бедственное положение жителей, участь больных и раненых вверена попечению врачей, приняты меры для отправления пленных в Россию, а также по выступлению войск на зимние квартиры, причем в качестве гарнизона в Карсе оставлялась 2-я бригада 18-й пехотной дивизии с 2 батареями и несколькими казачьими сотнями под начальством генерала-майора Фетисова.

Прочие войска постепенно выступили на Кавказ и частью расположились по своим старым квартирам, частью на границе, а 13-я дивизия составила в Ахалцихе отряд на случай наступления Омера-паши.

Начальником Карсской области был назначен полковник Лорис-Меликов, заботы коего о занятой нами стране были оценены как жителями, так и Султаном.

30 ноября генерал Муравьев выехал в Тифлис, куда прибыл 7 декабря, и спустя несколько дней удостоился получить Высочайший рескрипт с благодарностью кавказским войскам и с награждением его орденом Св. Георгия 2-й степени.

В конце 1855 г. армии наши, готовые продолжать борьбу, занимали: за п а д н а я и с р е д н я я — под начальством

князя Горчакова — Прибалтийский край, Финляндию и Царство Польское;

ю ж н а я — генерал-адъютанта Лидерса — южную границу государства и Крымский полуостров; на Кавказе стоял отдельный Кавказский корпус генерала Муравьева.

Всего, кроме Кавказского корпуса, в западной и южной армиях было 585 батальонов, 388 эскадронов, 84 казачьих полка силой, не считая артиллерии, в 600 тысяч человек.

За эту массу войск стояли многочисленные резервы и ополчение.

Однако, несмотря на полную готовность нашу, государь соглашался заключить мир и тем прервать не обещавшие нам никаких выгод военные действия.

Дипломатические переговоры о прекращении кровопролития были начаты еще при жизни императора Николая I, поручившего их князю А. М. Горчакову. Готовый на некоторые уступки, Николай Павлович поставил, однако, непременным условием, чтобы не было предложено ничего несовместного с честью и правами России.

Совещания уполномоченных Франции, Англии, Австрии, Турции и России открылись в Вене 3 марта 1855 г. Несогласия между представителями держав и чрезмерные их требования побудили нас вступить в непосредственные сношения с Францией в Париже. Этот шаг возбудил недоверчивость императора Франца-Иосифа, и он решительным своим выступлением потребовал исполнения нами следующих одобренных Францией и Англией четырех пунктов:

- 1) совершенная отмена русского покровительства в Дунайских княжествах;
- 2) свобода судоходства по Дунаю;
- 3) объявление Черного моря нейтральным;
- 4) обеспечение прав и льгот христиан, подданных Порты, без нарушения независимости и достоинства Турции.

Кроме того, по требованию союзных держав Австрия предложила и 5-й пункт: «Воюющие державы предоставля-

ют себе право предъявить на общую пользу Европы особенные условия сверх четырех прежних».

Наше правительство приняло эти пункты, как предварительные условия мира, оговорившись, что соглашается на них только из желания положить предел кровопролитию, прекратив прискорбную для человечества и цивилизации борьбу и восстановить мир на пользу России и Европы. Протокол о принятии нами пяти пунктов был подписан в Вене 20 января, а 13 февраля 1856 г. открылся Парижский конгресс из представителей Франции, Англии, Австрии, Сардинии, Турции, России, а потом и Пруссии.

В начале совещаний было заключено перемирие по 31 марта.

После долгих обсуждений выработанных в Вене пунктов 18 марта 1856 г. трактат о заключении мира между Россией с одной стороны и Турцией с ее союзниками с другой был подписан в Париже, и тяжелая, но полная геройских подвигов, прозванная в честь защитников Черноморской твердыни, Севастопольская кампания 1853—1856 гг. окончилась.

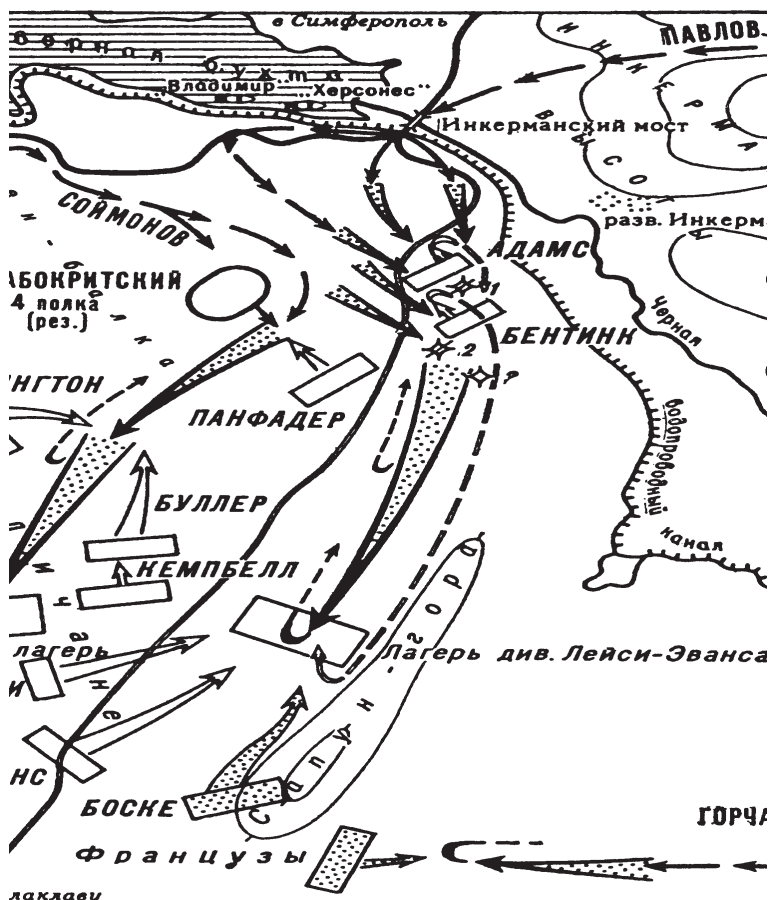
Краткие характеристики князя А. С. Меншикова, князя М. Д. Горчакова, адмиралов В. А. Корнилова, П. С. Нахимова и генерала Э. М. Тотлебена

Князь Александр Сергеевич Меншиков, правнук светлейшего князя Ижорского, любимого вельможи Петра Великого, был от природы одарен блестящими способностями, быстрым соображением и, правда, острым, но зачастую злым языком. Как человек большого ума, князь Меншиков, поставленный во главе многих отраслей государственного управления, должен был бы оставить потомству хоть какие-либо положительные следы своей деятельности. Но их не видно ни в одном из тех дел, во главе которых становился князь Александр Сергеевич. А деятельность его была обширна и, главное, разнообразна.

1826 год застаёт князя посланником в Тегеране, в 1828 г. он назначается начальником Главного морского штаба его императорского величества; в первом походе Турецкой вой-

Вице-адмирал В. А. Корнилов

лаклаву

- Положение русских войск
- Направление ударов и отход русских войск
- Положение английских войск и их отход
- Направление ударов английских войск
- Положение французских войск
- Направление ударов французских войск

Адмирал П. С. Нахимов

ны 1828—1829 гг. он овладел Анапой, участвовал в осаде Варны; в 1831 г. был назначен генерал-губернатором Финляндии; перед открытием Восточной войны князя посылают с чрезвычайным поручением в Константинополь и, наконец, уже 65-летним стариком он командовал сухопутными и морскими силами в Крыму.

Непомерное себялюбие, громадное самолюбие и самомнение, обширная начитанность, отсутствие привязанности к чему бы то ни было и к кому бы то ни было, недоверчивость к окружающим, неумение распознавать людей и несомненная личная храбрость — вот в немногих словах характеристика князя Меншикова.

Служба князя Михаила Дмитриевича Горчакова началась в рядах лейб-гвардии артиллерийского батальона, спустя два года после поступления в который он уже в 1809 г. участвовал в походе против персов, а потом в походах 1812, 1813 и 1814 гг., отличившись в сражении при Бородине и Бауцене.

Достигнув за 10 лет службы чина полковника, князь Михаил Дмитриевич был переведен в свиту его императорского величества по квартирмейстерской части, и с этих пор начинается штабная служба князя Горчакова, столь печально отразившаяся на его характере в 1853—1855 гг., когда он впервые стал самостоятельным главой армии.

Особенно повлияла на него в этом отношении служба при князе Варшавском, не терпевшем никакой самостоятельности в подчиненных.

Потеряв самоуверенность, несмотря на личную храбрость, князь стал бояться ответственности и перед государем, и перед общественным мнением, а это, конечно, не могло не отражаться на отдаваемых распоряжениях. Благородный, прямодушный, доверчивый к людям и заботливый о солдате, Горчаков заслужил среди последних прозвище Честный князь. Да и вообще одаренный, богатый сведениями, опытностью, поэт в душе, князь Горчаков терялся на каждом шагу; рассеянный, забывчивый, суетливый, он при всех высоких душевных качествах своих был обречен на бессилие, и сам, как бы сознаваясь в том,

жаловался на то, что «судьба сулила ему пережить целый ряд дел доблестных, много дней кровавых, но немного дней радостных».

К сожалению, князь свое «счастье» перенес и на командуемую им армию, которая понесла не столь много лишений от тяготы похода и боевых трудов, сколько от суеты излишних передвижений, тревог и ошибок, исходивших от главной квартиры.

Сказочная оборона Севастополя перестанет быть легендарной, если принять во внимание, кто стоял во главе защитников города и славного Черноморского флота, над которым столько в свое время потрудился адмирал Михаил Петрович Лазарев, воспитавший и подготовивший России целую массу лиц, способных с достоинством продолжать его работу и с пользой служить родному делу. Среди них особую славу заслужили адмиралы Нахимов и Корнилов.

Павел Степанович Нахимов 19-летним мичманом поступил на фрегат «Крейсер», отправлявшийся под командой Лазарева к кругосветное плавание. Эта случайная встреча имела влияние на всю его последующую жизнь и службу.

Нахимов обладал редкой способностью отличать все тонкости наклонностей своих подчиненных, снисходить к их слабостям, заглядывать в их душу, взвешивать их побуждения.

Этот неоцененный дар сделал его чрезвычайно влиятельным на сослуживцев. Благодаря своему умению и любви говорить с матросами и своей способности подмечать черты каждого из них, Нахимов сделался знатоком человеческого достоинства, умел действовать на слабую сторону своих подчиненных, говорить с ними по душам, трогать и направлять их своим логичным словом.

Такой способ сближения с подчиненными не уменьшал его видимой требовательности в служебном отношении и внушать к нему одинаковые чувства любви и уважения со стороны всех его подчиненных.

Отличительная черта характера Нахимова и его служебных воззрений состояла именно в том, что он в каждом мат-

Герой обороны Севастополя в Крымскую войну
военный инженер Э. И. Тотлебен

А. С. Меншиков

М. Д. Горчаков

росе видел прежде всего человека, а не машину, и старался развить прежде всего духовную силу.

Нахимов хорошо сознал, что одна техническая сторона дела, хотя бы доведенная до тонкости, не поддержит чести флага в те критические минуты, которые требуют полного подчинения чувств человека высшим чувствам защитника чести и славы своей родины и флота.

Нахимов считался лучшим моряком обоих наших флотов, Черноморского и Балтийского. Только одной этой чести он и добивался, а на все остальное смотрел с равнодушием философа.

Такой характер и система Павла Степановича дали ему ту нравственную силу, которая двигала обожавших его матросов на подвиги невероятные.

Совсем с иным оттенком характера был другой помощник Лазарева, Владимир Алексеевич Корнилов. Человек блестящих способностей, образованный, честолюбивый, энергичный, Корнилов в молодости своей стоял на распутье между светской жизнью столицы и служебной карьерой. Счастливый случай столкнул его в минуту этого перелома с Михаилом Петровичем Лазаревым, и с тех пор имена их обоих стали неразрывны. Корнилов не только был обязан Лазареву своим перерождением, но и воспитанием, морским образованием и движением по службе. Из Владимира Алексеевича получился отличнейший администратор, превосходный моряк и человек, умевший повелевать и влиять на массы.

Но влияние это было основано на несколько иных началах, чем у Павла Степановича Нахимова. Его воздействие не исходило из глубины его сердца, а было следствием выработанной системы, непоколебимой энергии и природного таланта повелевать.

Владимир Алексеевич нелегко подчинял свои убеждения воле и власти другого человека, который не разделял с ним его мнений и воззрений.

Корнилов обладал умением употреблять с пользой способности и самолюбие подчиненных; каждый офицер имел у него на корабле свое место и свою обязанность, с личной ответственностью.

Система обучения у Корнилова была совершенно иная. Он ни в чем не хотел отстать от Нахимова, но достигал этого равенства усиленным и очень часто чрезмерным утомлением людей, заставляя их чуть не десятки раз проделывать какое-либо трудное упражнение.

В служебных отношениях с офицерами Корнилов отличался необыкновенной требовательностью. От его зоркого взгляда не ускользал малейший промах, который всегда ставился виновнику на вид словесно или письменно и иногда в довольно жесткой форме.

«Контр-адмиралов у нас много, — говорил Лазарев о Корнилове, — но нелегко избрать такого, который соединял бы в себе и познания морского дела, и просвещение настоящего времени и которому без опасения можно было бы в критических обстоятельствах доверить и честь флага, и честь нации».

Если Корнилов и Нахимов, закончившие свою жизненную и служебную карьеру при обороне Севастополя, составляли душу этой обороны, то ум инженерной обороны этого «многострадального города» бесспорно принадлежит Эдуарду Ивановичу Тотлебену, начавшему здесь свою блестящую карьеру. Тотлебен, талантливый ученый генерал-адъютанта К. А. Шильдера, соединял вместе с несокрушимой энергией замечательные дарования полевого инженера. Благодаря ему Севастопольская оборона стала образцом не только величия духа, выказанного русским народом в неравной борьбе за честь своей родины, но и примером соединения этого величия с гениальной инженерной обороной самого активного характера.

Завоевание Средней Азии

*Д. Н. Логофет,
полковник*

Военные действия от начала XVI столетия до 1839 г.

После свержения татарского владычества, постепенно усиливаясь, русские государи обратили свое внимание на Восток, где расстилались бесконечные равнины, занятые ордами монголов, а за ними находилось сказочно богатое Индийское царство, откуда шли караваны, привозившие шелковые ткани, слоновую кость, оружие, золото и драгоценные камни. В этой таинственной стране, под яркими лучами круглый год светившего солнца, плескались волны огромного синего моря, в которое впадали многоводные реки, протекавшие по плодородным землям со сказочными урожаями.

Попадавшим в полон и уводимым в далекие города Средней Азии русским, если им удавалось возвратиться на родину, сообщали много интересных сведений о тех местах. Среди нашего народа были и те, кого увлекала мысль посетить новые места благословенного, далекого, но и загадочного юга. Долго бродили они по белу свету, проникая в сопредельные теперешние среднеазиатские владения, испытывая зачастую страшные невзгоды, подвергая свою жизнь опасности, а иногда и оканчивая ее в чужой стране, в тяжелом рабстве и в оковах. Те же, кому суждено было возвратиться, могли поведать много интересного о далеких, неизвестных

странах и о жизни их народов, темнокожих язычников, так мало похожих на подданных великого белого царя.

Отрывочные, а иногда баснословные сведения искателей приключений о посещенных ими землях, о их богатстве и чудесах природы невольно стали привлекать внимание к Средней Азии и явились причиной отправки особых посольств в среднеазиатские государства в целях установления торговых и дружественных отношений.

Стремление на Восток, в Среднюю Азию, а за ней в далекую, полную чудес Индию не могло быть осуществлено сразу, а потребовало сначала покорения Казанского, Астраханского и Сибирского царства. С двух сторон, от Волги и из Сибири, пошло завоевание среднеазиатских земель. Шаг за шагом продвигалась Россия в глубь прикаспийских степей, покоря отдельные племена кочевников, строя крепости для ограждения своих новых границ, пока не продвинулась до южной части Уральского хребта, сделавшегося на долгое время границей русского государства.

Казаки, поселившись на реке Яик, возвели укрепленные поселения, которые явились первым оплотом России против кочевников. Со временем учредили Яицкое, впоследствии переименованное в Уральское и Оренбургское казачьи войска для защиты восточных владений. Россия утвердилась в новом крае, население которого приобщилося к особой, своеобразной жизни земледельцев, скотоводов, могущих ежеминутно превратиться в казаков-воинов для отражения налетов своих воинственных соседей; киргизы, кочевавшие по всей северной части Средней Азии, враждуя между собой почти постоянно, причиняли много беспокойства своим русским соседям.

Казачья вольница, осевшая по реке Яик, по своему жизненному укладу была не в состоянии спокойно ожидать, когда русские власти признают своевременным объявить приказ о новом походе в глубь Азии. А поэтому предприимчивые, смелые казачьи атаманы, помня о подвигах Ермака Тимофеевича, на свой страх и риск собирали шайки удальцов, готовых идти за ними во всякое время на край света за славой и добычей. Налетая на киргизов и хивин-

цев, они отбивали стада и, нагруженные добычей, возвращались домой.

Память народа сохранила имена яицких атаманов Нечая и Шамай, ходивших походом в далекую Хиву с сильными отрядами казаков. Первый из них с 1000 казаков в начале XVII столетия, перейдя со страшной быстротой безводные пустыни, внезапно, как снег на голову, напал на хивинский город Ургенч и разграбил его. С огромным обозом добычи двинулся атаман Нечай со своим отрядом обратно. Но видно, не в добрый час вышли в поход казаки. Успел хивинский хан спешно собрать войска и настиг казаков, которые шли медленно, обремененные тяжелым обозом. Семь дней отбивался Нечай от многочисленных ханских войск, но отсутствие воды и неравенство сил все же привело к печальному концу. В жестокой сече погибли казаки, за исключением немногих, обессиленных ранами, взятых в плен и проданных в рабство.

Но эта неудача не остановила удальцов-атаманов; в 1603 г. атаман Шамай с 500 казаками, как вихрь урагана, налетел на Хиву и разгромил город. Однако, как и в первый раз, смелый набег окончился неудачей. Задержался Шамай из-за гульбы на несколько дней в Хиве и не успел вовремя уйти. Выйдя из города, преследуемые хивинцами, сбились казаки с дороги и угодили к Аральскому морю, где у них не стало провианта; голод дошел до того, что казаки убивали друг друга и пожирали трупы. Остатки отряда, обессиленные, больные, были захвачены в плен хивинцами и окончили жизнь невольниками в Хиве. Сам же Шамай спустя несколько лет был привезен калмыками на Яик для получения за него выкупа.

После этих походов хивинцы, убежденные, что они полностью защищены с севера безводными пустынями, задумали оградить себя от внезапных нападений и с запада, со стороны Каспийского моря, куда из Хивы текла река Амударья. Для этого они возвели поперек реки огромные плотины, и на месте многоводной реки осталась огромная песчаная пустыня.

Россия медленно продолжала свое поступательное движение в глубь Средней Азии, причем особенно ясно оно

обозначилось при Петре, когда великий царь задался целью завязать торговые сношения с далекой Индией. Для осуществления своего плана он приказал в 1715 г. выслать из Сибири в степи со стороны Иртыша отряд полковника Бухгольца, который достиг озера Балхаш и построил на его берегу крепость; но прочно утвердиться русские здесь не смогли, лишь в течение следующих пяти лет Бухгольцу удалось покорить кочующие племена киргизов и закрепить всю долину реки Иртыш больше чем на тысячу верст окончательно за Россией постройкой крепостей Омской, Ямышевской, Железинской, Семипалатинской и Усть-Каменогорской. Почти одновременно с отправкой Бухгольца со стороны Каспийского моря был послан другой отряд, князя Бековича-Черкасского, между прочим с инструкцией пустить воды Амударьи, впадавшей в Каспийское море, по ее старому руслу, загороженному плотинами сто лет тому назад хивинцами.

«Плотину разобрать, и воду Амударьи-реки паки обратить в сторону... в Каспийское море... понеже зело нужно...» — так звучали исторические слова царского наказа; и 27 июня 1717 г. отряд князя Бековича-Черкасского (3727 пехотинцев, 617 драгун, 2000 казаков, 230 моряков и 22 орудия) двинулся на Хиву через безводные пустыни, терпя страшные лишения от недостатка воды и палящих лучей южного солнца, выдерживая почти ежедневно стычки с хивинцами и усеивая своими костями пройденный путь. Но, несмотря на все преграды, спустя два месяца Бекович уже достиг Хивы, главного города Хивинского ханства.

Хивинцы преградили русскому отряду дорогу, окружив его со всех сторон у Карагача. Четыре дня отбивался князь Бекович, пока смелым натиском не нанес полного поражения хивинцам. Выразив притворно покорность, хивинский хан впустил русских в город, а затем убедил доверчивого князя Бековича разделить отряд на мелкие части и отправить их в другие города для удобнейшего их размещения, после чего неожиданно напал на них, разбив и уничтожив каждую часть отдельно. Не удался задуманный поход. Сложил свою голову князь Бекович-Черкасский в Хиве; погибли его соратники в тяжелой неволе, проданные в рабство на

Нападают врасплох.

хивинских базарах, но память об этом неудачном походе надолго сохранилась в России. «Погиб, как Бекович под Хивой», — так говорил каждый русский, желавший подчеркнуть бесполезность какой-нибудь утраты.

Хотя эта первая попытка, окончившаяся так трагически, и отдалила на сто лет выполнение грандиозного замысла великого русского царя, но не остановила русских; и в следующие царствования наступление продолжалось по тем же двум путям, намеченным Петром I: западным — от реки Яик (Урал) и восточным — со стороны Западной Сибири.

Будто огромные щупальца, с двух сторон тянулись в глубину степей наши крепости, пока мы не утвердились на берегах Аральского моря и в Сибирском крае, образовав Оренбургскую и Сибирскую линии; впоследствии продвинутые до Ташкента, они заключили три киргизские орды в крепкое

С картины В. В. Верещагина

железное кольцо. Позже, при Екатерине II, мысль о походе в глубь Средней Азии не была забыта, но осуществить его не удалось, хотя великий Суворов прожил почти два года в Астрахани, работая над организацией этого похода.

В 1735 г., построив крепость Оренбург, явившуюся базой для дальнейших военных действий, Россия утвердилась в этом отдаленном краю, населенном киргизским и башкирским племенами; для прекращения их набегов спустя 19 лет (в 1754 г.) понадобилось построить новый аванпост — крепость Илецк; она получила вскоре особое значение благодаря огромным залежам соли, разработку которых вели каторжники, а соль вывозили во внутренние губернии России.

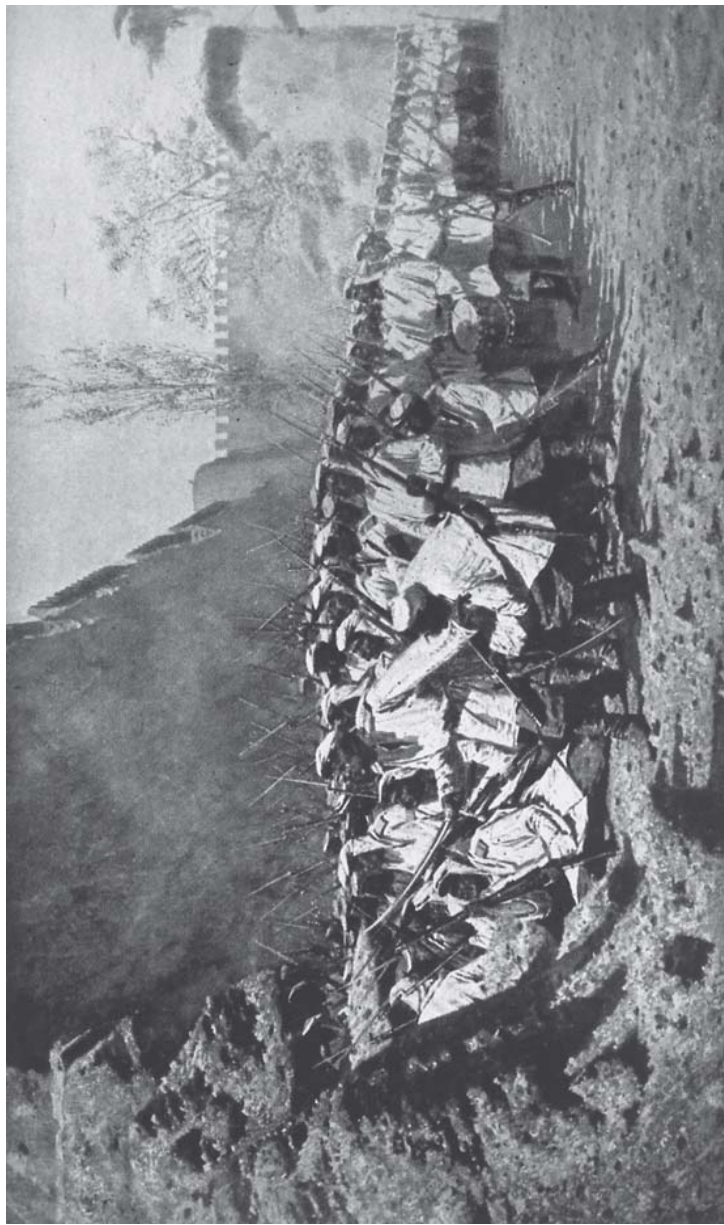
Крепость эта с основавшимся около нее русским поселением позднее назвали Илецкой защитой и вместе с построенной в 1773 г. Орской крепостью она образовала Оренбург-

скую линию; от нее постепенно началось дальнейшее движение в глубь Средней Азии, продолжавшееся непрерывно. В 1799 г., разделяя замыслы Наполеона I и признавая наступивший политический момент удобным для выполнения заветной цели завоевать Индию, Павел I, заключив соглашение с Францией, двинул донских и уральских казаков в Среднюю Азию, отдав свой знаменитый приказ: «Войску собраться в полки — идти в Индию и завоевать оную».

Трудная задача выпала тогда на долю уральцев. Собравшись наспех в поход по царскому приказу, плохо снаряженные, без достаточного запаса продовольствия, они понесли большие потери и людьми, и лошадьми. Лишь нагнавшее отряд высочайшее повеление вступившего на престол Александра I вернуло обратно казаков, потерявших многих своих товарищей.

В этот период Сибирская и Оренбургская оборонительные линии, ограждавшие русские пределы от набегов кочевников, были связаны между собой рядом небольших укреплений, выдвинутых в степь. Таким образом Россия придвинулась еще ближе к Хивинскому ханству, а на новой линии все время происходили мелкие стычки с киргизами и хивинцами, производившими набеги с угоном скота, уводом людей в плен и продажей их на хивинских базарах в неволю. В ответ на такие налеты небольшие отряды удальцов пускались в погоню за разбойниками и в свою очередь захватывали при первой возможности скот в киргизских кочевьях; иногда же для наказания киргизов посылались и небольшие отряды войск.

Порой участвовавшие набеги киргизов привлекали к себе внимание высшей власти в крае, и тогда высылались уже более крупные военные отряды. Они проходили значительные расстояния по степям, захватывали заложников из знатных киргизов, налажали контрибуции и отбивали скот у тех родов, которые производили набеги на русскую линию. Но в этот период наступательное движение на время прекратилось, и только в 1833 г. с целью воспрепятствовать набегам хивинцев на наши северо-восточные пределы побережья Каспийского моря по повелению Николая I было построено укрепление Новоалександровское.

У крепостной стены. «Пусть войдут». С картины В. В. Верещагина

Военные действия в Средней Азии с 1839 по 1877 г.

К концу 30-х гг. по всей Киргизской степи начались волнения, вызывавшие неотложную необходимость в принятии мер к их успокоению и водворению среди киргизов порядка. Назначенный с особыми полномочиями Оренбургским генерал-губернатором и командиром Отдельного Оренбургского корпуса генерал-майор Перовский, прибыв в Оренбург, застал неурядицу среди киргизов в полном разгаре.

Уже давно теснимые русскими отрядами, приграничные киргизы стали отходить от русской линии в глубь степей, а вместе с тем среди русских подданных киргизов и башкир Оренбургского края сторонники прежней вольности производили смуту, подстрекая их также к выселению из русских пределов.

Во главе киргизских родов, кочевавших в Семиречье и на Сибирской линии, стал султан Кейнесары хан Касымов, принадлежавший по происхождению к одному из самых знатных и влиятельных киргизских родов, быстро подчинивший себе остальных киргизов. Под влиянием агитации русские киргизы задумали уйти из России, но были силой задержаны на пограничной линии и большей частью возвращены обратно; лишь небольшое число их успело прорваться и соединиться с передовыми шайками Кейнесары-хана, уже объявившего себя независимым владельцем киргизских степей и угрожавшего русским поселениям по Сибирской линии.

Ввиду разраставшихся волнений для усмирения был отправлен в 1839 г. из Сибири отряд под командой полковника Горского, в составе половины полка казаков при двух орудиях; отряд этот, встретив скопища киргизов около Джениз-Агача, частью их рассеял, заняв этот пункт.

Со стороны же Оренбурга, дабы пресечь грабежи киргизов и освободить русских пленников, захваченных ими и хивинцами одновременно и находившихся в рабстве в хивинских пределах, двигался к Хиве большой отряд, под командой генерала Перовского, в составе 15 рот пехоты, трех полков казаков и 16 орудий.

К сожалению, при обсуждении вопроса об этом новом походе были уже накрепко забыты уроки прошлого и прежние неудачи.

Построив предварительно укрепления на реке Эмбе и в Чушка-Куле и желая избежать летнего зноя, генерал Перовский выступил из Оренбурга зимой 1839 г. и углубился в степь, держа направление на Хиву, к реке Эмбе. Проводниками служили казаки, побывавшие в плену в хивинских владениях, и мирные киргизы, ходившие раньше в Хиву с караванами. С большим вьючным и колесным обозом, обеспеченные значительными запасами продовольствия и снаряженные по-зимнему, бодро двинулись войска по степям, покрытым в тот год огромными сугробами снега. Но с самого начала похода природа будто бы восстала против русских войск. Завыли снежные бураны и вьюги, глубокие снега и жесткие морозы мешали движению, сильно утомляя людей даже при небольших переходах. Выбившиеся из сил пехотинцы падали и, тотчас же заносимые снежной метелью, засыпали вечным сном под пушистым покровом. Леденящее дыхание зимы одинаково неблагоприятно отражалось и на людях, и на лошадях. Цинга и тиф вместе с морозами пришли на помощь хивинцам, и русский отряд стал быстро уменьшаться. Сознание необходимости выполнить свой долг перед государем и родиной и глубокая вера в успех предприятия вели Перовского вперед, и эта вера передавалась людям, помогая им преодолевать трудности похода. Но вскоре почти иссякли запасы продовольствия и топлива.

В бесконечно длинные зимние ночи, под вой бури, сидя посреди степи в кибитке, терзался генерал Перовский очевидной уже невозможностью достигнуть поставленной цели. Но, дав отряду отдых в заранее построенном в Чушка-Куле укреплении, ему удалось вывести остатки войск из степи и вернуться весной 1840 г. в Оренбург.

Неудачный поход 1839—1840 гг. наглядно показал, что летучие экспедиции в глубь азиатских степей без прочного закрепления пройденного пространства постройкой опорных пунктов не могут дать полезных результатов. Ввиду этого был выработан новый план завоевания, предполагавший

медленное, постепенное продвижение в степь с устройством в ней новых укреплений. Последние вызывались необходимостью принять меры против султана Кейнесары-хана, объединившего под своей властью все киргизские роды и постоянно угрожавшего мирной жизни русских поселенцев.

В 1843 г. решено было раз и навсегда покончить с султаном Кейнесары-ханом, производившим постоянные набеги и даже под стенами наших укреплений захватывавшим русских в неволю. Для выполнения этой задачи из крепости Орской были посланы два отряда: войскового старшины Лобова (две сотни и одно орудие) и полковника Базанова (одна рота, одна сотня и одно орудие), совместными действиями которых и удалось рассеять скопища киргизов и взять в бою самого султана Кейнесары-хана, казненного впоследствии.

В 1845 г. оказалось возможным построить по линии рек Иргиз и Тургай крепости: на первой — Уральскую, а на второй — Оренбургскую, одновременно с этим укрепление Новоалександровское было перенесено на Мангышлакский полуостров с переименованием его в Новопетровское; благодаря этому почти половина западного побережья Каспийского моря стала фактически принадлежать России.

Спустя два года был двинут отряд генерала Обручева (четыре роты, три сотни и четыре орудия) для занятия северо-восточного побережья Аральского моря и устьев Сырдарьи, на берегу которой Обручев построил укрепление Раимское. Тогда же была учреждена Аральская военная флотилия, и пароходы «Николай» и «Константин» начали крейсировать по морю, присоединив его тем самым к русским владениям; позднее они несли транспортную службу, перевозя военные грузы и войска вверх по Сырдарье.

Одновременно всю киргизскую степь до передовых укреплений разделили на 54 дистанции, во главе которых поставили русских начальников, а для решения спорных дел, возникавших между отдельными родами, учредили съезды киргизских старшин, чем и упорядочили управление кочевниками.

Между тем занятие русскими войсками устьев Сырдарьи, по которой плавали туземные суда, приводило к постоян-

ным столкновениям и с новым врагом — Кокандским ханством, по владениям которого в большей части протекала эта огромная среднеазиатская река. Хивинцы и кокандцы не могли смириться с усилением русских, мешавших им разбойничать и грабить караваны на дорогах к Оренбургу. Для предотвращения набегов стали высылать особые отряды. Так, отряд полковника Ерофеева (200 казаков и солдат при двух орудиях), настигнув скопища хивинцев, разбил их и 23 августа занял хивинскую крепость Джак-Ходжа. В следующем, 1848 г. было захвачено и разрушено хивинское же укрепление Ходжа-Ниаз.

Постепенно заселяя земли вокруг степных укреплений казаками и поселенцами, Россия должна была принять меры к их защите, а также воспрепятствовать прорывам хивинских шаек в Оренбургскую степь, где от их набегов страдало киргизское население; для этого необходимо было продвигаться еще южнее и оттеснить кокандцев и хивинцев, нанеся им основательное поражение.

План наступления был разработан, и с 1850 г. началось одновременное движение русских войск со стороны Сибирской и Оренбургской линий. Из Капала на реку Или был двинут отряд в целях устройства переправ, постройки укреплений и рекогносцировки кокандской крепости Таучубек. На Оренбургской линии отряд майора Энгмана (одна рота, одна сотня и одно орудие), выступив из Раимского укрепления, рассеял скопища кокандцев, взяв с боя крепость Каш-Курган. В следующем году сильный отряд полковника Карбашева (пять рот, пять сотен, шесть конных орудий и один ракетный станок) вновь перешел реку Или, разбил кокандцев и совершенно разрушил крепость Таучубек.

Отряд же майора Энгмана (175 казаков и один единорог), встретив около Акчи-Булака кокандские войска под начальством Якуб-бека, наголову разбил их, обратив в бегство.

Одновременно для окончательного закрепления за Россией всей степи, примыкавшей к Сибирской линии, начато было устройство казачьих станиц и учреждена казачья линия, на которой за Анчюзом (Сергиополем) к китайскому городу Чугучаку был выдвинут отряд и поселены в укрепленных стани-

цах две сотни Сибирского казачьего войска; из них впоследствии образовалось Семиреченское казачье войско.

Назначенный снова Оренбургским генерал-губернатором, генерал Перовский, ознакомившись с положением дел в крае, убедился, что главным опорным пунктом кокандцев являлась сильная крепость Ак-Мечеть, за крепкими стенами которой находили убежище скопища кокандцев и откуда высылались шайки разбойников, делавших набеги на наши укрепления; ввиду этого в 1852 г. был выслан отряд полковника Бларамберга (полторы роты, две сотни и пять орудий) для производства рекогносцировки Ак-Мечети.

Отряд, пройдя значительное пространство и выдержав несколько натисков кокандцев, разрушил кокандские укрепления: Кумыш-Курган, Чим-Курган и Каш-Курган, произведя разведку крепости Ак-Мечети.

Благодаря этому в следующем году представилась возможность направить на завоевание крепости значительные силы (4,5 роты, 12,5 сотни и 36 орудий) под общей командой самого генерала Перовского. Пройдя с отрядом в жару около 900 верст за 24 дня, отбив несколько нападений хивинцев, генерал Перовский подошел к стенам Ак-Мечети, считавшейся неприступной, и послал коменданту предложение сдать крепость. Но кокандцы встретили парламентаров выстрелами, а потому пришлось отказаться от переговоров и брать ее с бою.

Высокие стены и сильный гарнизон Ак-Мечети представляли собой настолько внушительную силу, что решили взорвать сначала часть стен. Произвели осадные работы, продолжившиеся семь дней, а затем, после взрыва 27 июня, сделавшего большие разрушения, начали штурм, длившийся с 3 часов до 16 часов 30 минут. Во время штурма храбрый комендант Ак-Мечети, Мухамет-Вали-хан, был убит, а кокандцы, после отчаянной защиты, принуждены были сдаться. Ак-Мечеть была переименована в форт Перовский.

Тяжелый поход, имевший результатом взятие Ак-Мечети, был оценен государем, и генерал Перовский за взятие этого важного пункта, уже выдержавшего раньше несколь-

ко осад, возведен был в графское достоинство, а войска щедро награждены.

Одновременно с этим учредили новую Сырдарьинскую линию из укреплений: Аральского (Раимского, форта № 1, форта № 2, форта Перовского и форта № 3 (Кумыш-Курган). Таким образом окончательно закрепили за Россией всю степь от Оренбурга до Аральского моря и реки Сырдарья, а укрепления прежней Оренбургской линии, утратив значение передовых, превратились в опорные и этапные пункты и укрепленные торговые фактории, под защиту которых стали прибывать новые переселенцы.

Кокандцы не могли примириться с потерей Ак-Мечети, считавшейся неприступной и выдержавшей целый ряд осад в прошлом. Огромные скопища их, числом до 12 тысяч, при 17 орудиях, внезапно 18 декабря подошли к форту Перовский, в котором находились 1055 человек русского гарнизона при 14 орудиях и пяти мортирах. Хотя сам форт в то время достроен не был, но начальник левого фланга Сырдарьинской линии подполковник Огарев, сознавая невыгоду осады, решил, несмотря на неравенство сил, выслать навстречу кокандцам отряд из 350 пехотинцев, 190 казаков при четырех орудиях и двух ракетных станках под командой Шкупя. Пользуясь туманом и беспечностью кокандцев, русские подошли на рассвете к кокандскому лагерю на расстояние 400 сажен, заняв песчаные холмы, и в 6 часов утра открыли по нему канонаду.

После непродолжительной суматохи, вызванной неожиданностью, кокандцы скоро опомнились и сначала стали отвечать орудийными выстрелами, а затем, перейдя в наступление, окружили отряд и произвели несколько атак с фронта и с флангов. Но все эти атаки с большим уроном были отбиты картечью и ружейным огнем. Тогда, решив отрезать отряд от крепости, кокандцы выслали часть войск своего центра и резервы в обход.

К счастью, подполковник Огарев, заметив охват неприятелем флангов, послал в подкрепление две команды, по 80 человек и 10 орудий в каждой, под начальством штабс-капитана Погурского и прапорщика Алексеева. В это время капи-

тан Шкуп, выяснив значительное ослабление неприятельских войск и видя подходившие наши подкрепления, прикрывавшие его тыл, оставил на позиции три взвода пехоты и сотню казаков, а сам с одной сотней и шестью взводами пехоты стремительно бросился вперед, опрокинул неприятельских стрелков и захватил всю кокандскую артиллерию и лагерь.

Хотя оставшиеся три взвода выдержали сильный натиск, но кокандцы были окончательно сбиты атакой Погурского и Алексева, вследствие чего, преследуемые четырьмя сотнями казаков и башкир, в беспорядке отступили, потеряв в этом бою до 2000 убитыми. Наши же потери составили 18 убитыми и 44 ранеными. Трофеями были четыре бунчука, семь знамен, 17 орудий и 130 пудов пороха. Подполковник Огарев за это славное дело произведен был прямо в генерал-майоры, а капитан Шкуп — в следующий чин.

Несмотря на такое страшное поражение и потерю артиллерии, кокандцы почти тотчас же в г. Туркестане приступили к отливке новых артиллерийских орудий, собрав для этого всю медную посуду у жителей, а в Коканде стали сосредоточиваться новые войска.

Покорение Заилийского края (Семиречья). Движение со стороны Сибири велось с большим успехом, и в 1854 г. в урочище Алма-Аты на реке Алматике было построено укрепление Верный и занята долина реки Или с учреждением для административного управления населением этого края Заилийского отдела. Верный сделался базой для дальнейших военных действий, начатых в следующем же году, в целях защиты киргизов, подчинявшихся России.

В царствование Александра II продвижение России в глубь Средней Азии пошло ускоренными темпами благодаря тому, что во главе русских войск, действовавших на этой окраине, оказались даровитые, сильные духом вожди — Колпаковский и Черняев. Деятельность подполковника Колпаковского была чрезвычайно плодотворна в смысле закрепления завоеваний России в пределах Семиречья, где русские войска под его начальством покорили киргизов, кочевавших

в областях, соприкасавшихся своими границами с Китаем. К середине 60-х гг. русские войска продвинулись от Оренбурга до Перовска, а от Сибири выдвинулись до Верного, прочно закрепив за собой все пройденное пространство рядом укреплений.

Но между крайними пунктами этой пограничной линии оставалось еще значительное пространство, где прочно держались кокандцы, опираясь на ряд своих сильных крепостей — Азрет, Чимкент, Аулизата, Пишпек и Токмак — и постоянно возбуждая кочующих киргизов к враждебным против русских действиям. В силу этого настоятельно требовалось сомкнуть наши передовые линии и таким способом окончательно отрезать подвластных России киргизов от влияния Коканда. Неотложность исполнения этого плана была высочайше одобрена, и с 1836 г. вновь началось безостановочное движение русских войск, дабы сомкнуть Сырдарьинскую и Сибирскую линии с устройством одной общей линии крепостей. Отрядом полковника Хоментовского (одна рота, одна сотня и один ракетный станок) были покорены киргизы Большой Орды рода Топай, а начальником Сырдарьинской линии генерал-майором Фитингофом (320 пехотинцев, 300 казаков, три орудия и два ракетных станка) взято было с боя хивинское укрепление Ходжа-Нияз и 26 февраля разбиты скопища хивинцев, поддерживаемые не покорившимися России киргизами.

В следующем году начальник Заилийского края подполковник Перемышльский, с отрядом в одну роту, одну сотню и два конных орудия, покорил все остальные бунтовавшие роды киргизов и отбросил 5-тысячный отряд кокандцев за реку Чу.

В 1859 г. произведена была рекогносцировка верховьев реки Чу и кокандских крепостей Токмак и Пишпек, а на Сырдарьинской линии — Янидарьи (рукав Сырдарьи). Отряд полковника Дандевилля произвел разведку восточного берега Каспийского моря и путей от моря к Хиве. В том же году управление киргизами Оренбургской степи было передано Министерству внутренних дел. Весь же Заилийский край вошел в состав вновь учрежденного Алатауского окру-

га, имевшего границами с севера: реки Курты и Или (система озера Балхаш); с запада реки Чу и Курдай (система озера Иссык-Куль); на юге же и на востоке определенной границы установлено не было, так как военные действия с Кокандом, Хивой и Бухарой продолжались. Между владениями этих ханств и русскими никаких разграничений не производилось, равно как не были определены границы с пограничными областями западного Китая, с которым в то время в этом отношении ни договоров, ни трактатов не заключалось.

Население нового Алатауского округа и Заилийского края состояло из кочевых киргизов различных родов, численностью около 150 тысяч, официально считавшихся русскими подданными, небольшого числа казаков, русских поселенцев и сартов, составлявших оседлую часть населения края, в котором административным центром было укрепление Верный.

Желая избежать притеснений кокандских чиновников, признававшие над собой власть России киргизы хотя и кочевали преимущественно в русских пределах, но часто переходили и на кокандскую территорию, главным образом благодаря тому, что граница ее была определена лишь приблизительно вдоль течения реки Чу по отрогам Тянь-Шаня.

Кокандские же власти, лишившиеся с переходом зажиточного киргизского населения в русское подданство значительных доходов, силой собирали с них подати, а кокандские эмиссары, преимущественно принадлежавшие к представителям знатных киргизских родов, подстрекали киргизов к восстанию против русских. Для защиты своих новых подданных русским властям приходилось все время высылать экспедиции в кокандские владения.

Постепенно, из-за сосредоточения вблизи русской линии кокандских войск, положение сделалось довольно трудным, в особенности к 1860 г., когда кокандцы, усилившись за счет Бухары, помимо сбора дани с киргизов — русских подданных, стали готовиться к вторжению в пределы Заилийского края в направлении на укрепление Верный. Они рассчитывали, произведя возмущение среди киргизов, пресечь сообщение края с Капалом, единственным пунктом, связывающим его с Россией, и уничтожить все русские поселения.

Чтобы воспрепятствовать осуществлению замыслов кокандцев, был сформирован отряд в составе шести рот, шести сотен казаков, двух сотен киргизов, 12 орудий, четырех ракетных станков и восьми мортир, а к озеру Иссык-Куль выслали два больших отряда под командой подполковника Шайтанова и сотника Жеребятъева, заставивших кокандцев после нескольких стычек отступить от озера в предгорья Тянь-Шаня.

Одновременно с этим отряд полковника Циммермана, двинувшись к Костекскому перевалу у укрепления Костек, разбил наголову войска кокандцев, вторгнувшихся в числе 5000 человек в русские пределы. Перейдя затем перевал в августе и сентябре того же года, отряд занял и разрушил кокандские крепости Токмак и Пишпек, служившие главными опорными пунктами кокандцев. Но кокандцы стали вновь сосредоточивать свои силы, восстановив крепость Пишпек, а в начале октября их скопища уже приблизились к реке Чу.

В то время начальником Алатауского округа и командующим войсками Заилийского края был назначен подполковник Колпаковский — человек редкой силы воли, трудоспособности и энергии. Быстро оценив положение и признав его в высшей степени серьезным, он немедленно принял ряд мер противодействия вторжению кокандцев. Усилив везде гарнизоны укреплений, он достроил некоторые из них, а затем вооружил всех русских поселенцев и благонадежных туземцев. Общее количество войск, находившихся под его командой, едва достигало 2000 человек, в числе которых были преимущественно сибирские казаки, не отличавшиеся в то время особыми боевыми качествами, а собранное им из местных жителей ополчение состояло из совершенно необученных поселенцев.

Волнения среди наших киргизов приняли уже настолько серьезные размеры, что большая их часть перешла на сторону кокандцев, силы которых исчислялись до 22 тысяч человек. Ввиду этих причин положение русских в Заилийском крае надо было признать критическим.

К счастью, войска кокандцев состояли из небольшого числа регулярных сарбазов, а остальные представляли со-

бой милицию. Главным начальником был ташкентский бек Канаат-Ша, пользовавшийся известностью благодаря своим успешным действиям против бухарцев. Перейдя в наступление, кокандцы двинулись от Пишпека по долине реки Курдай к реке Дутрин-Айгирь, в направлении на Верный, пользуясь при этом поддержкой киргизов, начавших массами переходить на их сторону.

Спешно выдвинувшись навстречу кокандцев, Колпаковский поставил в Костеке 8-й линейный батальон, четыре сотни и семь орудий (майор Экеблад); на кургане Скурук — одну роту с ракетным станком (поручик Сяркоковский); у Узунагача — одну роту, одну сотню и два орудия (поручик Соболев); в Каселене — полсотни; в Верном — две роты и полсотни и, наконец, остальные войска — в Илийском и Заилийском укреплениях.

Первое наступление 19 апреля в числе 10 тысяч человек под начальством Алим-бека в обход Узунагача окончилось для них неудачно, и они были отбиты с большим уроном, отступив под сильным огнем русских, но тотчас предприняли новое наступление по долине реки Кара-Кастек. Получив известие об этом, подполковник Колпаковский успел к вечеру 20 октября собрать большую часть своих сил (три роты, две сотни, шесть орудий и два ракетных станка), подошедших налегке, а 21 октября, не ожидая атаки кокандцев, русский отряд быстро вышел навстречу неприятелю, двигавшемуся по местности, изрезанной оврагами и целым рядом параллельных высот. Едва показались кокандские войска, как выехавшие вперед четыре орудия, опередив казаков, картечным огнем заставили кокандцев отступить за следующую гряду. Тесня неприятеля, отряд дошел до Кара-Кастека, где неожиданно был атакован с флангов и тыла конными скопищами кокандцев, причем рота поручика Сяркоковского едва не взята была в плен, но, к счастью, ее успели выручить посланные Колпаковским две роты.

Не выдержав залпов, кокандцы отхлынули и в это время были атакованы всем отрядом: с левого фланга — ротой Шаняевского, с правого — ротой Соболева, а в центре открыла огонь артиллерия. Рота Сяркоковского с сотней и ра-

кетным станком, заняв позицию под углом, охраняла правый фланг и тыл отряда.

Бросившись в атаку, рота Шаняевского штыками опрокинула сарбазов, а за ними, после нескольких попыток перейти в наступление, повернули и все силы кокандцев. Несмотря на усталость, отряд преследовал неприятеля на расстоянии двух верст с лишком, отбиваясь в то же время от шаек киргизов, бросившихся на отряд с тыла и флангов. За день отряд преодолел 44 версты, выдержав при этом жестокий восьмичасовой бой. Кокандцы же потеряли при Узунагаче до 1000 убитыми и ранеными и поспешно отступили за реку Чу.

По общему заключению, во все войны наши в Средней Азии до 1865 г. ни разу интересы России не подвергались такому страшному риску, как перед боем при Узунагаче. Если бы Колпаковский не принял решительных мер и не взял инициативу наступления на себя, трудно сказать, чем кончилось бы нападение 20-тысячной массы кокандцев, особенно если принять во внимание, что малейший успех мог привлечь на их сторону всех киргизов Заилийского и Илийского края. Моральное значение победы у Узунагача было огромным, поскольку она наглядно показала силу русского оружия и слабость кокандцев.

Император Александр II оценил значение Узунагачского боя и написал на реляции: «Славное дело. Подполковника Колпаковского произвести в полковники и дать Георгия 4 степени. Об отличившихся войти с представлением, и всем штаб- и обер-офицерам объявить благоволение, знаки отличия военного ордена выслать Гасфорду, согласно его желанию».

В 1862 г. полковник Колпаковский, установив порядок в управлении киргизскими кочевьями, произвел новую рекогносцировку, перейдя реку Чу (четыре роты, две сотни и четыре орудия), и взял кокандскую крепость Мерке. Получив затем подкрепление, 24 октября, уже с отрядом в составе восьми рот, одной сотни и восьми орудий, вторично взял восстановленную кокандцами крепость Пишпек.

На сырдарьинской линии военные действия продолжались, и в 1861 г. отрядом генерала Дебу (1000 нижних чи-

нов, девять орудий и три ракетных станка) были взяты и разрушены кокандские крепости Яни-Курган и Динь-Курган.

Таким образом, наступление русских войск на кокандские владения продолжалось безостановочно, и одновременно с этим в Заилийском крае были расширены наши границы с Китаем на востоке, а в 1863 г. заняты Берухудзир, Кошмурух и Алтын-Эмельский перевал, причем отряд капитана Проценко (две роты, одна сотня и два горных орудия) нанес сильные поражения китайцам.

В конце 60-х гг., почти одновременно с военными действиями против Бухары, продолжалось движение по направлению к Китайскому Туркестану и покорение Заилийского края. Беспокойное кочевое население Китайского Туркестана, состоявшее из калмыков, уже давно тревожило своими постоянными набегами русских подданных киргизов. В то же время китайские подданные дунгане (мусульманские китайцы) поднялись против китайцев, которые, видя полную невозможность справиться своими силами, обратились за помощью к русским властям.

Считая такое положение на границах недавно завоеванного края недопустимым и опасным и находя необходимым принять меры к умиротворению населения прилегающих китайских областей, генерал Колпаковский, с отрядом из трех рот, трех сотен и четырех орудий, двинулся в 1869 г. в западнокитайские владения. Здесь около озера Сайрам-Нор, встретив огромные скопища таранчинцев, он вступил с ними в бой и рассеял их, а затем 7 августа взял с боя крепость Каптагай.

Но таранчинцы и калмыки начали вновь стягиваться у Борахудзира, вследствие чего русский отряд направился к этому пункту и, нанеся страшное поражение этим скопищам, занял укрепление Мазор и Хоргос. Впрочем, первое из них он вынужден был вскоре оставить ввиду малочисленности русского отряда, а кроме того, подстрекаемые китайскими властями, кочевники и оседлые таранчинцы стали угрожать уже русским владениям.

В 1871 г. генерал Колпаковский с большим отрядом (10 рот, шесть сотен и 12 орудий) вновь вступил в китайские

пределы, заняв 7 мая с бою крепость и город Мазор и, отеснив таранчинцев к крепости Чин-Чаходзе, взял ее штурмом 18 июня, а 19-го — крепость Сайдун, подойдя к главному городу Заилийского края Кульдже, который и занял 22 июня.

Вместе с занятием Кульджи закончились военные действия в Семиречье, и область эта, образованная из Алатаувского округа и Заилийского края, получила возможность мирно развиваться, входя в состав России. Позднее Кульджа и прилегающий к ней район, занятые исключительно в целях умиротворения населения, после полного успокоения его были возвращены обратно Китаю.

Из завоеванных же земель была образована одна из богатейших областей России — Семиреченская, с главным городом Верным, где на страже русской границы с Китаем стояли казаки вновь учрежденного Семиреченского казачьего войска. С назначением в 1864 г. начальником Западносибирской линии полковника М. Г. Черняева и с усилением войск Заилийского края началось более быстрое движение вперед благодаря особой энергии и предприимчивости нового начальника, признавшего необходимым возможно скорее сомкнуть Заилийскую и Сырдарьинскую линии. Между крайними пунктами их оставалось уже незначительное пространство, куда проникли шайки кокандцев, производя неожиданные нападения и волнуя киргизское кочевое население, покорно подчинявшееся русским до первого появления кокандцев. Дикие наездники пустыни находили это положение особенно удобным, как дававшее им возможность производить безнаказанно набеги и грабежи враждебных им родов.

Признав необходимым, продвинувшись еще вперед, отеснить кокандцев, полковник Черняев с отрядом из пяти рот 8-го Западносибирского батальона, 4-й роты 3-го Западносибирского батальона, стрелковыми ротами 3-го Западносибирского батальона, полубатареей казачьей артиллерии и 1-м Сибирским казачьим полком двинулся из Пишпека по направлению к Аулизату и, появившись неожиданно под стенами этой крепости, расположенной на значительной возвышенности, 4 июня взял ее штурмом. Спустя две недели им был выслан летучий отряд полполковника Лерхе (две

роты, полсотни, два орудия и один ракетный станок), который, перейдя со страшными трудностями снежный хребет Кара-Бура, спустился в долину реки Чирчик, напав на кокандцев, разбил их скопища и покорил каракиргизов, кочевавших в долине Чирчика. Главный же отряд Черняева снова продвинулся вперед, к Яс-Кичу, заняв 11 июля Чимкент, и прошел с 13 по 15 июля с боем до Киш-Тюменя.

16 июля отряд полковника Лерхе (три роты пехоты, одна рота конных стрелков и два конных орудия) уже был выслан к урочищу Акбулака против кокандцев для соединения с войсками Оренбургского отряда, который из Перовска вышел под командой полковника Веревкина (в составе 4,5 роты, двух сотен, 10 орудий, шести мортир и двух ракетных станков) и 12 июля, взяв с бою кокандский город Туркестан и укрепившись в нем, выслал летучий отряд капитана Мейера (две роты, одна сотня, три орудия и один ракетный станок) к Чимкенту и далее к урочищу Акбулак навстречу войск Черняева.

Кокандцы же, получив сведения о движении русских отрядов с двух сторон, стянули к Акбулаку более 10 тысяч человек; с этими массами 14 и 15 июля пришлось вступить в бой отряду капитана Мейера, которому вскоре подал помощь подошедший отряд подполковника Лерхе. После соединения оба отряда, под общей командой принявшего начальство подполковника Лерхе, выдержав 17 июля несколько атак кокандцев, направились к урочищу Киш-Тюмень, где находились главные силы генерала Черняева.

Через пять дней, дав людям небольшой отдых, 22 июля полковник Черняев направился к Чимкенту, произведя рекогносцировку этой сильной крепости, но, встретив огромные массы кокандцев — до 25 тысяч человек — и выдержав с ними жестокий бой, отряд его, ввиду неравенства сил, отступил в Туркестан.

Лишь спустя два месяца, приведя части в полный порядок и дождавшись прихода подкреплений, 14 сентября генерал Черняев снова направился в Чимкент (три роты, полторы сотни и два конных орудия); в это же время в том же направлении был выдвинут под командой полковника Лер-

хе отряд, состоящий из шести рот пехоты, одной роты конных стрелков и двух орудий. Соединившись 19 сентября, оба отряда встретили войска кокандцев и, вступив с ними в бой, опрокинули их, взяв с бою крепость Сайрам.

22 сентября, несмотря на сильный гарнизон Чимкента, начат был штурм этой считавшейся неприступной кокандцами крепости, расположенной на значительном возвышении, господствовавшим над окружающей местностью. Жестокий артиллерийский и ружейный огонь кокандцев не остановил штурмовую колонну, во главе с полковником Лерхе ворвавшуюся в крепость и выбившую отчаянно защищавшихся кокандцев.

Весть о взятии русскими Чимкента штурмом быстро разнеслась вокруг, и все кокандские отряды спешно стали отступать к Ташкенту, ища защиты за его крепкими стенами. Генерал же Черняев, желая использовать моральное впечатление от наших успехов, 27 сентября, т. е. на шестой день после взятия Чимкента, направился к Ташкенту с отрядом в 1550 человек при 12 орудиях — всего 8,5 роты и 1,5 сотни казаков. Движение это благодаря быстроте и внезапности обещало успех, тем более что среди жителей Ташкента было много сторонников русских, желавших прекращения войны, разорительной для купцов.

1 октября, оставшись под стенами Ташкента, насчитывавшего до 100 тысяч населения с 10-тысячным гарнизоном и окруженного стенами на протяжении 24 верст, Черняев, выбрав самое слабое место, начал бомбардировку стен с целью образовать в них брешь; это, по-видимому, и удалось сделать, но когда двинули штурмовую колонну под начальством подполковника Обуха, то оказалось, что сбита лишь верхушка стены, а сама стена, закрытая складкой местности и невидимая издали, стояла непоколебимо, так что подняться на нее без штурмовых лестниц было невысказано.

Понеся значительные потери, в том числе был убит подполковник Обух, генерал Черняев, вследствие невозможности взять крепость без осадных работ, принужден был отступить обратно к Чимкенту. Войска же рвались предпринять новый штурм, считая, что они отражены не кокандцами,

а высотой ташкентских стен и глубиной рвов, что вполне подтверждалось отсутствием всякого преследования со стороны кокандцев при отходе отряда в Чимкент.

После неудачного штурма Ташкента кокандцы воспряли духом, считая, что победа осталась на их стороне. Мулла Алим-Куль, распустив слух о своем уходе в Коканд, в действительности, собрав до 12 тысяч человек, направился, минуя Чимкент, прямо к Туркестану, предполагая неожиданным нападением захватить эту крепость. Но комендант Туркестана подполковник Жемчужников, желая проверить дошедшие до него слухи о движении кокандцев, тотчас выслал на разведку сотню уральцев под командой есаула Серова. Не рассчитывая встретить неприятеля близко, сотня 4 декабря выступила, прихватив один единорог и небольшой запас продовольствия. Лишь по дороге от встречных киргизов Серов узнал, что селение Икан, отстоящее в 20 верстах от Туркестана, уже занято кокандцами.

Считая необходимым проверить этот слух, он повел свой отряд на рысях и, не доходя 4 верст до Икана, заметил вправо от селения огни. Предполагая, что это неприятель, отряд остановился, выслав для сбора сведений одного из бывших при отряде киргизов, который почти тотчас возвратился, встретив кокандский разъезд. Не зная еще ничего определенного о силах неприятеля, Серов решил на всякий случай отойти на ночь к выбранной им позиции, но не успел отряд пройти версты, как был окружен толпами кокандцев.

Приказав казакам спешиться и устроить из мешков с провиантом и фуражом прикрытие, Серов встретил кокандцев выстрелами из единорога и винтовок, моментально охладивших пыл атакующих.

Последующие их атаки также были отбиты с большим уроном для нападавших. Кокандцы, отойдя версты на три, в свою очередь открыли пальбу из трех орудий и фальконе-тов, продолжавшуюся всю ночь и причинившую много вреда и людям, и лошадям.

Утром 5 декабря огонь усилился. Много казаков пострадало от гранат и ядер. А между тем подошли главные силы Алим-Кула, общей численностью до 10 тысяч человек. Рас-

считывая на помощь из Туркестана, куда отправлены были с донесением два казака, пробравшиеся ночью через неприятельское расположение, храбрые уральцы продолжали весь день отстреливаться за своими укрытиями. Хотя в единороге к полудню от выстрелов рассыпалось колесо, но фейерверкер Грехов пристроил ящичное и продолжил безостановочную пальбу, а казаки помогли артиллеристам, многие из которых уже были ранены. Кокандцы, раздраженные этой стойкостью и боясь атаковать открыто, стали производить нападения, прикрываясь арбами, нагруженными камышом и колючкой.

Около полудня со стороны Туркестана донеслись глухие пушечные и ружейные выстрелы, на время ободрившие казаков, предположивших, что помощь уже недалеко, но к вечеру кокандцы прислали Серову письмо, в котором сообщали, что войска, шедшие из крепости на выручку, ими разбиты. Действительно, посланный на помощь отряд в 150 человек пехотинцев при 20 орудиях под командованием поручика Суворко подошел довольно близко, но, встретив массы кокандцев, отступил обратно.

Несмотря на это известие, Серов решил держаться до последней крайности, делая из убитых лошадей новые завалы, а ночью снова послав казаков Борисова и Черного с запиской в Туркестан. Пробившись через войска кокандцев, храбрецы исполнили поручение.

Утром 6 декабря уральцам приходилось уже совсем плохо, а неприятель, заготовив 16 новых щитов, видимо, предполагал броситься в атаку. Не теряя надежды на помощь и желая выиграть время, Серов вступил в переговоры с Алим-Кулом, продлившиеся больше часа. После прекращения переговоров кокандцы с еще большим ожесточением кинулись на завалы, но первый и три следующих их натиска были отбиты. К этому времени выстрелами кокандцев перебиты были все лошади, а из людей выбыло из строя убитыми 37 и ранеными 10. Серов видел, что больше держаться невозможно, а потому решился на последнее средство — пробиться во что бы то ни стало сквозь ряды тысячной неприятельской конницы, тучей окружившей отряд, а в случае неудачи пасть

всем в этом бою, помня завет князя Святослава: «Мертвые срама не имут».

Казак, заклепав единорог, с криком «ура» бросились на кокандцев. Ошеломленные этой отчаянной решимостью, те расступились, пропустив удалцов и провожая их сильным ружейным огнем.

Больше 8 верст шли уральцы отстреливаясь, ежеминутно теряя убитыми и ранеными своих товарищей, у которых тут же подсакивавшие кокандцы отрубали головы. Раненые, некоторые имея по пять-шесть ран, шли, поддерживая друг друга, пока не падали совершенно обессиленные, становясь тотчас добычей разъяренных врагов. Казалось, что конец близок и вся эта горсточка храбрецов ляжет костями в глухой пустыне. Но в этот последний момент среди нападавших произошло движение, и они разом отхлынули, а из-за холмов показался наконец русский отряд, высланный из Туркестана на выручку. Израненных и истомленных казаков, не евших уже двое суток, посадили на телеги и повезли в крепость. За три дня боя сотня потеряла: 57 убитыми и 45 ранеными — всего 102, уцелело лишь 11 человек, в числе которых было четверо контуженых.

Дело под Иканом подтвердило наглядно непобедимость русских и помешало Алим-Кулу напасть на Туркестан. Все участники Иканского боя, оставшиеся в живых, были награждены знаками отличия военного ордена, а есаул Серов — орденом Св. Георгия и следующим чином за подвиги, являющие собой пример редкой стойкости, мужества и храбрости.

Постепенно кокандцы очистили весь район, генерал Черняев, считая необходимым овладеть главным опорным пунктом кокандцев — крепостью Ташкентом, подошел вторично к его стенам. После рекогносцировки Ташкента, позволившей прояснить, что самым удобным местом для штурма являются Камеланские ворота, был собран военный совет, на котором Черняев обсудил с подчиненными порядок штурма этой сильной крепости.

После бомбардировки городских стен Черняев в 2 часа ночи с 14 на 15 июля двинул три штурмовые колонны под командой полковника Абрамова, майора де Кроа и подпол-

ковника Жемчужникова. Особому отряду полковника Краевского поручалось произвести демонстрацию с противоположной стороны крепости с целью отвлечь внимание кокандцев от Камеланских ворот. Взяв штурмовые лестницы и обернув колеса орудий войлоком, штурмовая колонна подошла к стене.

Стоявший у самой стены снаружи крепости кокандский караул при виде русских бросился бежать сквозь небольшое отверстие в крепостной стене, закрытое кошмой. По их следам первыми ворвались внутрь крепости унтер-офицер Хмелев и юнкер Завадский, поднялись на крепостные стены и, переколов штыками прислугу, сбросили вниз орудия. Несколько минут спустя ворота были уже открыты, и бойцы, рота за ротой, входили в крепость, захватывая соседние ворота и башни; втягиваясь затем по узким улицам внутрь города, они брали одно укрепление за другим, несмотря на ружейную и артиллерийскую стрельбу, открытую со всех сторон кокандцами. Наконец цитадель была взята колоннами Жемчужникова и де Кроа. Но из-за заборов по ним велась бесперывная стрельба.

Выбить из укрытий неприятельских стрелков было крайне трудно, так как выход из цитадели подвергался жестокому обстрелу. Тогда военный священник протоиерей Малов, желая подвигнуть людей на выполнение опасного предприятия, высоко поднял крест и с криком: «Братцы, за мной», — выбежал за ворота, а за ним последовали стрелки, которые, быстро перебежав опасное место, перекололи штыками засевших за заборами в садах и ближайших зданиях кокандцев.

Между тем отряд полковника Краевского, заметив неприятельскую конницу, подходившую к Ташкенту, бросился в атаку и быстро ее рассеял, а затем стал преследовать толпы бегущих из Ташкента кокандцев. Собрав к вечеру отряд около Камеланских ворот, генерал Черняев отсюда послал небольшие команды по улицам города, выбивавшие засевших кокандцев; так как последние продолжали стрельбу, то была выдвинута артиллерия, вновь открывшая огонь по городу, в котором вскоре начались пожары. Ночью войска тревожили небольшие партии, но на другой день отряд полковника

Краевского снова обошел весь город и, взяв с бою и разрушив баррикады, взорвал цитадель. 17 июля явилась депутация от жителей и просила пощады, сдаваясь на милость победителя. Трофеями были 63 орудия, 2100 пудов пороха и до 10 тысяч снарядов. Особенно отличились при взятии Ташкента сотник Ивасов и поручик Макаров.

Занятие Ташкента окончательно упрочило положение России в Средней Азии, в которой этот город являлся одним из самых крупных политических и торговых центров; сохранив свое значение и в дальнейшем, он сделался главным городом вновь образованной Сырдарьинской области.

Покорение Бухарского ханства. Действия русских в 1864 и 1865 гг. в отношении завоевания края был особенно удачны. В короткое время овладев огромной территорией от Перовска и Верного до Ташкента, Россия невольно стала угрожать непосредственно Коканду и Бухаре, направившим все свои силы к сдерживанию русского движения. Их попытки в этом направлении были парализованы генералом Черняевым, вынужденным вследствие нападения бухарцев на новую русскую линию снова перейти в наступление. Дойдя до бухарской крепости Джизак, он нанес несколько поражений бухарским войскам, а затем назначенный после него военным губернатором Сырдарьинской области генерал Романовский взял и эту крепость.

Однако, несмотря на понесенные поражения, бухарский эмир все еще не верил, что русские навсегда заняли местности за рекой Сырдарьей, принадлежавшие раньше Бухаре. Окружающие его сановники скрывали истинное положение дел, а потому уверенность эмира в своих силах была так велика, что, ведя переговоры с русскими в целях лишь выиграть время, он вместе с тем собирал войска, поощряя в то же время нападения киргизских шаек на новые русские границы.

Вследствие такого положения генерал Романовский с отрядом в 14 рот, пять сотен, 20 орудий и восемь ракетных станков двинулся к урочищу Ирджару, где сосредоточились 38-тысячное ополчение бухарцев и 5000 сарбазов при 21 орудии.

Генерал-майор Д. И. Романовский

Появление русского отряда 8 мая было для бухарцев большой неожиданностью, и, атакованные отрядами полковника Абрамова и Пистолькорса, бухарцы тотчас отступили, потеряв до 1000 убитыми, шесть орудий и весь артиллерийский парк.

Дав небольшой отдых войскам, генерал Романовский решил направиться к кокандской крепости Ходжент, куда и подошел 18 мая. Расположенный на реке Сырдарье Ходжент представлял собой очень сильную крепость с многочисленным гарнизоном, взять которую штурмом без подготовки было невозможно; вследствие этого 20 мая была назначена бомбардировка города, продолжавшаяся с перерывами до 24 мая. В тот день был начат штурм ходжентских стен двумя колоннами под начальством капитана Михайловского и ротмистра Баранова; хотя при этом штурмовые лестницы, к несчастью, оказались ниже стен, но все-таки, несмотря на это и на страшное сопротивление кокандцев, рота поручика Шорохова поднялась на них, сбросив и переколов защитников.

В то же время ротмистр Баранов со своими ротами под градом пуль, картечи, камней и бросаемых со стен бревен поднялся на стены и выломал ворота. И снова, как и при штурме Ташкента, в передних рядах штурмовой колонны шел с крестом в руках протоиерей Малов, ободряя людей своим примером. Разбив ворота второй внутренней стены, войска вошли в город, встретив на улице большое сопротивление и выбивая кокандцев из каждого дома.

Лишь к вечеру затихла стрельба, а на другой день явились депутаты с изъявлением полной покорности. При защите Ходжента кокандцы потеряли до 3500 человек убитыми, трупы которых хоронили потом целую неделю, мы же — 137 убитыми и ранеными. Почти тотчас после взятия Ходжента с целью рассеять скопища бухарцев, собравшихся в Ура-Тюбе и представлявших большую опасность при движении отряда к Джизаку, генерал Крыжановский подошел к этому городу и после бомбардировки взял его штурмом на рассвете 20 июля.

Сильный артиллерийский и ружейный огонь бухарцев со стен крепости не остановил штурмующие колонны, шедшие

под командой Глуховского, Шауфуса и Баранова; так же, как и при взятии Ходжента, они, заняв крепость, наткнулись внутри на колонну бухарских войск, с которыми выдержали жестокую рукопашную схватку. Трофеями были четыре знамени, 16 орудий и 16 вьючных пушек. Потери неприятеля достигли 2000 человек, а наши — 10 офицеров и 217 нижних чинов убитыми и ранеными.

Со взятием Ура-Тюбе в руках бухарского эмира оставался еще один пункт — Джизак, владея которым, он еще мог надеяться удержать за собой долину реки Сырдарьи благодаря расположению этой крепости при выходе из ущелья на единственной дороге в Самарканд и Бухару. Ввиду неполучения к этому времени от эмира ответа на предложенные условия генерал Романовский направил свои войска к Джизаку, к которому они подошли 12 октября.

Крепость эта, окруженная тремя параллельными стенами, считалась особенно сильной, а потому штурм ее без подготовки являлся предприятием слишком рискованным, в особенности приняв во внимание, что гарнизон в ней доходил до 11 тысяч человек. После рекогносцировки и постройки батареи с 16 октября начали бомбардировку Джизака, все приемы и обороты которого указывали на присутствие в ней большого числа бухарских регулярных войск, делавших неоднократно вылазки.

Произведя обвалы стен и бреши, наши войска стали готовиться к штурму. Но так как замечено было, что к рассвету, когда обыкновенно русские начинали штурм, у бухарцев усиливался огонь, то решили изменить время и штурмовать в полдень. 18 октября две колонны капитана Михайловского и подполковника Григорьева благодаря внезапности быстро заняли стены, поднявшись на них по лестницам.

Бухарцы, по-видимому, совершенно не ожидавшие штурма днем, были застигнуты врасплох и столпились массами между внутренними двумя стенами; несмотря на отчаянное сопротивление и сильный, но беспорядочный огонь, крепость уже через час была в наших руках. Бухарцы потеряли при штурме Джизака до 6000 убитыми и ранеными, в то время как наши потери выразились в 98 человек. Трофеями были

43 орудия, 15 знамен и множество оружия. Большая часть джизакского гарнизона сдалась в плен, но часть их успела, выбравшись из крепости, бежать по направлению к Самарканду.

Но и это страшное поражение не образумило эмира, и на русские войска, стоявшие у Джизака, снова начались нападения, а сам эмир вновь стал собирать войска, высылая небольшие партии к Джизаку и призывая население к войне с неверными.

Нападения на новую русскую линию вскоре настолько участились, что, не видя возможности склонить эмира к прекращению военных действий, вновь назначенный в это время Туркестанский генерал-губернатор генерал фон Кауфман решил покончить с Бухарой, вызывающее поведение которой требовало, для укрепления русского положения в Средней Азии, нанесения полного поражения бухарским войскам. Ввиду этого русский отряд в составе 19,5 роты, пяти сотен и 10 орудий, выйдя из Джизака, направился к Самарканду, считавшемуся не столько столицей Бухарского ханства, но и священным городом в глазах всех мусульман. Эмир между тем, собрав огромную армию, около 60 тысяч человек, выслал ее к Самарканду, где бухарцы заняли находившиеся впереди города Чапан-Атинские высоты. Мусульманское духовенство призвало всех правоверных к защите священного города.

1 мая 1868 г. русские войска под командой генерала Головачева стали переходить реку Зеравшан. По грудь в воде, борясь с сильным течением, под сильным огнем бухарцев переправились роты на противоположный берег, двинулись в атаку на высоты Чапан-Ата и штыками выбили бухарцев из занятых ими позиций. Не выдержав быстрого и решительного натиска, бухарские войска стали отступать; большая часть их бросилась бежать по направлению к Самарканду, ища спасения за высокими стенами этой сильной крепости, но здесь их постигло жестокое разочарование.

Жители Самарканда, занимавшиеся торговлей и земледелием, уже давно тяготились войной, разорвавшей их непо-

сильными податями; поэтому, зная о полном спокойствии, наступившем в Ташкенте с присоединением этого города к русским владениям, и о выгодах, приобретенных мирным населением, они решили прекратить бесполезное кровопролитие; закрыв ворота Самарканда и не впустив эмирские войска, они послали в то же время депутацию к генералу Кауфману с заявлением о своем желании сдаться на милость победителей. На другой день русские войска вошли в Самарканд, жители которого открыли ворота и поднесли ключи крепости генералу Кауфману.

Но, несмотря на то что главный город ханства был во власти русских, все же нельзя было признать поражение бухарцев полным, так как эмир снова собирал свои войска в Ката-Кургане, куда присоединились к нему и части, потерпевшие неудачу под Самаркандом.

18 мая русские войска направились к Ката-Кургану; взяли его штурмом и, атаковав 2 июня массы бухарцев, занявших высоты около Зерабулака, опрокинули их быстрым и решительным натиском. Этот кровопролитный бой закончился полным поражением бухарцев, обратившихся в беспорядочное бегство; только теперь бухарский эмир, признав свое дело окончательно проигранным, вскоре подписал мирные условия.

Между тем в тылу русских войск произошли крупные события. Воспользовавшись наступлением русских к Зерабулаку, шахрисабзские беки собрали 15-тысячное войско и осадили Самарканд, в котором находились небольшой гарнизон (до 250 человек) и больные или слабосильные (до 400 человек) под общей командой коменданта майора фон Штемпеля. Целую неделю продолжалась эта осада.

Незначительное число орудий и необходимость беречь патроны создавали во время отражения штурмов особенно трудное положение: слабый огонь наш не в силах был останавливать неприятеля, продвигавшегося к крепостным стенам и даже взбиравшегося на них, откуда его приходилось выбивать штыками. Приступ следовал за приступом, и шахрисабзцы лезли на стены как бешеные. Лишь ручные гранаты, бросаемые защитниками, на время останавливали

эти натиски. Несколько раз неприятель пытался зажечь деревянные ворота, а также пробовал, сделав подкоп под низ стен, опрокинуть их, открыв таким образом проход. Видя свое критическое положение, комендант через верного джигита, переодевшегося нищим, послал донесение генералу Кауфману.

Ожидание выручки снова подняло дух гарнизона, в ряды защитников которого стали все больные и раненые; но уже 4 июля неприятель, сделав пролом в стене, ворвался в крепость, хотя был выбит.

В первые же два дня гарнизон потерял до 150 человек, но, несмотря на это, майор Штемпель твердо решил не сдаваться, а в случае захвата крепостных стен запереться в ханском дворце. Для поддержания духа гарнизона он постоянно производил вылазки, поджигая ближайшие дома, которыми прикрывались шахрисабзцы. Уже на пятый день положение осажденных сделалось отчаянным: мясо было съедено, люди не спали пять сутки, а в воде ощущался крайний недостаток. Сделав вылазку под командой полковника Назарова, защитники города получили несколько баранов и немного воды.

Наконец 7 июля, когда, казалось, сдача города была уже неминуемой, пришло известие о приближении отряда Кауфмана к Самарканду, а на другой день утром шахрисабзцы быстро отступили от крепости. Таким образом, горстка русских отстояла Самарканд, отбив до 40 приступов и потеряв в боях четвертую часть своего состава. В числе особо отличившихся были известные впоследствии художники Верещагин и Каразин, в то время служившие офицерами в туркестанских батальонах.

28 июля с бухарским эмиром был заключен мирный договор, по которому все земли до Зерабулака отошли к России, но и после этого военные действия еще не окончились; восстание наследника бухарского престола Катта-Тюры и необходимость наказать шахрисабзцев за нападение на Самарканд понудило отправить отряд генерала Абрамова для подавления разгоравшегося восстания. Разбив вначале скопища Катта-Тюры под городом Карши,

а затем, в следующем году, выдержав жестокий бой с шахрисабзцами у Кули-Калянских озер, Абрамов взял города Шахрисабз и Китаб и низложил мятежных беков, бежавших в Коканд.

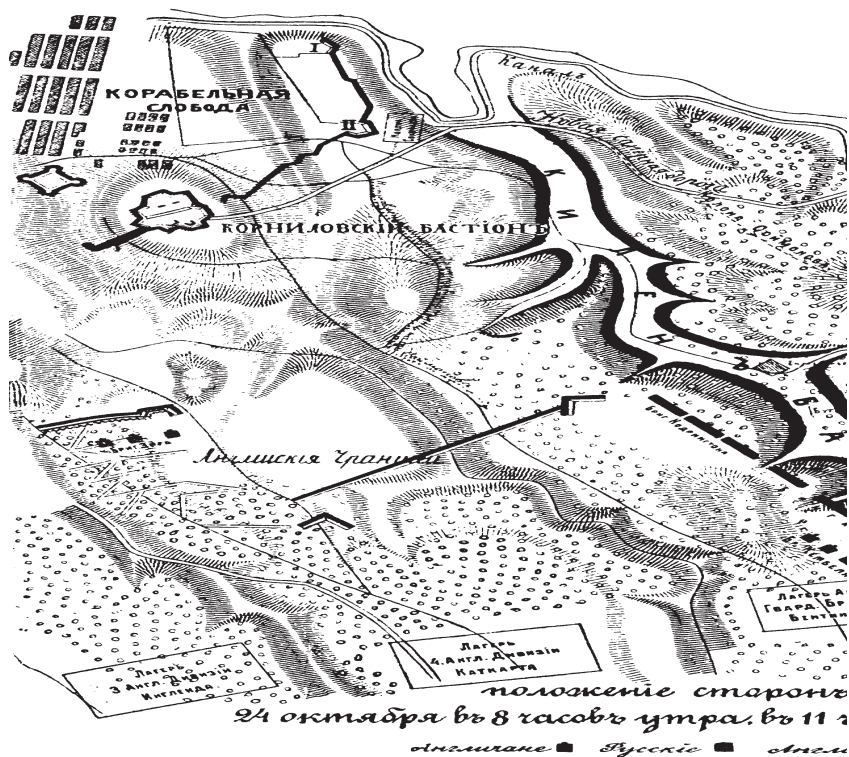
Этими последними военными действиями русских войск было закончено завоевание Бухарского ханства. Со смертью эмира Музафера-хана Бухара окончательно успокоилась, и в 1879 г. был заключен новый договор о дружбе, по которому Бухарское ханство было включено в русские границы с признанием им протектората России.

Покорение Хивинского ханства. После занятия русскими войсками левого берега Сырдарьи, на котором был устроен целый ряд наших укреплений, хивинский хан, все еще верящий в силу своих войск и подстрекаемый духовенством, вновь открыл военные действия против русских. Шайки хивинцев-туркмен и киргизов стали переходить Сырдарью и нападать на кочевья киргизов, числившихся русскими подданными; грабя и отбивая у них скот, они создали невозможное для мирной жизни положение.

Постоянно сея смуту и подстрекая русских подданных киргизов к восстанию против России, хивинцы наконец достигли своей цели: среди киргизов Оренбургского края возникли крупные волнения и беспорядки.

К концу 1873 г. грабежи следовавших из Оренбурга в Персию и другие азиатские государства караванов хивинскими туркменами наводили ужас на купцов, а набеги на русскую линию и увод пленных приняли массовый характер. Чтобы положить предел этому, Туркестанский генерал-губернатор обратился к хивинскому хану с письменным требованием возвратить всех русских пленников, запретить своим подданным вмешиваться в дела наших киргизов и заключить торговый договор с Россией.

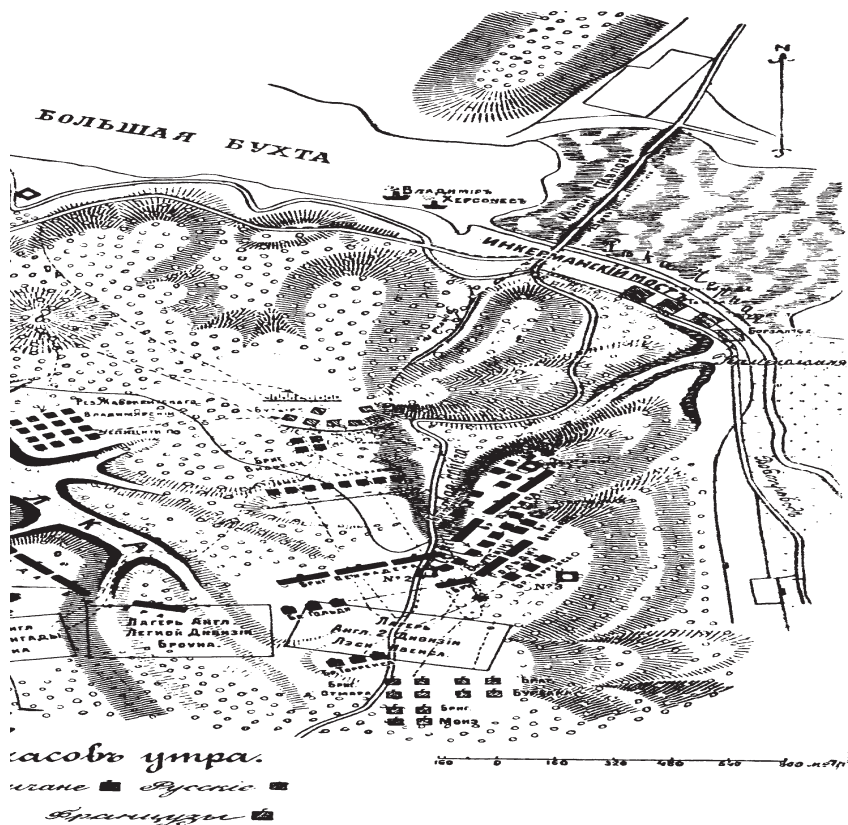
Предложения не были приняты, хан даже не ответил на письмо генерала Кауфмана, а набеги хивинцев настолько участились, что им стали подвергаться даже русские почтовые станции. Вследствие такого положения весной 1873 г. русские войска выступили в поход против Хивы одновре-

Хивинский поход 1873 г. Переход Туркестанского отряда

менно из четырех пунктов в составе особо сформированных отрядов:

- 1) Туркестанского (генерал Кауфман) — 22 роты, 18 сотен и 18 орудий — из Ташкента;
- 2) Оренбургского (генерал Веревкин) — 15 рот, восемь сотен и восемь орудий — из Оренбурга;
- 3) Мангышлакского (полковник Ломакин) — 12 рот, восемь сотен и восемь орудий;
- 4) Красноводского (полковник Маркозов) — восемь рот, шесть сотен, 10 орудий — из Красноводска.

через пески Адам-Крылган. С картины Н. Н. Каразина

Кроме того, действующим против Хивы войскам была придана Аральская флотилия, состоявшая из пароходов «Самарканд», «Перовский» и трех баржей.

Общее руководство было возложено на генерал-адъютанта фон Кауфмана.

Тяжелый поход предстоял войскам по необозримым пустыням, где изредка встречались колодцы с горько-соленой водой. Сыпучие барханы, знойные ветры и палящая жара были союзниками хивинцев, владения которых отделялись тысячеверстным пространством безлюдных, мертвых пус-

тынь, расстилавшихся до самой Хивы; невдалеке от нее все отряды должны были соединиться и одновременно подступить к хивинской столице.

Бодро двинулись туркестанские и кавказские войска, насчитывавшие в своих рядах многих участников прежних экспедиций и степных походов. Красноводскому отряду с самого начала пришлось углубиться в пески, встречая на каждом шагу страшные, непреодолимые препятствия. Разбив туркмен у колодца Игды 16 марта и преследуя их при палящей жаре свыше 50 верст, казаки взяли около 300 пленных и отбили у неприятеля до 1000 верблюдов и 5000 баранов.

Но этот первый успех больше не повторился, и дальнейшее движение к колодцам Орта-Кую было неудачным. Глубокие пески, недостаток воды и знойный ветер явились врагами, с которыми не под силу было справиться людям, а 75-верстная пустыня до Орта-Кую оказалась преградой, которую не удалось перешагнуть; отряд вынужден был возвратиться в Красноводск; все же он принес большую пользу общему делу, удержав текинцев от участия в защите хивинских владений.

Туркестанский отряд вышел в поход двумя колоннами — из Джизака и Казалинска — 13 марта, и с первых же переходов начались для него тяжелые дни. Весна была особенно холодной. Сильные дожди с ветрами и снегом при вязкой, размокшей почве делали передвижение необычайно трудным. Увязая по колено в вязкой глине, промокшие насквозь, продрогшие от ледяного ветра, едва брели люди до места ночлега, надеясь там согреться у костров. Но налетал вихрь со снежной метелью и разом тушил костры, а однажды весь отряд едва не погиб от мороза. На смену непогоде с апреля началась жара при сильных горячих ветрах, осыпавших мелким песком и затруднявших дыхание.

21 апреля казалинская и джизакская колонны соединились у колодцев Хала-Ата, где первый раз перед отрядом показали хивинцы.

Ветер дул ежедневно со страшной силой, взметая облака песчаной пыли, застилавшей горизонт. У людей кожа лопалась на лице, и, несмотря на назатыльники, появились ожо-

ги на шее, а позднее развились глазные болезни. На ночлегах ветер срывал палатки и засыпал песком.

Особенно ужасен был переход к колодцам Адам-Крылган по огромным песчаным барханам, при палящей 50-градусной жаре и полном отсутствии растительности. Само название «Адам-Крылган» в переводе означает «погибель человека».

Лошади и верблюды от страшной жары и утомления стали падать, у людей начались солнечные удары. С большим трудом достиг отряд этих колодцев, но, отдохнув и запасшись водой, пошел дальше. Край пустыни примыкал к берегам многоводной Амударьи, и дойти до нее оставалось не более 60 верст. Но и это сравнительно незначительное расстояние оказалось не под силу измученным людям.

Жара стояла нестерпимая, а сыпучие барханы поднимались все выше и выше. Скоро запасы воды были израсходованы, и страшная жажда начала мучить людей. Казалось, гибель отряда неизбежна. Но к счастью, джигиты, бывшие при отряде, нашли в стороне от дороги засыпанные колодцы.

Шаг за шагом, растянувшись на огромное расстояние, шел отряд шесть верст до колодцев, теряя массу людей, лошадей и верблюдов, погибавших от солнечных ударов и жажды. Достигнув колодцев Алты-Кудук (шесть колодцев), все разом бросились к воде, производя страшный беспорядок. Воды в колодцах оказалось мало, и войска вынуждены были прождать около них шесть дней, чтобы оправиться. Сделать же запас воды на дальнейшую дорогу пришлось снова в колодцах Адам-Крылган, куда выслали целую колонну с бурдюками.

Лишь 9 мая отряд направился к Амударье; переход этот снова был страшно тяжелым, а на ночлегах внезапно напали туркмены, очевидно, решившие во что бы то ни стало не допустить русских до Амударьи и к хивинским городам.

11 мая днем показались на горизонте огромные массы конных туркмен, охватывавшие отряд со всех сторон. Выстрелы туркменских ружей раздавались непрерывно. Почти у Амударьи 4000 туркменских всадников пытались вновь

Хивинский поход 1873 г. Переправа Туркестанского

преградить дорогу, но, отбитые картечью, принуждены были с большим уроном отступить. Переправившись на лодках через Амударью, отряд тотчас же занял с бою Ходжа-Аспа.

Непоколебимое мужество и сила воли генерала Кауфмана помогли русским преодолеть все страшные препятствия и пройти через мертвые хивинские пустыни, перенеся с особой твердостью все невзгоды и лишения.

Оренбургский отряд под командой генерала Веревкина в середине февраля выступил в поход, когда в степях еще

отряда через р. Амударья. С картины Н. Н. Каразина

стояли 25-градусные морозы и лежал глубокий снег, что вызывало необходимость расчищать дорогу. За рекой Эмбой погода изменилась, и при начавшемся таянии снегов почва превратилась в вязкое месиво, затруднявшее движение и вызывавшее большие потери лошадей и верблюдов. Лишь от Угры переход стал сравнительно легким и появилось достаточное количество воды.

Заняв город Кунград, около которого отряд встретил незначительное сопротивление хивинцев, войска направились

дальше, все время отбивая неожиданные нападения. За Кунградом обоз атаковали 500 туркмен. Конвоировавшая обоз сотня оренбургских казаков есаула Пискунова лихо понеслась во главе со своим командиром в атаку, а затем, спешившись перед неприятелем, произвела несколько залпов, рассеяв нападавших.

В Карабойли Оренбургский отряд 14 мая соединился с Мангышлакским, который под начальством полковника Ломакина выступил в поход на Хиву позже всех других. С 14 апреля ему пришлось перенести также все ужасы безводных песчаных пустынь, совершая переходы при палящей жаре и пройдя в течение месяца до 700 верст. Но эти тяжелые условия не отразились на людях, сохранивших бодрость, и лишь огромная убыль в верблюдах, костями которых была усеяна вся пройденная дорога, указывала на перенесенные войсками лишения.

15 мая оба отряда выступили под общей командой генерала Веревкина из Карабойли в Ходжейли. Войска хивинцев пытались преградить путь русским вначале перед Ходжейли, а затем, 20 мая, перед городом Мангитом. Огромные массы туркмен у Мангита двинулись против русского отряда, встретившего натиск многочисленного врага артиллерийским и ружейным огнем. Стремительные атаки нашей конницы заставили туркмен отступить, оставив город, а когда в него вошли русские войска, то были встречены выстрелами из домов. В наказание Мангит был сожжен дотла.

Общая потеря хивинцев в боях последних двух дней достигала 3100 убитыми, но, несмотря на это, ханское 10-тысячное войско 22 мая при выходе отряда из Кыта снова напало на русских с большим ожесточением. Сильный огонь головных частей отряда рассеял эти скопища, и хивинцы, устилая своими трупами землю, быстро отступили, а затем выслали послов от хана с мирными предложениями. Генерал Веревкин, не доверявший хивинскому хану и не получивший инструкций о мирных переговорах, послов не принял.

26 мая отряд подошел к столице Хивинского ханства — Хиве, под стенами которой до 28 мая стал выжидать известий от Туркестанского отряда. Но туркмены перехватили

русские бумаги, посылаемые с джигитами, в силу чего, не получая никаких приказаний, генерал Веревкин утром 28 мая двинулся к городу, за стенами которого хивинцы приготовились к отчаянной защите.

Несколько орудий хивинцы вывезли за пределы города и стрельбой из них мешали отряду подойти к воротам. Тогда роты Ширванского и Апшеронского полков бросились в атаку и отбили два орудия, а часть ширванцев под командой капитана Алиханова, кроме того, взяла еще одно орудие, стоявшее в стороне и обстреливавшее наш фланг. В ходе перестрелки был ранен генерал Веревкин.

Огонь русских орудий и рвавшиеся гранаты наконец заставили хивинцев очистить стены. Немного спустя прибыла из Хивы депутация с предложением сдать город, сообщившая, что хан бежал, а жители желают окончания кровопролития и лишь одни туркмены — юмуды хотят продолжать защиту столицы. Депутация была отправлена к генералу Кауфману, который 28 мая вечером с туркестанским отрядом приблизился к Хиве.

На другой день, 29 мая, полковник Скобелев, взяв приступом ворота и стены, очистил Хиву от непокорных туркмен. Произведя затем смотр всем отрядам и поблагодарив людей за службу, главнокомандующий во главе русских войск вступил в древнюю хивинскую столицу.

Возвратившийся по требованию русских хан был снова возведен в прежнее достоинство, причем немедленно были освобождены все рабы, томившиеся в неволе, в числе более 10 тысяч человек, через объявление от имени хана следующего приказа:

«Я, Сеид-Мухамет-Рахим-Богодур-хан, во имя глубокого уважения к русскому императору повелеваю всем моим подданным предоставить немедленно всем рабам свободу. Отныне рабство в моем ханстве уничтожается на вечные времена. Пусть это человеколюбивое дело послужит залогом вечной дружбы и уважения всего моего народа к великому народу русскому».

Одновременно все хивинские земли на правой стороне Амударьи отошли к России с образованием Амударьинско-

го отдела, а на хивинского хана наложили контрибуцию в размере 2200 тысяч рублей за военные издержки России, и русским подданным в Хивинском ханстве предоставили право беспошлинной торговли. Но с занятием Хивы военные действия на хивинской земле не окончились; туркмены, которые использовали рабов для полевых работ, не захотели подчиниться приказу хана об их освобождении и, собравшись огромными массами, намеревались откочевать, отказавшись также от уплаты наложенной на них контрибуции.

Находя необходимым заставить туркмен признать силу России и подвергнуть их наказанию за неисполнение требований, генерал Кауфман выслал против непокорных два отряда, которые, настигнув их скопища 14 июня у аула Чандыр, вступили с ними в бой. Туркмены защищались отчаянно: сидя по двое на конях с шашками и топорами в руках, они подскакивали к русским и, спрыгнув с лошадей, кидались в бой.

Но стремительные атаки конницы, а затем ракетный и ружейный огонь быстро охладили пыл диких наездников; обратившись в беспорядочное бегство, они оставили до 800 тел убитых и огромный арбяной обоз с женщинами, детьми и всем своим имуществом. На другой день, 15 июля, туркмены сделали новую попытку атаковать русских у Кокчука, но и здесь их постигла неудача, и они стали спешно отступать. Во время переправы через глубокий проток их настиг русский отряд, открывший по ним огонь. Погибло более 2000 туркмен, и, кроме того, в наказание русским отрядом было сожжено 14 селений.

Получив такой страшный урок, туркмены запросили пощады. Выслав депутацию, они просили разрешения вернуться на свои земли и начать уплату контрибуции, что и было им разрешено.

Примечательно, что русские войска, нанеся такое страшное поражение туркменам у Мангита, Чандыра и Кокчука, совершенно не знали, к каким именно родам они принадлежали; но сама судьба в этом случае, очевидно, направляла оружие: потомки туркмен, предательски истребивших отряд князя Бековича-Черкасского в Порсу, как оказалось впо-

следствии, были истреблены почти поголовно русскими войсками. Это вселяло в туркмен непоколебимую уверенность, что русские знали, кто были их враги и за предательское нападение предков отомстили 150 лет спустя потомкам.

Хивинское же ханство хотя и было оставлено самостоятельным под управлением своих ханов, но, выполняя заветы Петра, Россия приставила к нему особого «часового» в виде выстроенного на правом берегу Амударьи укрепления Петроалександровского с сильным гарнизоном.

Блестящие результаты хивинского похода заключались помимо уничтожения рабства и возвращения русских пленных в окончательном усмирении хивинских туркмен и в полном подчинении ханства России; Хивинское ханство постепенно превратилось в огромный рынок для сбыта русских товаров.

Завоевание Кокандского ханства. Рядом с новыми русскими областями Туркестанского края, примыкая к ним непосредственно, находились земли Кокандского ханства, в течение продолжительных войн с Россией в 60-х гг. потерявшего все свои северные города и области, которые были присоединены к русским владениям.

Окруженные с востока и юго-запада снеговыми хребтами, кокандские владения занимали низменность, носящую название Фергана, или Желтая земля. Это было одно из самых богатых мест в Средней Азии, подтверждением чего служит предание, что в Фергане в незапамятные времена находился рай.

Многочисленное население ханства состояло, с одной стороны, из оседлых жителей городов и селений, занимающихся торговлей и земледелием, а с другой — из кочевников, расселившихся по горным долинам и склонам гор, где они кочевали со своими бесчисленными табунами и стадами овец. Все кочевники принадлежали к племенам каракиргизов и кипчаков, признававших ханскую власть лишь номинально; сплошь и рядом, недовольные управлением ханских чиновников, они производили волнения, являясь опасными даже для самих ханов, которых иногда низлагали, выбирая

других, по своему усмотрению. Не признававшие никаких территориальных границ и считавшие грабежи особым подвигом, каракиргизы были крайне нежелательными соседями для русских, с которыми у них были старые счеты.

Сам же кокандский хан, утратив значительную часть своей территории, прекратил после взятия Ходжента военные действия против русских; зато внутри ханства начались страшные неурядицы, в особенности когда кипчаки и каракиргизы выступили против Худояр-хана. В 1873 г. некий самозванец Пулат, объявив себя ханом кокандским, привлек на свою сторону всех недовольных. Боясь не справиться собственными силами с разгоревшимся восстанием, Худояр-хан обратился за помощью к русским, а после отказа в ней собрал свои войска, отгеснившие Пулат-хана в горы.

Позднее к Пулату примкнули ближайшие сановники Худояра; мятеж разгорелся с новой силой, а беспорядки в ханстве стали также отражаться и на кочевых киргизах в пограничных уездах новой Сырдарьинской области. Постепенно восстание охватило все ханство, и даже наследник престола присоединился к мятежникам, вследствие чего Худояр-хан принужден был бежать в Ташкент. С целью воспрепятствовать движению кокандцев в русские пределы к границам ханства были придвинуты русские войска.

Не довольствуясь грабежами внутри ханства, киргизы по заранее обдуманному плану произвели ряд нападений на русские почтовые станции, между Ходжентом и Ура-Тюбе, сожгли или разрушили их, по-видимому, желая прервать сообщение между этими городами.

Одна из киргизских шаек внезапно напала на станцию Мурза-Рабат, старостой которой был запасный стрелок 3-го стрелкового батальона Степан Яковлев. Ямщики-киргизы при приближении кокандцев тотчас же ускакали, а Яковлев остался один защищать вверенное ему казенное имущество. Почтовая станция имела вид небольшого укрепления с двумя башнями по углам. Заперев и завалив ворота и загородив окна, Яковлев зарядил два ружья и винтовку и расположился на башне, откуда были видны окрестности. Двое суток отстреливался храбрый стрелок, поражая мет-

кими выстрелами осадивших станцию киргизов и устилая их телами землю.

Наконец, видя полную невозможность ворваться внутрь станции, киргизы накидали у ее стен сухой клевер и подожгли его. Окутанный дымом Яковлев решил пробиться к стоявшей невдалеке над родником башне.

Бросившись через ворота, он уложил штыком несколько человек, но, не добрав шагов пятнадцать до цели, пал сам под ударами нападавших. На месте, где погиб славный стрелок, впоследствии поставили памятник с надписью: «Стрелку Степану Яковлеву, доблестно павшему 6 августа 1875 г. после двухдневной защиты станции Мурза-Рабат против кокандцев».

8 августа до 15 тысяч кокандцев неожиданно подошли к городу Ходженту, но были отбиты русскими с большим уроном. Необходимость отбросить скопища кокандцев заставила тогда же генерала Кауфмана двинуть войска в кокандские пределы из Ташкента и Самарканда, что и было выполнено 11 августа. Генерал Головачев разбил 6-тысячное скопище у Зюльфагара, а 12 августа в направлении к Ходженту выступили русские главные силы под начальством самого Кауфмана; вперед был выслан летучий отряд полковника Скобелева из двух сотен с ракетным станком, выдержавший целый ряд небольших стычек, пока все русские войска собрались под Ходжентом в числе 16 рот пехоты, восьми сотен, 20 орудий и восьми ракетных станков. Начальником кавалерии был полковник Скобелев.

22 августа кокандская конница у Карочкума атаковала русский отряд на биваке, но, отбитая с большим уроном, принуждена была отступить. Когда же войска снялись с бивака и двинулись с места, появились со всех сторон огромные скопища кокандцев, стремившихся охватить русские конные части, которых они боялись несравненно меньше, чем пехоты. Отстреливаясь на все стороны, отряд подошел к берегу Сырдарьи, где находилась кокандская крепость Махрам с примыкавшей к ней хорошо укрепленной позицией, с которой необходимо было выбить неприятеля.

Для подготовки штурма крепости был открыт огонь из 12 орудий, на который стали отвечать кокандские пушки из амбразур. Отлично пристрелявшаяся артиллерия скоро заставила замолчать неприятельскую, после чего были двинуты два батальона под командой генерала Головачева на штурм укрепленной позиции; 3-я рота 1-го стрелкового батальона штабс-капитана Федорова, перебравшись через ров с водой, вскочила в укрепление и, переколов штыками защитников, взяла 13 орудий; а три роты 2-го стрелкового батальона майора Ренау захватили восемь орудий.

Направленный для штурма самой махрамской крепости 1-й стрелковый батальон выдержал сильный ружейный огонь с крепостных стен. Бросившись к воротам и выломав их, роты этого батальона быстро заняли фасы крепости и открыли частый огонь по бежавшим к берегу реки толпам кокандцев. Через час крепость была в наших руках и над ней развевался значок стрелкового батальона. Трофеями были орудия, взятые с бою: 24 — на укрепленной позиции и 16 — в крепости, всего 40 орудий.

Одновременно с движением пехоты на штурм позиции для прикрытия ее правого фланга была выдвинута кавалерия, обстрелявшая неприятельскую позицию с фланга, а ракетами — показавшиеся конные толпы кокандцев. После этого полковник Скобелев направился в тыл неприятельского расположения, чтобы отрезать путь отступления частям кокандцев. Оставив полусотню для прикрытия артиллерии, Скобелев с дивизионом быстро подошел к махрамским садам, перейдя через широкий и глубокий овраг.

В это время на берегу Сырдарьи показалась масса отступавших кокандцев с орудиями и значками. Ни на минуту не задумываясь, Скобелев во главе дивизиона бросился в атаку на эти огромные толпы, врубившись первым в середину кокандской пехоты вместе с войсковым старшиной Рогожниковым и старшим вахмистром Крымовым. Этот лихой налет произвел страшную панику в рядах кокандцев, обратившихся в беспорядочное бегство. Взяв с бою два орудия, казаки гнали кокандцев более десяти верст, но, наткнувшись внезапно на новые скопища, числом до 12 тысяч человек,

Скобелев, пушив несколько ракет по ним, вернулся к Махраму, так как силы были неравны, а люди и лошади слишком утомлены. Трофеями боя под Махрамом были 40 орудий, 1500 ружей, до 50 бунчуков и знамен и много пороху, снарядов и запасов продовольствия.

Впоследствии оказалось, что под Махрамом были сосредоточены все силы кокандцев, общей численностью до 60 тысяч человек. Сам Абдурахман-Автобачи, командовавший войсками, потерпев такое ужасное поражение, бежал с незначительными силами.

Моральное значение Махрамского боя было чрезвычайно велико и наглядно показало кокандцам силу русских войск. Махрамская крепость была обращена в опорный и складочный пункт, и в ней был оставлен русский гарнизон из двух рот и 20 казаков.

Поражение кокандских войск открыло дорогу к Коканду, и 26 августа генерал Кауфман двинулся к столице ханства, которая и была занята 29 августа; хан Наср-Эддин, изъявив полную покорность, в течение всего пребывания генерала Кауфмана являлся к нему ежедневно с докладом о полном спокойствии, наступившем среди городского населения. В то же время из восточной части ханства приходили крайне тревожные вести, подтвердившие, что в городах Маргилане, Асаке и Оше вновь собирались мятежники под предводительством Абдурахмана-Автобачи. С прибытием в Коканд транспорта с запасами генерал Кауфман направился к Маргилану, жители которого не только выслали депутацию, но и привезли девять пушек.

В ту же ночь Абдурахман ушел из-под Маргилана, бросив весь свой лагерь. Для преследования его был выслан отряд из шести сотен, двух рот пехоты и четырех орудий под командованием полковника Скобелева. Сильный духом и отличавшийся безумной смелостью, будущий полководец преследовал мятежников безостановочно по долинам и горным ущельям до урочища Минг-Булак; здесь произошла первая стычка с войсками Абдурахмана-Автобачи. Не выдержав натиска, кокандцы отступили, а казаки, преследуя их на расстоянии более 10 верст, захватили много ружей и арб с иму-

ществом. Лишь крайнее утомление лошадей и людей, преодолевших перед этим до 70 верст, принудило Скобелева на время приостановить преследование и после отдыха двинуться к Ошу.

Этот решительный налет произвел огромное впечатление на туземцев, в глазах которых Автобачи разом упал и резко обнаружилось его бессилие; из городов Андижана, Балыкчи, Шарыхана и Асаке одна за другой стали прибывать к генералу Кауфману делегации с изъявлением полной покорности. Общее миролюбивое настроение жителей и переход на нашу сторону главных помощников Автобачи служили доказательством, что с восстанием почти покончено; признав цель похода уже достигнутой, генерал Кауфман заключил договор с кокандским ханом, согласно которому вся местность по правому берегу реки Нарына с городом Наманганом отошла к России с образованием Наманганского отдела, куда и были отодвинуты русские войска.

Но решение это оказалось преждевременным, и как только ушли русские войска, снова в ханстве начались еще большие волнения, в особенности в Андижане, где объявлен был газават, т. е. священная война против неверных. Ввиду такого положения пришлось выслать русские войска под командой генерала Троицкого к Андижану; здесь за городом расположились 70-тысячное войско Абдурахмана-Автобачи и 15 тысяч киргизов под предводительством Пулат-хана. Поручив Скобелеву сделать рекогносцировку, Троицкий подошел к Андижану 1 октября, и быстрым, решительным натиском его передовой отряд, несмотря на страшный ружейный огонь и отчаянную защиту, занял близлежащие холмы, а три штурмовые колонны под командой полковников Скобелева, Аминова и Меллер-Закомельского были двинуты в город, где выбивали защитников штыками.

Этим обстоятельством тотчас воспользовался Пулат-хан, бросившийся со своими киргизами на беззащитный, по его мнению, вагенбург. Встреченные выстрелами из двух орудий, а потом ружейными залпами бойцов, оставленных для защиты обоза под командой подполковника Травло, киргизы, не выдержав, на время рассеялись.

Во главе первой штурмовой колонны ехал сам Скобелев. Пороховой дым клубился на улицах, вследствие чего колонна из-за плохой видимости совершенно неожиданно очутилась перед завалом, откуда кокандцы осыпали бойцов картечью. С криком «ура» бросились стрелки на завал и, переколов штыками его защитников, взяли орудие, открыв дорогу в крепость.

Андижанцы дрались со страшным ожесточением, пользуясь каждым закрытием и стреляя с крыш домов, из-за деревьев, с мечетей, защищая каждый двор и сад. Это упорное сопротивление еще больше возбудило солдат.

Колонна полковника Аминова также пробивалась с большим трудом, причем под постоянным натиском неприятельской конницы, нападавшей с тылу.

Колонне же Меллер-Закомельского после взятия нескольких завалов, сложенных из арб и брусьев, долго пришлось выбивать андижанцев, занявших отдельно стоявшую большую мечеть.

Около 2 часов дня все три колонны сошлись к ханскому дворцу, а затем, выйдя из города, генерал Троцкий бомбардировал его, чем произвел в нем большие пожары и уничтожил значительную часть его защитников. Все окрестности были освещены заревом пожара, и всю ночь продолжалась бомбардировка, что заставило последние остатки андижанцев обратиться в бегство, особенно после того как на совещании у Абдурахмана-Автобачи взорвалась русская граната, перебив много участников.

Пленные впоследствии рассказывали, что в Андижане были собраны почти все войска ханства, призванные к защите мусульманства против неверных урусов, и что все участники перед боем дали клятву защищать Андижан до последней капли крови, вследствие чего кокандцы дрались с таким воодушевлением и упорством.

Но этот погром не образумил андижанцев, и после ухода русских войск новый мятеж против кокандского хана, руководимый Пулат-ханом, разгорелся со страшной силой. Назначенный начальником Наманганского отдела, генерал Скобелев принужден был подойти к городу, разбив скопища

кокандцев под Асаке; сам Пулат-хан успел бежать, а затем снова собрал много сторонников. В это время киргизы, пользуясь смутой, напали на русский Курошинский уезд.

Скобелев, признав необходимым покончить с Пулат-ханом во что бы то ни стало, 24 октября выступил из Намангана по направлению к городу Чусту с тремя ротами, полуторой сотнями и четырьмя орудиями. С уходом русских войск уже в самом Намангане началось народное восстание, и жители его при помощи подошедших кипчаков осадили наманганскую крепость со всех сторон. Три дня русские войска отражали приступы неприятеля на еще не вполне приведенную в оборонительное состояние крепость, делая постоянные вылазки.

К счастью, 27 октября возвратился генерал Скобелев, узнавший о начавшемся восстании. Подойдя к Намангану, он бомбардировал мятежный город, жители которого, понеся большой урон (до 3000 убитыми и ранеными), попросили пощады.

Но и этот урок мало подействовал на кипчаков, и они снова вскоре сосредоточились в числе до 20 тысяч человек около города Балыкчи, под начальством Вали-Гюры-хана. Перейдя вброд реку Нарын, генерал Скобелев направился со 2-й ротой 2-го стрелкового батальона и полусотней конных стрелков на штурм балыкчинских завалов; артиллерия открыла огонь, а кавалерию послали в обход города, чтобы преградить отступление неприятелю. Быстро взяв с бою три завала, штурмовая колонна заняла базар, где наткнулась на конных кипчаков, задержанных своим же завалом. Под огнем стрелков в этой тесноте кипчаки падали рядами, запрудив всю улицу. Общая потеря неприятеля составила до 2000 убитыми и ранеными.

Очистив край от шаек смутьянов, Скобелев направился к Маргилану, где снова сосредоточилась масса кипчаков. Желая выместить свое поражение на наших пленных, их вывели в Маргилане на площадь, потребовав принять мусульманство, но так как русские солдаты остались тверды, то их зверски зарезали. Унтер-офицера 2-го стрелкового батальона Фому Данилова подвергли продолжительной мучи-

тельной пытке: отрубали пальцы, вырезали ремни из спины и поджаривали на углях. Несмотря на страшную боль, мученик остался непреклонен и умер, оставив долгую память о своем непоколебимом мужестве даже среди врагов.

В это время Пулат-хан, торжественно въехав в Коканд, начал собирать там новых приверженцев.

Разорив по дороге все кишлаки, брошенные жителями, Скобелев выслал сильный отряд в горы, куда вывезены были мятежниками их семьи. Видя тогда свое безвыходное положение, часть кипчаков выслала депутацию с просьбой о пощаде. Наложив контрибуцию и потребовав выдачи жожаков газавата, Скобелев 4 января вновь подошел к Андижану и, произведя рекогносцировку подступов, решил штурмовать город, для чего были заготовлены штурмовые лестницы, тараны, топоры и зажигательный материал. Перед штурмом два раза предложено было андижанцам сдаться, но из высланных парламентаров первый вернулся без ответа, а второго зарезали и голову его выставили на стене.

Утром 8 января после молебна и залпа из 12 орудий передовой отряд есаула Штакельберга (одна рота и полсотни казаков) взял штурмом пригородный кишлак Екимск, а затем начали бомбардировку Андижана, во время которой выпущено было до 500 снарядов. Ровно в полдень огромные конные массы кипчаков внезапно напали сзади на наш вагенбург, но командовавший им майор Ренау отбил ружейным огнем это нападение. В это же время под рев летевших снарядов колонны полковников барона Меллера-Закомельского и Пищемуки и капитана Ионова двинулись на штурм.

Неприятель, по-видимому, ждал атаки со стороны оврага Андижан-Сая, по которому шли русские войска на штурм три месяца тому назад, и поэтому особенно сильно укрепил в этом месте свою позицию. Заметив свою ошибку, андижанцы стали наскоро строить новые завалы и укрепления, осыпая в то же время русские войска градом пуль. Колонны капитана Ионова были направлены на высоту Гуль-Тюбе, сильно укрепленную, господствовавшую над городом и являвшуюся как бы цитаделью. Беря один завал за другим, лихо

поднялись стрелки 1-го батальона на высоту и, переколов ее защитников, утвердили свой значок на ней.

Но сам город приходилось брать с бою, так как каждая сакля, а в особенности медресе и мечети, окруженные высокими стенами и занятые засевшими за ними андижанцами, представляли собой нечто вроде маленьких крепостей. С вечера и всю ночь наши батареи посылали свои снаряды по тем местам, откуда раздавались выстрелы. Масса снарядов, с воем рассекавших воздух и осыпавших дворы, производя пожары, заставила большую часть кипчаков вместе с Абдурахманом искать спасения в бегстве.

9 января улицы города очищались от завалов посланными ротами, а 10 января Андижан уже окончательно был в наших руках, и Скобелев занял ханский дворец, перед которым был отслужен благодарственный молебен. На высоте Гуль-Тюбе устроили редут на 17 орудий и поставили русский гарнизон. На андижанцев наложили контрибуцию.

Но и после занятия Андижана до полного умиротворения края было еще далеко. Рассеявшиеся по всему ханству шайки кипчаков волновали мирное население, нападая в то же время на русские отряды, вследствие чего началась чисто партизанская война.

Решив окончательно очистить ханство от мятежников, Скобелев с отрядом из двух рот, сотни конных стрелков, пяти сотен казаков, четырех орудий и ракетной батареи направился к городу Асаке, около которого сосредоточились до 15 тысяч кипчаков под начальством Абдурахмана-Автобачи, по-видимому, в последний раз решившего вступить в бой с русскими войсками. Обстреляв Асаки и высоты, занятые неприятелем, отряд, переправившись через глубокий овраг, полез на высоты и быстрым натиском выбил неприятеля, а казаки лихой атакой рассеяли 6-тысячную колонну сарбазов, составлявшую резерв. Потерпев полное поражение, Абдурахман-Автобачи 28 января сдался на милость победителей.

12 февраля русские войска снова заняли город Коканд, а кокандскому хану Наср-Эддин-хану было объявлено, что ханство присоединяется навсегда к России.

Успевший бежать с небольшой частью своих приверженцев, Пулат-хан все еще пытался продолжать восстание, уйдя в горы, пока не был пойман и по распоряжению генерал-губернатора казнен в Маргилане, на месте его зверской расправы с русскими пленными. Бывший же кокандский хан Наср-Эддин-хан и Абдурахман-Автобачи высланы в Россию.

Но каракиргизы, привыкшие в ханские времена к своеволию, долго еще не могли успокоиться. Для прекращения волнений Скобелев выступил по направлению к Гульче с тремя сотнями и одним ракетным станком. Затем, заняв выходы с гор в Ферганскую долину небольшими отрядами и сформировав несколько летучих отрядов под командой полковника Меллера-Закомельского, сам с двумя ротами стрелков, полусотней казаков, одним горным орудием и двумя ракетными станками двинулся из города Оша к Алайскому хребту, направив в обход две колонны — майора Ионова и полковника князя Витгенштейна.

Каракиргизы, оказавшие вначале сильное сопротивление, стали быстро отступать, понеся большой урон. Во время одного из поисков отрядом князя Витгенштейна была взята в плен царица Алая Мармонджок-Датха, управлявшая алайскими киргизами. Поскольку алайская царица, пользовавшаяся большим влиянием, признавала власть России, то и каракиргизы изъявили вскоре полную покорность. Таким образом, закончилось фактическое присоединение Кокандского ханства к русским владениям.

Из Ферганы с предместьями была образована Ферганская область с назначением первым военным губернатором области ее завоевателя, генерала М. Д. Скобелева. В память о нем впоследствии главный город Новомаргилан переименовали в Скобелев*.

Вместе с покорением Кокандского ханства окончено было завоевание Туркестана, давшее России возможность окончательно и прочно утвердиться в Средней Азии.

* В 1925 г. город получил название Фергана.

Характеристики главнейших деятелей по завоеванию Туркестанского края

Генерал-адъютант генерал от инфантерии М. Д. Скобелев. Есть счастливые имена, которые, получив известность еще при жизни самих деятелей, после их смерти передаются от одного поколения к другому, вставая в памяти народной во весь свой гигантский рост, а подвиги таких лиц, окруженные легендами, оттеняются особенно сильно в представлении народа; это какие-то богатыри, не только стоящие на голову выше своих современников, но и имеющие особые свойства, выделяющие их из числа всех остальных людей, получивших известность. К ним несомненно принадлежит имя генерал-адъютанта М. Д. Скобелева.

Молодым штаб-ротмистром, по окончании академии приехав в Туркестанский край в самый разгар военных действий, он скоро даже среди обстрелянных, бывавших в боях туркестанцев, выделился своим поразительным самообладанием и храбростью. Способность к инициативе, большая сила воли, быстрота в принятии решений заявили о себе уже в первые годы службы молодого офицера. За выдающуюся по смелости и лихости рекогносцировку от Хивы и до колодцев Игды и Ортакую, на территории, занятой враждебными нам туркменами, был награжден знаком отличия храбрых — крестом Св. Георгия 4-й степени.

То состоя начальником кавалерии, то исполняя ответственные поручения, Скобелев с наступлением русских войск на Кокандское ханство уже командует отдельным отрядом. В целом ряде дел, в которых он участвовал, начал уже развертываться талант будущего полководца, а неизменный успех, их сопровождавший, служил наглядным подтверждением правильности его взглядов и принятых решений. Поражая неприятеля быстрым и решительным ударом, Скобелев производил своей безумной храбростью особое впечатление не только на свои войска, но и на врагов.

На белой лошади, неизменно в белом кителе, Михаил Дмитриевич в бою был всегда впереди, ободряя всех личным примером, поразительным спокойствием и полным

Генерал-адъютант М. Д. Скобелев. С фотографии, снятой в Геок-Тепе 12 февраля 1881 г.

презрением к смерти. Солдаты боготворили своего начальника и готовы были идти за ним в огонь и воду.

Измумительное счастье, благодаря которому бывавший сотни раз под огнем Скобелев никогда ранен не был, породило в туркестанских войсках легенду, что он заговорен от пуль. И эта легенда, разрастаясь, окружила его имя особым ореолом. Всей душой любивший военное дело, покоритель Кокандского ханства впоследствии участвовал в Русско-Турецкой войне, а еще позднее завоевал России Закаспийскую область.

Награжденный орденами Георгия 3-й и 2-й степени, достигнув на службе чина полного генерала, он в 38 лет внезапно скончался, повергнув всю Россию в глубокую скорбь, оставив по себе яркую память в войске и русском народе. Коротка была военная деятельность Михаила Дмитриевича. Как метеор, мелькнул он своими яркими подвигами и исчез в вечности. Но память о нем не умрет в русских войсках, и золотыми буквами записано его имя на страницах истории Русской армии.

Партизанская война, ряд крупных восстаний, священная война, объявленная в Кокандском ханстве, заставили Михаила Дмитриевича вести продолжительную и неустанную борьбу за присоединение Средней Азии к России. Воинственные кипчаки, каракиргизы и кокандцы-фанатики представляли сплошь вооруженный народ, покорить который можно было лишь благодаря быстрым и страшным ударам, которые с бесподобным искусством умел наносить только один М. Д. Скобелев.

Окруженные дымкой таинственности, рассказы о боевых подвигах и жизни М. Д. Скобелева, передаваемые из поколения в поколение, уже давно выделили его из среды обыкновенных людей и причислили к числу богатырей земли русской, которым он и был в действительности по духу, исключительному мужеству, храбрости и замечательным военным талантам.

Есть люди-легенды. К ним никак не прикинешь будничную мерку. Судить их вблизи трудно. И их доблести, и их слабости не укладываются в обычные рамки. Эти гиганты

по сравнению с остальным человечеством, и таким, по справедливости, надо признать М. Д. Скобелева, завоевавшего себе бессмертную славу. И воздвигнутый для увековечения его имени памятник в Москве — лишь скромная дань потомков подвигам этого героя, увенчанного славой при жизни и оставившего о себе вечную память.

Генерал-адъютант К. П. Кауфман. Генерал Кауфман принадлежит к числу немногих лиц, заслуживших почетную известность своими трудами на пользу России в деле завоевания и обустройства среднеазиатских владений. Богато одаренный от природы, Константин Петрович был незаурядным военачальником, вдумчивым администратором и добрым и отзывчивым человеком.

Только что покоренный Туркестанский край требовал много труда и умения, чтобы справиться с тем тяжелым положением, в которое он попал, находясь между Бухарой, Хивой и Кокандом, впоследствии покоренными по указаниям Кауфмана и при его непосредственном участии русскими войсками.

Как человек всесторонне образованный, он, управляя Туркестанским краем, обращал громадное внимание на изучение и научные исследования его территории.

Настойчивый, он доводил всегда начатое дело до конца, невзирая на препятствия, благодаря чему даже такой чрезвычайный по трудностям, как Хивинский поход, где войскам пришлось вести борьбу с самой природой, был окончен с полной удачей. Своим личным примером генерал Кауфман поддерживал бодрое настроение войск, видевших его несокрушимую энергию и готовность перенести все невзгоды ради достижения поставленной цели.

Продолжительный, почти 30-летний период его административной деятельности в Туркестане дал крупные результаты и привнес в эту страну, долгое время находившуюся в состоянии почти полной анархии, после деспотического правления ханов, постоянных междоусобиц и войн за ханский престол, начала гражданственности, позволил многочисленному населению спокойно заниматься мирным трудом, не боясь за свою жизнь и благосостояние.

Генерал-адъютант К. П. Кауфман

Плодотворная деятельность генерала Кауфмана способствовала прочно утвердиться России в своих новых владениях, превратить Седнюю Азию в неотъемлемую часть русского государства и поднять ореол русской власти до недосягаемой высоты.

Генерал-лейтенант М. Г. Черняев. Среди имен, ревниво сохраняемых в памяти не только армии, но и русского народа, имя завоевателя Ташкента М. Г. Черняева занимает видное место.

Несмотря на сравнительно небольшой период пребывания в Средней Азии, генерал Черняев оставил по себе яркий след в этом далеком крае.

Скромный, но знавший себе цену, крайне самостоятельный, с несокрушимой силой воли, М. Г. Черняев был особенно близок сердцу русского солдата. Отделенный от России тысячами верст, предоставленный самому себе, вел он свои войска к намеченной цели, устраняя все препятствия, и сумел завоевать большую часть Средней Азии в течение нескольких лет с незначительным числом войск и поразительно малыми затратами. Познав характер среднеазиатских народов и видя, что для достижения успеха надо поразить их воображение храбростью, стойкостью и неутомимостью русских войск, он неудержимо шел вперед, вполне определенно сознавая, что в его положении можно или победить, или умереть. И эта поразительная решимость дала огромные результаты, создав обаяние русскому имени и облегчив последующим начальникам завоевание края. Нельзя не отметить исключительной черты в характере Михаила Григорьевича — особой заботливости о своих войсках, благодаря которой он иногда предпочитал, как это было под Джизаком, пожертвовать своей славой, переносить ропот и недовольные взгляды подчиненных, еще больше неудовольствие начальства, чем ставить на карту жизнь бойцов, попавших в тяжелое положение.

М. Г. Черняев пользовался особой любовью своих войск, гордившихся начальником, и постепенно за участниками его

Генерал-лейтенант М. Г. Черняев

походов закрепилось славное название черняевцев, к которым причислялись люди испытанной храбрости, приобретшие опыт в ходе среднеазиатских войн. «Генерал, которого прислал русский царь, — Ак-Падишах», — так говорили о Черняеве бухарцы, а бухарский эмир с особым почтением вспоминал впоследствии это славное имя.

Слишком большая самостоятельность, широкое понимание задач России делали генерала Черняева опасным для английской политики в Средней Азии, а боязнь за свои индийские владения и влияние в Афганистане привели к тому, что происками английской дипломатии Черняев был отозван из Средней Азии в то время, когда ему оставалось покорить одну лишь долину реки Зерафшан.

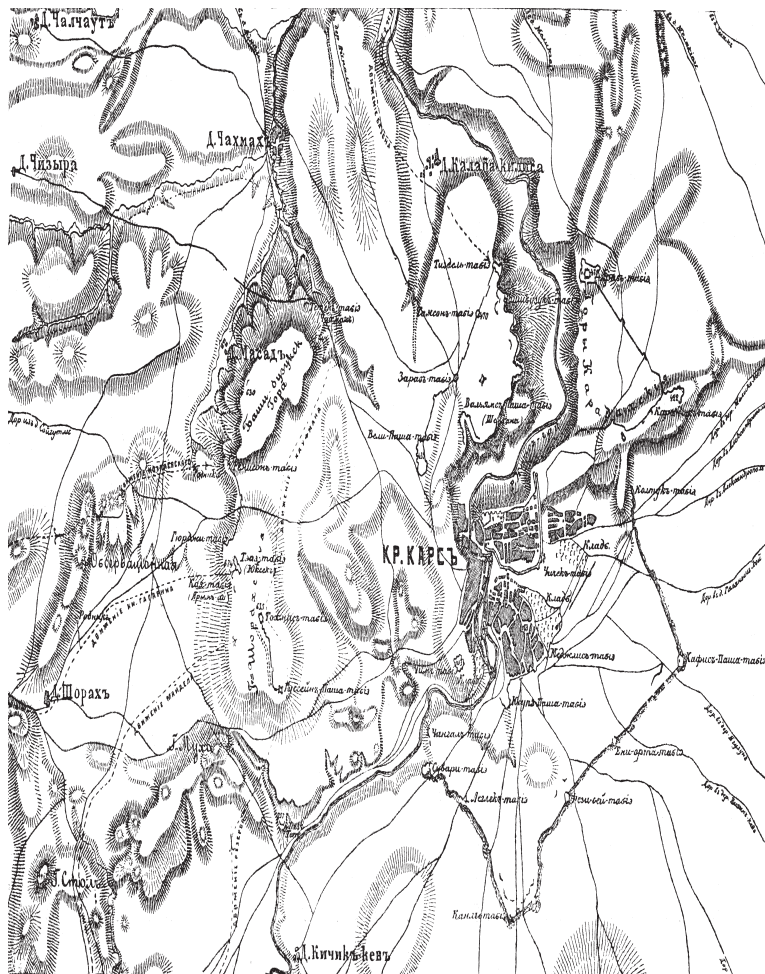
Выйдя в отставку, генерал Черняев скоро стал во главе армии Сербии, отстаивающей свою независимость против Турции, в результате чего приобрел еще большую популярность и известность в России.

Лишь в царствование Александра III генерал Черняев снова получил назначение в Среднюю Азию на должность Туркестанского генерал-губернатора.

Памятник в Ташкенте и Черняевский домик около Ташкентской крепости, в котором он квартировал при покорении этого города, тщательно охранялись его почитателями. Ревниво оберегалась его память в войсках Туркестана, а среди мусульманского населения Средней Азии с особым уважением вспоминали храброго, решительного, твердо державшего свое слово русского военачальника.

Генерал Г. А. Колпаковский. Покоритель Семиречья и Заилийского края генерал Колпаковский почти всю жизнь провел в степных туркестанских походах.

Как первый устроитель Семиречинской области, Колпаковский оставил по себе память во всем Семиречье. Суровый с виду, но мягкий сердцем, решительный, с непреклонной волей, человек, умевший, делая большое государственное дело, принимать на свою ответственность вызываемые исключительной обстановкой решения, признаваемые им необходимыми. Его почитали в войсках за смелость, спо-

Генерал Г. А. Колпаковский

способность найти выход из самого трудного положения и поразительную неутомимость.

Предоставленный самому себе, находясь за тысячи верст от России, а потому не имеющий поддержки, окруженный враждебно настроенным населением, он сознавал, что покорить туземцев, населявших Семиречье и Заилийский край, можно исключительно лишь храбростью и готовностью умереть, но не отступить и не сдаться врагу. С храбростью и выносливостью, поражавшими даже кочевников-киргизов, генерал Колпаковский соединял таланты военачальника и широкий кругозор государственного деятеля. Спокойный в бою, хладнокровный в минуты страшной опасности, он вел войска к победам, покорив для России обширный Заилийский край, Семиречье и Кульджу, впоследствии возвращенную Китаю.

Без особых связей и протекции он достиг высших чинов лишь одними своими заслугами и награжден высшими русскими орденами, среди которых самое видное место занимает крест св. Георгия, полученный им за узунагачское дело. Генерал Колпаковский все свои силы отдавал любимому им Туркестанскому краю, а с Семиреченским казачьим войском установилась у него неразрывная связь на всю жизнь до самой смерти.

Умер Герасим Алексеевич Колпаковский в 1896 г. и похоронен в Петербурге.

Характер войн в Средней Азии. Организация и тактика войск. Все войны и походы русских войск в Средней Азии имеют много характерных особенностей, делающих их совершенно несхожими с войнами на европейском театре.

Русские войска сплошь и рядом должны были вести борьбу не только с врагами, но и с самой природой. Отсутствие дорог, корма для лошадей, населенных пунктов и колодцев делало эти походы при палящем зное, по сыпучим пескам и солончаковым пустыням чрезвычайно трудными. Необходимо было нести и везти с собой запасы продовольствия, воду, дрова и фураж для лошадей.

Бесчисленное количество верблюдов для перевозки войсковых грузов невольно превращало русские отряды в гро-

Высматривают. С картины В. В. Верещагина

мадные караваны. Необходимо было постоянно быть начеку, в готовности отразить внезапное нападение кочевников, скрывавшихся за каждой складкой местности. Небольшие партии туземцев в безбрежных степях были положительно неуловимы. Климатические условия, непривычные для русских, делали степные походы чрезвычайно трудными во все времена года. Летом томила жара, раскалявшая почву до степени пылающей печи, что при отсутствии воды делало жажду нестерпимой. Зимой навстречу неслись снежные бураны, наметавшие огромные сугробы снега.

Ко всему этому надо добавить отсутствие хороших проводников, малое знакомство со страной и языком ее населения. Резкие колебания в температуре в сочетании с плохим качеством воды способствовали тому, что среди войск свирепствовали эпидемии; из строя выбывала масса людей, заболевших тифом, малярией и цингой помимо многочисленных случаев поражения солнечными ударами. Больных сре-

ди бойцов на передовой линии было столько, что, например, в 1868 г. в Джизаке из двух батальонов, здесь стоявших, едва ли можно было собрать роту здоровых. К тому же докторов было крайне мало, а при постоянных заболеваниях малярией в хине часто ощущался недостаток. Средняя цифра смертности в месяц превышала 135 человек; так, из 12 тысяч больных, поступивших в лазарет в течение восьми месяцев в 1867 г., умерло 820.

Немало обессиливала туркестанские войска необходимость производить работы по постройке крепостей, а позднее и казарм для жилья. Командирование же людей в лечебные и хозяйственные учреждения, на почтовые станции и денщиками к различным гражданским чиновникам выводило массу людей из строя.

Постоянное, из года в год, движение в глубь среднеазиатских степей выработало у туркестанских войск особые приемы ведения войны и закалило бойцов в походах, а невозможность передвигать крупные войсковые части заставляла перейти к действиям небольшими отрядами. Во всех войнах в Средней Азии счет войсковых частей производился не на полки и батальоны, а на роты и сотни, которые благодаря превосходству вооружения представляли собой вполне достаточные по численному составу тактические единицы для выполнения самостоятельных задач.

В Средней Азии был принят как основной принцип действия сомкнутым строем против неприятеля малодисциплинированного, действовавшего в одиночку или небольшими кучками, недостаточно послушного воле предводителя, неспособного, несмотря на свою подавляющую многочисленность, к единству действий и маневрированию массами. Дружные меткие залпы и штыковой удар сомкнутым строем оказывали всегда парализующее действие на кочевников. Вид сомкнутых рот пехотинцев-линейцев и стрелков в белых кепи с назатыльниками и белых рубахах производил сильное впечатление на диких наездников, и конные, зачастую даже весьма многочисленные толпы туркмен и киргизов, поражаемые меткими залпами, принуждены были тотчас отступать, устилая землю телами убитых и раненых.

Для действий против иррегулярной конницы при туркестанских войсках были сформированы ракетные команды, придававшиеся к казачьим частям и выпускавшие ракеты с особых станков. Шум ползущих, в виде огромных огненных змей, ракет производил подавляющее впечатление на людей и на лошадей. Испуганные кони шарахались и несли толпу наездников, калеча и убивая их, порождая страшную сумятицу, которой пользовались казаки, преследуя и рубя бегущего в паническом ужасе неприятеля. Артиллерийские орудия — легкие и горные пушки и единороги — производили также большое впечатление, в особенности своим разрушительным действием при осаде туземных укреплений.

Штурм городов являлся делом очень трудным. Скученность построек, узкие улицы и высокие глинобитные заборы давали возможность жителям защищаться продолжительное время; каждый сад, двор или мечеть представляли собой отдельные укрепления, из которых приходилось выбивать противника, занимая таким образом город шаг за шагом и ведя бой на каждой улице. При расположении войск на отдыхе и сторожевом охранении не последнюю роль играли ротные собаки, выходившие с нижними чинами на посты; они часто предупреждали часовых о появлении подкрадывавшихся врагов, стремившихся за вознаграждение халатом или золотой монетой во что бы то ни стало достать голову русского солдата. Во время атак на туземную пехоту ротные псы с остервенением кидались на сарбазов, помогая своим хозяевам в рукопашном бою.

Проводниками в степи служили преимущественно киргизы, поступавшие на службу в качестве джигитов и переводчиков, причем многие из них за свою верную службу были производимы в офицеры милиции. Кроме того, в некоторых отрядах из надежных киргизов, туркмен и афганцев были сформированы особые команды, принимавшие участие в военных действиях. Продолжительный, 25-летний срок службы при непрерывном движении от Оренбурга в глубь Средней Азии воспитал туркестанские войска, приучив их к степным походам в пустынях и выработав поразительную

неутомимость, благодаря которой пехота иногда делала переходы до 60—70 верст в сутки.

Некоторые батальоны, сформированные в Оренбурге, находились в непрерывном походе, в течение 25 лет, переходя с места на место, и их состав представлял собой закаленных и обстрелянных людей, привычных и к свисту пуль, и к внезапным нападениям туземцев. Все эти условия позволили создать из туркестанских войск едва ли не самые лучшие в боевом смысле части русской армии. По боевой закалке, по проявлению частного почина эти войска походили на кавказскую армию времен Ермолова, Воронцова и Бяргинского. Необходимость иметь все при себе выработала особые приемы походной, бивачной и сторожевой службы.

Вооружена была пехота нарезными винтовками системы Карле, и небольшая часть стрелков имела винтовки системы Бердана № 1 и штуцера.

Отсутствие иногда нужного числа погонщиков верблюдов вынуждало привлекать к уходу за ними нижних чинов, причем их неумение выючить и ухаживать за этими животными приводило часто к порче и убыли верблюдов, и лишь долготее пребывание в походах приучало людей к верблюдам, которые постепенно заменили в туркестанских войсках лошадей.

По отношению же войск противника надо сказать, что регулярные войска бухарцев, кокандцев и хивинцев содержались в небольшом числе; так называемые сарбозы — пехота, обмундированная единообразно, была плохо обучена. Пешие сарбозы вооружены были: первая шеренга — фитильные ружья на сошках, но встречались также всевозможные образцы кремневых, ударных и охотничьих двуствольных ружей; вторая шеренга — преимущественно холодным оружием: батиками, топорами (ай-балтами) и пиками — и только немногие имели пистолеты.

Конные сарбозы были вооружены пиками и саблями, а первая шеренга сверх того имела и винтовки. Артиллерия состояла главным образом из чугунных и медных орудий персидской и местной отливки. Обучались эти войска пре-

имущественно русскими беглыми солдатами, из которых приобрел известность урядник Сибирского войска Осман.

Главный же контингент в туземных войсках составляла иррегулярная конница, сидевшая на отличных лошадях, крайне выносливых и могущих проходить огромные расстояния, а всадники прекрасно владели холодным оружием. Конница, комплектуемая из киргизов, юмудов, каракиргизов, прекрасно знавших местность, сильно тревожила русские войска неожиданными нападениями, преимущественно по ночам, но, налетев на отряд, немедленно при первых же залпах рассыпалась по степи, уходя быстро из-под выстрелов, и, обыкновенно атакуя большими массами, стремилась задавить небольшие по составу русские части своей численностью.

Русская конница — казаки — вследствие неравенства сил обыкновенно предпочитала отражать противника огнем из сомкнутого строя и атаковать его также в сомкнутом строю; казаки спешивались, батовали* или стреноживали лошадей и, устроив укрытие из них, мешков, запасов фуража, дружными залпами поражали скопища врагов из своих нарезных винтовок; после отступления начинали преследование, хотя в некоторых боях лихо атаковали и в конном строю.

Пехота же действовала всегда в сомкнутом строю, выстраивая каре, о которое вследствие метких залпов и разбивались обыкновенно атаки туземцев.

Нанося поражения во всех крупных боях, русские войска терпели иногда урон лишь в небольших стычках, главным образом вследствие отсутствия в этих случаях мер охранения, разведки и некоторой беспечности при движении и на отдыхе среди враждебно относившегося к русским туземного населения.

Но все же твердая преданность долгу, непоколебимая стойкость и храбрость брали верх, и туркестанцы, сломив одно за другим войска кокандцев, хивинцев и бухарцев, одер-

* Батовать — «ставить в поле верховых лошадей, связывая взаимно; чтобы они стояли смирно, их ставят рядом, головами туда и сюда, через одну... если они и шарахнутся, то, дергая одна вперед, другая назад, друга друга удерживают» (В. Даль).

живали над ними победы, благодаря которым включили земли покоренных государств в число русских владений, дав возможность под своей защитой населению обширной территории Туркестанского края начать мирную жизнь, заниматься земледелием и торговлей, открыв в то время среднеазиатские рынки для русских товаров.

Таким образом, было закончено завоевание Туркестана, Хивы, Бухары и Коканда, чем выполнены заветы Петра Великого.

Ахалтекинская экспедиция 1880—1881 гг.

*А. Д. Шеманский,
полковник Генерального штаба*

Политическая обстановка в преддверии походов Лазарева и Ломакина

Причины Туркменской войны. После покорения киргизов, хивинцев, бухарцев и кокандцев и после мирного водворения нашего среди туркмен и юмудов на восточном берегу Каспия настала очередь уладить добрососедские отношения с текинской Туркменией, ставшей пограничной с нами, разделявшей клином наши среднеазиатские владения и пересекавшей все караванные пути от нас на юг, к Индии, к ее «океану и солнцу», куда стремились наши былинные богатыри и богатырь нашей истории — Петр Великий. По свидетельству Волынского, Петр Великий собирался в 1725 г. «по спаде вод сам персонально» проложить путь от Каспия в Индию, и только «единая смерть пресекла» этот широкий полет русского Орла.

К текинцам мы предъявили те же требования добрососедских отношений, с какими неизменно обращались ко всем предыдущим покоренным среднеазиатским народам. Эти справедливые требования сводились к следующему: 1) не грабить наших караванов и дать им свободный ход через свои земли; 2) предоставить свободу путешествия, торга, жительства и права собственности для наших подданных; 3) не брать с нас лишних пошлин; 4) не держать рабами наших людей; 5) прекратить разбой и грабежи у наших границ; 6) завести

с нами правильные дипломатические сношения и 7) обращаться с нами, как подобает с великой мировой державой. Но текинцы оказались столь же неисправимо дики, как их предшественники; исчерпав и с ними «все меры кротости и строгости», мы пришли к решению, что войны нам не избежать.

К тому же необходимость военных действий диктовалась противоборствующими нам течениями в Средней Азии — панисламистским, английским, персидским — и затаенными надеждами на возврат к прошлому покоренных уже нами среднеазиатцев. Это видно из следующих строк тогдашнего нашего видного дипломата Зиновьева: «Не следует забывать, что одной из причин, побудивших нас к движению на Восток от Каспийского моря (в Туркмению), послужила признанная нами необходимость произвести впечатление на Англию и помешать направленным против нас замыслам ее в Средней Азии...»

Поводом же к борьбе послужило соперничество текинцев с нами из-за обладания землями туркмен-иомудов, обитавших в южной половине восточного берега Каспия, на 150—200 верст в глубь страны.

Текинцы, как могущественнейший, наиболее свободолобивый и воинственный из народов Закаспийского края Средней Азии, стремились к гегемонии среди единоплеменников-соседей: иомудов, гоклан, сарыков и солоров... А эти племена, дабы избежать тяжелой текинской зависимости, искали опоры у соседей. Еще со времен Петра Великого и походов Бековича-Черкасского в Хиву иомуды рвались в наше подданство. Они помогали Бековичу строить на своем берегу Красноводск (Шагадам), видя в нем защиту от хивинцев и текинцев, и провозгласили тогда же себя нашими подданными. В 1745, 1767, 1798, 1800, 1803 и 1805 г. они упрашивают нас вернуться в брошенные нами закаспийские крепости, а в 1805 г. помогают искать для них лучших мест. В 1813 г. они с гокланами решают помочь нам в войне с Персией. Лишь немногие из них участвовали в морских разбоях на Каспии вместе с хивинскими и другими выходцами (огурджели). В 1819 г. на совете иомуды вынесли решение «всячески помогать пришествию русских». В 1819, 1820 и 1821 г. они

способствуют нашим посольствам в Хиву и разведкам их берега, а в 1832 г. помогают истреблять пиратов. В 1834 г. они выражают недовольство оседлостью нашей не у них, а на киргизском Мангышлаке, заявив об этом и в 1946 г. В 1836 г. они страшно рады нашим планам водвориться в Ашур-аде, осуществленным в 1842 г. В 1840 г. они приветствуют нашего stationера у их берегов и одобряют запрещение персам иметь военный флот на Каспии и форт на о-ве Огуречном. С 1859 г. они ропшут на отсрочку в постройке Красноводска.

С 1859 по 1867 г. иомудов сильно притесняют хивинцы и текинцы, и их хан Атта-Мурад молит нас о восстановлении крепости у Красноводского залива и помогает ее построить в 1869 г.

Строительство Красноводска было перенесено с 1865 г. на 1870 г. из-за «расстройства дел в Туркестане» и начато в 1869 г. вследствие угрозы «общего восстания среднеазиатцев против России».

Тогда, по наущению англичан-колонистов в Индии, Шир-Али, хан афганский, поспособствовал возникновению против нас восстаний в Бухаре, на Мангышлаке у киргизов и нападением хивинцев и текинцев.

Возведение Красноводска и послужило поводом к развёртыванию военных действий между нами, Хивой и Свободной (текинской) Туркменией.

Первая стычка с текинцами произошла 20 ноября 1869 г., когда они сделали внезапный налет на передовые посты Красноводского отряда (Михайловский пост). Это событие нужно считать началом Туркменской войны. Случилось это почти через месяц после занятия (29 октября) нами Красноводска. Мы отвечали походом-набегом в Кизыл-Арват (30 ноября — 20 декабря), на ближайший край текинского оазиса; но текинцы уклонились от боевых встреч. Хивинские дела помешали нам расправиться тогда с Ахалтеке. С 1870 по 1873 г. мы занимались здесь походами демонстративными, рекогносцировочными и прочими против хивинцев, текинцев и иомудов, которые их поддерживали. Это утвердило наше положение в Иомудии, хотя Ахалтеке крайне негативно восприняло объявление нами в 1874 г. Иому-

дии русской провинцией (Закаспийским военным отделом, приписанным к Кавказу) с городом Красноводском и Чикишляром под начальством генерала Ломакина, одного из покорителей Хивы.

Получив предложение вступить с нами в добрососедские отношения, текинцы прислали в Красноводск весьма сомнительное посольство (через два месяца, т. е. без проявления должной учтивости) из лучших своих военачальников, больше для разведки, чем для «замирения», которое (в унисон с ханскими письмами) уверяло, что не может склонить в нашу пользу народ неисправимо своевольный: «Текинцы подобны птицам степным, для которых постель есть песок...». Отказ в караванных путях через их земли, отсутствие гарантий в прекращении разбоев, закладка в Мерве сильной текинской крепости (Коушут-Ханкала), продолжение сношений с англичанами — таким был дерзкий ответ на наш призыв к добрососедству.

Походы Ломакина и Лазарева. Кокандские дела и Турецкая война помешали нам развернуться здесь в полную силу. Остановились на полумерах: приказали Ломакину в 1877 г. утвердиться на самом краю Ахалтекинского оазиса — в Кизыл-Арвате. Но Ломакин загубил дело вследствие недостаточной подготовки, отсутствием которой он сорвал впоследствии и первый штурм Геок-Тепе в очередном, втором походе в оазис, начатом генералом Лазаревым.

С 1874—1875 гг. мы только начали приспособлять Иомудию как базу для движения в Ахалтеке¹. Поэтому Ломакин, заняв «налегке» Кизыл-Арват 7 мая 1877 г. и одолев большое скопище текинцев в кровопролитном для них столкновении 12-го числа, не смог продержаться (прокормиться) в Кизыл-Арвате и «отступил» в Красноводск, подорвав к нам страх у обитателей оазиса; текинцы решили, что русские могут жить только у моря. Эту уверенность мы укрепили

¹ Намечались этапы на двух дорогах, сходящихся к Кизыл-Арвату от Красноводска и от Чикишляра по Атреку; разведывался путь в обход Ахальского оазиса с севера, к Туркестану.

в следующем (1878) году рекогносцировочным походом в оазис по долине р. Атрек, сопровождавшимся безуспешными стычками с текинцами, иомудами и гокланами.

Наконец, следующий наш поход (1879) окончательно убедил население Средней Азии, что текинцев никто на свете не в состоянии побить, даже русские.

Насмешки, что мол-де русским никогда не расправиться с туркменами, как это сделали англичане с афганцами, повлияли на нашу решимость покорить текинцев и прочно занять их территорию. С этим согласилось Особое совещание в Петербурге, состоявшееся 23 января 1879 г., а государь утвердил поход. Кавказское начальство составило план. Не доверяя Ломакину, вверили поход одному из корпусных командиров (на Кавказе), генералу Лазареву. План, полученный экспедицией из Тифлиса, имел много пробелов по части организации штаба, тыла и состава экспедиции. Лазарев хотя и развил большую деятельность, однако недостаточно постиг обстановку, полагая, что «займет страну без выстрела». Это было крупное заблуждение, и оно сказалось с первых шагов похода на недостатке перевозочных средств, а затем и денег, сухарей, одежды...¹

Лазарев торжественно объявил войну текинцам. Они отвечали дерзким набегом в нашу область, захватили стада, женщин, экспедиционных верблюдов и смело атаковали две роты, посланные против них, убив четверых и ранив 12. Затем они, по примеру Мерва, начали постройку большой крепости, значительно впереди Ашхабада, ведя ее с редкой энергией (не без помощи инженеров-иностранцев), с участием даже женщин и детей. Это и было Геок-Тепе.

Расчеты экспедиции по сбору верблюдов не оправдались. И Лазареву пришлось идти, теряя постепенно силы, назначенные² для вторжения в оазис, оставляя лишние рты на попутных этапах. Уж он вел только половину отряда... Из бое-

¹ Каспийские бури и мелководье Чикишляра также были виновны в этом.

² Было предназначено до 11 тысяч: 7310 пехотинцев, 2900 конников и 34 орудия.

вых и продовольственных запасов везли не то, что нужно, а то, что могли поднять. И поход явно обращался из «прочного занятия оазиса» в «набег», в «налет». Это видели текинские послы¹, которые шли с нами, якобы перейдя на нашу сторону.

Крупное текинское скопище двигалось впереди нашего авангарда, время от времени вступая лишь в небольшие стычки, и поведением своим поддерживало неоправданную уверенность многих в легкости расправы с противником.

Что удалось бы сделать Лазареву, поборо ли бы он все недочеты, неизвестно, потому что он скончался в начале похода от карбункула и похоронен на этапе Чат, на р. Атреке. Во время погребального салюта у орудия рассыпались колеса, и в этом потом видели явный знак неудачи похода.

О препятствиях и недочетах, оставленных в наследство Лазаревым, можно заключить из его же слов: «Это настоящая школа терпения!» Но Ломакин в хаос нерасчетливости добавил еще торопливость.

Хотя и отняли силой у попутных иомудов вьюки (верблюдов), но мало, и привели к стенам Геок-Тепе лишь треть бойцов (3024 человека), не оставив на 200 верст позади себя ни этапов, ни складов и имея 2350 изможденных верблюдов при себе.

С последнего ночлега, 28 августа, Ломакин пошел прямо на штурм крепости в походных колоннах, имея по комплекту снарядов на орудие и по 120 патронов на винтовку. В обозе везли продовольствие на 15 дней.

В авангарде — колонна князя Долгорукова в составе 3,25 батальона, пяти эскадронов и сотен, шести орудий и шести ракетных станков, во второй колонне графа Борха — три батальона, одна сотня, четыре орудия, вода и патроны и в третьей — обозе с прикрытием (капитан Кегамов) — полтора батальона, два орудия.

Геок-Тепе была неокончена как раз со стороны подхода русских: южный фас был в зародыше, а западный и северный

¹ Софи-хан и Тыкма-сердарь, будущий талантливейший противник Скобелева.

возведен наполовину. Но с налета и такая крепость трудна, ибо ее низкая пока еще оборонительная стенка стояла на толстом и высоком земляном валу.

В 8 верстах от крепости сильная текинская конница понеслась на наши колонны. Ломакин, шедший во главе войск, приказал двум задним колоннам соединиться, и они отбили после трех часов дня конную атаку. А с 11 часов дня первая колонна уже атакует крепость с запада, открыв пушечный огонь с 700 сажен и развернувшись с 350 сажен. Взяв несколько сильных передовых пунктов, она «захлебнулась» на штурме главной ограды, однако мужественно выждала подхода прочих колонн. Наши силы для штурма, общей численностью 3024 человека, распределили так: на северный фас — два батальона и шесть орудий; на западный — три с четвертью батальона и два орудия; на восточный — две сотни и два орудия; в общем резерве — шесть рот и два орудия.

Всего шесть-восемь пушек готовили эту атаку. Но текинцы не вынесли и такого огня, вследствие чего отошли от западного фаса и послали к нам переговорщиков с просьбой о прекращении огня. Но нетерпеливый Ломакин расценивает это как желание затянуть дело до близкой темноты и в 5 часов дня наносит общий удар из четырех орудий, стремясь вызвать панику текинцев. Однако неодолимость стен, жестокий ответный огонь текинских ружей и отсутствие помощи нашей могучей артиллерии повергают в панику войска Ломакина, которые, смешавшись от больших потерь и оставляя на поле боя много трофеев, в беспорядке отошли к обозу.

Ярость преследования осадила наша артиллерия вместе со встречной атакой резерва так, что текинцы¹, опасаясь нового штурма, шлют новую депутацию с предложением сдачи. Но и эту депутацию не выслушивают и задерживают на аванпостах. Урон наш был огромен...². Но он ничтожен в срав-

¹ У них более 2000 убитых и раненых, большей частью от огня артиллерии.

² 433 убитых и раненых, из них 27 офицеров, 418 нижних чинов, восемь пленных.

нении с упадком духа отряда, который ночью, тихонько, стал уходить от крепости, бросив тела поверженных на поле боя.

Утром текинцы не верят своим глазам — они победили! Безумная радость их окрыляет; они бросаются в массовое преследование, вновь осаженное русской артиллерией... Тогда они возвращаются в крепость, где устраивают разудалый пир, выставляют богатые трофеи и зверски мучают наших раненых пленных, сдирая с них кожу, и оскверняют трупы, головы отрезают и солят для рассылки соседям... С 30 августа до 3 сентября Ломакин уходил безостановочно, преследуемый все слабее и слабее, а 16-го он уже на Атреке.

Текинцы разошлись по домам, а к закаспийским злосчастным войскам едет новый начальник с Кавказа, генерал Тергукасов¹.

Этот поход нам стоил 1 872 540 руб., полтысячи жизней и неисчислимого урона нашего достоинства не только в Средней Азии, но и во всем свете. Персы оказались на этот раз правы: «Даже русские не в силах одолеть текинцев!»

Перед Россией выросла нравственная роковая необходимость: раздавить во что бы то ни стало дерзкий народец, который рассыпал по всей Азии свои страшные трофеи и хвастался массой отбитого ценного оружия.

Иомуды атрекские после нашей неудачи 1879 г. «драли нос» и обратились из «боязливых халатников 1871 г.» в «нахалов», по словам будущего героя этой эпопеи. Мы стали получать обидные советы, как воевать с текинцами, от бухарского эмира, от хивинского хана, от соседних персидских губернаторов. Первый уверял, что нужна 100-тысячная армия для разгрома туркмен, без чего нас снова постигнет неудача; второй был убежден в неодолимости для нас Туркмении, с ее храбрецами, маловодием, крепостью. Оба они поэтому смотрели сквозь пальцы на продажу их купцам в Ахалтеке пороха, свинца, оружия, патронов...

Англичане же, чей престиж в Азии был тогда на самой высокой высоте, приняли ряд мер, дабы использовать нашу неудачу в этих краях: они ловко распустили слух, что в Евро-

¹ Командир 2-го кавказского корпуса и герой войны 1877—1878 гг.

пе собрался совет (маслахат), в котором заседает на первом месте Англия, чтобы не дать России «ходу». Англичане прислали текинцам подарки, поздравления, восхваляя их мужество, побуждая к упорству и даже обещая помощь. Англия толкала Персию мешать нам, обещала вернуть ей Герат¹, подзуживала требовать от нас отдать Кара-Кала, дабы стеснить наш обходный, южный путь к Геок-Тепе персидскими горами.

Для нас же началась томительная подготовка к новому удару по Геок-Тепе. Посыпался ворох планов, проектов, советов... Трудились: генерал Тергукасов за Каспием; Кауфман — в Туркестане; штаб округа — в Тифлисе; в Петербурге — Главный штаб, Особое совещание при нем, из знатоков Средней Азии, занимавших в свое время важные там посты: Крыжановский, Мейер, Глуховский, граф Борх... Много было высказано и дельных, и шаблонных соображений, имевших свою долю влияния на организацию новой экспедиции.

Тергукасов поднял дух участников неудачного похода раздачей орденов (по два креста на роту, сотню и полубатарею), объявлением благодарности за службу, улучшением быта войск, обещанием скорого разгрома противника. Он перестроил заново всю Атрекскую военно-этапную дорогу, ликвидировал долги прежней экспедиции, распустил дорожную и ненужную милицию, сократил огромный штат экспедиционных управлений, а значит, и лишние рты с продовольственного пайка, улучшил сообщение морем с Кавказом и Европейской Россией, начал заводить охотничьи команды для партизанской борьбы с туземцами². Совместно с генералом Петрусевичем он разработал проект нового похода, бракованный за дороговизну (40 миллионов), за долгий срок (4 года), за большое требование войск к снаряжению,

¹ Она побуждала персов собирать войска в Хоросане якобы для будущей оккупации Герата.

² «С целью иметь людей, знающих окрестности, и чтобы отучить мелкие хищные партии бродить подле наших этапов и пользоваться всякой нашей оплошностью».

в частности, перевозочными средствами, за пренебрежение местными ресурсами и т. д. Вдобавок по болезни он не смог быть исполнителем своего плана.

Штаб округа (Кавказ) собрал толстое досье с анализом причин неудачи прежнего похода и составил свой обширный проект, состоявший из нескольких комбинаций военных действий при разных предположениях хода политики, денежных затрат, продолжительности похода.

Подготовка велась в основных чертах по плану Кавказа. Недоставало полководца. Авторы проекта предлагали избрать одного из героев Турецкой войны, «если он согласится с Кавказским планом». В Петербурге называли многих кандидатов, причем не был угадан тот, кого выбрал сам государь. Это был Скобелев.

Подготовительная операция Скобелева к разгрому Геок-Тепе

Государь объяснил свой выбор тем, что Скобелев хорошо знаком со Средней Азией как участник Кокандских походов, а также тем, что этот полководец сочетал ум и решительность с тонкой расчетливостью или осторожностью. Несомненно, это был удачнейший выбор и наилучшее определение способностей Скобелева, как показало мастерское достижение цели экспедиции. Скобелев представлялся даже слишком крупной величиной для такого небольшого дела, что можно видеть из самой формы извещения его Главным штабом: «Так как экспедиция принимает более обширные размеры, то может быть вверена...».

10 января 1879 г. Скобелев был отозван в Петербург, а 12-го, в знаменательный день будущего (ровно через год) взятия им Геок-Тепе, он удостоился долгой беседы с государем, который преподал ему целую инструкцию. Государь сказал, что хотя и желательно сделать поход возможно дешевле, но войска должны быть полностью обеспечены всем необходимым. Он советовал не набирать в управление отряда лишних людей. В планах и действиях прежней экспедиции он нашел черты беспечности, пренебрежения против-

ником, столь доблестным, как текинцы. Он предостерегал от разброски войск, приведшей так мало бойцов 28 августа 1879 г. к стенам текинской твердыни. Он полагал, что даже от таких войск, как Кавказские, нельзя требовать более того, что они могут дать, штурмуя крепость голыми руками... Скобелев всегда с волнением говорил об этой всеобъемлющей оценке причин нашей первой неудачи под Геок-Тепе.

Закаспийский край весьма отличен по свойствам от Туркестана, где Скобелев приобрел перед Турецкой войной свой наибольший «среднеазиатский» опыт. Но и с Закаспием он прочно познакомился в 1871 г., когда сделал геройский пробег в 760 верст (с топографической съемкой) всего с шестью всадниками от Красноводска по одному из маршрутов в Хиву (до Сарыкамыша хивинского), через страшную пустыню.

План экспедиции Скобелева. Не в характере Скобелева было терять время, поэтому еще в Петербурге при составлении наметков своего плана действий он развил бурную деятельность. В основу его он положил следующую директиву правительства: бесповоротно воевать с Туркменией; покорить край совершенно, но не увлекаться наступлением дальше ахальских пределов; быстро, но систематично идти к цели; начать сборы в поход немедленно; рассчитывать на всяческое содействие экспедиции со стороны Туркестана и Оренбургского края; база — Кавказ и экспедиция — под руководством главнокомандующего Кавказской армией; Скобелеву — широкие полномочия.

Скобелев много хлопотал, чтобы директива прошла в выгоднейшем для экспедиции виде, и отозвался о ней, как о «не затрудняющей развитие в нем всей его энергии и способностей». Одно было ему не по душе — ограничение похода пределами земель ахалтекинцев, когда оставался еще огромный кусок свободной Туркмении — Мерв с его вассалами — сарыками и солорами.

План свой Скобелев выковывал постепенно, по мере хода самой экспедиции, начиная с подготовки...

Его противник располагал до 50 тысячами бойцов, в числе которых десятая часть доброконных. Их ручное оружие —

шашки, пики, тяжелые азиатские ружья на сошках, способные поражать с 2000 шагов, да до 600 штук скорострельных. Артиллерия противника состояла всего из одной старой персидской пушки (6-фунтового калибра) и нескольких крепостных ружей (замбуреки). Эти силы опирались на крепость азиатского типа, периметром около версты, с 4-саженным земляным валом, увенчанным стеной до 5 сажен толщиной. Щитом ахалтекинцев были сотни верст дикой и пустынной страны, отделявшей их от нас. Их оазис давал им достаточные запасы продовольствия, а привозное оружие и собственное мастерство обеспечивали боевой запас. Тяжкие условия жизни за Каспием и трудность подвоза туда запасов не позволяли им развернуть там значительных сил; приходилось драться во много раз меньшим, чем противник, числом, налегая на другие коэффициенты могущества — на наше регулярство, оружие, дух...

Скобелев взял «туркестанскую» пропорцию сил, считая роту (200 человек) равной тысяче нестроевых азиатцев (1:5); он приказал в этом походе вести счет не на батальоны, а на роты, полагая, что в степи наша рота для среднеазиатцев — «подвижной Страсбург». Поэтому он довольствовался отрядом в 7—12 тысяч: 11 с половиной батальонов, 11 эскадронов и сотен при 64 орудиях, рассчитанным и для нанесения удара, и для тыла.

О силе и разнообразии артиллерии он особенно хлопотал исходя из опыта неудачного штурма Геок-Тепе 28 августа 1879 г. и на основании туземной тактики, считавшей силу пушки в тысячу бойцов. Он готов был подарить своему противнику несколько старых пушек, потому что потерю их азиаты считают гибельным несчастьем и сильно падают духом.

Расходы Скобелев намечал самые умеренные сравнительно с другими проектами, не более 13,5 млн руб., а с постройкой участка железной дороги — не более 22 млн руб. Срок для похода он намечал в 1—1,5 года. При этом назначал самое полное, даже роскошное снабжение всей экспедиции, считаясь с трудностями походной жизни в столь тягостном для европейцев крае.

Он рассчитывал использовать в походе все новинки техники: опреснители, дековильку, рутьеры, гелиограф, пулеметы, ракеты, ручные гранаты, консервы, предварительный контроль и широкую эксплуатацию местных средств Туркмении, соседней Персии и даже Хивы¹. Санитарные средства он наметил обильные. А продовольственный режим определил фразой: «Кормить до отвала и не жалеть того, что испортится».

Для сокрушения текинской твердыни Скобелев брал с собой осадный (инженерный и артиллерийский) парк, сделал расчет (бреширование) с помощью участника осады Джизака (в Туркестане).

Он наметил тактику, приложимую к Закаспию: походные и боевые порядки, укрепленные этапы, вождение караванов, партизанскую войну, тактику кавалерии, огневую тактику пехоты, — полностью оправдавшую себя в течение всей экспедиции.

Ему нужно было до 20 тысяч верблюдов. Он не остановился перед трудностью доставки их из Туркестана и оренбургских степей, за тысячи верст.

Для ускорения подготовки экспедиции, особенно последнего ее акта — осады и штурма Геок-Тепе, он, дабы быстрее накопить продовольственные запасы, удалил на время все лишние войска на Кавказ и оставил только необходимое их число для охраны складов и «пробных» военных действий. Он оборудовал свою базу пристанями, дорогами, укреплениями, телеграфами, этапами, решив создать могучий «треугольник средств»: Красноводск, Чикишляр, Бами² со вспомогательным персидским магазином в Гермабе, близ самого Геок-Тепе. С помощью знаменитого моряка Макарова³ Скобелев доказал доступность длинного Михайловского залива как подступа на сотню верст к краю. От него поползли к оазису железные дороги (обыкновенная и переносная).

¹ Дававшей ему отличную охватывающую базу.

² Бами — голова всей базы.

³ Прославился в Турецкую войну на Черном море и погиб в Японскую, в Порт-Артуре, на «Петропавловске».

Он решил перебросить из Туркестана под Геок-Тепе вспомогательный отряд, дабы поразить среднеазиатцев способностью русских бойцов преодолеть огромную Закаспийскую пустыню.

Он отозвал Куропаткина из Семиречья начальником туркестанской вспомогательной колонны. Профессор тактики Гудима-Левкович вследствие нездоровья не смог стать начальником штаба экспедиции, и Скобелев заменил его Гродековым, превосходно оборудовавшим «боковую персидскую базу экспедиции» и составившим самое полное описание этого похода.

Так как Скобелеву не приходилось воевать с текинцами, то в число подготовительных действий он включил и «пробный» поход на них.

Словом, план экспедиции был полновесен и надежен, что и не замедлило подтвердиться.

Подготовительная деятельность Скобелева в Петербурге, Тифлисе и за Каспием. Из Петербурга Скобелев послал штаб-офицера в киргизско-оренбургские степи для покупки и доставки в Красноводск пустынным берегом Каспия 6000 верблюдов под конвоем пяти сотен казаков.

В своих обращениях к разным правительственным учреждениям он поднял тьму вопросов касательно деталей сборов в экспедицию.

31 марта 1880 г., отслужив напутственный молебен в Казанском соборе в Петербурге, Скобелев отправился в экспедицию, захав по дороге сначала в Минск — проститься со своим 4-м корпусом, а затем в Тифлис — для доклада своему главнокомандующему и переговоров по массе вопросов с окружными управлениями, снабжавшими его экспедицию. Отъезд его из Тифлиса был отсрочен на девять дней (14—25 апреля) ввиду завалов на Военно-Грузинской дороге через Кавказский хребет. В Петровске (порт) сосредоточились войска и запасы, предназначенные для экспедиции, которые на пароходе «Великий князь Константин» отбыли к месту экспедиции, сначала в один из самых глухих ее углов — Мангышлак. С 1 мая Скобелев стал объявлять свои

знаменитые приказы, отличающиеся зажигательным стилем, лаконичностью и меткостью выражений. В этих приказах он объявлял о хорошем и о дурном; грозил, кому следовало, и хвалил, кого надо было; преподавал правила военного обихода, старался поднять дух участников экспедиции. Приказы полны литературных достоинств, и из них бьет фонтаном, так сказать, знание солдатского и офицерского сердца и умение управлять им. У Скобелева был и штаб из шести отборнейших работников.

Правительство присылало Скобелеву копии донесений своих агентов о ходе мировых дел, особенно англо-азиатских. Он был в тесных сношениях с нашими дипломатическими агентами в Персии.

Прежде всего Скобелев принял меры к ускорению транспортировки грузов для экспедиции из-за моря, начатой еще 1 апреля по его телеграмме из Петербурга. К его прибытию результаты этой операции были весомы, но велик был и остаток, равный 1 324 694 пудам. На каждую перевозку составлялись точнейшие планы...

Появление Скобелева за Каспием круто повернуло все дела к несомненному успеху. Еще из Питера в своих телеграммах он приказывал: «Войскам подтянуться, подучиться, ускорить прохождение курса стрельбы; ревизовать магазины; отправить все неспособное и лишнее за море, в том числе и лишние — до времени — рты и пушки». Теперь он требовал продемонстрировать «плоды» своих распоряжений: расхвалил Мангышлакские войска; проверил надежность связи через Хиву с далеким Туркестаном; пожурил красноводцев: «Войска Красноводского гарнизона! Стоя вблизи неприятеля, вам нужно более строгое воинское обучение и более солдатский вид!!». Досталось и передовому посту этого гарнизона у Михайловского залива, куда Скобелев приплыл с Макаровым по «новому» фарватеру, обставленному уже вехами, и где осмотрел уже шедшее под руководством Анненкова железнодорожное строительство в глубь текинских степей и пустынь.

Так как пробное плавание Макарова по р. Атреку (9—17 мая) убедило Скобелева в невозможности использовать

эту водяную артерию для внедрения внутрь текинского материка, то он стал совершенствовать оба старых сухопутных пути, сходящихся к текинскому оазису (у Кизыл-Арвата), от Красноводска и Чикишляра. Первым стремлением его было захватить центральный пункт этих путей — Кизыл-Арват или Бами. И к 25 мая, через 16 дней после своей высадки, он уже изготовился к походу с этой ближайшей целью. Но своим наступлением он хотел достигнуть и других выгод: весьма решительно заявить о своем присутствии в среднеазиатском крае. Текинские соглядатаи уже распространили сведения, что «новый генерал — человек молодой, один из героев Турецкой и Туркестанской войн, участник и командир многих боевых лихих дел; он покорил сильное Кокандское ханство и шутить не любит!».

Скобелев знал, что это всполошило текинцев, которые собрали совет и, вместо задуманного было (вместе с мервцами) нападения на нас, занялись усовершенствованием своей крепости, а мервцы отправились восвояси. Текинский правительственный и военный совет послал тысячу всадников стогнать свой народ к крепости для землекопных работ. Тем временем Нур-верды, хан текинский, умер, а новый — Кули-хан — вовсе не имел боевого опыта, а потому обзавелся четырьмя советниками-помощниками.

И англичане были взволнованы назначением и деятельностью Скобелева. Для контрвлияния они послали новому хану ободряющее письмо, подарки и увеличили число своих агентов (тайных, военных, политических, консульских и др.) близ района борьбы, в пределах Персии. Скобелев, со своей стороны, не допустил к себе известного английского журналиста О'Донавана, старавшегося затем через Персию попасть в Геок-Тепе.

Англичане подбивали шаха дать правителю Мерву субсидию, за которую тот обещал объявить себя вассалом Персии и не делать набегов в Хоросан и Сеистан. Насколько персидские поселяне желали разгрома текинцев, настолько этого не хотели персидские пограничные губернаторы, объяснявшие всегда умаление шахских доходов (в свою пользу) разбоями текинцев и даже входивших с ними в тай-

ные соглашения для получения наград и подарков за пышные реляции по отражению текинских аламанов.

Оценив всю эту пеструю обстановку, Скобелев решил сделать перелом в ней, выдворив врага за пределы оазиса, чтобы тем самым прикрыть район строительства своих военных дорог и вывести войска из состояния неподвижности, пассивности и уныния. Все это он выразил лапидарно и четко: «Пойдем вперед, хоть частью отряда. Боевой успех даст нам все. Если так, то вырвем все зубами — всем для этого жертвуя...».

И с 23-го числа он начал этим «вперед!» перелицовку всей обстановки в Средней Азии.

Поход в Кизыл-Арват, кончившийся занятием Бами. Еще в Петербурге наметил он эту операцию и в марте приказал готовить все для нее на головном этапе Атрекской дороги из расчета (Дуз-Олум) на 2000 бойцов и 800 коней. Он справлялся об этом, будучи в Тифлисе, а также тотчас после своей высадки на берег Туркмении. Сбор верблюдов тормозит дело, но Скобелев, арестовав 11 иомудских старшин, вынуждает их поставить 2500 животных. С 23 мая началось движение от Чикишляра. Скобелев с конницей обогнал эшелоны. Он инспектировал этапы Атрекской дороги, вводил там новые — «скобелевские» — порядки, заложил новый этап (Ходжа-Кала) и, перешагнув Ткинский хребет с двумя легкими колоннами, пошел искать место для стыка Красноводской и Атрекской дорог. Он облюбывал Бами и занял его 31-го числа¹, потом продвинулся еще на переход (20 верст) и занял временно селение Беурму², которое сжег, а жители бежали.

Бами было выгоднее Кизыл-Арвата, так как находилось всего в 112 верстах от Геок-Тепе. Итак, на 34-й день своего прибытия Скобелев твердо и бесповоротно утвердил свои аванпосты в 400 верстах от моря и всего в 90—112 верстах от твердынь противника, на исконной текинской земле, и туда же стал перемещать свою базу. Это было в разгар богатой

¹ Окончательно мы обосновались там к июню.

² Там разместился наш авангард.

жатвы в оазисе, и Скобелев стал там хозяйничать, добывая такие местные запасы, о которых и не мечтали его предместники.

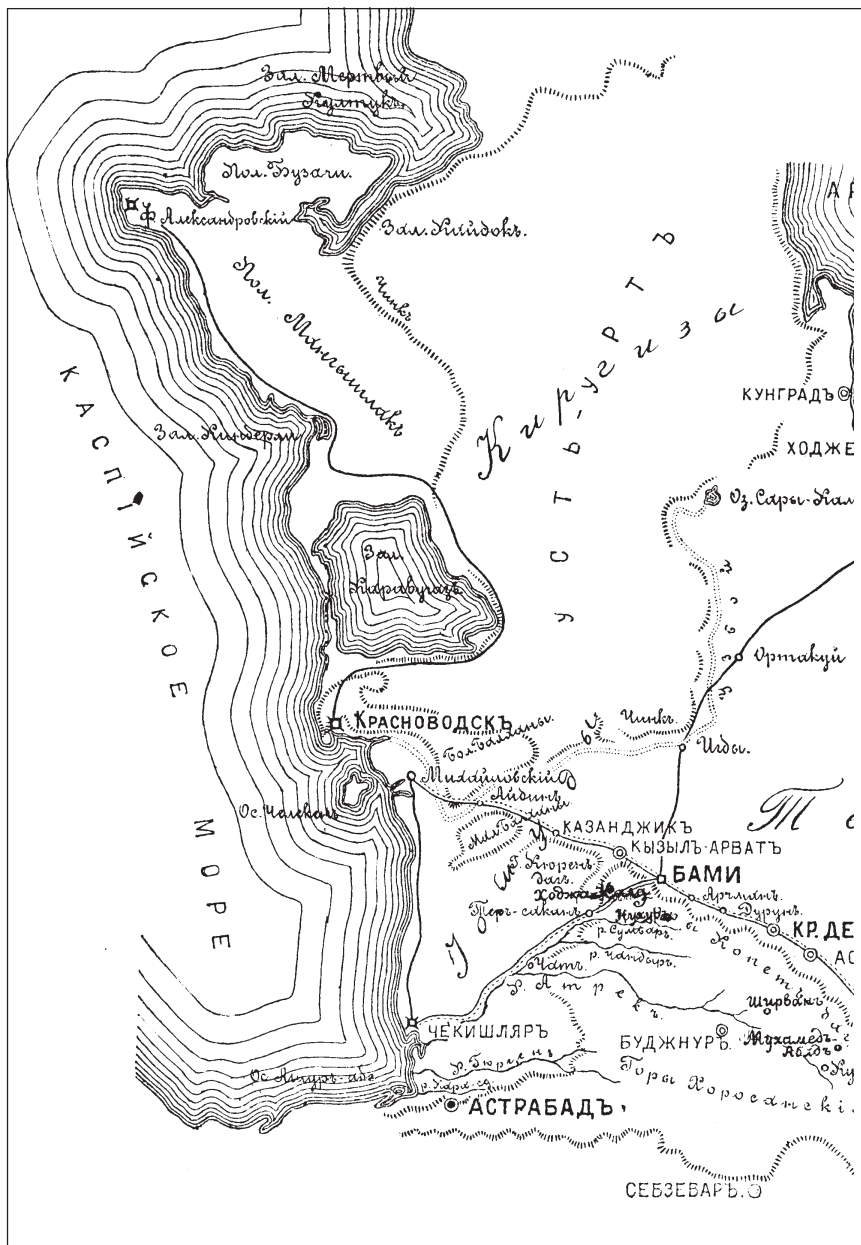
Он послал текинцам ультиматум: 1) покорность; 2) русская оккупация; 3) контрибуция в 0,5 млн руб., 1000 племенных жеребцов и выдача всех старинных грамот, рукописей, документов и книг ахалтекинского народа; 5) отказ от рабовладения.

Текинцы отвечали налетами на наши аванпосты и этапы. Скобелев разработал этапную, транспортную и аванпостную тактику для местных условий. Несмотря на полководческие таланты вождя текинцев Тыкма-сердаря, налеты им мало удавались вследствие строгих порядков, введенных Скобелевым.

В Бами — базу для движения к Геок-Тепе — стекались продовольственные запасы, доставляемые с побережья по двум этапным путям и собираемые в здешнем крае. Причем по этапной дороге из Красноводска шло все «несъедобное», а продовольствие текло по Атрекской дороге, где шел и сбор местных средств. В отличие от наших предыдущих закаспийских операций пустыня кормила своих завоевателей. Кроме сбора текинских запасов и подрядов, взятых жителями персидского склона гор (сенокосы), Скобелев завел в Бами свое хозяйство: огороды, посевы... Все увидели, что русские прибыли к текинцам не на время. Сам Скобелев не мог нахвалиться быстротой сбора местных средств. И государь отметил это в своей резолюции: «Поход быстрый, но не зря, а с большим расчетом».

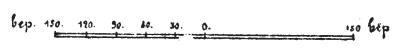
Все заботы Скобелева в этот период сводились к быстрому наполнению складов в Бами; он говорил: «Вообще, как принцип — выдвигать все вперед — в этом весь план!».

Налеты текинских партизан наносили нам не столько материальный, сколько моральный вред: они мучили наших поданных иомудов, и без того «подогреваемых» давно англоперсидскими эмиссарами. Последнее Скобелев выразил так: «Здесь более, чем в отдаленном Туркестане, влияют враждебные нам европейские элементы». Скобелев усердно боролся с партизанами, и это локализовало массовые восстания атрекских иомудов на наших сообщениях с морем.

Отчетная карта Туркмении

АЛЪСКОЕ
МОРЕ

ИЛИЙ □ Укр. Дукуновъ

ишв. Бурленъ.

Оз. Чагаида. □ УКР. ПЕТРОАЛЕКСАНДРОВСКЪ.

ХИВА

Р. Амударья.

БУХАРА

Марджуй

П
КЕНГУС

Р. Данданакъ.

НГИЛЬ-ТЕПЕ [ГЕОКЪ-ТЕПЕ]

ХАБАДЪ

Керкин.

Делишаръ.

Лютфабадъ Оз. Даръ
Каракара

МЕРВЪ

⚡

Ара.

Балъ.

МАЗАРЪ-И-ШЕРИФЪ

ишв. Серахсъ.
МЕШЕДЪ

арыкы Анхъиъ

Маймене.

Р. Амударья. Р. Мерв.
Р. Мерв.

Одна из стычек с текинцами на сообщениях с Бами, 21 июня 1880 г., на Бендесенском перевале, прославилась на весь свет боевым упорством, выказанным обеими сторонами, а в особенности нами. Подвиг партии доктора Студитского — блестящая страница в истории русской армии. Он состоял в следующем.

19-го числа на перевале погиб от залпа текинской засады казак-почтарь, а подозрение пало на двух туземцев-джигитов, с которыми он ехал. 21-го послан был осмотреть этот труп доктор Студитский с конвоем в 12 казаков из Бами. Эта партия сама попала в новую текинскую засаду, и в том же месте.

Горсть наших бойцов, одолеваемая в 20 раз превосходящими силами противника, геройски отбивалась восемь часов подряд, в самом тактически неудобном положении... И только случайный подход наших выручил партию из тягчайшего положения. Текинцы понесли огромный урон, а наша партия буквально истекла кровью: трое убиты, в том числе доктор Студитский, да один вскоре умер от ран; четверо ранены оружием, а пятеро — камнями, сброшенными с гор. У текинцев одних убитых более 14 человек. Раненых они увезли, оставив трофеями шесть единиц вооружения. В последние минуты огневой бой шел с 30 шагов и раз семь текинцы бросались в шашки. Закаспийцы были весьма воодушевлены этим подвигом. Уцелевшие бойцы получили по золотому знаку военного ордена и по 100 рублей.

Лучшим средством отогнать текинских партизан Скобелев считал наступление к Геок-Тепе. А так как он не был готов к его осаде, то решил предпринять наступление учебное, чтобы дать себе и войскам посмотреть, каковы текинцы в полевом бою. Так произошел пробный поход-рекогносцировка под Геок-Тепе с крохотными силами, чтобы никто не счел это движение за новую неудачную попытку похода для взятия крепости.

Пробный поход под Геок-Тепе. Это был давно обдуманый и рассчитанный Скобелевым шаг. Он давно твердил: «Жаль, что я не был в деле с этим неприятелем. Без этой

данной я все-таки, в конце концов, в потемках. Увы, недостает мне данной, главной для решения: знания этого неприятеля... Среди участников прошлого боя 28 августа 1879 г. сложились противоречивые мнения о боевых качествах текинцев — надо их проверить...».

Это подвигло Скобелева предпринять разведочный набег под Геок-Тепе. С другой стороны, наступая, он удерживал инициативу в своих руках, или, как говорил сам, «оставался дирижером оркестра».

«Мы не должны, — пояснял Скобелев, — отвечать текинцам пассивным выжиданием...» Потом, это движение должно было помешать текинцам убрать урожай и тем пополнить запасы в крепости.

Да и дипломаты, и генерал Кауфман-Туркестанский просили надавить на Геок-Тепе, дабы умерить текинские разбои и базарную болтовню о нашем бессилии.

Но, беря с собой горсточку бойцов, чтобы не преувеличивали наших намерений, Скобелев знал о страшном риске такого предприятия, о возможности быть раздавленным огромными массами противника. Рискую собой, он рисковал всей экспедицией. Выйти из этого испытания с честью, с драгоценными разведочными сведениями мог только виртуоз-вождь, каким и оказался Скобелев. Разведку вел он сам. С ним было 3 $\frac{3}{4}$ роты, четыре сотни, 10 орудий и пулеметов, восемь ракетных станков, всего 344 штыка, 311 шашек, 128 артиллеристов и 13 повозок. Боевой запас 80—120 патронов на ружье и по 3000 на пулемет, снарядов 80—108—300 на орудие разных систем. Продовольствия взяли на 6—12 дней. Ни паплаток, ни фуража, а вместо водки — чай...

Пошли 1 июля, после молебна в Бами. Шли в походно-боевом степном порядке (с обозом в середине), значительно усовершенствованном Скобелевым. Первые переходы Скобелев шел с конницей далеко впереди. У попутных селений были короткие перестрелки. Жители бежали. Арчман заняли 1 июля, Дурдун — 3-го, Аккала — 4-го, Егян-батыркала, находящийся в 12 верстах от Геок-Тепе, — 5-го. В последнем собралось более 25 тысяч воинов, и число их все росло, да пришло 800 мертвцев и 150 жителей разных племен.

Хивинцы не скрывали своего сочувствия текинцам. Последнее по величине отряда тотчас угадали цель похода.

Ночные внезапные нападения давали наибольший шанс текинцам. Ожидая их, Скобелев дал знаменитую инструкцию — диспозицию своему отряду. В ней он объявил, между прочим, что только исключительные качества русских войск позволили ему предпринять эту «дерзкую разведку».

Но текинцы после дневной перестрелки не решились ночью обрушиться на нас, а в 3 часа 30 минут Скобелев сам пошел на них, оставив обоз с прикрытием в попутной «кале»¹. Он хотел обойти крепость Геок-Тепе кругом, вне зоны досягаемости ее огня, начиная с юга, оглядеть местность, верки и в неминуемых столкновениях удостовериться, точно ли «русская рота в Средней Азии — подвижной Страсбург», если ею хорошенько руководить.

С 4 часов начался бой с большим конным скопищем противника, во время которого мы чуть было не нарвались на крупную текинскую засаду, хорошо замаскировавшуюся. Казачьи дозоры ее обнаружили. Наш огонь держал текинцев в отдалении и прокладывал нам дорогу. Они отстреливались из тяжелых ружей (фальконетов) и берданок, имевшихся в ограниченном числе. Смелчаки делали наскоки на нашу цепь, и не без успеха. Наши ракеты, как всегда, часто «капризничали»; одна упала среди своих... Тогда Скобелев, чтобы предотвратить панику, наехал на нее своим конем. Разрыв ракеты ранил лошадь, но вызвал бурю восторга.

Высыпав с многочисленной пехотой из южных ворот крепости, текинцы заняли с. Янги-Кала и преградили дорогу Скобелеву. Последний для пробы разыграл бой за взятие одного из передовых пунктов (сад). Часть своей пехоты, замывшуюся было при этом, Скобелев муштрует под огнем (ружейные приемы). Потом он меняет маршрут, бросает в крепость 120 снарядов с западного фаса и, не желая более дразнить текинцев, отходит стройно, с музыкой, в ногу, в порядке, не торопясь. Текинцы весьма насели на отряд, жалея, что добыча уходит из рук; приходилось пускать в дело даже

¹ Брошенная текинская крепостца.

револьверы. Обоз был тоже атакован, но безуспешно. Пять первых верст длилось лихое дело, и группа текинских наездников показала бесшабашность, зарубив у нас в самой цепи урядника и унеся его тело.

У обоза — целая ночь напряженного ожидания. Ложная тревога... Но толпы текинцев, пешие (2000) и конные (1000), не решились броситься на отряд, бодрствовавший в большой готовности. Они так же тихо отошли, как и подкрались, и только с рассветом были преследуемы дальним пушечным огнем. Их арьергарды, на предгорьях, даже прекратили огонь, пораженные величием русской утренней «зори с церемонией». Далее нас преследуют лишь слегка. И 8-го Скобелев уже в Бами, полон новых выводов: текинцы лучше вооружены, чем мы думали. Убедившись, что противник отнюдь не слаб, а крепость весьма усовершенствована по сравнению с 1879 г., докладывал, что взятие Геок-Тепе — дело серьезное.

Протяженность похода составила 230 верст туда и назад. Наши потери ничтожны (трое бойцов убиты, семь коней погибло; восемь человек и 13 коней ранено и восемь человек контужено, да две повозки сожжены. Истрчено патронов — 13—51 на ружье, по 190 на пулемет и 175 пушечных снарядов. У текинцев убиты четверо знатных и более 200 простых воинов, но молва увеличила эту потерю до 15 тысяч человек, показывая тем самым силу впечатления на Азию «прогулки» Скобелева. Дух текинцев был угнетен, и только очередная поддержка «друзей» и тайная помощь оружием и боевыми припасами из соседних мусульманских стран вновь дали им импульс для сопротивления.

Они даже хотели напасть на нас 31 июля. Но небольшое движение нашего авангарда (из Баминского отряда), растолкованное как новая «прогулка» в Геок-Тепе, вернуло их назад. Тогда разразился новый пароксизм партизанской войны, на что Скобелев отвечал развитием наших «охотничьих» команд и посылкой «летучих отрядов».

Для создания опоры охотникам и летучим отрядам Скобелев воздвигает промежуточные этапы (Бендесен, Кизыл-Арват...), а среди населения ищет пособников (селение Ну-

хур), там, где, как и в предгорьях персидских кряжей, есть смешанные селения туркмен, курдов, персов... Много ценного оставил нам Скобелев в своих инструкциях охотникам. Общее его правило по организации разведки гласило: «Команду в руках, в смысле готовности для серьезного столкновения с неприятелем, при бойком офицере, можно решиться послать вперед; только надо держать ухо востро — мало пройти вперед, надо молодцом и вернуться». Мы не будем следить за ходом этой партизанской войны, в числе видных героев которой оказался любимец Скобелева, штабс-капитан Славочинский¹.

Покушение на жизнь Скобелева и ускорение им подготовки к походу. Вернувшись из-под Геок-Тепе, Скобелев с новыми данными в руках еще ревностнее стал продвигать подготовку осады и штурма этой твердыни, пустившись в объезд по своим 400-верстным военно-этапным дорогам. Был разгар работ по транспортировке грузов морем и сушей, по постройке пристаней, опреснителей, железной дороги, по сбору и приводу издалека верблюдов, созданию судов для плавания по Михайловскому заливу...

Но слух о новом движении текинских масс заставил его внезапно вернуться к утру 13 августа в Бами. Как стало известно от наших агентов в Персии, 4—6 тысяч текинцев шли в обход Бами с юга горами. Можно было предположить — слух о нашем походе вернул их пехоту, а конница их пустилась тогда партизанить на наших путях сообщений (2, 4, 12, 14, 19, 24, августа и 10, 12, 13, 14, 23 и 27 сентября). В одно из таких нападений они даже увели боевого коня Скобелева, знаменитую лошадь по кличке Шейново. После замирения текинцы вернули ему коня.

Видя, что вся сила русских в этот раз базируется на личности Скобелева, текинские вожди решили произвести покушение на его жизнь и увлекли в это предприятие одного из жителей с. Нухура, среди которых не было недостатка в двойных шпионах. Покушение произошло в ночь на 14 ав-

¹ Впоследствии видный генерал на Кавказе.

густа в Бами, во время бивачного пиршества, во время которого Скобелев раздавал кресты героям пробного похода под Геок-Тепе. Когда он произносил горячую речь, раздался выстрел со стороны базара, и пуля просвистела возле головы Скобелева. Последний имел мужество кончить сперва речь, а потом распорядиться разыскать злоумышленника. Но последний скрылся, хотя и был опознан.

Партизанские состязания продолжались. Для отдаления партизанских гнезд от наших эшелонов Скобелев стал засыпать ближайшие степные колодцы, что и возымело свое действие.

Из контрдействий наших партизан особо примечателен подвиг полусотни казаков сотника Алейникова (28 сентября 1880 г.), настигшей большую шайку текинцев, отбившей ограбленный ею наш транспорт и нанесшей ей полное поражение. Имея в виду этот случай, Скобелев настаивал на необходимости большей осторожности и бдительности по отношению к текинцам, у которых даже верховные их предводители (Тыкма-сердарь) способны бросаться с пашкой в штыки.

С новой энергией взялся Скобелев за дело. Гродекова он послал в Персию заложить вспомогательный магазин против самого Геок-Тепе, чтобы откинуть на него свой тыл во время осады, если бы потребовалось. Эта прозорливость насчет «откидывания» тыла еще Наполеоном звалась «божественной частью военного искусства». Гродеков блестяще исполнил дело, но магазин пригодился нам только после взятия Геок-Тепе.

Благополучно прибыли 6600 верблюдов, пройдя 970 верст с севера (оренбургские киргизы) в сопровождении 882 казаков. При этом их падеж составил всего 1,01 %.

Не теряя часа даром, все более и более совершенствуя свой план, Скобелев почти окончательно устанавливает сроки переброса к стенам Геок-Тепе своей базы.

В Бами уже было сосредоточено все необходимое для осады на 5 месяцев для 7000 человек и 3000 коней; все этапы до моря обеспечены на 7 месяцев, военные транспорты могут поставлять по 30 тысяч пудов в месяц; в Дуз-Олуме обустроен магазин «на случай неудачи» из расчета на

8000 человек, да в Гермабе персидском, близ Геок-Тепе — вспомогательный «Гродековский» магазин на 8000 человек и на 3000 коней с запасами довольствия и фуража на два с половиной месяца. Быстрота железнодорожного строительства давала гарантии стабильного подвоза продуктов в будущем. Помогая из сумм экспедиции генералу Глуховскому, Скобелев закрепил за собой новый обводняемый путь на Хиву, откуда не прочь был установить подвоз запасов. Сам Скобелев сказал в то время, что тыл его был не только без крупных недостатков, но и даже обладал «запасом прочности» в количестве запасов и в механизме их подвоза и размещения.

Покончив с запасами, Скобелев принялся за сосредоточение войск, рассредоточенных по этапам и ожидаемых из Туркестана. С 28 августа потекли сюда войска с Кавказа. С 12 сентября пошли и туркестанские с Амударьи и 8 ноября прибыли уже в окрестности Бами, на главную артерию операции.

К 26 сентября только в Бами собралось 26 рот, три с половиной сотни и шесть орудий (не считая орудий осады). Туркестанцы пришли в составе 472 пехотинцев, 318 конников, 36 артиллеристов при двух горных орудиях и двух ракетных станках, с 900 верблюдами и 153 погонщиками, проделав в благоприятное время года 673 версты по пустыне, т. е. по 36 в сутки в среднем.

Переброс войск и запасов к Геок-Тепе. Собрав большую часть войск и запасов в Бами, Скобелев двинул их под Геок-Тепе для решения там судьбы экспедиции. Войска пошли сперва двумя дорогами — степью и по предгорьям, к югу, как бы в охват. С этим «охватом» пошел и Скобелев, выйдя (24 ноября) не из Бами, а из Дуз-Олума с 803 бойцами, 923 конями при двух орудиях (всего шесть сотен и два орудия). Пройдя предгорьями 165 верст, эта колонна от селения Нухура спустилась в равнину и слилась с авангардом главных сил. Во время последнего перехода, в ночь на 28 ноября, Скобелев, смело отделившись от своей колонны с горстью людей — казаков и местных жителей (22 человека с се-

мью винтовками), заблудился и до рассвета был в большой опасности. Его могли захватить текинцы. Он проявил при этом большое мужество и завидную распорядительность. Гибель его катастрофически отразилась бы на участи всей операции.

Соединение колонн произошло у селения Келате. Здесь мы захватили много скота, с десятков жителей, 11 тысяч баранов, 180 голов крупного рогатого скота, убили 14 текинцев и потеряли сами двух.

Дело шло к зиме, которая здесь бывает раз в четыре года довольно суровой. Но отряд Скобелева был обеспечен теплым обмундированием (полушубки, фуфайки, суконные портянки, кашне на каждого).

От Бами строились новые этапы (Арчман, Келате, Егян-батыркала).

Текинские разведчики мчались в Геок-Тепе с известием, что Скобелев идет брать крепость. Слух о готовящемся сопротивлении Егян-батыркала не подтвердился, и наш маневр к ней прошел впустую: текинцы отошли. Здесь, в 12 верстах от крепости, Скобелев заложил базу осады.

Тревожный выстрел единственной пушки текинцев возвестил 30-го числа это событие. У калы мы отбили 6000 баранов. Густая цепь текинцев до темноты обстреливала наши биваки, а часть их в 3 часа дня устроила было огневую засаду.

Роль Бами на этом была исчерпана, и Скобелев благодарил в приказе баминский гарнизон: «Их грудью удержано Бами... редкая ночь проходила без перестрелки и тревог, часто по несколько раз в ночь; немало раненых и убитых было из среды небольшой кучки баминцев».

29-го текинские всадники стали выкрикивать издали нам, что у Казанджика разбит наш транспорт, который, как потом оказалось, был лихо отбит подошедшей нашей подмогой.

2 декабря подтянулся к Егян-батыркала и хвост отряда «вторжения». Собралось 200 человек с довольствием на 15 дней. Для осады имелось 2000 штук шанцевого инструмента, 700 тысяч патронов и 6704 снаряда.

Калу окрестили «Самурским этапом» и довели его запас до двух месяцев и до полного боевого комплекта (по 300 пат-

ронов на ружье и по три комплекта снарядов) с парками — инженерным и артиллерийским, с подвижным лазаретом и отделением госпиталя.

Отряд Скобелева, постепенно усиливаясь вновь подходящими эшелонами, вырос к середине декабря до 4000 пехотинцев, 11 эскадронов и сотен при 47 пушках.

Все это не обходилось без трений, по поводу которых Скобелев выразился так: «Конечно, война без лишних усилий и случайностей — невысказана...».

Все точнее и точнее делая свои расчеты, Скобелев уже с начала выступления из Бама твердил: «Между 5 и 10 декабря усиленное обстреливание Геок-Тепе должно быть в полном ходу! Вперед! Пора решительно наступать!»

Обстановка в крае к началу осады. С 4 декабря Скобелев начал рекогносцировку Геок-Тепе. К тому времени у текинцев прекратились колебания относительно упорства обороны, начавшиеся было с наступлением Скобелева. Жизнь, полная лишений, вследствие скученности в Геок-Тепе, экономия в запасах, даже голод были причиной их колебаний. В крепости на тесном пространстве, всего до 1 кв. версты, с 21 декабря собралось до 30 тысяч человек бойцов с 10 тысячами коней, а с семьями — до 45 тысяч¹.

Хотя в песках были зарыты у текинцев большие запасы хлеба, но он выдавался весьма скупно, а стада содержались к востоку от крепости, верстах в 150—200, что лишало жителей молока и мяса. Запасов фуража и топлива в крепости вовсе не было — за ними ездили тоже в пески.

Поднялся было ропот. Часть защитников даже ушла в октябрь — полторы тысячи в Мерв и тысяча в Серахс. Текинцы нарядили 800 человек изловить беглецов, а их имущество конфисковать.

Борьба партий войны и мира опять обострилась, но осилила первая. Однако текинцы стали обдумывать, куда уйти

¹ Ружей — 30 тысяч (сабель и пик до 5000), из них до 600 скорострелок и одно 6-фунтовое медное орудие да два чугунных крепостных ружья (замбурики) на станках.

в случае неудачи. С просьбами о содействии и помощи они отправили посольства в Хиву, Мерв, к пограничным персидским властям, английскому агенту в Мешед. Партия мира была не прочь войти с русскими в тайные сношения.

Хивинский хан и хивинские туркмены с сожалением отказали в помощи, боясь репрессий русских из близкого Петроалександровска. Хан даже сообщил о текинском посольстве нам официально и, по нашему указанию, советовал текинцам смириться.

Мервцы снова обещали помощь. Но запас персидских пушек, хранившийся в Мерве с 1861 г., не мог быть послан в Теке «по неисправности лафетов и колес». Вернее, мервцы берегли пушки для себя. Они послали только 2000 конных воинов. Эскалация этих сил во второй половине ноября, преувеличенных молвой до 6000 бойцов и нескольких орудий, встревожила Персию. Шел слух, что мервцы вместе с 3000 текинцев хотят напасть на Хоросан, чтобы добыть запасы. Правители персидских провинций двинулись с войсками из курдов для защиты своих границ¹. Скобелев узнал о движении мервцев 27 ноября. Мервцы вступили в Геок-Тепе в ночь с 20 на 21 декабря, когда осада уже началась и наш лагерь стоял в полутора верстах от его стен. В то же время и у персов появилось желание пограбить оазис, связанный по рукам и ногам. Раньше Скобелев был не прочь разрешить им это. Но теперь, когда в Фирюзе собралось до 3500 персов, он запретил набег в оазис, чтобы не дать повод для «щекотливой помощи нам от персидских войск». Посольство текинцев к воинственному персидскому губернатору Яр-Магомету-хану привело только к уклонению того от содействия в закупке текинцами хлеба и боевых припасов в его владениях. Скобелеву же этот хан объявил, что он «бессилен против текинцев». Но курды Кучанского вилайета по собственному почину сделали несколько набегов в оазис и как-то раз убили 22 текинца. «Благодаря приходу русских, —

¹ Магомет-Али, хан дерагезский. Это как бы подтверждал случай вторжения 3000 туркмен в ноябре в Джамский округ и вторжение 150 человек в другую местность.

говорили они, — мы ободрились и каждый день уводили у текинцев людей и скот».

Двое членов правящей элиты, страшась исхода борьбы с русскими, пытались завести со Скобелевым через купца-текинца Ораз-Клыча (у Гродекова) и Яхья-бека-Таирова (бывшего нашим агентом в Персии) тайные сношения. За деньги они обещали «испортить дело текинцев». Но из сношений этих, сочтенных за уловку, ничего не вышло.

Английские агенты старались побудить текинцев к упорной борьбе. Мешедский их агент — мусульманин Абас-хан — послал в конце октября воспламеняющее воинственный дух письмо, которое «произвело огромный подъем в Ахале». После него многие разногласия прекратились: поля к востоку от Геок-Тепе засеяли, воду распределили, семьи не ушли на зиму в пески, было решено драться до конца. Другим агентам удалось меньше. О'Донаван продвинулся к границе оазиса, в Дерагез, и там пользовался гостеприимством персидских властей (в Мугометабаде) и возможностью обмениваться письмами с Геок-Тепе. Он пытался было, переодевшись, скрыться, но был задержан персами по нашему настоянию. Впрочем, страх смерти удерживал англичан от поездки в Геок-Тепе, так как текинцы не желали их привечать, покуда не присланы английские войска. 12 ноября в Мугометабад прибыл, переодетый индийским купцом («Ибрагим-саиб»), капитан Стюарт. Потом в Хоросане объявились капитаны Гилль и Ботлер. Последний был выгнан из английской армии за ложное будто бы утверждение, что Геок-Тепе укреплено по его указанию. В то же время в Персии шло соперничество англичан с нами, требовавшими для своих офицеров такого же свободного передвижения по Хоросану, какое было для партии Гродекова. Англичане не жалели денег. По словам наших агентов, «те деньги, которые они бросают в Персии, могут совратить и родного брата».

На все возражения о трудности борьбы текинцы отвечали: «А все-таки будем драться». На их решимость биться влияла и их уменьшившаяся способность кочевать вследствие сокращения количества верблюдов. Кроме того, они говорили: «Теперь наша крепость сильнее, семьи хорошо

укрыты в глубоких жилых ямах; полного окружения русские не в силах сделать и отрезать нас от больших запасов, спрятанных в песках, от стад, от подкреплений из Мерва и от возможности, в случае неудачи, уйти...»

Личность Скобелева, знаменитого генерала, прозванного ими Кровавые глаза (Гез-канлы), однако внушала им суеверный страх. Они решили, что в дальнем огневом бое русские сильнее во всех отношениях: «На дальнейшее расстояние русские просто жгут людей днем, поэтому нет возможности днем броситься в рукопашную схватку с ними». В то же время текинцы были уверены, что они сильнее в рукопашке и что «русские в ней не устоят». Поэтому они решили «не выходить в открытое поле, пока русские не подойдут близко к стенам и не займутся осадой. Тогда текинцы будут делать по ночам отчаянные вылазки крупными силами и биться врукопашную. Отнимем несколько пушек — и тогда дело будет другое».

Вышеупомянутый талантливый полководец персидский губернатор Яр-Магомет-хан говорил нам: «Ради Бога, не идите прямо на штурм. Поверьте мне, я текинцев знаю лучше вас, я с ними воюю всю жизнь. Храбрее этого народа нет в мире. А теперь, когда в Геок-Тепе находятся семьи и текинцам некуда деться, храбрость их удесятерится. Попомните мое слово — они будут биться на саблях и вам будет очень трудно».

Гродеков добавляет: «Из всех источников получались сведения, что неприятель будет нападать по ночам и биться врукопашную».

Устройство текинской крепости было уже известно Скобелеву. Подробности сообщил канонир Петин, бежавший из плена в конце лета 1880 г., после двухлетнего там пребывания (1878—1880 гг.). Он вылепил из глины эту крепость, и довольно верно, что подтвердилось впоследствии. Эта твердыня состояла из земляного вала ($675 \times 420 \times 120 \times 240 = 4$ версты 55 сажен) высотой в 2 сажени и толщиной до 5 сажен, с глиняной надбавкой сверху столь же почтенных размеров, с передовой и задней стенками с бойницами, нишами и траверсами. Выходов — 21 (указание на активность борьбы).

Скобелев 4 декабря повторил свой июльский вывод: «Взятие Геок-Тепе есть дело крайне серьезное, требующее: 1) достаточных средств, 2) осмотрительности и 3) счастья».

Подготовка к осаде Геок-Тепе. Дабы отвлечь текинцев от покушений на наш тыл, Скобелев поспешил с подготовкой к осаде, к которой относилась и разведка для выбора фронтов атаки. Она была произведена 4 декабря с такой же дерзостью, как и 6 июля. Скобелев взял всего девять рот, три сотни, 16 орудий и пулеметов, всего 1040 штыков, 337 шашек и 120 артиллеристов. Зато добавил два оркестра музыки и запасы на сутки. Он сам стал во главе. Вышли в 5 часов 30 минут из Самурского укрепления, или иначе из Егян-батыркала, от которого было до Геок-Тепе 12 верст. Пошли по предгорьям и дошли до того места, где из гор вырывается ручей Сакиз-Яб, орошающий окрестности Геок-Тепе четырьмя протоками.

Текинцы, едва отряд отошел от своего бивака 4 версты, дали тревожные пушечные выстрелы с холма Денгил-Тепе. У Янги-Кала и с тылу, из ущелья Сакиз-Яба, на отряд стали насаждать текинцы. Шрапнель заставила их отодвинуться на значительное расстояние. Скобелев прошел мимо Янги-Калы с запада вне зоны досягаемости ружейного огня и двинулся в боевом порядке в западному фронту и северо-западному углу Геок-Тепе, держась подальше от стен. С удобного места около 15 часов 40 минут внутренняя часть крепости и толпы, усыпавшие ее стену, были обстреляны артиллерией и пехотой. Текинцы, стрелявшие в нас из пушки и ружей, утишили свой огонь. Затем Скобелев, пройдя вдоль верхов крепости, повернул к Самурскому. Осажденные артиллерией, текинцы сначала нас не преследовали, а затем бросились окружать и насаждать, подвозя на крупах стрелков по складкам местности на 300—400 шагов. Лунное затмение, случившееся тогда, ошеломив текинцев, остановило их азарт, и в 20 часов 30 минут Скобелев спокойно вернулся на ночлег, потеряв за день четверых убитыми, 21 ранеными и 31 коня.

Он остановился на плане — «ускоренная осада, как только в Самурское соберутся все войска и запасы».

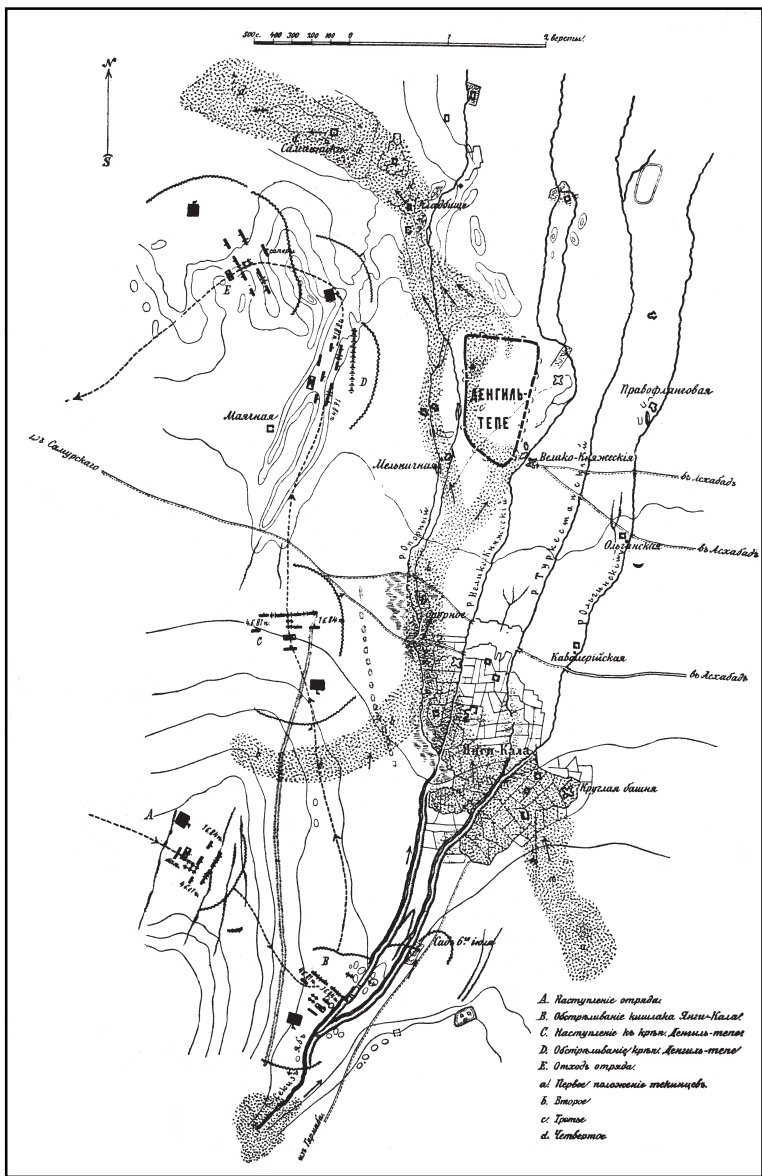

Схема рекогносцировки Геок-Теле 4 декабря 1880 г.

Разведка доказала, что текинцы имеют в большом числе оружие дальнего боя, для которого они усердно собирали наши пустые ружейные гильзы и что неприятель выучился воевать. Скобелев решил увеличить отряд вторжения за счет своих этапов. Он для этого даже сократил перевозки, считая, что подвезено уже достаточно и что есть персидский магазин под боком.

На другой день в обширной прокламации Скобелев обратился к текинцам с увещанием покориться: «Белый царь столь же великодушен, многомилостив к покорным, сколько страшен врагам». Текинцы зарезали персиян, возивших прокламацию.

Чтобы занять с пользой время, пока шло обустройство Самурского укрепления, подвоз к нему запасов и сосредоточение сил, Скобелев стал практиковать войска в действиях, полезных для будущего штурма. Для этого служила одна старая кала в тылу лагеря. Делались эскалады ее стен с помощью штурмовых лестниц и бреши, специально для этого пробитой; объявлялась и тревога.

8 декабря донесли, что к текинцам подходит подкрепление из Мерва. Для проверки слухов 11-го Скобелев послал колонну из шести рот, полторы сотни, шести орудий. Довольно поздно, около 17 часов, колонна приблизилась версты на четыре к крепости и сделала восемь орудийных выстрелов. Текинцы в невиданном числе усеяли ее стены, и множество всадников и пеших вышло в поле. Текинцы кричали, что они готовы к бою и не примут предложения о мире. Колонна отошла в 17 часов 30 минут и в 20 часов 30 минут вернулась без потерь. 12-го Скобелев послал новую колонну (три роты, одна команда охотников, три орудия и два пулемета, одна сотня и два гелиографических станка). С 14 часов 30 минут передовой отряд ее (одна сотня и одно орудие) с 1000 сажень обстрелял северо-западный угол Геок-Тепе. Текинцы высыпали и конные, и пешие, прикрываясь буграми. С 15 часов развернулась вся колонна. Массы неприятеля все пребывали. Тогда Скобелев гелиографом вызвал подкрепление (три роты, два пулемета и несколько казаков) и в 16 ча-

сов стал отходить на него, а в 17 часов 30 минут вернулся. Текинские джигиты наседали вплотную. Скобелев приказал не стрелять в них, любуясь их молодечеством. Они кричали, что получили подмогу от Мерва, что готовы к бою и что дешево не отдадут себя и просят не томить их более разведкой. У нас потери: один убит, четверо ранены, 10 лошадей выведено из строя.

Скобелев жалел о необходимости оттягивать развязку и говорил, что текинцы «совсем правы». Текинцы объявили, что ждут нас, об отступлении и мире не думают. У них был провозглашен газават. К 18 декабря по данным разведки был составлен, налитографирован и роздан войскам план Геок-Тепе с южными окрестностями и по нему был написан проект инженерной атаки.

18 декабря с отрядом из пяти с четвертью сотен конников, снабженных ракетами и гелиографами, Скобелев со всеми полковыми батальонами и батарейными командирами сделал рекогносцировку селения Янги-Кала. В 3,5 — 4 верстах от Янги-Кала на виду спешивших текинцев Скобелев прочел диспозицию. В 15 часов 30 минут стали отходить под натиском текинцев (с 1200 шагов). У нас пятеро ранены и два коня выведено из строя.

А 11 декабря и Скобелев получил подкрепление из Туркестана в виде отряда Куропаткина (три роты, две сотни, две пушки). С 30 ноября по 20 декабря в Самурское было перевезено 105134 пуда грузов, и там собралось 38 рот, 11 сотен и эскадронов, 72 орудия и пулемета, 11 ракетных станков (всего до 7110 человек). Это была большая часть сил отряда. Не дожидаясь остальных эшелонов войск и грузов, Скобелев 20 декабря пошел осаждать южный фронт крепости.

Осаждать крепость с юга мешало обширное селение Янги-Кала. Скобелев назначил его взятие на 20-е. Сам Скобелев командовал этим боем. Он ввел в бой до 6300 человек, т. е. почти весь свой отряд.

Он предписал войскам и тактику, соответствующую обстановке. Цепи он заменил сомкнутым строем, одиночный огонь — огнем залповым, «чтобы бить противника тем, чего у него нет — европейским боевым порядком — сомкнутым,

послушным, гибким боевым порядком, дружными меткими залпами и штыком, всегда страшным в руках людей, сбитых дисциплиной, чувством долга и круговой порукой в могучее тело — колонну...». Потому что текинцы, несмотря на подавляющие массы, действуют врассыпную, вразброд или отдельными кучами, мало послушными воле предводителя, а потому неспособными к единству действий и маневрированию массами».

В 7 часов утра войска построились у Самурского для движения к Янги-Кала. Тотчас у текинцев был дан выстрел тревоги, и защитники Янги-Кала, в числе 1500 стрелков, заняли свои места. После молебна, в 9 часов 30 минут, войска снялись с места. Колонна полковника Куропаткина атаковала Янги-Кала с юга, в охват с восточной стороны, а колонна Козелкова — с запада. Бой длился до 15 часов и кончился взятием селения, представлявшего огромную площадь из лабиринта глиняных стенок, небольших крепостиц, плотин, глубоких русел и канав. Артиллерия и пехотный огонь заставили противника отойти к Геок-Тепе под натиском нашей конницы. Массы текинцев, вышедшие было им на помощь оттуда, были прогнаны за стены нашей артиллерией. Скобелев стал лагерем в 800 сажень от южного фаса крепости, между средними протоками Сакиз-Яба, заняв по флангам две калы¹ и прикрывшись аванпостами, в которых до утра была перестрелка. За день у нас один убит, 10 ранены, пятеро контужены и 19 коней выведены из строя.

21-го Скобелев в 7 часов 30 минут послал всю конницу (шесть сотен и два орудия) с генералом Петрусевичем² обойти Геок-Тепе с востока и севера и оттуда пройти в Самурское за фуражом и для конвоирования к Скобелеву оттуда транспорта. Текинцы, пешие и конные, завязали с нашей конницей горячий бой на северном фронте Геок-Тепе. Обеспокоенный гулом боя, Скобелев повел в обход западного фронта крепости один батальон, одну сотню с восьмью орудиями навстречу генералу Петрусевичу. Колонны соедини-

¹ Стены 18 футов высотой и 4 фута толщиной.

² С ним два топографа и инженер.

лись против северного угла крепости в 17 часов. По пути Скобелев обстрелял ее из пушек. Конница наша пошла в Самурское, а Скобелев — в новый свой лагерь. У нас — один убитый и пятеро ранены.

22-го имущество лагеря было привезено, и целый город вырос из кибиток под стенами Геок-Тепе. Для блокады крепости, к востоку от лагеря, для перехвата Ашхабадской дороги была занята без кровопролития «Правофланговая» (после занятия 21-го кал «Кавалерийской» и «Ольгинской» колонной полковника Куропаткина (две с половиной роты, одна сотня, четыре орудия), бывшей против восточного фаса. Затем Скобелев произвел рекогносцировку «Сада Петрусевича»¹⁾ против северо-восточного угла Геок-Тепе, для чего Куропаткин был подкреплён. Произошел бой. Мы заняли и эту калу; текинцы из калы бежали. Взяв оттуда богатый запас фуража, Куропаткин отошел, отбиваясь от текинцев, с потерей 12 убитых, семи раненых.

22 декабря вечером генералом Скобелевым, генералом Гродековым, полковником Куропаткиным, подполковником Рутковским, инженер-капитаном Яблочковым с несколькими нижними чинами была сделана инженерная рекогносцировка места против юго-восточного угла крепости, выбрана линия первой параллели и анфиладных батарей для южного и восточного фасов.

23-го начались осадные инженерные работы. План этих работ был в числе первых забот Скобелева по приезде в Закаспий. Первым шагом осады он считал «построение плана крепости». Сведения, сообщенные бежавшими из геоктепинского плена Петиним и Мамед-Али-Ат-Мамет-Оглы, а также данные разведки, сильно этому помогли. Скобелев тогда же усилил себя артиллерией (мортирами), готовился также к минной войне и брешированию стен.

Общую идею ускоренной инженерной атаки со стороны гор и Янги-Кала Скобелев наметил уже после 6 июля. Взятие Янги-Кала полевым боем сократило наполовину этот план.

¹ Джулы-Кала.

Атаку решили вести двумя участками по обеим сторонам юго-восточного угла. Начальники участков — полковник Куропаткин и полковник Козелков. Программа осады была составлена 22 декабря на неделю вперед. До конца декабря решено: устроить 1-ю параллель и две анфиладные батареи 23-го; 2-ю параллель — 24-го; 25—26-го — мортирную батарею; 27-го занять контрапроши противника перед восточным фасом («Великокняжеская позиция») и 28—29-го их упрочить, а с 25-го по 29-е продвигать вперед и левое крыло. До конца декабря действия артиллерии решили подсократить для экономии снарядов¹.

Начали работу 23-го 12 рот (1250 человек).

Коннице приказали быть против восточного фронта, «висеть» на путях в Ашхабад и в глубь пустыни и кормиться фуражировками да следить за текинцами, если бы они решили бросить крепость и уйти. Она должна была 23-го, с 9 часов утра, идти с генералом Петрусевичем к камам «Правофланговой» и «Сады Петрусевича». Но шум в крепости ночью заставил Скобелева двинуть ее уже в 4 часа ночи. К 5 часам 30 минутам она была уже у «Правофланговой». А в 6 часов 45 минут утра генерал Петрусевич пошел по направлению к «Саду», полагая, что он, после нашего взятия 22-го, не занят, тогда как он на самом деле был занят крепко (400 человек), особенно его редут (30 человек). Колонна из 150 казаков, встреченная огнем оттуда, спешилась и пошла на штурм, но была отбита, а генерал Петрусевич убит. Из крепости же показались толпы на помощь «Саду». Мы не смогли взять редута. С помощью подошедшей от «Правофланговой» поддержки наша конница отошла к колонне, посланной ей на выручку из лагеря. Выехал и сам Скобелев. У нас потери: 15 убиты, 39 ранены и 20 коней. Противник потерял много больше, человек 300, да на работах 1-й параллели мы потеряли за день семеро убитыми и 11 ранеными да 8 коней.

¹ Их было 20 тысяч; из них Скобелев назначил 12,5 тысячи на Геок-Тепе, а оставшиеся — на Ашхабад, куда полагали, что текинцы перенесут свою борьбу.

Этот бой у «Сада» отвлек текинцев от наших дневных работ на 1-й параллели, в 450—520 саженях от стен, а в частях, прикрывавших работы, — в 450—230 шагах от стен. Только с 10 часов утра текинцы стали стрелять по рабочим, особенно из своих контрапрошей, находившихся против южного их фронта¹.

1-я параллель вышла очень длинной (800 сажен), почему Скобелев и приказал засыпать часть ее на левом фланге в ту же ночь. Наряд на работы определен впредь по 800 человек в день. Оставив в резерве в лагере семь рот, Скобелев дал по 16 рот на каждый из участков осады².

Хотя осада и была краткая, но войска испытывали большие трудности.

Фуражировки и конвоирования транспортов. Почти ежедневно конница (а потом и отряды разных родов войск) ходила к стороне Ашхабада на фуражировки, заходя верст за 15 и ночуя там, а к Самурскому и обратно, тоже верст 25, постоянно двигались наши транспорты. Текинцы выводили из этого заключение, что мы сильны, раз делаем это во время осады. Они же, связанные ею, только предпринимали слабые попытки нам мешать.

С 24 декабря текинцы мало стреляли и показывались из-за стен, отчего и наш огонь был тих³.

Осадные работы. 24 декабря dokonчили 2-ю параллель и укрепили ее батареями и редутами.

25—26-го ночью сделали ход в лагерь и ходы к месту 2-й параллели. 26—27-го заложили 2-ю параллель и бата-

¹ Траншеи в 300 сажен параллельно южному фасу, за ней подкова перед юго-восточным углом крепости и редут («Ледорез») против середины южного фаса.

² К вечеру 23-го на правом участке: траншея длиной 410 сажен; анфилада батареи (№ 1), редуты № 1 и 2 в постройке. А на левом — траншея длиной 250 сажен, анфилада батареи № 2 и еще одна; редут № 3 в постройке.

³ 24-го у нас выпущены 2070 пуль и ни одного снаряда.

реи № 3—6, а днем калы «Кавалерийскую» и «Ольгинскую» привели в оборонительное состояние (с артиллерией). Пехота давала в день по шесть-девять залпов перекидным огнем с прицелами 600—2000. С 24-го по 28-е выпущено всего 387 снарядов. Наши потери — двое убиты, трое ранены.

27—28-го ночью открыли 2-ю параллель с ходами. Днем 28-го — обычная слабая перестрелка.

Первая вылазка текинцев 28 декабря. 28 декабря текинцы на совете решили предпринять вылазку под управлением Тькма-сердаря. В ней участвовали мервцы и несколько женщин. Решено с наступлением темноты скрытно, без выстрела обрушиться на наш правый фланг и на калу «Правофланговую». Несмотря на предупреждения лазутчиков, вылазка оказалась неожиданностью. Доблесть наша сказалась в том, что мы быстро сами перешли в наступление.

Еще смеркалось, когда партия из трех инженерных офицеров под прикрытием 10 нижних чинов, делавшая разбивку одного из зигзагов сообщения к «Великокняжеской позиции» впереди правого фланга осады, увидела густые массы текинцев, вышедшие из рва крепости, услышала топот тысяч бегущих людей. Наши бросились к своим траншеям, крича: «Не стреляйте — это свои». Это еще более ослабило готовность трех рот, занимавших параллели и ожидавших как раз в это время свою смену. Огонь был открыт поздно, суетливо, большей частью перелетал через головы текинцев, которые и обрушились на траншеи, батареи и редуты всего правого фланга. Роты траншейного караула (14, 15 и 16-я 81-го Апшеронского полка) потеряли четырех офицеров и 74 нижних чина убитыми да 28 нижних чина ранеными и знамя (4-го батальона). А всего выбыло у нас по всему фронту осады убитыми — пять офицеров и 91 нижний чин да ранеными — один офицер и 30 нижних чинов, всего убыло из строя 127 человек.

Текинцы овладели восьмью пушками (три мортиры, четыре горных и одно полевое 4-фунтовое), но увезли с собой только одно горное с двумя зарядными ящиками. Они взяли большую часть 2-й и 1-й параллелей правого участка осады,

Схватка за знамя

две батареи (№ 5 и 6) и один редут (№ 2). Остальные части от них отбили с помощью подошедших подкреплений. Прислуга мортирной батареи (№ 5) дралась револьверами и шашками, а взятые четыре мортиры текинцы стащили с батареи в траншею. Из редута № 2 полевое орудие успело дать картечный выстрел, а затем гарнизон вступил в рукопашный бой, причем погибли прислуга горного орудия и все бойцы, защищавшие знамя. Распространение текинцев по 2-й параллели на левый участок осады остановила команда охотни-

ков близ батареи № 3. В тыл бежали остатки двух рот из 2-й параллели. Редут № 4 отбил атаку огнем орудия и пехоты, но отдельные кучки текинцев ворвались в него¹.

Отбилась и батарея № 1. Текинцев остановили наши подкрепления: отряд полковника Куропаткина (восемь рот) от «Ольгинской» калы, три роты майора Халыча из лагеря, команда охотников оттуда же и еще две роты. Текинцев опрокинули и отбили у них орудия, но не все. Текинцы доходили на 4 шага до строя частей, отбивавших их натиск. Перелом боя длился 7—10 минут. От «Правофланговой» текинцы были отбиты. Во время нападения у Скобелева было в лагере совещание. Скобелев с двумя ротами резерва, став впереди лагеря, выжидал, не будет ли атаки в другом месте. Музыка, играть которую приказали для ободрения людей, сильно повлияла на текинцев. Музыка они не выносили, она наводила на них страх, их ишаны в это время произносили молитвы.

Скобелев настоял на выполнении всех работ, положенных на эту ночь, особенно по устройству подступов к «Великокняжеским калам», подлежавшим нашей атаке. Это потребовало большого напряжения сил от отряда. Работы сопровождалось навесным артиллерийским огнем и перекидными залпами пехоты. На другой день Скобелев перенес и лагерь ближе к крепости на полверсты, повторяя: «Вперед! вперед!»

Так произошел самый удачный для текинцев бой в эту войну, в котором они понесли ничтожные потери. Дух их был поднят этим обстоятельством высоко. Они думали, что перебили половину русских. Текинцы стреляли по нас из захваченных у нас же орудий, но они не постигли установки дистанционной части на разрыв: с утра в наш лагерь стали долетать снаряды, не приносившие нам вреда.

Взятие контрапрошей противника. С целью переломить ситуацию в свою пользу Скобелев 29 декабря атаковал и взял

¹ Впереди текинцев к редуту № 1 бежали от редута № 2 наши люди. Они пали от наших же выстрелов потому, что кричали, чтобы их не жалели, чтобы не опоздать с огнем. Это было большое геройство бойцов 14-й роты Апшеронского полка.

контрапроши противника у восточного фаса («Великокняжеские»)¹, в 50—100 саженьях от крепости. Атака была назначена на 2 часа дня, а перед тем полчаса крепость бомбардировали и били по стенам кал. Операцию поручили полковнику Куропаткину. Он двинул шесть рот и одну команду охотников. В 3 часа дня, когда бреши были готовы, началась атака. Первая, «Главная», кала была в 300 шагах от наших траншей. Атакующие были встречены сильным огнем из крепости и прочих двух кал, потому что «Главная» была уже в наших руках. Потом взяли «Охотничью» и «Туркестанскую». Огонь наш не дал противнику массой броситься на выручку своих из ближайших ворот крепости, а вылазки мелких партий были отбиты. В 5 часов мы утвердились в занятых калах. Бой кончился в 18 часов. У нас — 15 убитых и 46 раненых. Этот бой вырвал инициативу из рук текинцев и разочаровал их после опьянения успехом 28 декабря. Калы были прочно заняты нашими десятью ротами, вооружены двумя горными пушками и двумя пулеметами, соединены ходами сообщений (в ту же ночь) друг с другом и с параллелью.

Но мы учили воевать и текинцев. Когда мы проделали бойницы в стенах взятых кал, тогда и они сделали бойницы в своей стене и 30-го сильно обстреливали калы. С угловой башни «Охотничьей» калы видна была большая часть крепости, что позволило вести наблюдение за противником: считать кибитки, убыль животных, бойцов, следить за передвижениями защитников, снимать план внутренней части крепости, наблюдать падение наших снарядов... Сведения добывались обстоятельные и весьма полезные. Так, вечером 30-го оттуда донесли, что, очевидно, готовится ночью новая вылазка: были видны скопления неприятеля во рвах и слышны крики: «Пойдем опять все, пойдем вместе!» Стрельба текинцев усилилась.

Вылазка текинцев 30 декабря. На этот раз пошло на нас 6000 текинцев в сопровождении женщин и детей с меш-

¹ Это были три калы — «Главная», «Охотничья» и «Туркестанская».

ками за добычей. Они были уверены, что русские отступят. Были посланы из крепости и разъезды посмотреть, где будет удобно бросить на нас с тыла конницу, когда мы повернем назад. Удар намечался теперь на наш левый фланг, а на правый фланг (к калам «Правофланговой», «Туркестанской» и «Кавалерийской») и в тыл нам послали мервцев для демонстрации.

В 9 часов 30 минут вечера раздалась пальба у нас на левом фланге, сопровождаемая пронзительным гиканьем текинцев, которые широко охватили нас слева и даже с тылу. Не обошлось у нас без некоторой суматохи, стрельбы по своим... Опять текинцы взяли редут (№ 3) и увезли одно из двух горных орудий, захватив в плен знаменитого бомбардира Агафона Никитина, отказавшегося стрелять из взятого орудия и подвергнутого за это жестоким мучениям и казни. Рота, оборонявшая редут, после долгого горячего боя и потери командира не выдержала и отошла. Но резервы ударили на текинцев и взяли редут и одно орудие назад. Траншеи и калы отбились от текинцев огнем. Артиллерия была по толпам и внутрь крепости до рассвета. Текинцы, ободрившись, пытались повторить атаку, которая тоже не удалась. Противник пал духом. Слышались возгласы: «Пропала наша земля!» Многие стали готовиться к бегству в пустыню. Наши тайные агенты донесли об этом Скобелеву. Но разведка конницы с утра не подтвердила бегства текинцев.

И в этот раз Скобелев настоял, чтобы все ночные работы были кончены к утру. На левом фланге построили полупараллель и огнем из нее 31-го потеснили противника из его контрапрошей («Подкова» и «Траншеи»). Наши понесли потери большей части от холодного оружия, убито 53, ранено 98, всего 151 человек. У многих наших трупов отрезаны и унесены головы. Текинцы потеряли много людей. Они все же надеялись, что русские уйдут, и были ошеломлены переносом нашего лагеря 31-го еще ближе к крепости, в первую параллель. «Русский сердарь, — говорили они, — пристал к нам, как рубашка к телу». Но теперь весь наш отряд был под сильным огнем и до конца осады лагерь нес большие потери, особенно лошадьми.

В. В. Верещагин. Смертельно раненный

Передовые подступы нашей атаки к 1 января в 40 саженьях от крепости справа и в 75 саженьях слева. Скобелеву пришлось торопиться со штурмом. Слух об удачных вылазках текинцев, об отбитии у нас знамени и двух пушек уже мутил Среднюю Азию, особенно иомудов. Пришлось отказаться от настоятельной потребности употребить неделю на усовершенствование наших траншей и редутов.

С 20 по 31 декабря отряд усилился 1000 бойцов и восьмью орудиями, а потерял 455 человек; это были последние ресурсы. Тянуть осаду было невыгодно: каждый день приносил новые потери, а железная дорога была еще далеко не завершена.

Отряд утомился, а слабые духом стали колебаться. Скобелев писал 1 января 1881 г.: «Все мнения, клонящиеся

к отсрочке осады, я отвергаю, и все действия, которые могут отклонить приближение штурма, я не допускаю! Вперед, вперед и вперед! С нами Бог!».

Минные работы и подготовка штурмовых приспособлений. С 31 декабря по 3 января усовершенствовали траншеи и начали закладывать мины от Великокняжеской позиции (в 50 сажен от крепости), работы прекратили вследствие обнаружения почвенных вод. Надо было продвинуть укрепления еще ближе к стене. Для этого и были последовательно построены «Ширванский» (в 25 сажен от стены) и «Саперный» редуты. Первый занят 3-го с потерей у нас двух убитыми и 15 ранеными.

С 4-го стали делать в тылу фашины, туры, штурмовые лестницы.

Третья вылазка 4 января и тщетные сборы к новой. 4-го дали знать с наблюдательного пункта, что вновь готовится вылазка. Мы приняли меры. Приказано отражать атаку, стоя сзади траншей, представлявших препятствие для эскалады текинцев. На эту новую вылазку текинцы возлагали все надежды. Численность их сил составила до 12 тысяч. Они шли на фронт и оба фланга.

Около 7 часов вечера, до восхода луны, ударили текинцы. Удар был по-прежнему стремителен и силен, но и отбит был блестяще. Текинцы прорвались во многих местах, но были переколоты или отбиты. Бой длился с четверть часа. Потеря текинцев была громадной. Текинцы унесли у нас один ракетный станок с ракетой. Побросав свое холодное оружие, многие бежали в крепость и оттуда открыли тотчас огонь по нам. Неприятель собрался было к утру предпринять новую вылазку, но раздумал. Бездна вражеского оружия валялась впереди траншей (пики, шашки, ножи).

Скобелев и теперь настоял на окончании урочных работ. У нас потери: 10 убито, 57 ранено да 11 контужено, а копей — 14.

Теперь текинцы отказываются от вылазок, но и мысли не допускают, что в бою внутри крепости русские могут взять верх. Они страстно желали, чтобы русские пошли на приступ.

Неприятель, судя по интенсивности огня, терял уже горячность действий. Но он продолжал перенимать у нас лучшие приемы, так, часто стрелял уже залпами.

Текинцы ждали штурма ночью. Днем они отсиживались в ямах для защиты от огня артиллерии. Днем выходить из ям без особой нужды им воспрещалось. Бойцов было до 10 тысяч, половина из них — с ружьями. Днем за гребнем стены — одни часовые, вооруженные берданками. Они дают по нам залпы перед закатом. На ночь много текинцев перебирается в наружный ров для обеспечения защиты крепости от нападения. Это сообщил перс, бежавший из плена.

5-го вечером текинцы пытались предпринять вылазку. Это породило у нас некоторую нервозность и кое-где беспорядочную стрельбу. Но текинцы не пошли, ограничившись сборами, шумом и пререканиями. Прожекторы (лампы Шпаковского) и боевые ракеты много повлияли на отклонение текинцев от вылазки.

В тот же день сотник Уральского казачьего войска Кунаковский с двумя нижними чинами под выстрелами сделал дважды промер от Ширванского редута до рва и измерил ров под прицельным, близким огнем противника, найдя «от овальной траншеи 29 сажен и шесть вершков до рва, семь аршин по рву, при глубине в два аршина и сухом дне». 6-го сапы наши подошли ко рву, соединились, образовав саперный редут (7 и 8 января). Ров очистили от текинцев, бросая динамитные патроны. Начали минный спуск.

6-го, с утра, текинцы «толкались во рвах», и мы ждали вылазки, особенно с 18 до 22 часов, когда бушевал ужасный ураган с облаками пыли, затмившими все на близком расстоянии. Но вылазка не состоялась и тогда. Мортирную батарею перенесли вперед, к «Охотничьей» кале. Это заставило текинцев убрать кибитки с середины крепости под самые стены (числом до 500 штук). Но даже у восточной стены падали наши бомбы, произведшие 7-го, в 2 часа ночи, большой переполох.

Скобелев предложил текинцам убрать трупы, сильно нам досаждавшие запахом. Но кто бы мог подумать, что противник будет столь внимателен: едва с башни «Охотничьей»

Александр II, российский император
(в последние годы жизни)

Александр III, российский император
(при вступлении на престол)

калы подполковник Иомудский в 1 час дня крикнул: «Прекратить огонь!» — текинцы послушались. У нас пробили отбой. Текинцы усеяли все стены. Скобелев был в 3-й параллели, близ юго-восточного угла крепости. Близ «подковы», у конца 3-й параллели, сошлись переговорщики обеих сторон. От текинцев спустился Хаджи-Мурат. Скобелев поднялся на бруствер. Оказалось, ханы якобы в пустыне и без них нельзя вести переговоры. На уборку тел текинцы не согласились, боясь западни. Им предложили сдаться или отослать семьи. Они отвечали, что семьи хорошо укрыты, а сдача зависит, мол, от Хивы. Совет же, собравшийся обсудить вопрос о сдаче, был разогнан молодежью; перемирие объявлено окончившимся, и около 14 часов текинцы первыми возобновили огонь.

7 января инженеры наметили окончание закладки мины на 9-е число. Скобелев обещал 3000 рублей минерам, если они окончат к 10-му числу. Тогда артиллерийскую брешь начали пробивать 8-го в другой стороне атакованного угла крепости, а штурм наметили на 10-е, на 7 часов; составили и диспозицию. У Скобелева была сначала мысль несколько ночей утомлять текинцев шумом, музыкой, барабанным боем. Слух о мине проник в крепость. Но ему не придали значения и не видели опасности, не понимая того, что может произойти. Ханы наивно объяснили, что если русские роют проход в крепость, то они будут по одиночке изрублены, когда полезут через него.

8-го началось бреширование пушками. Через два часа был обвал в 10 сажен и открылись верхи кибиток. Текинцы самоотверженно заделали брешь к утру 9-го с большими потерями, а впереди брещи за ночь в наружном рву переместилась большая толпа текинцев. И наша команда с пироксилином поэтому не дошла до брещи. Для штурмовых колонн строились у нас плацдармы. Но слабость вентилятора и более точное измерение отсрочили окончание закладки мины до 12-го числа.

Текинцы на ночь сгущали свои силы против атакованных частей стены и у «Мельничной» калы, чтобы бить с запада во фланг атаке брещи. С пробитием брещи они перестали на

ночь спускаться в наружный ров. Это позволило нам 11-го вечером послать вновь партии в ров для подрыва стен около бреши пироксилином. Подслушивание крепостных разговоров дало Скобелеву основание полагать, что дух текинцев уже подорван, и штурм стал легче.

В полночь и минная галерея прошла под серединой рва в 2 сажнях ниже горизонта. К утру были готовы три боевых рукава. Их стали заряжать 72 пудами пороха в ночь на 12-е. В это время Скобелев отдал распоряжение о штурме (диспозиция) 12 января.

11-го — слабая перестрелка, по нашему лагерю неприятелем пущено несколько ядер. С 5-го по 11-е у нас потери: 13 убито, 62 ранено, семь контужено, коней выведено из строя 73. 11-го в 7 часов был отслужен у нас молебен перед штурмом.

Диспозиция гласила: штурм тремя колоннами под командованием Куропаткина (11,5 роты, одна команда и два хора музыки), полковника Козелкова (8,25 роты, одна команда и хор музыки) и Гайдарова (4,5 роты, 1,5 сотни, две команды и хор музыки). Резерв Скобелева — 21 рота и хор музыки.

Сбор в 3 часа. Атака с 7 часов в таком порядке: 1) бреширование; 2) бомбардировка; 3) атака «Мельничной» калы Гайдаровым; 4) мина; 5) получасовая бомбардировка по югу крепости; 6) штурм обвалов и артиллерийский огонь по северу крепости через головы штурмующих.

Взятие Геок-Тепе 12 января 1881 г.

Скобелев думал в первый день штурма утвердиться только в южном углу крепости, ожидая колоссального сопротивления. В 7 часов Гайдаров стал наступать на «Мельничную», разбивать артиллерией ее стены, отвлекая, согласно диспозиции, туда внимание текинцев. В 8 часов 30 минут он берет калу штурмом. Все текинские начальники встали на стене против Гайдарова, хотя текинцы были бдительны и на прочих пунктах. В 7 часов артиллерия стала «совершенствовать» свою брешь, что и сделала вопреки всем усилиям текинцев починить ее под шрапнелью.

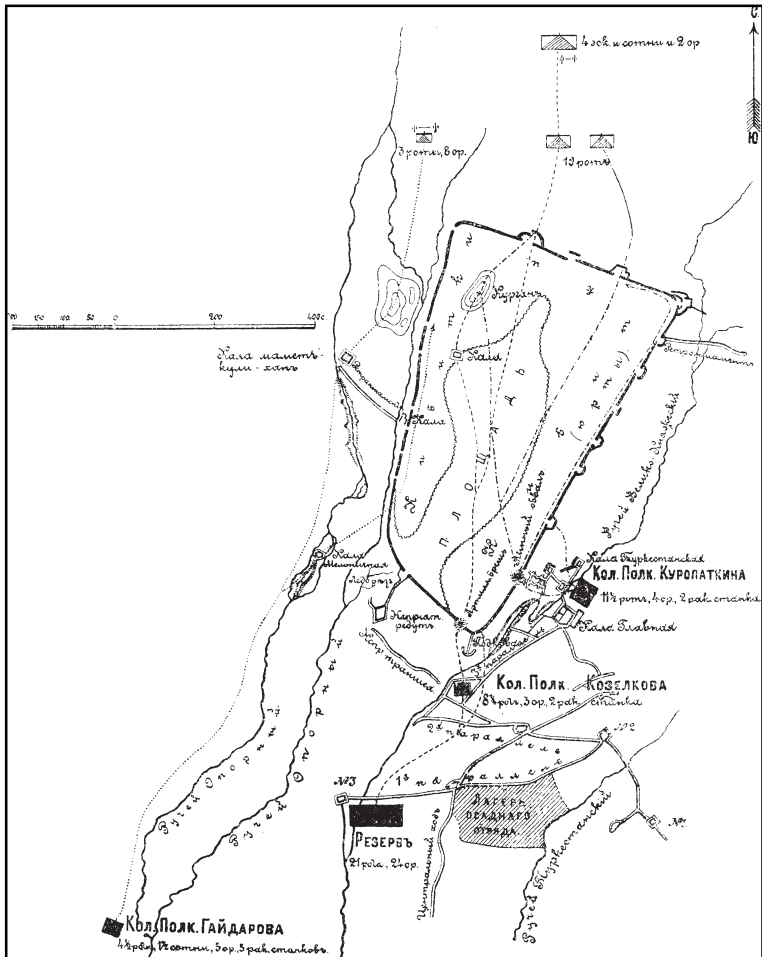
В 10 часов поступило приказание Скобелева «взорвать мину в 11 часов 20 минут, а артиллерии обстрелять юго-восточный угол крепости». Так и случилось: минута в минуту поднялся высоко столб земли и дыма, и образовался удобный обвал в 15 сажен длиной.

Впечатление от взрыва мины для неприятеля было ужасное. Текинцы, говорят, потеряли рассудок и не могли сообразить, что произошло; думали — землетрясение; трѹсы бежали из крепости, а масса храбрецов все-таки овладела собой для боя. После мины обрушилась на крепость артиллерия. Потом — штурм.

В 8 часов колонна Куропаткина, разделенная на три части: 1) для взятия минного обвала и стен вправо и влево; 2) для движения внутрь крепости и 3) для помощи огнем и в качестве резерва первым двум — заняла свои места.

Большие глыбы глины при взрыве обсыпали передовые колонны и засыпали отчасти команду охотников. Не успел рассеяться дым, как первая часть сил Куропаткина бросилась к обвалу. Текинцы, быстро оправившиеся, встретили ее на обвале и на стенах огнем и врукопашную. Но они были сбиты и отошли в кибитки и землянки. Труднее вышел бой за входы на правую и левую стены от обвала.

Заняв здесь стены, мы стали бить по толпам, бежавшим сюда на поддержку передовым текинцам. Саперы в это время «венчали» обвал турами, туда втащили горные пушки и пулеметы. Часть сил полковника Куропаткина сошла внутрь крепости, а на левой стене он вошел уже в связь с Козелковым. Груды тел противника свидетельствовали о его упорстве. Куропаткин продвигался уже к среднему проходу внутри крепости, бой шел за кибитки и землянки. Текинцы отходили к холму Денгиль-Тепе и к северным воротам, так что становилось очевидным, что крепость можно взять в один этот день. Колонны полковника Куропаткина пошли к цитадели — Денгиль-Тепе. У западной стены были отбиты наши два пленных орудия, и в северо-восточном углу стены взято орудие текинцев; там же нашли и знамя 4-го батальона апшеронцев с четырьмя текинскими значками. Уже часть сил Куропаткиа перешла в преследование

Штурм крепости Дентиль-Тепе 12 января 1881 г.

за северную стену, вместе с конницей, присланной к нему Скобелевым.

Средняя колонна застряла на артиллерийской брешши. Одновременно со взрывом Козелков пошел на брешь, где его встретили сильным огнем, камнями. Голова колонны залегла на обвале в перестрелке в упор с противником. Это имело вид колебания и нерешительности. Скобелев, видевший все, послал подкрепление из своего резерва. На это ушло некоторое время. После этого дружным натиском брешь была взята. Рядом с брешью стены эскадрировались по лестницам. Обвал укрепили; стали освобождать стены в обе стороны от текинцев, входя в связь с Куропаткиным и Гайдаровым; спуститься внутрь крепости Козелков запоздал, и только небольшая часть его сил приняла участие в схватке у Денгиль-Тепе; в преследование же пошел целый батальон. Гайдаров после взрыва тоже наступал частично вдоль фаса, частично штурмуя стену с лестницами, а конница старалась охватить текинцев с севера.

Тыкма-сердарь ни уговорами, ни угрозами, ни побоями не мог остановить бегства своих бойцов и был увлечен ими.

Во втором часу дня Скобелев двинул свою конницу из резерва в преследование и лично провел ее через крепость.

Две большие группы текинцев отходили в пески. За ними и помчался Скобелев. До 15 верст шла погоня и рубка. Пехота прошла верст десять. Ночь и рассеяние противника заставили наши войска вернуться в лагерь, ведя обратно в крепость захваченные семьи текинцев.

Мы потеряли убитыми 54 и ранеными 254, контуженными 90, коней 71, а всего 398 человек (Гайдаров — 25, Козелков — 166, Куропаткин — 131 и резерв до 76 человек). Потери текинцев — 6—8 тысяч. Картина потерь текинцев за время осады была ужасна. Последнее время трупы не успевали хоронить или даже стаскивать в кучи.

Всю ночь патрули и разъезды действовали в крепости против затаившихся текинцев. Лагерь наш сперва был сохранен на прежнем месте в целях санитарии. Войска вернулись в него ночевать, оставив в крепости 10 рот.

На холме Денгиль-Тепе был поднят большой императорский штандарт. Государь произвел Скобелева в полные ге-

нералы, дал Георгия 2-й степени. Апшеронцам царь вновь пожаловал отбитое у текинцев плененное их знамя.

До конца января в тылу у нас было спокойно. Потери войска были значительные, и в конце января последовало усиление закаспийцев с Кавказа. Телеграф дошел до Бами, а строительство железной дороги было приостановлено за недостатком шпал.

Денгиль-Тепе мы приспособили к обороне. До 600 персиян-рабов были освобождены от оков и отпущены на волю. Женщин и детей оказалось до 5 тысяч, кибиток — до 12 тысяч. Имущество текинцев в крепости превосходило 6 млн рублей.

13-го внутри крепости отслужили молебен за победу и панихиду по воинам, погибшим в обоих штурмах. Затем Скобелев принял меры, чтобы огородить семьи текинцев от лишений, как уже они были защищены с вечера 12-го от насилий. С 17 января доступ солдатам в крепость был запрещен; у входов — караулы и часовые — на стенах. Минный обвал заделали. В северо-западном углу соорудили редуты. Крепость старались дезинфекцировать.

Спустя четыре дня после боя одиночные текинцы стали возвращаться к семьям и для переговоров. От них стали собирать сведения о том, где сгруппировались пешие и конные текинцы. С ними же Скобелев послал прокламации¹, обещая сдавшимся жизнь и миролюбивое отношение и зовя старшин в Ашхабад, куда он сам 17-го направлялся с 15,5 ротами, шестью эскадронами и сотнями, 12 орудиями, двумя ракетными станками с полковником Куропаткиным. Ашхабад, оставленный жителями, был занят 18 января без боя.

18-го Скобелев получил письмо текинских старшин с выражением покорности. Он послал отряд Куропаткина (семь с четвертью рот, пять эскадронов и сотен, четыре орудия, два ракетных станка и один гелиограф из Ашхабада и четыре роты, две сотни, два орудия и два ракетных станка из Геок-Тепе (21-го) на Изгент, где ждали совей участи тысячи текинцев. Явившихся важных лиц Скобелев награждал меда-

¹ На колодцы Илек-салеш.

лями и халатами. Текинцы возвращались. 22 января более 1000 их пришли в Геок-Тепе.

Скобелев требовал умиротворения края к концу февраля. Он проявил большую энергию и предусмотрительность при организации нашего управления у ахалтекинцев. Он имел в виду «эксплуатировать для нужд армии отличные боевые качества текинцев». «Текинцы такие молодцы, — утверждал он, — что несколько сотен такой кавалерии сводить под Вену — неплохое дело»¹.

7 февраля туркестанский отряд вышел по направлению к Петроалександровску, рассчитывая быть там к середине марта. За экспедицию он потерял всего 35 человек убитыми, 81 ранеными. Обратный отряд прошел 662 версты от Бами до Петроалександровска, сделав 22 перехода с семью дневками. Тотчас по прибытии его расформировали². В нем развился тиф, занесенный из Ахал-Теке. Туркестанцы гордились сказанными о них словами Скобелева: «В трудный день 12 января горсть удалых туркестанских войск вновь вписала славную страницу на скрижали наших среднеазиатских войн».

Влияние на Среднюю Азию нашей победы и последующих действий

Шах поздравил Россию с победой, отметил ее положительное влияние на воцарение спокойствия Персии и указал на необходимость такой же расправы и с разбойничеством в Мерве. Являлась возможность разграничиться с Персией в пределах Ахалтекинского оазиса. Пограничные персидские правители спешили поздравить и одарить Скобелева. Хоросан избавился от военных тревог. Туркмен, искавших там укрытия, выселяли обратно.

Даже в Индии имя Скобелева стало быстро популярным и соединилось с легендарным «Нана-саибом».

¹ 21 января 1881 г. № 761 (Журопаткину).

² Он вышел из Туркестана 12 ноября 1880 г. и вернулся 1 марта 1881 г., т. е. четыре месяца похода, 22 дня стоянки под Геок-Тепе и до 2000 верст пройдено.

21 января туркмены, салоры и сарыки, всего 14 тысяч дымов, базирующиеся в районе рек Теджена и Мургаба, прислали послов (Ишан-Караул-Беги) и грамоту о желании вступить в наше подданство. Они объявили, что отказали Мерву в огнестрельном оружии против русских, и добавили: «Так как вы будете воевать и с Афганистаном и вам придется проходить через наши земли, то мы желаем принять подданство белого царя, чтобы наше имущество, жены и дети были под его высоким покровительством».

Позже из-за этих племен мы столкнулись с англо-афганцами на р. Кушке 18 марта 1885 г.

Мы узнали также, что английские агенты советовали Мерву торопиться с принятием персидского подданства, дабы не подвергнуться участи Ахалтеке. Но мервские депутаты, пораженные судьбой Геок-Тепе, только восклицали: «Во избежание такого кровопролития Мерву остается только идти с повинной к Скобелеву!...»

Ввиду нашей победы в Азии и того, что неудача 1879 г. имела неблагоприятное для нас значение даже по делам с Китаем, Министерство иностранных дел телеграфировало о ней всем нашим представителям в азиатских государствах, не исключая консулов. Курс наших денег поднялся.

Занятие Ашхабадского оазиса. Узнав, что часть вооруженных текинцев еще группируется в восточном конце оазиса, на р. Теджен, на рубеже мервских владений, Скобелев собрался идти туда¹ с частью своих войск (восемь рот, восемь сотен, восемь орудий, с запасом продовольствия на 15 дней, воды — на два дня и с 1500 верблюдами). Но падеж и усталость верблюдов были так велики, что уже 24 января нельзя было собрать транспорт даже для половины предназначенных в поход войск (750 верблюдов). К тому же Скобелев получил от военного министра указание: «Не допускать ни

¹ В прокламации к текинцам он говорил: «Есть еще слабые люди, которые слушают разных проходимцев и не селятся в Атеке». (Атек — восточная треть ахалтекинского оазиса, которую Персия считала своей провинцией. В Атеке было два-три селения персов.)

под каким предлогом движения войск к востоку, за пределы Текинского оазиса». В то же время из Тифлиса был послан к Скобелеву начальник штаба Кавказского округа генерал Павлов выяснить, «не вынуждает ли нас что-либо к чрезвычайным мерам в отношении к Мерву».

28 января Скобелев поехал из Ашхабада в Бами для переговоров с генералом Павловым, расхворавшимся по дороге. Тем временем ашхабадский отряд обязан был вести разведки к востоку, в Атек (до Изгента, Келтачинара и Гяураса), небольшим войсковыми частями и посылать лазутчиков.

На Теджете было до 2000 кибиток упорствовавших ахалтекинцев и до 3000 мервцев во главе с Тыкма-сердарем, который обещал зарезать всякого, кто двинется с повинной к Скобелеву. Шайки от этого скопища стали «шалить» на дороге к Ашхабаду. Прошла молва, что им на поддержку идет 13 тысяч мервцев (половина пеших, половина конных).

Тогда Скобелев стянул к Ашхабаду свою кавалерию с «медной» артиллерией, отменил свой объезд тыла и вернулся в Ашхабад (14 февраля был уже там). А 15-го Скобелев пошел с конницей на восток, в Атек, чтобы дойти до р. Теджен, до конца земель ахалтекинцев, и разогнать текинское скопище. С ним было пять эскадронов и сотен, четыре пушки и на пять дней довольствия. Ни обоза, ни лагеря он не брал; Ашхабад приказал укреплять. 16-го он был уже в 60 с лишнем верстах от Ашхабада (в 38 верстах от Гаурга), а 17-го пришел в Люфтабад, пройдя еще 30 верст. Там его встретили с восторгом и туркмены, и персы со своим ближайшим к этому месту правителем Сейд-Алиханом. Последний шепнул Скобелеву, что и «англичане просят дать им доступ в Атек».

На самом деле английские агенты уже работали в Мерве, в частности О'Донаван, а Абас-хан писал туда зажигательные письма из Мешада. Оба старались подбить Мерв поддержать ахалтекинцев на Теджене, уверяя, что английские войска уже вступают в Герат (в нескольких сотнях верст от низовьев Теджена).

Но вступление русских в Атек¹ смешало все карты. Сперва мервцы бросились строить крепость (работало 4000 человек; в Мерве было 32 персидских орудия, оставшихся там после 1861 г., хотели взять на службу людей Тыкма-сердаря для охраны Мерва... Потом стали брать верх желание мира с русскими и недоверие к англичанам, а предложение Тыкма-сердаря было отвергнуто под предлогом, что с ним бежали только трусы, а «все храбрые погибли под Геок-Тепе». Они стали завязывать переговоры и с нами.

Движение к Теджену сотни казаков с топографом повлияло и на Тыкма-сердаря. Он завел и стороной, и прямо переговоры. И Махмуд-кули-хан собирался вернуться из Мерва с бежавшими туда ахальцами.

Мерву Скобелев пригрозил: «Если будут аламанить... я их найду, если царь прикажет». Каджар, хан Мервский, отвечал, что желает мира, а также просил денег для борьбы с партией, противной нам. Тыкма-сердарю обещали удовлетворить его просьбу и не покушаться на его лошадей и оружие. В ответ и он обещал вернуть Скобелеву его коня, захваченного текинцами в один из их набегов на наш тыл.

Видя, что дела наладились, с полным покорением Ахалтеке, Скобелев нанес визит (с 20 февраля по 6 марта) в Геок-Тепе, где был устроен ему пышный прием персидского наместника Хоросана, Шуджауд-доуле.

В это время мы старались успокоить Мерв со стороны Туркестана, Бухары, Хивы и из Ашхабада, заверяя, что «обычай наш таков — не проливать крови там, где могут действовать разумные слова и добрые увещания».

Тыкма-сердарь сдался Скобелеву 27 марта, явившись в Ашхабад; он присягнул государю и получил назад свою саблю, а Скобелеву вернул коня по кличке Шейново.

Тогда Скобелев объявил Туркменскую войну оконченной, о чем и донес. Действительно, слова Тыкма-сердаря дышали справедливой гордостью: «Пусть будет известно,

¹ Замечательно, как прочно организовал Скобелев связь с прочими своими войсками с помощью постов из конных вооруженных туркмен, на хороших конях, в 20—10—5 человек на посту.

что кроме меня, никто из текинцев не может сделать русским вреда».

Его, по собственному желанию, послали к царю с верно-подданнической депутацией от ахалтекинцев.

С окончанием войны начался спор у нас — присоединять ли оазис к империи как ее область или же дать текинцам автономию по бухарско-хивинскому образцу. За автономию был министр иностранных дел, за полное подчинение — Скобелев, Зиновьев... и государь.

Взял верх довод: «Текинцы не составляют государства, подобно Бухаре и Хиве». К этому прибавился и другой: «Только прочное занятие нами Ахалтеке смирит Мерв». Доказательством послужил факт: едва наши войска покинули Люфтабад и Атек, как мервцы, сочтя это нашим ослаблением в Ахалтеке, начали грабежи. Пришлось в Атек послать сотню из 160 отборных туркменских воинов для кордонной стражи по мервской границе, у низовьев р. Теджен. Скобелев тогда же донес, что мервский вопрос неразделен и неразрывает с ахалтекинским.

К доводам политическим и «ближним» боевым присоединились и другие «дальние воинские взгляды», «пока на пути нашем будет существовать независимо текинское население (о чем так хлопочет Англия), никакая диверсия против Англии не может иметь успеха в Средней Азии... А ведь не следует забывать, что одной из причин, побудивших нас к движению на восток от Каспия, послужила признанная нами необходимость произвести впечатление на Англию и помешать направленным против нас замыслам ее в Средней Азии... Связанный надежными путями сообщения с базой на Каспийском море, передовой пост наш на северо-восточной окраине Хоросана, без сомнения, заставит англичан быть сдержаннее в их честолюбивых замыслах, так как для нас будут открыты все пути на восток и юго-восток...»

Участь Ахалтеке была решена — оно стало нашим. Скобелеву было поручено наметить здесь границу нашу с Персией¹.

¹ Конвенция о границе была подписана после отъезда и смерти Скобелева 9 декабря 1881 г.

Мы получили 28 тысяч кв. верст земли, до 50 тысяч подданных, могущих дать до 10 тысяч отличной кавалерии.

Весь отторгнутый нами за Каспием Туркменский край обратился из «отдела» в «область» (6 мая 1881 г.), но все еще в составе Кавказского военного округа.

Войска области были сокращены наполовину, и полевые управления начали закрывать. Ашхабад стал центром области, и до него дотянулся телеграф. Скобелев насаждал наше управление в области, а правительство помогало деньгами населению при восстановлении искусственного орошения области, мельниц и т. д. Подводились итоги экспедиции. Скобелев выразился так: «Русская держава, слава Богу, вносит с собой в Азию мир, начала равноправности и имущественной свободы...»¹

Отъезд Скобелева с театра бывшей экспедиции. 28 марта Скобелев сдал весь край с войсками генералу Рербергу, новому начальнику области, и занялся до 12 апреля объездом персидской границы новых наших владений. 13 апреля из Геок-Тепе, через Бами и Красноводск (пробыл два дня), он отбыл в Петербург на пароходе «Чикишляр», пробыв в Туркмении «1 год без трех дней»².

В приказе от 16 мая Скобелев скромно приписал успех экспедиции «терпению и мужеству войск и неутомимому усердию и чувству долга всех чинов, служащих в крае». Он указал на справедливость этой экспедиции августейшим главнокомандующим как «одно из самых трудных, когда-либо нами предпринятых».

Особенно лестно отзывался Скобелев о работе Гродекова, необычайно быстро, дешево и прочно устроившего боковую продовольственную базу в Персии с «крайне смелым» выдвижением ее головного магазина «к самому Геок-Тепе», в с. Гярмаб. Это дало нам возможность кормиться после взятия Геок-Тепе и расстройств наших верблюжьих перевозок. Скобелев выразился так: «Не будет преувеличением, пола-

¹ Письмо к Зиновьеву от 11 сентября 1880 г. № 5053.

² С 1 мая 1880 г. по 27 апреля 1881 г.

гаю, отдать справедливость: персидская операция есть самая блестящая из всей ахалтекинской экспедиции, хотя лица, занимавшиеся ею, никогда коммерцией не занимались».

Он отдал должное и работе «тыла» экспедиции: «Неимоверные трудности тыловой службы в стране, еще непокоренной, при климатических и продовольственных условиях столь неблагоприятных, заставляют меня, по долгу службы, благодарно упомянуть о всех служивших в тылу, коим не удалось счастье непосредственно сразиться с неприятелем».

Про содействие посла нашего в Персии, действительно статского советника И. А. Зиновьева, Скобелев всегда вспоминал с большой признательностью: «Его указаниям и содействию мы в значительной степени обязаны успехом экспедиции. Без этого я, может быть, на многое не решился бы (закладка боковой вспомогательной базы в Персии)».

Скобелев исполнил, как обещал в своем плане, завоевание ахалтекинцев без лишних расходов людских ресурсов, денег и времени. Денег израсходовали 13 545 341 руб., не считая железной дороги, которую Скобелев считал нужной не для экспедиции, а для эксплуатации ее результатов. Дорога была окончена через 6,5 месяца после конца войны и обошлась в 7 580 715 руб.

Шумный успех наш под Геок-Тепе и действия, признанные образцовыми на всех стадиях этой экспедиции как отечественными, так и зарубежными военными авторитетами, прославили Скобелева как «талантливейшего из современных ему генералов Европы». Популярность же Скобелева в России еще более возросла. Государь наградил Скобелева чином полного генерала (генерал от инфантерии) и Георгием 2-й степени.

В первую же годовщину взятия Геок-Тепе (12 января 1882 г.) на банкете среди офицеров Скобелев сказал свою знаменитую речь, направленную против Германии и Австрии, «давивших в это время славян». Он выразился еще более резко, выступая перед сербскими студентами в Париже. Все ждали опалы Скобелева. Но после бесед с государем Скобелев приобрел у Александра III «еще большее расположение и доверие».

Ненависть немцев против Скобелева возросла неимоверно, что видно из немецкой печати того времени. Так это или нет, но внезапную смерть Скобелева (26 июня 1882 г.) многие расценили как нечто таинственное, граничащее с политическим убийством.

Знаменитейший русский военный ученый Г. А. Леер сказал про Скобелева, что «ахалтекинская экспедиция определила его как полководца».

Состояние войск, их тактика и вооружение во время экспедиции. Если сравнить состояние наших войск, тактику и вооружение в период скобелевской экспедиции с такими же показателями у противников, то, конечно, мы превосходили их во всем весьма значительно. Это и давало возможность одерживать победы в Средней Азии со сравнительно небольшим числом войск. Вообще же войска экспедиции состояли из трех частей: 1) войска, жившие за Каспием, 2) войска, временно двинутые с Кавказа, и 3) войска, приходившие из Туркестана. Туркестанские и Кавказские войска были превосходными во всех отношениях. Закаспийцы были слабее в стрельбе и выправке, но только потому, что трудность жизни в диком неустроенном крае не давала возможности наладить должным образом их воинскую подготовку. Болезни и поражение в 1879 г. «расшатали» устои закаспийцев. Но Скобелев благодаря своему военному таланту быстро поднял дух закаспийцев на должную высоту.

Снабжены были войска во время экспедиции всем с избытком. Вели себя примерно. Но с климатом Закаспия они ладили с трудом, и на 12 тысяч человек насчитывалось 29 тысяч заболеваний, несмотря на то что «самым энергичным санитаром в экспедиции был сам Скобелев, вечно являвшийся всюду, лично все видевший, все знавший, всех будивший и первой заботой всех и каждого ставивший сбережение солдатского здоровья и жизни»¹. Одна из причин высокого уровня заболеваемости заключалась в том, что тяготы экспедиции превышали солдатские силы, но это условие, неизбеж-

¹ Из санитарного отчета экспедиции.

ное в таких экспедициях, где приходится балансировать между слишком малым и слишком большим числом участников, одинаково гибельным для дела.

По свидетельству самого Скобелева, отряд с честью выдержал доставшиеся на его долю трудности: «Я вспоминаю с чувством беспредельного уважения о своих дорогих сослуживцах в Закаспийском крае...

Возложенная на нас в Бозе почившем государем императором экспедиция, которую августейший главнокомандующий Кавказской армией назвал одною из самых трудных, когда-либо нами предпринятых, доведена до конца благодаря терпению и мужеству... войск и неутомимому усердию и чувству долга всех вообще служивших в крае как военных, так и гражданских чинов».

Что касается вооружения экспедиции, то ружье-берданка по простоте и безотказности действия показало себя с отличной стороны. Но для патронов в Средней Азии требовался более тугоплавкий просальник, в чем мы легко убедились, имея во время экспедиции те и другие патроны. Пулеметы того времени, морские картечники при всех их тогдашних несовершенствах в условиях Средней Азии были оружием необходимым. Наши ракеты хотя и капризничали постоянно, наводили в текинских рядах всегда панику. Выявилась необходимость замены всех деревянных частей орудия металлическими, а равно и повозок, ибо в среднеазиатском континентальном климате с его сухью и резкими переменами температуры деревянные лафеты, короба и остовы лафетов, передков и ящиков пушек и повозок просто рассыпались.

Применительно к холодному оружию для Средней Азии более приемлемы формы текинских сабель, боевых ножей и кинжалов.

Наш артиллерийский огонь был так силен, что туземцы говорили: «Русский солдат плюет огнем!»

Наша тактика долгой борьбы нашей в Средней Азии со степняками и основанная на недавнем боевом опыте полностью себя оправдала. То же касается и системы горных и степных опорных пунктов, этапов, блокгаузов с их своеобраз-

ной тактикой, столь подробно развитой Скобелевым. В бою пехота наша действовала перебежками — способом, апробированным в Турецкую войну под Шейновом. А крепости брали общими для любой «крепостной» войны приемами.

Наша продовольственная тактика базировалась на использовании местных средств, и даже во время осады фураж собирали на месте.

Наше тогдашнее положение в Средней Азии. Текинцы были покорены, и граница наша с Персией была прочно намечена, причем только часть иомудов оставалась проживать одновременно в обоих государствах: летом — у нас, а зимой — в Персии, за Атреком. Но без содействия нашего комиссара персы никогда не могли заставить подчиниться этих «двоedanников».

На востоке наши владения протянулись до реки Теджен, теряющейся в песках у пределов хивинских. Далее, на восток, простирались остатки Свободной Туркмении: текинский Мерв со своими вассалами — Серахсом (солоры) и Пенде, с Иолатанью (сарыки). Это был остаток клина, разделявшего наш Туркестан от нашего Закаспия, которым мы были вправе овладеть вплоть до границ Афганистана, представлявшего собой своего рода буфер¹ между нами и Англией в Индии.

Территория Свободной Туркмении и составила предмет нашего соперничества с Англией, а предлогом являлась якобы неопределенность афганской границы между реками Тедженом и Амударьей. Мы имели неосторожность признать ее где-то близ линии Серахс (на Теджене) — Ходжа-салех (на Амударье). Еще было условлено, что она должна идти так, как шла при афганском эмире Шир-Али. Эта линия, как оказалось потом, пролегла верст на 150—200 к югу и отсекала половину мервских владений, а земля солоров — по Среднему Теджену. Англичане поручились, что эмир не бу-

¹ По соглашению с Англией (1869 г.) было решено не допускать непосредственного соприкосновения наших и британских владений в Средней Азии и предусматривалось их разделение посредством вассальных или независимых от обоих государств территорий.

дет здесь расширять границы за счет степей Свободной Туркмении. За это обещание мы уступили Афганистану свое право на Бадахшан и Вахан, наследие наше от Бухары и Коканда¹.

После покорения ахалтекинцев мы приступили к осуществлению своего права «объединить и умиротворить под своим влиянием всю остальную Свободную Туркмению». И когда в сентябре 1881 г. Мерв с вассалами — сарыками и солорами — прислал к нам депутацию с выражением желания вассальных к России отношений, то мы им объявили: «Кроме русских посланцев, не допускать в свои земли агентов других правительств». Мерв тогда же подписал соглашение с нами и перестал было разбойничать, держать рабов и привечать чужих эмиссаров (1881—1882 г.).

Но скоро (1883 г.) он не только приютил у себя тайного английского агента (под видом дервиша «сия-пуша» или черноризца), но и поддался его дурному влиянию. Мерв стал поступать наперекор нам и посылать свои шайки в Персию через восточный край Ахалтекинского оазиса (Атек), из которого мы отвели свои войска. Теперь пришлось нам посылать туда сторожевой отряд, а потом и навсегда оставить его на р. Теджене, а в Мерв послать для увещевания подполковника Алиханова², ставшего после присоединения остальной Туркмении первым ее правителем и прославившегося в бою за нее на полях «Кушки», у Таш-Кепри, 18 марта 1883 г. Мерв раскаялся и прислал депутацию просить подданства. Мы согласились, но с оговоркой, что берем его пока без вассалов (сарыки и солоры) до выяснения их рубежа с Афганистаном³.

Эта оговорка, продиктованная нашим колебанием, и дала англо-афганцам надежду, что мы уступим им этот отрезок.

¹ Соглашение от 19 (31) января 1873 г.

² Алиханов, человек больших военных и административных способностей, был в молодости разжалован за дуэль в рядовые, но быстро выслужился в наградном порядке за отличие. Он погиб от бомбы во время революции, в 1907 г., в Александрополе.

³ Принятие в подданство Мерва объявлено 1 февраля 1884 г.

«Сия-пуш» устроил так, что сарыки из Пенде стали арендовать у эмира горные пастбища. Довольно было и такой тени зависимости, чтобы Афганистан, подталкиваемый Англией, двинул посты свои к сарыкам и солорам. В то же время после щедрой уступки нами афганцам юга Памира (Вахан) эмир в 1883 г. захватил и запад Памира (Шугнан и Рошан). Наше положение было сильно скомпрометировано в Средней Азии: нас не слушался Мерв, эмир посягал на наши пределы, и Англия, не исполняя своих обязательств, явно поощряла среднеазиатцев к третированию нас да еще старалась ввязаться в наше разграничение с Персией. Впрочем, относительно разграничения с Персией мы отвечали твердо, что это наше домашнее дело. Мы требовали также удаления афганцев из Южной Туркмении, из Шугнана и Рошана, пригрозив силой, но и соглашаясь на полюбовное установление границ с Афганистаном при посредстве Англии.

Характеристики главнейших деятелей экспедиции

Эта экспедиция явилась результатом усилий многих лиц, начиная с государя, который: 1) решил бесповоротно покорить текинцев; 2) лично избрал Скобелева; 3) дал ему широкие полномочия и 4) не переставал ободрять его в трудных случаях. Много сделал для экспедиции и главнокомандующий Кавказской армии, великий князь Михаил Николаевич. Но центральной фигурой события был, бесспорно, генерал Скобелев

Ко времени начала экспедиции он уже был кумиром армии, победоносным предводителем туркестанских и балканских боев. При назначении его главой экспедиции поднимался вопрос — не слишком ли он крупная величина для такого дела. Но сам Скобелев, подобно Суворову, почитал за честь всякое боевое поручение. Это был, как полагают многие, лучший в то время в мире генерал, кандидат в великие полководцы.

Не мудрено, что он стал душой этой экспедиции, успевая работать и в роли полководца, и в роли каждого из промежу-

точных начальников, и среди рядовых героев. Он был всегда и везде впереди войск, и суеверные азиатцы не могли примириться с мыслью, что Скобелев — человек обыкновенный, а не сверхъестественное существо. После неудавшегося покушения на его жизнь у них сложилось мнение, что он заколдован, неуязвим для пуль.

Никогда еще в Средней Азии война не была для туземцев столь кровопролитна, почему они и прозвали Скобелева Гез-канлы — кровавые глаза, глаз мстителя Но облик его, бесстрашного богатыря — воина, не мог не пленить сердец его противников, прирожденных воинов.

С талантами Скобелева всякий практический случай, представлявшийся на его разрешение во время экспедиции, обращался в своего рода классическое поучение. Вот отчего нам так дороги каждая его пометка, каждая резолюция на документе. Всем известна разносторонняя талантливость Скобелева, и в своем месте мы уже подчеркивали, какой взгляд незаурядного государственного человека выказал он при решении наших задач в Средней Азии.

Печать гениальной прозорливости лежала на выборе им своих помощников. Имена Гродекова, Анненкова, Макарова, Куропаткина, Череванского нераздельно сплелись с именем Скобелева в эту экспедицию. Но ошибочно было бы считать, что Скобелев видел в них фигуры, подобные своей; нет, он ценил в них только ту или иную сторону характера. Повидимому, только Гродекова он считал способным себя заменить до некоторой степени. Во время дерзкой разведки своей в июле 1880 г. он так завещал своим войскам: «В случае моей смерти на предстоящей рекогносцировке 6 июля я поручаю командование отрядом полковнику Гродекову; он вполне способен вывести целым отряд, и ему известны все мои соображения».

Мы уже упоминали о том, как блестяще справился Гродеков с созданием боковой охватывающей базы в Персии (магазина в Гермабе), что Скобелев считал самой яркой страницей в истории экспедиции по искусству выполнения.

Без помощи Макарова на Каспии, у берегов Туркмении, и без содействия Анненкова с железнодорожным

строительством на линии Красноводск — Кизыл-Арват Скобелев считал бы себя «как без рук». Анненкову он вверил главнейшую тыловую артерию экспедиции Красноводск — Геок-Тепе, и впоследствии этому человеку выпала на долю редкая честь первопроходца необозримых песчаных пустынь Средней Азии. Макаров же слишком близок своим именем русскому сердцу, и с трагической его гибелью в Порт-Артуре погибли надежды на морскую победу нашу. Куропаткина Скобелев ценил как боевого офицера и как служаку. Про Куропаткина Скобелев писал: «С ним судьба породнила меня боевым братством, со второго штурма Андижана, в траншеях Плевны и на вершинах Балканских и ныне, в дни тяжелых боев под Геок-Тепе».

Череванский своим талантливо поставленным предварительным полевым контролем много помог экспедиции, давая быстрое движение денежных средств и в зародыше уничтожая для недоброжелателей Скобелева возможность опорочить его светлое имя. Скобелев был гениально прозорлив, предусмотрел этот вид контроля, и он говорил, что «не понимает, как можно вести военные действия без него и как можно не испытывать к нему чувства беспредельного уважения со стороны всех, дорожащих интересами службы и ставящих их выше личных».

Наконец, дипломат Зиновьев, представитель наш в Персии, являлся «добрым ангелом экспедиции и всего русского дела в этой части Средней Азии». Такие лица у нас редки на дипломатических постах. Всегда становился он на сторону самого смелого решения в пользу России, компромиссы он не любил. Скобелев писал ему: «Со дня вступления в командование я имел возможность оценить и испытать на деле то сердце, то патриотическое участие, которое вы принимаете в успехе вверенного мне трудного дела».

Но все же главнейшим деятелем в походе являлся туркестанский солдат, про которого Скобелев выразился так: «Туркестанцы на деле доказали, что они остались те же молодцы, какими я их знал во время [прежней] моей службы в Средней Азии».

Из всех вождей текинцев выделялся талантами Тыкма-сердарь. Он был знатен и богат, и земли, на которых мы обосновались в оазисе (Беурма), принадлежали ему. Ему было 55 лет, а тринадцатилетним начал он свою военную практику. Ему было суждено испытать и ранения, и тяжелый персидский плен с выкупом в 6000 туманов, которые он принужден был потом компенсировать набегами же. Характер его был независимый. Память на местность — исключительная, а искусство разбирать следы — неподражаемо. Он являлся рыцарем среди разбойников вследствие своей справедливости. Он проникал до Белуджистана и чуть ли не до Аравийского моря. Но и у него были могучие враги, и это заставило его искать поддержки русских при Ломакине, и он хорошо изучил нас. Говорят, внедрился к нам в качестве тайного агента и вернулся к текинцам с ценными сведениями. Он же сам утверждал, что стал врагом нашим после оскорбления, нанесенного ему штабс-капитаном Трегубовым.

В скобелевском походе Тыкма-сердарь сперва был предводителем передовой конницы текинцев, а потом руководил всеми операциями против нас. Скобелев отдавал должное его таланту, но всячески стремился замалчивать имя своего противника, разумно полагая, «что в Азии опасно создавать имена предводителей». Таков был знаменитый Тыкма-сердарь, и только одному ему Скобелев вернул после замирения оружие. Сдаваясь, он писал Скобелеву: «Надеюсь на милость правительства белого царя и прошу возвратить мне мою лошадь и мое оружие. Вашу же лошадь, когда приеду, возвращу вам. Служить буду с усердием».

Правой рукой его и заместителем был Курбан-Мурад-ишан, заведывавший складом оружия и боевых припасов. Он был с большим даром слова, отличался сильным характером, храбростью и справедливостью.

Но он не обладал таким крупным военным дарованием, как Тыкма-сердарь, поистине «великий полководец Туркмении», ибо не без успеха состязался он с талантливейшим из современных ему европейских генералов. А это уже высокая аттестация его как вождя.

Столкновения с Афганистаном в 1885 г.

Занятие Мерва. Мерв, прося о подданстве, послал с Александровым посольство из четырех ханов с 16 старшинами, которые и присягнули в Ашхабаде 6 февраля 1884 г. После этого в Мерв был послан 25 февраля 1884 г. начальник Закаспийской области Александр Виссарионович Комаров¹ с отрядом в один батальон, две сотни и при двух орудиях. На дороге Ашхабад — Мерв он был встречен в пустыне депутацией в 400 мервцев. Но в самом Мерве английский эmissар, вышеупомянутый «сия-пуш», с несколькими сотнями приверженцев (с Топаз-Каджар-ханом) постарался устроить нам вооруженное сопротивление с целью обратить добровольное подданство в якобы вынужденное. Бунтовщики были рассеяны, а «сия-пуш» нами взят во время бегства при помощи желавших служить нам туркмен. Цитадель Мерва Коушут-хан-кала была нами занята, жители обезоружены, и собраны все персидские, бухарские и хивинские пушки, гордость туркмен всего Теке, как трофеи былых побед.

Начальником нового Мервского округа назначили подполковника Алиханова, которому поручили заведовать присоединением к нам мервских вассалов — сарыков и солоров, рвавшихся в наше подданство со времени разгрома Геок-Тепе, так как Мерв их сильно угнетал. Только из-за давления Мерва пендинские сарыки были принуждены, как было указано, арендовать в Афганистане горные (летние) пастбища.

Но часть сарыков была столь близка к Мерву, что мы решились принять их немедленно. Это были жители Иолатани (на р. Мургаб), которые 21 апреля 1884 г. приняли в Ашхабаде присягу. А 25 мая мы заняли и центр солоров² — Серахе, который собирались занять (по наущению англичан) персы, даже двинувшие туда свой отряд из Мешеда 22 мая. Занятие Мерва, земли которого простирались до Амударьи,

¹ После Скобелева были начальниками области временно или штатно: полковник Аминов, генерал Рерберг, потом генерал Комаров.

² Около 20 тысяч человек тогда.

Генерал от инфантерии А. В. Комаров

сомкнуло наш фронт на юге Средней Азии и позволило наладить сообщение между Закаспием и Туркестаном.

Остались незанятыми нами: земли сарыков-пендинцев по Мургабу с притоками Кушкой, Кашем и Кайсором и северные предгорья «Гератского» хребта, земли солоров с пустынями, отделяющими Пенде от Амударьи и Теджена. Мы решили ввести туда войска только после определения международной комиссией их границ с Афганистаном. Комиссию решено было составить из английского генерала сэра Питера Лемсдена и нашего генерала Зеленого. При обоих дозволен большой конвой и многочисленный штаб чертежников, съемщиков и рекогносцировок.

Установление границ с англо-афганцами за Каспием. Комиссия по разграничению Афганистана от нашей Туркмении должна была начать действовать с осени 1884 . Англичане поспешили послать туда в сентябре своих делегатов, проехавших через Кавказ и Персию в окрестности Герата, а конвой их (более 1000 человек) пришел туда же из Кветты.

Но мы воздержались от посылки своих представителей, заметив желание афганцев и англичан оттянуть все Пенде и юг земель солоров. Там появились афганские караулы с явного поощрения англичан. Тогда мы заявили, что не начнем разграничения, пока афганские захватчики не уйдут с туркменских земель и пока Англия не согласится считать сарыков и солоров нашими подданными. Разграничение же должно было состоять лишь после выяснения границ владений этих племен с Афганистаном.

Англичане никак не хотели согласиться на это, и переговоры поползли черепашьям шагом, а количество афганских войск продолжало расти и на Мургабе (Пенде), и на Теджене (выше Серахса). Особенно многочислен был афганский отряд в Пенде, в ближайшей к нам окраине этого оазиса, при устьях р. Кушки, притока Мургаба, у Ташкепри (каменный мост, виадук через Кушку) и Ак-Тепе (огромный бугор близ этого места). Это был хороший стратегический пункт: лучший путь в Герат и в Афганский Туркестан шел от русского Мерва по долине Мургаба и в Пенде, разветвлялся на ряд

дорог по долинам его притоков (рекам Кушка, Каш и Кайсар). Англо-афганцы, планируя воздвигнуть у Таш-кепри крепость, надеялись ею прикрыть доступ в Афганистан из Закаспия. Это был естественный путь туда на всем огромном пространстве от Амударьи до Теджена, представлявшем собой неодолимую пустыню.

Афганцы, выдвинувшиеся в Туркмению как захватчики, стали вести себя до крайности вызывающе, а многочисленные офицеры-рекогносцеры английской миссии распоряжались там как хозяева. Наконец, и в английской печати, и в базарной азиатской молве, и в дипломатической переписке нас стали пугать войной с англо-афганцами.

Александр III проявил большую решимость и приказал «ни в чем не уступать» нашим среднеазиатским противникам. Результатом этого была спешная разработка плана на случай войны в Средней Азии с Англией и Афганистаном, усиление (с Кавказа и Туркестана) Закаспийской области с подготовкой для нее ближайшего резерва на Кавказе. На Мургаб и Теджен мы выдвинули отряды с промежуточным постом между ними у северного подножия Гератских гор. Цель отрядов, когда понадобится, прогнать захватчиков силой и быть авангардом нашего развертывания, если война разгорится.

А переписка о разграничении шла своим чередом и принимала все большие размеры. Главные силы наших Мургабского и Тедженского отрядов собирались в Мерве и Серахсе, а их авангарды, сперва в виде казачьих сотен, были выдвинуты вперед, к Иолатани и Пулихатуну, вверх по течениям этих рек¹, с передовыми постами у Ташкепри (на Мургабе) и у Зюльфагара (на Теджене), с промежуточным постом у Акрабата. Афганцы занимали Пенде против Мургабского отряда и Зюльфагар — против Тедженского. Разъезды наши встречались с афганцами.

После долгих пререканий о том, как искать границу и кого считать внутри нашей черты, мы предложили Англии желаемый для нас рубеж и решили, при несогласии последней, занять его войсками.

¹ Пулихатун в 60 верстах от Серахса к югу.

Как всегда, мы и здесь постарались добровольно кое-что уступить соперникам: ведя от Амударьи границу по северному краю афганских оазисов Андхоя, мы отдавали афганцам долины рек Саогалака и Кайсора, где жили отчасти и свободные туркмены; затем, оставляя Пенде за собой, мы от Меручака на Мургабе, вместо того чтобы вести границу по гребню Гератских гор, как бы следовало¹, отдавали афганцам большую часть северного склона этих гор, ведя черту к Хаузи-хана на Кушку, потом по ее притоку р. Егри-чен и колодцы Кериз-суйме, Кериз-ильяс к р. Теджену, оставляя Зюльфагар у себя (в 10 верстах ниже по течению). От Герата эта черта проходила в 120—200 верстах.

Но англичане, не ценя наших уступок, стояли на своем и требовали для Афганистана и Пенде (до Сары-язы на Мургабе), и долину Теджена до Пулихатуна (даже до Шир-Тепе, что еще севернее). Это был явный торг по принципу, «чтобы было с чего уступать». Свой ответ англичане затянули до 1 марта 1885 г.

15 марта мы выдвинули новые требования, хотя, утомившись словесной борьбой, готовы были втайне согласиться на уступки Пенде, чтобы тем склонить Афганистан в свою пользу.

А тем временем за Каспием у нас было сосредоточено до 6 тысяч пехоты, 2 тысяч конницы и 16 пушек (семь батальонов, 14 казачьих сотен, один железнодорожный батальон и одна местная команда). Не оголая только что завоеванной страны, мы могли двинуть свои передовые отряды численностью всего в одну четверть этих сил. Да еще в области было до трех сотен туркменской милиции, большая часть которой была спешно набрана подполковником Алихановым для усиления передовых отрядов.

Афганцы же выставили против этих сил до 4000 человек с восьмью пушками у Ташкепри и до 300 у Зюльфагара, не считая 1000 индо-британцев в Гюрлене, против Акрабата.

Для образования Мургабского и Серахского отрядов были двинуты войска из Ашхабада, на 400 верст от него, до Куш-

¹ Ибо Гератская провинция была за этим гребнем, что признавали еще в 1875 г. сами англичане (Мак-Грегор).

ки. Командование Мургабским отрядом принял на себя сам Комаров, а начальником авангарда этого отряда (три конные сотни) стал подполковник Алиханов.

Пока эшелоны Мургабского отряда медленно шли в урочье Имам-Баба на Мургабе (138 верст от Мерва и 70 верст от Ташкепри), авангарду Алиханова было приказано занять все пространство до р. Кушки, оттеснив к ней афганские посты и разъезды по долине Мургаба. Он и исполнил это в период со 2 февраля до 5 марта, в то время как его помощник, подполковник Татаринев, с сотней составлял авангард Серахского отряда в Пулихатуне. Алиханов с главными силами своего авангарда (две сотни, из которых одна туземная, другая казачья) 3 февраля 1885 г. пришел из Мерва к своей передовой сотне, стоявшей в Имам-Баба. Английский полковник Риджвей, бывший при передовом афганском отряде, прислал ему письмо, в котором предостерегал от движения вперед и страшил столкновением с афганцами. Алиханов в ответ на это пошел с тремя сотнями к Аймак-джару, чтобы побудить афганские разъезды отойти к р. Кушке. В инструкции ему рекомендовалось не нажимать на афганцев всеми силами авангарда, а действовать только разъездами. Но этого оказалось мало.

Афганский ротмистр поспешил заблаговременно ретироваться вместе с Риджвеем и своим отрядцем, оставив Алиханову письменную угрозу «остановить его силой сабли, ружья и пушки», если он пойдет дальше. Конечно, Алиханов пошел и дальше, к самой Кушке, где стояли за нею главные силы афганского отряда; но он взял с собой только туземную сотню.

Гоня перед собой афганские разъезды и пикеты, он 8 февраля достиг Ташкепри и выставил свой пост на бугре Кизыл-Тепе под начальством лихого джигита Аман-Клыча, а сам отошел к Аймак-джару.

В Ташкепри в это время были и афганские, и английские генералы — Коусуддин-хан и Лемсен — с ядром английской разграничительной комиссии. Лемсен обратился с надменным письмом к Алиханову по поводу его прихода. Алиханов отвечал, что он «лишь солдат», «точный исполнитель

приказаний своего начальства и в политике ничего не смыслит». Оставив при афганском отряде группу своих офицеров-«руководителей», Лемсен ушел к Гюрлену. Афганский же генерал был на этот раз любезен с Алихановым и даже спешно вернул ему лошадь, забежавшую в их лагерь.

Алиханову было поручено поддерживать сношения с населением Пенде, доброжелательно настроенным к нам, и вести разведку за действиями афганцев в бассейне Мургаба. Такую же разведку поручили и поручику Лопатинскому в бассейне Теджена, у Зюльфагара и Акрабата. Имея всего 31 бойца в своем распоряжении, этот доблестный офицер выказал большую смелость и ловкость в сношениях с афганским отрядом у Зюльфагара, превосходившим его в десять раз.

Наши разведчики давали точные и всесторонние сведения об афганцах: о том, что гарнизон Герата жидок; о том, что толкают афганцев на военные действия англичане, наконец, о том, что болтают афганские солдаты у костров и что делают и где разъезжают английские офицеры-рекогносцеры. Такой успех разведки надо приписать главным образом посылке лазутчиками местных жителей из Мерва и Иолатани.

Мы узнали, что холм Ак-Тепе с афганским лагерем укрепляется по европейскому образцу, что от него устроен паром за Мургаб, где тоже строят полевые укрепления. Мы узнали, что англичане соблазняют сарыков-пенде за хорошие деньги выставить тысячу стрелков (мергенов) и войти в состав афганского отряда, с вооружением за его счет, и что сроком ответа назначено 18 марта. Также нам было известно о времени прибытия крупных подкреплений к Ак-Тепе из Герата, долиной р. Кушки, и от Маймене, долиной Кайсора, и о спешной починке афганцами в Пенде и близ него старых туземных крепостей Меручак и Бала-мургаб.

Мы узнали, что в районе Ташкепри собралось у афганцев 1,5 тысячи пехоты и до 2,5 тысячи конницы с восьмью разнокалиберными пушками, половина которых горные. Нам донесли, что афганская пехота воодушевлена, жаждет боя и полна решимости не пустить русских в афганские пределы, а конница, собранная из хазарейцев и джемшидов, ненавидит афганцев и склонна больше к нам, как и пендинцы.

Последние хотели вырезать афганский отряд внезапным на него нападением, но не решились, не получив от нас прямого согласия о поддержке. Англичане же щедро одаривали туземцев деньгами и подарками, и все же случались грабежи их багажа.

Ружья афганские были плохи, много кремневых, пистонных, а скорозарядных не больше десятка. Штыки, пики, шашки и большие кривые ножи составляли холодное оружие. Орудия не имели картечи, а одни ядра. Порох их для ружей и пушек был плох. Обоз составлен из подвод (вьюков) по наряду от жителей, в зачет податей. Довольствие неважное; одежда большей частью своя, туземная, но афганские генералы и офицеры экипированы в английские костюмы. Для того чтобы повлиять на жителей, подозреваемых в шпионаже, афганцы устраивали целые представления, заставляя одних и тех же своих людей вступать в лагерь, будто подошедшее подкрепление.

Комаров получил задание «удалить афганцев за р. Кушку, избегая по возможности кровопролития». Он донес, что за последнее «не ручается», а в частной переписке жаловался, что его «как собаку держат за хвост». Так, ему пришлось, подчиняясь приказу, не спешить прогнать афганцев, пока их было мало, запретить своим войскам пускать в дело первыми оружие, даже если со стороны противника последуют отдельные выстрелы, терпеливо сносить заносчивость афганцев, в случае столкновения и успеха не преследовать противника и не вторгаться в Афганистан, к Герату, и, наконец, не прекращать переговоров, сочетая их с угрозами о разгроме.

Мургабский отряд собрался у Имам-Баба 5 марта, а 7-го и 8-го двумя эшелонами перешел в Аймак-джар, где и простоял до 11 марта в тщетной надежде, что афганцы «попятятся назад». 12-го числа отряд продвинулся к ним еще ближе, в Уруш-душан (в 20 верстах от Ташкепри), а 13-го пошел к Кушке, но остановился лагерем, не доходя до реки 5 верст, «дабы не раздражать афганцев». Наши аванпосты расположились в 2 верстах от Кушки, на линии Кизыл-Тепе и Казачьего бугра. Всего было пройдено за неделю не более 60—65 верст.

При подходе к Кушке два наших офицера Генерального штаба с бугра Кизыл-Тепе рекогносцировали расположение афганцев, а в песках за Мургабом были задержаны афганские разъезды, пытавшиеся следить за нашими передвижениями. Прослышав о большой нужде афганцев в продовольствии и о провозе в их лагерь припасов контрабандным путем, мы выслали в пустыню разъезды и объявили в Мерве и Иолатане, что будем конфисковать такие грузы.

Афганские аванпосты стояли в 0,5 — 1 версте от наших перед Кушкой и даже за Мургабом. Их лагерь, обнесенный окопами, был за Кушкой, у подошвы бугра Ак-Тепе, на вершине которого стоял наблюдательный пункт с одним орудием. Цепь постов охраняла их лагерь и со стороны Пенде, жителям которого они не доверяли.

При приближении Мургабского отряда вся афганская конница (с двумя пушками) высыпала из-за Кушки и построилась на гребне берега, где тотчас стали рыть окопы. Видя, что мы не думаем нападать, конница ушла за реку, в лагерь, а ее позицию заняла пехотная дежурная часть. С тех пор афганцы уже не оставляли этот берег, совершенствовали окопы и продолжали наращивать свои силы, пока не были сброшены в Кушку боевым нашим ударом.

Если английские офицеры избрали афганцам эту позицию, то это можно расценить как насмешку, потому что она была с большими недостатками. Мургаб разделял позицию пополам, а с бушевавшей из-за половодья Кушкой позиция делилась на трое, считая войска, оставшиеся в лагере и прикрывавшие его от пендинцев. Позиция впереди Кушки была совершенно узка, притиснута к крутому берегу и к единственному мосту, узкому и длинному. Переход вброд бурлившей Кушки был небезопасен. Лучший, т. е. кратчайший и более безопасный, путь шел от левого фланга, который, как выдавшийся вперед, неминуемо должен был подвергнуться атаке. Другой путь, более длинный, пролегал через поселения сарыков и джемшидов за Кушкой.

Следуя своим инструкциям, Комаров начал переговоры через англичан, требуя, чтобы афганцы ушли за Кушку и из-за Мургаба в свой лагерь и там смиренно дожидались пригово-

ра разграничительной комиссии — кому достанется Пенде. Этих переговоров англичане ждали с таким нетерпением, что вызвали их 13 марта сами, сочинив, будто кто-то из русских начальников желал их видеть.

На другой день, 14-го, в 5 часов вечера, состоялась встреча русских и англичан между аванпостами близ Ташкепри. Присутствовали с нашей стороны полковник Генерального штаба Закржевский¹ и от англичан капитан Иет с сопровождающими. Мы угощали англичан по русскому хлебосольству. Обсуждали общее положение дел и события дня: распространяясь с обеих своих флангов постами и разъездами, афганцы охватывали нас, что было и невыгодно нам, и дерзко с их стороны. На наше предложение уйти в лагерь за Кушку они отвечали усилением своей позиции впереди Кушки. Англичане всячески оправдывали афганцев. На другой день переговоры продолжились все в том же духе.

Отношения же с афганцами обострились, они крайне враждебно отнеслись к нашим частям, посланным для рекогносцировки на фланги. Алиханов, поехавший (на правом фланге) с туркменской сотней вверх по р. Кушке, по дороге к Мор-кала был остановлен афганским генералом с несколькими сотнями конницы и принужден вернуться. Алиханов проводил афганцев вплоть до Ташкепринского моста, тем сильно их раздосадовал. Капитан Прасолов с ротой, ходившей за Мургаб, был остановлен угрожающими действиями афганской роты. Был перехвачен с донесением Прасолова Комарову один из наших джигитов и задержан до утра 16-го.

Посты и разъезды афганцев все усиливались, дерзко приближались к нашему парому на Мургабе и выкрикивали разные угрозы: «Убирайтесь отсюда! Мы не туркмены, мы афганцы; бивали мы не раз англичан, побьем и вас, если не уйдете!». Последние факты случились 16-го. О них мы заявили англичанам на встрече, состоявшейся в тот день, причем те во всем винули нас.

Дерзкое обращение с нами афганцев сильно роняло наш авторитет среди туркмен милиционеров, переговоры же

¹ Начальник штаба Мургабского отряда.

не давали никаких позитивных результатов. Наши агенты доносили, что афганцы собираются неожиданно наброситься на нас и что наше долготерпение придает им храбрости.

Тогда Комаров решил пугнуть их угрозой боя и 17-го послал ультиматум афганскому генералу: «Требую, чтобы сегодня, 17 марта, до вечера все афганцы ушли с левого берега Кушки, а за Мургабом отошли бы на линию р. Кушки. Переговоров и объяснений более по этому вопросу не будет. Вы обладаете умом и проницательностью и, вероятно, не допустите, чтобы я свое требование привел в исполнение сам».

В тот же день мы в последний раз пригласили англичан на встречу и просили их привести с собой и делегата от афганцев. Англичане явились одни и всячески оправдывали афганцев.

В ответ на ультиматум старший афганский генерал Наиб-Салар отказался удовлетворить требования Комарова, сославшись на инструкции эмира, продиктованные советами англичан. Тогда Комаров попытался в частном письме секретно дать знать, что англичане — плохие советчики и что они желают довести дело до боя. В заключение Комаров писал: «Да поможет вам Бог! Выбор между дружбой и враждой зависит от вас самих!»

Афганский генерал собрал военный совет, на котором взяло верх мнение дать бой. И к утру афганцы стали в ружье на своей позиции впереди Кушки.

Бой на р. Кушке 18 марта 1885 г. Комаров также собрал своих начальников на совещание и объявил им диспозицию боя на следующий день, однако он не терял надежды, что один вид нашего наступления заставит афганцев отступить за Кушку, а потому запретил нам стрелять первыми и отвечать на одиночные выстрелы.

Паром через Мургаб был нами снят; в нашем лагере оставалась небольшая команда (в 50 человек) нестроевых для его обороны. А на базу в Аймак-джар и по этапам до Мерва было дано знать о том, чтобы соблюдалась большая оборо-

нительная осторожность. Отряд в 4 часа утра двинулся под прикрытием аванпостов (полурота), снимавшихся с приближением к ним наших колонн. У нас всего числилось в отряде 1840 человек, 600 коней и четыре горные пушки, а пошло в бой 1660 бойцов с четырьмя пушками:

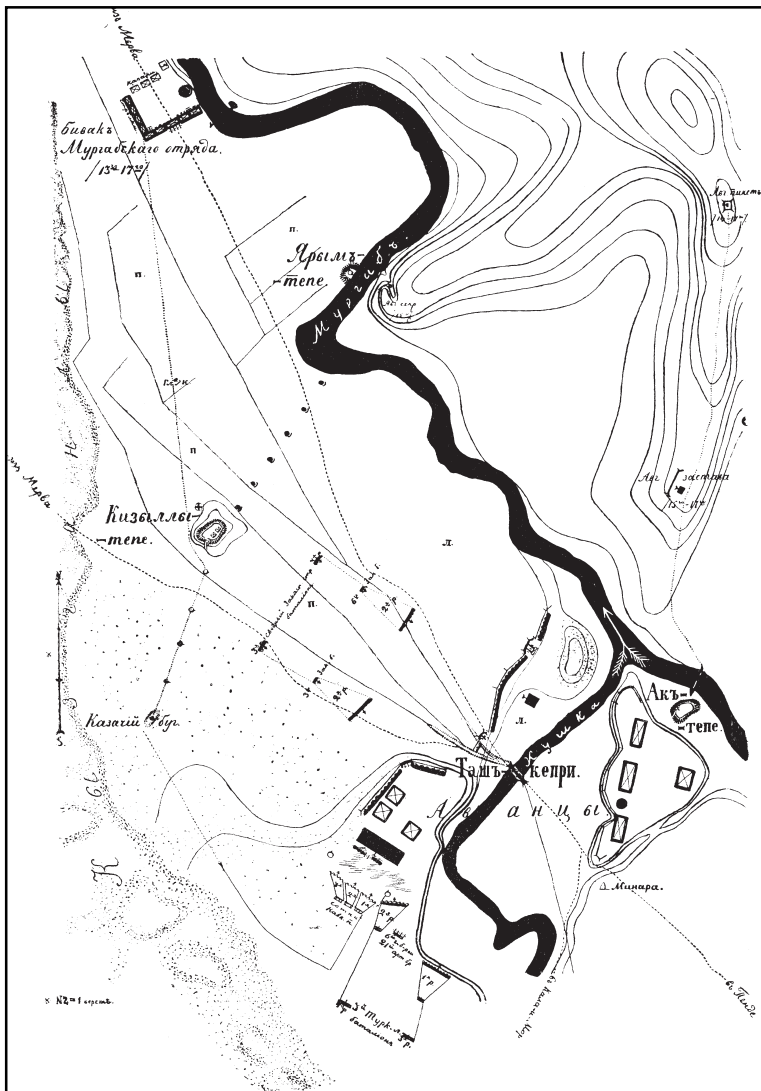
Численность бойцов

Туркестанский батальон	600
Закаспийский батальон	500
Артиллеристы	50
Саперы	10
Казачи	300
Джигиты	200
И т о г о	1660

План боя у нас был прост: с фронта Комаров направил на окопы, занятые афганской пехотой и артиллерией, 500 закаспийских пехотинцев; против афганской конницы, строившейся всегда на левом фланге, он послал 500 своих кавалеристов, а в охвате левого фланга афганцев направил 600 туркестанцев с горными пушками. Говорят, что в охват должна была идти конница, а не туркестанцы, но вышло так, как сказано выше, а виной тому блуждание туркестанцев в бугристых песках, что заставило их опоздать и принять участие уже в конце боя. На бугре Кизыл-Тепе стал перевязочный пункт, а генерал Комаров со штабом держался за колонной. К последней, до выхода из песков туркестанцев, пристроилась и артиллерия, тоже сильно запоздавшая с появлением на поле боя.

В диспозиции Комаров объявлял, что он исчерпал все доводы, уговаривая афганцев отойти за Кушку, почему и приказывает своему отряду сбить их с позиции впереди этой реки. Это и было исполнено через 2—3 часа после начала боя.

Силы афганцев под командованием Наиб-Салар-Тимуршаха превосходили нас втрое: 4700 человек (три батальона, 26 сотен) и восемь орудий с 200 человек прислуги. Да ожидалось до 1000 сарыков.

План Таш-Кепринского боя 18 марта 1885 г.

<i>Батальон</i>	<i>Численность пехоты</i>
Кабульский	600
Кандагарский	600
Гератский	700
Итого:	1900

<i>Полк</i>	<i>Численность кавалерии</i>
Кабульский	600
Гератский	600
Сводный из Балха, Хезаре и Фирузкуев.....	600
Джемшидский	400
Сводный (разный).....	400
Итого:	2600

Афганская пехота и артиллерия были с ночи в окопах, аванпосты их были сняты, а конница построилась огромной колонной на левом фланге. И все же расположение их было на командующем гребне у самого обрыва в долину Кушки.

Было сыро, пасмурно, моросил холодный дождь впере­мешку со снегом. Это не благоприятствовало бое­способ­ности афганских кремневых и пистонных ружей, дававших постоянные осечки; тяжелая кожаная, подбитая гвоздями, обувь афганской пехоты поминутно застревала в липкой грязи и слетала с ног.

Темнота долго скрывала противников друг от друга. Пер­вой нарвалась на противника наша конница; она, подни­маясь на Ташкепринское плато, как раз вышла против конницы противника, шагах в 500 от нее: 500 человек против 2600. Недаром пленные афганцы говорили: «Вашей конницы мы не боялись, она была как муха против нашей». Увидав на­ших, Наиб-Салар, гарцующий на серой лошади впереди аф­ганской конницы, крикнул: «Подвизайтесь во славу Божью!» Афганцы отвечали громкими криками: «Алла!»

Алиханов, полагая, что за этим последует ураган конной атаки с места, и видя, что конница противника начала дви­гаться, быстро выстроил фронт и спешил казаков. К ним примкнуло около 20 туземцев с ружьями, а прочие джигиты остались с саблями наголо по обоим флангам казаков.

Конная масса афганцев тем временем тронулась вперед, но, пройдя шагов двадцать или более, остановилась шагах в 400, попав на лесовую пашню, до того разболтанную конскими копытами, что лошади стали вязнуть по колено. Это было в 6 часов 15 минут.

В это время левее нашей конницы стала наступать пехота, уже увидавшая трудное положение своей конницы, а силуэты туркестанской пехоты только что обозначились далеко позади уступом вправо от конницы.

В это мгновение пехота афганцев открыла по нашей коннице ружейный огонь. Сперва треснул один выстрел, потом, секунд через десять, второй, а потом нечто вроде залпа. Конь Алиханова сбросил его, ранена была еще одна казачья лошадь. Но быстро оправившийся Алиханов открыл огонь спешенными своими людьми, крикнув вместо обычной команды: «Жги! Жги!» Огонь пошел по всему полю боя. Выделялись редкие удары выстрелов афганских пушек и отчетливые залпы Закаспийского батальона да лихой казачий огонь. Говорят, кабульцы первыми открыли огонь, так как им было поручено помогать своей кавалерии.

Минут через десять после начала перепалки несколько эскадронов конных кабульцев (до 300 человек) с правого фланга своей кавалерии ринулись на левый фланг Алиханова. Им навстречу понеслись было стоявшие здесь джигиты, но после гибели их предводителя, сеид-Назар-Юзбаша из Кааха, смешались. Алиханов, бросившись к ним, закричал по-туркменски: «Или победите, или умрите!» — и джигиты, ободрившись, кинулись в сечу. Однако несколько казачьих коней вырвались от коноводов и понеслись к Кизыл-Тепе. Все же афганская атака вмиг была осажена огнем казаков и закаспийской пехоты и рассеялась. А вся остальная афганская конница от казачьего огня пришла в полный хаос, ударилась в панику и, давя друг друга и неся огромные потери, шарахнулась с обрывов Кушки в ее бурные воды и стала уходить врассыпную на тот берег.

В это время подоспели цепи туркестанцев и открыли губительный огонь и по коннице, и вдоль остальной позиции

афганцев, и за Кушку по толпе, старающейся там привести себя в порядок.

Дружным натиском всех частей афганская пехота была сбита, бросилась в бегство через мост и через реку вброд. Орудия, знамена, барабаны, трубы, значки достались нам.

В это время и наша артиллерия уже открыла огонь по афганцам, пытавшимся строиться за Кушкой. Туда пошла через мост наша пехота, а конница — вброд. Афганцы бежали, бросив лагерь, устлав поле сражения трупами, оружием, телами коней. Комаров не допустил преследования, чтобы подчеркнуть, что он достиг того, чего желал, и даже перевел все войска за Кушку.

Бой кончился в 8 часов утра, и еще часа два раздавались отдельные выстрелы — это прятавшиеся в лагере и у моста немногие отдельные афганцы предпочли смерть в схватке плену.

Английские офицеры (Иет, Оуэн, Смайт и пр.) сначала наблюдали бой с того берега Кушки, потом отъехали в пендинский аул Эрден, где были их квартиры и багаж. Опасаясь диких выходов разбитых афганцев, они хотели искать у нас защиты и прислали два письма, предлагая услуги своего доктора и прося конвоя. Но посланный конвой их не застал, они предпочли отходить с афганской конницей.

Бой стоил нам убитыми девять человек и семь коней, ранеными 22 человека и 11 коней и контуженными 23 человека. Из офицеров убит прапорщик милиции да ранены двое. Больше всего пострадала закаспийская пехота от пуль, ядер и штыков, потом казаки, милиция и, наконец, туркестанцы; штаб не понес потерь. У афганцев убитых осталось на поле боя более 500 человек и масса коней, да умерло в первые дни столько от ран и лишений, что сами афганцы считают погибшими более 1000, ранеными всего 17 да пленными 7. Из афганского начальства убито четверо, а сам предводитель ранен двумя пулями в бедро.

Мы истратили всего 28 орудийных выстрелов и сделали 134 230 выстрелов из ружей. Наши трофеи и добыча: восемь пушек, знамена, значки, музыкальный инструмент, весь лагерь, обоз, запасы... Но более всего приобрели мы славы,

ибо афганцы считаются в Средней Азии самым серьезным для европейцев противником после ряда лихих боев с англичанами, и сам Робертс о них отозвался так: «Им не хватает только знающих предводителей, чтобы сделаться грозной военной силой». В Кушкинском бою мы убедились, что им недостает весьма многого для столь лестной перспективы!

Вслед за бежавшими Комаров послал тайных разведчиков, а 21 и 22 числа по обеим дорогам на Герат вверх по Мургабу (через Пенде на Меручак¹) и вверх по Кушке² были посланы подполковник Алиханов и капитан Прасолов с конвоем. Афганцы, тая по пути от ран, болезней и стужи, достигли Герата на 11-й день (28 марта), после девяти переходов от 50 до 10 верст в сутки всего с двумя дневками. Положение их было ужасным — без теплой одежды, продовольственных запасов, среди враждебного населения. В афганском г. Кушке их собралось с 1000 человек (600 конников и 400 пеших). Здесь их встретили гератские власти (25—26 марта) и нагнал курьер от генерала Комарова с письмом. В письме мы объявили афганцам, что довольствуемся их отходом с левого берега Кушки, что оттого и не преследуем, что злобы не питаем и предлагаем забыть про столкновение. Там добавлялось, что убитые афганцы похоронены по-мусульмански наемными рабочими, а раненые после выздоровления будут отправлены за наш счет на родину. Это письмо произвело впечатление, побежденные думали, что победитель станет над нами издеваться.

Начальнику части конницы и четырем офицерам за то, что их отряд подал пример бегства, отрезали уши. Алиханова сочли главным виновником обострившихся отношений. Англичане на время стушевались.

Абдурахман был избран главнокомандующим соединенных сил. Члены английской разграничительной комиссии принялись укреплять Герат. В Индии сосредоточили большой корпус у Равальтиди. У нас в Закаспии перевезли ближайший резерв с Кавказа.

¹ 240 верст до Герата.

² 215 верст до Герата.

Памятник воинам, павшим в Таш-Кепринском бою 18 марта 1885 г. Открыт 18 марта 1900 г. на кургане Кизыл-Тепе

Англичане пытались выдвинуть обвинение против генерала Комарова за «кушкинскую» историю, даже требовали третейского суда. Но государь высказался против этого и считал, что «до войны все-таки не дойдет». И не дошло вследствие проявленной им твердости.

Ближайшими следствиями боя были оставление Пенде за нами и сильные волнения среди джемшидов, желавших выйти из-под власти Афганистана и примкнуть к России. Мы, конечно, отклонили это, и афганцы впоследствии жестоко выместили на джемшидах их порыв.

Разграничение продолжалось, а мы снова шли на уступки: отдали лабиринт Зюльфагарского прохода, один из хороших путей на Герат, и отнесли нашу границу между Амударьей и Мургабом на 50 верст от Афганистана, в дикую пустыню.

Наш красивый памятник украсил поле Кушкинской битвы, а в сотне верст к югу выросла солидная для Азии крепость Кушка; по этапам же Мургабский отряд, от Мерва

до крепости Кушка, идет железная дорога, станция которой «Ташкепри» пришлась как раз у первого нашего бивака.

Войска были щедро награждены за этот бой, ставший яркой страницей отечественной политической и военной истории. Кстати, это единственный бой в царствование Александра III. И до сих пор не забылось историческое донесение Комарова, взбудоражившее мир: «Полная победа еще раз покрыла громкой славой войска государя императора в Средней Азии. Начальство афганцев вынудило меня, для поддержания чести и достоинства России, атаковать 18 марта сильно укрепленные позиции их на обоих берегах р. Кушки. Афганский отряд регулярных войск силой в 4 тысячи человек с восьмью орудиями разбит и рассеян, потерял более 500 человек убитыми, всю артиллерию, два знамени, весь лагерь, обоз, запасы... Английские офицеры, руководившие действиями афганцев, просили нашего покровительства; к сожалению, мой конвой не догнал их: они были, вероятно, увлечены бежавшей афганской конницей...»

Да не забудется полный спокойствия, достоинства, силы, а главное, миролюбия ответ Александра III на это донесение: «Государь император шлет свое царское спасибо Вашему превосходительству (и всем чинам) храброго [Мургабского] отряда за блестящее дело 18 марта; повелел представить наиболее отличившихся офицеров к наградам, а нижним чинам жалует 50 знаков отличия военного ордена... Вместе с ним Его Величеству благоугодно знать в подробности причины, побудившие Вас поступить вопреки переданному Вам повелению: всеми силами воздерживаться от кровопролитного столкновения...»

Добавим, что объяснения генерала Комарова были признаны вполне мотивированными.

В своем месте мы упоминали, что Афганистан пытался захватить у нас не только часть Туркмении, но и весь Западный Памир (Рошан и Шугнан), подстрекаемый к этому Англией и нашей уступчивостью, впоследствии чего мы без особого спора отдали англо-афганцам юг Памира-Вахан и се-

верный склон Гиндукуша, с перевалами, нами открытыми в восточной его части. Удалив из Туркмении захватчиков силой, мы взялись за освобождение и Памира, что не обошлось без героических стычек.

Памирские походы 1891—1895 гг.

Памир нам достался вместе с покорением Коканда, как одна из составных его частей. Но огромные заботы, обременявшие нас в Туркмении, отсутствие у нас английской предприимчивости, а равно и необычайная глушь этого края послужили причинами того, что мы долго оставляли его вне зоны нашего внимания. А это была огромная территория. Южный край Памира перегибался на индийский склон Гиндукуша, а западный переходил за Амударью, сливаясь с огромным Бадакшалом, бухарской землей, о которой мы тоже мало знали и которая сейчас составляет восток Афганистана.

Не тревожимые ни кокандцами, ни нами, обитатели Памира уже начинали считать, что они ничьи, а Божьи, несмотря на памятники владычества Коканда (кала Базай-и-Гумбез). Соседи же — англичане, афганцы и китайцы, подметив нашу беспечность, решили втихомолку поделить между собой этот забытый край. Англия, конечно, затеяла и руководила этой операцией.

Мы сами в 1873 г. открыли ей глаза на свое полное незнание положения Памира. Идя на английское предложение провести в Средней Азии линию, которая бы разграничивала сферы влияний и владений России и Англии, мы было согласились на проект Форсайта, которым отсекался от Памира в пользу Англии и Афганистана лучший его угол (юго-западный): Вахан, Шугнан и Рошан. Оставалось только занять то, чем мы не дорожили; и соседи приступили к этому, однако сделали это столь неумело, что «разбудили» нас и заставили вооруженной рукой восстанавливать свои права на Памир. Но много уже осталось за соседями, нам достался общипанный Памир.

С 1878 г. Англия стала прибирать к рукам южный (за Гиндукушем) край Памира и исследовать весь прочий Па-

мир, благо их офицеры были большими энтузиастами в путешествиях по глухим уголкам мира. А путешествия по Памиру — всегда подвиг: это в полном смысле «крыша мира», плоскогорья которой вздымаются на 12—13 тысяч футов, хребты и перевалы — на 18—19 тысяч, а вершины — до 21 тысячи футов (пик Кауфмана) и где разряженный воздух порождает «горную болезнь». Это огромная и ужасная горная пустыня, с головоломными дорогами-тропами, с неукротимыми, бешеными горными потоками, со скудной и тощей растительностью, с постоянными ветрами, вздымающими песчаные и снежные бури.

Английские офицеры описывали свои памирские подвиги в английских газетах, и это просветило нас относительно значимости для нас Памира.

Афганцы же и китайцы, разделившие между собой Памир, передрались, и этим тоже способствовали нашему «памирскому пробуждению». Еще в 1878 г., собираясь нажать на Англию, мешавшую в 1877—1878 гг. нам расправиться с Турцией, мы, группируя войска, стали прозревать насчет Памира.

В 1883 г., когда афганцы, науськиваемые англичанами, заняли запад и юг Памира, Вахан, Шугнан и Рошан, и изгнали из них законных правителей, туземцы прислали ходатаев в Туркестан, прося нашей защиты. Это тоже просветило нас насчет Памира.

В 1890 г. к нам явились послы от Канджута жаловаться, что англичане укрепляют Гиндукуш против русских и проводят дороги с юга к гиндукушским перевалам.

Мы узнали (1892 г.), что афганцы ведут из Баракшана прокладку колесных (для пушек) дорог к середине Памира и туда же двигают свои посты китайцы из Кашгара через Сарыкол и что англичане собираются разграничить между ними наш Памир.

Тогда мы стали строить дорогу (колесную и вьючную) из Ферганы на Памир (1887—1893), сами стали посылать туда рекогносцировщиков и, наконец, решили очистить Памир от захватчиков силой оружия.

Памирские походы 1892—1895 гг. велись до смехотворного малыми отрядами, потому что только такие отряды

могли тогда жить и действовать на Памире. Но Памирские походы славны для русской армии не числом войск и не размером стычек, а борьбой с огромными природными трудностями. Значение этих походов так оценивает один из исследователей Памира Б. Л. Тагеев (Рустам-Бек): «Это [был] смелый вызов, брошенный Россией индийским соседям, [который] взволновал Европу, взоры которой с лихорадочным напряжением были обращены на горсточку русских воинов, встретивших грудью все невзгоды и препятствия суровой “крыши мира”».

Изнурительный горный марш, убийственный климат, когда жару столь быстро сменяет снег, что не знаешь, в чем идти — в рубахе или полушубке. Ужасные дороги, загубившие половину коней отряда. Стычки с воинственными и дерзкими афганцами, вооруженными английским оружием и экипированными с ног до головы англичанами. Унылый и суровый край...

С весны 1891 г. начались сборы в поход. А 2 июня выступил из Туркестана первый русский отряд, состоящий из пехоты (пять охотничьих команд) и 34 казаков, под командованием полковника М. Е. Ионова, человека решительного, энергичного, стяжавшего себе среди тамошних войск широкую популярность и любовь, георгиевского кавалера Туркестанских походов, сподвижника Скобелева. Для нравственной поддержки похода сам начальник Туркестанского края прибыл в то же время для осмотра Кашгарской и Памирской окраины Ферганы. Эта демонстрация удалась, и молва разнесла по Афганистану и Индии о пришедшем к подножию Памира корпусе войск вместе с туркестанским генерал-губернатором, бароном Вревским.

Задачей Ионова было: 1) осмотреть весь Памир, 2) удалить, по возможности без столкновений, захватчиков и агентов и 3) фактически доказать населению, кому Памир принадлежит. При отряде был топограф.

Из Ферганы Ионов пошел через Алайские хребты, по проложенной в 1887 г. дороге, неисправность которой, особенно на перевалах Тенгиз-бай (12 тысяч футов) и Кизыл-Арват (14 тысяч футов), стоила ему нескольких выюков и ло-

шадей. Он не мог держать связь с Туркестаном, и потом целый месяц не было от него известий. Беспokoясь, барон Вревский 8 августа послал из Иркештама на поиски офицера, который нашел Ионова уже на обратном пути от границ Индии, в центре Памира, в долине р. Алигур.

Ионов, не обращая сперва внимания на посты афганцев и китайцев и английских рекогносцировщиков, пошел прямо к индийской границе, к гребню Гиндукуша, за которым лежало ханство Канджут. В сердце Памира (р. Алигур и оз. Яшиль-куль) он оставил пехоту и часть казаков на промежуточном посту и всего 20 с всадниками перевалил в Индию, чуть не погибнув из-за трехдневной метели на перевале, получившем его имя. В это время англичане, занимавшие уже с 1890 г. Гильгит, вели оттуда к соседнему с ними Канджуту дорогу. Узнав о приходе русских, канджутский хан Сафдер-Али тотчас послал ходоков к барону Вревскому проситься в наше подданство. Им отказали, соблюдая сферы влияния России и Англии в Средней Азии, и Канджут был занят отрядом полковника Дюрана после упорного сопротивления (1892 г.).

Пройдя около сотни верст вдоль индийского склона Гиндукуша на запад, Ионов, через известный проход Барогиль, повернул на Памир. Близ ваханской крепостцы Сархад он был свидетелем бегства афганского гарнизона, впавшего в панику при появлении русских, да еще со стороны Индии. На обратном пути на зимовку в Фергану Ионов захватил в плен двух английских офицеров-шпионов: одного (драгунского капитана Иенхенсбенда) удалил в китайские пределы, взяв подписку о невозврате на Памир, а другого вывез в Фергану (мистера Девиссона). А затем он принудил китайского генерала с его отрядом, прикрывавшим работы англичан, покинуть наш Памир. В этот поход, стало быть, были обревизованы нами восточный, средний Памир и восточная часть южного, и все предприятие было выполнено блестяще, хотя и не без потерь: от горной болезни умер ефрейтор Лохматкин.

Но с уходом Ионова афганцы и китайцы тотчас вернулись на Памир. Китайцы заняли прежние посты и возвели за хребтом Сарыколом крепостцы Ак-Таш и Таш-Курган. Слух об этом

заставил нас послать один за другим два офицерских разyezда в разгар зимы. Через пять дней чрезвычайно трудного марша через снежные Алайские хребты головной разезд достиг китайского поста (Муз-куль) и был принужден отойти на второй разезд по настояниям китайского генерала. Соединившись, наши разyezды ударили по китайцам и, орудуя одними нагайками, заставили их убраться в Кашгар (за перевал Ак-Берды).

А с весны начались более обширные приготовления к возвращению отряда Ионова на Памир. Отряд теперь состоял из двух рот 2-го Туркестанского линейного батальона, шести команд охотников при четырех конно-горных пушках, из трех казачьих сотен, врачебного и интендантского персонала, саперной и гелиографной команд и был отлично снабжен одеждой и продовольствием, перевозочными средствами (1000 вьючных лошадей). При Ионове был и офицер Генерального штаба полковник Верещагин.

В долину Алая Ионов пришел с двумя колоннами, достаточно натерпевшимися лишений в горах. Китайцев, вернувшихся весной к Ранг-кулью, прогнали за Сарыкол и у слияния рек Ак-Су и Акбайтала заложили первый “Памирский пост”. Затем начали ликвидировать китайские и афганские посты на Памире. Полусотня казаков и рота с капитаном Скерским выгнала китайцев из крепостцы Ак-Таш и срыла ее верки до основания.

Остальной отряд с самим Ионовым во главе, сделав несколько форсированных переходов, окружил внезапно афганский пост у оз. Яшиль-куль в крепостце Сумэ-Таш. На предложение Ионова выйти для переговоров без оружия афганский капитан Гулям-Хайдер-хан явился с вооруженным постом. По словам одного из участников, “афганцы, одетые в красные мундиры, с заряженными снайдеровскими ружьями, имели весьма внушительный вид”. Ионов предложил капитану уйти с нашего Памира. Афганец объявил, что это афганская земля. Ионов предложил сложить оружие. Афганец отвечал, что никогда рабом не будет и что оружие можно снять с него только с мертвого.

Тогда Ионов приказал взводу казаков обезоружить афганцев. Произошла яростная рукопашная схватка, в которой

наши взяли верх. По словам очевидца: “Не прошло и пяти минут среди ружейной трескотни, лягання шашек, стонов и криков, как афганского поста не стало, и начальник его с пробитой головой лежал на камнях под яром”. Часть афганцев была перебита, а часть взята в плен.

Надо сказать, что полковник Ионов по собственной инициативе решил освободить, даже силой, юго-западный Памир (до р. Пяндж) от афганцев, потому что инструкции, данные ему, определяли район его действий только к северу от Мургаба. Однако Ионову запретили двигаться дальше в афганскую сторону, зато разрешили действовать против китайцев.

Аборигены восточной и центральной части Памира, киргизы, охотно помогали нам и против афганцев, и против китайцев, но больше симпатизировали все-таки китайцам. Их помощь была весьма кстати, так как малые денежные средства, выделенные Ионову на экспедицию, мешали нам широко развернуть на Памире разведку. Китайцы всюду бежали от нас, но после нашего ухода опять возвращались.

Тем временем “Памирский пост” был обращен военным инженером штабс-капитаном Серебряниковым в укрепление. Гарнизон поместился в юртах, обмазанных глиной, с железными печами, пока не были построены землянки, а позже и бараки из сырцового кирпича. Отряд, оставленный здесь на зимовку (160 пехотинцев, 40 казаков под командованием капитана Генерального штаба Кузнецова), был назван Шаджанским. 25 августа остальные силы отошли в Фергану, построив по дороге промежуточный этап, у оз. Шоркуля, в виде укрепления из земляных мешков. У северного края Памира Ионова нагнал афганский майор с письмом от афганского губернатора, ведавшего районом, пограничным с Памиром с протестом против русских претензий на весь Памир.

А на “Памирском посту” между тем организовали разведку и завязали сношения с соседями. Оказалось, что на китайцев можно влиять и без оружия, а с афганцами нужны более крутые меры.

С весны 1893 г. афганцы стали бесцеремонно хозяйничать в ханствах Западного Памира (Шугнана и Рошана). Для

поверки этого факта была послана разведпартия С. П. Ванновского с крохотным конвоем (два пехотинца и 16 казаков при двух офицерах). Их направили в Рошан и Дарвоз, приказав собрать сведения и о Шугнани. Разъезд преодолел невероятные трудности в диких горах, где еще не ступала нога европейца.

Когда Ванновский спустился по ущелью р. Бартанг (Мургаб Памирский), почти к Пянджу (Верхняя Амударья), афганцы (65 человек), выступив ему навстречу из крепости Кала-и-Вамар, расположенной на берегу, 27 августа 1893 г. преградили ему путь у селения Имца (в долине р. Бартанг). Три дня длились бесплодные переговоры. И афганцы, и русские стали получать подкрепления, а к северной окраине Памира был даже придвинут резерв памирских постов и отрядов. 30-го произошла между противниками перестрелка, стоившая афганцам чувствительных потерь. Но бой был прекращен с получением от баракшанского губернатора пропуска для русских. Это дало возможность нам осмотреть северо-западный участок Памира после отхода оттуда афганцев.

Весной 1894 г. афганцы, подстрекаемые Англией, снова заняли запад Памира, ханства Рошан и Шугнан. Тогда Ионов, к тому времени уже генерал, начальник всех памирских отрядов, направил разъезды в юго-западный угол Памира, вниз по рекам Гунт и Шахдарья, соединив их постами. Другие разъезды пошли по прочим рекам, пересекающим западный Памир до Пянджа — по рекам Ванч, Язгугам и Бартанг.

Разъезд капитанов Скерского и Серебряникова, шедший по берегу Шахдарья, был встречен с восторгом в Шугнани, где афганцы держали пост. Надо сказать, что до этого здесь европейцев никогда не было.

На последней трети пути вниз по клокочущей Шахдарье Скерский был остановлен залпом афганцев из крепости Рошкала. Скерский сначала намеревался подождать подкреплений, но, узнав, что афганцы хотят напасть на отряд Юденича, шедший по долине р. Гунт, решил атаковать Рош-калу. Афганцы поспешно очистили крепостцу и отошли на следующую горную позицию, верст на 12 ниже по реке, твердо

решив не уступать края, “данного Афганистану Богом”. 4 августа афганцы покушались приступить к нашей позиции, но отступили. 5 августа они стали надвигаться на наш отряд, а их конный взвод бросился было в обхват нашего казачьего дозора, но был отбит ловким залпом с позиции в 2200 шагах. Это ошеломило афганцев.

Но тут пришло известие от Юденича, что он блокирован афганцами на р. Гунт, а когда к Скерскому подошло подкрепление, афганцы в числе двух рот (130 человек) и 28 всадников, поманеврировав, отступили временно на расстояние одного перехода. С рассветом афганцы снова начали наступление, послав часть сил в обход. Этот обход на привале был внезапно атакован 15 казаками под командованием хорунжего Рябова, что несколько подзадержало афганцев (с 11 до 2 часов дня). С перестрелкой афганцы, делая перебежки “по-европейски”, подошли к нашей позиции на 1600 шагов. Огонь велся всю ночь. Тут к афганцам подошло подкрепление, и они стали строить в 2400 шагах от нас укрепление, но утром бросили его и отошли за 5 верст. Отрядец наш в составе 27 казаков и 12 пехотинцев, находившийся в походе с 24 июля по 5 августа, стал изнемогать, да к тому же туземцы, ответственные за довольствие отряда, видя, что афганцы сильнее, бросились в бега, обрекая нас на голодовку.

К счастью, пришла весть, что сам Ионов идет на выручку. С 5-го на 6-е пришли 30 пехотинцев, три казака, как раз когда афганцы стали не давать отряду покоя ни днем ни ночью. С приближением Иопова афганцы поспешно убрались восвояси, как стоявшие против капитана Скерского, так и блокировавшие подполковника Юденича¹. Оба наши отряда соединились в Хороге, на р. Пяндж (Верхняя Амударья), а потом разведали долину этой реки вверх и вниз, причем крепость Кала-и-Вамар занял русский гарнизон. В сентябре через “Памирский пост” все наши отрядцы ушли в Фергану, потому что афганцы навсегда ушли с Памира, из Шугнана и Рошана.

¹ Против Юденича было два орудия, и там афганцы подходили к нам на 300 шагов, но все обошлось без боя.

В 1895 г., после 4-летнего противостояния захватчикам, мы при посредстве Англии заключили официальный договор, согласно которому Англия получила юго-западный угол Памира, Афганистан — Вахан, т. е. вся горная окраина Памира досталась англо-афганцам и отделила нас от естественной границы с Индией, от Гиндукушского хребта. Река Пяндж отделила нас с юго-запада и запада от Афганистана, за что эмир отказался от претензий на часть Дарваза, соединявшую Памир с Бухарой на северо-западе.

Участники похода получили в память о нем медали с вензелями Н. I, А. II и А. III и надписью “За походы в Средней Азии 1873—1895 гг.”. В заключение приведем слова одного из участников Памирских походов, определяющие их в истории Российской армии: “Памирские походы бесспорно можно считать самыми трудными походами в Азии, в смысле борьбы с суровой природой, обессмертившими новой славой лихие туркестанские войска, водрузившие русское знамя на суровой “крыше мира”».

Русско-турецкая война 1877—1878 гг.

*К. И. Дружинин,
генерал-майор*

Военное дело в России при вступлении на престол Александра II и перед войной 1877—1878 гг.

При вступлении на престол Александра II русские вооруженные силы переживали критический момент, обыкновенно являющийся последствием неудачной войны, — приходилось организовывать вооруженные силы почти заново. Прежде всего хотелось немедленно устранить самые чувствительные недостатки и удовлетворить насущные запросы армии, стоявшей лицом к лицу к почти поголовно враждебной нам Европе. В этом отношении наибольшую озабоченность выказал главнокомандующий гвардейскими и гренадерскими корпусами генерал-адъютант граф Ридигер, представивший императору три записки о существовавших в армии недочетах с предложением соответствующих мероприятий к их устранению.

Граф Ридигер доказывал, что во всей русской армии невозможно найти хотя бы одного командира корпуса или начальника дивизии, который удовлетворял бы всем требованиям, предъявляемым к высшему военному руководству; граф обвинял в этом систему, при которой подчиненным не было возможности обнаруживать свои дарования. Постоянное вмешательство главнокомандующего и его штаба во все подробности службы уничтожало стремление офицерского состава к усовершенствованию, заменяя его желанием избе-

гать неприятностей, которые так легко навлекало любое проявление самостоятельности. Такое вмешательство в дела подчиненных снимало с них всякую ответственность.

В те времена совершенствование войск ограничивалось лишь внешней стороной дела. «Все начальники, — по словам графа Ридигера, — были твердо убеждены, что их репутация зависит единственно от безупречного равнения солдата и его совершенства в маршировке». Поэтому Ридигер признавал необходимым упразднить в мирное время должность главнокомандующего армией и ее штаб с целью предоставить корпусным командирам самостоятельность и тем возбудить среди них соревнование в совершенствовании вверенных им войск. Затем следовало определить права и обязанности корпусных командиров и начальников дивизий, расширив права последних и назначив особых начальников дивизионных штабов. Частные начальники должны были давать распоряжения в пределах их властных полномочий, а не испрашивать приказаний старших начальников. Наконец, нужно было повисить ответственность начальников сообразно увеличению их прав, дабы избежать превышения власти относительно подчиненных.

Император вполне одобрил взгляды графа Ридигера, но посмотрел на затронутые им вопросы еще шире, и как только был заключен мир, приказал приступить к работе по коренному переустройству всего военного управления. В 1855 г. была образована сперва под наблюдением, а затем и под председательством Ридигера «комиссия для улучшений по военной части». Ввиду того, что сменивший князя Чернышева в 1852 г. на должности военного министра князь Долгоруков 1-й (Василий Андреевич) не был в состоянии справиться с предстоявшей многосложной работой, он был заменен 17 апреля 1856 г. генерал-адъютантом генералом от артиллерии Сухозанетом 2-м (Николаем Онуфриевичем). Новый министр прошел чисто строевую подготовку главным образом в должностях начальника артиллерии, участвуя во всех войнах начиная с 1812 г., а в 1855 г., после сражения на Черной речке, получил в командование 3-й пехотный корпус. Достигая всегда блестящего состояния вверенных ему

Император Александр II. С фотографии С. Левицкого

частей, обладая энергией и распорядительностью, генерал Сухозанет имел слишком недостаточную подготовку к административной деятельности, а также существовавшая до Восточной войны глубокая рутинная военная оставила в нем слишком большие следы. Вот почему, заимствовав все преобразовательные идеи от графа Ридигера, он руководствовался ими в своей деятельности, но в то же время не видел необходимости в децентрализации власти в военном управлении и поэтому не был в состоянии исцелить нашу военно-административную машину в целом. К тому же граф Ридигер скончался в самом начале реформ — 15 июня 1856 г.

Главнейшей и самой благодетельной реформой, осуществленной Сухозанетом, следует признать окончательное упразднение военных поселений.

9 ноября 1861 г. на пост военного министра назначен генерал-лейтенант Дмитрий Алексеевич Милютин, пробывший на нем все время царствования Александра II и ушедший в отставку лишь 21 мая 1881 г. Дмитрий Алексеевич Милютин, родившийся 28 июня 1816 г., получил образование в Московском университетском пансионе (окончил курс с серебряной медалью), но затем, на счастье России и ее армии, посвятил себя военной службе, поступив в 1833 г. фейерверкером в батареиную № 2 роту Лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады. В том же году он был произведен по экзамену в прапорщики, а в 1835 г. поступил в Императорскую военную академию, которую окончил в 1837 г. с серебряной медалью и в чине штабс-капитана был назначен в штаб. В 1839 г. Милютин был командирован для приобретения «военных познаний и опытности» в отдельный Кавказский корпус, где прослужил до конца 1844 г., принимая участие во многих экспедициях против горцев. Таким образом он приобрел некоторый боевой опыт.

В 1845 г. Милютин возвращается к теоретическим занятиям в качестве профессора Императорской военной академии на кафедре военной географии; в то же время он занялся изучением военной истории и написал свой знаменитый труд «История войны 1799 г.» Кроме учебных занятий Милютин был постоянно привлекаем к военно-административ-

ной деятельности, состоя на должности сначала управляющего 3-м (воспитательным) отделением штаба военно-учебных заведений, я затем при военном министре.

В 1845 г. он был обер-квартирмейстером отряда военно-учебных заведений в Петербурге, в 1854—1855 гг. (произведен в генерал-майоры и назначен в свиту) — делопроизводителем особых комитетов по защите берегов Балтийского моря, в 1856 г. — членом комиссии Прибалтийского края и членом комитета по устройству юнкерских школ при армейских корпусах. Во время этой деятельности Александр II мог лично удостовериться в обширных познаниях Милютин и его административных способностях.

В 1856 г. Милютин по собственному желанию ушел из Николаевской академии Генерального штаба и получил должность начальника Главного штаба войск на Кавказе; следовательно, от кабинетных трудов он снова обратился к боевой деятельности. За время пребывания на Кавказе Милютин был произведен в генерал-лейтенанты, назначен генерал-адъютантом и награжден за боевые заслуги орденом св. Владимира 2-й степени с мечами.

Необходимость серьезных преобразований нашей армии и ее управления побудили императора в 1860 г. призвать Милютин в Петербург на пост товарища военного министра, а 9 ноября следующего года назначить его военным министром.

15 января 1862 г. Милютин представил государю свой знаменитый доклад, заключавший основные идеи и программу всех будущих преобразований. Останавливаясь прежде всего на трудности задачи военного министерства, состоявшей в том, что нужно стремиться к облегчению бремени государства по военным расходам, военный министр все-таки не допускал и мысли, чтобы Россия могла отказаться от своего первостепенного политического значения, приобретенного ею тысячелетним существованием, и поэтому ставил первостепенным условием, чтобы сокращение военной сметы не могло нанести ущерба благосостоянию и благоустройству армии, тем более что, по его мнению (бесспорно справедливому и верному), Россия не имела еще вооруженных

сил, соответствующих размерам ее территории и количеству населения.

По расчету Милютина, численность армий Франции, Австрии и Пруссии достигла в мирное время соответственно 400, 280 и 200 тысяч, а в военное — 800, 625 и 695 тысяч, т. е. отношение численности в мирное и военное время составило 1:2, 1:2,2 и 1:3,4. Между тем русская армия хотя и насчитывала в мирное время 765 530 человек, а в военное, увеличиваясь почти вдвое, достигала 1 377 365, но эта грозная цифра была мнимой, существующей лишь на бумаге. Действительно, для пополнения разности в численности армии по штатам мирного и военного времени, простиравшейся до 611 тысяч, мы имели наготове только 242 тысяч отпускных служилых синов, а остальные 369 тысячи должны быть взяты из населения неготовыми рекрутами.

Содержа в мирное время более войск, нежели какая-либо из других первоклассных держав (765 тысяч), и рассчитывая в случае войны иметь под знаменами до 1377 тысяч, мы в действительности могли выставить во всей Европейской России (за исключением войск Кавказских, Оренбургских и Сибирских — 228 тысяч) не более 769 тысяч (537 тысяч по штатам мирного времени, усиленных полным числом следуемых в войска Европейской России отпускных, т. е. 232 тысячи). Таким образом, для обеспечения внешней и внутренней безопасности государства, превосходящего пространством почти в 10 раз Францию и Австрию и в 18 раз Пруссию, мы имели армию лишь несколькими тысячами больше армий каждой из сих держав. Если же из состава наших армий вычтеть местные войска (168 тысяч), то боевая сила сокращалась до 638 тысяч, что уже было менее боевых сил Франции (699 тысяч), Пруссии (682 тысячи) и только на 39 тысяч больше Австрии (599 тысяч). Такой неудовлетворительностью системы и объясняется тот страшный недостаток в войсках, который мы испытывали с открытием войны 1853—1855 гг., когда приходилось торопливо формировать новые части из спешно призываемых рекрутов и даже ополчений.

На основании этих ярких данных Милютин доказывал, что даже и увеличивая численность наших вооруженных сил,

но сохраняя прежнюю организацию резервных и запасных войск, мы все-таки не в состоянии без колоссальных постоянных расходов содержать достаточно сильную армию. А поэтому нужны коренные преобразования в организации резервных войск; надо создать новые кадры запасных войск и обеспечить пополнение тех и других при мобилизации. Для сокращения небоевого элемента армии следовало прежде всего упразднить корпус внутренней стражи, возложив его обязанности по караульной службе на резервные войска в мирное время и на запасные в военное. Для пополнения числа лиц, прошедших подготовку в армии, Милютин предлагал сократить срок службы в постоянных войсках и указывал на необходимость безотлагательного пересмотра рекрутского устава, что являлось подготовкой к введению всеобщей воинской повинности.

В основу всех реформ по военному ведомству легла та же мысль, которую высказал и генерал-адъютант Ридигер, т. е. ослабление централизации управления на основе следующих общих принципов:

1) установление единства военного управления путем включения в состав министерства тех учреждений, которые ранее находились только в связи с ним;

2) сосредоточение в Военном министерстве функций координации и контроля деятельности всех административных органов;

3) возложение всей распорядительной части на местные органы;

4) пробуждение самодеятельности в низших инстанциях.

Единственным способом реализации всех этих идей Милютин признавал переход к территориальной системе военного управления посредством разделения государства на военные округа. В лице их начальников должно было сосредоточиться и командование войсками, в округе расположенными, и заведывание местными военными учреждениями, наблюдение за сохранением спокойствия и порядка и вообще управление всеми отраслями в округе. На этих лиц должны были лечь обязанности генерал-губернаторов (по военной части) и окружных начальников внутренней стражи. При

такой системе территориального военного управления на Военное министерство как на центральное возлагались только координация и контроль действий всех административных органов, а на военно-окружные управления — вся исполнительная часть.

Конечно, ввести такую коренную реформу сразу было невозможно, и Милютин предполагал совершить ее в течение нескольких лет. В 1862 г. созданы Варшавский, Виленский, Киевский округа, весной 1864 г. — Рижский, и в том же году утверждено разрабатывавшееся с 1863 г. положение о военно-окружных управлениях и созданы еще Петербургский, Финляндский, Московский, Харьковский и Казанский округа; всего сформировалось 10 округов, в которые вошли 45 губерний и одна область (Бессарабская) Европейской России и губернии Привислинского края. Районы внутренних округов (Московский, Харьковский и Казанский) были обширнее, потому что имели удобные пути сообщения. Кроме того, число войск в этих округах было незначительным. Управления на Кавказе, в Оренбургском крае и в Сибири были оставлены временно на прежних основаниях, но уже в 1865 г. были образованы округа Кавказский, Оренбургский, Западносибирский и Восточносибирский, а в 1867 г. и Туркестанский. Таким образом, число округов дошло до 15. В 1870 г. упразднен Рижский округ, территория которого была разделена между Петербургским и Виленским округами.

В 1856 г. пехота получила однообразную организацию приведением всех полков в 3-батальонный состав; ввиду того, что пока нарезное оружие могло быть выдано только части войск, во всех батальонах сформирована 5-я стрелковая рота. Состав кавалерии значительно уменьшен и ее резерв оставлен только в двух корпусах: гвардейском и кирасирском, а в следующем году были упразднены кирасирские полки (кавалерия уменьшилась еще на 16 эскадронов), и состав 64 эскадронов сокращен до 12 рядов во взводах.

Кадры резервных частей были усилены, и положено содержать определенное число офицеров и нижних чинов в запасе (отпусках); всего для линейной пехоты и стрелковых батальонов определено иметь в запасе 172 130 отпускных

нижних чинов и собственно для пополнения резервных частей 2304 офицера. В общем все-таки вопрос пополнения армии в военное время не был разрешен удовлетворительно, потому что приходилось по-прежнему, кроме обученного запаса, обращаться к рекрутским наборам, т. е. брать в строй новобранцев; резервы шести армейских корпусов пополнялись наполовину запасными и наполовину новобранцами, резервы артиллерии — только на треть или четверть запасными. Все это должно было крайне замедлить мобилизацию, и по причине затрат времени на передвижение по огромной территории государства и на обучение она не могла быть выполнена ранее шести месяцев.

С 1858 по 1861 г. включительно происходили некоторые изменения только в кавалерии и артиллерии, а состав действующей пехоты и инженерных войск оставался почти без перемен.

В 1862 г. вооруженные силы имели нижеследующую организацию.

Действующие войска:

1-я армия из 1, 2 и 3-го армейских корпусов (неотдельных):

Кавказская армия — из кавказской гренадерской, 19, 20 и 21-й пехотных и сводной драгунской дивизий, линейных батальонов (37) и других частей, расположенных на Кавказе;

неотдельные армейские корпуса — 4, 5 и 6;

отдельные корпуса — Гвардейский пехотный, Гвардейский кавалерийский, Гренадерский и шесть армейских корпусов состояли из трех пехотных и одной кавалерийской дивизий с их артиллерией и парками (составлявшими одну артиллерийскую дивизию). Оренбургский корпус — 23-я пехотная, Сибирский корпус — 24-я пехотная дивизия и войска других наименований. Войска Финляндии и Восточной Сибири подчинялись местным генерал-губернаторам.

Пехотные полки в мирное время имели: гвардейский и гренадерский по два, армейские по три и кавказские по пять батальонов и содержались в уменьшенном составе; кавалерийские полки — четыре эскадрона и также содержались в уменьшенном составе; артиллерия — по четыре конных ору-

дия, кроме некоторой части конных батарей с восьмью конными орудиями; по военному составу во всех батареях было по восемь орудий.

Резервные части пополнялись в военное время из существующих кадров, а также формировали новые части и образовали запасные войска. К составу армии принадлежали: корпус внутренней стражи, корпус жандармов, специальные войска артиллерийского и инженерного ведомств и образцовые войска.

Всего действующих войск — 460 батальонов, 224 эскадрона, 111 пеших, 18 конных и одна горная батарей с 844 орудиями, 10,5 саперных батальонов, 7,5 понтонных парков, три коннопионерских эскадрона; резервных войск — 97 батальонов, 80 эскадронов, 21 пешую и четыре конные батарей с 92 орудиями и саперный полубатальон; корпуса внутренней стражи — 50 батальонов и 1100 разных частей.

Армия пополнялась на основании «Рекрутского устава» 1832 г., и самопополнение называлось рекрутской повинностью; отсюда воинская служба почему-то стала именоваться и до сих пор еще именуется воинской повинностью; между тем воинская служба есть выполнение каждым гражданином своего самого почетного и священного долга перед Родиной. Давно пора отказаться от слова «повинность».

Рекрутов набирали со всего податного населения — с каждой тысячи ревизских душ. При ежегодной нормальной потребности армии в 80 тысячах рекрутов она имела из населения почти неисчерпаемый источник пополнения. Кроме рекрутов в армию поступали еще вольноопределяющиеся из сословий, не подпадающих под военную службу, но число таких не превышало 4 650 за каждый год. Во время Восточной войны было взято на пополнение армии нижними чинами:

Рекрутов с 1853 по 1856 г. включительно	865 762
Вызванных из запаса (отпускных)	215 197
В с е г о:	1 080 959

Наборы во время войны происходили весьма успешно, уклонений от воинской службы и дезертирства новобранцев не было. Само население сознавало необходимость уси-

ленных наборов. Что касается нравственного отношения рекрутов, то все строевые начальники заявляли о необыкновенном усердии и храбрости молодых воинов, признавая их выше старослуживых отпускных солдат. Состав рекрутов вполне соответствовал по возрасту, росту и физической выносливости требованиям военной службы.

Для того чтобы дать отдых населению после войны, манифестом в день коронавания Александра II было велено не производить рекрутских наборов в империи и в царстве Польском в течение трех лет; затем это послабление продолжилось еще на три года, до 1862 г. включительно. Общая убыль в армии за это время достигла более 400 тысяч человек. Она была пополнена из разных источников. Вольноопределяющиеся, недоимочные прежних наборов и отдаваемые в солдаты за провинности дали 58 226 тысяч; от сокращения штатов строевых частей в 1857 г. образовался сверхкомплект в 31,8 тысячи; освободилось вследствие прекращения комплектования от военного ведомства разных нестроевых команд до 15 358 человек; переосвидетельствование второго разряда нижних чинов, зачислявшихся в нестроевые команды разных ведомств, дало 12 546 человек. С 1858 г. начали призывать отпускных; дело в том, что боевая обстановка на Кавказе требовала постоянного пополнения рядов Кавказской армии, а в 1859 г. — перевода на военное положение целых четырех армейских корпусов. К 1 января 1862 г. армейского запаса насчитывалось всего 210 074 человека, чего хватало только на доведение войск до нормы военного времени, а следовательно, приходилось вновь обратиться к рекрутским наборам, тем более что в 1860 г. сроки действительной службы были сокращены.

Комплектование унтер-офицерами и офицерами. В унтер-офицеры производили: 1) добровольно поступавших на службу; 2) рядовых, поступавших по набору; 3) кантонистов. Для подготовки рядовых, поступавших по набору, к производству в унтер-офицеры в пехоте и кавалерии не было никаких школ и не требовалось никаких экзаменов, а только обяза-

тельный 3-летний срок службы. Артиллерию и инженерные войска комплектовали фейерверкерами и унтер-офицерами из числа окончивших дивизионные (в артиллерии) и бригадные (в инженерных войсках) школы с 3-летним курсом обучения. После войны был предпринят ряд мер для развития грамотности нижних чинов.

Все войска и военные учреждения пополнялись офицерами из числа лиц: 1) окончивших военно-учебные заведения, 2) добровольно поступавших на службу нижних чинов, 3) нижних чинов, поступающих по набору.

Военно-учебные заведения подразделялись на специальные училища (Михайловское артиллерийское и Николаевское инженерное) и общие первого и второго класса. К первому классу относились Пажеский и 16 сухопутных кадетских корпусов, Дворянский полк и школа гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров; в них было по штату 150 пажей, 7010 кадетов, 120 подпрапорщиков и 108 кавалерийских юнкеров, а всего 7388 воспитанников. Второй класс составляли четыре кадетских корпуса и одно отделение, всего 900 воспитанников второго класса переходили в заведения первого класса.

Преподавание в корпусах разделялось на три курса: подготовительный (один год) и общий (пять лет); специальный курс (три года) предусматривался только в столичных корпусах для подготовки к поступлению в артиллерийские и инженерные училища и Военную академию. Корпуса были закрытыми заведениями, что способствовало развитию военного духа в воспитанниках с самого раннего возраста; в малолетние отделения поступали дети от 6 до 8 лет, а в прочие — не старше 12 лет. На каждые пять воспитанников приходилось по одному воспитателю и одному человеку прислуги. В корпуса принимались только дети дворян (лишь в два из них — дети военных и гражданских чиновников и других сословий), в пажи — дети военных и гражданских чинов первых четырех классов. Таким образом наши военно-учебные заведения должны были выпускать офицеров однородного состава не только по своему воспитанию и обучению, но и по происхождению.

Лучших воспитанников корпусов выпускали: окончивших курс по первому разряду — в гвардейскую пехоту прапорщиками или в армию поручиками; окончивших курс с меньшим успехом — в армию подпоручиками, а еще с меньшим — прапорщиками.

В год выпускали из военно-учебных заведений всего 520 человек, чего совершенно не хватало для всей армии. Поэтому главным источником кадрового пополнения оставалось производство в офицеры вольноопределяющихся по выслуге или определенного срока и в зависимости от образования или принадлежности к известному сословию; только в некоторых случаях требовалось испытание по особым программам. Хотя офицеры этой категории принадлежали к сословиям более или менее образованным, но все-таки их теоретическую подготовку следовало признать совершенно недостаточной.

Из лиц, поступивших по набору, лишь ничтожный процент выходил в офицеры, потому что слишком продолжительным был обязательный срок службы в звании нижних чинов (в гвардии — 10, в армии — 12 лет); при неграмотности нижних чинов желающих держать экзамен было немного, и большинство их затем оставались унтер-офицерами.

Из этих двух источников пополнения наша армия получила в 1852 г. 946 офицеров. Восточная война потребовала усиленного комплектования армии, почему пришлось предоставить значительные льготы по производству в офицеры вольноопределяющихся; таким образом число их начинает возрастать и в 1855 г. достигает 4476 человек. Ясно, что состав офицеров-льготников был в высшей степени неудовлетворителен. Во всеподданнейшем отчете за 1856 г. между прочим сказано: «Означенные лица [офицеры] в огромном большинстве не получили никакого воспитания. При столь малом залоге доброй нравственности и достоинства сии кандидаты на офицерство, а с ними часто и юнкера лишены на продолжительных зимних стоянках не только средств к образованию, но даже физического безукоризненного упражнения своих телесных сил; почему коснеют в невежестве и, предаваясь стремлению грубых страстей, образуют окончательно

ненадежных офицеров, доставляющих доньне обширное занятие комиссиям военных судов».

Ввиду такого печального положения дела в 1856 г. предпринимается ряд мер для усовершенствования системы подготовки офицеров. И уже к 1861 г. удается существенно сократить прилив в армию офицеров с плохой подготовкой, и число произведенных офицеров из военно-учебных заведений (667) превысило таковое из унтер-офицеров (603). Но оказалось, что при этом общее число ежегодно производимых офицеров далеко не покрывает их ежегодной убыли, составившей, например, в 1861 г. 2971 человек, и таким образом в армии должен был образоваться значительный недокомплект офицеров.

Офицерами с высшим военным образованием армия комплектовалась до Восточной войны из Военной академии и артиллерийского и инженерного училищ. Военная академия имела целью пополнять корпус офицеров Генерального штаба, давать руководителей государственных геодезических работ и распространять в армии военные познания вообще. В 1852 г. были предоставлены значительные преимущества находящимся на службе в Генеральном штабе и увеличено содержание офицеров, обучающихся в академии, что сразу повысило число желающих получить высшее образование (56 вместо девяти, изъявивших желание в 1851 г.). Курс в Военной академии был двухлетним, затем офицеры прикомандировались на год к образцовым войскам. Окончившие обучение по первому разряду получали следующий чин и, так же как и второразрядники, переводились в Генеральный штаб; окончившие по третьему разряду возвращались в свои части.

В 1855 г. Военная академия переименована в Академию Генерального штаба, а из офицерских классов обоих училищ созданы Михайловская артиллерийская и Николаевская инженерная академии. Развившееся после Восточной войны стремление офицеров к высшему образованию, при условии неограничения нормой приема в академии, быстро повысило число потребных для армии офицеров с высшим военным образованием.

Иррегулярные войска. Эти войска состояли их строевых частей, выставляемых казачьим населением и различными инородческими племенами Кавказского и Оренбургского краев.

Серьезную вооруженную силу представляли только казаки, у которых было 10 войск.

После Восточной войны правительство постаралось облегчить службу казаков и немедленно распустило по домам все мобилизованные для военных действий части, кроме кавказских. Затем состав и организация казаков подверглись некоторым изменениям.

Учреждено новое Амурское войско (1858—1860 гг.) из переселенных забайкальских казаков (до 20 тысяч душ обо-его пола), добровольцев и солдат-штрафников из внутренней стражи (3359 человек), расселенное по берегам рек Амур и Усури, в составе двух конных полков и двух пеших батальонов. Кавказское линейное и Черноморское войска образовали Кубанское и Терское войска. Дунайское и линейное Сибирское войска переименованы в Новороссийское и Сибирское; состав последнего увеличен. Таким образом, к 1862 г. образовалось 11 войск: Донское, Кубанское, Терское, Уральское, Оренбургское, Астраханское, Новороссийское, Азовское, Сибирское, Забайкальское и Амурское, которые должны были выставлять в военное время 891 сотню, 36,5 батальона и 29,5 батарей, а в мирное содержать на службе 475 сотен, 8,5 батальона и 17 батарей, всего 2170 офицеров и 80 992 казака.

Ввиду сокращения после Восточной войны числа регулярных эскадронов значение казаков в нашей кавалерии вообще увеличилось.

Иррегулярные части инородцев Кавказа и Оренбургского края в 1855 г. состояли из 121 офицера и 3532 нижних чинов; кроме того, Башкиро-мещерякское (с 1855 г. Башкирское) войско имело на службе 69 офицеров и 6855 нижних чинов.

К 1862 г. был увеличен состав частей в Закавказье, доведенный до 28,5 сотен и одной пешей дружины, в которых числилось 120 офицеров и 4187 нижних чинов.

Реформы в военном ведомстве. С окончанием ряда реформ, проводимых непосредственно после Восточной войны, численный состав русской армии к 1862 г. был нижеследующим:

Регулярная армия, войска	Численность войск	
	в мирное время	в военное время
действующие	520 922	644 117
резервные	81 460	390 278
запасные	—	173 534
местные	162 422	168 325
образцовые и учебные	1113	1113
особые части	32 662	32 362
И т о г о	798 579	1 410 029

Численность регулярной армии увеличивалась по штатам военного времени почти вдвое, причем действующие части возрастали на четверть, резервные — более чем в 4,5 раза, а запасные формировались вновь. Для пополнения этих трех категорий войск требовалось 605 тысяч солдат, а в запасе состояло всего 242 тысячи; приходилось набрать около 370 тысяч рекрутов, что должно было не только ослабить боевую силу армии, но и отразиться на жизни всего населения. В организации вооруженных сил, она имела еще значительные неудобства: резервные войска должны были и обучать рекрутов, и составлять резерв действующих частей; при переходе на военное положение приходилось формировать массу новых штабов и частей; налицо имелось слишком много войск небоевого назначения, из которых один только корпус внутренней стражи достигал 130 тысяч человек.

Ввиду такого положения дела Военное министерство, обновляясь на всеподданнейшем докладе Д. А. Милютин от 15 января 1862 г., в том же году ходатайствовало о переустройстве вооруженных сил на следующих принципах: уменьшение нестроевых частей, не имеющих боевого назначения; доведение резервных войск до численности, требуемой в боевой

обстановке; наличие кадров запасных войск и подготовленных к строю людей на случай пополнения рядов армии по штатам военного времени. Тогда же был образован соответствующий комитет, однако работа его продолжалась недолго и были лишь разрешены общие вопросы по организации пехоты и артиллерии; но Военное министерство приступило немедленно к реализации всех предложенных им мероприятий, и в течение 1862 г. был уже уменьшен состав армии. Вспыхнувший в 1863 г. польский мятеж заставил не только отказаться от сокращения войск, но и, наоборот, немедленно ввести в боевой состав несколько дивизий и вновь сформировать резервные части. К весне 1864 г. численность регулярных войск возросла до 1 136 975. Так как к концу лета мятеж был подавлен, в отставку уволили 74 тысячи и в отпусках 190 тысяч нижних чинов и приступили к продолжению реформ. К концу 1865 г. войска, дислоцированные в Европейской России, были переорганизованы и оставалось переформировать лишь местные войска в Польше, на Кавказе, в Сибири и Оренбургском крае.

Новая организация была опять в полном смысле слова неудовлетворительной, так как за короткое время при той же рекрутской системе пополнения армии запас не мог быть создан и даже уменьшился (к 1865 г. всего 122 408 человек); лишь несколько сократили количество местных (гарнизонных) войск, а число резервных войск, предназначенных исключительно для подготовки рекрутов, уменьшили до 80 батальонов и 56 эскадронов. Правда, этим избегалось формирование в военное время новых частей, но зато общее число тактических единиц при новой организации становилось меньше. Численность войск сообразно мирному времени все-таки увеличилась и к 1 января 1865 г. составляла по списку 31 704 офицера и 904 845 нижних чинов; в этом составе чины действующих войск составляли 78 %, а войск внутренней службы — только 12 %, между тем как ранее эти соотношения выражались цифрами 66 и 15 %. При переходе армии на военное положение требовалось 237 тысяч нижних чинов, а следовательно, недоставало около 115 тысяч.

В следующее пятилетие, 1865—1870 гг., Военное министерство заботилось исключительно о сокращении числен-

ности армии в мирное время. К началу 1870 г. по спискам числилось всего 683 246 нижних чинов, но политические события в Европе совсем не соответствовали такому ослаблению русских вооруженных сил. Поэтому уже в 1871 г. пришлось увеличить набор рекрутов до 6000 душ (вместо 4000) и довести мирный состав армии до 733 761 нижних чинов.

К 1871 г. состав регулярных войск был нижеследующим.

Пехота: 47 дивизий, восемь стрелковых бригад и 48 линейных батальонов. Дивизии имели четыре полка — всего 188 полков, из которых 16 по четыре, а остальные по три батальона. Стрелковые бригады состояли из четырех батальонов, 4-ротного состава. Все пехотные и линейные батальоны состояли из четырех линейных и одной стрелковой рот. Всего было полевых батальонов 669.

Кавалерия: 10 дивизий, в которых состояло 56 полков — четыре кирасирских, 20 драгунских, 16 гусарских и 16 уланских; всего 224 эскадрона (по четыре в полку).

Артиллерия: 47 пеших бригад, по четыре батареи 8-орудийного состава; всего 234 батареи с 1872 орудиями; восемь конноартиллерийских бригад из 18 батарей со 108 орудиями; восемь парковых бригад с 30 артиллерийскими парками.

Инженерные войска: пять саперных бригад из 10 саперных батальонов, шесть понтонных полубатальонов, шесть военно-телеграфных и два инженерных парков и одна саперная рота.

Крепостные войска: восемь полков и пять отдельных батальонов; всего 25 батальонов пехоты и 59 крепостных артиллерийских рот (в военное время 91).

Резервные войска: 80 отдельных резервных пехотных батальонов, 56 резервных эскадронов (частью сведенных в шесть резервных бригад), четыре резервные артиллерийские бригады по три батареи, две резервные конноартиллерийские бригады по две батареи и четыре резервных саперных батальона. Эти войска имели назначением подготовку рекрутов для всей армии как в мирное, так и в военное время; только саперные части по своим служебным обязанностям почти соответствовали полевым войскам.

Войска внутренней службы: 70 губернских, один горнозаводский батальон и 603 уездные команды.

Казачьи войска: Донское, Кубанское, Терское, Астраханское, Оренбургское, Уральское, Сибирское, Семиреченское, Забайкальское и Амурское. Отдельные полки: Иркутский и Енисейский. По штатам военного времени казаки выставляли: 31 батальон, 933 сотни и 26 конных батарей, всего 3980 офицеров и 177 099 казаков. На действительной службе находились 10 батальонов, 289 эскадронов и сотен и 15 батарей, всего 1771 офицер и 63 218 казаков.

Инородческие войска: одна с четвертью дружина, 37 эскадронов и сотен, всего 132 офицера и 5612 нижних чинов.

Всего, считая с казаками, инородцами и запасными нижними чинами, в армии было 1 440 918 нижних чинов. Офицеров числилось по списку 24 788 и не хватало до штатов мирного времени 1052, а военного времени — 6000. Запаса офицеров не было и предполагалось покрыть его возвращением из отставки переводом из других ведомств (где служило много офицеров) и производством из достойных унтер-офицеров.

Надо заметить, что в регулярной армии уже не было состава нижних чинов с прежними продолжительными сроками службы. Начиная с 1863 г. приемный возраст рекрутов — от 21 до 30 лет. Срок службы определялся для поступивших ранее 8 сентября 1859 г. — в 20 лет, из них 15 действительной службы и 5 лет в бессрочном отпуску, а для поступивших позже этого дня — в 15 лет, из них 12 лет действительной службы и 3 года в бессрочном отпуску. С 1864 г. этот закон был распространен на корпус внутренней стражи и местные артиллерийские и инженерные войска; в том же году нижних чинов кавказских войск, в награду за покорение Кавказа, велено после 15 лет службы увольнять прямо в отставку. В 1868 г. постановили увольнять в бессрочный отпуск поступивших до 8 сентября 1859 г. после 13 лет службы сроком на 7 лет, а поступивших после — после 10 лет службы сроком на 5 лет.

Одной из важнейших мер по организации армии надо считать произведенную Военным министерством капитальную

реформу всех военно-учебных заведений, ибо она резко отразилась на комплектовании корпуса офицеров и оказывала на него существенное влияние.

Собранный по высочайшему повелению комитет для выработки основных идей реформы решил, что военное образование не может начинаться с детского возраста. Ввиду этого комитет предложил следующие меры:

1) отделить специальные классы от общих и образовать из первых специальные заведения (военные училища);

2) в заведениях со специальными классами поставить молодежь в условия военного времени и тем подготовить ее к требованиям действительной службы;

3) в заведениях с общими классами отменить фронтные занятия как не соответствующие возрасту воспитанников, заведения эти именовать военными гимназиями;

4) уменьшить как число воспитанников, так и самих военно-учебных заведений, а освободившиеся денежные фонды направить на учреждение юнкерских училищ и на усиление общеобразовательных реальных заведений.

Эти меры, по нашему мнению, следует признать не особенно удачными, и, если можно так выразиться, именно проведением их в жизнь было положено «огражданивание» русских офицеров. Если во время войны и были обнаружены крупные несовершенства в корпусе наших русских офицеров, то их причины следовало искать, конечно, не в существовании кадетских корпусов, которые были великолепны, ибо способствовали воспитанию воинского духа и его главного элемента — воинственности в молодежи начиная с детского возраста. Если более зрелого возраста кадеты, по мнению комитета, не могли проникнуться требованиями военной службы под руководством неудовлетворительных воспитателей, то следовало обратить внимание на подбор педагогического персонала.

Созданием военных училищ, куда должны были поступать гимназисты, т. е. молодежь гражданского воспитания, никоим образом нельзя было удовлетворить требования действительной службы. Если в кадетских корпусах молодежь не рождалась с настоящей солдатской жизнью, то все-таки

благодаря особому режиму достигалась военная подготовка как организма, так и духа; в новых военных училищах прежде всего надо было неподготовленный к военной службе, сырой материал обрабатывать с самого начала и в то же время приготавливать его к офицерской службе; было совершенно невозможно сделать юнкеров настоящими солдатами, и таким образом офицеры, выпускаемые из училищ, становились чуждыми и далекими солдатам. Если бы с закрытием кадетских корпусов было признано необходимым после окончания курса военной гимназии направлять молодых людей хоть на один год в строевые части для ознакомления с солдатской службой, то эта мера искупила бы в некоторой степени отказ от чисто воинского воспитания молодежи в детском возрасте; но и это было упущено.

В течение 1863—1870 гг. Военное министерство выполнило все предначертания комитета, и мы получили нижеследующую организацию военно-учебных заведений. Заведения со специальным курсом: четыре военных училища — Павловское, Константиновское и Александровское пехотные и Николаевское кавалерийское; заведения со специальным и общим курсом — Пажеский и Финляндский корпуса; заведения с общим курсом — 12 военных гимназий и приготовительный пансион при Николаевском кавалерийском училище. По штату полагалось всего 4970 воспитанников, а состояло по списку к 1 января 1871 г. 5690; из последнего числа в военных училищах числилось 1085 юнкеров. В среднем за 1863—1869 гг. ежегодно из военных училищ выпускали по 464 офицера.

Педагогический персонал по сравнению с 1861 г. уменьшился во всех учебных заведениях на одну треть, причем было принято много гражданских воспитателей (на 176 офицеров приходилось 237 гражданских чинов); вдвое сократился состав нижних чинов и прислуги. Вместе с тем расходы на содержание воспитанников увеличились: в 1855 г. каждый кадет стоил 384 руб., а в 1870 г. каждый юнкер — 658 руб., и военный гимназист — 419 руб. Воспитанники каждого военного училища составляли батальон, а военных гимназий — только учебные классы, позднее разделенные по возрастам.

Высшее управление военно-учебными заведениями было сосредоточено в Главном управлении военно-учебных заведений, подчиненном военному министру. Для ближайшего сношения всех учебных заведений с ведомствами, для которых заведения готовят кадры, академии Генерального штаба, артиллерийская и инженерная, а также артиллерийские и инженерные училища подчинены непосредственно своим главным управлениям, а аудиторское училище передано в ведение генерал-аудитора Военного министерства.

Сокращение выпусков из военно-учебных заведений побуждало ускорить развитие юнкерских училищ, существовавших уже в 1863 г. при четырех штабах корпусов, и к началу 1871 г. мы уже имели 11 пехотных, два кавалерийских, два смешанных и одно казачье юнкерских училищ; всего в 16 училищах полагалось по штату 2670 пехотных, 270 кавалерийских и 405 казачьих обучающихся, а к 1 января 1871 г. состояло по спискам до 85 % этого штатного числа. В 1869 г. выпущено с правами производства в офицеры 641, а в 1870 г. — 829 юнкеров.

Согласно положению об юнкерских училищах, они подчинялись начальникам штабов округов. Учебный курс состоял из двух классов: младшего (общего) с общеобразовательными предметами и старшего (специального) с такими же и еще военными. Хотя поступление в училище не было обязательным, но вольноопределяющиеся могли быть произведены в офицеры только после сдачи выпускного экзамена или по окончании курса.

В 1868 г. для подготовки детей офицеров и чиновников в юнкерские училища были преобразованы в «военные прогимназии» весьма недолгое время просуществовавшие «военные начальные школы», заменявшие собой возникшие из военных кантонистов «училища военного ведомства». К 1871 г. таких прогимназий было 10 со штатом в 3000 воспитанников, налицо в них было 2254.

С преобразованием военно-судной части явилась необходимость иметь подготовленных для занятия должностей в этом ведомстве офицеров. В 1866 г. учреждены «офицерские классы» из двух курсов для выпуска штаб- и обер-офи-

церов для военно-судной части. В следующем году эти классы были переименованы в Военно-юридическую академию, в которую могли поступать офицеры, прослужившие в строю не менее двух лет. Остальные — не менее четырех лет. Ежегодный прием был ограничен 25 вакансиями.

В казачьих войсках произошли серьезные реформы. При образовании Туркестанского военного округа в состав его вошла южная часть земель Сибирского войска; в 1867 г. из поселений двух полков Сибирских казаков, вошедших в состав вновь образованной Семиреченской области, было образовано особое Семиреченское казачье войско, с подчинением его командующему войсками Туркестанского военного округа. Вследствие покорения Кавказа и изменения границы с Турцией утеряли свое боевое значение пограничных Азовское и Новороссийское войска, которые и были упразднены в 1868 г.

Успехи, достигнутые Пруссией в войнах 1866 и 1870—1871 гг., в значительной степени объясняются введением в этом относительно небольшом государстве уже с начала XIX столетия принципа всеобщей воинской службы. К сожалению, наше Военное министерство, предпринявшее после неудачной для нас Восточной войны 1853—1856 гг. последовательный ряд реформ всей системы вооруженных сил, не озаботилось проведением в жизнь принципа всеобщей воинской службы тотчас после отмены крепостного плыва. Только в 1870 г. приступили к разработке этого важного вопроса и образовали две комиссии: одну для составления положения о личной воинской повинности и другую — для составления положения о запасных, местных, резервных войсках и государственном ополчении.

После утверждения 1 января 1874 г. устава о воинской повинности призыв новобранцев был совершен на новых основаниях, заключающихся в следующем: воинская служба обязательна для всего населения государства; денежный выкуп или замена охотниками не разрешаются; воинская служба признана почетной, потому что к несению ее не допускаются лица, лишенные всех прав состояния. Воинская служба установлена двух видов: 1) поступление на действи-

тельную службу и затем состояние на запасе и в ополчении; 2) зачисление прямо в ополчение. Вопрос о виде службы решается жребием, к которому призывается каждый русский подданный один раз в жизни — в тот год, когда ему к 1 января исполнилось 20 лет.

Общий срок службы 15 лет, после чего все зачисляются в ополчение до 40-летнего возраста; до того же возраста числятся в ополчении и прямо в него зачисленные. Сроки действительной службы и состояния в запасе следующие: 1) для лиц, не имеющих льгот по правам образования — на действительной службе шесть и в запасе девять лет; 2) для пользующихся правами образования — на действительной службе от шести месяцев до четырех лет и в запасе — до завершения 15-летнего общего срока службы. Кроме того, были предоставлены широкие льготы по семейному и даже имущественному положению. Для населения отток мужчин на воинскую службу был не очень обременителен, ибо ежегодно из числа всех призываемых к ней поступало не более четвертой части. Освобождались от воинской службы только священнослужители всех вероисповеданий, православные псаломщики и окончившие духовные училища, а также лица, физически неспособные к военной службе и малорослые (менее 2 аршин и 2,5 вершка)¹.

К сожалению, эта новая система пополнения вооруженных сил не могла дать свои плоды ко времени наступления войны 1877—1878 гг., и потому запас, состоявший из лиц, взятых по рекрутским наборам, оказался совершенно недостаточным при потребовавшемся развитии вооружения. Всего к 1 ноября 1876 г. состояло нижних чинов в армии 722 193 и в запасе 752 305, а всего 1 474 498, что было недостаточно для перевода армии на военное положение.

Одновременно с преобразованием системы пополнения армии солдатами было решено вообще изменить организацию вооруженных сил на основании принципов усиления полевых и образования кадров резервных и запасных войск;

¹ Примерно 1 м 55 см.

вместе с тем предполагалось преобразовать и развить войска местные, а также организовать государственное ополчение. На самом деле, хотя Военное министерство и приложило энергию для осуществления реформ в 1870—1876 гг., но успело сделать лишь следующее: в 1872 г. сформированы в пеших артиллерийских бригадах 5-я и 6-я батареи; в 1873 г. упразднены резервные батальоны в ожидании общей реформы тыловых войск, но кадры мирного времени образованы не были; в 1874 г. полки Кавказской гренадерской и пяти армейских пехотных дивизий приведены в 4-батальонный состав и сформирована новая армейская 41-я дивизия; в 1875 г. преобразована кавалерия и конная артиллерия (казачьи полки включены в состав кавалерийских дивизий); в 1876 г. гвардейские пехотные полки приведены в 4-батальонный состав; дана новая организация крепостной артиллерии; сформированы некоторые запасные артиллерийские части и часть армии сведена в корпуса (гвардейский корпус образован еще в 1874 г.).

При всех этих спешных мерах не были устранены главнейшие недочеты: отсутствие запаса офицеров и недостаток запаса обученных солдат; разнородность состава офицеров и неудовлетворительная подготовка большей его части, не прошедшей курс обучения в военно-учебных заведениях высшего разряда, т. е. в военных училищах; неопытность старшего командного состава в руководстве большими войсковыми силами, так как у нас не было организации выше дивизий; несовершенство и разнообразие вооружения как пехоты, так и артиллерии; неудовлетворительное снаряжение как отдельного бойца, так и войсковых единиц.

Балканский театр

Политическая обстановка. В наших вековых отношениях к Турции неизменно существовали два стремления: к освобождению единоверных нам народов от мусульманского владычества и к обеспечению себе выхода из Черного моря в Средиземное через проливы Босфор и Дарданеллы. Первое из этих стремлений — чисто идейное, оно на-

веяно нам с той минуты, когда Древняя Русь приняла от византийских греков православие. Второе стремление было также более чем естественным для могущественного государства, искавшего выходы к открытым морям и океанам.

Первым из правителей России, ясно и твердо поставившим задачу выхода к берегам Черного моря, был Петр Великий. Екатерина II, унаследовавшая заветы Петра, рядом своих войн обессилила Турецкую империю, и с этих пор Россия сделалась грозой для турок. Однако после Екатерины II практическое, реальное стремление России к овладению проливами заметно ослабевает и уступает место чисто идейному, бескорыстному побуждению — помогать братьям, единоверным славянам, православным грекам и вообще всем христианам Турции. Можно утверждать, что державы Европы всегда относились с полным равнодушием к интересам христиан, поработанных турками. В то же время всякое заступничество за христиан со стороны России всегда признавалось Европой как честолюбивый и воинственный замысел.

В 30-х гг. в Англии зарождается опасение возможности умаления ее политического и торгового значения на Востоке, и мало-помалу перед ней возникает призрак грозного нашествия России на Индию; как консервативные, так и либеральные вожди англичан считали, что решительное противодействие России на Босфоре является единственным средством спасти Индию.

Вмешательство Европы в наше вековое и преемственное от Византии заступничество перед Турцией за христиан — вмешательство, преследовавшее не бескорыстное отношение к интересам этих христиан, а только вражду к России — было вполне оценено турками и привело к еще большему угнетению православного населения. Турция тех времен не может быть рассматриваема как государство; это был поголовно вооруженный народ — целая армия, которая, создав оружием свою монархию, расположилась в ней на широких квартирах и жила в течение столетий реквизициями с поработанного населения. Когда же благодаря Англии турец-

кая администрация получила легкую и соблазнительную возможность делать займы, то необходимость уплаты процентов побуждала турок доводить свои реквизиции, т. е. налоги, до безумных размеров. И турки выжимали все соки из православного населения, чувствуя за собой поддержку в Англии.

Поощряемые английской дипломатией, к концу царствования Николая I турки, как известно, игнорировали самые справедливые требования России, что и повело к Восточной войне и осаде Севастополя.

Первым из христианских народов, восставших против оттоманского ига, были сербы, населявшие Боснию и Герцеговину. Они были порабощены лишь в конце XV в., когда высшие классы перешли в магометанство, а все остальное христианское население (кметы), лишенное гражданских прав, было обложено громадными податями.

В 1875 г. жители Невесинского округа прогнали сборщиков податей, а сами укрылись в Черногории. Сперва, по ходатайству Черногорского князя Николая, Порта согласилась на амнистию повстанцев, но часть их после возвращения тут же засадила в тюрьмы. Тогда жители Невесины ушли в горы, и это послужило началом восстания всей Герцеговины; оставались спокойными лишь округа, пограничные с Черногорией, сдерживаемые князем Николаем по настоянию России. Однако довольно долго герцеговинцы не предпринимали решительных действий, а, продолжая вооружаться в горах, ограничивались требованием выслушать их претензии. Туркам не стоило труда удовлетворить эти требования, но у них тогда уже возникла идея втравить в разгоравшуюся борьбу Сербию и Черногорию, чтобы, разгромив их, подавить всяческий соблазн к выражению недовольства остальных славянских народностей.

28 июня первое вооруженное столкновение закончилось отступлением двух турецких таборов из Невесины. В конце июля герцеговинцы обложили крепость Требинье и другие укрепленные пункты, и восстание распространилось по всей Боснии.

Россия находилась в официальном союзе с Германией и Австрией, и поэтому, казалось бы, ей нетрудно было до-

биться единодушного дипломатического воздействия на Порту великих держав, но Австрия пожелала предварительно убедиться в том, что в Турции не будут созданы независимые славянские области. Это показывает, насколько Австрия игнорировала идейные интересы славян. Установив согласие между державами Тройственного союза относительно совместного воздействия на Турцию и заручившись поддержкой Англии, Франции и Италии, представители союзных государств обратились к Порте с рекомендацией погасить очаг восстания мягкими мерами, послав в Герцеговину чрезвычайного комиссара, и допустить для переговоров с повстанцами международную комиссию из консулов.

Шесть консулов, прибыв в Герцеговину, тщетно пытались убедить инсургентов разойтись по домам, но так как те соглашались вступить в переговоры с турецким комиссаром Сервером-пашей только при условии ручательства Европы в том, что Порта исполнит свои обещания, то миссия консулов оказалась безрезультатной.

Турки отлично поняли, что западные державы готовы и дальше продолжать бесплодные дипломатические переговоры, и для успокоения Европы обнародовали 30 ноября 1875 г. фирман, обещавший населению всего государства ряд гуманных преобразований, однако не распространявшихся на лиц, нарушивших долг верности султану.

Так как Австрия более других держав была заинтересована в прекращении смуты, то на Венский кабинет возложили выработку плана умиротворения. Этот план был изложен в циркулярной ноте графа Андраши от 18 декабря 1875 г. В нем шла речь о следующих реформах: 1) полная религиозная свобода, 2) уничтожение откупной системы сбора податей, 3) расходование денежных средств, получаемых от прямых налогов в Герцеговине и Боснии, на надобности этих областей и под контролем местного населения, 4) учреждение комиссии из равного числа христиан и мусульман для наблюдения за введением преобразований, как прежде обещанных Портою, так и тех, на целесообразность которых ныне указывали державы, 5) улучшение положения сельского населения.

Недостаток этого плана состоял в том, что в нем не было даже намека на какое-либо принуждение Порты в случае ее отказа. С одобрения Франции, Италии и Англии (недовольной тем, что не было опрошено предварительно ее мнение) нота была передана Порте 19 января 1876 г.

Турецкое правительство нотой от 1 февраля ответило, что принимает предложения держав, объявило амнистию инсургентам и обнародовало предполагаемые реформы. Между тем восстание перекинулось и в Болгарию, в селения Филиппопольского и Татар-Базарджикского округов.

Александр II прибыл в Берлин, и здесь 1 мая тремя канцлерами (Горчаков, Бисмарк и Андраши) был подписан Берлинский меморандум, заключавший проект реформ в турецких областях, не касающийся их статус-кво и не имевший никаких практических результатов.

Английское министерство Дизраэли не только не пожелало присоединиться к Берлинскому меморандуму, но и явилось защитником интересов Турции. Несмотря на наши уступки, английская эскадра получила приказ идти в Дарданеллы. Таким образом, англичане сами поощряли воинственность, как бы ручаясь за безопасность Константинополя. Такое коварство англичан заставило Францию и Италию, а затем и Германию с Австрией отказаться от наших предложений.

Волнение славян на Балканском полуострове продолжало шириться, стягивая в свою орбиту и мусульман. 24 апреля в Салониках мусульмане убили французского и немецкого консулов, после чего туда прибыли военные суда западных держав. В Константинополе усилилось влияние партии «молодой Турции», ставившей своей задачей возрождение Турции собственными силами, без вмешательства Европы; ей удалось сместить визиря и шейх-уль-ислама, а 18 мая свергнуть султана Абдул-Азиса как потворщика интересам европейских кабинетов. Провозглашенный султаном Мурад V по настоянию младотурок решил крутыми мерами загасить христианский бунт, служивший поводом вмешательства Европы. Прежде всего были усмирены болгары, причем вырезано до 15 тысяч душ и сожжено много селений; но тогда поднялись Черногория и Сербия.

Под давлением европейских держав князь Милан и Николай пытались сдерживать народное движение, но, во-первых, впечатление от турецких зверств в Болгарии, а во-вторых, непопулярность Милана в своей стране заставили последнего, вопреки настояниям России, 20 июня перейти с армией турецкую границу. Командующим сербской армией был известный русский отставной генерал Михаил Григорьевич Черняев.

Вообще с момента начала войны с Турцией Сербии и Черногории, несмотря на все стремление государя решить восточный вопрос мирным путем, почва для такого решения начинает ускользать. Тем не менее Александр II после своей поездки в Эмс и встречи с императором Францом Иосифом в г. Рейхсштатте решает не вмешиваться пока в борьбу, но и не позволить Турции в случае успеха (а он был несомненен) изменить статус Сербии и Черногории, а в отношении Боснии, Герцеговины и Болгарии настоять на реформах, предложенных Берлинским меморандумом. Австрия согласилась воспретить туркам доставить войска через порты Клек и Каттаро.

Сербская милиция, не способная противостоять турецким регулярным войскам, была отброшена на свою территорию. 11 августа князь Милан обратился к державам с просьбой остановить наступление турок и содействовать заключению перемирия. Англия занимает активную позицию в деле умиротворения и предлагает Турции заключить месячное перемирие. Россия считает целесообразным собрать в Константинополе конференцию для восстановления прочного мира.

Между тем в Константинополе борьба с восставшими христианами (райей) объявлена священной. На место султана Мурала возведен его брат Абдул-Гамид, и 2 сентября Порты как победительница представила послам меморандум с унижительными условиями мира с Сербией. Этот меморандум не был одобрен державами, и почин в дела умиротворения переходит к Англии, но ее посол только ведет бесплодные переговоры. Тогда в середине сентября Россия обратилась в Лондон и Вену с предложением: «Если Порты отвергнет предьяв-

ленные ей условия мира, то занять Боснию австрийскими, а Болгарию русскими войсками; соединенной эскадре всех держав произвести демонстрацию к Босфору». Англия высказалась против занятия нами Болгарии и категорически отвергла производство демонстрации. К этому времени нам стало известно, что Англия и Австрия вступили в тайное соглашение с целью «втянуть Россию в единоборство с Турцией». Естественно, что все дальнейшие переговоры Англия затягивала, а между тем Сербия находилась в отчаянном положении.

3 октября государь собрал в Ливадии совещание с участием наследника цесаревича, министра финансов Рейтерна, князя Горчакова, графа Игнатьева, графа Адлерберга и генерала-адъютанта Милютина, на котором было решено:

1) немедленно отправить графа Игнатьева в Константинополь;

2) настаивать на скорейшем созыве конференции в Константинополе, а если она в течение 2—3 недель не состоится или не будет удачной, то отозвать нашего посла и приступить к мобилизации армии не позже начала ноября; мобилизация эта не означает решения воевать, но должна побудить Турцию проявить уступчивость;

3) в случае войны начать ее немедленно небольшими силами, невзирая на зимнее время года;

4) заключить конвенцию с Румынией и добиться если не союза, то дружественного нейтралитета со стороны Австрии;

5) цель зимнего похода ограничить занятием лишь Болгарии как залога удовлетворения наших требований, после выполнения которых Портой прекратить оккупацию области.

21 сентября турки перешли в наступление и разбили при Дюнише сербскую армию, открыв себе путь на Белград. Князь Милан по телеграфу молил государя о спасении, и 18 октября графу Игнатьеву было поручено объявить Порте, что «в случае если она в двухдневный срок не примет перемирия на шесть недель или два месяца, то наше посольство выедет из Константинополя и дипломатические сношения будут прерваны». Это решение государя за-

ставило Порту немедленно согласиться на заключение двухмесячного перемирия.

Одновременно с объявлением своего решения Порте государь лично заявил английскому послу о своих миролюбивых намерениях: «России приписывают намерения завоевать Индию и овладеть Константинополем. Может ли быть что-либо нелепее этого? Первое предположение совершенно невозможно; что же касается до второго, то я снова повторяю, что это чуждо моим желанием и намерениям. Даже в том случае, если бы русским войскам для побуждения Порты к уступкам пришлось занять часть Болгарии, занятие это будет лишь временным». Однако Англия продолжала относиться к нам все так же враждебно и втайне поощряла Порту к сопротивлению требованиям держав.

Долготерпение государя начало истощаться, и 29 октября, принимая в Москве дворян и горожан, он сказал: «Желаю весьма, чтобы мы могли прийти к общему соглашению. Если же оно не состоится и я увижу, что мы не добьемся таких гарантий, которые обеспечивали бы исполнение того, что мы вправе требовать от Порты, то я имею твердое намерение действовать самостоятельно и уверен, что в таком случае вся Россия отзовется на мой призыв, когда я сочту нужным и честь России того потребует. Уверен также, что Москва, как всегда, подаст в том пример. Да поможет нам Бог исполнить наше святое призвание».

Вопрос мира или войны зависел теперь всецело от того, насколько настойчиво и согласно будут действовать в смысле побуждения Порты к исполнению требований России все представители европейских держав на конференции в Константинополе, открывшей заседание 29 ноября. Однако 11 декабря турецкий министр иностранных дел объявил, что султан только что даровал своей стране конституцию, чем обеспечил благоденствие всех своих подданных христиан. 8 января конференция прекратила работу, причем графу Игнатьеву удалось только добиться продолжения перемирия между Турцией и княжествами с 20 декабря по 17 февраля.

Таким образом к началу 1877 г. окончательно выяснилось, что Россия не может рассчитывать на поддержку Европы

в воздействии на Турцию, но вместе с тем, по-видимому, державы не желали и предоставлять ей свободы действий; в сущности Англия и Австрия, как сказано выше, желали только втравить Россию в единоборство с Турцией, но твердо решили заранее не допустить ей использовать свой вероятный успех, достигнутый оружием.

Составлением Лондонского протокола от 19 марта Россия сделала последнюю попытку заставить султана дать обязательства относительно реального улучшения правового положения его христианских подданных. Порта отвергла Лондонский протокол, объявив об этом циркуляром от 29 марта высокомерным и вызывающим тоном. Дальнейшие переговоры с Портой были не совместны с достоинством и честью России. Государь немедленно повелел прервать дипломатические сношения с Турцией, и 7 апреля князь Горчаков поставил иностранные правительства в известность, что нашим войскам повелено перейти границу Турции. 12 апреля объявлен высочайший манифест о войне и уведомена о том Турция.

В заключение можно сказать, что политическая обстановка к моменту открытия нами военных действий сложилась для нас в высшей степени неблагоприятно. После предоставления России Лондонским договором 1871 г. права строить военные суда в Черном море Англия обеспокоилась тем, что мы станем пробиваться к Средиземному морю и проложим себе путь к проливам через Балканы, где встретим плохо организованную и сравнительно слабую турецкую армию и полное сочувствие нам единоплеменных и единоверных народов. Для противодействия таким нашим стремлениям Англия заблаговременно составила весьма искусный план действий: с наступлением критического момента вооружить Турцию за ее счет и по дорогой цене английскими средствами, позаботившись даже об искусственном усилении преград на Балканском полуострове (Дунай и Балканы); к началу войны создать для нас такую обстановку, чтобы как можно больше истощить энергию и материальные средства России, и при успехе нашей армии лишить Россию всех результатов побед ее оружия, в то же время широко вознаградив Англию.

Таково было наше неудовлетворительное политическое положение в отношении главного оппозиционера нашего в решении восточного вопроса — Англии, но обстановка ухудшалась тем, что и другие европейские державы оказались против нас.

Австрия вступила в соглашение с Англией, решив также использовать наши вероятные успехи в вооруженной борьбе с Турцией, во-первых, для территориальных приобретений (Босния и Герцеговина), и во-вторых, для ограничения прав и прерогатив балканских славянских народов, являвшихся для нее опасными как для державы наполовину славянской, но в которой славянам предназначено играть пассивную, подвластную и даже приниженную роль. Германия, руководимая Бисмарком, совершенно забыла об оказанных ей Россией колоссальных услугах в 1866 и 1870—1871 гг.; наоборот, дальновидный политик теперь-то и хотел воспользоваться случаем прежде всего обессилить Россию войной, к которой она не была подготовлена, и тем задержать дальнейший рост ее могущества; кроме того, сочувствуя Австрии, Бисмарк надеялся ее облагодетельствовать и тем заставить забыть страшные раны, которые еще так недавно нанесла Австрии Пруссия. Что касается Франции и Италии, то их роль в европейском концерте была второстепенной; первая еще не оправилась после погрома 1870 г. и имела своим врагом не только Германию, но и Англию; вторая если и понимала всю невыгоду для нее усиления Австрии на Балканском полуострове и Средиземном море, то была не в состоянии оказать этому какое-либо противодействие.

Театр войны

Турция соприкасалась с Россией через Румынию, на протяжении 450 верст, но удобной для нашего вторжения была полоса длиной в 200 верст.

Европейский театр войны с Турцией был важнейшим и в политическом, и в стратегическом отношениях. Его границы составляли: с севера и северо-востока — Венгрия, Трансильвания и Россия; с востока — Черное море; с юга — Босфор, Мраморное море, Дарданеллы и Эгейское море; с запада,

от залива Лагос — Родопские горы, Рылодаг, Каралаг, Радомирские горы, Западные Балканы и Сербия. Он захватывал 5000 кв. м с 10 млн населения, но главные операции велись в Западной Болгарии, Румынии и Добрудже, на площади в 2000 кв. м, с 4 млн населения, протяженностью в 500 верст с севера на юг и такой же с запада на восток. На этом пространстве находились две преграды — р. Дунай и Балканский хребет, пересекавшие все пути наступления. Весь театр можно разделить на четыре части: Румыния, Придунайская Болгария, Балканский хребет и Забалкание.

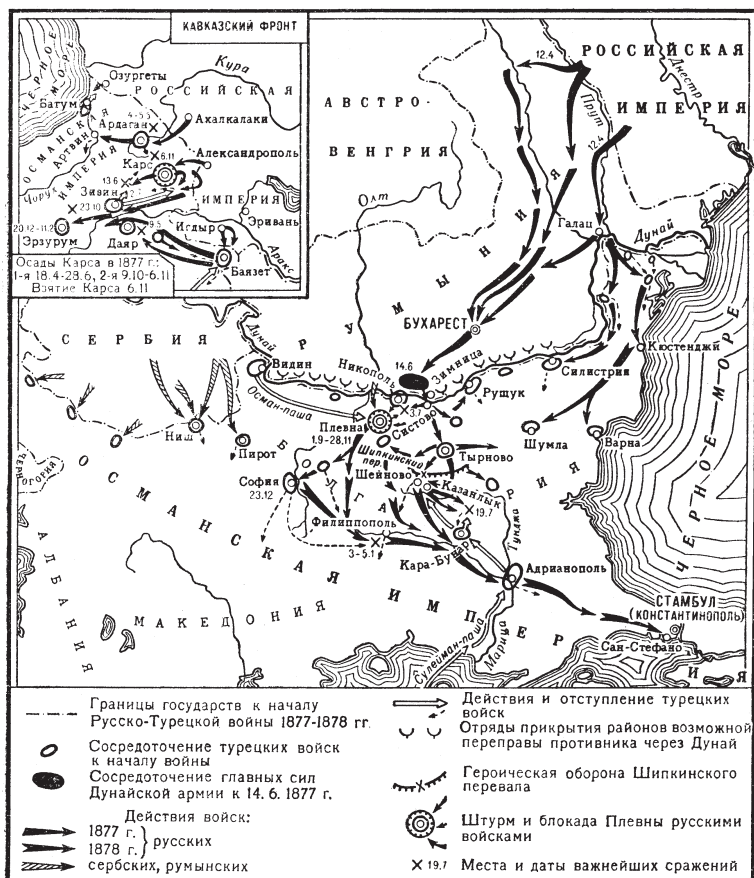
Румыния на всем пространстве военных действий представляла низменную равнину с достаточным орошением и изобилием леса. Климат вполне благоприятный для здоровья. Плотность населения достигала 2000 жителей на 1 кв. м. Недоставало ржи и овса и совсем не было гречихи, поэтому войска нуждались в подвозе как продовольствия, так и фуража. Из путей сообщения имели значение:

1) железная дорога Унгени — Яссы — Текуч — Галац — Бухарест — Журжево (против Рущука) длиной 610 верст, неудовлетворительной постройки, узкоколейная, с незначительным подвижным составом; на ней Галац являлся главным узлом сообщений с Россией;

2) железная дорога Бендеры — Галац, которая не была достроена к началу войны, но все-таки по ней производились воинские перевозки;

3) грунтовые дороги Скуляны — Яссы, участок шоссе до Фокшан, Плоешти — Бухарест — Журжево длиной 440 верст; река Прут представляла некоторую преграду, не имея бродов и с болотистой долиной; два моста — у Скулян и Унгени.

Река Дунай имела тройное значение: как преграда, как прикрытие и как затрудняющая сообщения. Потяженность от Железных Ворот до устья — 775 верст. Скорость течения до 4 верст в 1 час; глубина не менее 10 футов; ширина 350 сажен — 1,5 версты; разлив — до 10 верст; половодье вследствие таяния снегов в Карпатах и на Балканах — с апреля до июня и даже до половины июля, как было в 1877 г., и в июле—августе — во время таяния снегов в Альпах;

Общий ход военных действий на Балканах

ледоход с декабря по февраль включительно. Удобных переправ от Калафата до Рени — 2. От г. Исакчи Дунай разделяется на три рукава. Турки имели на правом берегу крепости Видин, Николаев, Русук, Туртукай и Силистрию и броненосную флотилию, поэтому они обладали полной возможностью активно оборонять реку.

Вообще Румыния как база для наступления в Турцию была неудовлетворительной: 1) имела необеспеченные фланги —

Австрия и Черное море, на котором господствовал турецкий флот; 2) перед нею находилось серьезное препятствие, удобное для обороны с противоположного берега; 3) неудовлетворительные пути сообщения; 4) недостаток в местных средствах продовольствия.

Придунайская Болгария, кроме находящихся на северо-востоке Бабадага и Добруджи, расположена на северных склонах Балканских гор. Будучи весьма гористой близ Балканского хребта, она холмиста только в направлении к северу и даже равнинна у самого Дуная. Бабадаг представляет собой частью болотистую низменность, частью степи (пастбища), а Добруджа — безводную и безлесную равнину. Восточная часть Болгарии, от линии Руцук — Осман-Базар, покрыта большей частью лесом (Дели-Орманским); северо-западная часть, от той же линии до р. Тимок (Сербия) — равнина, обильно орошаемая реками, покрытая полями, садами и виноградниками; юго-западная часть — лесистая гористая местность.

Население западнее линии Руцук — Елена и в Добрудже состояло из православных болгар, а восточнее — из турок, татар и черкесов. Население (весьма редкое) Бабадага было смешанное: из всех народностей Балканского полуострова и русских раскольников и запорожцев. Болгары относились к нам как к своим освободителям, а мусульмане были настроены враждебно, но проявляли свою враждебность только в Восточной Болгарии, где благодаря близости сильных крепостей и большому количеству турецких войск они чувствовали возможность поддержки. Вражда среди населения значительно затрудняла действия наших войск: едва мы занимали какое-нибудь селение, болгары начинали притеснять и грабить мусульман; как только мы его оставляли и в него приходили турки, так начиналось обратное явление — грабеж и притеснение, а часто и кровавая расправа с болгарам. Нашей кавалерии постоянно приходилось отвлекать свои силы на охрану болгарского населения. Все это усложняло военные действия. При наступлении наших войск начиналось поголовное бегство мусульманского населения, при наступлении турок — болгарского.

Главное занятие жителей Западной Болгарии составляло земледелие; урожаи пшеницы, кукурузы и ячменя были настолько велики, что местных средств могло бы вполне хватить для обеспечения продовольствием армии в 300—400 тысяч человек, но мы до войны на это не рассчитывали, а во время ее либо не пользовались этими средствами, либо расхищали богатейшие запасы без всякой системы. Вообще болгарское население оказалось настолько зажиточным и живущим в таком достатке, что наши войска, наслышанные об ужасах и страданиях братьев-славян, были крайне удивлены тем, что русский крестьянин был гораздо менее обеспечен материально, чем болгарин.

Расквартирование войск встречало большие затруднения, особенно в предгорьях Балкан; только в больших городах и их окрестностях были обширные и хорошие постройки. Штаб главнокомандующего, например, весь поход до Балкан размещался в палатках и кибитках.

Пути сообщения были многочисленны, особенно в направлении от Дуная к Балканам, но грунтовые дороги делались во время ненастья непроходимыми, а шоссейных было мало и притом весьма непрочных. Вообще все пути для движения масс артиллерии и войсковых тяжестей были неудобны и, несмотря на постоянный их ремонт, оказывались все-таки неудовлетворительными.

Важнейшие шоссе

Протяженность версты

Рушук — Разград — Осман-Базар — Котел	110
Рушук — Бела — Тырново и далее перевал Елено-Твардицкий	130
Габрово-Шипкинский	140
Систово — Тырново и далее к Шипке	120
Никополь — Плевна — Ловча и далее Троян	100
Орханиэ	125
Лом-Паланка — Берковац	65
Плевна — Бела	85
Осман-Базар — Тырново — Ловча — Яблонца	190

Кроме крепостей на Дунае, оборона Придунайской Болгарии была основана на существовании четырехугольника крепостей-лагерей:

Шумла	60
Варна (приморская)	100
Руцук	20

Оборона усиливалась на севере укреплениями Туртукая и на западе — временным укрепленным лагерем у Разграда.

Балканский хребет, протяженностью 560 верст при средней ширине 16—60 верст, преграждает все пути в Забалканье и представляет серьезное препятствие для наступления от Дуная к Константинополю. Северные склоны пологи и лесисты, а южные круты, скалисты и местами обрывисты. Отдельные вершины в средней части хребта достигают 7600 футов; вообще же средняя высота хребта в западной части (до р. Большой Искер) — от 1000 до 6399 футов, в средней части (до горного узла Сливно) — 4500 футов и в восточной части — около 2500 футов. Снег на высоте перевалов появляется в конце сентября, а тает в июне. Вообще Балканы суровы и непроходимы, но имеют много перевалов, из которых главнейшими в направлении с запада на восток являются следующие:

Берковацкий на шоссе Лом-Паланка — София;

Орханийский, или Арбо-Конакский, на шоссе Плевна — София; восточнее его имеется несколько вьючных горных троп;

Троянский на дороге Ловча — Карлово;

Розалитский, или Калоферский, на дороге Сельви — Калофер; Троянский и Калоферский перевалы лежат на высоте до 6000 футов;

Шипкинский, или Св. Николая, на главном пути из Руцук и Систова в Андрианополь, на шоссе, на высоте 3900 футов;

Травненский, Хаинкиойский и Твардицкий перевалы, пролегающие по весьма плохим колесным дорогам и выводящие к Адрианополю, так же как и Сливнинский перевал — на вьючной тропе;

Котельский на шоссе из Осман-Базара через Котел в г. Ямболь.

Все дороги, пролегавшие по этим перевалам, выходили у южной подошвы хребта на один продольный путь от Софии к Сливно и Бургасу.

До войны Балканский хребет считался вообще гораздо более непроходимым, чем оказался на самом деле, и в этом отношении ошибались не только мы, но и турки, которые считали некоторые перевалы совершенно недоступными для войск, а между тем мы провезли через них артиллерию. Переход через Балканы в зимнее время считался европейскими стратегами совершенно невыносимым, но выносливость русского солдата и железная воля и энергия таких русских полководцев, как Гурко и Скобелев, блистательно опровергли это ходячее мнение.

Что касается *Забалканья*, этот участок театра войны между Балканами, Черным, Мраморным и Эгейским морями ограничен с востока Родопскими горами, Рылодагом, Карадагом и Радомирскими горами; вообще он горист, за исключением Софийской котловины, р. Марицы и равнины, составляющей окрестности самого Константинополя.

Главный путь наступления к Константинополю шел по шоссе Белград — Константинополь, через Софию, Филиппополь и Адрианополь, длиной, считая от Цариброда, 560 верст; к Адрианополю же выходило шоссе от Рушука через Котел и Ямболь. Забалканье прорезывалось железной дорогой из Константинополя на Софию, доведенной до станции Белово, протяженностью 450 верст; от этой магистрали отходили ветви: от станции Тырново — Сейменли на Ямболь (90 верст) и от станции Демотики на Деде-Агач (100 верст).

Из обзора театра войны видно, что при условии господства турецкого флота на Черном море Россия могла наступать на Константинополь только через Румынию, которая и должна была явиться базой военных действий. Дальнейший путь наступления должен был пролегать западнее четырехугольника крепостей, и кратчайшими направлениями являлись: Рушук — Осман-Базар — Ямболь (170 верст) и Систово — Тырново — Шипка — Казанлык (130 верст); пути более западные, на Софию, были слишком кружными.

При таких условиях наше наступление получало следующие стратегические невыгоды: 1) весьма короткая база в Румынии, угрожаемая с правого фланга и тыла Австрией и с левого фланга Турцией; 2) длинная операционная, а затем и коммуникационная линия, требовавшая большого наряда войск для своей защиты; 3) необходимость подвоза запасов из России, что при длинной коммуникационной линии и неудовлетворительном состоянии путей сообщения в Румынии и Болгарии доставляло большие затруднения и могло замедлять ход операций.

В отношении того, насколько нам был известен театр войны, можно сказать, что хотя на этот раз мы располагали несравненно большими сведениями, чем в прошлые войны с Турцией, но все-таки, вследствие замкнутости турок как народа малокультурного и чуждавшегося европейцев, не только в нашем главном штабе, но и в австрийском не было достаточно точных и подробных карт и описаний Балканского полуострова. В результате этого нашей армии пришлось встретиться с большими затруднениями как при разного рода движениях и боевых действиях, так и при организации довольствия и дислокации войск.

Вооруженные силы противоборствующих сторон

Турецкие войска. Организация турецкой сухопутной армии по прусской ландверной системе, разрабатывавшейся с 1839 г., была установлена в 1869 г. с расчетом выполнения ее в полной мере к 1878 г. Полевые войска состояли из следующих категорий:

1) низам (полевые и местные войска: крепостная и береговая артиллерия, пехотные роты; всего 165 рот и один эскадрон) — по штатам 192 тысячи челвоек; 150 тысяч должны были состоять на службе и 60 тысяч в отпуску (ихтиат), призываемых в военное время; пехота служила четыре года, артиллерия и кавалерия — пять лет; срок службы вообще 6-летний; его заканчивали, числясь в отпуску;

2) редиф (резервные войска) — по штатам 192 тысячи человек; 1-й класс состоял из солдат низама, зачисляемых в него на три года, и всех лиц в возрасте 20—29 лет, освобожден-

денных от службы в мирное время; 2-й класс состоял из тех же лиц, зачисляемых в редиф еще на три года; в мирное время содержались лишь очень слабые кадры, в военное формировались отдельные части войск всех родов оружия; запасы оружия и обмундирования были достаточные; к началу войны числилось 190 тысяч человек;

3) мустахфиз (ополчение) состоял из лиц, прошедших службу в редифе и числившихся в этом разряде еще восемь лет; кадров и запасов в мирное время не имелось; численность к началу войны — 300 тысяч человек;

4) заптиэ (жандармы), несшие полицейские обязанности; в мирное время — 20 тысяч, в военное — 30 тысяч человек;

5) вспомогательные (иррегулярные) войска из азиатских племен, албанцев, черкесов (башибузуков) — или придававшиеся к полевым войскам, или составлявшие гарнизоны (национальная гвардия);

б) египетские войска — по штатам мирного времени 65 тысяч человек и 150 орудий; было выставлено во время войны 12 батальонов, четыре батареи и шесть эскадронов.

Воинскую повинность несло только мусульманское население, дававшее ежегодный приток к низам 37,5 тысячи новобранцев в возрасте 20—26 лет. По недостатку финансовых средств очень много необученных зачислялись прямо в редиф. Соответственно числу армейских корпусов (два в европейских и четыре в азиатских владениях) вся территория империи разделялась на шесть округов комплектования; в каждом формировались 24 батальона, 24 эскадрона, 14 полевых батарей с 84 орудиями и одна саперная рота; кроме того, некоторое число батальонов редифа обоих классов. Гвардейский корпус комплектовался со всей территории.

Всего по штатам в семи корпусах низама состояло: 187 батальонов, 145 эскадронов и 630 орудий, а вместе с другими войсками число батальонов должно было достигать 573, но на войне было выставлено до 740 батальонов.

Штатная числительность: батальона (табора) — 774 бойца, эскадрона — 143 коня, батареи (шесть орудий) — 110 человек и 117 лошадей; в действительности, так как никакого запаса для пополнения частей не было, батальоны имели

250 и даже 100 человек. Формирования батальонов в полки, бригады, дивизии и корпуса не существовало, а составлялись случайные отряды различных тактических соединений по усмотрению старших начальников-пашей (генералов).

Пехота имела ружья: Генри (Пибоди)-Мартини (334 тысячи шт.), калибра 4,5, с прицелом на 1800 шагов, ими вооружено было 70 % пехоты; и Снайдера (325 тысяч), калибра 5,77, с прицелом на 1300 шагов. Кавалерия была вооружена магазинным ружьем Генри-Винчестера (39 тысяч), калибра 4,3, с прицелом на 1300 шагов. Имелись 20 тысяч револьверов, 828 полевых и 800 крепостных орудий, огромный запас снарядов и патронов (по 500—1000 на винтовку), регулярно пополняемый по заказам из Америки. Снаряды: граната с ударной трубкой, шрапнель с дистанционной и картечь.

Высший командный состав армии был плох. Командование всеми вооруженными силами не было сосредоточено в одних руках. Планы войны утверждались султаном после согласования с тайным советом и передавались главнокомандующему или непосредственно, или через военного министра. Генеральный штаб состоял из 130 офицеров, но только несколько человек получили образование при европейских армиях. Интендантства не существовало; госпитальная часть была не подготовлена; обозов, кроме вьючных, не было, и войска пользовались обывательскими подводами, что часто делало их неспособными к наступлению.

Офицерский состав был очень плох; до 10 % его прошло курс военных школ, а остальные набраны из солдат, знавших только уставы и часто неграмотных; лишь артиллеристы и инженеры, прошедшие курсы обучения в артиллерийско-инженерных училищах, имели хорошую подготовку. Состав унтер-офицеров был хорош, так как приобретение этого звания уже давало возможность попасть и в офицеры. Турецкий солдат был дисциплинированным, очень выносливым и крайне умеренным в пище; кроме того, турецкие войска вообще были фанатично воодушевлены идеей борьбы за веру, султана и свое господство в империи.

Тактическая подготовка войск была слаба. Упорство в бою, умение отсиживаться за окопами, хорошее вооруже-

ние и отличное снабжение патронами и шанцевым инструментом позволяли туркам великолепно обороняться. Лучшим родом войск была артиллерия, потом пехота и гораздо слабее кавалерия, как регулярная, так и иррегулярная; первая потому, что была плохо организована и сидела на плохих конях, а вторая, утратившая дух наездничества, была способна только грабить, стрелять с коня и уклонялась от столкновений с врагом.

Полевая турецкая армия была значительно расстроена войной 1876 г. с княжествами Сербией и Черногорией, а также подавлением восстания в Герцеговине, и ее боевая сила к октябрю того же года не превышала 200 тысяч человек. После нашего ультиматума от 19 октября турки лихорадочно усиливают состав армии и к весне 1877 г. достигают больших результатов: 540 батальонов, 143 батареи и 147 эскадронов, что составляло регулярных войск 406 тысяч человек с 858 полевыми орудиями, распределенных так:

Численность, тыс. человек, по источникам	Русским	Турецким
В Европейской Турции Боснии, Герцеговине, Албании, Эпире, Фессалии и на острове Крит	90	132
<i>Для защиты Дуная</i>		
В Бабадагской области	9,65	
В Восточной Болгарии	87,75	
В Западной Болгарии	53,05	
В с е г о	150,45	186
В Балканах, за ними и в Константинополе	39,7	36
В Азиатской Турции	126	140
Иррегулярных войск	70	—
И т о г о	476,15	494

Турецкий флот. К началу 1877 г. состоял из 22 броненосных и 82 неброненосных судов, 763 орудий и 15 тысяч человек команды. Дунайская эскадра насчитывала пять броненосных канонерок, четыре винтовые шхуны и три транспор-

та с 22 орудиями и 640 членами команды. Хотя этот флот не представлял серьезной боевой силы, но вместе с коммерческими транспортными судами мог перевозить до 35 тысяч турецких войск. Кроме того, Дунайская эскадра, действуя энергично, могла причинить нам немало затруднений при переправе через Дунай, позволяя туркам вести оборону реки активно.

Румынская армия. Начиная с 1866 г. избранный князем Карл Гогенцоллерн усердно устраивает вооруженные силы своего государства по прусскому образцу:

1) постоянная армия (срок службы 4 года) с резервом (срок службы 4 года),

2) территориальная армия: пехота — доробанцы (срок службы 6 лет) и кавалерия — каларашаши (срок службы 5 лет), с резервом (срок службы 3 года), 3) ополчение для сельских общин и национальная гвардия для городских; 4) милиция. В милицию входили все лица в возрасте 21—29 лет, не зачисленные в ряды армии, и в возрасте 29—37 лет, все ранее отчисленные из армии. В ополчение зачислялись поголовно все лица в возрасте 37—46 лет.

Комплектование армии перед войной было далеко не закончено, но в общем могли быть выставлены: действующих войск — 20 тысяч человек и территориальных — 32 тысячи человек, что составляло 52 пехотных батальона, четыре батальона инженерных войск, 24 батареи со 144 орудиями и 40 эскадронов; они сводились в четыре пехотные дивизии и четыре кавалерийские бригады и могли образовать два корпуса; в каждой дивизии был один артиллерийский полк в три батареи, а шесть батарей составляли корпусную артиллерию; пехотная бригада состояла из шести батальонов (один постоянный полк и два полка доробанцев); к некоторым бригадам добавлялось по одному стрелковому батальону. Пехота постоянных войск была вооружена ружьями системы Пибоди, доробанцы — ружьями систем Крынк и Дрейзе. Орудия были стальные, крупновские, скорострельные; только 40 из них медные; имелся запас в 100 медных полевых орудий, заряжаемых с дула.

Румынская армия была еще слишком молода и, несмотря на воодушевление войной против турок, еще не годилась для самостоятельных и решительных действий; можно сказать уверенно, что эта армия могла побеждать турок (их лучшие войска), только сражаясь плечом к плечу с русскими. Румынские офицеры хотя и обладали европейским лоском, но также нуждались в некоторой поддержке и направлении своих действий.

Вооруженные силы России. *Пехота.* 48 дивизий — три гвардейские, четыре гренадерские и 41 армейская. Дивизии состояли из четырех полков, полки гвардии, части гренадер и шесть армейских дивизий — из четырех батальонов, остальные из трех батальонов; всего 192 полка — 616 батальонов; 8 стрелковых бригад по четыре батальона и 34 линейных батальона; всего пехоты 682 батальона. Батальоны в 3-батальонных полках и часть линейных состояли из пяти рот: четыре линейные и одна стрелковая: все остальные батальоны состояли из четырех рот. Состав рот в военное время: в 3-батальонных полках — 84 ряда, в 4-батальонных полках — 108 рядов. Число штыков: в полку 3-батальонном — 2520, в полку 4-батальонном — 3456; в дивизии из 12 батальонов — 10 080, в дивизии из 16 батальонов — 13 824; на самом деле и в 16-батальонной дивизии было не более 13 500 штыков. Вместе с унтер-офицерами и нестроевыми в дивизии насчитывалось всего нижних чинов: 13 284 и 17 152.

Кавалерия: 19 дивизий — две гвардейские в составе четырех кирасирских, шести легких и двух казачьих полков; 14 армейских, каждая в составе одного драгунского, одного уланского, одного гусарского и одного казачьего полков; одна кавказская, драгунская дивизия в составе четырех полков; две казачьи дивизии, каждая в составе четырех полков; всего 80 полков — 237 эскадронов и 130 сотен, кроме того, четыре эскадрона инородцев. Регулярные полки имели по четыре эскадрона, а казачьи — по шесть сотен. Во взводе эскадрона и сотни насчитывалось по 16 рядов. Число сабель: в эскадроне — 149, в сотне — 151.

Пешая артиллерия: 1) 48 бригад по числу и роду пехотных дивизий; состав бригады: шесть батарей по восемь орудий; из них в гвардии все орудия 9-фунтовые; в остальных бригадах — три первые батареи с 9-фунтовыми и три последние батареи с 4-фунтовыми орудиями; в состав кавказских бригад входили шесть горных батарей с восьмью орудиями каждая, возимыми на вьюках; 2) две отдельные горные батареи по восемь орудий и 3) Туркестанские и Сибирские части в составе 11 батарей по восемь орудий. Всего 301 батарея с 2408 орудиями. Орудия запряжены шестью лошадьми. На каждое 9-фунтовое орудие полагалось по полтора зарядных ящика четырехколесных, запряженных шестью лошадьми, или по три двухколесных ящика с троечной запряжкой. Большинство батарей имело старого образца двухколесные ящики.

Конная артиллерия: регулярные пять гвардейских и 22 (из них одна конногорная) армейских батарей; иррегулярных одна гвардейская и 20 армейских казачьих батарей; всего 48 батарей с 304 орудиями. В военное время казачьи войска давали еще 18 батарей с 112 орудиями. Все регулярные и большая часть казачьих батарей имели шесть 4-фунтовых орудий, запряженных шестью лошадьми. На каждое орудие полагалось по одному зарядному ящику четырехколесному или по два двухколесных.

Всего полевой артиллерии было 367 батарей с 2824 орудиями, что составляло на 1000 штыков 4,1 орудия и на 1000 сабель от 4 до 5,2 орудия.

Артиллерийские парки. Война застала армию при самом начале парковой организации; поэтому парки были сформированы из существовавших кадров по самым различным системам при полном разнообразии состава, количества и конструкции повозок; на орудие и ружье каждой дивизии приходилось совершенно различное число снарядов и патронов.

Осадная артиллерия: 1-й, 2-й и Кавказский осадные парки; первый в 400, а последний в 230 осадных орудий. Кадров парки не имели и получили личный состав из крепостной артиллерии.

Инженерные войска: 15 с четвертью саперных батальонов, девять военно-телеграфных парков, шесть понтонных

батальонов, два осадных инженерных парка, два полевых инженерных парка и одна гальваническая рота. Все эти части были распределены на четыре саперные и одну кавказскую саперную бригады. Во время войны сформированы еще два железнодорожных батальона и две минные роты. Понтонный батальон мог соорудить мост для переправы войск без обозов в 146—172 сажен, для войск с обозом — в 128—135 сажен и для переправы осадной артиллерии — в 100—114 сажен. Телеграфный парк мог вытянуть линию в 100 верст с шестью станциями. Полевой инженерный парк имел запас шанцевого инструмента на 12 пехотных дивизий и 12 саперных рот, но в весьма ограниченном количестве. Осадный парк был рассчитан на осаду четырех крепостей.

Корпусной организации до 1874 г. не было; в том году был сформирован гвардейский корпус; одновременно с приказом о мобилизации в 1876 г. сформировано шесть корпусов: 7, 8, 9, 10, 11 и 12-й, каждый в составе двух пехотных и одной кавалерийской дивизий. Боевая сила корпуса: 24 батальона (20 160 штыков), 18 эскадронов и сотен (2562 сабли), 96 пеших и 12 конных орудий. При каждом корпусе состояло два дивизионных подвижных лазарета, два дивизионных летучих парка и один конноартиллерийский полупарк. На довольствии числилось 35 294 человека и 8490 лошадей; повозок — 1197. В конце февраля 1877 г. сформировано еще девять корпусов: 1 — 6, 13, 15-й и Гренадерский; последний в составе трех дивизий; остальные — двух или трех пехотных и одной кавалерийской дивизии. Остались нераспределенными по корпусам 10 пехотных и три кавалерийские дивизии, а также все стрелковые и инженерные войска и казацки части, не вошедшие в состав кавалерийских дивизий.

Крепостные тыловые войска. *Пехота:* 24 батальона, обращенные за время кампании в 61 батальон; артиллерия: сформированы во время войны 41 батальон и 10 рот.

Резервные войска. Поскольку они не имели ни кадров, ни запасов, их пришлось пополнять из крепостной и местной пехоты, а больше всего ратниками ополчения. Всего за время войны сформированы 144 батальона, 71 батарея и одна понтонная рота.

Местные войска: в мирное время 29 местных батальонов и 644 команды; за время войны число их возросло до 134 батальонов и 675 команд.

З а п а с н ы е в о й с к а. Пехота. Никаких кадров не было, и только предполагалось формировать 199 батальонов, по одному на каждый пехотный полк и каждую стрелковую бригаду. Во время войны было сформировано 152 батальона по восемь офицеров и 83 нижних чинов постоянного состава для обучения людей и по 500 нижних чинов для пополнения действующих войск. Офицеров брали из местных, крепостных и даже полевых войск, а нижних чинов — из новобранцев и ратников.

Кавалерия. Состояло 56 запасных эскадронов, в гвардии они входили в состав своих полков и сводились в одну бригаду при мобилизации; в армии они составляли семь запасных бригад; каждый эскадрон в мирное время выезжал лошадей для своего полка; в военное время он формировал для пополнения один конный и один пеший эскадрон по 20 рядов во взводах.

Артиллерия. В пешей артиллерии запасных частей не было, и ко времени мобилизации сформировано 11 батарей, а позднее еще 14; точно так же были сформированы три запасные конные батареи. Передовой артиллерийский запас полагался в размере 10 % людей и 5 % лошадей по отношению к численности всей артиллерии в армии; кроме того, 10 % орудий, 5 % зарядных ящиков и 5 % холодного и огнестрельного ручного оружия. Склады артиллерийских припасов находились в пяти, а позднее в шести местных парках.

Инженерные войска. Во время войны было сформировано выделением из полевых саперных батальонов четыре с половиной батальона.

Военно-врачебные заведения. В мирное время в 83 госпиталях и 592 лазаретах имелось 56 021 место. К началу войны насчитывалось 58 военно-временных госпиталей на 24 780 кроватей. В течение войны в Дунайской армии было 64 военно-временных госпиталей на 40 820 кроватей. Дивизионных лазаретов было сформировано 25, каждый на трех офицеров и 80 нижних чинов; при лазарете была предусмотр-

рена рота носильщиков в 209 человек, взятых из состава соответствующей дивизии.

Войска иррегулярные. Кроме частей, перечисленных в составе регулярных дивизий, выставлено за войну 130 конных сотен, 12,5 пеших дружин инородческих войск.

Государственное ополчение. В нем состояли все не числившиеся в войсках лица, способные носить оружие, в возрасте от 21 до 40 лет. Комплектование ополчения не было еще закончено, но предполагалось иметь до 600 тысяч ратников, из которых на пополнение резервных, местных, крепостных и запасных войск было взято 170 тысяч ратников.

Вооружение. На вооружении пехоты состояли ружья трех систем: Карле 113 317 винтовок, Крынка — 383 382 и Бердана — 247 130 в войсках и 230 000 в запасе. Первые две системы имели калибр в 6 линий, прицел на 600 шагов у рядовых линейной пехоты и на 1200 у унтер-офицеров и всех стрелков. Ружье Бердана имело калибр в 4,2 линии и прицел на 1500 шагов. Скорость стрельбы из ружья Крынка составляла до 12 выстрелов в минуту, из Бердана — до 20 выстрелов. Дальность боя обоих ружей не была использована, потому что масса пехоты имела прицел лишь на 600 шагов, а досягаемость Бердана была на 2100 шагов. Число патронов из расчета на одно ружье: на бойцах — 60, в патронных ящиках при частях — 60 и в парках около 62.

Драгуны имели укороченные винтовки Крынка со штыками и шашки, вторая шеренга и улан — карабины Крынка, а первая шеренга — пики; кроме того, у всех были сабли. Гвардейская кавалерия имела такие же образцы ружья Бердана; драгунскими же винтовками Бердана были вооружены драгуны армейских кавалерийских дивизий, прибывших на театр войны позднее. У казаков в составе действующих войск были укороченные драгунские винтовки Бердана, у остальных — разнообразное вооружение. Инженерные войска имели укороченные винтовки Крынка.

В техническом отношении ружье Карле, так называемое игольчатое, было несовершенным, так как заряжалось бумажными патронами, размокавшими от дождя; им были вооружены пять пехотных дивизий на Кавказе и линейные ба-

тальяны. Ружье Крынка имело весьма плохой механизм для выбрасывания гильз после выстрела, что не только замедляло скорость стрельбы, но иногда и прекращало ее. К сожалению, перевооружение винтовкой Бердана только что началось, и ее перед войной получили гвардия, четыре гренадерские и девять армейских пехотных дивизий. Поэтому при формировании действующей армии вся пехота, кроме стрелковых батальонов, оказалась вооруженной системой Крынка, и только во время войны гвардия, гренадеры и две армейские дивизии прибыли с ружьями Бердана. Таким образом можно считать, что если наша винтовка Крынка и не уступала по качеству турецкому ружью Снайдера, то была много хуже по дальности, меткости и скорострельности ружья Пибоди. В особенности же невыгодным было лишение большой массы бойцов возможности производить стрельбу далее 600 шагов.

Полевая артиллерия имела три калибра: 9-фунтовый в 4,2 дюйма с дальностью при стрельбе гранатой до 1500 сажен; 4-фунтовый в 3,42 дюйма с дальностью до 1200 сажен и горный 3-фунтовый в 3,00 дюйма с дальностью до 700 сажен. Снаряды были также трех видов: граната с ударной трубкой в 27 и 14 фунтов действовала удовлетворительно по каменным и деревянным постройкам, но слабо по войскам и была совершенно безопасной для земляных прикритий. Были еще переделанные гранаты из «шарох», действовавшие много хуже; шрапнель со 220 и 118 пулями, с дистанционной трубкой действовала очень хорошо по открытым и закрытым войскам, но имела ограниченную дальность, всего 800—900 сажен. Дистанционные трубки для дальности до 1100 сажен были доставлены позднее, но и с ними можно было стрелять не далее 2 верст. Картечь действовала только на 200 сажен. Снарядов на орудие возилось, в зависимости от калибра орудия и конструкции зарядных ящиков, от 125,5 до 158 на орудие. Вообще наши полевые орудия по своей досягаемости значительно уступали турецким полевым дальнобойным и иногда бывали лишены возможности состязаться с ними.

Снаряжение. Пехотинцы носили в ранцах запасы продовольствия (сухарей и соли на три дня), одежду и патроны

общим весом до 2 пуда; шанцевый инструмент возили в обозе, и на роту полагалось 10 лопат, 24 топора, три мотыги, три кирки и один лом.

В кавалерии вес вьюка с седлом достигал 3,5 пуда, что с весом вооружения и всадника составляло 9 пудов; снаряжение кавалериста следовало признать слишком тяжелым. Шанцевого инструмента имелось по восемь лопат и восемь топоров на эскадрон; у казаков его не было совсем.

Войсковой обоз. Перед войной обоз переформировывался и находился в переходном состоянии. Летом 1876 г. постройка повозок нового образца была приостановлена в целях приведения в порядок обоза старого образца, что тоже завершить не удалось, и в войсках при мобилизации повозок не хватало. Только специальный обоз артиллерии и инженерных войск был оборудован согласно штатам. В общем войсковой обоз был собран из разнокалиберных повозок, частью старого, частью нового образца, был крайне тяжел и неповоротлив; обыкновенно он отставал на много верст.

Обоз полковой был довольно многочисленным; к дивизионному обозу причислялись летучие парки, передвижные лазареты, провиантские и штабные повозки. Корпусного обоза не существовало. Общеармейский обоз был весьма значителен и разнообразен.

Тактическая подготовка русских войск. Неудачный опыт предшествующей нашей войны 1853—1856 гг. и уровень военного дела в Европе и Северной Америке заставили нашу армию работать в новых направлениях, указываемых современным состоянием военного искусства, и можно принять за факт, что в период от Крымской кампании до войны 1877—1878 гг. было сделано много, но, конечно, последняя война застала нашу армию во многих отношениях слишком неподготовленной.

Прежде всего было крайне трудно создать приемлемый корпус офицеров. Военные училища могли обеспечивать кадрами лишь гвардию и специальные войска; основной же корпус офицеров в числе около 25 тысяч состоял из окончивших курс юнкерских военных училищ (10 тысяч) и про-

изведенных из юнкеров (15 тысяч). Такой офицерский состав еще мог удовлетворять требования старой линейной тактики, но совершенно не подходил к условиям ведения боя, основанного на огневой тактике, явившейся следствием разработки нарезного и скорострельного оружия.

Подготовка офицеров во время прохождения службы посредством ведения тактических занятий только начинала прививаться и была затруднена расквартированием огромной части войск по обывателям, отсутствием помещений для офицерских собраний и полковых библиотек. Тем не менее в некоторых округах в 70-е гг. занятия эти велись в частях войск под руководством офицеров Генерального штаба, но только на планах и картах, а не в поле.

Влияние высшего командования на тактическую подготовку войск вообще зависело от степени его образования; в этом отношении существовало два направления: одно — со стороны сторонников старой школы, которые продолжали, вопреки новейшим требованиям, отстаивать линейность, сомкнутость, равнение рядов, красоту и картинность парадов и маневров; другое — со стороны лиц, усвоивших новые требования военного искусства, обладавших высшим военным образованием, старавшихся поднять одиночную подготовку бойца в смысле его самостоятельности и степени адаптации к обстановке, усовершенствовать маневрирование войск в поле и в особенности стрельбу (учения с боевыми патронами). Второе направление не могло одержать победу над первым вследствие рутины, и поэтому тактическая подготовка командного состава в общем отставала от современных требований военного искусства.

Подготовка к ведению собственно боя находилась в переходном состоянии. Строевой пехотный устав предусматривал лишь правила перестроений и движений; только в 1874 г. были даны указания об атаке; такое ограниченное содержание устава несколько восполнялось особой инструкцией для полевых занятий войск издания 1871 г., но и она не могла служить подспорьем для руководителей, усвоивших одну лишь старую линейную тактику. Для боя в цепь рассыпались только стрелковые роты батальонов, а остальные наступали в две

линии сомкнутого строя; допускалось размыкать ряды и ложиться. Хотя стрельбой занимались, и довольно усердно, и с 1871 г. она проверялась смотрами, но преимущественно преследовалось обучение стрельбе в цель на дистанциях не далее 600 шагов, и совсем не применялся массовый огонь с тактической целью. При отказе от дальнего огня и скорострельности не допускалась стрельба одиночным огнем из сомкнутого строя.

В общем относительно тактической подготовки пехоты можно сказать, что, несмотря на усовершенствование техники ручного огнестрельного оружия, мы смотрели на огневой бой как на вспомогательное средство и главным считали удар холодным оружием; в огневом бою полное предпочтение отдавалось стрельбе залпами из сомкнутых строев, а одиночный огонь стрелковых цепей считался лишь добавлением к нему. Окопное дело было поставлено весьма неудовлетворительно, так как пехота, лишенная шанцевого инструмента, оказывалась не в состоянии окапываться.

Кавалерия имела во главе талантливейшего кавалериста, великого князя Николая Николаевича Старшего, занимавшего в 1865 г. должность генерал-инспектора кавалерии, предъявлявшего ей новые, вполне правильные требования, но было невозможно быстро искоренить прежние привычки и взгляды. Тактическая роль кавалерии на поле сражения считалась, на основании опыта последних войн, почему-то умалившейся, и стремились восполнить ее значение стратегической деятельностью, но все эти требования прививались туго, несмотря на руководящие приказы великого князя и производимые им маневры. В общем наша кавалерия, отказавшаяся от нанесения ударов на поле сражения, несмотря на то что была вполне подготовлена к сомкнутому конному бою, не была достаточно сильна и в разведывательной деятельности, главным образом из-за непонимания и незнания этого искусства как старшими кавалерийскими начальниками, так и высшим командованием армии. Для спешенных действий кавалерия была подготовлена, но уланы и гусары имели неудовлетворительное вооружение. Огромная масса казаков, влитая в действующую армию, не оправдала возлагавшихся

на них надежд, отчасти потому, что их растаскивали по полкам, сотням и штабам, а также и потому, что командный состав казаков был неудовлетворителен. Во всяком случае, наша, как регулярная, так и иррегулярная кавалерия, превосходила во всех отношениях турецкую и в сущности соперницы не имела.

Мобилизация и сосредоточение русской армии в пределах Бессарабии¹

Мобилизация войск совершалась постепенно, в зависимости от того, насколько усложнялась политическая обстановка. В августе 1876 г. думали ограничиться мобилизацией всего двух корпусов; однако вскоре осознали ничтожность средств, с которыми предполагала Россия выступить. В ноябре 1876 г. последовала мобилизация 20 пехотных дивизий; в 1877 г. одновременно было мобилизовано еще 16 пехотных дивизий и сформировано 52 резервных батальона. В 1878 г. мобилизация коснулась уже почти всех местных и вновь сформированных резервных и запасных войск.

Отсутствие заранее выработанного мобилизационного плана вызвало некоторую задержку с прибытием на места как запасных, так и целых войсковых частей; однако это не повлекло за собой никаких серьезных последствий. Но здесь необходимо отметить, что Россия впервые производила сосредоточение к границам войск при широком пользовании железными дорогами. Причем мобилизация отличалась большой длительностью и продолжалась до середины 1878 г., когда Берлинский конгресс совершенно устранил вероятность какого-либо нового столкновения.

Это была первая мобилизация, производимая хотя и не по всесторонне разработанному, но достаточно широко составленному плану, и коснулась она не только действующих и запасных войск, но и резервных², местных и крепостных.

¹ Этот параграф написан В. П. Никольским.

² Всего было сформировано 144 резервных батальона, большей частью из местных батальонов, а также из крепостных полков. Частично эти батальоны были сведены в полки, составившие 11 резервных дивизий.

С усложнением политической обстановки мобилизация получала все больший размах и затрагивала резервные, запасные, местные и иррегулярные войска.

Во второй половине 1878 г. русская армия имела следующий состав:

а) действующие войска: пехота — 192 полка (616 батальонов), 32 стрелковых и 43 линейных батальонов; 16 батальонов казачьих войск; регулярной кавалерии — 224 эскадрона, казаков — 688 эскадронов и сотен; артиллерии — 292 пеших, 26 конных, 36 казачьих и 10,5 горных батарей; инженерных войск, кроме парков — 15,5 саперных, восемь понтонных, четыре железнодорожных батальона;

б) тыловые войска — 339 батальонов, 71 батарея, 41 батальон крепостной артиллерии и 675 местных команд;

в) запасные войска — 152 батальона, 56 эскадронов, 28 батарей.

Состав действующей армии и место ее сосредоточения были установлены не сразу, а изменялись в зависимости от хода дипломатических переговоров и выяснения сил турецкой армии. Значительное усиление армии произошло уже после объявления войны, когда в состав ее, кроме 8, 9, 11 и 12-го корпусов, были еще включены 13, 14 и 4-й.

Действующую армию вначале было намечено сосредоточить в средней и южной частях Бессарабии, а также вдоль железных дорог в южной части Подольской и в северо-западной части Херсонской губерний, при наличии трех корпусов в первой линии, в окрестностях Кишинева. В общем армия должна была занять по фронту и в глубину свыше 200 верст. Затем намеченная дислокация подверглась изменениям из-за необходимости дать войскам лучшие в санитарном отношении стоянки, для более удобного перехода через границу и, наконец, для сосредоточения к станциям железных дорог некоторых частей войск на смотры государя.

Настроение у бойцов было воинственное; войска довольно много занимались строевыми занятиями, хотя с практической стрельбой дело долго не налаживалось и, по-видимому, многие части не успели даже пройти установленного сокращенного курса стрельбы.

Одновременно производилось спешное усиление обороноспособности берегов Черного моря. Для противодействия десантам были сформированы 7-й и 10-й корпуса, занявшие побережье. Усиливались укрепления и вооружение Севастополя, Очакова и Керчи, строились батареи у Потти; всюду заготавливалось минное заграждение. Наконец, в целях активной обороны берегов, было признано необходимым иметь быстходные паровые суда, вооруженные шестовыми минами.

Когда война стала уже неизбежной, Александр II пожелал лично напутствовать войска на подвиг освобождения славян. 8 апреля 1877 г. государь, в сопровождении наследника цесаревича, выехал из Петербурга и утром 10-го прибыл в Жмеринку, где произвел смотр 5-й пехотной дивизии с ее артиллерией. В тот же день, после смотра войск у Бираулы, государь обратился к офицерам с такими словами: «Пред вашим отправлением в поход я хочу вас напутствовать. Если придется сразиться вам с врагом, покажите себя в деле молодцами и поддержите старую славу ваших полков. Есть между вами молодые части, еще не бывшие в огне, но я надеюсь, что они не отстанут от старых и постараются сравняться с ними в боевых отличиях. Желаю вам возвратиться скорее и со славой. Прощайте, господа!»

С такими же воодушевляющими словами государь обращался к офицерам на смотрах у Тирасполя и Унгени, где Александр II простился с русской армией в последний раз, сказав в конце своей речи: «Храни вас Бог. Поддержите честь русского оружия!»

Вступление действующей армии в Румынию, ее развертывание на Дунае и подготовка к главной переправе

В марте 1877 г. русская действующая армия занимала район: г. Сороки — пограничное местечко Скуляны — румынская граница до местечка Кубей — станция Раздельная — г. Балта — г. Сороки. В конце марта часть войск была придвинута ближе к границе и расположена на тесных квартирах.

День перехода границы Румынии был определен окончательно только 30 марта, когда военный министр телеграфировал главнокомандующему: «Государь император изволил назначить 12 апреля днем объявления войны и перехода наших войск через границу, если до того времени не будет какой-либо перемены в обстоятельствах. Предположение это следует пока хранить в тайне. Повеление о дополнительной мобилизации последует 3 апреля».

Согласно поставленной цели — подготовка переправы армии через Дунай между Никоподем и Систовом, — 3 апреля были разосланы маршруты движения частей армии к Дунаю. Русская армия наступала четырьмя колоннами на участок: Александрия — Бухарест — Слободзея — Галац — Рени.

Вследствие сильных дождей, совершенно размывших дороги в Румынии, и из-за подъема воды в реках правая и средняя колонна запоздали на два, а левая колонна — на 12 дней.

Нижне-Дунайский отряд¹, на долю которого выпала важнейшая задача в начале операций, разрешил ее блистательно. Ему прежде всего было необходимо захватить железнодорожный мост у Барбоша, находившийся в самом устье р. Серет. Для скорейшего захвата моста из состава Нижне-Дунайского отряда был выделен передовой отряд под командованием начальника штаба 11-й дивизии полковника Бискупского: два батальона Селенгинского полка, пешая батарея, три казачьих полка с двумя батареями. Этот отряд собрался в ночь на 12 апреля у пограничной таможи д. Новая Болгария; в 4 часа утра 12 апреля 29-й Донской казачий полк под начальством адъютанта главнокомандующего, полковника Струкова, перешел границу и, сделав за 18 часов переход в 80 верст, через Хаджи-Абула и Галац, в 7 часов захватил Барбошский мост, где сменил румынские войска, немедленно удалившиеся по железной дороге к Бухаресту. Этот лихой налет полковника Струкова, открывший кампанию, обеспечил русской армии пользование единственной румынской железной дорогой.

¹ Полторы дивизии 11-го армейского корпуса, три Донских казачьих полка с двумя казачьими батареями.

К 20 апреля была занята вся линия Нижнего Дуная, от Браилова до Жабриени (на берегу Черного моря), 30 батальонами, 23 эскадронами и сотнями и 138 полевыми орудиями.

Перевозка по железным дорогам значительно замедлилась вследствие неисправного состояния пути и станций румынских линий, а также малого количества подвижного состава.

Главная квартира армии прибыла в Плешти 2 мая; решение о переводе ее в Бухарест было отменено, потому что 9 мая была получена депеша от императора о его прибытии на театр войны 25 мая. Вместе с Главной квартирой прибыл наследник цесаревич, а несколько ранее — великие князья Владимир и Сергей Александровичи и герцоги Лейхтенбергские Николай и Евгений Максимилиановичи.

Сосредоточение армии к Бухаресту обеспечивалось последовательным выдвиганием передовых войск вдоль левого берега Дуная, от устья р. Жиул до устья р. Яломицы (против Гирсова); на всей этой линии была выставлена цепь кавалерийских постов и сигнальных маяков, а там, где предполагалось нападение турок, располагались поддержки. Во время занятия берегов Дуная наши войска имели неоднократные перестрелки с турецкой флотилией, но последняя действовала весьма вяло и нерешительно и уклонялась от огня наших полевых орудий.

3 апреля, еще до объявления войны, началась мобилизация, и в состав действующей армии поступили: 4-й корпус, который мог прибыть на театр войны только в первых числах июля; 13-й корпус (1-я и 35-я пехотные и 13-я кавалерийская дивизии), ожидавшийся в середине июня, 14-й корпус (17-я и 18-я пехотные и Донская казачья дивизии), который должен был сменить войска 11-го корпуса в Нижне-Дунайском отряде. 21 мая командир 14-го корпуса генерал-лейтенант Циммерман был назначен начальником Нижне-Дунайского отряда.

Хотя румынский совет министров 31 марта решил мобилизовать все войска (до 100 тысяч), но к этому приступили уже после вступления в Румынию большей части русской армии, и к началу мая налицо было всего около 30 тысяч войск, составлявших два корпуса; до развертывания на Ду-

нае русской армии они находились: 1-й корпус — у Калафата, на побережье Малой Валахии, а 2-й корпус — на путях наступления к Бухаресту от Журжева и Ольтеницы. В середине мая без объявления войны турки начали стрелять из своих крепостей по румынским войскам, а таким образом фактически началась война между Турцией и Румынией.

По соглашению между главнокомандующим русских войск и князем Карлом, румынской армии была предоставлена территория вверх на Дунаю, от р. Ольты, и поэтому 2-й корпус передвинулся к Калафату.

Положение сторон к началу июня было нижеследующим.

Русские: 1) 8, 9 и 12-й корпуса — в окрестностях Бухареста, а их передовые отряды — на берегу Даная, от р. Ольты до Ольтеницы;

2) 11-й корпус занимал участок Дуная далее к востоку до Гирсова;

3) Нижне-Дунайский отряд в составе 14-го корпуса и отряда генерал-лейтенанта Веревкина (7-го корпуса) прочно утвердились на Нижнем Дунае.

Всего в действующей армии с прибытием 4-го и 13-го корпусов насчитывалось 260 тысяч человек (с нестроевыми).

Турки: в Добрудже — 8000, в четырехугольнике крепостей — 80 тысяч, на Дунае, между Рушуком и Никоподем — 7000, далее до Видина — 40 тысяч, всего в Придунайской Болгарии — 135 тысяч; в Адрианополе, Филиппополе, Софии и за Балканами — 25 тысяч. А всего 160 тысяч человек.

Препятствиями для устройства переправ через Дунай являлись турецкие крепости и турецкая Дунайская флотилия. Чтобы нейтрализовать эту флотилию, нужно было поставить на Дунае минные заграждения, а для этого прикрыть их береговыми батареями с осадными орудиями, а также создать свою собственную флотилию. Еще до объявления войны из Кронштадта и Николаева в Кишинев были доставлены 14 паровых катеров, четыре бота и 17 гребных судов; из них большая часть была отправлена на Средний Дунай, где были приобретены еще и другие средства переправы.

Для сооружения двух переправ в дополнение к средствам понтонных войск армии, соответствовавшим устройству одного моста длиной 426 сажен, было решено построить плоты из бревен и деревянные понтоны. В Галаце были подготовлены 35 понтонов и 105 плотов со всеми материалами для моста на Нижнем Дунае, там же и на р. Ольте — еще 150 понтонов с материалами и плотами для моста на Среднем Дунае. У Рени, Барбоша и Браилова было решено устроить девять береговых батарей.

С 22 апреля начались перестрелки между нашей полевой артиллерией и турецкой флотилией. С 25 апреля начала действовать наша осадная артиллерия у Рени и Барбоша (восемь орудий), а с 26 апреля — у Браилова (14 орудий, но часть их была поставлена лишь к 4 мая).

29 апреля выстрелами батареи № 4 поручика Самойло был потоплен корвет «Лютфи-Джелиль». 3—5 мая лейтенанту Дубасову удалось, несмотря на огонь турецких броненосцев, уложить три линии минных заграждений в Мачинском рукаве, а 6 и 7 мая такое же заграждение было уложено в главном русле выше Браилова, а затем тому же Дубасову вместе с лейтенантом Шестаковым, мичманами Персиным и Балем удалось часть турецкой флотилии потопить, а остальную заставить бежать под стены Рушука.

27 мая были уложены минные заграждения в главном рукаве Дуная, против острова Гиска-Маре, а 28 мая загражден и южный выход из Мачинского рукава. Таким образом к июню весь участок Дуная от Гирсова до Рени был прочно и надежно защищен от каких-либо покушений со стороны турецкой флотилии, и, следовательно, переправа на нем наших войск становилась вполне возможной.

На Среднем Дунае подготовка переправы могла начаться значительно позднее, чем на Нижнем. В конце мая приступили к сооружению береговых батарей у Карабии, Турну-Мэгуреле, Парапана и Журжева; у второго и четвертого пунктов ставили особо сильные батареи, способные обстреливать противолежащие турецкие крепости Никополь и Рушук. К 1 июня построена и вооружена одна батарея на шесть орудий у Парапана; к 6 июня построены и к 11 июня воору-

жены семь батарей на 28 орудий у Слободзеи, западнее Журжева.

К 14 июня были построены и вооружены еще восемь береговых батарей с 33 орудиями у Фламунды (для прикрытия минных заграждений), Турну-Мэгуреле и в устье р. Ольты (для борьбы с крепостью Никополем). К середине июня на всем среднем течении Дуная были поставлены минные заграждения, и только левый рукав у острова Мечки не мог быть загражден.

11 июня на рассвете состоялась удачная демонстративная переправа у Мачина частей Нижне-Дунайского отряда (Рязанского и Ряжского пехотных полков). Наши потери состояли всего из семи офицеров и 132 нижних чинов убитыми и ранеными.

Переправившаяся по мосту 12—14 июня Донская казачья дивизия была выслана на Бабадаг и Тулчу. Казаки были встречены радушно всем христианским населением, спасенным от разорения быстрым отступлением турок; добыто много рогатого скота и овец, а хлеб обещал богатую жатву. Только черкесы бежали из своих селений на юг.

К 22 июня дорога из Гичета в Мачин была отремонтирована, и все части 14-го корпуса собрались на правом берегу, а к 28-му большая их часть, приготавливаясь к наступлению в глубь Добруджи, заняла линию: Кады — Кишла — Муслуй — Дельгер — Картал с кавалерией впереди, у Юсибей-Кучикии.

Переправа русской армии у Зимницы—Систова

Хотя, согласно выработанному плану действий, переправить армию было решено на участке Дуная Никополь — Систово и подготовка велась предварительная, но изменения в обстановке, а в особенности подъем уровня вод вследствие запоздалого и очень сильного разлива Дуная, требовали самых тщательных разведок. Главнокомандующий приказал их произвести девяти партиям офицеров Генерального штаба и инженеров с 12 по 20 мая на всем течении Дуная вниз от р. Ольты.

Произведенная у Зимницы рекогносцировка генерал-майором Рихтером и полковником Генерального штаба Нагловским позволила определить выгодное для устройства переправы место. В стратегическом отношении пункт переправы находился вблизи главного операционного направления (Систово — Тырново — Адрианополь), чем сокращалось расстояние до Балкан и укорачивался наиболее опасный его участок, пролежавший недалеко от турецких главных сил, собранных в четырёхугольнике крепостей. Тактические выгоды состояли в следующем: 1) русло Дуная пересекалось двумя большими островами — Бужиреску и Адда, облегчавшими устройство мостов и сбор материалов и перевозочных средств; 2) топографические свойства правого берега позволяли войскам после переправы занять сильную позицию для прикрытия мостов.

Но были и условия, не благоприятствовавшие переправе: значительная ширина Дуная и преобладающая высота правого берега над левым, почти совершенно открытым; надлежало стягивать войска к месту посадки на суда только ночью и затруднялась их поддержка огнем артиллерии при самой переправе.

Правый берег спускался к реке отвесными обрывами, у подножия которых тянулась узкая песчаная отмель. Против Систова был спуск к реке, но восточнее имелись лишь тропинки, и только устье р. Текир-Дере (3 версты ниже Систова) допускало более удобный подъем войск. На расстоянии полторы версты от берега тянулись Систовские высоты, покрытые виноградниками и садами. У Зимницы возвышенный левый берег образует широкую низину, затопляемую половодьем; в середине июня она еще не просохла и представляла затруднения для колесного движения, но путь по ней был заблаговременно исправлен, а через проток Дуная, подходящий к самой Зимнице, построен мост на парусиновых понтонах; через две водомоины переброшены мосты на козлах.

В ожидании спада воды было решено расположить войска таким образом, чтобы после окончательного решения о дне и месте переправы их можно было быстро и скрытно

направить к любому пункту на участке Никополь — Систово (Зимница).

8 июня главнокомандующий в сопровождении начальника штаба и его помощника (о цели поездки в полевом штабе не было известно) выехал по железной дороге из Плоешти на Бухарест. Пробыв у князя Карла весьма короткое время, великий князь скрытно отправился для личных разведок на участок Зимница — Турку-Мэгуреле. В последнем пункте 10 июня состоялось совещание при участии начальника штаба Непокойчицкого, его помощника Левицкого, а также князя Массальского, Делпа, Драгомирова и Рихтера. Тогда же главнокомандующий окончательно приказал произвести переправу у Зимницы — Систова в ночь на 15 июня

Все касающееся переправы содержалось в строжайшей тайне, приказания отдавались почти исключительно словесно, Александру II великий князь доложил о пункте переправы лишь в 8 часов вечера 14 июня. Для распространения ложных слухов 12 июня командиру 9-го корпуса сообщили о решении направить его корпус в голове армии на Никополь «через переправу со стороны д. Сяка». Русским и румынским батареям с осадными орудиями приказано начиная с 14 июня усиленно бомбардировать Рушук, Никополь и Видин.

Произвести десант было поручено командующему 14-й пехотной дивизии армии; ему было сообщено, что турки имеют у Систова 1500 и у Вардена 2900 человек с артиллерией. В состав отряда Драгомирова назначены: 14-я пехотная дивизия с ее артиллерией, 4-я стрелковая бригада, сводная рота Гвардейского отряда почетного конвоя Его Величества, две сотни пластунов, две горные батареи и Донской 23-й полк; всего 16,75 батальона, шесть сотен и 64 орудия. Перевозка на правый берег была поручена генерал-майору Рихтеру, в распоряжение которого предоставлены четыре понтонных батальона, парк парусиновых понтонов, команда Гвардейского экипажа и Уральская казачья сотня (уральцы были опытными гребцами и пловцами).

К вечеру 14 июня армия сосредоточилась к пункту переправы в таком порядке:

1) отряд генерал-майора Драгомирова — у Зимницы к вечеру 13 мая;

2) 9-я пехотная дивизия без одного полка и одной батареи — у д. Пятра;

3) 1-я бригада Кавказской казачьей дивизии — у с. Бею, а 2-я бригада — у Зимницы;

4) 9-й корпус: бригада 31-й пехотной дивизии с четырьмя батареями — у Турку-Мэгуреле; остальные войска — у д. Сяка;

5) 12-й корпус и болгарское ополчение — у д. Войводы;

6) 13-й корпус — у д. Фрумозы;

7) отдельная бригада из драгунских полков 8-й и 9-й кавалерийских дивизий с 16 конными батареями — у д. Аятра;

8) три полка 9-й кавалерийской дивизии должны были сменить по линии Дуная полки 8-й кавалерийской дивизии.

К вечеру 14 июня в районе Зимница — Турку-Мэгуреле — Александрия собралось четыре корпуса (8, 9, 12 и 13-й), причем наиболее отдаленные от переправы части находились всего в 40 верстах. Войска 11-го корпуса охраняли и наблюдали берег Дуная от Зимницы до Калараша, где они входили в связь с Нижне-Дунайским отрядом.

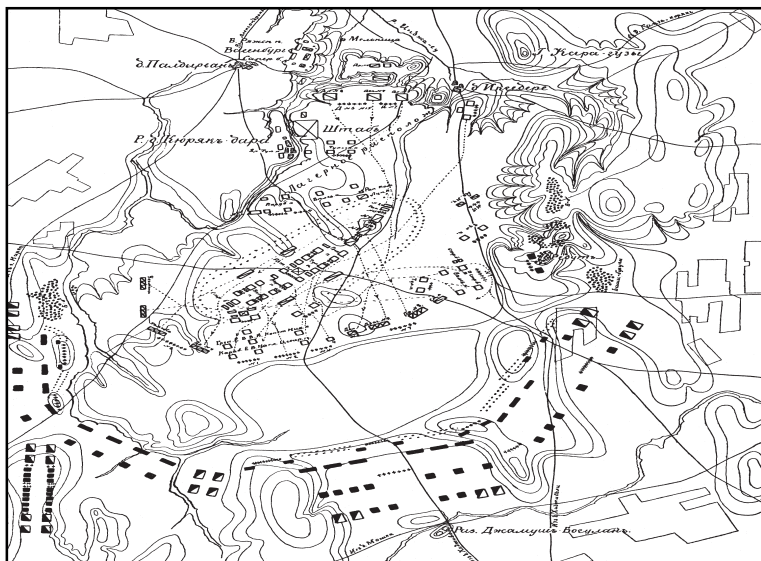
Турки имели к 15 июня: у Систова — один батальон и один эскадрон с двумя орудиями, всего 770, у Вардена — пять батальонов с четырьмя орудиями, всего 3330 человек. Ближайшие подкрепления находились: в 70 верстах в Тырнове — 4000, в 60 верстах в Рушук — 21 200 и в 40 верстах в Никополе — 9800 человек. На берегу Дуная у Систова были возведены две батареи с 12 орудиями и у Вардена — одна батарея, но эти батареи не были вооружены, и предполагалось занять их полевыми орудиями из гарнизонов Систова и Вардена. Турецкий главнокомандующий Абдул-Керим-паша догадывался о намерении русских совершить переправу на Среднем Дунае, но не считал себя в силах ей воспрепятствовать и в своем донесении в Константинополь в начале июня слагал с себя ответственность за успех переправы русских войск на участке Рушук — Видин; впрочем, такое мнение разделяли и в Константинополе, так как там считали, что войска, расположенные в Придунайской Бол-

гарии и в четырехугольнике крепостей, вообще не предназначались для действий в поле.

Драгомиров к 11 июня собрал свой десантный отряд в д. Бею. На другой день утром он передал начальникам частей словесное приказание о движении (но не о переправе) к Зимнице и точно указал места остановок всех частей, не просматриваемые турками с берега. Движение началось в 5 часов дня 12-го и закончилось к рассвету 14 июня. По мере прибытия к Зимнице войска располагались биваком, не разбивая палаток и укрываясь за постройками и садами. В 5 часов утра 14 июня Драгомиров пригласил к себе на квартиру командира 53-го пехотного Волынского полка полковника Родионова и всех батальонных командиров, которые тогда только узнали, что переправа назначена у Зимницы в ночь на 15-е число и первым должен переправляться их полк. Чтобы не привлекать внимания турок, Драгомиров из окон своей квартиры указал места посадки на суда и пункт высадки — устье р. Текир-Дере, причем подтвердил, что во время переправы ни в коем случае не стрелять с понтонов, а после высадки берег очищать штыками. Он поставил целью предстоящего боя на правом берегу овладение Систовскими высотами и приказал ознакомиться с противоположным берегом наблюдением в бинокли.

Весь отряд Драгомирова должен был переправиться в семь рейсов; в каждый рейс назначалось по 12 рот, восемь орудий и 60 казаков; пехота — на 36 полуторных и 24 обыкновенных железных понтонах, орудия и казаки — на шести паромах; на каждом понтоне было шесть-восемь гребцов. Подготовка всей перевозки была возложена на генерал-майора Рихтера, пехоты — на полковника Копанского, артиллерии и казаков — на полковника Вартминского. Для прикрытия переправы назначался Брянский пехотный полк с пятью батареями, расположившийся по берегу Дуная; две роты заняли остров Бужиреску; артиллерия должна была открыть огонь только после начала стрельбы турок как против их расположения, так и на случай проявления турецкой флотилии.

В первый рейс были назначены 1-й и 2-й батальоны и все стрелковые роты Волынского полка, сотня пластунов, гор-

Переправа русских войск через Дунай у Зимницы
15 июня 1877 г.

ная батарея и 60 казаков под начальством полковника Родионова. В первом часу ночи началась посадка за островом Бужиреску; головной понтон отвалил на исходе второго часа ночи, а через полчаса тронулся и последний понтон. В темноте правильность движения нарушилась; несколько понтонов были задержаны на мелях; большая часть пристала не в самом устье, а выше и ниже устья р. Текир-Дере.

Первой в третьем часу высадилась на берег, в полуверсте западнее Текир-Дере, 1-я стрелковая рота штабс-капитана Остапова. Стрелки поодиночке взобрались на кручи. Остапов рассыпал цепь и, продвинув ее на несколько сотен шагов, занял позицию фронтом на западе. К стрелкам начали присоединяться части других рот. Одновременно ближе к устью Текир-Дере высадилась 3-я стрелковая рота капитана Фока, который выбил из караулки засевших в ней турок, только теперь догадавшихся зажечь сигнальный маяк. По тревоге турки двинулись к месту высадки от Систова и Вардена.

Бой на Систовских высотах 15 июня 1877 г.
С картины Н. Дмитриева-Оренбургского

Фок занял позицию по левому берегу оврага фронтом на восток.

Около 3 часов войска первого рейса заняли следующее расположение: фронтом на запад — три роты, фронтом на восток — четыре с половиной роты, фронтом на юг — две с половиной роты и в резерве — две роты. Шестьдесят казаков послали для порчи телеграфа, идущего в Руцук. Таким образом переправа совершилась благополучно, но до прибытия подкреплений положение было опасным, так как турецкие войска спешили от Вардена.

Около 4 часов утра капитан Фок перебрался с 3-й стрелковой ротой на правый берег оврага Текир-Дере и отогнал турок, но затем был атакован в правый фланг и тыл; его поддерживала 2-я стрелковая рота, но все-таки обе роты были окружены. Стрелков выручили два горных орудия поручика Лихачева, снявшиеся на позиции у караулки и шрапнелью отогнавшие турецкие поддержки; к ним присоединились еще четыре орудия.

Благодаря содействию артиллерии стрелки овладели ближайшими к оврагу высотами, но турки, получив подкрепления, опять двинулись вперед; всему восточному фронту пришлось податься назад, и он был прорван. Из этого критического положения мы вышли благодаря прибытию частей второго рейса. Командир 8-го корпуса генерал Радецкий распорядился для ускорения перевозки перенести место посадки на 2 версты ниже — против устья р. Текир-Дере — и отправлять пехоту не целыми рейсами, а по мере возвращения понтонов. Первыми были посажены 3-й батальон волынцев и рота почетного конвоя; высадившись и услышав пальбу на возвышенностях правого берега Текир-Дере, эти части, а за ними и 2-й батальон волынцев, пошли на выручку. Фок тотчас перешел в наступление, и мы окончательно утвердились на восточном фронте.

Однако часть отступивших турецких стрелков успела захватить в обрывистых скалах берега восточнее устья Текир-Дере и начала обстреливать переправляющиеся понтоны. Почин и храбрость поручика Моторного, командира 2-й стрелковой роты Минского полка, избавили нас от дальнейших

Переправа русской армии через Дунай у Зимницы 15 июня 1877 г.
С картины Н. Дмитриева-Оренбургского

жертв. Собрав до 120 стрелков, он неожиданно и без выстрелов бросился во фланг турецкой цепи и заставил ее обратиться в бегство.

К 6 часам утра турки отступили от нашего восточного фронта. В это время прибыл генерал-майор Драгомиров и, видя что занятая позиция вполне обеспечивала переправу войск, приказал приостановиться. Так как конников не было, то передачу приказа восточному фронту взял на себя генерал-майор Скобелев 2-й, прошедший пешком вдоль всей длинной цепи, перестреливавшейся с турками. Собрав весь свой отряд на правом берегу, Драгомиров приступил к выполнению главной задачи: занятию Систовских высот для обеспечения переправы главных сил армии. Наступление началось в 11 часов; в 2 часа дня мы уже заняли гребень высот, а через час и сам город Систово.

Таким образом выполнена была блестящая и искусная переправа русских войск у Систова — Зимницы, стоившая нам потерями во время переправы и в бою 30 офицеров и 782 нижних чинов.

В продолжение дня 15 июня переправилась 9-я пехотная дивизия, и к вечеру на правом берегу Дуная сосредоточилось всего 28,75 батальона, 16 полков и 14 горных орудий и 60 казаков. Утром 16 июня отряд генерал-майора Дерожинского (четыре батальона и восемь орудий из войск 8-го корпуса) занял позицию на р. Пенде, юго-восточнее Систова, а отряд генерал-адъютанта князя Святополка-Мирского (шесть батальонов и восемь орудий из войск 8-го корпуса) без боя занял Варден, откуда турки отступили к г. Бела.

В ночь на 17 июня закончили минное заграждение в правом рукаве Дуная, у Парапана, и приступили к заграждению Дуная выше и ниже Зимницы, для обеспечения защиты строящихся мостов. К вечеру 18 июня около Систова собралось 40,5 батальона, шесть сотен, 64 пеших и 14 горных орудий под начальством генерал-лейтенанта Радецкого. Отсутствие кавалерии не позволяло вести разведку о противнике; поэтому Скобелев 2-й предложил переправить вплавь Кавказскую казачью дивизию. Однако из двух офицеров и 30 казаков Владикавказско-Осетинского полка только Скобелев

и один казак переплыли Дунай, а все остальные пловцы не могли преодолеть силы течения и возвратились назад.

С ночи на 15 июня начался сплав всех заготовленных на р. Ольте материалов для постройки мостов. В ночь на 16 июня партия понтонов шла от Фламунды к Зимнице под личным начальством великого князя Алексея Александровича.

16 июня началась постройка «нижнего» моста на понтонах через остров Адду; «северный» участок имел длину 213 сажен и «южный» — 267 сажен, мост на козлах через проток на острове — 33 сажени. Все работы закончили к 20 июня, и в тот же день по мосту шли артиллерия и обозы.

Материал для постройки «верхнего» моста на плотках и шаландах был сплавлен по рекам Ольте и Дунаю с 16 июня по 4 июля; 6 июля приступили к сооружению моста, законченного к 29 июля; он состоял из трех частей: «румынской» к острову Бужиреску длиной 70 сажен, части между островами Бужиреску и Аддой длиной 264 сажени и «болгарской» длиной 270 сажен.

Действия армии после переправы через Дунай

Путь наступления русской армии для ее дальнейших действий шел через Тырново к Балканским проходам; на этом пути находился лишь в Габрове турецкий отряд в 4000 человек, но на флангах стояли: на западе, в Никополе — 9800, на востоке, в Беле — 4000, в Рушуке — 21 200, в Осман-Базаре — 4600 и в Шумле — 30 400, а всего турецких войск — 74 тысячи человек. Мы могли противопоставить им на правом берегу Дуная не более 100-тысячного войска.

Было решено сперва наступать веерообразно по трем направлениям: на юг, восток и запад, для чего и армия была разделена на три отряда.

Передовой (Южный) отряд генерал-лейтенанта Гурко. Начальник штаба полковник Нагловский, до прибытия Гурко временно командовал генерал-майор Раух. Состав: драгунская бригада герцога Евгения Максимилиановича Лейхтенбергского; 8-й и 9-й драгунские полки с 16-ю конными ба-

тарейми; сводная бригада герцога Николая Максимилиановича Лейхтенбергского: 9-й гусарский Киевский и 30-й Донской полки с Донской № 10 батареей; Донская бригада полковника Чернозубова: 21-й и 26-й Донские полки с Донской № 15 батареей; полуэскадрон Гвардейского почетного конвоя; 4-я стрелковая бригада с двумя горными батареями; шесть дружин болгарского ополчения, Уральская казачья сотня и 150 коннопионер; всего четыре батальона, шесть дружин, 12,5 эскадрона, 19 сотен, 14 горных и 18 конных орудий.

Цель действий: выдвинуться в направлении Тырнова и Сельви, разведать окружающую местность и приготовиться к дальнейшему наступлению; затем, по особому приказанию, двинуться вперед и овладеть Балканскими проходами; кавалерию выслать за Балканы, чтобы поднять там население и рассеять турецкие отряды; под прикрытием передового отряда приступить к разработке проходов через Балканы, дабы армия могла быть двинута в долину р. Марицы, через Габрово, Казанлык и Травна-Маглиж.

Рушукский (Восточный) отряд наследника цесаревича. Начальник штаба генерал-лейтенант Ванновский, который сперва временно командовал отрядом; в командование 12-м корпусом вступил великий князь Владимир Александрович. Состав: 12-й и 13-й корпуса; при последнем была 8-я кавалерийская дивизия без Драгунского полка; всего 48 батальонов, 32 эскадрона и сотен, 192 пеших и 24 конных орудий.

Цель действий: 12-му корпусу выдвинуться к р. Янтре, правым флангом до города Белы, и там выждать сбора и присоединения 13-го корпуса, после чего наступать к Рушуку, обложить его и стараться овладеть им.

Западный отряд генерал-лейтенанта барона Криденера. Состав: 9-й корпус, 5-й саперный батальон, два полка и одна батарея 9-й кавалерийской дивизии, 34-й Донской полк и Кавказская бригада полковника Тутолмина: 2-й Кубанский и Владикавказско-Осетинский полки; всего 24 батальона, 28 эскадронов и сотен и 108 орудий.

Цель действий была поставлена довольно неопределенно: двинуться на Чауш-Магалу и Никополь с целью овладеть последним и затем направиться на Плевну, где, оставив отряд для охраны правого фланга армии, приготовиться к движению в горы после получения особого приказа.

В распоряжении главнокомандующего оставались 8-й и 11-й корпуса; последнему было приказано, выделив Журжево-Ольтеницкий отряд для прикрытия Бухареста в составе вторых бригад 32-й пехотной и 11-й кавалерийской дивизий и 31-го Донского полка, сосредоточиться к Зимнице; в первых числах июля ожидалось прибытие 4-го корпуса.

Действия Передового отряда. Генерал-лейтенант Гурко двинул к Тырново 25 июня пять полков с 16-ю конными орудиями, которые после небольшого боя заставили турок быстро отступить к Осман-Базару. Разъезд 30-го Донского полка, полусотня есаула Афанасьева, высланная из Сухиндола для связи с Кавказской бригадой, 26 июня вошла в Плевну, где турецкая рота без сопротивления сложила оружие, но появление большой партии черкесов заставило казаков оставить пленных и отойти на Болгарени.

Блистательно овладев Тырновом, Гурко расположил в нем свои главные силы, а кавалерию выдвинул по дорогам на Осман-Базар, Елену, Габрово и Сельви.

Действия Рушукского отряда. Преодолев за четыре часа 40 верст, полковник Бильдерлинг, во главе Стародубовского драгунского полка, занял Белу около полудня, а на другой день туда подошла и пехота авангарда. Остальные дни июня отряд продолжал свое сосредоточение на Нижней Янтре, от г. Белы до р. Дуная.

12-й кавалерийской дивизии было приказано следовать к Рушуку, чтобы очистить местность от турок, но она наступала крайне вяло. Так, 26 июня дивизия стояла на месте, имея в голове, у Обретеника, 12-й Донской полк с батареей. Турки выслали из Рушука отряд пехоты и кавалерии при четырех орудиях, который нерешительно атаковал казаков после полудня; только к 19 часам прибыл на подкрепление Стародубовский полк с 19-й конной батареей, и турки отступили.

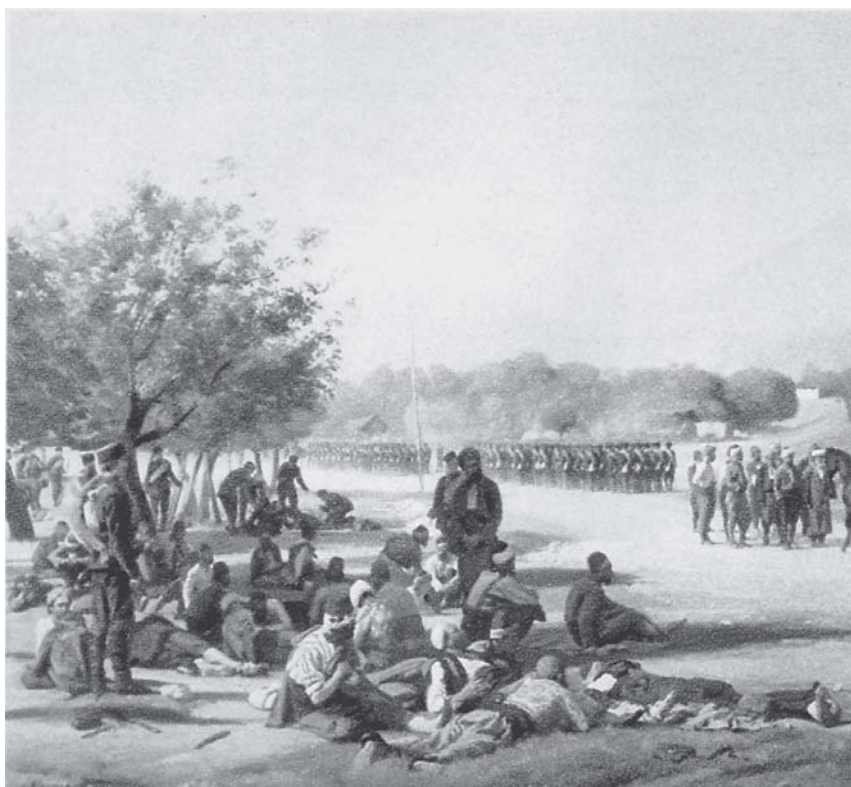
Это ничтожное дело имело, однако, важные последствия: турецкие войска, действовавшие под Обретеником, входили в состав корпуса Ахмед-Эюба-паши, направленного на Белу для соединения с армией Османа-паши; предполагалось двинуть всего из Шумлы и Рущука 34 батальона, 40 эскадронов и 11 батарей; стычка у Обретеника заставила отказаться от наступления, и турки отошли к Гюр-Чемше.

Действия Западного отряда. Главкомандующий приказал барону Криденеру расположиться между Болгарени и Орешей; Кавказская бригада полковника Тутолмина уже находилась в Болгарени. 25 июня барон Криденер получил приказание выслать от 9-й кавалерийской дивизии разьезды на Никополь, а от Кавказской бригады — на Плевну и Ловчу; дальнейшие действия предоставлялись на усмотрение начальника отряда, но эти действия не отличались энергией.

Быстрые успехи Передового отряда и отсутствие перед его фронтом турецких войск подали главкомандующему мысль: не выжидая полного сосредоточения армии и ограничиваясь заслонами на флангах, продолжать наступление на юг, понудив тем турок бросить оборону четырехугольника крепостей и уйти на Балканы для защиты Константинополя. Свои соображения великий князь изложил в письме императору от 27 июня. Но государь в своем ответном письме от 28 июня не одобрил такого плана, находя, что наступление за Балканы слишком рискованно, пока значительные силы неприятеля угрожают левому флангу от Рущука и Шумлы, а также пока Никополь и Плевна (?) в руках турок. Кроме того, указывалось, что «если бы турки сами решились перейти в наступление от Видина в Румынию, то могли бы угрожать нашим сообщениям».

Великий князь должен был отказаться от движения главными силами за Балканы и решил остановиться с 8-м корпусом в Тырнове до прибытия не только 11-го, но и 4-го корпусов.

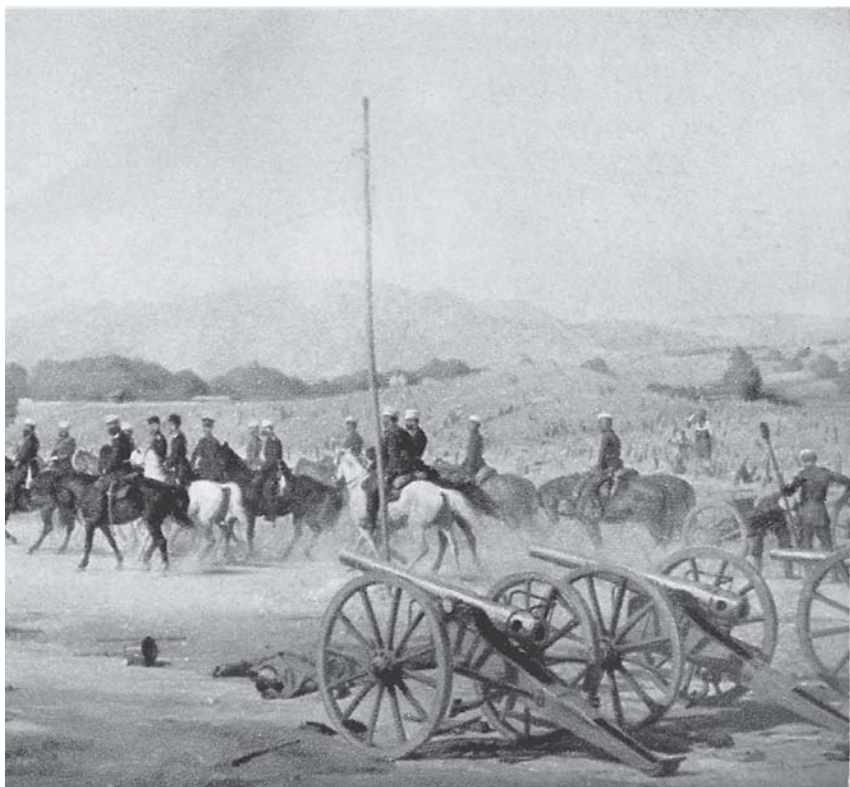
Овладение Передовым отрядом проходами: Хаинкиоём и Шипкой. Задача Передового отряда состояла в овладении Балканскими проходами между Сливном и Сельви.

Взятие деревни Шипка близ Казанлыка

Тырново находится в 40—50 верстах от Балкан, и от него вели за Балканы четыре главных пути через перевалы Твардицкий, Хаинкиойский, Травненский и Шипкинский. Для защиты их турки располагали 13 250 бойцами, из которых 4050 находились на Шипкинском перевале с резервом Казанлыка в 2600 человек; остальные перевалы не были заняты.

Все перевалы имели одинаковое стратегическое значение, но самый удобный из них (шоссе) оказывался прегражденным живой силой противника. Гурко остановил свой выбор на считавшемся турками совершенно недоступным для дви-

6 июля 1877 г. С картины Г. Манизера

жения войск Хаинкойском перевале, достаточно удаленном от Шипкинского. Если бы ему удалось выйти через этот перевал в долину р. Тунджи и захватить Казанлык, то, естественно, падала и оборона Шипкинского перевала.

Главнокомандующий одобрил решение Гурко, но указал, что необходимо ограничиться только занятием перевалов и выходов из них и далее... до получения на то приказа, не двигаться. К Шипкинскому перевалу, в Габрово, был выслан 2 июля Орловский пехотный полк с батареями.

В 10 часов утра 30 июня Передовой отряд в составе 9,5 батальона, 22,5 эскадрона и сотен, 14 горных и 16 конных ору-

дий выступил к Балканам, и утром 2 июля его авангард, под начальством генерал-майора Рауха, атаковал враспloch турецкий лагерь одного батальона у д. Хаинкиой. Выдвинутые турками подкрепления из Ени-Загры были отброшены; выяснилось, что у последнего пункта находится до пяти батальонов противника и что Казанлык занят какими-то силами. 3 июля кавалерия производила демонстрацию в восточном направлении и имела удачное дело у д. Оризари, где Казанский драгунский и 26-й Донской полки с Уральской сотней при 8 конных орудиях рассеяли три турецких батальона с шестью орудиями. Этим успехом была обеспечена защита отряда для его отступления на запад. 3 июля Гурко донес, что выступает на Казанлык 4-го, а 5-го предполагает его атаковать.

Расчет оказался верен, потому что хотя до Казанлыка было не более 40 верст, но по дороге пришлось иметь дело с высланными к д. Уфланы тремя батальонами турок; бой продолжался с 10 часов утра до 2 часов дня. Турки были частью отброшены в горы, частью рассеяны, и отряд заночевал у Маглижа. На следующий день произведено решительное наступление на Казанлык. Турецкий отряд в составе двух батальонов, трех орудий и черкесов занял позицию в 7 верстах восточнее города; пока наша пехота ее атаковала, кавалерия герцога Н. М. Лейхтенбергского захватила Казанлык в тылу турок; последние тщетно искали спасения: мы взяли в плен 400 человек и три орудия, потеряв всего трех нижних чинов убитыми и 2 ранеными. В 6 часов вечера заняли д. Шипка, и все силы отряда сосредоточились к южному выходу Шипкинского перевала.

По Шипкинскому перевалу пролегает шоссе от Габрова в Казанлык на протяжении 33 верст. Подъем на Балканы начинается в 7 верстах от Габрова и продолжается 10 верст до горы Св. Николая, представляющей высшую точку перевала (4200 футов над уровнем моря); подъем вообще относительно пологий; спуск к южной подошве хребта тянется на 6 верст, до д. Шипка, зигзагами по карнизам скал; он настолько крут, что с вершины видна одна треть пути. От Шипки до Казанлыка (10 верст) путь идет по безлесной равнине.

К востоку и к западу от перевала лежат по три отдельных горных вершины, но при тогдашней дальности артиллерии, а в особенности горной, они, кроме Сахарной головы (с востока), не представляли артиллерийских позиций. Удобнейшие направления для атаки перевала были с востока и запада; окружавшие перевал ущелья хотя и представляли по глубине и крутизне большие затруднения, но допускали движение пехоты.

Генерал Гурко был уверен, что после занятия им Казанлыка, а тем более Шипки турки откажутся от обороны Шипкинского перевала. Однако Халюси-паша, имевший семь батальонов с девятью орудиями (4700 человек), подготовивший пять укрепленных позиций фронтом на север, решил обороняться. Можно думать, что принятое им решение произошло вследствие полного несогласия в действиях Передового и Габровского отрядов. Хотя генерал Гурко уже 3 июля донес, что может взять Казанлык лишь 5-го, а следовательно, атаковать перевал не ранее 6-го, гл. квартира убедила князя Святополка-Мирского атаковать Шипку с севера 5 июля. Эта атака, произведенная двумя батальонами Орловского полка, была неудачной.

Одержав успех 5 июля, турки решили оказать сопротивление и 6-го, когда генерал Гурко атаковал их с юга двумя стрелковыми батальонами и двумя ротами пластунов; хотя мы подошли к подножию горы Св. Николая, но атаковать ее скалистые скаты оказалось невозможным и пришлось отойти с потерей четырех офицеров и 150 нижних чинов.

Не сомневаясь, что, по свойственной ему решительности, Гурко повторит атаку, главнокомандующий приказал Габровскому отряду непременно атаковать перевал 7 июля и выслал в подкрепление Минский пехотный полк. Однако Халюси-паша вследствие недостатка продовольствия поспешил отступить, к 11 июля турки сосредоточились у Филиппополя.

Выступив в 4 часа утра 7 июля, Габровский отряд, авангард которого вел генерал Скобелев 2-й, в 3 часа дня беспрепятственно занял гору Св. Николая, где встретил санитаров Передового отряда, подбиравших раненых. Получив донесение о занятии перевала, генерал Гурко поднялся на пере-

вал, и здесь произошла встреча наших двух знаменитых полководцев.

Своими смелыми и решительными действиями Гурко открыл путь для движения армии за Балканы, чем в полной мере выполнил поставленную ему задачу. При условии большей согласованности в действиях обоих отрядов против Шипки мы совсем бы не понесли никаких жертв, так как турки, вероятно, не предприняли бы одновременных атак с севера и юга.

Действия Рушукского отряда. 27 июня Рушукскому отряду было приказано только издали наблюдать за Рушуком, оставаясь на р. Янтре в таком положении, чтобы иметь возможность при наступлении неприятеля из Рушука атаковать его в открытом поле, а в случае движения в значительно превосходящих силах встретить его на избранной и укрепленной позиции. Поэтому оба корпуса отряда оставались на Нижней Янтре, имея правый фланг в Беле и авангард (три батальона) в Обретенике; обе кавалерийские дивизии (семь полков) занимали линию Мечка — Трастеник — Абланово — Чаир-Киой.

К 8 июля Нижне-Дунайский отряд (14-й корпус) занял линию Кюстенджи — Черноводы.

Взятие крепости Никополь. 26 июня адъютант главнокомандующего передал начальнику Западного отряда приказание: «Направиться для овладения крепостью Никополем». Эта крепость имела стратегическое значение как лежавшая всего в 40 верстах от нашей переправы у Систова; мы должны были или ее взять, или выставить против нее сильный заслон. Во время переправы русской армии через Дунай Никополь был занят 10-тысячным гарнизоном под начальством Гассана-паши. Когда Гурко занял Тырново, Гассан-паша для обеспечения своих сообщений выслал 26 июня Атуфу-пашу с тремя батальонами, одним эскадроном и четырьмя орудиями в Плевну, лежащую в 35 верстах к югу и представлявшую важный узел дорог. 2 июня Атуфа-паша вступил в Плевну, за выделением этого отряда в крепости осталось 8000 человек.

Криденер, по-видимому, не считал своей обязанностью прикрывать правый фланг всей армии, а преследовал лишь единственную задачу — овладение крепостью, поэтому в отношении разведки довольствовался сведениями о действиях в своем корпусном районе.

Решительные действия Воронежского, Козловского и Галицкого полков 3 июля привели к тому, что 4 июля старая крепость пала.

Значение победы в бою 3 июля, имевшей своим последствием сдачу Никополя, было очень велико: 1) турецкая армия лишилась свыше 8000 человек; 2) нравственное впечатление от предшествующих наших удачных переправ через Дунай и успехов Передового отряда еще более усилилось; 3) наша армия, опиравшаяся на Дунае на одну точку — у Систова, — теперь располагала районом протяженностью в 60 верст, от устья р. Вид до устья р. Янтры, чем приобретала обеспечение своих сообщений и большую свободу действий.

Сражения под Плевной

Бой под Плевной 8 июля. Ряд блестящих успехов русской армии, одержанных ею со дня переправы через Дунай, был неожиданно омрачен неудачей, постигшей ее в столь известный роковой день первого сражения под Плевной 8 июля 1877 г. Эта неудача, в сущности не представлявшая чего-либо серьезного как по количеству участвовавших в бою войск, так и по тактическим его результатам, поскольку отбитые от Плевны войска даже не были преследуемы и отошли в полном порядке, тем не менее имела огромные, крайне невыгодные для нас стратегические последствия, а именно: пришлось затянуть кампанию на многие месяцы, сперва подготавливая штурмы неожиданно создавшегося под Плевной укрепленного лагеря, а затем блокируя его.

Турки, все время выказывавшие полную пассивность, видя, что с переходом генерала Гурко за Балканы появляется возможность быстрого и решительного наступления русской армии на Константинополь, вдруг перешли к самой энергичной деятельности; выручили главным образом способности и энергия их лучшего полководца — Османа-паши.

Еще в середине июня, после переправы русской армии через Дунай, Осман предложил свой план военных действий: оставив в Видине самое необходимое для обороны число войск, со всеми остальными направиться к Плевне, откуда, после присоединения гарнизона Никополя, двинуться в Ловчу и Тырново, на соединение с корпусом Ахмед-Эюба-паши, следовавшего из Шумлы. Тогда во главе уже значительных сил Осман-паша предполагал перейти в наступление на Систово; если бы соединение с корпусом из Шумлы не удалось, то можно было, заняв Ловчу, оборонять Балканские проходы. Этот план не был принят из опасения действий румынов, стоявших против Видина, но теперь турецкое правительство решилось стянуть все силы с второстепенных театров на главный.

Большая часть корпуса Сулеймана-паши, действовавшего против Черногории, была посажена на суда в Антивари и высажена в Деде-Агаче, откуда доставлена по железной дороге в Адрианополь.

Осман-паша 1 июля утром выступил с 19 батальонами, пятью эскадронами и девятью батареями и на рассвете 7 июля вступил в Плевну, где сосредоточилось всего 25 батальонов, шесть эскадронов, 58 орудий и 150 черкесов. Расстояние в 180 верст от Видина до Плевны преодолено было за шесть суток, т. е. по 30 верст в сутки, без дней. К сожалению, хотя марш и происходил всего в расстоянии 40—30 верст от кавалерии 9-го корпуса, но совершенно не был ею замечен.

Между тем марш Османа-паши был замечен на первом же его переходе с румынского берега румынскими аванпостами и состоявшим при румынской осадной артиллерии русским капитаном Ивановым. 2 июля князь Карл телеграфировал главнокомандующему: «Аванпосты Калафата мне доносят, что большая неприятельская колонна, 25 батальонов с кавалерией, направляется быстро к Лом-Паланке. Спешу довести до сведения Ваше Императорское Величество». Получение этой телеграммы исторически удостоверено, но, к сожалению, она не оказала должного воздействия на планы главной квартиры. Впрочем, это объясняется отчасти тем, что тревожные сведения из румынских источников обычно

венно не оправдывались, а отчасти некоторым успокоением начальства на фоне ряда одержанных успехов.

Однако с 4 июля главнокомандующий начал торопить барона Криденера с занятием Плевны и в этот день телеграфировал ему предложение двинуть туда тотчас кроме бригады Тутолмина два полка пехоты с артиллерией. Затем двумя телеграммами от 5 июля главная квартира настаивала на том же. Начальник штаба писал: «Если не можете выступить тотчас в Плевну со всеми войсками, то пошлите туда немедленно казачью бригаду и часть пехоты». Криденер, имевший весьма много затруднений по приведению в порядок захваченной крепости, желал прежде пополнить снаряды; однако, получив уже категорическое приказание, он 6 июля приказал генерал-лейтенанту Шильдер-Шульднеру с 1-й бригадой его 5-й пехотной дивизии и четырьмя батареями перейти в тот же день к Бреслянице, с тем чтобы 7 июля, если не встретится особого препятствия, направиться на Плевну, куда двинуть и отряд полковника Клейнгауза. Вообще же распоряжения о движении от Бресляницы и Турского-Трестеника к Плевне и ее занятие предоставлялись на усмотрение Шильдер-Шульднера, причем барон Криденер рассчитывал, что последний займет Плевну уже 7 июля.

Генерал-лейтенанту Лошкареву было приказано патрулировать 9-м Донским полком пространство между р. Видом и дорогой Бресляница — Плевна, а Бугским уланским полком — нижнее течение р. Вид и пути на Рахово. Полковнику Тутолмину предписывалось перейти в Турской-Трестеник и контролировать местность до Плевны и в направлении на юг, до путей из нее в Ловчу и Сельви.

Войска не выполнили в точности приказания барона Криденера: бригада 5-й пехотной дивизии не дошла до Бресляницы, а Тутолмин не дошел до Турского-Трестеника. Отряд Клейнгауза пододвинулся к Плевне. Таким образом назначенные для занятия Плевны войска в ночь на 7 июля расположились в двух группах, удаленных одна от другой на 30 верст.

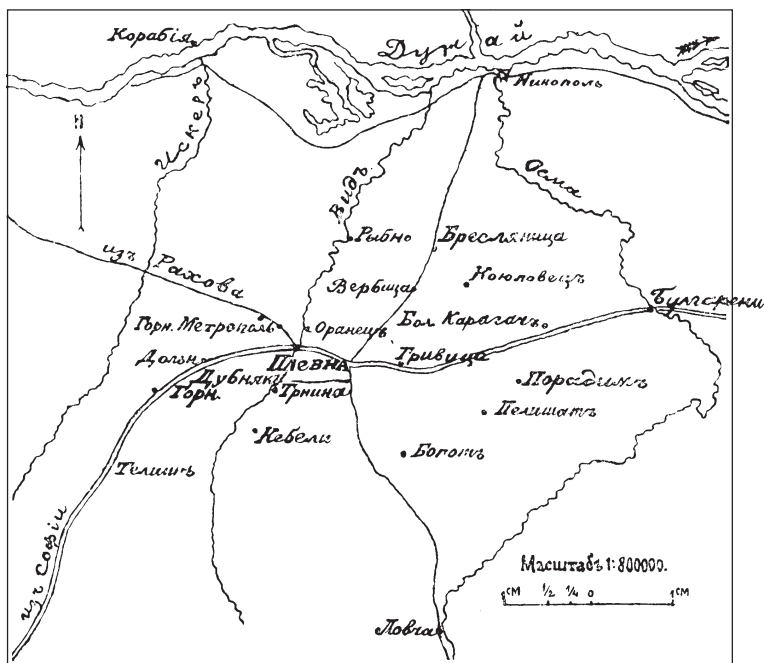
Генерал Шильдер-Шульднер не рассчитывал подойти к Плевне 7 июля и приказал правой группе в тот же день

перейти к д. Вербица, левой — к д. Сгаловцу, а бригаде Тутолмина — к д. Тученица. Диспозиция была отдана по 10-верстной карте, на которой Вербица была показана в 20, а Сгаловец в 15 верстах от Плевны; на самом же деле первая находилась всего в расстоянии 8 верст от Плевны и даже 5 верст от занимаемой турками позиции.

Осман-паша, узнав около полудня о наступлении русских, несмотря на утомление своих войск, двинул часть их на позицию; поэтому беспечно наступавшая колонна 1-й бригады 5-й пехотной дивизии, предполагавшая, что противник еще далеко, в 14 часов 30 минут дня была встречена артиллерийским огнем. Немедленно и совершенно спокойно отряд развернулся, и батареи открыли огонь. Попытка турок перейти в наступление не удалась. В 20 часов генерал Шильдер-Шульднер приказал прекратить огонь, отложив атаку до следующего дня. Войска заночевали в боевом порядке. Полковник Клейнгауз перешел к Сгаловцу, а бригада Тутолмина опять не дошла до места назначения, присоединившись к отряду Клейнгауза, где оба начальника получили приказание атаковать от Гривицы и Тученицы.

Позиция турок к северо-востоку от Плевны тянулась вдоль гребня ручья Буковлек; упиралась правым флангом в Гривицкую высоту, а левым — в д. Буковлек. Осман-паша располагал всего 15 тысячами человек и расположил их так: на кряже позиции — пять батарей и девять батальонов, из которых одна батарея и три батальона расположились фронтом на восток, на д. Гривицу; левее, у д. Опанец, стояли одна батарея и два батальона; один батальон с тремя орудиями оберегал направление на Ловчу, а пять батальонов, три батареи и два эскадрона составляли резерв восточнее Плевны.

Генерал-лейтенант Шильдер-Шульднер имел в своем распоряжении почти вдвое меньше сил, чем Осман-паша, а именно: девять батальонов, 16 сотен и шесть батарей, что составляло не более 7000 штыков и 1500 сабель; однако, начав бой накануне, не зная в точности сил находящегося перед ним противника, назначил атаку. Войска буквально рвались в бой, ожидали с нетерпением рассвета, чтобы напасть на турок;

Позиция русских и турецких войск в сражении 8 июля

каптенармусы и артельщики прибежали в строй и взялись за ружья.

В 4 часа 45 минут утра наша артиллерия открыла огонь, но так как огонь турецких круповских орудий был действеннее, то Шильдер-Шульднер приказал немедленно наступать. Вологодцы и архангелогородцы атаковали настолько решительно, что, выбив штыками турок из ложементов, к 7 часам уже достигали вершины склона позиции и подходили на 200 шагов к турецким батареям. Однако большие потери и отсутствие резервов не позволили развить успех против двойного превосходства сил противника, и после 8 часов началось отступление по всей линии, несмотря на то что как раз в это время отряд Клейнгауза достиг самого решительного успеха на правом фланге турецкой позиции.

Костромской полк с 5-й батареей 31-й артиллерийской бригады начал бой в 6 часов; его наступление было столь стремительно, что, безостановочно взяв три ряда турецких окопов, он заставил турецкие батальоны беспорядочно отступать, а наш артиллерийский огонь уже поражал резервы противника; у турок началась паника, против которой Осман-паша принял самые решительные меры.

Между тем полковник Клейнгауз был убит; заменивший его полковник Седлецкий вследствие огромных потерь, отсутствия хотя бы одного штыка резерва и расстрела патронов и снарядов мог продержаться на захваченной позиции только до 11 часов и, слыша, что бой на правом фланге замолк, решил отступить к роще Палац, где собрал свой отряд; турки и не подумали его преследовать. В этом бою следует отметить удачу 5-й батареи 31-й артиллерийской бригады полковника Седлецкого, которая, поддерживая Костромской полк, как бы конкурировала с ним, не давая туркам задерживаться при наступлении, а при отступлении настолько выручала изнемогавшую пехоту своим грозным присутствием, что дала ей возможность, не торопясь, выйти из-под огня. Несмотря на отсутствие снарядов, батарея не оставляла полка, готовая стрелять картечью. Этот образец взаимной выручки родов войск прошел бесследно в летописях войны, но память о батарее вечно живет в Костромском полку. Батарея потеряла двух офицеров и 25 нижних чинов.

Полковник Тутолмин со своей казачьей бригадой бездействовал в полном смысле этого слова, несмотря на тяжелое положение других частей его отряда. Затем казаки подбирали раненых отряда, и Тутолмин, вступив в командование всем отрядом после выхода его из боя, отошел к Турскому-Тресенику.

Шильдер-Шульднер сперва отвел свою бригаду на позицию ночлега, а затем отошел за Бресляницу, которую прикрыв подошедший Галицкий полк.

Потери в бою: у русских 75 офицеров и 2346 нижних чинов; у турок около 2000 человек. Наши потери хотя и были очень значительны, но не имели такого существенного зна-

чения, как последовавшее моральное воздействие первой неудачи; так, генерал-лейтенант Шильдер-Шульднер от необыкновенной самоуверенности перешел к некоторой боязливости; он отправил Тутолмину приказание отойти за мост к Булгарени и защищать его, т. е. как бы опасался, что турки начнут решительное наступление к Систову.

До первого сражения под Плевной главнокомандующий стремился возможно скорее и полнее воспользоваться одержанными успехами, чтобы перенести действия за Балканы; с падением Никополя он считал, что развязывался с турками на своем Западном фронте. Однако для решительных действий было необходимо располагать достаточными силами; между тем к 9 июля, когда великий князь получил донесение о неудаче под Плевной, количество и распределение сил противника на театре войны значительно изменились.

В турецкой армии все высшие начальники, начиная с генералиссимуса Абдул-Керима, были смены за бездействие. За «нерадивое управление армией и незаботливость о ее снабжении» был уволен и военный министр.

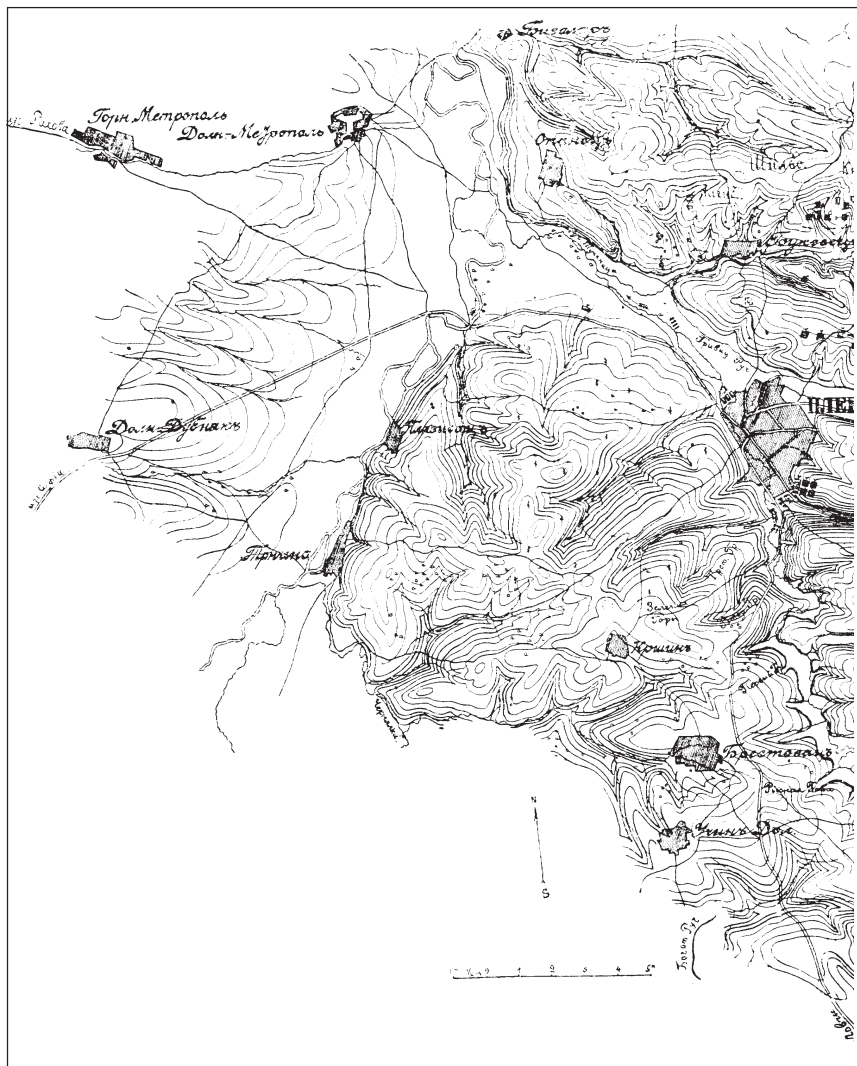
Турецкие силы в Болгарии вследствие сложившейся обстановки — разделения их вторгнувшейся в Болгарию русской армией — образовали три армии:

1) Восточно-Дунайскую — 125 батальонов, 60 эскадронов, 42 батареи и иррегулярная конница; из них 63 батальона с соответствующей артиллерией и кавалерией предназначались для действия в поле против русской армии;

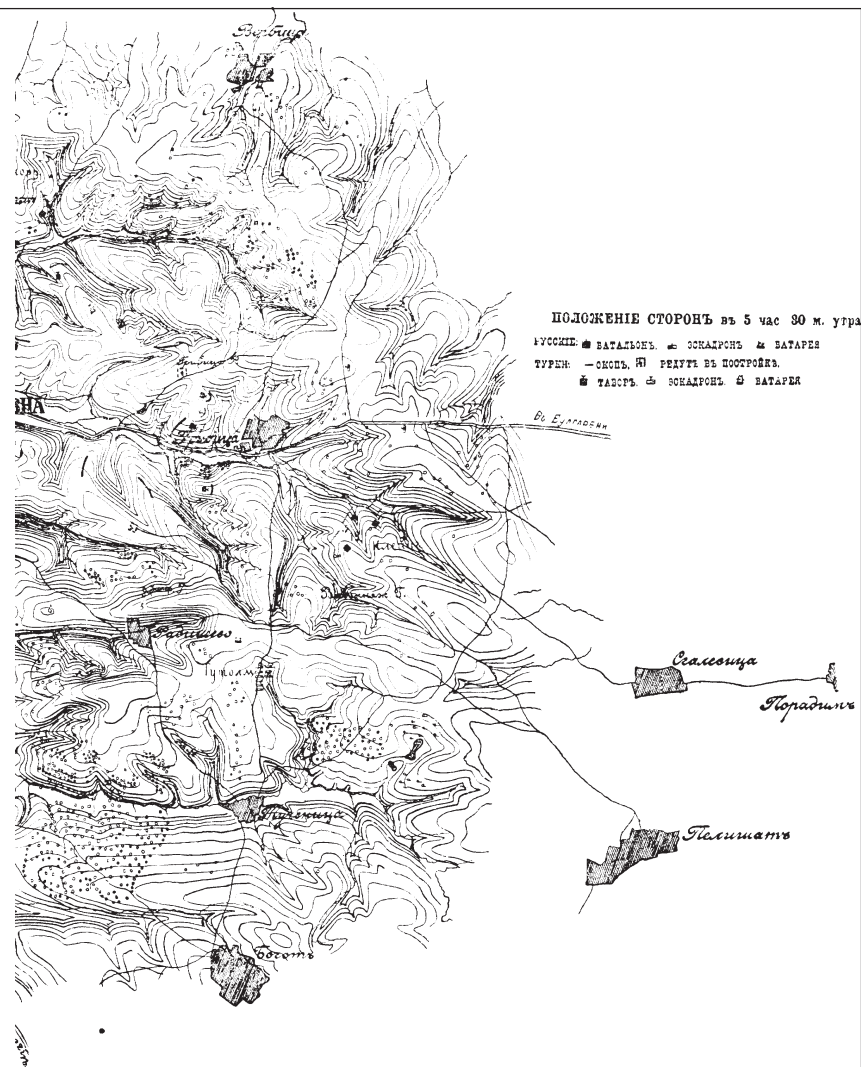
2) Западно-Дунайскую Османа-паши: у Плевны и Ловчи 26 батальонов, шесть эскадронов и 58 орудий; на марше к Плевне — 20 батальонов и три батареи; в Видине, Нише, Софии и других пунктах — 45 батальонов, 12 эскадронов и шесть батарей; всего 80 батальонов, 18 эскадронов и 19 батарей;

3) Балканскую Сулеймана-паши: к югу от Балканских проходов — 27 батальонов, 11 эскадронов и четыре батареи; высаживались в Деде-Агаче перевезенные из Антивари войска Сулеймана — 44 батальона и четыре горные батареи.

Всего в армиях числилось чуть менее 200 тысяч человек, не считая многочисленной иррегулярной конницы.

Первый бой под Плевной

8—20 ІЮЛЯ 1877 Г.

Назначенный главнокомандующим Мехмед-Али 9 июля в Шумле вступил в командование всеми тремя армиями, но на самом деле оказался лишь непосредственным командующим Восточно-Дунайской, потому что его попытки объединить действия двух других командующих были безрезультатны, и затем каждый из них действовал совершенно самостоятельно.

Ясно, что неудача под Плевной указывала на необходимость во что бы то ни стало скорее освободиться от назойливого присутствия там Османа, который, во-первых, мог постепенно усиливаться, а во-вторых, уже угрожал нашим сообщениям как к стороне Систова (всего два перехода от переправы), так и занятого нашими Шипкинского перевала.

Ожидать скорого приращения сил русской армии было невозможно. Правда, голова 4-го корпуса уже подходила к Дунаю, 8 июля было решено притянуть оставленный в устье Дуная отряд генерала Александрова (три батальона, шесть сотен и восемь орудий), а Александр II приказал двинуть на театр войны мобилизованные и стоявшие в Киевском округе 2-ю и 3-ю пехотные и 2-ю Донскую дивизии, но эти 31 батальон, 30 сотен и 116 орудий могли прибыть лишь в середине августа. Казалось бы, следовало воспользоваться содействием вооруженных сил наших естественных союзников — сербов и румынов. Сербские войска были расстроены и деморализованы в войне 1876 г.

Главнокомандующий желал скорейшего и полного присоединения румынской армии, уже вполне готовой и стоявшей к Калафата, но румынский князь, из-за подчинения великому князю, не спешил в этом. Главнокомандующему приходилось пока рассчитывать единственно на свои наличные силы; обстановка значительно усложнялась не только неудачей под Плевной, но и полученным 2 июля известием о перевозке в Забалканье всей армии Сулеймана, которую определяли силой в 40 таборов. Прежде всего было сделано распоряжение об усилении Западного отряда из 11-го¹ и 4-го²

¹ Первыми бригадами 32-й пехотной и 11-й кавалерийской дивизий.

² 1-й бригадой 30-й пехотной дивизии с тремя батареями.

корпусов. Все эти части поступили под начальство командира 11-го корпуса князя Шаховского, который должен был сосредоточить свой отряд к 13 июля у Карагача-Болгарского (23 версты от Плевны); ему же подчинился отряд генерал-майора Скобелева 20-го в составе Кавказской казачьей бригады и 4,5 сотни Донского 23-го полка полковника Бакланова. Рассчитывали, что собранных для атаки Плевны 30 батальонов, 33 эскадронов и сотен и 130 орудий будет достаточно.

Так как 11-й корпус (состоящий из трех пехотных и одной кавалерийской бригады) был ослаблен выделением шести батальонов, восьми эскадронов и 36 орудий, то пришлось отказаться от немедленного обложения Рушука.

Район действий Рушукского и Осман-Базарского отрядов ограничивался: с севера — Дунаем, от устья р. Янтры до Рушука; с востока — железной дорогой Рушук — Разград и шоссе Разград — Эски-Джума — Осман-Базар — Котел; с юга — Балканским хребтом до Хаинкиойского прохода, и с запада — дорогой от этого перевала на Тырново, шоссе Тырново — Бела и р. Янтра до впадения в Дунай.

В то время как Рушукский отряд готовился двинуться для обложения Рушука, Мехмед-Али сосредоточил свои силы к Разграду; это вызвало несколько столкновений между турками и нашими войсками в окрестностях шоссе Рушук — Разград, большей частью для нас удачных (у д. Езерчи).

19 июля, после второй нашей неудачи под Плевной, главнокомандующий возложил на 13-й корпус следующую задачу: держать тесную связь с Осман-Базарским отрядом, прикрывая Белу и среднее течение р. Янтры со стороны Разграда, и совместно с 12-м корпусом отразить наступление противника в направлении из Разграда на Белу. Во исполнение этого пришлось вновь переместить войска корпуса. К 21 июля Рушукский отряд расположился в двух группах: 12-й корпус — на шоссе Бела — Рушук, фронтом к крепости протяженностью 16 верст (Пиргос — Кошево); 13-й корпус — в 12 верстах южнее, на путях из Разграда и Эски-Джумы к Беле, фронтом на востоке протяженностью 17 верст (Карабан — Вербовка — Церковна).

Ко дню первой неудачи под Плевной весь передовой отряд был собран около Казалыка в составе 9,5 батальона, 25 эскадронов и сотен, 14 горных и 16 конных орудий. Хаинкойский проход был занят 1-й бригадой 9-й пехотной дивизии генерал-майора Борейши. Генерал Гурко настаивал на продолжении наступления своего отряда, но вследствие неудачи под Плевной ему было приказано «не только не удаляться с пехотой далее Казанлыка, но в случае неблагоприятного исхода дел быть готовым занять пехотой Хаинкойский перевал и тем освободить части 9-й пехотной дивизии».

Однако Гурко поставил себе целью «основательное разрушение» железной дороги, служившей путем сосредоточения прибывающих войск Сулеймана, а также подвоза их со стороны Софии; для этого он организовал набег, во время которого была разрушена железная дорога у станций Каяджик и Карабунар.

13 июля он предложил главнокомандующему активный план обороны Балкан занятием Эски- и Ени-Загры, для чего просил предоставить в его распоряжение отряд генерала Борейши и одну 9-фунтовую батарею; он предполагал 18 и 19 июля атаковать позицию у Семени «с большим шансом на полный успех»; иначе, писал Гурко, турки опомнятся и освободятся от панического страха; кроме того, усилившаяся армия Сулеймана может или обратить Семенли в укрепленный лагерь, или даже перейти в наступление и поставить в критическое положение слабый передовой отряд. В случае несогласия главнокомандующего на наступление Гурко просил все-таки держаться на позиции у Эски-Загры, занимая Ени-Загру отрядом Борейши. Важным соображением удержания этой линии было то, что в случае отступления русских в Балканы турки не преминули бы предать поголовному избиению все болгарское население городов и деревень долины Тунджи.

Великий князь предоставил в распоряжение Гурко 1-ю бригаду 9-й пехотной дивизии и одну батарею, и таким образом Гурко получил свободу действий. Нельзя сказать, чтобы сведения о противнике были в штабе передового отряда достаточно точны.

План Гурко состоял в том, чтобы концентрическим движением захватить Ени-Загру и, нанеся под нею частное поражение туркам, утвердиться на линии южнее Средних Балкан. Наступление предполагалось предпринять 17-го, а атаку Ени-Загры 18 июля тремя колоннами: 1) правой герцога Н. Лейхтенбергского (четыре батальона, 14 эскадронов и сотен и 12 орудий) на запад от Эски-Загры; 2) средней, генерала Цвейцинского (четыре с половиной батальона, две с половиной сотни и 16 орудий) и 3) левой, генерал-майора Борейши (пять с четвертью батальона, одна сотня и 16 орудий), от Казанлыка долиной Тунджи, чтобы стать к северу и северо-западу от Ени-Загры.

Между тем Сулейман, прибыв 13 июля в Карабунар, успел сосредоточить там к 17 июля 41 батальон, два эскадрона, четыре батареи и массу иррегулярной конницы; а Халюсси-паша перешел из Филиппополя в Чирпан с восьмью батальонами, одной батареей и черкесами. План Сулеймана состоял в том, чтобы, взяв Эски-Загру и Казанлык, овладеть Шипкинским проходом, во исполнение чего он двинул 17 июля свой отряд и 12 батальонов Реуфа к Арабаджи-Киою на р. Сияютли, а Халюсси-паше приказал в тот же день подойти к Эски-Загре от Чирпана на расстояние 15 верст. В Ени-Загре были оставлены три батальона, два орудия и часть черкесов. Таким образом оба противника в один и тот же день двигались один мимо другого, и только в правых их колоннах произошло столкновение у д. Карабунара.

Наступление колонны герцога Лейхтенбергского привело к столкновению 18 июля с отрядом Реуфа. К утру 18 июля герцог Лейхтенбергский мог уже не сомневаться, что турки в значительных силах предпринимает концентрическое наступление к Эски-Загре. Получив сведения о непроходимости гор для соединения с другими колоннами и считая неудобным покинуть без боя город Эски-Загру с болгарским населением, через который проходил к тому же его единственный путь отступления, он с рассветом 18 июля ушел с пехотой и артиллерией к Эски-Загре, приказав кавалерии, под начальством герцога Евгения Лейхтенбергского, оставаться на позиции, а затем

действовать сообразно с обстановкой и содействуя атаке других колонн на Ени-Загру.

Бой кавалерии с отрядом Реуфа в продолжение 18 июля был чрезвычайно нерешителен, несмотря на то что герцог Лейхтенбергский и подводил опять к ней болгарские дружины. Турки имели значительное превосходство сил, продвинулись немного вперед и расположились на ночлег у Джуранли, в 4—5 верстах от Айданли, где стал весь Эски-Загринский отряд.

И в этот день ни русские отряды, ни турецкие не вошли между собой в связь. Только ночью герцог Н. Лейхтенбергский получил извещение от генерала Гурко о том, что он взял Ени-Загру и на следующий день прибудет к нему на помощь.

Обоюдное положение сил генерала Гурко и Сулеймана в ночь на 19 июля было довольно оригинальным. Русские войска находились в двух группах: западная — отряд герцога Лейхтенбергского — у Эски-Загры, восточная — войска самого Гурко — растянута на 15 верст между Эски- и Ени-Загрой; расстояние между ближайшими частями обеих групп — всего 8 верст, но там же, у Джуранлы, стоял отряд Реуфа. Турецкие войска огибали Эски-Загру с трех сторон: справа отряд Реуфа, затем отряд Сулеймана — у Арабаджи-Кийи, и отряд Халюсси — на дороге от Чирпана.

Генерал Гурко знал, что отряд герцога Лейхтенбергского после столкновений с турками 17 и 18 июля сохранил за собой Эски-Загру, но ничего не ведал о наступлении Сулеймана и считал единственным противником войска Реуфа у Джуранды, которые решил атаковать с востока, надеясь на одновременную атаку герцога Лейхтенбергского с запада.

Сулейман, узнав о потере Ени-Загры, не отменил решения атаковать Эски-Загру, где он предполагал найти сильную русскую дивизию; отряд Реуфа должен был составить для него заслон со стороны Ени-Загры.

Вследствие такой обстановки 19 июля произошли два независимых сражения: одно между главными силами Гурко и почти равносильным ему отрядом Реуфа у Джуранды, окончившееся полным поражением турок, и другое между

главными силами Сулеймана и ничтожным отрядом герцога Лейхтенбергского у Эски-Загры, заставившее русских отойти за хребет, к д. Дервенткиой.

Генерал Гурко сперва предполагал успеть собрать свои части и около четырех с половиной часов дня атаковать Эски-Загру, но, подойдя к ней в 3 часа 30 минут, он увидел, что в объятном пламенем городе хозяйничают турки, а войска их находились даже севернее. Пехота Гурко запоздала, и поэтому он решил отойти к д. Долбока, на 12 верст от Эски-Загры, ко входу в ущелье Средних Балкан.

Сражение под Плевной 18 июля. К 16 июля войска, назначенные для новых действий против Плевны (9, 4, 7, 11-й корпуса), заняли следующее окончательное — исходное для атаки — положение:

11-й корпус — штаб корпуса, три полка 31-й пехотной дивизии с пятью батареями и одной сотней — у селений Бресляница и Коюловцы; три полка 5-й пехотной дивизии с пятью батареями, одной сотней и одной саперной ротой — у Турской-Трестеника; бригада 9-й кавалерийской дивизии с одной конной батареей — у Бресляница;

отряд князя Шаховского — штаб 11-го корпуса, первые бригады 30-й и 32-й пехотных дивизий с семью батареями — у д. Порадим; 2-я бригада 30-й пехотной дивизии с тремя батареями — у д. Болгарский-Карагач; 1-я бригада 11-й кавалерийской дивизии с одной конной батареей — между селениями Сгаловец и Пелишат; Кавказская казачья бригада с одной конной и одной конно-горной батареей — у д. Богот.

Всего насчитывалось 36 с четвертью батальонов, 12 эскадронов, 20 сотен, 160 пеших, 18 конных, шесть конно-горных орудий (184 орудия)¹. Расстояние до турецких позиций под Плевной от всех частей было 8—12 верст, что допускало атаку в любой день.

¹ Кроме того, в Никополе Костромской пехотный полк с одной батареей на переправе у Систова — Воронежский пехотный полк с одной батареей и одной сотней, и на охране нижнего течения р. Вид — три сотни Донского 34-го полка.

16 и 17 июля произведены рекогносцировки офицерами Генерального штаба, а 17-го сделана наиболее важная и результативная рекогносцировка Скобелевым.

Перейдя с Кавказской бригадой из Пелишата в Богот, Скобелев взял четыре сотни Владикавказско-Осетинского полка с двумя конно-горными орудиями и направился Боготским ручьем к Плевно-Ловчинскому шоссе. С последнего он осмотрел окопы Плевны, а его офицеры набросали кроки. Осетины проникли до самого южного края Зеленых гор. На всем пространстве западнее Тученицкого ручья не было замечено укреплений. Скобелев вернулся в Богот, где и стал биваком. Он тотчас же отправил с докладом о результатах разведки своего начальника штаба, полковника Паренсова, к Криденеру, поручив выяснить важность и удобства атаки Плевны со стороны Кришина (Зеленых гор) и просить два или три батальона пехоты и по крайней мере одну батарею.

В течение дня и вечером 17 июля Криденер ознакомил командный состав с предстоявшими им задачами, но сам, считая атаку Плевны «рискованным предприятием», отправил нарочного к великому князю, чтобы испросить его окончательного решения. В ночь на 18 июля ординарец главнокомандующего, штабс-капитан Андриевский, передал Криденеру словесное приказание: «Атаковать и взять Плевну», а в привезенном тем же офицером предписании начальника штаба армии было сказано: «Покончить с делом при Плевне как можно скорее необходимо: присутствие противника на правом фланге стесняет все распоряжения, а возможность движения противника на Ловчу и Сельви со значительными силами может поставить войска, занимающие горы, в весьма затруднительное положение».

Только после получения ответа главнокомандующего была разослана по войскам заранее выработанная диспозиция для атаки.

Турки расположились, как и в день первого сражения под Плевной, на двух грядях холмов, тянувшихся по обоим берегам Гривицкого ручья и отстоявших одна от другой на 3 версты¹.

¹ См. схему первого боя под Плевной 8 июля.

Южная гряда, тянущаяся от д. Радишево, представляла собой несколько высот, из которых две, на расстоянии 1,5—2 версты от восточной окраины города, давали отличное укрытие расположенному за ними главному лагерю Османа.

Продолжение южного фронта западнее р. Тученицы составлял отлогий гребень — левый (северный) берег Зеленогорского ручья, впадавшего в Тученицу; к югу простирался ряд высот — Зеленых гор, через которые пролегало шоссе в Ловчу. Этот участок турецкого расположения мог быть охвачен со стороны Кришинских высот (с юго-запада) и поэтому являлся наиболее доступным в тактическом отношении; он же имел и стратегическое значение, так как, овладев им, наступающий угрожал пути отступления по шоссе в Софию. На это первенствующее значение рассматриваемого участка и указывал Скобелев после своей разведки 17 августа.

Турки успели к 18 июля устроить целую систему укреплений, представлявшую два главных фронта — Северный и Южный — и состоявшую из ряда отдельных групп, взаимно оборонявших друг друга фланговым пушечным и ружейным огнем. Западнее Плевны, к стороне Ловчинского шоссе, располагались батарея на два орудия и окопы на четыре табора; мост через р. Вида прикрывали на Софийском шоссе два орудия и один табор.

Общая протяженность турецких позиций достигала 14,5 версты, на которой Осман распределил свои силы так:

на Опанецких высотах — два табора и четыре орудия;

на Северном фронте: на хребте Янык-баир — три табора и 12 орудий; у Гривицких редутов — три табора и четыре орудия; в резерве — четыре табора, четыре орудия и два эскадрона;

на южном фронте — 11 таборов, 14 орудий и один эскадрон; из них три табора и четыре орудия были выдвинуты к юго-востоку от Плевны, на левый берег Сулуклия-дол;

западнее Плевны, у Ловчинского шоссе — четыре табора, шесть орудий и один эскадрон;

на р. Вид, у Софийского шоссе — один табор и два орудия;

гарнизон Плевны — один табор и на восточной ее окраине — один табор и шесть орудий;

общий резерв восточнее Плевны — три табора, шесть орудий и три эскадрона;

всего — 33 табора, 58 орудий и семь эскадронов; кроме того, иррегулярная конница.

Генерал Скобелев, как сказано выше, верно оценил наиболее уязвимое место в расположении турок, но Криденер считал необходимым прежде всего овладеть сильно укрепленной позицией севернее д. Гривицы, полагая, что тем самым он приобретал опорный пункт «для обеспечения операционной линии и пути отступления». Эта осторожность была следствием преувеличенной оценки сил Османа-паши в 50—60 тысяч человек¹.

В общем было решено вести главную атаку с востока и частью с северо-востока, для чего направить против Гривицких укреплений половину всей пехоты — 18 батальонов; за этими же войсками был расположен и общий резерв — 6 батальонов. Атака князя Шаховского с юго-восточной стороны имела лишь вспомогательное значение. Во исполнение этого диспозицией по Западному отряду войска предполагалось:

1) правому флангу, под командованием начальника 31-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта Вельяминова, направиться севернее шоссе Болгарени-Плевна, на д. Гривица;

2) левому флангу — командир 11-го корпуса генерал-лейтенант князь Шаховской — атаковать позиции к северу от Радишева, после овладения позицией двигаться на Плевну; генералу-майору Скобелеву с Кавказской казачьей бригадой и двумя батареями, став за левым флангом боевой линии, пресечь сообщение между Плевной и Ловчей, наблюдая за обоими названными пунктами.

Князь Шаховской выслал в распоряжение Скобелева 3-й батальон Курского полка с четырьмя орудиями, но, приказав предпринимать усиленные рекогносцировки в Плевне и Лове, сообщил, что пехота предназначается исключительно

¹ Что подтверждалось произведенной полковником Генерального штаба Макшеевым-Машоным 16 июля рекогносцировкой левого берега Вида.

для заслона со стороны Ловчи и до особого распоряжения для иных целей употреблена быть не может;

3) общему резерву, под командованием генерал-лейтенанта барона Криденера — пехотные полки Коломенский и Серпуховский с тремя батареями — стать на пересечении дорог в Плевну и из Турского-Трестеника в Порадим; четырем эскадронам и одной конной батарее стать у д. Пелищат;

4) генерал-майору Лошкареву с двумя кавалерийскими полками и одной конной батареей выдвинуться от Бресляницы к Плевне и вести наблюдения. Начальник Западного отряда должен был находиться при общем резерве.

В диспозиции напоминалось, что «Его Императорское Высочество через прибывшего сегодня ординарца своего приказал нам непременно взять у неприятеля Плевну».

Русские войска заняли первоначальное расположение согласно диспозиции. Отряд генерала Вельяминова около 8 часов утра развернул против Гривицких укреплений Тамбовский и Козловский полки и выставил на позицию всего четыре батареи из десяти, а считая с общим резервом, подошедшим туда же к 11 часам, из 13 батарей. Вследствие большой дистанции и хорошего прикрытия окопами 12—16 турецких орудий подготовка атаки была довольно безуспешной. В таком положении весь отряд оставался до 3 часов дня.

Отряд князя Шаховского развернулся в десятом часу утра, имея в боевой части Курский и Рыльский полки; артиллерия в составе четырех с половиной батарей открыла огонь с Радишевских высот и к половине третьего дня ей удалось заставить замолчать огонь турецких орудий почти повсеместно, несмотря на прикрытие их окопами; действие по пехотным траншеям было также вполне результативным, а в недостроенном укреплении № 14 (Ибрагим-табия) орудия были подбиты и пехота расстреляна. Турецкий историк пишет: «Отряд, шедший на Радишево, открыл оттуда и с Ловчинской дороги (артиллерия Скобелева) такой страшный огонь из орудий, что мы не взвидели света Божьего и молили Господа о помощи». Так продолжалось до половины третьего дня.

Наиболее энергично действовал Скобелев, который приказал батальону следовать на Плевно-Ловчинское шоссе, сам

с двумя сотнями и четырьмя орудиями в 8 часов утра уже занял 3-й кряж Зеленых гор и очутился в 300 саженьях от предместья Плевны; в 9 часов он открыл огонь и, вызвав наступление турок, отвлек их от отряда князя Шаховского, которому послал донесение, что может поддержать атаку. Отойдя на 1-й кряж Зеленых гор, Скобелев удерживался здесь до 12 часов дня.

Генерал Лошкарев с своими четырьмя эскадронами, шестью сотнями и шестью конными орудиями перешел к с. Челисовату и здесь бездействовал с 7 часов 30 минут до 18 часов.

В 14 часов 30 минут князь Шаховской, признав достаточным действие своей артиллерии и заметив появление пехоты правой колонны к северо-востоку от Гривицы, решил сам атаковать. Барон Криднер, получив в 14 часов 40 минут донесение Шаховского о том, что «надо идти для атаки следующих высот», приказал атаковать и правой колонне. Таким образом около 15 часов начался решительный период сражения.

Наступление отряда Шаховского. Бригада генерала Горшкова ровно в 15 часов по сигналу «все» и «наступление», как на учении, начала стремительное наступление. Курский полк (два батальона) во главе с командиром, полковником Ракузом, овладел передовой позицией турок на южном берегу Сулуклия-дола (чему много способствовало наступление Скобелева по Зеленым горам) и даже ворвался в укрепление № 11.

Рыльский полк взял укрепление № 14 и также атаковал укрепления № 11 и 10. Ввиду страшных потерь и отсутствия поддержки боевой пыл бойцов к 16 часам начал угасать. Осман-паша не только направил для отражения этой бешеной атаки весь свой общий резерв, стоявший поблизости, но приказал прислать еще несколько таборов из частного резерва Северного фронта. Вообще можно считать, что отряду князя Шаховского пришлось иметь дело с двумя третями всех сил Османа.

С 16 часов турки предприняли ряд энергичных контра-так, блестяще отбитых бригадой Горшкова, изнемогавшей в не-

равной борьбе. Шаховской, уже просивший подкрепления из общего резерва, остерегался расходовать свой резерв — 1-ю бригаду 32-й пехотной дивизии — и, только получив уведомление о направлении к нему Коломенского полка, двинул от Радишева Шуйский полк; когда полтора батальона последнего подошли к Рыдльскому полку, то общим дружным натиском турки были отброшены и взято укрепление № 10, причем пал командир Шуйского полка полковник Каульбарс. Дальнейшее наступление было остановлено турецкой контратакой, но прибывший Ярославский полк дал возможность удержать захваченное укрепление.

Правый фланг был поддержан в 17 часов еще Коломенским полком с батареей, самостоятельно, без приказа Шаховского, влившееся в бой; таким образом в отряде уже не оставалось никакого резерва. Последняя атака на батарею № 11 последовала в седьмом часу. Уже в 18 часов 15 минут князь Шаховской донес барону Криденеру: «Все патроны истощены; раненых более четверти всего состава; уже начинается беспорядок; может легко случиться, что будет еще хуже; прошу поддержать».

Наступление отряда генерала Вельяминова. Полки Пензенский, Козловский и Тамбовский к 16 часам достигли значительного успеха, отбросив турок из всех передовых ложементов, но понесли страшные потери (пензенцы — до 1000 человек) и, подойдя к Гривицким редутам № 7 и 8, залегли от его рвов в 300—150 шагах. С 16 часов 30 минут до 19 часов в действиях участвовали большая часть батарей, бывших до сего времени в резерве, и три полка 5-й дивизии.

Для ближайшей поддержки атаки пехоты на Гривицкие редуты артиллерия переменяла позиции и стала на захваченной у турок косе, охватывавшей редуты с востока и северо-востока. Сосредоточенные здесь 64 орудия на фронте в 1 версту и на дистанции 600—700 сажень не могли оказать решающего воздействия на бой. Вначале мешало солнце, затем сумерки и полная темнота; кроме того, пехота, заполнив рвы редутов и ближайшие к ним траншеи, препятствовала стрельбе по брустверам укреплений.

Около 6 часов Архангелогородский и Вологодский полки собрались в овраге перед редутом № 7, командующим окружающей местностью; подступы к нему обстреливались из ложементов и батареи с хребта Янык-баира. Все усилия доблестных полков овладеть редутом не увенчались успехом; наконец удалось овладеть ложементом на гласисе; с прибытием из общего резерва 1-го батальона Серпуховского полка мы перешли в наступление и овладели наружным рвом укрепления.

Так же неудачны были и возобновлявшиеся попытки атак на редут № 8 отрядом генерала Вельяминова, поддержанным Галицким полком.

Наступление отряда генерал-майора Скобелева. Заметив с позиции у Кришина, что войска князя Шаховского начали подаваться вперед, Скобелев отдал приказание отряду перейти в наступление. Он хотел, привлекая на себя турок, помочь атаке Шаховского, а овладев высотами непосредственно у Плевны, самостоятельно произвести решительную атаку.

Вперед двинулись две с четвертью роты, четыре пеших орудия и две сотни. Роты с песнями оттеснили турецких стрелков с первого и второго кряжей Зеленых гор, а сотни опрокинули черкесов. Третий кряж был очищен штыками, и куряне отразили все последовавшие контратаки. Когда же казаки охватили фланги турок, то те бежали и залегли вблизи предместья. Скобелев вызвал на позицию орудия и окончательно утвердился на третьем кряже (здесь впоследствии были сооружены Скобелевские редуты).

В четвертом часу Скобелев решил поддержать атаку князя Шаховского возможно энергичнее и перешел в решительную атаку против правого фланга турок, но в это время последние сами предприняли наступление. Несколько таборов в две линии цепей подошли на 20 шагов с позиции орудий поручика Прохоровича, но подоспевшие три с половиной роты курян отбросили их штыками. Две сотни Владикавказского полка ударили в правый фланг турок, которые снова бежали. Преследовавшая пехота и казаки попали под сильнейший огонь из ложементов и под напором турецких ре-

зервов отошли на третий кряж, где Скобелев продержался до вечера.

Отступление Западного отряда. Получив около 7 часов записку князя Шаховского и имея в общем резерве всего три батальона Серпуховского полка с одной батареей и двумя эскадронами, Криденев, уже решивший отступить, хотел лишь выждать отхода отряда Шаховского и поэтому в 7 часов 10 минут приказал последнему «держаться на позиции во что бы то ни стало», сообщив, однако, что «все резервы истощены».

Отступали в полном порядке, но ввиду того, что части были сильно перемешаны, а некоторые находились в непосредственном соприкосновении с противником, например в наружных рвах Гривицких редутов и в укреплении № 14, много войск осталось в таком положении до утра 19 июля. Отступление прикрывали: отряд Скобелева с подошедшими четырьмя с половиной сотнями Бакланова, 1-я бригада 11-й кавалерийской дивизии, Серпуховской, Галицкий (ранее других выведенный из боя) и Воронежский полки.

Нельзя не отметить, что все войска, участвовавшие в бою, вполне сохранили бодрость духа, а те, которые оставались всю ночь на завоеванных и политых кровью позициях, ожидали только подкрепления, чтобы возобновить с рассветом бой. Согласно турецким источникам, Осман-паша не был в состоянии развить какое-нибудь преследование, а наоборот, сам ожидал повторения атак нами 19 июля.

Только нервные распоряжения начальника 30-й пехотной дивизии генерал-майора Пузанова, находившегося в болезненном состоянии, об эвакуации обозов отряда князя Шаховского из Порадима привели к беспорядкам, которые, к сожалению, по мере прибытия транспортов с ранеными перекинулись на Систовскую переправу; здесь возникла паника среди населения города, а также в войсковых и вольнонаемных транспортах; но благодаря энергии руководившего переправами начальника 3-й саперной бригады генерал-майора Рихтера порядок был быстро восстановлен, а мосты временно забаррикадированы и заняты войсками.

Войска Западного отряда к вечеру 19 июля сосредоточились в трех группах, у селений Турского-Трестеника, Болгарени и Порадима. Великий князь, посетивший их 21 августа, нашел нравственный дух превосходным; то же высказал и Скобелев в своем письме Левицкому от 20 августа.

Турки показывают свои потери всего в 1200 человек, но они были значительно больше. У нас выбыли из строя в кавалерии 176 офицеров и 6856 нижних чинов, в пехоте — 168 офицеров и 6765 нижних чинов, что составляет 25 % офицеров и 23 % нижних чинов, бывших в строю.

В своей записке от 21 июля по поводу тактических просчетов, приведших ко второй неудаче под Плевной, граф Милютин указал следующее: «Если мы будем по-прежнему рассчитывать на одно беспредельное самоотвержение и храбрость русского солдата, то в короткое время истребим всю нашу великолепную армию». Относительно стратегии он высказался так: «Очевидно, нельзя уже надеяться на то, чтобы одним быстрым, смелым набегом вперед за Балканы произвести панический страх в неприятельском войске и народе и через несколько недель под стенами самой столицы его предписать ему мирные условия».

План графа Милютина состоял в следующем: 1) временно отказаться от наступательных действий; 2) устроить и обеспечить свою базу; 3) избрать соответствующие позиции на всех наших трех фронтах и настолько усилить их при помощи инженерного искусства, чтобы стало возможным остановить на них наступление противника малыми силами на время, необходимое для прибытия подкреплений; 4) иметь в центре расположения достаточный стратегический резерв (в три дивизии), который мог бы своевременно поддерживать войска на всех фронтах. Этот план, препровожденный государем великому князю, не встретил возражений со стороны последнего, но было лишь доложено, что в данное время не имелось достаточно войск для образования стратегического резерва.

Для усиления действующей армии государь на совещании с главнокомандующим, наследником цесаревичем, военным министром и начальником полевого штаба повелел

мобилизовать весь Гвардейский корпус (без четырех кирасирских полков), 24-ю и 26-ю пехотные дивизии, из которых гвардия и 24-я дивизия должны были тотчас по мобилизации следовать в Болгарию. 29 июля было решено мобилизовать еще Гренадерский корпус и притянуть сюда его две дивизии. Ожидалось прибытие с конца июля до середины августа 3-й стелковой бригады, 2-й и 3-й пехотных дивизий и в конце августа — 2-й и 3-й пехотных дивизий и в конце августа — 2-й Донской казачьей дивизии.

Казалось бы, именно теперь Румыния должна была оказать содействие России. Министр Братиано доложил князю, что «настало время идти решительно на помощь русским, где это только возможно и насколько можно; иначе сама Румыния может сделаться театром войны». Но Карл продолжал упорствовать по политическим соображениям, а также хотел во что бы то ни стало отстаивать независимость своей армии от русского командования. Поэтому к концу июля содействие румынов выразилось только появлением одной пехотной дивизии со специальной задачей охранения Никополя, что несколько не усиливало русскую армию.

Подкрепления для Дунайской армии были тем более необходимы, что после понесенных ею в боях тяжелых потерь (около 12 тысяч человек) в ней числилось не более 250 тысяч. В то же время турки располагали 188 тысячами человек, а с многочисленной иррегулярной конницей и мусульманским ополчением еще больше; следовательно, мы имели слишком незначительное превосходство в силах, и уже только по одному этому пришлось обратиться временно к обороне или, вернее, к выжиданию.

Главные квартиры императора и великого князя перешли в Горний Студень 2 августа и 28 июля. Командование над войсками, действовавшими на всем южном фронте, было сосредоточено в 20-х числах июля в руках генерал-лейтенанта Радецкого, которому подчинялся и генерал-адъютант Гурко, но только после отхода его в Балканы (до этого ему предоставлялась самостоятельность). Для связи с Западным отрядом усилен особый Сельвинский отряд, подчиненный начальнику 9-й пехотной дивизии генерал-лейтенанту Свя-

тополку-Мирскому, тремя пехотными полками и четырьмя сотнями; ему же был подчинен и отряд Скобелева, которому предписывалось произвести усиленную рекогносцировку Ловчи. Главнокомандующий приказал Осман-Базарскому и Сельвинскому отрядам возможно сильнее укрепить свои позиции; то же сделать и Гурко в Балканских проходах Шипкинском, Хаинкиойском и на горе Св. Николая.

Положение турок после двух успехов — под Плевной и Эски-Загрой — было благоприятным; кроме того, благодаря своему Венскому посольству, пользовавшемуся особенным расположением австрийской дипломатии, они были отлично осведомлены о положении нашей армии; естественно, они должны были бы воспользоваться одержанными успехами, но оказались к этому неспособными из-за децентрализации власти в турецкой армии, а главное, вследствие разногласия во взглядах на предстоявшие действия Мехмеда-Али и Сулеймана; первый требовал частного наступления одними силами Сулеймана для захвата Балканских проходов и наступления затем на Тырново, а второй желал общей наступательной концентрической операции всех трех турецких армий. Попытки константинопольских властей привести обоих к соглашению не удались, и султан одобрил наступление Сулеймана с ближайшей целью овладения Шипкинским проходом.

После двойного сражения 19 июля у Джуранли и Эски-Загры меньшая часть Передового отряда, сражавшаяся у второго пункта, отошла на Казанлык, и 22 июля генерал Раух уже поднялся на Шипкинский перевал; положение приведенных им четырех болгарских дружин было крайне неудовлетворительным. В командование Шипкинским отрядом вступил 24 июля начальник Болгарского ополчения генерал-майор Столетов, получив в свое распоряжение семь батальонов, полусотню и 27 орудий: два батальона Орловского полка, пять болгарских дружин, полусотню 23-го Донского полка, две батареи 9-й артиллерийской бригады, четыре горных орудия и сформированную батарею из взятых на Шипке турецких шести дальнобойных и одного горного орудий.

Ввиду значительного превосходства сил у Сулеймана, Гурко направился к южному выходу из Хаинкиойского прохода, куда прибыл 22 июля. Будучи неправильно ориентирован об отступлении Сулеймана, Гурко решил, дождавшись пополнения огнестрельных припасов, выждать того момента, когда главные силы армии перейдут в наступление; для этого Гурко избрал позицию для обороны впереди Хаинкиойского прохода, которую и начал укреплять.

Между тем генерал Радецкий, получив 20 июля телеграмму великого князя с требованием, «чтобы г. Гурко свой тяжелый обоз отправил к Тырнову, а сам занял и укрепил проходы», потребовал его выполнения. Таким образом генералы Радецкий и Гурко разительно разошлись во взглядах на действия. 25 июля Радецкий категорически потребовал от Гурко, оставив в Хаинкиойском проходе стрелковую бригаду и один пехотный полк с частью казаков, с кавалерией идти в Тырново, где его присутствие «необходимо», так как кавалерия его нуждается в поправе. 26 июля Гурко исполнил приказание, и в Хаинкиое остался отряд сперва в семь, а потом в три батальона. Великий князь, по-видимому, ориентированный самим Гурко, заявил Радецкому, что «распоряжение об отходе Гурко от Хаинкиоя (деревни), как выхода из ущелья, без того, что он был к этому принужден, крайне его огорчило».

Между тем Сулейман 23 июля со всеми своими войсками прибыл в Ени-Загру, где турки вполне обустроились, и к 29 июля Сулейман был готов выполнить вторую задачу: вытеснить русских из Балкан, поскольку решение первой — освобождение Забалканья — ему обеспечил уход генерала Гурко от Хаинкиоя.

Шестидневный бой под Шипкой 9—14 августа

Сохранение за собой Шипкинского прохода имело для русской армии первенствующее значение: 1) через него пролегал кратчайший и удобнейший путь нашего наступления на Адрианополь и Константинополь; 2) он преграждал на время нашей вынужденной обороны оптимальный путь наступления турок из Забалканья в Придунайскую Болгарию,

что давало бы возможность центральной армии Сулеймана соединиться с войсками Османа и Мехмета-Али.

Начальник Болгарского ополчения генерал Столетов, принявший начальство на перевале 24 июля, находил, что позицию можно было сделать неприступной, если включить в систему обороны, кроме горы Св. Николая, еще командные вершины: справа Лысую и слева Малый Бедек; для этого он просил усилить отряд одним пехотным полком, но генерал Радецкий, не имея достаточно резервов, ему отказал.

Радецкий располагал для обороны Южного фронта 46,5 батальонами; одной саперной ротой, 54 эскадронами и сотнями и 195 орудиями, всего около 48,5 тысячью человек; из них нельзя было принимать в расчет 19 эскадронов и сотен и 16 конных орудий бывшего Передового отряда как расстроенных и расположенных на отдыхе южнее Тырнова. Линия обороны тянулась дугой от Кесарева через Елену, Хаинкиой, Шипку, Габрово до Сельви на протяжении 120 верст. Войска были распределены на четыре ниже следующие группы.

1. Отряды, занимавшие Балканские проходы:

а) Габровский генерал-майора Дерожинского, оборонявший Шипкинский и Травненский проходы и наблюдавший все пути между ними: три батальона, шесть дружин, семь сотен, три команды и 29 орудий, всего 6558 человек; из них: на Шипкинском перевале, под начальством генерала Столетова, пять дружин Болгарского ополчения, два батальона (без двух рот) Орловского полка, четыре сотни, 22 пеших, пять горных орудий и две команды саперов, 4368 человек; резерв отряда, в составе трех рот, одной сотни и двух орудий, и штаб генерала Дерожинского в Габрове;

б) Хаинкиойский отряд полковника Громова — три с четвертью батальона, две сотни и 16 орудий, всего 3559 человек;

в) Еленинский отряд генерал-майора Борейши — три батальона, пять эскадронов и сотен и 10 орудий, всего 3636 человек; он держал связь с Осман-Базарским отрядом.

2. Прикрытие правого фланга — Сельвинский отряд генерал-лейтенанта князя Святополка-Мирского — девять

батальонов, шесть сотен и 26 орудий, всего 3029 человек; он же наблюдал за Траяновым перевалом, лежащим в 55 верстах от Шипки.

3. Прикрытие левого фланга — Осман-Базарский отряд генерал-лейтенанта барона Радена, у Джулюнцы — восемь батальонов, 12 эскадронов и сотен и 32 орудия, всего 10 329 человек; держал связь с Еленинским отрядом.

4. Общий резерв Балканского отряда: 14,5 батальона (2-я бригада 14-й пехотной дивизии, 4-я стрелковая бригада, Якутский пехотный полк и один батальон Селенгинского полка), две сотни и 66 орудий, всего 13 827 человек; расположен частью в Тырнове, частью в его окрестностях (в 4—10 верстах). Генерал Радецкий со штабом квартировал в Тырнове.

Таким образом для непосредственной обороны перевалов было назначено около трети на фланги несколько более трети и в резерв несколько менее трети всех сил. Расстояния (в верстах) от общего резерва до позиций отрядов: Осман-Базарского — 25, Еленинского — 37 (весьма гористый путь), Хаинкиойского — 46, Шипкинского — 62 (9,5 версты крутого подъема на высоте 4500 футов) и Сельвинского — 50.

Турецкие силы сгруппировались против флангов Балканского отряда следующим образом: в Ловче — 5100 человек с шестью орудиями; на пути Осман-Базар — Тырново — 7800 человек с 12 орудиями; на линии Разград — Эски-Джума — 40,5 тысячи.

Центральная турецкая армия Сулеймана была расположена к 1 августа: главные силы — 32 тысячи человек с 54 орудиями — у Твардицы, в районе Сливно — Котел — 6150 человек с девятью орудиями; на сообщениях в Ени-Загре — два батальона; всего 37 350 человек с 63 орудиями.

Исход предстоявшего столкновения зависел главным образом от того, успеют ли турки нанести на Шипке свой решительный удар до подхода наших подкреплений.

2 августа Сулейман перешел с главными силами в д. Хаинкиой, где получил от военного министра предписание соединиться с обеими Дунайскими армиями, для чего двинуться к Шипке и открыть себе путь через этот перевал, «несмотря на неизбежные при этом потери». 6 августа Сулейман занял

Казанлык, а вечером 7-го стал биваком в 8,5 верстах к юго-востоку от д. Шипки, где с прибывшими подкреплениями сосредоточилось 48 батальонов, пять эскадронов, 14 иррегулярных сотен и восемь батарей, всего 27 тысяч человек с 48 орудиями.

В тот же день на «большом военном совете», т. е. со всеми командирами, после долгих обсуждений было решено на следующий день начальнику штаба произвести рекогносцировку со стороны Малого Бедека (с востока), откуда, по мнению бывшего защитника Шипки — Халюсси-паши, было выгоднее вести решительную атаку. Рекогносцировка была произведена 8 августа настолько искусно, что мы не заметили ее, несмотря на высланные наблюдательные отряды. В полдень турецкая армия стала выстраиваться южнее д. Шипки, заняв последнюю отрядом, и с высот нашей позиции прогремели первые орудийные выстрелы, послужившие началом славного для русского оружия непрерывного шестидневного боя, а затем и геройского четырехмесячного сидения под жерлами орудий противника при 30-градусных морозах и вьюгах.

Внимание генерала Радецкого все более и более отвлеклось к левому флангу. В районах Осман-Базарского и Еленинского отрядов разгорелась партизанская война. Многочисленные отряды мусульман, поддержанные регулярными частями, ежедневно нападали на наши посты и разъезды; высылаемые подвижные колонны встречали упорное сопротивление.

Первые сведения о наступлении Сулеймана были получены от болгар, сообщавших с 29 июля о появлении до 35 таборов у Твардицы.

5 августа в командование Осман-Базарским отрядом вступил князь Шаховской, с которым прибыли и первые бригады 32-й пехотной и 11-й кавалерийской дивизий из состава его 9-го корпуса, но такое усиление отряда не успокоило генерала Радецкого, потому что, по-видимому, на него произвело сильное впечатление содержание перехваченной в Бухаресте телеграммы агентства Гаваса, в которой было сказано: «Сулейман, перейдя дефиле Ени-Базар, двинется на

Тырново; Мехмет-Али также перейдет в наступление. Общая цель действий соединенных армий — Тырново, где, по всей вероятности, произойдет серьезная встреча».

Дерожинский телеграфировал Радецкому в 1 час 35 минут: «Столетов доносит, что за Казанлыком видно движение неприятеля в больших массах». Затем последовал ряд донесений Столетова о приближении турок и опасениях обхода ими левого фланга, а когда к вечеру Сулейман расположил армию на биваках и силы турок стали обозримы защитникам Шипки, он телеграфировал Радецкому: «Доношу безошибочно, что весь корпус Сулеймана, видимый нами как на ладони, выстраивается против нас в 8 верстах от Шипки. Силы неприятеля громадны».

К несчастью, все эти донесения штаб Радецкого считал преувеличенными, а сам генерал продолжал опасаться наступления на свой левый фланг, ибо он ограничился предписанием князя Святополку-Мирскому выслать немедленно налегке из Сельви в Габрово и далее к Шипке Брянский пехотный полк, а главнокомандующего просил усилить Сельвинский отряд из войск Западного отряда. Наконец, Радецкого дезинформировало донесение Борейши — начальника Еленинского отряда — о том, что высланная 7 августа из Беброва подвижная колонна в составе одного батальона с двумя эскадронами и двумя орудиями, поддержанная еще четырьмя ротами, была вынуждена после стычки отступить за Беброво. Тогда Радецкий немедленно приказал на рассвете 8 августа 4-й стрелковой бригаде с двумя горными орудиями без ранцев двинуться к Елене, а 2-й бригаде 14-й пехотной дивизии, под начальством Драгомирова, с двумя батареями — в Златарицу. Сам Радецкий в ночь на 8 августа покинул Тырново и направился со стрелками в Елену.

Опередив стрелковую бригаду, Радецкий утром 8 августа прибыл в Елену и, убедившись, что перед Бебровом действуют лишь партизаны, приказал 4-й стрелковой бригаде следовать обратно, а сам направился в Златарицу, где вечером застал Драгомирова с четырьмя батальонами и двумя батареями. И здесь не было слышно даже о признаках наступления от Осман-Базара.

8 августа в 1 час дня Столетов телеграфировал: «Против д. Шипка выстроился весь корпус Сулеймана, таборов 40, с многочисленной кавалерией; немедленная атака очевидна; пришлите подкрепление; все разыграется здесь». За отсутствием Радецкого Дерожинский донес о неминувости атаки главнокомандующему, который приказал, поддержав Столетова, «во что бы то ни стало удержать перевал Шипки».

Дерожинский имел в своем распоряжении в Габрове Брянский пехотный полк, две Болгарские дружины 2-й очереди, два орудия и одну сотню; но брянцы прибыли только в 17 часов дня из Сельви, а дружины были совсем не обучены; он решил двинуть брянцев с рассветом. Итак, для обороны Шипки имелись налицо: три батальона Орловского полка, пять дружин, две батареи, четыре горных орудия, турецкая (стальная) батарея, всего 6000 человек с 27 орудиями; против них в 8 верстах стояли 27 тысяч турок с 48 орудиями.

Для обороны были заняты самые высокие пункты перевала — горы Св. Николая, Центральная, Шипка и Вольнская. Позиция представляла собой узкую открытую полосу по обеим сторонам шоссе, простирающуюся в глубину (с севера на юг) на 750 сажен и по фронту (с востока на запад) от 30 до 500 сажен. Эта система отдельных высот с воздвигнутыми на ней фортификационными сооружениями имела характер четырехстороннего укрепления, три фронта которого — на восток; юг и запад были обращены к противнику, а тыльный фронт обстреливал внутреннее пространство укрепления и отчасти подступы к восточному и западному фронтам.

Как сказано выше, укрепления были не закончены; они имели слабый, непрочный профиль и не защищали от огня противника; число их было недостаточным для укрытия всех войск обороны. Вся система укреплений состояла из четырех групп.

Южная группа на горе Св. Николая, преграждавшая доступ к перевалу по шоссе, имела три батареи: Большая — на четыре орудия — к северо-западу от вершины Св. Николая; далее к востоку Малая — на два орудия; между этими батареями находилось Орлиное Гнездо — скалистый и крутой

выступ с закрытиями для стрелков; по восточной стороне шоссе была построена Стальная батарея на девять орудий; всего было устроено окопов на 15 орудий и девять рот.

Западная группа состояла из Центральной батареи на четыре орудия на горе того же названия, целого ряда ложементов западнее шоссе и старой турецкой батареи фронтом на север и северо-запад. К западу была расположена Волинская гора, составлявшая передовой пункт Западной группы, но на ней, кроме засеки со рвом турецкой постройки, фронтом на север, не было совсем укреплений, и только во время боев устроили завалы из камней и деревьев.

Восточная группа состояла из пехотных ложементов на юго-восточном отроге горы Шипка, фронтом на юг, юго-восток и восток; они были в два яруса, на расстоянии 30—40 шагов один от другого.

Северная группа около горы Шипка состояла из Круглой батареи на четыре орудия (переделка турецкой постройки) и пехотных окопов роты на четыре.

Подступы к горе Св. Николая с запада, юга и юго-востока вообще весьма труднодоступны вследствие крутизны скалов, но ближайшие части их находились в мертвом пространстве. Подступы к Западному фронту пролегали по хребту Марко-Кралев-баир, составлявшему продолжение гор Центральной и Волинской, по высоте Лесной Курган и горе Лысой; хотя местность к югу и северу от него почти недоступна, но движение по самому хребту вполне удобно, укрыто и защищено артиллерийским огнем с горы Лесой, возвышавшейся над Св. Николаем на 35 футов. Подступы к Восточному фронту шли склонами хребта, образуемого высотами Малый Бедек, Демир-Тепе и Демиевиц, покрытыми густыми лесами; гора Малый Бедек превалировала над Св. Николаем на 84 фута и представляла удобную артиллерийскую позицию.

В общем ряд окружающих Шипкинский перевал высот имел настолько значительное возвышение, что и тщательное дефилирование не могло бы предотвратить перекрестного обстреливания площади, занятой обороняющимся; на ней не было ни одного укрытого места, и огонь противника

по одному из фронтов поражал в тыл или во фланг другой фронт. К некоторым пунктам позиций добраться можно было достаточно скрытно, а обход был осуществим с обоих флангов (много горных троп и дорожек). Тыл и единственный путь сообщения по шоссе в Габрово были едва ли не доступнее всех других участков и подпадали под сильнейший обстрел. Под огнем же находились и источники воды, что в жаркое время года имеет огромное значение при продолжительном бое. Переход в наступление был весьма труден, так как приходилось штурмовать неприступные окружающие позиции. Развертывание значительных сил было невозможно.

Бой 9 и 10 августа. Около полуночи с 8 на 9 августа генерал Столетов собрал начальников отдельных частей; на проходившем совещании было решено разделить позицию на участки: 1) передовая позиция; 2) левый фланг; 3) главная позиция.

План Сулеймана заключался в том, чтобы вести главную атаку сильной колонной Реджеба-паши, состоящей из 16 батальонов с горной батареей, от горы Малый Бедек на Стальную, а демонстративную — колонной Шакира-паши (Салиха-паши), включавшей восемь батальонов с юга по шоссе, причем она должна была продвинуться только до первой площадки и отвлечь на себя внимание противника. Для скрытности Реджеб-паша выступил ночью с расчетом сосредоточиться к рассвету у Малого Бедека, построить на его вершине батарею и тогда атаковать. В общем резерве, южнее д. Шипки, стали 23 батальона, 42 орудия и вся кавалерия.

Голова колонны Шакира подошла к первой площадке (от Орлиного Гнезда) около 9 часов утра; к сожалению, фугасы были взорваны слишком рано, но все-таки турки свернули с шоссе. Около 11 часов два турецких стрелковых батальона произвели первую бешеную атаку, но были с громадными потерями отброшены орудийным и ружейным залповым огнем; также безуспешны были и две атаки подошедшими главными силами колонны Салиха-паши; турецкие стрелки рассыпались за укрытиями не далее 75—100 сажен от наших укреплений.

Между часом и двумя прибыл Брянский полк и усилил оборону на 2685 человек; его командир полковник Липинский вступил в командование главной позицией, а прибывший генерал Дерожинский оставил главным начальником обороны генерала Столетова.

Около часу дня почти одновременно были отбиты новая атака Салиха- и Реджеба-пашей. Таким образом план Сулеймана был нарушен, поскольку демонстративная атака была произведена слишком рано и велась несравненно энергичнее главной. Несмотря на гнев Сулеймана, самолично прибывшего в колонну Шакира, охваченные жаждой боя части произвели четвертую бешеную атаку; хотя казалось, что ни картечь, ни залпы с самого близкого расстояния не остановят турок, дело до рукопашной не дошло, и батальоны Шакира отхлынули назад; повторенный удар был отбит много легче одной артиллерией.

Реджиб-паша произвел несколько попыток наступления между 4 и 6 часами дня, но каждый раз, как его цепи попадали под действенный огонь батарей, они не выдерживали и поворачивали обратно.

После 6 часов дня турки прекратили попытки атаковать Николаевскую позицию, и артиллерийский огонь обеих сторон начал утихать, но турецкие стрелки продолжали осыпать наше расположение таким непрерывным градом пуль, что в нем буквально не было безопасной точки. В десятом часу вечера у Стальной раздались крики «атака!», и вновь загремели ружья и орудия. Это была последняя, седьмая атака Шапира; пользуясь темнотой, турки тихо подкрались на очень близкое расстояние, но залпы орловцев и дружинников и картечь заставили их отступить с громадной потерей.

Бой 10 августа состоял исключительно из артиллерийской перестрелки, причем названная нами «девятиглазой» (на восемь орудий с девятью амбразурами) на Малом Бедেকে батарея имела значительный успех; зато нашим батареям удалось погасить огонь сооруженной турками прямо на шоссе, всего в 500 сажень от Орлиного Гнезда, батареи на четыре орудия. Наши войска были вынуждены просидеть целый день за закрытиями, что при жаре, без воды и пищи

их сильно утомило. Потери составили всего 100 человек. Ночью мы значительно усовершенствовали свои укрепления, но и турки окружили перевал с юга и востока своими ложементами.

Ночью получили известие, что войска могут явиться на Шипку не ранее первого часа дня 11 августа. Первый эшелон — 4-я стрелковая бригада, две сотни пластунов, два горных орудия и еще две сотни — выступил в 5 часов и двинулся налегке, без ранцев; для ослабевших удалось по дороге собрать до 120 подвод; эшелон прибыл в Габрово к часу ночи. Второй эшелон — два батальона Подольского полка и Житомирский полк (два батальона) выступил в 3 часа утра в полном походном снаряжении и сильно ослабел на переходе в 56 верст; он прибыл в Габрово только в 10 часов 11 августа, а остальные подтянулись к 13 часам.

В общем, к утру 11 августа в 16 верстах за Шипкой стояли девять батальонов общего резерва Балканского отряда, но они были настолько утомлены переходами, что генерал Радецкий не решался двинуть их ранее полудня. В то же время на флангах Балканского отряда празднично стояли и передвигались против Ловчи 24 батальона, а против Осман-Базара до 21 батальона князя Шаховского.

Бой 11 августа. План действий Сулеймана, располагавшего 24 тысячами пехоты, 2500 кавалерии и 48 орудиями, на 11 августа состоял в охватывающей атаке четырьмя отрядами. Правый боковой отряд Весселя-паши должен был выйти к рассвету между горами Шипкой и Узун-Куш и овладеть участком шоссе в тылу, правый фланг Шакир-паши — атаковать перевал с юга и юго-востока, левый фланг Салиха-паши — наступать с юга и устроить траншеи перед горой Св. Николай, левый боковой отряд Рассима-паши, заняв Лысую гору, — атаковать с запада. Общий резерв (15 батальонов, 19 орудий) с Сулейманом-пашой — около д. Шипка.

Передовая позиция: под командованием флигель-адъютанта полковника графа Толстого 13 рот при 14 орудиях, 1800 человек.

Гурко и Скобелев под огнем

«Все убиты, ваше благородие». Сцена под Телишем

Левый фланг (Восточная группа): под командованием флигель-адъютанта полковника князя Вяземского три дружины и одна рота, 1400 человек.

Главная позиция (Западная и Северная группы) под командованием полковника Липинского: два батальона Брянского, один батальон Орловского полков и 10 орудий, 3000 человек.

Общий резерв: восемь рот Орловского полка с четырьмя горными орудиями, 1200 человек.

Предписывалось начать штурм после артиллерийской подготовки: Салиху-паше — позже Шакира, а боковым отрядам скрываться в лесах до начала штурма; начало действий назначалось на 4 часа утра.

Наш Шипкинский отряд, отлично сознавая опасность атаки подавляющими силами противника, надеялся на прибытие подкреплений и готовился к самой отчаянной и решительной обороне. Снарядов было немного, для турецких орудий их снаряжали оружейные мастера, у болгар половина ружей была испорчена и не доставало патронов.

Отряд состоял из Орловского и Брянского полков, пяти дружин, четырех сотен, трех команд, 16 пеших, двух конных, четырех горных и шести турецких (седьмое орудие было испорчено) орудий, всего 7200 пехотинцев при 28 орудиях. Силы отряда были распределены, как и 9 августа, по участкам.

Конные части расположились в тылу, куда были отведены все нестроевые и обоз.

Продолжавший командовать отрядом генерал Столетов должен был находиться у Круглой батареи, вместе с генералом Дерожинским, в командование не вступившим. Вечером 10 августа на совещании было решено начальникам участков обороны действовать самостоятельно, поддерживая связь с полковником Липинским, и устроить на шоссе в тылу всего расположения «опорный пункт» с горными орудиями для обеспечения подхода резервов.

Дело началось наступлением отряда Рассима; его батарея на Лысой горе быстро одержала успех над Центральной батареей, два турецких батальона легко достигали Лесного Кургана и решительно атаковали Волынскую гору, но в 7 часов 30 ми-

Третий день боя на Шипкинском перевале,

нут были отбиты. Так же неудачна была атака турецкого батальона на гору Узунь-Куш. Рассим вынужден был прекратить атаку и просил Сулеймана прислать подкрепления.

Отряд Салиха-паши ограничился демонстративным боем; попытки продвинуться к западу, в обход, остановлены картечными гранатами и залпами пехоты.

Около 6 часов утра шесть батальонов из отряда Шакира атаковали наш левый фланг — Шипкинский отрог, но были отбиты болгарями; поддержанные из резерва и огнем Круг-

11 августа 1877 г. С картины А. Кившенко

лой батареи обороняющиеся отразили здесь шесть последовательных атак.

Около 9 часов отряд Весселя-паши неожиданно атаковал шоссе в тылу Круглой батареи; появление пяти турецких батальонов было столь неожиданным, что полторы роты брянцев, едва успевшие выстроиться, были обданы свинцом с расстояния 100—150 шагов, но собравшиеся здесь 425 брянцев успешно отразили натиск 2000 турок, работая преимущественно штыками.

Несмотря на то что в 1 час дня перешли к решительным действиям только отряд Весселя и часть батальонов Шакира, тем не менее всякий успех турок на одном из атакованных пунктов грозил отряду Столетова катастрофой. Столетов объявил еще накануне, что помощь прибудет в 10 часов утра, хотя Радецкий и уведомил его, что не может выступить ранее чем после полудня.

А между тем после полудня бой достиг особого напряжения. Атаки Рассима продолжались и охватили оба фланга Волынской горы. Одновременно Вессель вновь атаковал гору Узунь-Куш, а черкесы уже угрожали Тыльной батарее. Расстрелянные защитники Волынской вынуждены были ее очистить.

В 5 часов пополудни турки все-таки не достигли решительного успеха. Оба противника начали изнемогать в непрерывном 13-часовом бою, и расплывшиеся вокруг всего перевала отряды турок вряд ли были способны произвести окончательный удар, а Сулейман, отсутствовавший во все время сражения, не думал трогать остатки своего резерва. Если таково было положение турок, то оно не было известно защитникам Шипки, положение которых уже становилось критическим; в болгарских дружинах оставалось по три-четыре годных ружья; из 28 орудий шесть пришли в негодность; кроме картечи, имелось по три-шесть гранат на орудие; отовсюду текли непрерывным потоком раненые, а сколько еще лежало убитых. Начали распространяться слухи о начале отступления, но старшие начальники немедленно успокоили людей, открыли залпы уцелевшими героями, а батареи участвовали огнем последними снарядами. Но и эта вспышка энергии была непродолжительной, так как скоро не оказалось ни снарядов, ни патронов; физические и нравственные силы людей пошли снова на убыль, но когда истек 14-й час геройского боя, подоспели в половине шестого к Тыльной батарее стрелки 2-й роты 16-го стрелкового батальона, и участь боя была решена в нашу пользу.

Ввиду настоятельных просьб Столетова генерал Радецкий приказал 4-й стрелковой бригаде выступить из Габрова около 10 часов; обогнав ее с двумя сотнями и двумя горны-

ми орудиями, он прибыл к Тыльной батарее и, спешив казаков, отправил коноводов за стрелками; на казачьих лошадях и прибыла авангардная рота стрелков. К 6 часам собрался весь 16-й стрелковый батальон, которому Радецкий приказал сбить турок с Волынской горы; батальон стремительно ринулся в атаку, и после получасового боя утопленные войска Рассима поспешно отступили на Лесной Курган. К 20 часам бой стал затихать, а к десяти прекратилась в первый раз за трое суток и ружейная перестрелка.

В результате кровопролитного упорного боя турки успели только занять Лесной Курган, который, однако, нами и не оборонялся; при этом 6000 наших русских героев изнежили 22,5 тысячи самых лучших боевых турецких войск, и в резерве противника сохранились свежими всего 2500 человек. Однако тон донесения Сулеймана султану неоправданно оптимистичен: «Таким образом, укрепления (русские) не могли быть сегодня заняты. Но так как обе дороги, ведущие из Габрова к позициям, занимаемым русскими, и фонтаны, доставляющие им воду, в руках наших войск, то они не могут ни сопротивляться долгое время, ни ускользнуть из моих рук. Если в эту ночь противник не попытается бежать, завтра, на рассвете, я возобновлю атаку, и я надеюсь, с помощью Аллаха, его раздавить».

Бой 12 августа. Расположение турецких войск видно из прилагаемой схемы.

Генерал Радецкий имел к рассвету 12 августа 20 батальонов, семь сотен и 36 орудий, всего 14 820 человек; из них штыков — 12 960. Он мог притянуть к полудню 12 августа Волынский полк из Габрова, а к полудню 13-го — Минский полк и всю 2-ю пехотную дивизию, которую имел разрешение, в случае особенной надобности, двинуть на Шипку. Точных сведений о численности армии Сулеймана не имелось, но во всяком случае было известно, что она гораздо сильнее тех войск, которые были в наличной обороне Шипки. Однако генерал Радецкий нашел необходимым сбить турок с захваченных ими комаандных высот немедленно и предписал уже утром 12 августа наступление. Поэтому

Генерал граф П. А. Шувалов

Генерал-майор М. И. Драгомиров

он оставил всех прежних защитников перевала на своих позициях, а вновь прибывшими девятью батальонами хотел оперировать весьма активно.

4-я стрелковая бригада, выделив 16-й батальон на Волынскую гору, занимала Тыльный участок, имея один батальон в резерве, а Житомирский и Подольский полки стояли в готовности на биваках еще севернее. Намереваясь прежде всего овладеть Лесным Курганом, Радецкий воспользовался советом Драгомирова «направить часть сил к Лысой горе по отходящему от нее к северу лесистому отрогу» и приказал двинуться туда одному батальону Житомирского полка.

Бой 12 августа можно разделить на два периода: двух часов дня, когда наступали турки, и после двух, когда мы сами обратились к активным действиям.

Со стороны турок наступали отряды Весселя, Салиха и Рассима. Вессель произвел первую, совершенно неожиданную атаку на рассвете на шоссе, севернее Круглой батареи, но высланные как раз туда две роты стрелков штыками отбросили турок. Стянутый затем сюда 13-й стрелковый батальон отразил еще две последовательные атаки Весселя, и с полудня дело ограничилось лишь перестрелкой. Колонна Салиха произвела четыре атаки, все они были отбиты с большими для него потерями.

Генерал Радецкий еще утром приказал полковнику Липинскому с 15 ротами (два батальона житомирцев, 16-й стрелковый батальон и одна рота брянцев) атаковать Лесной Курган, но батальоны Рассима сами неоднократно переходили в энергичное наступление и нанесли нам значительные потери. Тогда около 10 часов Радецкий двинул два батальона житомирцев к горе Узун-Куш. С ними двинулся и генерал Драгомиров, который при обзоре местности с батареи был ранен пулей в ногу. Таким образом мы понесли серьезную потерю, лишившись одного из лучших наших генералов на все последующее время войны.

Атака эта, несмотря на неоднократные подкрепления и настойчивые попытки, не удалась, пришлось отойти с громадными потерями; мы приступили к окапыванию на Волынской горе.

Наша смелая атака имела то значение, что Рассим донес Сулейману о своем трудном положении у Лесного Кургана вследствие прибытия русских подкреплений и просил усилить свой отряд. Это известие ошеломило Сулеймана, так как, вместо ожидаемого им «захвата тыла и гибели врага», оказалось, что он сам угрожает важнейшему пункту на левом турецком фланге. Приказав Салиху выслать на помощь Рассиму четыре батальона и туда же идти Весселю-паше, Сулейман окончательно отказался от дальнейших попыток овладеть Шипкинским перевалом, а ограничился лишь удержанием занятых его войсками позиций и телеграфировал в Константинополь о присылке подкреплений и огнестрельных припасов.

Генерал Радецкий, несмотря на полную неудачу штурма Лесного Кургана, отбросил намерения кружным обходом заставить турок отойти от Шипки, а поставил себе целью лишь овладение Лысой горой, чтобы утвердиться на всем хребте Марко-Кралев.

Бой 13 и 14 августа. К рассвету 13 августа генерал Радецкий располагал на перевале почти такими же силами, как и накануне, потому что хотя и прибыли три батальона Волынского полка, но пришлось отпустить в Габрово (на 2 дня) четыре болгарские дружины.

У турок лишь отряд Рассима был усилен до 14 батальонов — 6300 штыков; Вессель-паша только с рассветом начал свое движение с крайнего правого фланга на крайний левый — к Лысой горе.

Ввиду того что генерал Радецкий задался целью овладеть высотами хребта Марко-Кралева, а турки имели задачей удержать за собой все свои позиции, бой 13 августа происходил исключительно на этом хребте; на всех прочих пунктах Шипкинских позиций оба противника вели лишь перестрелку.

Бой состоял из целого ряда атак сначала турок, а затем и наших войск с целью овладеть батареей на Лысой горе.

Около половины десятого полковник Липинский перешел в наступление тремя колоннами, и через час его боевой по-

рядок достиг седловины между горой Волынской и Курганом, подняв цепи на восточный склон последнего; на подкрепление Радецкий послал еще 2-й батальон Волинского полка. Наступление продолжалось энергично; к 11 часам турки были выбиты из всех ложементов и сосредоточились у люнета на самой вершине Кургана, но и наши войска совершенно перемешались, овладев по собственной инициативе следующими двумя рядами окопов.

Уже расстроенные батальоны Рассима стали отходить на вторую позицию на батарее, с которой свозили орудия, уже наши группками подошли к самой батарее... Но в эту минуту развернулись авангардные три табора Весселя-паши и открыли губительный огонь во фланг ложементов, занятых нашими. Около 16 часов полковник Липинский приказал отступить, и весь отряд, отстреливаясь, а иногда и отбрасывая наседавших турок штыками, отошел к Лесному Кургану.

Сулейман послал на подкрепление Рассима весь свой резерв в количестве пяти батальонов и еще два батальона из отряда Салиха. В 19 часов Рассим перешел в наступление на Лесной Курган, обороняемый двумя батальонами волынцев и двумя ротами брянцев. Ввиду прибытия на перевал двух батальонов Минского полка Радецкий послал на Курган последний батальон волынцев, что дало возможность удержать его, хотя бой продолжался всю ночь. На рассвете бешеные атаки турок возобновились, а генерал Радецкий, имея в своем распоряжении всего три батальона Минского полка и вынужденный сменить наконец утомленные боем части на разных участках позиции, приказал очистить Курган и удержать лишь Волынскую гору. Это было выполнено к полудню 14 августа, после чего бой окончательно стих.

Турки определяют свои потери за все шесть дней боя в 6411 человек, что составляет 28 %; мы потеряли двух генералов, 120 штабс- и обер-офицеров и 3512 нижних чинов, или 13,36 %; на долю пехоты пришлось 29 % офицеров и 18,37 % нижних чинов, а артиллерии — 28,60 % офицеров и 11 % нижних чинов.

Центральная турецкая армия Сулеймана пришла после Шипкинских боев в чрезвычайное расстройство; в донесе-

ниях Сулеймана сказано, что «можно рассчитывать только на 30 батальонов, приведенных из Герцеговины; остальные 20 батальонов были совершенно не надежны и бежали при первых выстрелах; герцеговинцы потеряли почти половину состава и были до крайности утомлены, а в боевых припасах оказался полный недостаток». Вообще Сулейман считал, что можно приступить к дальнейшим операциям не иначе как после укомплектования его армии 15—20 тысячами хороших войск. Военный министр уведомил Сулеймана, что пока в его распоряжение даются 10 батальонов, высылаются на укомплектование 4000 человек и боевые припасы. Тогда Сулейман решил, не отказываясь окончательно от задачи овладеть Шипкинским проходом, до соединения с другими турецкими армиями временно перейти к обороне.

Неожиданное наступление на Шипку целой турецкой армии, естественно, отвлекло на себя все внимание главнокомандующего и поэтому сильно затормозило подготовку им Плевненской операции. Позже главнокомандующий для выяснения обстановки послал к Радецкому своего начальника штаба генерал-адъютанта Непокойчицкого, который, лично ознакомившись с шипкинскими позициями и собрав 18 августа совещание из старших начальников, пришел к заключению, что «при видимом бездействии и вероятном уменьшении сил противника у Шипки необходимо обратить все силы на Плевну, развязка у которой представляется главнейшим вопросом, ибо только тогда будут развязаны руки». Главнокомандующий одобрил такое заключение, и поэтому произошло новое распределение войск, входивших к этому времени в состав Балканского отряда, который оказался разделенным на три самостоятельных отряда:

1) Шипкинский отряд генерала Радецкого в составе 14-й пехотной дивизии, 2-й бригады 9-й пехотной дивизии, Якутского полка, одного батальона Селенгинского полка, семи Болгарских дружин, артиллерии 14-й и 9-й дивизий, 2-й горной батареи, Турецкой батареи, 11 сотен и двух саперных рот; задача отряда состояла в обороне Шипкинского перевала, и в действительности эта задача обратилась в известное историческое четырехмесячное с лишком «сидение на Шипке»;

2) отряд князя Шаховского в составе всех прочих войск южного фронта, т. е. отряды Хаинкиойский, Еленинский, Осман-Базарский и новый Северный (возвращенные из-под Плевны первые бригады 32-й пехотной и 11-й кавалерийской дивизии, под командованием начальника 11-й кавалерийской дивизии генерал-лейтенанта Татищева);

задача отряда — оборона Балканских проходов и путей наступления к Тырнову от Осман-Базара — Эски-Джумы.

3) Сельвинский отряд князя Имеретинского в составе его 2-й пехотной дивизии и 3-й стрелковой бригады и отряда Скобелева; задача отряда состояла в овладении Ловчей и затем в проведении операции под Плевной.

Действия Руцукского отряда против четырехугольника крепостей

Против четырехугольника турецких крепостей и опиравшейся на него армии Мехмета-Али находились три русских отряда: Руцукский наследника цесаревича, Журжево-Ольтеницкий генерал-лейтенанта Аллера и Добруджинский генерал-лейтенанта Циммермана. Отряд Аллера был подчинен наследнику цесаревичу, а Циммерман получал инструкции из полевого штаба. Дельту Дуная охранял отряд генерал-лейтенанта Веревкина из войск Одесского военного округа.

Три названных отряда занимали линию протяженностью 270 верст: Кюстенджи — Черноводы — Дунай до Парапана — долины рек Лома и Кара-Лома, до с. Аясар; всего на этой линии было сосредоточено 78 батальонов, 90 эскадронов и сотен и 47 батарей, всего 93 350 человек в строю при 360 орудиях. Против них в гарнизонах крепостей и в поле было сосредоточено турецких 147 батальонов, 73 эскадрона и 36 батарей, всего 99 100 человек при 360 орудиях.

Главная масса полевых турецких войск стояла фронтом на запад, на линии Разград — Эски-Джума, протяженностью 28 верст: 57 батальонов, 49 эскадронов, 84 орудия, всего 40,5 тысячи бойцов; из них 34,2 тысячи человек при 72 орудиях составляли Разградскую группу, а 6 300 человек при 12 орудиях — Эски-Джумскую группу. На правом фланге,

в 55 верстах, находилась крепость Рушук с 23 батальонами, шестью эскадронами и 30 орудиями; на левом — у Осман-Базара — отряд Мехмет-Салима-паши в составе 12 батальонов, четырех эскадронов и 12 орудий.

Против этих турецких сил стоял Рушукский отряд — 48 батальонов, 41 эскадрон при 224 орудиях, всего 55 847 человек. Войска занимали линию фронтом в направлении на восток, протяженностью 55 верст, долинами рек Лома и Кара-Лома, тремя группами: 1) у Рушука, в 12 верстах к юго-западу от него; 2) у Абланова и Острицы, на пути из Разграда в Белу; 3) у селений Ковачица, Попкиой и Гагово, на путях из Разграда на Тырново и из Эски-Джумы на Тырново же и Белу.

Обе стороны действовали оборонительно. В десятых числах июля Мехмет-Али закончил комплектование своих полевых войск; теперь он имел для действия против Рушукского отряда до 59,5 тысячи человек при 144 орудиях. Эти внушительные силы опирались на четырехугольник крепостей и вновь сооруженный укрепленный лагерь у Разград, на фронте протяженностью не более 25 верст.

Нечего и говорить, что положение Рушукского отряда, уступавшего в силах полевой армии Мехмета-Али, разброзанного на 55 верст и имевшего задачей, кроме обороны путей к Беле, еще содействовать обороне путей на Тырново, было в высшей степени трудным, и если она была блистательно выполнена, то это следует объяснить замечательным хладнокровием и благоразумием начальника отряда наследника цесаревича, весьма искусно использовавшего нерешительность своего противника.

С начала августа происходит ряд столкновений войск обеих сторон. 9 и 10 августа произошло столкновение частей Эски-Джумского корпуса с передовым сторожевым русским отрядом у Аяслара. Несмотря на поддержку 1-й пехотной дивизии, русские к вечеру 11-го принуждены были отойти к Попкиою.

К 16 августа части Рушукского отряда приняли следующее расположение. Против Рушука по-прежнему стоял отряд великого князя Владимира Александровича — 12 баталь-

онов, 15 эскадронов и 54 орудия; правее его, в центре — у Абланова — отряд барона Дризена — пять батальонов, 12 эскадронов и 46 орудий; еще правее, в районе Попкиой — Ковачица — отряд генерала Гана — 24 батальона, 10 эскадронов и 108 орудий; в Уджикиой стал общий резерв — шесть батальонов и 16 орудий и штаб Рушукского отряда.

Удачный бой у Аяслара побудил Мехмета-Али перейти к более энергичным наступательным действиям, и на собранном им в Эски-Джуме 14 августа военном совете был разработан план атаки Карахасанкиоя.

Обстановка для Рушукского отряда продолжала оставаться крайне тяжелой; больше всего опасались наступления Мехмета-Али на Тырново, и поэтому относительно слабый отряд все так же был разбросан на фронте в 50 верст и почти две трети его сил были сосредоточены к правому флангу; между тем турки готовились нанести удар на центр расположения, задавшись целью оттеснить русских со всего правого берега Кара-Лома, частью долины которого они уже овладели против Аяслара.

18 августа произошли столкновения в трех пунктах: у Карахасанкиоя, Гайдаркиоя и Аяслара. Бои у этих пунктов закончились отступлением русских отрядов, а начальник 1-й пехотной дивизии нашел необходимым освободить без боя позицию у Попкиоя и отойти к Ковачице. В результате турки овладели всем правым берегом Кара-Лома, до д. Сваленик, и получили теперь свободу маневрирования перед фронтом Рушукского отряда.

Мехмет-Али решил воспользоваться одержанным успехом 18 августа, тем более что замеченное отступление частей 13-го корпуса было истолковано как моральное последствие испытанного русскими поражения. Однако собранный вновь военный совет ограничился постановкой скромных задач: овладеть русскими позициями у Кацелова и Кадыкиоя, причем для первой задачи назначались войска Разградской группы, а для второй — часть гарнизона Рушука.

18 августа турки произвели из Рушука наступление несколькими батальонами на Кадыкиой, но были отбиты вследствие прибытия резервов 12-го корпуса.

Вечером 20 и утром 21 августа наследник цесаревич, осмотрев расположение 13-го корпуса, приказал сократить его фронт и пришел к убеждению, что турки с овладением позициями на правом берегу Лома приобрели возможность малыми силами парализовать действия 13-го корпуса и вообще свободно и скрытно маневрировать против всего Рушукского отряда.

Предположенная Мехметом-Али атака на центр расположения Рушукского отряда несколько задержалась исполнением и произошла только 24 августа. Оборонявшие этот участок русские войска 12-го корпуса под общим начальством генерал-лейтенанта барона Дризена были расположены следующим образом: 1) на позиции у Кацелова — отряд генерал-майора Арнольди: четыре батальона Бендерского и Херсонского полков, две батареи, три эскадрона и три сотни; 2) на позиции у Абланова — отряд генерал-майора Тимофеева: 6,4 батальона Бессарабского, Тираспольского и Херсонского полков, четыре пешие и одна конная батареи, 5,5 эскадрона и сотни; южнее стояли два отряда в составе всего трех рот, полутора эскадронов и двух орудий; на подходе к Абланову находились два пехотных полка и две батареи. Всего у Кацелова — Абланова мы могли сосредоточить 17 батальонов, 13 эскадронов и сотен и 72 орудия, итого 18 тысяч человек.

В общем обстановка для борьбы на нашем восточном фронте сложилась в высшей степени неблагоприятно, но она осложнялась еще тем обстоятельством, что силы нашего центра были расположены на двух отдельных позициях — Аблановской и Кацеловской, отстоявших одна от другой на 5 верст, причем сообщение между ними было крайне затруднительно и совершенно невозможно для артиллерии; Кацеловская позиция являлась передовой, и на ней было расположено значительно меньше сил.

Бой у Кацелова начался в 7 часов утра; несколько турецких атак было отбито, но к 2 часам дня против наших пяти батальонов турки ввели в дело своих 35; тогда генерал Арнольди приказал отступать. Бой у Абланова, начавшийся также с утра, сперва шел нерешительно; в 3 часа дня осво-

бодившиеся от боя под Кацеловом турецкие войска перешли в стремительное наступление; им удалось перейти р. Кара-Лом, и они начали овладевать участками русской позиции; тогда генерал-майор Тимофеев слез с лошади и, миновав цепь, сам пошел вперед; ближайшие части бросились за ним с криком «ура», и вся боевая линия, перейдя в контратаку, с поддержкой подведенного бароном Дризенем Копорского полка, опрокинула турок обратно за реку. На этом бой кончился, и Аблановская позиция осталась за нами. Наши потери в обоих боях составили 53 офицера и 1248 нижних чинов.

Этот бой для войск 12-го корпуса составляет блестящую победу, так как они отбили атаку тройного превосходства сил противника и тем заставили его опять перейти к большей пассивности действий.

Наследник цесаревич в 2 часа 30 минут дня получил донесение о том, что позиция у Кацелова очищена, а около 4 часов дня — известие об атаке на Абланово; не получая затем никаких известий, он приказал в час ночи командиру 12-го корпуса ввиду прорыва оборонительной линии отодвинуть 12-ю дивизию на линию Мечка — Трестеник — Две Могилы. Когда утром и в течение 25 августа выяснилась вся обстановка, то было решено отвести Рушукский отряд на линию р. Янтры и занять там более сосредоточенное расположение. Упорство боя отрядов у Кацелова и Абланова заставило турок остановиться, и вместо активных действий они в полдень 25 августа просили перемирия для уборки раненых. Отступление наших войск было произведено беспрепятственно, и к вечеру 28 августа они заняли следующее расположение: передовые части пехоты на линии Мечка — Две Могилы — Банница с резервом из пяти полков (прибыл на подкрепление отряда Новоингерманландский пехотный полк) у Белы; кавалерия стала на линии Пиргос — Кошево — Широково — Водица. Несколько позднее, по соглашению наследника цесаревича с князем Шаховским, было решено прибывшую в подкрепление новую 26-ю пехотную дивизию притянуть к Покривцу и Церковне и перевести всю 1-ю пехотную дивизию 13-го корпуса к Баннице.

Сражение под Ловчей

18 августа из главной квартиры, находившейся в Горнем Студне, было сделано распоряжение о формировании Сельвинского отряда под начальством генерал-майора князя Имеретинского, командующего 2-й пехотной дивизией, в следующем составе:

1) 2-я пехотная дивизия с ее артиллерией, 3-я батарея 9-й артиллерийской бригады и Лейб-гвардии Терский эскадрон Собственного Его Величества конвоя — в Габрове;

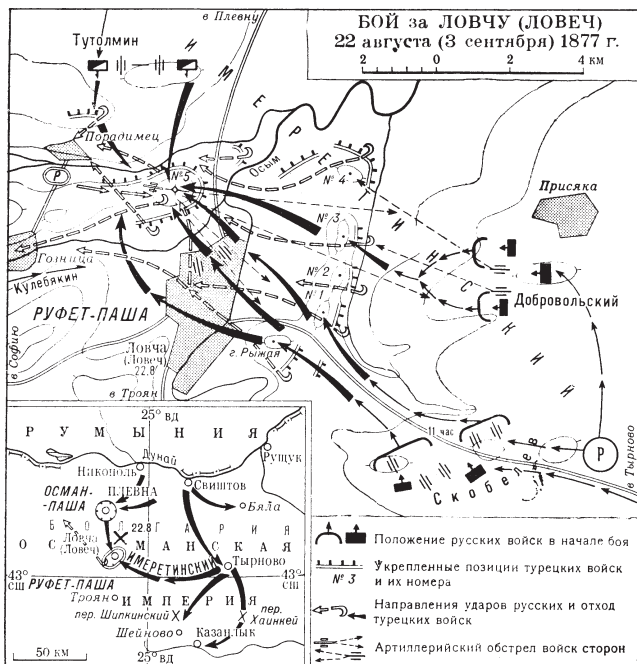
2) 2-я бригада 3-й пехотной дивизии с тремя батареями 3-й артиллерийской бригады — у Тырнова;

3) отряд Скобелева 2-го: 64-й пехотный Казанский полк, 1-й батальон 118-го Шуйского полка, 2-я батарея 16-й артиллерийской бригады, взвод саперов и Кавказская казачья бригада с 9-й Донской батареей — на позиции у Канкрина, 14 верст восточнее Ловчи;

4) 30-й Донской полк, имевший специальное назначение наблюдать пути, ведущие к Габрову и Сельви от Троянского и Калоферского проходов.

Начальником штаба отряда был назначен полковник Генерального штаба Паренсов.

Задача князя Имеретинского состояла в следующем: выступить 20 августа и 21-го атаковать Ловчу; если удастся ее занять, то, оставив там для охранения со стороны Траяна и горных проходов около полка пехоты с частью кавалерии, без замедления наступать к Плевне для совместной с Западным отрядом ее атаки. 19 августа генерал-адъютант Непокойчицкий, возвращаясь из Шипки в Горный Студень, самостоятельно, от имени великого князя, послал князю Имеретинскому несколько иное приказание, которым включил в состав отряда еще 3-ю стрелковую бригаду, стоявшую в Тырнове, и предписал атаковать Ловчу «не далее 22 августа». Князь Имеретинский решил исполнить свою задачу согласно с последним полученным предписанием Непокойчицкого и поэтому 20 августа остался в Сельви, выдвинув лишь отряд Скобелева к позиции у фонтана, находившегося в 8 верстах восточнее Ловчи, и выслал на позицию у Канкрина Ре-

Бой за Ловчу

вельский пехотный полк с батареями; он приказал еще Кавказской казачьей бригаде перейти к д. Игнав, на р. Осме — в 10 верстах северо-восточнее Ловчи; атака Ловчи была назначена на 22 августа.

Выработка плана действий поручена Скобелеву, который был отлично знаком с окрестностями Ловчи благодаря непрерывной ее разведке начиная с 10 августа; кроме того, он 26 июля произвел усиленную рекогносцировку Ловчи во главе целого отряда, а перед этим разведывал ее со всех сторон скрытно с небольшим конвоем.

Скобелев донес, что в Ловче находится самое большое 8000 турок с несколькими орудиями, а получив известие о наступлении Османа-паши против Западного отряда (рекогносцировка к Пелишату 19 августа), настойчиво просил князя Имеретинского особой запиской «не откладывать атаки Лов-

чи на 22 августа, а во что бы то ни стало атаковать ее 21 августа с рассветом и, покончив с нею, выслать кавалерию и наиболее свежую пехоту на помощь Западному отряду для охвата вышедших из Плевны войск с правого фланга и тыла».

Город Ловча расположен на обоих берегах р. Осмы, в узле шоссейных дорог из Плевны, Сельви и Траяна. Стратегическое значение Ловчи обуславливалось тем, что с ее занятием устанавливалось кратчайшее и удобнеее сообщение между Западным и Шипкинским отрядами и прерывалась связь между армиями Сулеймана и Османа. Окрестности Ловчи гористы. Правый берег Осмы превалирует над левым, причем правый спускается к реке круто, а левый — отлого. К востоку от города расположен горный отрог, тянувшийся на север версты на четыре, с пятью отдельными вершинами, из которых ближайшая к шоссе на Сельви называлась Рыжей горой; в расстоянии около 1200 сажен от Рыжей горы, по сторонам Сельвинского шоссе, находятся три высоты, превалирующие над названным отрогом. К северу от города в р. Осму впадают два ручья, между которыми лежит отдельная возвышенность.

Турецкая укрепленная позиция лежала на обоих берегах; на правом по отрогу были вырыты траншеи, наиболее сильного профиля на Рыжей горе, фронтом на восток и на север. Укрепления левого берега состояли из большого редута 7-футового профиля и сети ложементов на высоте, рассчитанных на оборону в направлении как на север — в Плевну, на юго-запад в Орханиез и на юг — в Траян. Хотя позиция была вообще сильна, но она не соответствовала силам, ее оборонявшим, так как восточный и северный ее фронты имели протяженности всего 7 верст; у наступающего на высотах по сторонам Сельвинского шоссе были хорошие артиллерийские позиции.

Ловчинский гарнизон под начальством Рифата-паши сперва состоял из шести, а позднее из восьми батальонов с шестью орудиями и взводом кавалерии, что составляло около 5000 пехотинцев; кроме того, было около 2000 человек иррегулярной конницы — всего около 7-тысячной боевой силы. Отряд занимал оборонительную линию так: три батальона

и одно орудие на правом берегу, пять батальонов и пять орудий — на левом; из последних в редуте и около него три батальона и три орудия.

Для атаки турок князь Имеретинский располагал всего $25 \frac{1}{8}$ батальонами пехоты, $\frac{1}{8}$ батальона саперов, 92 пешими и шестью конными орудиями и 13 сотнями; боевая сила определялась в 571 офицера, 20 857 штыков и 1265 сабель, т. е. превосходила обороняющегося втрое.

К вечеру 20 августа Скобелев заставил турок освободить передовую позицию на высотах по обе стороны Сельвинского шоссе и, заняв их, приступил к сооружению окопов для батарей и пехоты, а к вечеру 21 августа на биваке у фонтана сосредоточился весь отряд князя Имеретинского; Кавказская казачья бригада расположилась по дороге из Иглава в Ловчу. Диспозицией на 22 августа войска отряда были распределены следующим образом:

1) правая колонна: командир 3-й стрелковой бригады генерал-майор Добровольский с четырьмя стрелковыми батальонами, Гвардейской полуротой почетного конвоя Его Величества, двумя пешими батареями и одной дальнобойной (придана стрелкам в Систове и сформирована из отбитых у турок четырех орудий) должен был наступать на высоты против левого фланга турок;

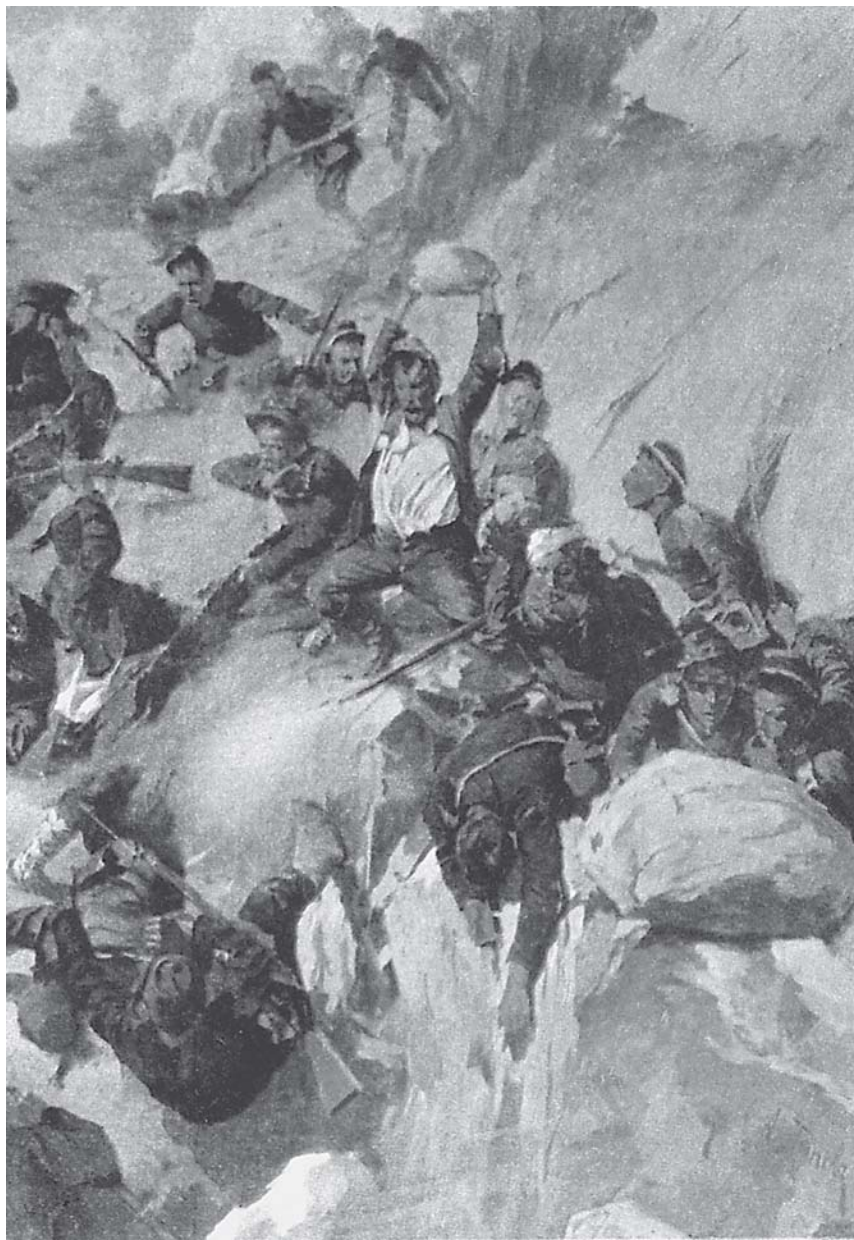
2) левая колонна: Скобелев со своим отрядом, 1-й бригадой 2-й пехотной дивизии, тремя сотнями и шестью 9-фунтовыми батареями, всего 10 батальонов, три сотни и 56 орудий, должен был наступать по обеим сторонам шоссе;

3) общий резерв: командир 2-й бригады 2-й пехотной дивизии генерал-майор Энгман, в составе 11 батальонов и 16 орудий, должен был стать на Ловчинском шоссе.

Открытие огня назначено на 5 часов утра, и атаке должна была предшествовать самая серьезная артиллерийская подготовка. Общий план атаки состоял в том, чтобы прежде всего овладеть Рыжей горой как составлявшей ключ позиции и обстреливавшей все расположение последней; поэтому атаку должен был начать Скобелев, и только после овладения им Рыжей горой должна была атаковать правая колонна.

Защита «Орлиного гнезда»

В шестом часу утра части отряда заняли исходное положение для артиллерийской подготовки, и началась канонада из 56 орудий левой и 12 орудий правой колонн, на которые отвечали турецкие орудия, причем пять из них, расположенных на левом берегу Осмы, находились вне досягаемости нашей артиллерии, а сами ввиду своей дальнобойности могли обстреливать ее безнаказанно.

Так как артиллерия генерала Добровольского не могла достигнуть никаких результатов своим огнем по пехоте, занимавшей окопы левого фланга турецкой позиции, а турки обстреливали все расположение правой колонны как из орудий, так и из ружей, то колонна понесла очень скоро большие потери (восемь офицеров и 150 стрелков); турецкая пехота начала приближаться и, прикрываясь высокими кукурузными стеблями, еще ожесточеннее расстреливать наши части. Тогда около 8 часов 30 минут Добровольский, «вопреки словесному предложению воздерживаться от атаки до начала ее на Рыжую гору», по собственному почину решительно атаковал левый фланг турок и к 10 часам овладел всеми тремя высотами. В 11 часов прибывший на подкрепление Ревельский полк сменил стрелковую бригаду на захваченных у турок позициях, и бригада отошла в ложину на бивак.

Около полудня Скобелев получил приказание князя Имеретинского начать атаку. Немедленно Казанский и Калужский полки перешли в наступление, но турки ввиду одержанного уже успеха 3-й стрелковой бригадой не оказали упорного сопротивления, и около 14 часов казанцы заняли сам город, перейдя Осму частью по мосту, а частью вброд; туда же прибыли вскоре полки Калужский и Либавский.

Около 15 часов, с подходом с юга Кавказской бригады, русские войска окружили последний оплот турок на левом берегу Осмы, на возвышенности между двумя ручьями; турки сосредоточили на ней до семи батальонов и успели своевременно вывезти орудия, направив их по дороге в Орхание (затем они отступили в Плевну). Дружный натиск с трех сторон нашей пехоты заставил турок бежать с позиции; оставшиеся же защитники редута были переколоты штыками.

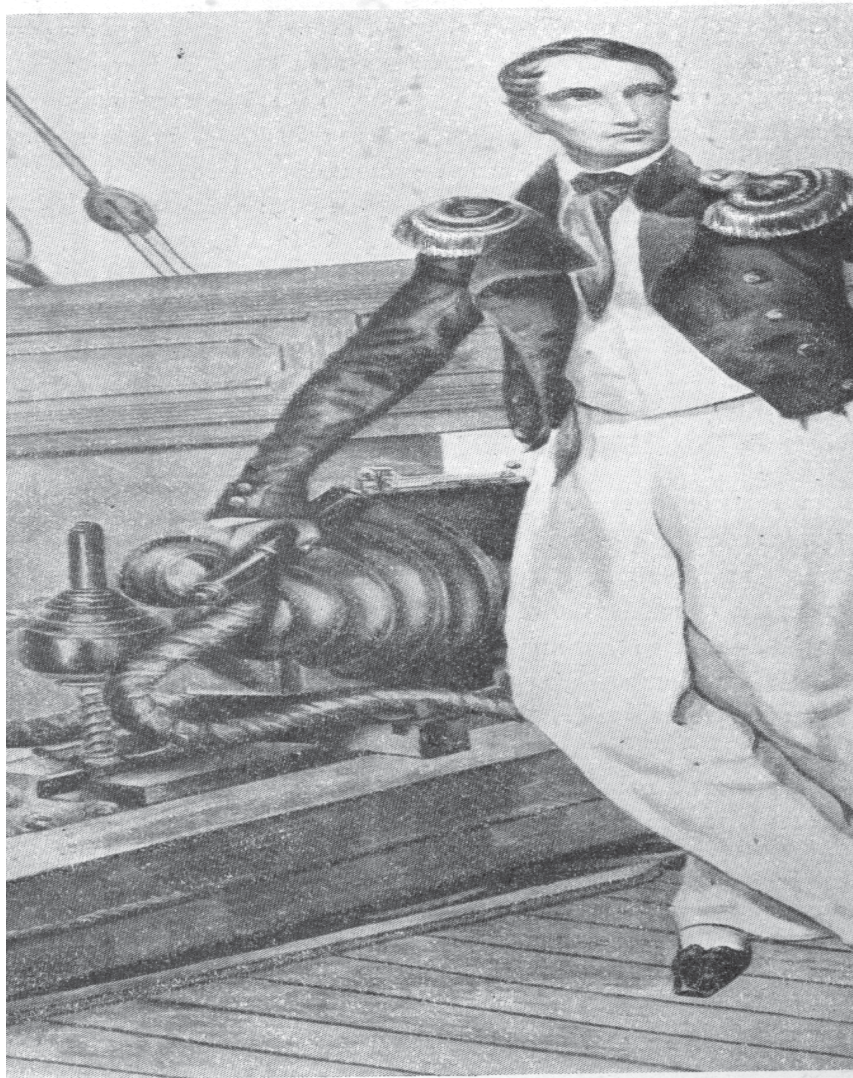
Оставленные в резерве у д. Порадимец два турецких батальона были атакованы казаками под начальством командира Владикавказского полка полковника Левиз-оф-Менара и обратились в бегство. Затем преследование казаками велось до 23 часов.

Вообще турки были поголовно рассеяны и собрались лишь позднее в Плевне, где из них было сформировано два батальона, и в Орханиэ. Мы захватили два знамени, одно орудие, несколько зарядных ящиков, более миллиона патронов и много ружей. Нашими войсками было похоронено 2200 трупов. Наши потери достигли 46 офицеров и 1637 нижних чинов.

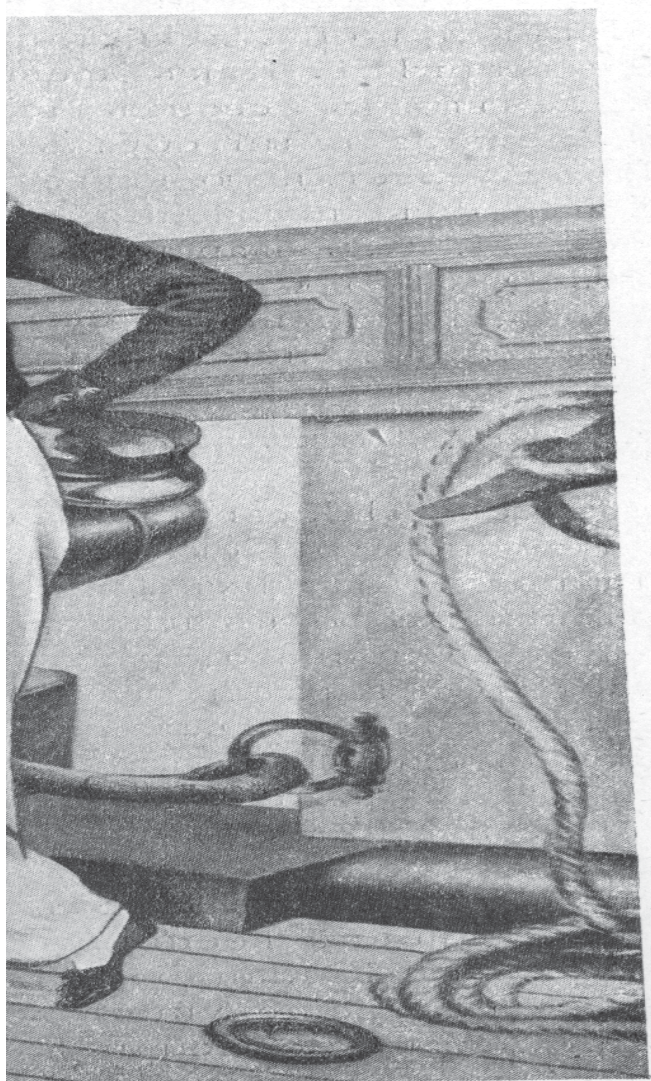
Осман-паша, убедившись утром 22 августа в серьезной опасности, в тот же день около полудня выступил на помощь с 20 батальонами, тремя батареями, двумя эскадронами и, переночевав у д. Ралево, утром подошел к окрестностям Ловчи; Осман свернул к юго-западу и расположился на позиции верстах в шести-семи от Ловчи.

Однако князь Имеретинский, находивший уже накануне, что его войска слишком утомлены, и просивший разрешения выступить из Ловчи только через сутки, не нашел возможным атаковать турецкий отряд и позволил ему беспрепятственно отойти к Плевне, куда Осман-паша и возвратился 25 августа. Приходится отметить, что князь Имеретинский не оценил той в высшей степени благоприятной обстановки, которую создал для него в данном случае сам Осман-паша. Так же точно не оценил обстановку и Скобелев, который около 5 часов со своей позиции сообщал полковнику Паренсову: «Все отлично. Надо отдыхать, готовить себя к славному бою под Плевной».

Нельзя не отметить и того печального факта, что движение значительного турецкого отряда от Плевны к Ловче и обратно, происходившее почти перед самым левым флангом расположения Западного отряда, не было им своевременно раскрыто и оценено. Правда, генерал Зотов принял некоторые меры для разведки «какого-то движения» турок к стороне Ловчи, но все они не привели ни к чему, отчасти по вине командира Екатеринославского драгунского полка

Контратака генерал-майора Тимофеева при деревне
Абланово 24 августа 1877 г. С картины А. Попова

Суд Пётр и Павел Апостолов

полковника Ребиндера, который, будучи выслан к Ловчинскому шоссе с отрядом в четыре батальона, четыре эскадрона и 16 орудий, ограничился тем, что занял позицию у Божата, в 4 верстах от шоссе, и выпустил несколько гранат по «показавшейся на шоссе турецкой кавалерии и пехотным колоннам». Также безрезультатна была и произведенная 23 августа рекогносцировка начальником штаба 4-го корпуса полковником фон Лауницом по направлению к Рылеву, с отрядом из одного батальона, четырех эскадронов и двух орудий; было только донесено, что «из Плевны к Ловче прошло шесть таборов с четырьмя орудиями», и добавлено, что «по словам перебежчиков, ушло всего 18 таборов».

Сражение под Плевной 26—31 августа

По первоначальному плану румыны должны были переправиться по наведенному у с. Селиштора мосту и действовать самостоятельно между реками Видом и Искером, но затем, вследствие опасения в разобщенности действий, румынские войска были переведены на правый берег Вида, а мост — к Никополю. Для ускорения начала наступления к Плевне довольствие румынов хлебом было возложено на интендантство русской армии.

21 августа князь Карл в Порадима принял начальство над соединенными русско-румынскими войсками, а непосредственное командование над Западным отрядом осталось за генералом Зотовым; над румынской армией оно было возложено на румынского военного министра, генерала Черната. Для подготовки штурма весьма сильно укрепленных турецких позиций были приняты следующие меры:

- 1) проведено несколько рекогносцировок лично генералом Зотовым и артиллерийскими начальниками, причем выбраны места для осадной и полевой артиллерии;

- 2) произведена съемка окрестностей Плевны в масштабе 250 сажен в дюйме; налитографированы и розданы войскам планы;

- 3) отремонтированы дороги к расположению турок и поперечные между ними, исправлены и построены мосты;

- 4) заготовлены туры, фашины и штурмовые лестницы;

5) расчищены и устроены колодцы на намеченных местах перевязочных пунктов;

6) проведены в войсках пехоты занятия по преодолению фортификационных препятствий;

7) в Порадиме, на совещании, выяснены роль и задачи артиллерии; тогда же в основу всех действий положены соображения: «предварительное, возможно, продолжительное обстреливание неприятельских укреплений артиллерией, усиливаемое с постепенным к ним приближением; такое же постепенное, производимое незаметно под прикрытием местности, приближение к укреплениям пехоты и, наконец, атака их открытой силой»;

8) сосредоточение войск для занятия исходных позиций при артиллерийской подготовке, начавшееся с 23 августа.

Князь Имеретинский, оставив в Ловче 2-ю бригаду 3-й пехотной дивизии с батареей и тремя сотнями, вечером 24 августа сосредоточил остальные свои войска к Боготу. По дороге к Боготу, следуя в авангарде, Скобелев с двумя сотнями и четырьмя орудиями произвел еще разведку к стороне Плевны по Ловчинскому шоссе, для чего, заняв цепью казаков первый гребень Зеленых гор, лично пробыл на вершине Рыжей горы, у д. Брестовец, около получаса и успел заметить некоторые изменения, происшедшие в расположении войск и укреплений турок после боя 18 июля.

В д. Порадим прибыли 20 осадных орудий и 1-я бригада 3-й пехотной дивизии. 24 августа императорская главная квартира перешла в с. Чаушка-Махала, а главная квартира главнокомандующего — в д. Радиненец, в 6 верстах западнее Болгарени. Штаб генерала Зотова оставался в Порадиме.

Осман-паша создал на высотах, окружавших Плевну с трех сторон, настоящий укрепленный лагерь из целого ряда опорных пунктов усиленного профиля, связанных между собой на многих участках непрерывными траншеями и окопами, иногда расположенными в несколько ярусов. На участке между Гривицким и Радишевскими ручьями опорные пункты были в две линии; только на северо-западе от города совсем не было укреплений. В частности, разделив все плевненские турецкие позиции на четыре фронта, мож-

но обозначить наиболее сильные укрепления в таком порядке:

1) Северный фронт — на линии Опанец — Гривица, длина 11 верст; на левом фланге, на Опанецком плато — два редута и батарея, обстреливавшая мост через Вид на Софийском шоссе; на правом фланге — Гривицкие редуты № 1 и 2; в версте перед ними траншея, фронтом на восток; между Опанецкими и Гривицкими редутами — несколько батарей, соединенных сплошной траншеей вдоль гребня Янык-баир;

2) Восточный фронт — между Гривицкими редутами и Тученицким оврагом, длина 7 верст; в первой линии редуты Чорум-Табия, Ибрагим-Табия (выдвинутый вперед исходящим углом) и Омар-бей-Табия; во второй линии редут Иштиат-Табия, люнет Атуф-Табия и редут Араб-Табия;

3) Южный фронт — между Тученицким оврагом и д. Кришин, длина 4 версты; около самого города Скобелевские (так нами названные) редуты № 1 и 2, соединенные траншеей; к северу от д. Кришин — редуты Юнус-бей-Табия, Таль-Ат-Табия, Милас-Табия и Баглар-баши;

4) Западный фронт, обращенный к р. Вид, был прикрыт этой рекой и обрывами ее правого берега.

Осман располагал 49 батальонами, семью эскадронами регулярной кавалерии, восьмью эскадронами Салоникской конной милиции, 1500 черкесами и 11 батареями; всего 29 400 штыков, 3000 сабель и 70 полевых орудий. В штабе Западного отряда численность турецких войск была перувеличена и считалась в 110—130 таборов при 120—150 орудиях.

В состав Западного отряда к 25 августа входили следующие войска: 9-й и 4-й корпуса с их артиллерией и кавалерией, 2-я пехотная дивизия с ее артиллерией, 3-я стрелковая бригада с батареей, один драгунский и четыре казачьих полка в составе 26 эскадронов и сотен, Кавказская казачья бригада, 3-й саперный батальон и 20 осадных орудий. Всего 62 батальона, 56 эскадронов и сотен, 20 осадных и 296 полевых орудий. Боевой состав, считая в батальоне 750 штыков, а в эскадроне 100 всадников, — 46,5 тысячи штыков и 5600 сабель при

316 орудиях. К 26 августа силы турок были распределены для обороны так:

<i>Оборона</i>	<i>Число батальонов</i>	<i>Орудий</i>
Оланецких укреплений	2	6
Позиций между Гривицей и Буковлеком	10	15
Восточного фронта, кроме редута Иштиат	12	18
Редута Иштиат-Табия с резервом	7	14
Южного фронта	10	11

В общем резерве, у восточной окраины города, за редутот Иштиат, стояли восемь батальонов с шестью орудиями. Кавалерия наблюдала за Западным и отчасти за Южным фронтами.

(Доукомплектован после понесенных потерь в боях 8 и 18 июля.)

На правом фланге — румынская армия: 4-я дивизия — у Вербицы, 3-я — у Колесовата и резервная — у Бресляницы.

Центр: 9-й корпус — у д. Сгаловец, а 2-я бригада 31-й пехотной дивизии с двумя батареями — на Плевно-Болгаренском шоссе, у перекрестка дороги из Коюловцы в Сгаловец; 4-й корпус — у д. Пелишат, а 16-я пехотная дивизия на дороге в Богот; кавалерия Лошкарева — у д. Коюловцы.

На левом фланге: отряд князя Имеретинского — у д. Богот.

3-й саперный батальон — в Сгаловце; осадная артиллерия — в Порадиме; Донская казачья бригада полковника Чернозубова — у Слатины, между Плевной и Ловчей; отделение полевого инженерного парка — в Порадиме; временный артиллерийский склад — в Болгарени.

Румынская армия: 3-я и 4-я пехотные дивизии, резервная пехотная дивизия, три бригады кавалерии, два эскадрона жандармов и один саперный батальон; боевая сила: 29 тысяч пехотников и 3000 сабель при 108 орудиях.

Русские войска должны были атаковать Южный и Восточный фронты Плевненского укрепленного лагеря, а румыны — Северо-Восточный и Северный.

Для выполнения этого к утру 25 августа войска заняли соответствующее расположение.

Согласно отданной Западному отряду 25 августа диспозиции (подписанной князем Карлом), войска должны были выступить в тот же день в 18 часов для занятия ночью наступательных позиций против турецкого расположения и, возведя ночью же батареи, с утра 26 августа открыть сильнейший артиллерийский огонь. В частности, предписывалось:

1) 9-му корпусу занять позиции между шоссе из Болгарени в Гривицу и дорогой из Пелишата в Плевну, выдвинув в боевые линии три полка и шесть 9-фунтовых батарей; корпусу надлежало возвести и вооружить батареи для 20 осадных орудий;

2) 4-му корпусу занять высоты (Артиллерийская гора) севернее Радишева, выдвинув в боевые линии три полка в шесть 9-фунтовых батарей;

3) кавалерии генерала Лошкарева (12 эскадронов, шесть сотен и 12 конных орудий) стать на Гривицком шоссе, кавалерии генерала Леонтьева (четыре эскадрона, шесть сотен и шесть конных орудий) — между Тученицей и Радишевым; бригаде полковника Чернозубова наблюдать Плевно-Ловчинское шоссе;

4) общему резерву из трех полков пехоты с тремя батареями и бригадой гусар стать впереди д. Пелишата; там же место начальника Западного отряда.

Об отряде князя Имеретинского не было сказано ничего, потому что, как объяснял полковник Новицкий, «по характеру своему род действий этого отряда принадлежит к категории тех действий, которые могут быть определены только с коня». Отряд должен оставаться у Богота — за левым флангом 4-го корпуса.

Румынская армия получила особую диспозицию, согласно которой 4-я дивизия, выступив в 6 часов вечера, должна была выдвинуть свою артиллерию на высоту северо-восточнее д. Гривицы, где окопаться и войти в связь с правым флангом 9-го корпуса.

В общем все войска выполнили в точности диспозицию; только 4-я Румынская дивизия сбилась ночью с пути, опоз-

дала и не успела окопаться. Осадные батареи были сооружены: 8-орудийная — на хребте в полутора верстах к юго-востоку от д. Гривицы¹; 12-орудийная — на Великокняжеской высоте, в 3 верстах южнее д. Гривицы².

Итак, к рассвету 26 августа русско-румынские войска выставили в готовности открыть бомбардировку 20 осадных, 96 9-фунтовых и 36 румынских орудий.

Описываемое сражение должно быть разделено на два периода: 1) бои с 26 по 29 августа включительно, во время которых велась исключительно артиллерийская подготовка атаки; только начиная с 27 августа войска, находившиеся под командой Скобелева, вели частью наступательный, а частью оборонительный бой на Зеленых горах; 2) бои 30 и 31 августа, состоявшие в штурме 30 августа открытой силой Плевненского укрепленного лагеря и в тщетных одиночных усилиях 31 августа героя Скобелева закрепить одержанную им накануне решающую победу над Османом, т. е. удержать взятые Скобелевские редуты № 1 и 2.

Первый период сражения. 26 августа бомбардировка начиналась в 6 часов утра залпом с 12-орудийной осадной батареи. По первому выстрелу Александр II прибыл на Великокняжескую гору, ознакомился с расположением турецких позиций и наблюдал бомбардировку. Затем, в сопровождении главнокомандующего и князя Карла, он посетил правый фланг и до вечера оставался на поле сражения, после чего отбыл в д. Радиненец, куда перешла императорская главная квартира.

Бомбардировка продолжалась до наступления темноты; турки сперва отвечали из своих орудий очень энергично, но к вечеру их огонь ослабел, что и дало повод к предложению

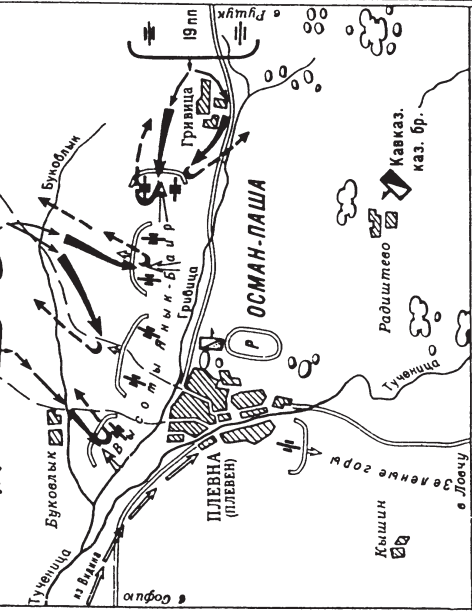
¹ Она превалировала над Гривицкими редутами на 150 футов и над турецкими укреплениями Восточного фронта — до 250 футов; расстояние до редуты: Гривицкого № 1 и Ибрагим-бей-Табия — 1800 сажень.

² Возвышалось на 300 футов над турецкими укреплениями Восточного фронта; расстояние от редуты: Ибрагим-бей-Табия — 1000 и Омар-бей-Табия — 2500 сажень.

ПЕРВАЯ АТАКА ПЛЕВНЫ 8(20) ИЮЛЯ 1877 Г.

2 0 2 4 км

9 Донской каз. п
ШИЛЬДЕР-ШУЛЬДЕР
17 пп
18 пп
Опанец
Вирбница
Кавказ. каз. бр.
Тучерица
Букволык
Грианица
ОСМАН-ПАША
ПЛЕВНА (ПЛЕВЕН)
в Софито
в Ловчу
Земные горы
Кышиш
Радитшево
Тучерица
Кавказ. каз. бр.

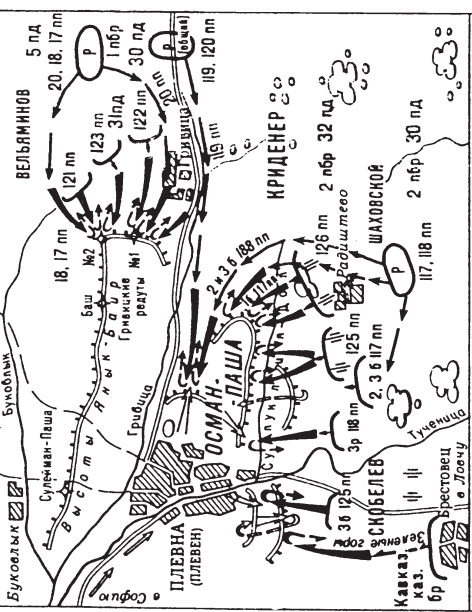

- Положение войск сторон перед атакой:
- русских
 - турецких
 - Направления ударов и отход русских войск
 - Контрудары турецких войск

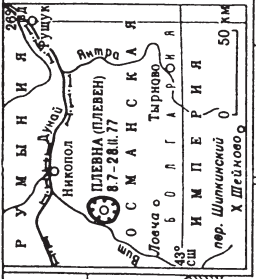
ВТОРАЯ АТАКА ПЛЕВНЫ 18(30) ИЮЛЯ 1877 Г.

2 0 2 4 км

9 Букский каз. п
ЛОШАРЕВ
9 Донской каз. п
Вирбница
Букволык
Бурчан-Паша
Вельяминов
ОСМАН-ПАША
ПЛЕВНА (ПЛЕВЕН)
в Софито
в Ловчу
Земные горы
Кавказ. каз. бр.
Тучерица
Бестовец
Радитшево
Тучерица
Кавказ. каз. бр.

- Положение русских войск перед атакой
- Оборонительные рубежи и результаты турецких войск
 - Направления ударов и отход русских войск
 - Контрудары турецких войск

ТРЕТЬЯ АТАКА ПЛЕВНЫ 26-31 августа (7-12 сентября)
1877 г.

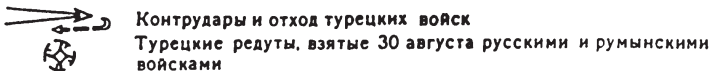
2 0 2 4 км

Положение войск сторон перед атакой:

Направления ударов:

на вечернем совещании у генерала Зотова произвести штурм с рассветом следующего дня. Однако огромное большинство начальников высказалось против, и было решено 27 августа продолжать обстреливание укреплений, а штурмовать их только 28-го.

27 августа в 8 часов 3-я румынская дивизия подошла к Северному фронту турок и выдвинула на северный скат Буковлекской долины пять батарей, открывших огонь по укреплениям Янык-баира и Гривицким редутам. 4-я румынская дивизия после полудня атаковала турецкую передовую трашею впереди Гривицких редутов и легко ею овладела, с потерей 129 человек. Батареи 9-го корпуса выдвинулись вперед и приблизились на расстояние до 1000 сажен к редутам Восточного фронта турок. В этот день обстреливание продолжалось до 19 часов 30 минут, а на ночь было приказано всем батареям производить лишь по одному выстрелу в час, с целью воспрепятствовать туркам производить ремонт укреплений.

Генерал Зотов приказал князю Имеретинскому «направиться по Плевно-Ловчинскому шоссе и левее его и занять высоты южнее Плевны (Зеленые горы)», выслав полк Кавказской бригады для охранения пространства между Плевной и Ловчей. Время и способ действий предоставлялись всецело на усмотрение начальника отряда. Князь Имеретинский разделил свой отряд на два эшелона:

1) под командованием генерала Скобелева — Калужский и Эстляндский полки, 9-й и 10-й стрелковые батальоны, 3,5 пешие батареи, шесть сотен владикавказцев, три сотни донцов и донская батарея № 8; всего восемь батальонов, 36 пеших орудий, девять сотен и шесть конных орудий;

2) под командованием генерала Добровольского — Либавский и Ревельский полки, пять пеших батарей, 11-й и 12-й стрелковые батальоны и одна сотня; всего восемь батальонов, одна сотня и 40 пеших орудий.

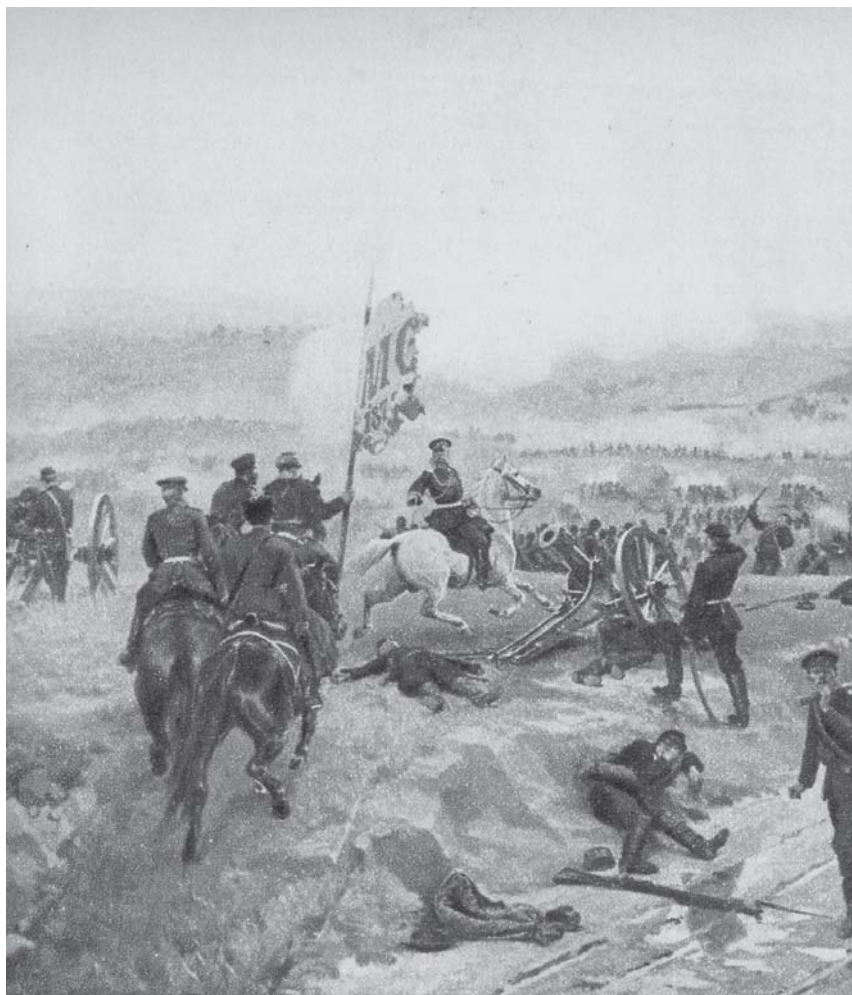
Кубанский полк был направлен к стороне Ловчи.

Скобелев выступил из Богота в 6 часов и скрытно вышел на шоссе к Рыжей горе; 2-й эшелон стал в резерве у д. Учин-Дол. Владикавказский полк, оттеснив черкесов,

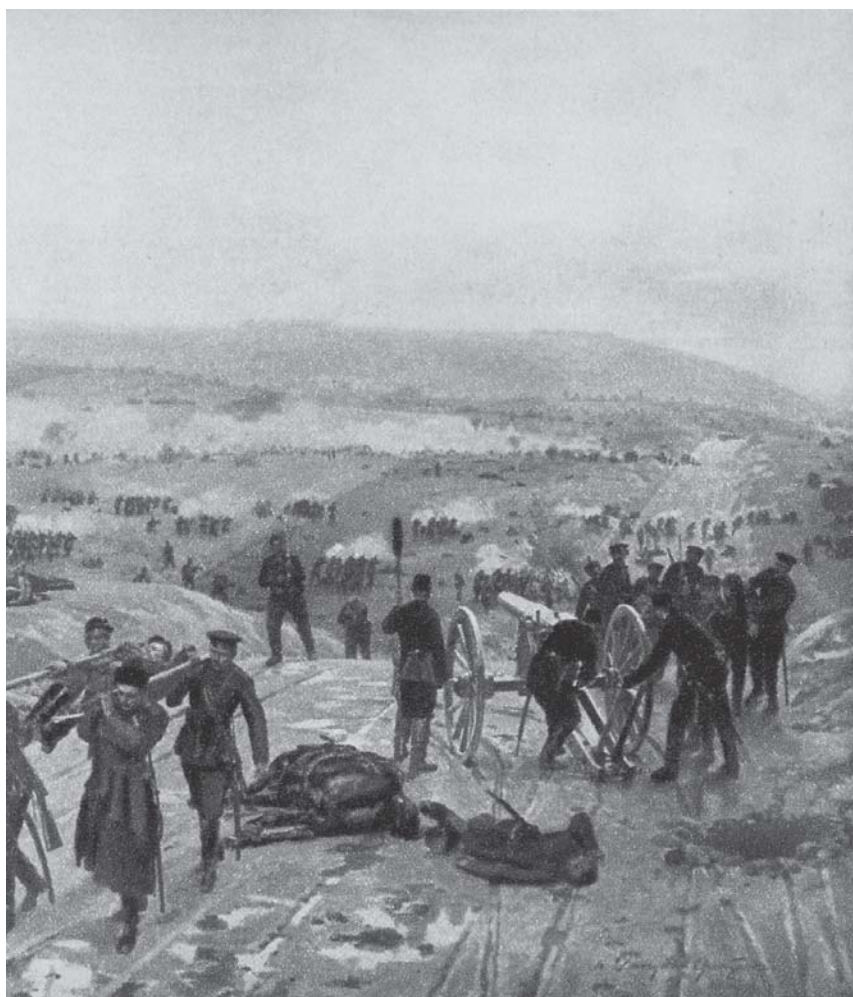
занял цепью 1-й гребень и д. Брестовец, куда вошел и батальон ревельцев. Скобелев приказал привести окраину деревни в оборонительное состояние и построить на Рыжей горе ложементы на 20 орудий, которые и были заняты 2,5 батареями около 11 часов. Несмотря на непрерывный огонь турецких орудий из укреплений, мы понесли ничтожные потери. В 15 часов Скобелев приказал Калужскому полку занять 2-й гребень и укрепиться на нем, обратив особенное внимание на свой левый фланг, которому угрожало наступление турок со стороны редута Юнус-бей. Два батальона калужцев лихо отбросили турецкую цепь стрелков с 2-го гребня, но, увлекшись успехом, продолжали атаку и захватили 3-й гребень, совершенно отдалившись от резервов.

Осман-паша, обеспокоенный успехами Скобелева, выслал на подкрепление три батальона, которые вместе с войсками, оборонявшими Скобелевские редуты, перешли в контратаку и, нанеся огромные потери калужцам, оттеснили их назад. Скобелев прикрыл отход резервами и действием артиллерии; тому же способствовали и три батареи 4-го корпуса; дальнейшее наступление турок было остановлено, и 2-й гребень вечером остался за нами. Хотя Скобелев и имел успех, но потери были весьма серьезны: всего до 900 человек, а в Калужском полку — 681. Князь Имеретинский обещал с рассветом поддержать Скобелева Ревельским полком (Калужский был отведен ко второму эшелону) и предложил ему, если возможно, удерживать занятую позицию.

Вновь сформированному сводному кавалерийскому отряду генерала Лошкарева (28 эскадронов, шесть сотен и 18 конных орудий; в том числе 18 эскадронов и шесть орудий румынских), ставшему на ночлег в Рыбине, было приказано 27 августа перейти р. Вид и энергично наступать к Дубняку, что на Софийском шоссе, и вообще угрожать туркам, действуя на их сообщения. Отряд подошел к 11 часам к Трестенику, а в 13 часов 45 минут беспрепятственно занял Дольний Дубняк. Около 16 часов до 1500 турецких конников начали наступление, но были опрокинуты и преследуемы нашими уланами. Отряд остался на ночлег у Дольнего Дубняка и Дольнего Метрополя, не установив связь с кавалерией князя Имеретинского.

Атака Зеленых гор 27 августа 1877 г.
С картины Н. Дмитриева-Оренбургского

Александр II провел весь день на поле сражения, сперва на перевязочном пункте и у главного резерва в д. Пелишат, а затем следил за бомбардировкой с высот у д. Гривицы.

Вечером 27 августа, согласно написанному в официальной «Истории войны», «предположенный на 28 августа штурм откладывался еще на некоторое время; это решение было принято под влиянием боя на Зеленых горах». Казалось бы, наоборот, успех, достигнутый Скобелевым, мог только побудить высшее командование к более решительным действиям.

Ввиду того, что штурм был отложен, Скобелев, предвидя, что турки сами перейдут против него в наступление, еще ночью отвел свои войска со 2-го гребня на 1-й и занял здесь более сильную позицию, упираясь левым флангом в д. Брестовец, а правым в Тученицкий овраг, на которой и окопался. В 5 часов 30 минут турки произвели атаку, но она была легко отбита огнем одних боевых частей — тремя батальонами эстляндцев. В 8 часов турки повторили атаку гораздо более энергично и залегли в 200 шагах от нашей позиции. Тогда Скобелев направил из резерва две роты 10-го стрелкового батальона, которые, выйдя Тученицким оврагом, ударили в левый фланг турок; заслышав клики «ура» стрелков, эстляндцы также двинулись вперед. В 9 часов турки были опрокинуты и отброшены к Плевне, причем наши потери были ничтожны. После этого турки более не тревожили Скобелева.

Кавалерия генерала Лошкарева продолжала бездействовать на Софийском шоссе у Дольнего Дубняка. И в этот день связь с левым флангом Западного отряда установлена не была.

Генерал Зотов опять, вследствие неэнергичных попыток Османа перейти в наступление против отряда Скобелева, пришел к заключению, что нужно отложить штурм. Он приказал на следующий день, 29 августа, лишь «овладеть высотой, командующей Плевной с южной стороны, именуемой 3-м гребнем».

Для усиления отряда князя Имеретинского в его распоряжение были посланы 1-е бригады 16-й пехотной и 4-й кавалерийской дивизий. Князь Имеретинский для выполнения поставленной задачи предоставил в распоряжение Скобеле-

ва почти все свои войска — 14 батальонов, пять батарей и всю кавалерию. После полудня Скобелев двинул для занятия второго гребня Эстляндский полк и 10-й стрелковый батальон, которые после легкой перестрелки расположились на гребне; тотчас приступили к укреплению позиции, простирившейся от Тученицкого оврага к д. Кришину, невдалеке от которой левый фланг загибался назад. Позиция находилась под косым обстрелом справа и слева из турецких редутов. Донеся в 16 часов князю Имеретинскому о занятии 2-го гребня, Скобелев тогда же решил не продолжать атаку для овладения 3-м гребнем по следующим, совершенно правильным соображениям:

1) дальнейшее наступление втянуло бы в бой все войска и повело бы к израсходованию их до решающего момента общего штурма;

2) позиция на 3-м гребне обстреливалась еще сильнее, чем на 2-м, с фронта и флангов; поэтому держать на них войска открыто было невозможно, а для производства соответствующих саперных работ не было шанцевого инструмента.

Действительно, и на 2-м гребне люди только ночью получили благодаря стараниям начальника штаба отряда полковника Паренсова до 100 лопат и лишь к рассвету могли закончить постройку весьма неудовлетворительных траншей на 14 рот и ложементов на 14 орудий.

Кавалерия генерала Лошкарева весь день держалась у Дольнего Дубняка и также бездействовала. Равным образом и вступивший в командование многочисленной кавалерией князя Имеретинского (до 25 эскадронов и сотен) генерал Леонтъев и не подумал попытаться войти в связь с кавалерией Лошкарева.

Собственно артиллерийская подготовка, в смысле разрушения турецких укреплений, была весьма малодейственна. Тем не менее на совете старших начальников было решено произвести штурм 30 августа.

Второй период сражения. Для боя 30 августа были отданы две отдельные диспозиции: одна для Западного отряда, подписанная только генералом Зотовым, и другая для ру-

мынской армии, подписанная только князем Карлом. Согласно этим диспозициям, пунктами атаки были назначены: на правом фланге — Гривицкие редуты¹, в центре — укрепления, лежавшие вокруг редута Омар-бей-Табия², и на левом фланге — Скобелевские редуты³. Все три пункта находились на фронте протяженностью около 9 верст. Войска для атаки были распределены следующим образом:

1) правый фланг — атака Гривицких редутов: 40 батальона Румынской армии и шесть батальонов бригады 9-го корпуса; всего 48 батальонов силой в 30 тысяч штыков против турецких десяти батальонов — 6000 штыков;

2) центр — атака на редут Омар-бей-Табия: 12 батальонов 4-го корпуса; в частном резерве шесть батальонов 9-го корпуса и три батальона Староингерманландского полка; всего 21 батальон силой 16,8 тысячи штыков против турецких 20 батальонов силой 12 тысяч штыков (из этих турецких сил часть была переведена против Скобелева); на самом деле в атаке принимали участие только 15 батальонов, но с поддержкой одного полка из главного резерва; всего 18 батальонов силой 14,4 тысячи штыков;

3) левый фланг — атака на Скобелевские редуты: семь батальонов отряда князя Имеретинского и шесть батальонов 4-го корпуса; всего 13 батальонов с поддержкой девяти батальонов из резерва князя Имеретинского; итого 22 батальона силой не более 15 тысяч штыков ввиду понесенных частями потерь под Ловчей и в предшествующие четыре дня на Зеленых горах; у турок 19 батальонов силой 11,4 тысячи человек, усиливаемых Османом из своего центра;

4) специальное прикрытие артиллерии — шесть батальонов 9-го корпуса;

¹ В штабе Западного отряда считали, что был только один Гривицкий редут, так как с юга редут № 1 закрывал редут № 2.

² В диспозиции было сказано: «...атаковать неприятельские укрепления, находящиеся впереди батарей левого фланга 4-го корпуса».

³ В диспозиции сказано: «...атаковать неприятельский укрепленный лагерь, прикрывающий город Плевно со стороны Ловчинского шоссе».

5) главный резерв — три батальона 9-го корпуса и шесть батальонов 4-го корпуса, всего девять батальонов — должен был направиться за центром.

Итого 64 русских и 42 румынских батальона — всего 108 — против 49 турецких батальонов.

Обращает на себя внимание, что главный руководитель боя генерал Зотов сам признавал «укрепления, прикрывавшие Плевну со стороны Ловче-Плевненского шоссе, стратегическо-тактическим ключом лагеря», но именно для их атаки назначил совсем недостаточное количество сил.

Предполагалось с рассветом открыть самую усиленную бомбардировку и продолжать ее до 9 часов; затем сделать перерыв до 11 часов и возобновить огонь до часа, после чего перемежать тактику с перерывом с возобновлением огня до подхода штурмующих колонн к целям; таким порядком предполагалось ввести турок в заблуждение. Начало штурма на все три намеченных пункта назначено на 15 часов.

29 августа начался дождь, продолжавшийся всю ночь и во все время боя, отчего движение пехоты стало в высшей степени затруднительным.

Артиллерия открыла огонь с рассветом, а в 11 часов 30 минут на высоты западнее Гривицы прибыл император с главнокомандующим и весь день наблюдал за ходом боя.

Атака на Гривицкие редуты. 3-я румынская дивизия должна была атаковать Гривицкий редут с севера двумя колоннами: левая — четыре батальона — и правая — три батальона. 4-я дивизия должна была атаковать с востока и имела для штурма всего четыре батальона. Четырнадцать батальонов обеих дивизий были назначены в резерв, за которым располагалась и 3-я резервная дивизия. Из этого видно, насколько не проявил энергии в самом начале боя князь Карл; впрочем, он заранее был уверен в неудаче.

Румыны, как и русские, предполагали иметь дело только с одним, а не с двумя редутами. Левая колонна 3-й дивизии, двинувшись в 15 часов, выбила из траншей турок и очутилась перед редутом № 2; она пробовала его штурмовать и даже заняла наружный ров, но, потеряв около 1200 человек,

отступила в полном расстройстве. Правая колонна ограничилась демонстративным развертыванием на высотах к северу от Буковлекского оврага и тоже отошла.

Наибольшую энергию проявил начальник 4-й дивизии полковник Ангелеско, который атаковал в 15 часов; турки подпустили румынов без выстрела на 200 шагов и только тогда открыли убийственный огонь; однако румыны бросились в штыки и заняли ров редута, но вследствие отсутствия поддержки вынуждены были отойти. Несмотря на то что ни князь Карл, ни генерал Чернат не согласились поддержать Ангелеско, он в 16 часов вторично пытался атаковать, но также неудачно.

В 1-й бригаде 5-й пехотной дивизии, назначенной для содействия атаке румынов, сперва было выделено только два батальона архангелогородцев для непосредственной атаки редута с юго-востока, а остальные четыре батальона должны были лишь обеспечивать защиту левого фланга. Однако когда началось наступление, то по мере приближения к цели атаки в боевую часть влились сперва четыре, а потом и все шесть батальонов.

Около 18 часов генерал Родионов решил, сосредоточив все батальоны, взять редут. Три батальона архангелогородцев и один вологодцев стремительно ударили на редут с трех сторон; несмотря на огонь и размокшую, скользкую почву, они ворвались в редут и перекололи всех не успевших спастись его защитников.

Одновременно в нашей атаке принял участие и полковник Ангелеско; одним из первых пал при штурме командир Архангелогородского полка полковник Шлиттер. В 19 часов редут нами был окончательно захвачен; командир Вологодского полка с двумя своими батальонами отразил атаки турецких резервов и даже захватил временно их лагерь. К ночи в редут прибыла команда саперов, и его начали приспособлять к обороне. Три ночные попытки турок вновь овладеть редутом были отражены огнем и штыками. 1-я бригада 5-й пехотной дивизии потеряла одного генерала, 21 офицера и 1009 нижних чинов; 4-я румынская дивизия потеряла 27 офицеров и 1300 нижних чинов.

Атака на редут Омар-бей-Табия. Для штурма были назначены 2-я бригада 16-й пехотной дивизии (полки Углицкий и Казанский) и 1-я бригада 30-й пехотной дивизии (полки Ярославский и Шуйский), под начальством командующего 30-й пехотной дивизии генерал-майора Шнитникова. Углицкий полк назначался для атаки редута Омар-бей, Казанский — для атаки траншеи, ведущей от редута к Тученицкому оврагу; остальные два полка составляли резерв.

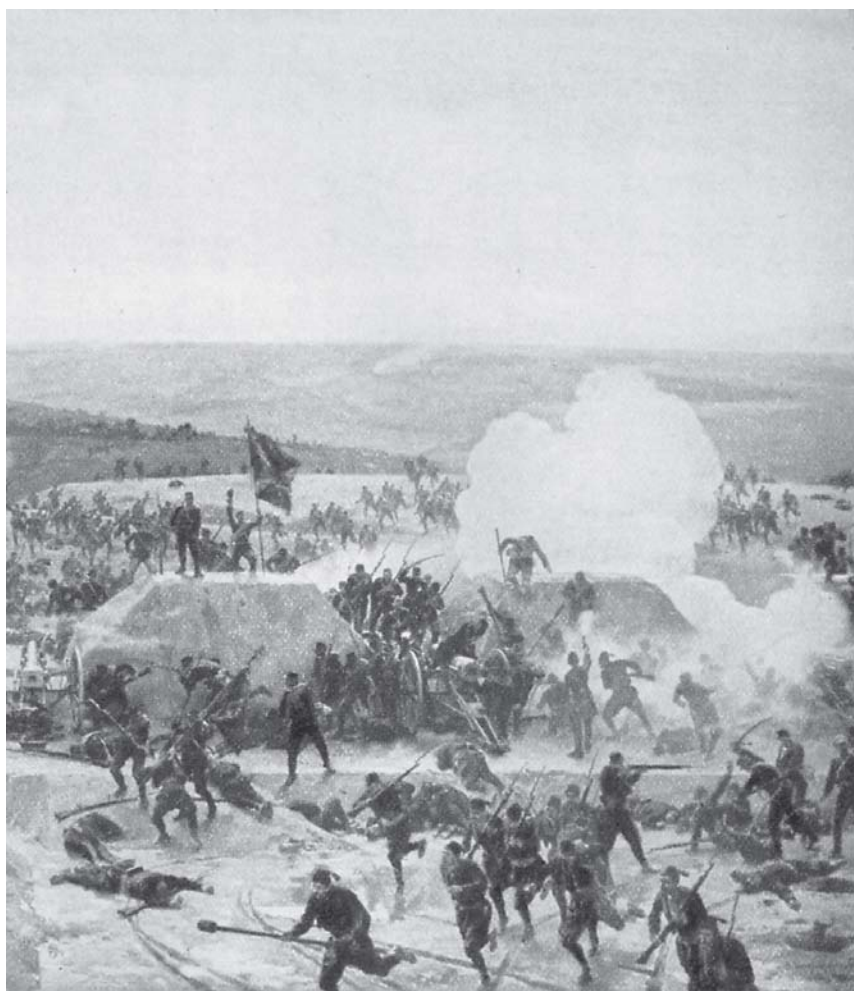
Все полки должны были занять места против пунктов атаки в 14 часов, т. е. за час до начала штурма, ввиду необходимости согласовать действия с левым флангом, где бой шел с утра, полки выстроили боевой порядок к 11 часам. Штурм был начат по недоразумению гораздо ранее 15 часов и состоял из четырех последовательных атак: 1) атака Углицкого и Ярославского полков, 2) атака Казанского и Шуйского полков, 3) атака Воронежского полка и 4) атака Галицкого полка. Около полудня начальник штаба 16-й пехотной дивизии полковник Тихменев приказал одному батальону Углицкого полка продвинуться вперед для прикрытия артиллерии; это движение было принято остальными ротами полка за начало штурма, и полк пошел в атаку. Едва полк стал спускаться с Артиллерийской горы, как турки открыли по нему орудийный и ружейный огонь. Потеряв всех батальонных и большую часть ротных командиров, полк приостановился и начал отступать.

Командир Ярославского полка двинул свой полк вслед за угличанами, но его цепи поравнялись с последними, когда они уже начали отходить; продержавшись некоторое время под убийственным фланговым огнем, ярославцы также отступили. Казанский полк пошел в наступление ровно в 15 часов на намеченную ему цель — траншею западнее редута. Полк, несмотря на жестокие потери, ударил на передовые ложементы, выбил турок и ворвался во вторую линию окопов, но, не имея поддержки и угрожаемый контратакой во фланг, был вынужден отступить.

Так же безрезультатно кончились порывы и пущенных в атаку генералом Шнитниковым в 15 часов Шуйского и в 16 часов Воронежского полков.

Взятие приступом Гривицкого редута 30 августа 1877 г.
С картины Н. Дмитриева-Оренбургского

Последняя атака притянутого из общего резерва Галицкого полка могла бы быть вполне удачна. Двинутый вперед в 16 часов 15 минут, когда, судя по отдаленным крикам «ура» в Воронежском полку, казалось, что он достиг редута, Галицкий полк беспрепятственно и без потерь прошел половину расстояния до редута и тут получил приказание не идти далее и прикрыть отступление других полков. Полк был остановлен с большим трудом; роты 2-го батальона подошли к редуту на 70 шагов, а роты 3-го батальона, пропустив отступавшие части Шуйского и Казанского полков, все-таки достигли последнего гребня перед редутом. Отойдя немного, полк в сумерках остановился в 400 шагах от редута и, оставаясь всю ночь в боевом порядке, обеспечил вынос и сбор раненых; он слегка отошел утром и окопался на позиции.

Можно с уверенностью сказать, что если бы атака Галицкого полка не была остановлена, а поддержана хоть одним свежим полком, то Омар-бей-Табия был бы взят; все внимание Османа было отвлечено блестящими действиями Скобелева, угрожавшего захватом города Плевны, и все турецкие резервы были взяты из окрестностей редута Омар-бей к Скобелевским редутам. Взятие же Омар-бей-Табии заставило бы турок отвлечь сюда свои силы ночью и утром следующего дня, а тогда Скобелев мог бы пожать настоящие плоды одержанной им победы.

Потери при атаках центра выражаются такими цифрами: в первой атаке два полка потеряли 46 офицеров и 2157 нижних чинов; во второй их атаке — 36 офицеров и 1092 нижних чина; в третьей атаке Воронежский полк — 14 офицеров и 790 нижних чинов и в четвертой атаке Галицкий полк — шесть офицеров и 188 нижних чинов. Общая потеря — 102 офицера и 4227 нижних чинов.

Атака на Скобелевские редуты. Согласно диспозиции Западному отряду, отряд князя Имеретинского был разбит на три самостоятельные части с тремя независимыми начальниками. Собственно выполнение штурма возлагалось на Скобелева (следовательно, в этом бою он уже не подчинял-

ся князю Имеретинскому) с 13 батальонами и 30 орудиями; князю Имеретинскому вменялось в обязанность только подержать Скобелева своими девятью батальонами и 24 орудиями; начальник кавалерии генерал Леонтьев (25 эскадронов и сотен) получил задачу прикрывать левый фланг и действовать наступательно по направлению к Софийскому шоссе, войдя в связь с кавалерией генерала Лошкарева у Дубняка.

Скобелевские редуты представляли собой как бы куртину бастионного фронта турок, обращенного на юг, вместе с вершинами бастионов в редутах Юнус-бей и Омар-бей; таким образом, наступая прямо на них, атакующий попадал под сильнейший огонь с фронта, флангов, а затем и с тыла; однако Скобелев решил атаковать прежде всего именно эти редуты по следующим, безусловно верным соображениям:

- 1) он входил своим правым флангом в непосредственную связь с атакующими войсками центра, направленными на редут Омар-бей, и при их успехе его атака была бы обеспечена;
- 2) он не располагал достаточными силами, чтобы одновременно атаковать и группу Кришинских четырех редутов;
- 3) прорывом обороны посредством взятия Омар-бей-Табия и Скобелевских редутов войска центра и Скобелева могли овладеть городом и лагерем, а тогда дальнейшее сопротивление турок стало бы невозможным, и отрезанные укрепления Кришинской группы не могли быть обороняемы турками.

Перед штурмом редутов Скобелеву было необходимо прочно овладеть 3-м гребнем Зеленых гор, для чего были назначены Владимирский полк и 10-й стрелковый батальон.

Оборона атакованного Скобелевым участка была возложена на Эмина-пашу с 14 батальонами, из которых четыре занимали позицию на 3-м гребне, четыре стояли в резерве у Баглар-Табии, трое — в резерве между Тученицким оврагом и редутом № 2, по одному батальону в редутах № 1 и 2 и один батальон в резерве за ними; кроме того, пять батальонов были распределены для занятия Кришинских редутов.

В 10 часов владимирцы и стрелки под прикрытием огня из 32 орудий начали наступление; четыре турецких баталь-

она, занимавшие 3-й гребень, отступили, отстреливаясь, к редутам; владимирцы горячо их преследовали; часть их ворвалась в редут № 1, а часть проникла дальше и обрезала телеграфный провод, соединявший ставку Османа с редутом Юнус-бея; затем все четыре батальона собрались на 3-м гребне и приготовились к обороне. Моральное впечатление на турок было огромное; они начали вывозить орудия из редута Юнус-бея, но все-таки Эмин-паша решил попытаться отбить у русских 3-й гребень, для чего двинул 12 батальонов.

Несмотря на огонь наших батарей, турки стремительно подавались вперед, прикрываемые огнем со своих редутов; тогда Скобелев двинул вперед свежий Суздальский полк; к нему примкнули владимирцы и стрелки 10-го и прибывшего 9-го батальонов. Турки не выдержали решительной контратаки и побежали по склону 3-го гребня. Эмин-паша был ранен, а его войска в полном беспорядке укрылись в ближайших укреплениях и даже ушли частью в резерв Османа. Скобелев немедленно притянул еще новые резервы — Ревельский и Либавский полки и 11-й и 12-й стрелковые батальоны. Прибывший на место Эмина Рифат-паша привел войска в некоторый порядок и присоединил еще два батальона.

В 14 часов 55 минут Скобелев приказал боевой части в составе восьми батальонов начать штурм. Войска двинулись с музыкой и барабанным боем: владимирцы на редут № 1, суздальцы на редут № 2 и соединительную траншею; стрелки прикрывали правый фланг и поддерживали суздальцев. Турки встретили атаку фронтальным огнем и фланговым из четырех Кришинских редутов, а с востока — из редутов Араб-Табии и Омар-бея. Достигнув Зеленогорского ручья, части остановились. Нужно было придать им энергии, и Скобелев немедленно влил свой ближайший резерв. Ревельский полк двинулся как на учении, перешел Зеленогорский ручей и начал подниматься на крутой скат, увлекши за собою и другие части. Однако, дойдя до половины ската, войска вновь залегли и остановились, а большая часть суздальцев, владимирцев и стрелков, не поднявшихся из оврага, начала отходить назад.

В эту критическую минуту Скобелев уже знал, что атака нашего центра не удастся, и, следовательно, он со своими

войсками лез прямо в мешок или ловушку, но его вера в свои силы и силы командуемых им войск была слишком велика, чтобы он мог повернуть назад; поэтому он не колеблясь влил свой последний резерв целиком, приказав Либавскому полку и 11-му и 12-му стрелковым батальонам также идти в атаку. Свежие части вновь подтолкнули движение, но в то же мгновение кризис усложнился наступлением из Плевны турецких подкреплений, ударивших во фланг русским. Уже на правом фланге завязался штыковой бой, а центр и левый фланг начали приостанавливаться. У Скобелева, не имевшего более ни одного штыка резерва, оставалось одно средство — своим личным примером воодушевить изнемогавших бойцов.

Дав шпоры коню, он карьером помчался с 3-го гребня в передовые линии. Его картинное появление было замечено войсками. Подобно электрической искре, оно зажгло их сердца. Бросившись с неудержимым порывом вперед, перемешавшиеся люди разных частей ворвались в передовые окопы, и в 4 часа 25 минут редут № 1 был взят. Произошла жестокая рукопашная схватка. Много турок было перебито, а остальные отступили к лагерю, в 300 саженях к северу, и, рассыпавшись на гребне перед ним, открыли огонь. Тотчас же начали стрельбу по редуту и все Кришинские укрепления, а затем турки произвели три атаки, с севера, запада и востока, но все они были отбиты нашим огнем и контратаками.

Одновременная наша атака на редут № 2 была отбита; атаковавшие войска отошли частью в лощину к югу, частью в редут № 1.

Скобелев переехал опять на 3-й гребень и организовал подготовку вторичной атаки на редут № 2, для чего приказал обстреливать его артиллерией, а затем, получив в подкрепление три сборные роты из людей, собранных в тылу, под начальством подполковника Суздальского полка Мосцевого, направил их в атаку. Поддержанный атакой войск из редута № 1, Мосцевой взял около 6 часов и редут № 2. Командантами редутов были назначены: № 2 — Мосцевой, а № 1 — майор Горталов.

Взятие Скобелевских редутов произвело панику в турецких войсках; беглецы искали спасения в городе, разных

укреплениях и даже в главной квартире Османа-паши. Наш блестящий успех, одержанный меньшими силами против больших неприятельских, поддержанных огнем всего Южного фронта турок, требовал самого энергичного развития, но Скобелев оказался совершенно одиноким в своем боевом порыве и, вполне поняв эту печальную обстановку, принял все зависевшие от него меры для закрепления своей блистательной победы. Ночью в редут № 1 были доставлены два орудия, и бойцы в глубокой тьме рыли траншеи и приспособляли редуты; конечно, вследствие отсутствия шанцевого инструмента окопные работы были отнюдь не совершенны. Вскоре после того как были отбиты две попытки турок в 11-м часу атаковать редуты, войскам доставили патроны, сухари и воду. Сам Скобелев провел ночь, мечась между редутами и позицией 3-го гребня, где с двумя батальонами эстляндцев и 1000 бойцов, собранных им из разных частей, обеспечивал защиту редутов от атаки с юга. Чтобы поддержать боевую готовность, он в течение ночи несколько раз обходил войска, делал расчет и посылал сильные патрули.

Прибывшему около полуночи адъютанту главнокомандующего Скобелев разъяснил положение дела и представил письменную просьбу о подкреплении если и не для развития успеха, то хотя бы для удержания взятого с бою.

Рано утром 31 августа пришло приказание главнокомандующего князю Имеретинскому и Скобелеву: «Укрепить на занятых позициях вперед до особого приказания, но подкрепления не ждать за неимением их».

Вечером Осман-паша получил донесение о критическом положении западных укреплений. Потеря Скобелевских редутов разделяла турок на две части и открывала русским доступ к Плевне; при этом нравственные и физические силы турецких войск были надломлены. Осман решил ради спасения Плевны обрушиться с утра на Скобелева с 15—20 батальонами, ослабив оборону на всех остальных позициях.

Что касается действий кавалерии, то генералы Лошкарев и Леонидов бездействовали: первый у Дольного Дуб-

няка, а второй у д. Брестовец; они ограничились установлением между собой связи, выслав каждый по одному разъезду.

Действия 31 августа. Все русско-румынские войска оставались на местах и к активным действиям не переходили; некоторые батареи вели огонь по турецким укреплениям. В 8 часов утра турки произвели атаку на Гривицкий № 1 редут, отбитую огнем Архангелогородского, Вологодского и Селенгинского полков при содействии артиллерии. Вечером редут был передан румынам, но, по просьбе князя Карла, в нем остались две русские роты.

Генерал Зотов не нашел возможным поддержать Скобелева, и только благодаря собственной инициативе последнему удалось получить весьма ослабленный предшествующим боем Шуйский полк. В 9 часов утра, когда бой на Зеленых горах был в полном разгаре, ординарец Скобелева просил у генерала Крылова, командовавшего 4-м корпусом, подкрепления, и Крылов тотчас послал Шуйский и Ярославский пехотные полки, но генерал Зотов приказал «немедленно вернуть посланные на выручку войска ввиду опасного положения артиллерии 4-го корпуса». Генерал Крылов отказался исполнить это приказание, и Шуйский полк успел перейти за Тученицкий овраг; тогда Зотов лично отправил ярославцев в общий резерв.

К рассвету 31 августа Скобелевские редуты с траншеями были заняты двумя батальонами эстляндцев и сборными командами всех частей 2-й дивизии и 3-й стрелковой бригады. В резерве за 3-м гребнем у Скобелева были одна рота эстляндцев, два сборных батальона и две с половиной сотни. К Тученицкому оврагу и против редута Юнус-бея были выдвинуты цепи из сборных команд. В распоряжении князя Имеретинского оставались артиллерия, Калужский полк и две с половиной роты либавцев.

Наша передовая позиция (редуты с траншеями), а равно и сообщения ее с 3-м гребнем обстреливались с флангов и тыла. Против турецкой артиллерии Скобелев выдвинул на 3-й гребень 10 орудий. Надо отметить, что в батареях много орудий не действовало и не хватало снарядов.

В седьмом и девятом часу турки произвели две атаки на редут № 1 со стороны редута Баглар-паши, но обе были отбиты огнем с передовой позиции и выдвинутых из резерва стрелков на северный склон 3-го гребня. Тогда турки начали подготавливать свою третью атаку с фронта и против левого фланга. Двенадцать полевых орудий резерва Османа от редутов Баглар-паши и Араб-Табии обстреливали продольным огнем всю передовую позицию.

В 10 часов 30 минут турки двинулись весьма энергично. Защитники редутов под губительным огнем сперва поодиночке, а потом кучками начали оставлять укрепления. Тогда Скобелев, как и накануне, бросился навстречу отступавшим, увлек их своим личным примером мужества и успел водворить порядок в редутах. Третья атака была отбита.

В это время адъютант главнокомандующего привез Скобелеву записку генерала Зотова: «По приказанию великого князя, если вы не можете удержаться на занятых вами позициях, то начните, но по возможности отнюдь не ранее вечера, медленное отступление к Тученице, прикрываясь конницей Леонтьева. Сообщите это приказание Его Императорского Величества князю Имеретинскому. Держите все это в великом секрете, а в том, что вы поймете и сумеете сделать должное, сомнения нет. Гривицкий редут у нас в руках, но продолжать наступление не с чем, а потому решено медленное отступление». Эта записка показывает, что верхи командования сильно упали духом, а также обрисовывает полное доверие к Скобелеву в критические минуты.

Скобелев все еще надеялся на какую-нибудь благоприятную перемену обстановки и решил продолжать оборону. Но турки уже окончательно убедились в бездействии наших войск восточнее Тученицкого оврага и, не стесняясь, сосредоточивали свои войска против Скобелева. Последнему удалось отразить их атаку с востока в тыл 3-му гребню, но положение защитников редутов ухудшалось с каждой минутой: потери все увеличивались и помощи не предвиделось; кругом лежали тысячи убитых и раненых. Два орудия, стоявшие в редуте № 1, были подбиты; Скобелев приказал заменить их тремя орудиями 5-й батареи 3-й артиллерийской

бригады и отправил подбитые орудия в тыл. Прибыли два батальона Калужского полка и несколько сборных команд; благодаря этому удалось отразить четвертую атаку турок, предпринятую в третьем часу.

Отражение четвертой атаки подействовало на турок удручающе, но на военном совете Осман настоял на попытке еще раз атаковать редуты, для чего предоставил несколько батальонов, собранных с других участков обороны. Есть сведения о том, что в случае неудачи пятой атаки Осман намеревался ночью отступить из Плевны.

Началась подготовка последней турецкой атаки, и наступило затишье. Скобелев не обрадовался этой тишине, ибо предвидел, что Осман соберет теперь все наличные силы для решительного натиска. Прибывший на поддержку Шуйский полк был расположен в резерве.

В 16 часов начался снова артиллерийский и ружейный огонь, и через полчаса турки двинулись на штурм. Как раз в эту минуту пришла записка Зотова: «Если нет возможности держаться, то отступайте, как сказано, к Тученице».

Самая сильная атака была направлена на редут № 1; огонь не мог остановить турок; часть защитников покинула укрепление, но много храбрецов осталось в нем, с майором Горталовым во главе, который, по одной версии, был поднят на штыки, а по другой — зарублен. Их атака на 2-й редут сперва не имела успеха, но Скобелев приказал Мосцевому отступить. Шуйский полк прикрыл общее отступление, и все войска князя Имеретинского и Скобелева ночевали за Рыжей горой.

Сами турки считают, что против Скобелева было направлено до 40 батальонов, т. е. четыре пятых всех сил Османа.

Потери отряда Скобелева (князя Имеретинского) в боях 30 и 31 августа: два генерала, 132 офицера и 6366 нижних чинов, что составляет 44 % офицеров и 41 % нижних чинов, участвовавших в сражениях.

Всего потери русских войск с 26 по 31 августа составили: 297 офицеров и 12 471 нижний чин; у румынов — 3100 человек; у турок, по их данным, 3000 человек, но это неправдоподобно, потому что один Скобелев уложил их несколько тысяч.

За эти бои награждены Георгиевскими крестами 4-й степени только командир Вологодского полка полковник Рыкачев (атаковал Гривицкий редут), капитан 2-й артиллерийской бригады Васильев (действовал в Скобелевском редуте № 1) и штабс-капитан Ревельского полка Добржинский (первым ворвался в Скобелевский редут № 1).

Блокада Плевны с 1 сентября по 28 ноября

Третья неудача под Плевной, сопряженная с огромными потерями наших войск, произвела весьма сильное угнетающее впечатление не только на армию, но и на всю Россию. Между тем по-прежнему благодаря героическим усилиям защитников Шипки проход через Балканы оставался в наших руках, а наследник цесаревич сумел только что выйти из тяжелого положения перед превосходящими силами Восточной турецкой армии; наконец, даже отбитому от укреплений Плевны Западному отряду ничего не угрожало, так как русско-румынский отряд имел двойное превосходство сил над турецким. Осман справедливо считал единственным выходом для своей армии отступить к Орханиез или к Балканским проходам и неоднократно просил на то разрешение, но получал в ответ из Константинополя приказы защищаться на занимаемой позиции.

1 сентября под Плевной на военном совете, где присутствовал государь и в состав которого входили главнокомандующий, князь Карл, военный министр, Непокойчицкий, Левицкий, Масальский и Зотов, был поставлен вопрос: «Можно ли оставаться на занимаемых позициях или следует отступить за р. Осму?» За отступление высказались решительно Зотов и Масальский, против — Левицкий, поддержанный Милютиным, на их сторону склонился и государь. Поэтому было решено не отступать, а занять более сосредоточенное расположение, укрепиться, вызвать подкрепления из России (гвардия и гренадеры уже следовали) и, окружив Плевненский лагерь, взять его или блокадой, или осадой; пока же за недостатком войск ограничиться временной блокадой со стороны Софии и Видина двумя отрядами кавалерии. Кроме того, для реше-

ния вопроса о блокаде государь приказал вызвать из Петербурга Тотлебена.

2 сентября было утверждено расположение войск кругом Плевны: правый фланг до д. Вербицы занимали румыны; участок от Гривицкого редута № 1 до дороги из Плевны в Пелишат — 9-й корпус, далее до Тученицкого оврага — 4-й корпус. Фронт собственно русских войск сократился до 14 верст; вперед выдвинули артиллерию, прикрытую передовыми частями пехоты, и приступили к сооружению укреплений. За рекой Вид, в окрестности Дубняков, был выслан на Софийское шоссе сводный кавалерийский корпус генерала Крылова, в составе 48 эскадронов и сотен при 30 орудиях, силой 4800 сабель. На левом фланге у Богота стал кавалерийский отряд генерала Лошкарева — этот отряд наблюдал дорогу на Ловчу и связывался с кавалерийским корпусом. Вся кавалерия вообще была с неполными рядами и изнурена сторожевой службой, а также охранением болгарских деревень от нападений башибузуков.

Генерал Зотов потерял всякую уверенность в возможности каких-либо активных действий. Состояние русских войск вообще было неудовлетворительным вследствие как неправильного их довольствия, особенно хлебом и крупой, так и плохой организации санитарной части. Хотя на театр войны прибыло до 60 военных госпиталей и большая часть их имела свои обозы, все они находились на левом берегу Дуная, и дивизионные лазареты были переполнены.

Румыны самостоятельно начали вести осаду против Гривицкого редута № 2 и, заложив 1-ю параллель в расстоянии 350 шагов, произвели 9 сентября штурм, который был отбит с потерей 25 офицеров и 575 нижних чинов; тогда осадные работы были продолжены, и к 20 сентября была заложена 4-я параллель в 100 шагах от редута.

9 и 26 сентября туркам удалось провести в Плевну два транспорта по 1500 повозок в каждом с боевыми и продовольственными припасами; второй транспорт прошел под прикрытием 15 тысяч пехоты и 1000 всадников Шефкетапаши. Оба транспорта были своевременно обнаружены, но ни Крылов, ни Лошкарев не сделали серьезных попыток не только не пропустить транспорты.

Осман воспользовался бездействием нашей кавалерии и произвел ряд фуражировок в Трине, Дубняках и Метрополе, причем собрал запасы кукурузы и ячменя, к сожалению, нами не уничтоженные.

Несмотря на новую просьбу Османа разрешить отступить из Плевны, ему было приказано оставаться; тогда он решил обеспечить свое сообщение с Софией рядом укрепленных этапов, прочно заняв Дольний и Горный Дубняки и Телиш; кроме того, Шефкет-паша, возвращаясь с своим отрядом, оставил гарнизоны в Радомирцах и Яблоницах. Вообще Осман не потерял предоставленной ему свободы действий и успел принять следующие меры: 1) значительно усилил все укрепления и во всех опорных пунктах устроил безопасные помещения для гарнизона; 2) получил в сентябре 10 тысяч снарядов и 1700 тысяч патронов; 3) подвез двумя транспортом продовольствия на 25 дней и собрал фуража на 28; таким образом 27 сентября он имел продовольствия на 29 дней. Но это были уже последние его успехи, и приближалось время тесной блокады.

Ловче-Сельвинский отряд генерала Карцова был значительно усилен и подчинен генералу Зотову. Румыны сформировали Обсервационный корпус между Видом и Искером под начальством полковника Сланичано. В Западном отряде составили Главный резерв, под командой князя Имеретинского — у Радищева, а затем доукомплектовали его свежим пополнением.

15 сентября прибыл в главную квартиру, в Горный Студень, генерал-адъютант Тотлебен. Этот человек, конечно, должен был принести громадную пользу армии уже только в силу своего огромного авторитета и боевого опыта; он обладал, кроме признанных всей Европой выдающихся инженерных познаний, особой твердостью характера, хладнокровием и мужеством, а главное, не боялся брать на себя ответственность в самые решительные минуты. Но все-таки ему недоставало широты взгляда, а боязнь чем-нибудь принизить свою славу делала его порой уж слишком осторожным. Кроме того, он имел много врагов вследствие безграничного самомнения и обидчивого самолюбия; многим рус-

ским было не по нутру его немецкое происхождение. Небезызвестно, что Тотлебен был вообще против войны, находя Россию и русскую армию слишком неподготовленными для нее.

18 сентября Тотлебен, осмотрев расположение русско-румынских войск и противника, немедленно пришел к решению, что единственный способ действий против Плевненского укрепленного лагеря состоял в блокаде, по следующим доводам: 1) штурм невозможен ввиду трехъярусной огневой обороны турецких укреплений; осада затруднительна вследствие плохого санитарного состояния войск и наступавшей осенней мокроты и зимней стужи; 3) временный укрепленный лагерь Плевны не мог быть снабжен продовольствием на продолжительное время — его не могло хватить более чем на два месяца; 4) блокада приводила к пленению всей армии и не позволяла ускользнуть хотя бы части турецких сил.

22 сентября Тотлебен был назначен помощником князя Карла, продолжавшего считаться начальником всех русско-румынских сил под Плевной. Начальником штаба назначили князя Имеретинского, начальником всей кавалерии — генерал-адъютанта Гурко¹, начальником инженеров — генерал-майора Рейтлингера, начальником артиллерии — генерал-майора Моллера. Генерал Зотов вступил в командование своим 4-м корпусом. Хотя решение Тотлебена и было удостоено утверждения главнокомандующего и государя, но в его исполнении встретилось немало противодействия со стороны лиц, считавших блокаду слишком медленным способом и напрасно затягивающим кампанию.

В ожидании прибытия гвардии² Тотлебен немедленно приступил к водворению внутреннего порядка, снабжению войск, укреплению позиций и улучшению санитарных условий. Он обратил большое внимание на упорядочение стрельбы артиллерии, выдав особую инструкцию для батарей; чис-

¹ Генерал Крылов был отчислен в распоряжение главнокомандующего.

² Три дивизии пехоты и одна кавалерийская.

ло осадных орудий было доведено до 58; но вообще вследствие искусного применения турками инженерной обороны Тотлебен признавал за артиллерией лишь второстепенную роль. Войска выстроили себе вполне удобные, теплые землянки. Труднее всего было организовать продовольствие войск вследствие плохой работы интендантства, недобросовестности товарищества¹ и неустройства коммуникационной линии от Систова. К сожалению, несмотря на то что в 50 верстах южнее Плевны находился очень богатый район с запасами хлеба, мы не обращались к реквизициям, и только позднее войска, а в особенности гвардия, изверившись окончательно в интендантстве, относительно хорошо довольствовались собственным попечением.

Румыны продолжали свои осадные работы против Гривицкого редута № 2 и 7 октября произвели новый штурм, опять им не удавшийся, с потерями в 22 офицера и 907 нижних чинов.

27 сентября Гурко вступил в командование всей кавалерией, прибыв в Трестеник. Он выдвинул отряды на Софийское шоссе, но скоро пришел к заключению, что турки владеют им достаточно прочно и блокада кавалерией неосуществима, особенно принимая во внимание ее расстройство (не более семи рядов во взводах); он донес, что только Кавказская и Донская бригады боеспособны, а остальные части оставляют желать лучшего даже в моральном отношении.

30 сентября прибыли 2-я и 3-я гвардейские пехотные дивизии, гвардейская стрелковая бригада и другие мелкие части; на подходе была 2-я гвардейская кавалерийская дивизия, а 3-я гвардейская пехотная дивизия находилась еще на левом берегу Дуная. Гвардия давала 47 840 штыков, 5110 сабель при 144 пеших и 24 конных орудиях. Государь решил было направить гвардию на усиление Рушукского отряда, предложив Тотлебену овладеть Софийским шоссе двумя дивизиями и расположить на Ловчинском шоссе шесть стрелковых батальонов. Тотлебен послал в главную квартиру генерал-адъютанта Гурко с категорическим требованием оставить в его распоряжении гвардию. На военном совете 4 ок-

¹ Грегор, Коган и Горвица.

тября¹ это заявление было уважено, и тогда Тотлебен вместе с Гурко выработали совместно план овладения Софийским шоссе, причем Гурко назначался командовать всеми войсками, направляемыми за Вид.

10 октября Тотлебен предписал на 12-е Гурко с 49 батальонами, 104 орудиями и всей кавалерией овладеть Софийским шоссе², а Зотову с 34 батальонами и 136 орудиями стать на Ловчинском шоссе, выслав для занятия и укрепления высоты позади Рыжей горы отряд Скобелева с 16 пехотными дивизиями, тремя батальонами, 3-й строевой бригады, тремя саперными батальонами и тремя батареями 3-й саперной бригады (всего 16 батальонов и 72 орудия). Ближайшей целью ставилось овладение Горным Дубняком и Телишем и смыкание блокады Плевны.

Генерал-адъютант Гурко назначил: для атаки Горного Дубняка — 20 батарей, 17 эскадронов и сотен при 54 орудиях³; для атаки Телиша — четыре батальона, восемь эскадронов и 14 орудий⁴; для демонстрации и заслонов — 12 батальонов, 54 эскадрона и 86 орудий. Подполковник Сухотин, исполнявший обязанности помощника начальника штаба генерал-майора Нагловского, письменно доложил, что для атаки Телиша назначено слишком недостаточно сил, но его представление не было уважено.

¹ Присутствовали главнокомандующий, Милютин, Горко и Непокойчицкий.

² У нас были сведения, что Горный Дубняк имеет два редута, а Телиш укреплен слабее; в этих пунктах находилось до 13 батарей с 12 орудиями. На самом деле в это время Осман располагал такими силами: гарнизон Плевны — 40 тысяч человек при 94 орудиях; в Дольном Дубняке — 3000 человек и два орудия, в Горном Дубняке — 4000 человек и четыре орудия, в Телише — 5000 человек и четыре орудия, в Радомирцах — 5000 человек, в Яблонице — 3000 и в Орхание — 7000. Дубняки и Телиш имели укрепления полевого усиленного профиля, но без закрытий для гарнизонов и потому легко атакуемые артиллерийским огнем.

³ 2-я гвардейская пехотная дивизия и гвардейская стрелковая бригада (колонны генералов Эллиса, Зедделера и Розенбаха).

⁴ Лейб-гвардии егерский полк и 2-я бригада 2-й гвардейской кавалерийской дивизии (полковник Челищев).

Войска в точности выполнили диспозицию. Первой начала бой средняя колонна, потом левая и наконец правая; подошел и Черевин с Кавказской казачьей бригадой. К 10 часам Горный Дубняк был окружен со всех сторон, и 54 орудия готовы были разгромить турецкие укрепления, состоявшие из большого и малого редутов, но гвардия слишком рвалась в бой, и это ее стремление вперед привело к тому, что совсем не было артиллерийской подготовки атаки. Лейб-гренадеры оказались в расстоянии 200 сажен от малого турецкого редута, расположенного южнее шоссе, и несли жестокие потери; батальоны бросились вперед, ворвались в окопы и в малый редут; турки едва успели скрыться в главном редуте; гренадеры пробовали эскалadirовать и последний, но были отбиты. Затем последовала атака левой колонны, также подошедшей на близкое расстояние; особенно тяжелым было положение финляндцев, действовавших на совершенно открытой местности. Наступление правой колонны было поддержано всем Измайловским полком, направленным по личному приказанию Гурко. Около 14 часов редут оказался окруженным со всех сторон русской пехотой на расстоянии не далее 400—100 шагов.

В это время генерал Гурко получил известие о двукратном отбитии лейб-егерей от Телиша и, опасаясь, что гарнизон последнего двинется на выручку Горного Дубняка, решил немедленно атаковать одновременно со всех сторон турецкий редут. К несчастью, призванный служить сигналом артиллерийский залп был сделан батареей в правой колонне преждевременно, и последовала вновь разновременная атака отдельных колонн и частей. Хотя некоторые роты залегли в 40 шагах и даже во рву редута, успеха не было, и турки продолжали отбивать все попытки ворваться в укрепление. Наша артиллерия не могла стрелять по редуту из опасения поражать своих, и генерал Гурко уже думал с наступлением темноты отвести полки на позиции и окопаться, чтобы возобновить атаку и в особенности артиллерийский огонь на следующий день, но гвардия выручила своего вожда. Отдельные смельчаки, перебираясь в ров редута, постепенно его заполнили; около 19 часов неожиданно раздалось

победное «ура», и редут был взят. В нем сдалось 2289 человек при четырех орудиях, но наши потери достигали 3533 бойцов, а между тем можно было достигнуть того же результата почти без потерь, действуя одной артиллерией.

Командир Лейб-гвардии егерского полка полковник Челищев приказал барону Криденеру произвести с эскадронам лейб-гусар разведку Телиша. Гусары стремительно опрокинули турецкие посты и на конях вскочили в передовые турецкие окопы, причем понесли ничтожные потери; затем эскадрон возвратился к отряду. Криденер доложил, что турецкое укрепление сильного профиля и окружено целой системой окопов, а местность для наступления открытая. Челищев немедленно отдал приказание полку атаковать позицию с юго-востока, а лейб-гусарам зайти в тыл и обстреливать укрепление из конных орудий. Лейб-драгуны с двумя орудиями должны были охранять левый фланг. Уже с 2000 шагов егеря попали под сильный огонь, но продолжали быстро наступать. Сопровождавшая их 3-я батарея лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады, соединившаяся сперва на 400 сажен, тотчас отступила и с дистанции 900 сажен весьма слабо поддерживала наступление. Егеря ворвались в передовые окопы, но турки успели укрыться в главном укреплении. Лейб-гусары с своей батареей, все более заходя в тыл противнику, деятельно поддерживали наступление, поражая турок продольно; драгунам же пришлось отвлечься в сторону ввиду наступления противника с юга. Приблизившись к укреплению на 150 шагов, егеря штурмовали его, но были отбиты с большими потерями; они залегли в нескольких десятках шагов и пытались повторять атаку, но Челищев, видя невозможность успеха, будучи контужен, приказал отход. Он согласился затем на предложение возобновить атаку с юга по более удобной балке, но поступившее донесение от гусар о наступлении значительных турецких сил заставило его продолжать отступление. Вскоре пришло приказание Гурко оставаться под Телишем, и полк остановился. Потеря достигала 937 человек.

Наша кавалерия произвела ряд демонстраций, а отряд генерала Бремзена от Медевана захватил Волынскую гору,

севернее д. Трнины, и начал укрепляться. Генерал Зотов произвел демонстрацию по Ловчинскому шоссе, на которую турки не обратили внимания.

С овладением Горным Дубняком мы, конечно, в некоторой степени овладели и Софийским шоссе, но необходимо было взять и Телиш, иначе гвардии приходилось обороняться на два фронта. Наученный опытом боя 12 октября, генерал Гурко решил овладеть Телишем посредством бомбардировки его артиллерией, для чего считал достаточным окружить его тремя бригадами и поставить на позициях 48 орудий. Представленный им Тотлебену план атаки был одобрен. Однако одержанный только что успех под Горным Дубняком дал повод некоторым начальникам вновь возбудить вопрос о скорейшем овладении всем Плевненским укрепленным лагерем открытой силой; больше всех противился плану блокады Скобелев. На военном совете, созванном 15 октября в Порадимае, мнение Тотлебена восторжествовало, и вопрос о штурме Плевны более не возбуждался.

Тотлебен усилил войска генерала Гурко еще тремя полками 3-й дивизии с пятью батареями. Гурко решил взять Телиш 16 октября и окружил его следующим образом: по шоссе со стороны Горного Дубняка — 1-я бригада 2-й гвардии дивизии с тремя батальонами, по шоссе с южной стороны — 1-я и 2-я бригады 2-й гвардейской кавалерийской дивизии с двумя конными батареями; с юго-восточной стороны — 2-я бригада 2-й гвардейской пехотной дивизии с тремя батареями; войска должны были подойти к турецкой позиции на 800—1000 сажен, окопаться и открыть огонь артиллерией. Полковник Черевин должен был охранять пути на Орханиз, а кавалерия генерала Арнольди — вести демонстрацию на Дольний Дубняк.

В 11 часов наша артиллерия открыла с трех сторон огонь по Телишу и продолжала его непрерывно до 2 часов дня, когда был сделан перерыв и послано предложение сдаться; так как до половины третьего не было ответа, то стрельба возобновилась, но через 20 минут прибыл парламентар от турок, и была принята полная капитуляция. Сдалось 4711 человек с четырьмя орудиями. Черкесы и башибузуки пробо-

вали пробиться, но были переколоты лейб-уланами; Черевин имел схватку с пехотой, пробовавшей наступать от Радомирцы. Мы потеряли под Телишем на этот раз всего трех офицеров и шесть нижних чинов.

Взятием Телиша были окончательно прерваны сообщения Плевны; Тотлебен приказал укрепить позиции и настолько бдительно охранять блокадную линию, чтобы не пропускать ни одного человека. Но конечно, необходимо было еще овладеть Дольным Дубняком, который врзался в нашу блокаду; его атака затруднялась возможностью открепления из Плевны, но Осман-паша облегчил нашу задачу, приказав гарнизону отступить 20 октября. В этот день вновь прибывшая 3-я гренадерская дивизия заняла Горный Метрополь, и таким образом с 20-х чисел октября была установлена самая тесная блокада Плевны.

19 октября главнокомандующий ввиду увеличения сил, собранных под Плевной, и расширения круга их деятельности признал удобным разделить все войска на три самостоятельных отряда: 1) отряд, непосредственно окружающий Плевну, в составе румынских войск, 4-го и 9-го корпусов, под начальством князя Карла с подчинением распоряжениям Тотлебена; 2) войска, действующие на левом берегу Вида, с отрядами генерала Бремзена и кавалерией Лошкарева, под начальством Гурко; и 3) Сельви-Ловчинский отряд генерала Карцова в составе 3-й пехотной дивизии. Главнокомандующий считал, что тем самым освободит Тотлебена от всяких мелочных забот и позволит ему всецело отдаться выполнению своей главной задачи — «непроницаемого для турок обложения их укрепленного лагеря».

Хотя этой новой организацией преследовалась и благая цель, но ввиду тесного соприкосновения между собой действий обоих начальников блокирующих войск, естественно, между ними должны были возникать трения. Прежде всего разногласия возникли из-за системы оборонительных сооружений, ибо Тотлебен как инженер-специалист требовал методичности, однообразия и вообще выдержки всей системы построек; Гурко, считавший блокаду уже завершившейся и занятый новыми стратегическими наступательными пла-

нами действий, предоставил устройство укреплений войсковым частям, вследствие чего наблюдались чрезвычайное разнообразие и бессистемность инженерных работ.

Между тем во второй половине октября пошли слухи, что турки формируют новую армию в районе София-Орханиез и что вновь сформированная в четырехугольнике крепостей армия (40 тысяч) может направиться для деблокады Плевны или через Яблоницу (70 верст), или через Врацу (170 верст) к Плевне. Для противодействия новым турецким войскам Тотлебен признает нужным иметь особый Обсервационный корпус.

Гурко же предлагал, заменив на левом берегу Вида две гвардейские пехотные и одну гвардейскую кавалеристскую дивизии, гвардейскую стрелковую бригаду, всего 36 батальонов с артиллерией, прибывшей 2-й гренадерской дивизией и тремя полками из Ловчинского отряда, возможно скорее наступать с гвардией на Орханиез — за Балканы — и не дать туркам успеть сформировать новую армию. Не приходится и говорить о выгодах этого активного плана по сравнению с пассивным способом действия Тотлебена под Плевной.

Этот план генерал-адъютанта Гурко безусловно соответствовал тогдашней обстановке и казался ему — молодому, энергичному кавалерийскому генералу, жаждавшему подвигов и славы — вполне выполнимым. Но Тотлебен, задававшийся исключительно верным и осторожным расчетом и нисколько не нуждавшийся в новых подвигах и в новой славе, не мог его одобрить. На военном совете план Гурко был одобрен главнокомандующим, и он немедленно приступил к его выполнению. В конце октября генерал Давыдов с 10 батальонами и 12 сотнями при 30 орудиях (из Ловчинского отряда) занял Яблоницу и Осиковицу, выслав разьезды на юг, к Орханиез, Правецу и Этрополю. 28 октября генерал Леонов с конногрендерами, лейб-драгунами и лейб-уланами при четырех орудиях взял с боя Врацу и также патрулировал местность к югу. 2 ноября войска были окончательно разделены на войска обложения под Плевной и отряд Гурко в составе

30 тысяч штыков, 5000 сабель при 120 пеших и 54 конных орудиях, наступающий на Орханию.

В тот же день 2-я гвардейская пехотная дивизия, гвардейская стрелковая бригада с пятью батареями лейб-гвардейской 2-й артиллерийской бригады, сосредоточившись в Радомирцы, приступили к укреплению этого тылового опорного пункта, а 6 ноября главные силы отряда уже были у Яблоницы. Тотлебен остался единственным распорядителем блокады Плевны. Он немедленно разделил всю 45-верстную линию на шесть участков:

1) у генерала Черната — от р. Вид до Гривицкого редута № 1 — румынские войска;

2) барона Криденера — до перекрестка дорог из Пелишата в Плевну и из Тученицы в Гривицу — 5-я и 31-я пехотные дивизии без одного полка и одной батареи;

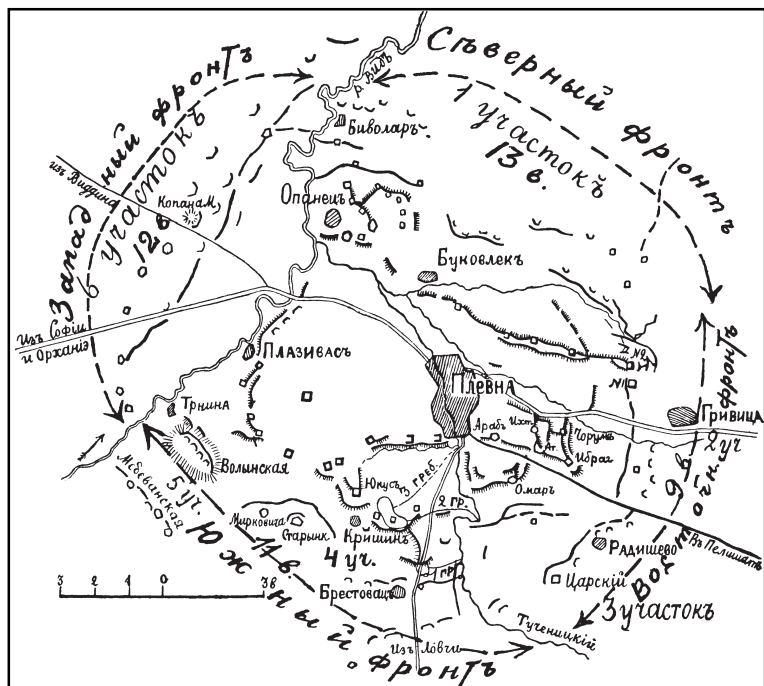
3) генерал-лейтенанта Зотова — до Тученицкого оврага — 2-я пехотная дивизия с тремя батареями, 2-я бригада 30-й пехотной дивизии и 12-й стрелковый батальон;

4) Скобелева — до редута Старынкевича (на Волынской горе) — 16-я пехотная дивизия с артиллерией, 1-я бригада 30-й пехотной дивизии, 9, 10 и 11-й стрелковые батальоны, три батареи 2-й артиллерийской бригады, 9-й Донской полк и Донская № 10 батарея;

5) генерал-лейтенанта Каталяя — до правого берега Вида — 3-я гвардейская пехотная дивизия с артиллерией и Бугский уланский полк;

6) генерал-лейтенанта Ганецкого — позиции на левом берегу Вида — 2-я и 3-я гренадерские дивизии, 4-я кавалерийская дивизия, Киевский гусарский, Казанский драгунский полки, две конные и две донские батареи и часть румынских войск.

Тотлебен приказал приступить к усовершенствованию укреплений на пятом и шестом участках; он считал, что Осман будет прорываться на шестом участке. Ввиду этих соображений фронт шестого участка был сокращен на правом фланге на 2 версты, а на левый его фланг переведена 1-я бригада 5-й пехотной дивизии с двумя батареями. Румыны продолжали свои осадные работы против Гривицко-

Блокада Плевны. Октябрь—ноябрь 1877 г.

го редута и 6 ноября заложили 6-ю параллель в 40 шагах от наружного рва, а с 18 ноября приступили даже к закладке минных галерей.

К 20 ноября все работы по возведению укреплений были закончены. Тогда же был организован общий резерв из 16-й пехотной дивизии и трех стрелковых батальонов, расположенный на Ловчинском шоссе, а Скобелеву передана другая бригада 30-й пехотной дивизии. Вдоль всей линии обложения проложена хорошая дорога; произведено несколько пробных маневров по сосредоточению войск.

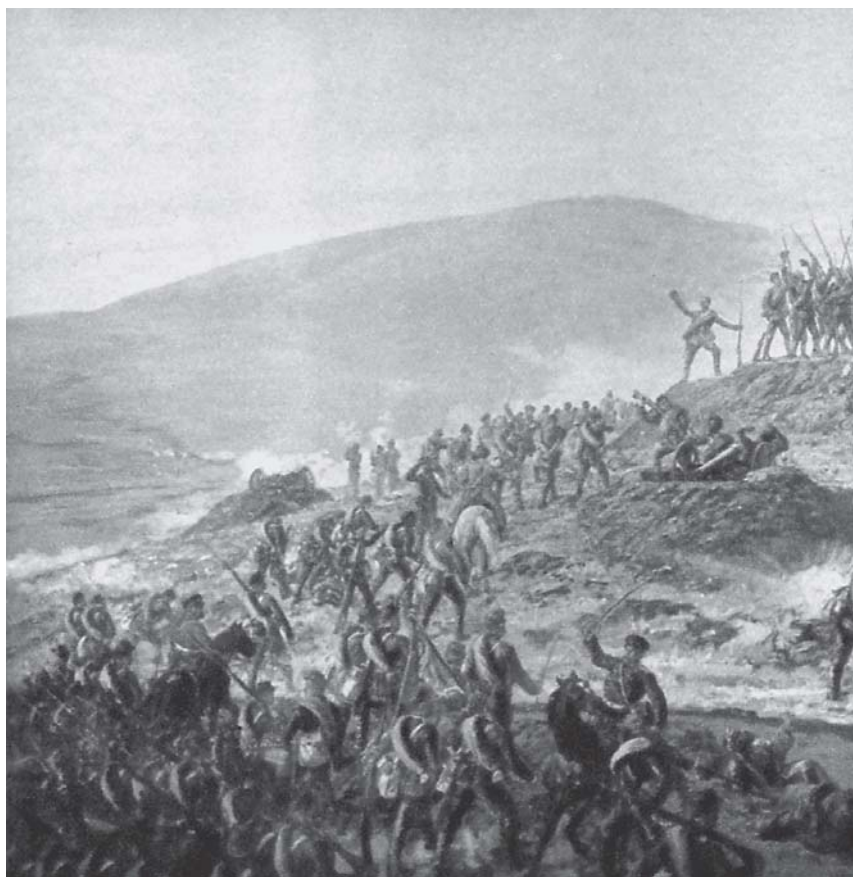
Благодаря настойчивости Тотлебена к концу блокады войска были удовлетворительно снабжаемы продовольствием. Санитарное состояние войск было также удовлетворительным. С прибытием 2-й гренадерской дивизии, а также до-

укомплектований соединения силы русско-румынского блокадного корпуса достигали 130 тысяч строевых войск при 502 полевых и 58 осадных орудиях; из них русских — 1971 офицер и 95 205 нижних чинов.

Ко времени тесной блокады Плевны Осман-паша довел свою армию благодаря набору в ее ряды жителей до 50 тысяч при 96 орудиях; он имел в конце сентября продовольствия на 9 дней и с регулярно прибывавшими до 12 октября транспортами получил еще на 12 дней. С 13 октября начали выдавать половинную норму. Работы по усилению укреплений продолжались, в особенности на Зеленых горах и на Западном фронте, который теперь пришлось сомкнуть. Люди весьма терпели недостаток в топливе и одежде, которая быстро изнашивалась, при постоянных земляных работах. Участь турок была неизбежной, но выхода уже не было, ибо приказ султана об отступлении был получен только 22 октября, т. е., когда круг блокады замкнулся. Но и притом Осману приказывалось, отступая, взять с собой всех раненых и даже местных мусульман.

К 25 ноября у турок осталось довольствия всего на шесть дней, и поэтому оно было выдано на руки; на мясо начали убивать быков и буйволов из транспортов; землянки прекратили отапливать, а для варки пищи приходилось вырывать корни виноградных лоз; больных и раненых было до 3600.

Однако и теперь штурм был бы сопряжен для нас со страшными потерями, так как все турецкие укрепления хотя и могли быть эскалаторованы и не имели перед собой никаких искусственных препятствий, но оборона их была основана на могущественной силе оружейного огня и полной неуязвимости гарнизонов укреплений от нашего артиллерийского огня. Все укрепления были снабжены глубокими блиндажами и траверсами; поэтому хотя русская артиллерия выпустила с 25 августа по 28 ноября 110 тысяч снарядов (из них 18 тысяч осадных) и даже вспахала местность вокруг укреплений, но не принесла никакого вреда обороняющимся; нам нужна была более могущественная артиллерия. Ружейная оборона была основана на искусном фланкировании одних построек другими; примерно на 2000 шагов тур-

Штурм укреплений горы Авлиар 30 октября 1877 г.

ки обстреливали всю площадь фронтально, а на важнейших участках и перекрестно. Преодолеть эту силу огня наши доблестные войска оказывались не в состоянии, особенно при том условии, что турки имели скорострельные ружья и неограниченный запас патронов; у каждого стрелка стоял ящик с 500 патронами, и многие из них, положив ружья на банкет, только дергали за спуск и таким образом заливали всю площадь пулями.

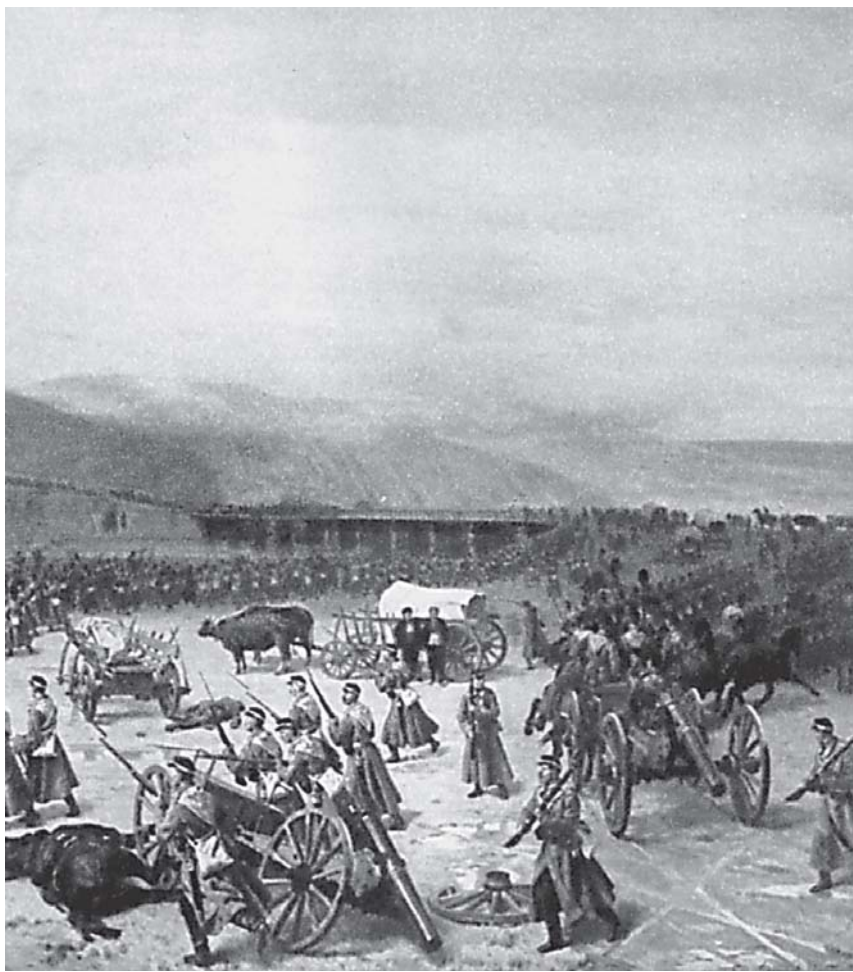

С картины А. Федюкина

31 октября на предложение сдаться Осман отвечал гордым отказом; видя полный упадок духа среди своих войск, он собрал 19 ноября военный совет для решения вопроса о дальнейших действиях, но, несмотря на все старание турецкого полководца вселить в сердца своих подчиненных бодрость духа, совет не пришел ни к какому решению; только на другой день Осману удалось добиться доблестного решения «пробиваться». Идея состояла в том, чтобы, прорвавшись

Последний бой под Плевной, взятие всей армии Османа-паши
28 ноября 1877 г. С картины *Н. Дмитриева-Оренбургского*

на запад, возможно скорее достичь р. Искер и затем через Берковац искать соединения с войсками у Софии или вообще с выдвинутыми для защиты Балкан силами.

Ясно, что, принимая такое решение, Осман хотел только спасти честь турецкого оружия и не надеялся на успех. Турецкая армия была переформирована в 57 батальонов, составивших две дивизии в четыре и в три бригады. Обоз состоял из 3306 вьючных лошадей и 684 повозок, но, кроме того, было много телег с ранеными, которых решили взять с собой (2800 человек). На предложение мусульманам-жителям остаться в Плевне большинство ответило отказом, и таким образом они своим сопровождением войск еще более затруднили их задачу. Осман решил в ночь на 28 ноября сосредоточить, скрытно укрываясь за горой, все войска на небольшой площадке (600—700 шагов шириной) у левого берега Вида, впереди моста на Софийском шоссе; для ускорения переправы навели еще два моста на телегах. Благодаря сопутствующей удаче и большому порядку туркам удалось к 5 часам перевести к назначенному на берегу месту три бригады и приступить к переправе обоза, но туман начал рассеиваться, и пришлось начать наступление на русские позиции.

Правый фланг и центр шестого блокадного участка, под начальством генерал-лейтенанта Ганецкого, занимали две гренадерские дивизии; от каждой ежедневно на линию обороны выставляли в боевой готовности один полк, и на этот раз очередь была за Киевским и Сибирским полками; левее стояли два батальона архангелогородцев; в резервах считались: на правом фланге — Таврический, за центром (Сибирским полком) — Малороссийский и за левым флангом — Вологодский полки. Сторожевое охранение выставляли по самому берегу р. Вид ежедневно по одному эскадрону Казанского драгунского и Киевского гусарского полков с пехотными секретами. Для поднятия тревоги дежурные части должны были выпускать сигнальные ракеты.

Нельзя сказать, чтобы прорыв турок явился для нас неожиданным, потому что за несколько дней до того и перебежчики-болгары, и дезертиры говорили о том, что в Плевне

предпринимаются меры к выступлению: раздают на руки последнее продовольствие, выдают обмундирование, вообще к чему-то готовятся. Вечером 27 ноября, когда поступили более точные сведения, Тотлебен сообщил в 22 часа 45 минут генералам Ганецкому, Каталею и в главный резерв о вероятном прорыве турок; было приказано генералу Чернату двинуть четыре батальона на левый берег Вида, к левому флангу шестого участка, генералу Каталею перевести 6-й гвардейский батальон через мост у д. Трнины, а Скобелеву с 16-й дивизией и тремя батареями следовать туда же; таким образом на шестой участок было направлено всего 16 батальонов и восемь батарей, всего же там должно было сосредоточиться до 59 батальонов.

В 4 часа Ганецкий получил от Скобелева известие, что турки очистили Кришинский редут и начался их сбор к мосту на шоссе; но еще ранее киевские гусары с командиром эскадрона майором Кареевым выяснили, что у самой реки Вид происходит громадное скопление турецких войск и обозов; Кареев дал знать об этом начальнику дежурных частей генералу Мантейфелю и наметил с ним рекогносцировку. Однако все эти точные сведения не заставили ни генерала Ганецкого, ни генерала Данилова, начальника 3-й гренадерской дивизии, принять немедленные меры по обеспечению боевой готовности. Даже когда майор Кареев в 6 часов лично указал Данилову на видимые турецкие войска, генерал отказался верить этому, и только ответ турецкой батарее на выстрел из нашего орудия заставил Данилова пустить сигнальную ракету.

В 7 часов Осман двинул в решительную атаку три бригады, обрушившейся на фронт Сибирского полка и наши батареи № 1—3. Несмотря на сильный огонь артиллерии и гренадер, турки в бешеном порыве захватили всю первую линию наших укреплений и овладели нашими восьмью орудиями. Остатки сибирцев отступили к флангам второй линии, и турки распространились между двумя линиями русских укреплений. Прибывший бегом Малороссийский гренадерский полк был также расстрелян и опрокинут резервами Османа, и в 9 часов турки взяли вторую линию

Представление пленного Османа-паши Александру II
29 ноября 1877 г. С картины Н. Дмитриева-Оренбургского

укреплений, действуя 24 батальонами против наших шести. Между тем к месту боя прибыл генерал Ганецкий и начали подходить резервы: слева, от Горного Метрополя, бригада генерала Квитницкого — Фанагорийский и Астраханский гренадерские полки, а также Вологодский полк, справа — гренадерские полки Самогитский и Московский. Наступление турок было остановлено, а затем наши полки с трех сторон стремительно атаковали уже расстроенные турецкие батальоны, и к полудню обе линии укреплений перешли в наши руки, причем, кроме возвращения своих восьми, мы отбили еще 10 турецких орудий. Однако первоначальный успех турок заставил главную квартиру пережить тревожные минуты, и в 11 часов великий князь принял решение, дав всю кавалерию Скобелеву, преследовать Османа, если тот прорвется. Это в очередной раз показывает, что в критические минуты военных действий именно на Скобелева возлагалась надежда, что он сумеет выручить из беды.

Осман-паша был ранен; его 2-я дивизия не успела переправиться через Вид, и уже две ее бригады сложили оружие перед 3-й гвардейской дивизией и румынами, ворвавшимся в укрепленный лагерь. Хотя генерал Ганецкий сперва предполагал, отбив турок, ограничиться обороной, но стоявший на правом фланге шестого участка Самогитский гренадерский полк, а затем и остальные полки, стремительно бросившись преследовать турок, отогнали их к мосту, где уже началась паника, и с 800 шагов начали расстреливать нестройные массы турок. В 14 часов Осман прислал парламентаря с предложением сдаться, но Ганецкий послал генерал-майора Струкова с требованием, чтобы Осман явился лично. Получив сообщение, что Осман не может прибыть из-за раны, Ганецкий прекратил бой. Сдалось 10 пашей, 128 штабс-офицеров, 2000 обер-офицеров, 40 000 пехоты и артиллерии и 1200 кавалерии — всего 43 338 человек, из них здоровых 33 738; турки потеряли в бою 28 ноября около 6000 человек, а мы — одного генерала, 57 офицеров и 1639 нижних чинов.

Так пала Плевна и состоялось пленение лучшего турецкого генерала во главе с его доблестной армией; это собы-

тие является поворотным пунктом всей кампании, которая пошла с этого дня гораздо более быстрым ходом; достаточно вспомнить, что ровно через два с половиной месяца наша победоносная армия могла бы войти в Константинополь, если бы только ее не удержали от этого политики, а вернее, непримиримая вражда к России всей Европы.

Падение Плевны имело особенное, громадное значение. Успех, одержанный Плевненской армией, поднял нравственный дух всех наших солдат, изнывавших от затянувшегося сидения на оборонительных позициях; с этой минуты никто уже не сомневался в скором и успешном окончании войны, хотя все и сознавали, что после падения Плевны русской армии предстояло еще много тяжелой боевой работы: прежде всего нужно было преодолеть твердыни Балкан, защищаемые двумя турецкими армиями; впереди четырехугольника крепостей стояла самая сильная турецкая армия, готовая вновь наступать на Рушукский отряд; она опиралась на сильные крепости; наконец, в долинах Марицы и Тунджи формировалась резервная турецкая армия для обороны в Забалкании, теперь уже усиленном рядом укрепленных пунктов. Следовательно, повторяем, впереди было еще много серьезных военных операций, которые к тому же предстояло вести в самое неблагоприятное время года — зимой, когда трудности движения войск и перемещение войсковых тяжестей часто становились почти непреодолимыми. Однако все почувствовали и сознали, что совершилось нечто важнейшее, что произошел окончательный перелом кампании в нашу пользу. Армия воспрянула духом, и она готова была преодолеть одним порывом все преграды и побороть все препятствия.

Действия Рушукского отряда в сентябре—ноябре

К 8 сентября войска Рушукского отряда занимали следующее расположение: штаб цесаревича — в Дольнем Монастыре; 12-й корпус — линию Мечка—Трестеник—Дамогила—Батиница. 13-й корпус, на который ожидался главный удар турок, оборонял три позиции:

1) у Банички — отряд генерала Прохорова в составе десяти батальонов, двух эскадронов и 32 орудий;

2) у Капривицы — отряд генерала Баранова в составе 12 батальонов, 12 эскадронов и сотен при 60 орудиях;

3) у Бег-Вербовки — Чаиркиоя — отряд генерала Татищева в составе 12 батальонов, восьми эскадронов и 46 орудий.

Первые две позиции прикрывали пути на Белу, а третья — на Драганово и Тырново. Резерв находился у Бешбунара и селений Горный и Дольний Монастырь — девять батальонов и 40 орудий. Наиболее тяжелое положение было у Чаиркиойского отряда. Наследник цесаревич вполне оценил важность Чаиркиойской позиции и в начале сентября усилил его своими войсками, а генерал Татищев приступил к усилению позиции. Естественной силы позиция не имела, будучи по своим размерам (7 верст) слишком велика для оборонявшего ее отряда и имея легко обходимые фланги.

Отпор, данный войсками Рушукского отряда под Кацелевом — Аблавой, заставил нерешительного турецкого главнокомандующего потерять много времени. К концу августа главная масса турецких сил оставалась на правом берегу Кара-Лома, около Кацелева, Огарчина, Карахасанкиоя и Сарнасуфлара. После долгих прений на военном совете 31 августа было решено двигаться на Тырново или Белу, сохраняя полную сосредоточенность сил, для чего Северная армия (67 батальонов, 36 эскадронов и 96 орудий) должна была наступать к линии Синанкиой — Хаджибунар, войдя в связь левым флангом с армией Мехмет-Салима, оперировавшей на дороге Осман-Базар — Тырново. Начиная наступление, турецкая армия к 8 сентября воздвигла колоссальную укрепленную линию, протяженностью почти 30 верст, от Острицы, через Синанкиой, Хеджикиой, Осиково, Церковну, до Юриклера, с двумя линиями фортификационных построек.

Турки окончательно остановились на следующем плане: произвести удар Южной армией (45 батальонов) на нашу позицию Бег-Вербовка — Чаиркиой, причем главная масса должна была вести атаку с фронта, а дивизия Измаилапаши — охватить наш правый фланг, сделав кружной обход по весьма лесистой и бездорожной местности. Всего было назначено 43 батальона, 84 орудия и 28 эскадронов силой до 30 тысяч человек.

Все это привело к чрезвычайно упорному бою 9 сентября при Чаиркиое, в котором русские войска проявили обычную храбрость и разбили наголову турок.

Успех нашего отряда должен быть приписан замечательной согласованности действий всех родов оружия, а также хладнокровию и распорядительности старших начальников. Со стороны турок, кроме несогласованности действий, поражает отсутствие охранения своих флангов, почему Вятский полк подошел к левому их флангу совершенно неожиданно, двигаясь, можно сказать, по самому полю сражения.

Начальник Рушукского отряда вполне оценил опасность наступления турок и принял быстрейшие меры для сосредоточения соответствующих сил на угрожаемом пункте; на следующий день после боя у Чаиркиоя могли дать отпор 27 батальонов, 28 эскадронов и 106 орудий. Однако противник не только не повторил свою атаку, но и в дальнейшем перед всем фронтом Рушукского отряда наступило непонятное спокойствие.

Победа стойких войск цесаревича выручала русскую армию, ибо Плевненский отряд мог без опасений выжидать прибытия подкреплений, а отряд Радецкого, обреченный на невыносимо тягостное положение перед Шипкой, все-таки мог быть спокоен за свой тыл. Хотя бы и были признаны ошибочными действия турецкого главнокомандующего вообще и в частности под Чаиркиоем, но история должна справедливо и беспристрастно оценить великую заслугу, оказанную России частью Рушукского отряда, а следовательно, и его главой — цесаревичем.

Задача действий Рушукского отряда продолжала оставаться чисто оборонительной, но так как противник отошел на значительное расстояние, то цесаревич приказал 13-му корпусу выставить на правый берег Банницкого Лома авангарды для поддержки выдвинутой к Кара-Лому кавалерии.

В турецкой армии произошла важная перемена: Мехмет-Али был отозван, и на его место назначен Сулейман, находившийся тогда в ореоле славы за шипкинские дела.

Наследник цесаревич, осведомленный о сосредоточении большей части турецких сил против его левого фланга,

Усиленная рекогносцировка на р. Кара-Лом
12 октября 1877 г. С картины Г. Бакмансона

немедленно принял соответствующие меры и распределил свои войска так, что мы могли преградить наступление турок от Рущука к Беле 36 батальонами, 28 эскадронами и сотнями при 140 орудиях, не ослабляя своего правого фланга на Банницком Ломе, где оставалось на позициях 18 батальонов, 20 эскадронов и сотен при 106 орудиях; если бы турки обратились на наш центр, то можно было бы сосредоточить против них тотчас не менее 27 батальонов, 20 эскадронов и сотен при 138 орудиях. Наши войска могли обороняться на выгодных укрепленных позициях, а турки именно теперь приняли весьма разбросанное положение от Рущука до Осман-Базара. Тем не менее в Константинополе возлагали большие надежды на энергию и распорядительность Сулеймана и заранее предвидели его активные действия; вскоре пришлось убедиться, что новый главнокомандующий не оправдал возлагавшихся на него надежд¹.

К 30 сентября командиру Стародубовского драгунского полка полковнику Бильдерлингу, выставившему передовые посты у Пиргоса, удалось выяснить силы, расположение и даже намерения противника. Он установил сосредоточение 50 тысяч человек у Кадыкиоя и 30 тысяч в окрестностях Рущука. Турки намеревались атаковать нас в направлении Пиргоса и только отложили атаку до наступления благоприятной обстановки.

В начале октября начали распространяться слухи об отходе значительной части неприятельских сил из-под Рущука и Кадыкиоя. Наследник цесаревич счел необходимым выяснить обстановку и приказал 12 октября произвести рекогносцировки перед фронтом обоих корпусов его отряда, пригласив к участию и войска 11-го корпуса. От 12-го корпуса были направлены три отряда: один — на Рушук и второй — на Кадыкию, под начальством великого князя Владимира Александровича, а общее руководство принял на себя и лично наблюдал за действиями войск наследник цесаре-

¹ Кстати будет заметить, что после войны Сулейман за все свои действия как под Шипкой, так и в Восточной армии и за Балканами был отдан под суд.

вич. Рекогносцировка выяснила, что Кадыкиой не только занят весьма прочно, но и представляет собой укрепленный лагерь; весьма сильную позицию турки имели и у Соленика.

Во время рекогносцировки, в деле у Иован-Чифтлика, в 8 часов утра, мы понесли тяжелую утрату в лице сраженного наповал пулей в голову князя Сергея Максимилиановича Романовского, герцога Лейхтенбергского. Он выехал на боевую линию и приостановился на кургане у спуска в деревню; пуля попала в околыш фуражки левее кокарды, и смерть последовала мгновенно. С того же места руководил ходом боя с 9 часов утра великий князь Владимир.

Сулейман застал вверенную ему армию в следующем составе: Рушукский отряд — 32 000, Соленикский — 8000, Эски-Джумский — 13 000, Осман-Базарский — 9000; гарнизоны: в Рушукке — 13 000, Шумле — 5000, Силистрии — 11 500, Базарджике — 10 000, Варне — 8500 человек. Таким образом против нашего Рушукского отряда было сосредоточено 66-тысячное войско, против 11-го корпуса — 9000, против отряда Циммермана в Добрудже — 21 000; гарнизоны Шумлы и Варны — 13 500 человек — могли составлять резерв. Войска были хорошо снабжены боевыми припасами, но не совсем удовлетворительно продовольствием и одеждой; санитарное состояние оставляло желать лучшего; ссылаясь на эти обстоятельства и на незнакомство с топографией местности, Сулейман отказался от немедленного наступления, а затем, вследствие появившихся слухов (весьма распространенных в Константинополе) о сосредоточении русскими огромных сил на Янтре и предполагаемой ими атаке турецкой Восточной армии, бездействовал в продолжение всего октября. Мало того, Сулейман высказывал даже сильнейшие опасения относительно крепости Рушук, которая, по его донесениям, была неспособна сопротивляться не только осаде, но даже и атаке открытой силой. Только в начале ноября турки постепенно начинают переходить к активным действиям.

В середине октября нам удалось значительно улучшить сообщение Рушукского отряда с базой — Румынией, по-

строив мост через Дунай между селениями Петрошаны на левом и Батином на правом берегу.

5 ноября турки производили небольшие разведки в районе Кацелева и Иован-Чифтлика, а 7-го наступали на авангардные позиции 12-го корпуса у Пиргоса и Хан-Гюль-Чесмы; это наступление имело характер усиленной рекогносцировки. Стойкость наших передовых войск позволила не обнаружить силы и расположение 12-го корпуса. Нечего и говорить, что подобная усиленная рекогносцировка, предпринятая за шесть дней до предполагаемого наступательного боя, позволила раскрыть намерения самого наступающего боя, после чего наследник цесаревич не замедлил сосредоточить свои войска для отражения ожидаемого удара. К 12 ноября вызванные этим передвижения были закончены, и 12-й корпус занял Мечко-Трестеникскую позицию.

На позиции у Мечки: отряд генерал-майора Цитлядзева — Азовский и Днепровский пехотные полки с двумя батареями — шесть батальонов и 16 орудий (5581 строевой нижний чин).

На позиции у Трестеника: отряд генерал-майора Фофанова — Украинский и Одесский пехотные полки с четырьмя батареями и отряд генерал-майора Корево — Бессарабский пехотный полк с полутора батареями — всего девять батальонов и 44 орудия (8360 строевых нижних чинов).

Кавалерия: 12-я кавалерийская дивизия — 17 эскадронов и сотен и 12 конных орудий (3186 нижних чинов).

Этим войскам могли служить резервом отряды у Табачки, Обретеника и Дамогилы, под командованием начальника 33-й пехотной дивизии генерал-майора Тимофеева — восемь батальонов, 32 орудия и шесть сотен (7589 нижних чинов).

Для обороны мостов у с. Батина стояли: саперный батальон, батальон Херсонского полка и четыре орудия (696 нижних чинов).

Всего в 12-м корпусе: 24 батальона, 30 эскадронов и сотен при 108 орудиях (26 977 нижних чинов).

Мечко-Трестеникская позиция составляла левую оконечность оборонительного фронта Рушукского отряда и прости-

ралась на 10 верст от Рушукского шоссе до Дуная. Она состояла из двух укрепленных участков — Трестеникского и Мечского, разделенных длинным оврагом, огибавшим тыл Мечкинского участка. Находившиеся впереди Трестеника Хан-Гюль-Чесменские высоты превалировали над позицией и давали укрытие для турецких резервов. Левый фланг был прикрыт Дунаем, причем Парапанские батареи с левого берега могли обстреливать наступающего на левый фланг позиции. Правый фланг был открыт, но прикрывался отрядами, стоявшими в Обретенике, Дамогиле и Табачке, которые могли сосредоточиться на правом фланге позиции за 4—5 часов, а также действовать во фланг наступающему.

Сулейман поставил себе целью атаковать левый фланг Рушукского отряда, сбить его с позиции Мечка-Трестеник и, захватив Батинскую переправу, наступлением на Белу угрожать сообщениям всей русской армии. Выполнение операции было возложено на Азафа-пашу с 51 табором, 54 орудиями, двумя полками кавалерии и несколькими сотнями черкес. Атаку предполагалось произвести тремя колоннами: правой — на Пиргос, поддерживая среднюю, направлявшуюся на Мечку, и левой — на Трестеник. В направлении к 13-му корпусу турки провели ничтожную демонстрацию. Переправа передовых войск на левый берег Лома была замечена нами вечером 13 ноября, и мы ожидали вероятной атаки на следующий день.

Дело началось наступлением на Пиргос, где в 8 часов турки заставили находившиеся в дежурной части четыре роты азовцев с двумя орудиями, поддержанные сменой¹, отойти от авангардной позиции, и к 9 часам восемь таборов утвердились в Пиргосе. Несколько позднее обозначилось наступление турок на авангард Трестеникского отряда. Барон Фиркс² решил прежде всего покончить с противником, атаковавшим Мечку, ударив в его левый фланг частью войск Трестеникского отряда; затем уже он предполагал действовать против частей, наступавших к Трестенику. Было при-

¹ Один батальон Днепровского полка с двумя орудиями.

² Начальник 12-й пехотной дивизии.

казано двум батальонам бессарабцев с батареей подкрепить Мечкинский отряд, а двум батальонам одесцев с батареей и пятью эскадронами наступать во фланг туркам, на Пиргос. На Трестеникской главной позиции осталось всего три батальона, 26 орудий с двумя батальонами авангарда у Хан-Гюль-Чесмы; на правый фланг была выслана 2-я бригада 12-й кавказской дивизии.

Шесть батальонов Мечкинского отряда (днепровцы и азовцы с 16 орудиями) не только остановили атаки 10 таборов, поддержанные сильным артогнем, но и сперва своим левым флангом, по инициативе командира 8-й роты Днепровского полка капитана Иванова, а затем и всем фронтом, около полудня, перейдя в решительное наступление, выбили турок из д. Мечки и заставили их отступать к Пиргосу. Подоспевшие два батальона одесцев с батареей своей атакой во фланг способствовали полнейшему разгрому противника. Наше преследование было остановлено наступлением турок со стороны Хан-Гюль-Чесмы, и кроме того, надо было поддержать Трестеникский отряд, где бой достиг крайнего напряжения.

Бой у Трестеника также завязался со схватки с авангардом (два батальона с четырьмя орудиями) на позиции у Хан-Гюль-Чесмы. Когда турки ввели в дело до 10 таборов, авангард отошел на главную позицию, неоднократно сам переходя в наступление и отбрасывая преследующего противника. Турки направили свои главные силы именно на Трестеникский участок, они развернули здесь до 40 таборов с сильной артиллерией. Положение наших пяти батальонов было в высшей степени тяжелым, но активное содействие артиллерии (44 орудия), руководимой командиром 12-й артиллерийской бригады полковником Григорьевым, помогло пехоте отстоять свои позиции до прибытия подкрепления. К 14 часам 30 минутам турки охватили оба фланга Трестеникского участка и повели одновременно атаку на всем его протяжении, подкреплявая ее адским артиллерийским и ружейным огнем. Барон Фиркс приказал генералу Цитлядзеву атаковать двумя одесскими батальонами правый фланг турок, но еще раньше командир дивизиона белгородских улан полковник Юмуд

ский удачным действием спешенных частей и двух конных орудий задержал атаку, направленную на левый фланг, а в 15 часов 30 минут одессы и азовцы с батареей перешли в решительное наступление, чем восстановили наш приоритет в этом пункте. В то же время прибыли на наш правый фланг два батальона бессарабцев и высланный от Дальней Могилы великим князем Владимиром Бендерский полк, а к Трестенику подходил и Тираспольский полк, приведенный по своей инициативе генералом Тимофеевым, принявшим самое деятельное участие в бою.

С прибытием столь значительных подкреплений кризис боя для нас миновал окончательно, и вся наша линия перешла в наступление. Турки нигде не выдерживали удара и начали отступать. Преследование велось упорно, невзирая на сумерки и дождь, до наступления полного мрака ненастной ночи.

Наши потери состояли из 32 офицеров и 761 нижнего чина; турки потеряли убитыми и ранеными более 1200 человек и пленными трех офицеров и 80 нижних чинов.

Победа 14 ноября войск 12-го корпуса свидетельствует не только об их стойкости и мужестве в борьбе с превосходящими силами, но и о полной тактической подготовленности. Все рода оружия действуют в полном согласии; артиллерия, не увлекаясь состязанием с артиллерией противника, все время выручает пехоту; последняя часть переходит в контратаки, не давая противнику ни окружить себя, ни изводить губительностью огня; наконец, оборона обоих участков позиции закончена самым решительным общим переходом в наступление, обеспечившим победные результаты сражения. Государь пожаловал за этот бой великому князю Владимиру Св. Георгия 3-й степени и прислал для награждения 150 отличившихся различных военных орденов.

После боя турки немедленно отошли к лагерю у Кадыкоя, и в Рушукском отряде потекла свойственная обороняющимся томительная жизнь, хотя и предполагающая постоянную готовность к отражению противника на широком фронте. Наступление холодов усугубило тяжелое положение отряда.

Турки перенесли центр своих действий с крайнего правого фланга своего Восточного фронта на крайний левый и подготовили удар у Елены. Предполагая действовать совместно с Шипкинским отрядом, Сулейман хотел обратиться на Тырново, с занятием которого оборона Шипкинского перевала русскими должна была пасть сама собой. Для исполнения этого плана приходилось перенести активные операции в область Балкан. Сулейман поставил себе задачей прежде всего отбросить наши войска, прикрывавшие подступы к Тырнову с востока и юго-востока. Дабы не ослабить войска на Нижнем Ломе, пришлось направить к Осман-Базару всего одну дивизию в составе 18 таборов, шести эскадронов, 24 орудий. Эта дивизия совместно с Осман-Базарским отрядом и восьмью батальонами из Сливны должны были составить отряд в 40 батальонов, 12 эскадронов и 36 орудий с иррегулярной кавалерией, который главными силами сосредоточился к 21 ноября у Ахметли (30 верстах восточнее Елены).

Для обороны пространства между Осман-Базарской дорогой и Хаинкиойским проходом, т. е. для прикрытия путей к Тырнову от Осман-Базара, Сливна и Твардицы, были выдвинуты войска 11-го корпуса и части войск 8-го корпуса, авангарды которых образовали следующие отряды:

1) Осман-Базарский — три батальона, шесть эскадронов и сотен и 12 орудий на позициях у Кесарева, Джульонцы и Ново-Село, фронтом к Осман-Базару;

2) Златарицкий — один батальон, одна сотня и два орудия — для обеспечения фланга предыдущего отряда и связи с следующим;

3) Еленинский, состоявший из: а) авангарда — два батальона, четыре эскадрона и шесть орудий — у Марены, б) бокового отряда — три роты и два орудия — у Новачи, на Твардицком перевале, и в) главных сил — три батальона, три роты и 18 орудий — у Елены.

Всем отрядом командовал начальник 9-й пехотной дивизии генерал-адъютант князь Святополк-Мирский, а авангардом — командир Орденского драгунского полка полковник Лермантов. Надо заметить, что князь Мирский прибыл в Еле-

ну только за два дня до боя и предоставил управление им генерал-майору Домбровскому.

План Сулеймана состоял в том, чтобы 24 батальонами атаковать позицию Марены главными силами, с обходом через Новачи, а с 14 батальонами произвести демонстрацию на Осман-Базарской дороге, против нашей Кесаревской позиции. Атака на Маренскую позицию последовала с рассветом, в высшей степени решительно, большими силами. Незначительные русские силы¹, отбиваясь с удивительным упорством, отошли к еленинской позиции, а затем и к позиции у д. Евковцы.

Отпор, данный Еленинским отрядом, был настолько серьезен, что турки, понеся сами огромные потери, не развили своего успеха преследованием и не притиснули отряд к Николаевскому ущелью (в 5 верстах за д. Евковцы), отступление по которому было бы крайне затруднительным.

На следующий день мы ожидали продолжения атаки, но турки ограничились рекогносцировкой, а между тем положение отряда Мирского улучшалось с каждым часом. К утру 24 ноября на позиции у Евковцы могло быть собрано 18 батальонов, восемь эскадронов и 48 орудий; всего же для прикрытия Тырнова в районе Осман-Базарская дорога — Елена мы располагали 30 батальонами, 17 эскадронами и сотнями и 95 орудиями; но кроме того, сюда же следовали войска, посланные наследником цесаревичем, что доводило силу обороны до 40 батальонов при 133 орудиях. Таким образом Сулейман упустил благоприятную для него минуту.

24 ноября генерал Малахов с бригадой 26-й пехотной дивизии занял вновь Злагарицу, опрокинув турецкий отряд, ушедший поспешно обратно за Елену.

Когда обозначилось направление активных действий Сулеймана на Елену, то наследник цесаревич вновь перегруппировал свои силы, создав в конце ноября три участка обо-

¹ До 10 часов — только два батальона Севского пехотного полка, затем прибыл батальон Орловского полка; в 18 часов этот отряд отошел на позицию у д. Евковцы.

роны: левофланговый¹, центральный² и правофланговый³. Основные позиции для обороны оставались прежние: Мечко-Трестеницкое, Баничко-Батиницкая и Чаиркиойская.

29 ноября Сулейман-паша пытается броситься на крайний левый фланг Рущукского отряда (на Кадыкой — Пиргос). Это привело к новому упорному бою 30 ноября между Мечкой и Трестеником. Наследник цесаревич своевременно разгадал планы Сулеймана и приказал с рассветом 30-го перевести 2-ю бригаду 35-й пехотной дивизии к Дамогиле и притянуть к Мечке отряд, оборонявший Батинскую переправу. Со своей стороны великий князь Владимир перевел из Дамогилы в Трестеник Бессарабский полк.

К рассвету 30 ноября на позиции у Трестеника находились 1-я бригада 12-й пехотной дивизии и 2-я бригада 33-й пехотной дивизии — 12 батальонов и 40 орудий (командовал генерал-лейтенант барон Фиркс), на позиции у Мечки — 2-я бригада 12-й пехотной дивизии — шесть батальонов и 32 орудия (командовал генерал-майор Цитлядзев). При этих войсках находилась вся 12-я кавалерийская дивизия — 18 эскадронов и сотен и 12 конных орудий. Могли прибыть в течение дня еще 10 батальонов, шесть сотен и 42 орудия и таким образом всего можно было противопоставить неприятелю в день 30 ноября 28 батальонов, 21 эскадрон и сотню и 130 орудий.

Бой разгорелся по всей линии, но наступление турок велось собственно на Мечку и в промежуток между нею и Трестеником.

После полудня турки, сосредоточив до 30 таборов против Мечкинского участка, повели решительную атаку и в особенности на правый фланг; несмотря на страшные потери, они напирали здесь с отчаянным фанатизмом и значительно усилили свою артиллерию. Было ясно, что турки хотят во что

¹ Поручен 12-му корпусу.

² Поручен 35-й пехотной дивизии.

³ 1-я пехотная дивизия и 1-я бригада 32-й пехотной дивизии, эти же войска должны были поддерживать отряды 11-го корпуса на Осман-Базарской дороге.

бы то ни стало прорвать центр нашей обороны. Великий князь воспользовался этим упорством противника и решил, дав ему втянуться в ложину между Мечкой и Трестеником, удерживаясь на левом своем фланге и в центре, перейти в решительное наступление правым флангом; он подждал прибытия 2-й бригады 35-й пехотной дивизии. В это время — около 13 часов — цесаревич прибыл на высоты у Яли-Абланово и наблюдал за ходом боя. Голова колонны 2-й бригады 35-й дивизии полковника Назарова подошла к Трестенику. Тогда Великий князь приказал ей и Украинскому полку идти вдоль шоссе на Рушук и, зайдя правым флангом, ударить на левый фланг турок, а барону Дризену с кавалерией содействовать этому наступлению.

В это время, когда вполне сказалось успешное наступление Назарова и на действиях турок, атаковавших Мечку, Цитлядзев приказал перейти в наступление всем остальным войскам Мечкинского участка. Таким образом в 15 часов 30 минут все наши войска, по всему фронту, от обороны перешли в решительное наступление, и победа была уже в наших руках. Великий князь приказал наступать самым энергичным образом, но вскоре наступление обратилось уже в преследование, закончившееся лишь с наступлением темноты.

Наши потери состояли из 22 офицеров и 813 нижних чинов, а турецкие — более 3000 человек. Государь наградил наследника цесаревича Георгия 2-й степени, великого князя Владимира — бриллиантовой шпагой с надписью: «14 и 30 ноября 1877 года».

Сражение под Мечкой—Трестеником, закончившееся нашей блестящей победой, представляет собой последнюю наступательную попытку армии Сулеймана против нашего Восточного фронта. В продолжение пяти месяцев войска Рушукского отряда, под начальством и руководством наследника российского престола и затем императора великой России Александра III, выдерживали почти непрерывные бои и сражения с противником, постоянно превосходившим их числом (иногда в несколько раз), имевшим выгоды наступательного образа действий, опиравшимся на сильные крепости, располагавшим хорошими путями сообщения и предво-

димым считавшимся лучшим из турецких военачальников. Своей невидной, но чрезвычайно важной службой Рушукский отряд не только облегчил, но и дал возможность всей русской армии одержать победу на других, более важных пунктах театра войны.

Наступление на Балканы

За взятие Плевны государь наградил Георгием 1-й степени великого князя Николая Николаевича, 2-й степени — Тотлебена, 3-й степени — Непокойчицкого и князя Имеретинского и 4-й степени — Левицкого. После молебствия государь завтракал в Плевне и долго беседовал с Османом, которому возвратил саблю. Вообще мы относились к этому лучшему из турецких военачальников особенно внимательно и сердечно; так, ему отдавали воинские почести наравне с положенными для фельдмаршалов русских войск. Осман выказывал особенное уважение Тотлебену и Скобелеву¹.

Наши трофеи, захваченные под Плевной, оказались огромными: 44 тысячи пленных, 88 орудий (многие из них были сперва закопаны турками), 7 знамен (одно взято в бою рядовым гренадерского Астраханского полка Ждановым, одно взято в обозе и найдено пять) и два значка².

30 ноября состоялся в Порадиме, в присутствии государя, военный совет в составе главнокомандующего, князя Карла, Милютина, Тотлебена, Непокойчицкого и Обручева.

4 декабря государь отбыл в Россию. Хотя присутствие царя-освободителя среди своих войск, сражавшихся за святое дело освобождения единоверных и единоплеменных братьев, было в высшей степени благотворным, но в то же время непосредственная близость императорской главной квар-

¹ Великий князь был до того добр к Осману, что принял от него в подарок его боевого коня, которого подарил Офицерской кавалерийской школе.

² Из пленных пашей двух младших по чину уступили румынам, что положительно оскорбило и возмутило турок, так как они считали особенно позорным быть в плену у валахов; боевые паши расплакались, узнав о таком для них оскорблении.

тиры к полевому штабу очень часто затрудняла командование армией. Среди приближенных государя было немало лиц, относившихся враждебно к великому князю; он сам говорил: «Меня придворные вообще не любят, а в императорской главной квартире постоянно против меня интриговали, стараясь уронить в глазах государя».

Стратегическая обстановка к началу декабря была следующая. Потеряв свою Западную армию, турки располагали только войсками на Восточном и Южном фронтах: Восточный фронт — армия Сулеймана, опиравшаяся на крепости на протяжении от Дуная до Сливна (120 верст), силой 107 тысяч, Южный фронт — отряды Весселя и Шакира, оборонявшие всю линию Балкан, от Сливна через Казанлык до Софии (210 верст), силой 55 тысяч.

Мы имели против Восточного фронта отряды Руцукский, барона Деллинсгаузена и Циммермана, силой 120 тысяч, а против Южного фронта отряды Радецкого, Карцова и Гурко, силой 55 тысяч; у Плевны находился резерв в составе бывшего отряда обложения, силой 90 тысяч человек, не считая румынов. Таким образом, мы достигли значительного превосходства сил, причем все наши войска были отличного качества, а турки имели много таборов нового формирования, из необученного мустахфиза и народного ополчения, не только не способных к упорному бою, но еще и постоянно дезертировавших. Однако эти выгоды парализовались стихийными условиями: наступившая зима, с морозами и метелями, вообще затрудняла всякие действия, в особенности войск, не снабженных теплой одеждой; наступление же на Балканы, по бездорожью (все более или менее удобные пути были заняты турками), казалось многим прямо немислимым. Кроме того, если зимовка в Придунайской Болгарии давала возможность туркам выиграть время для всесторонней подготовки обороны, как в Балканах, так и за ними, то была крайне тягостной для русской армии: средства страны были истощены, особенно в районе крепостей; дороги портились, а при ледоходе Дунай не позволял рассчитывать на регулярный подвоз запасов. Оставаясь в Придунайской Болгарии, армия обрекалась на лишения, и в то же время после напря-

женной деятельности переходила к полному бездействию, что неминуемо повлекло бы развитие эпидемий. Вместе с тем, с затягиванием войны, усложнялась политическая обстановка; наши успехи раздражали Англию и Австрию; в последней собирались многочисленные митинги, требовавшие от правительства вооруженного вмешательства.

Турки уже стремились заручиться содействием своих друзей, чтобы заключением перемирия остановить наше наступление на Балканы. Поэтому нам оставалось только окончательным разгромом всех вооруженных сил Турции выиграть лучшую стратегическую и политическую позицию, а для этого надлежало во что бы то ни стало немедленно двинуться на Балканы, тем более что мы располагали достаточными силами. Можно было предоставить Румынии второстепенные операции, что и было сделано: их 4-я дивизия конвоировала пленных и должна была сменить наш Журжево-Ольтеницкий отряд, чтобы он присоединился к своим частям; остальные три дивизии начали операцию против Ак-Паланки. В то же время на нашей стороне выступили сербы, которые к 12 декабря окружили Ниш, а 16-го взяли Пирот.

Балканскую преграду можно было форсировать в двух направлениях: у Шипки, на кратчайшем операционном пути Тырново-Казанлык-Адрианополь, или в Этропольских Балканах, на кружных путях через Орхание на Софию — Ихтиман; в частности, прорыв во втором направлении открывал нам дорогу и на первом, так как выводил в тыл обороны Шипки, но это могло случиться лишь в неопределенное время; первое же направление было несравненно выгоднее, ибо избавляло войска Радецкого от невыносимого шипкинского сидения, где убыль только от болезней заставляла таять войска; три полка 24-й дивизии были сведены с перевала в количестве по 2000 штыков и имели в госпиталях до 6 тысяч заболевших.

Главнокомандующий склонялся к наступлению в ближайший обход шипкинских позиций, в чем его усиленно поддерживал Скобелев; Радецкий упорно доказывал невозможность такого предприятия, но великий князь был противоположного мнения. Для обеспечения успеха великий князь

назначил в отряд Радецкого Скобелева и полковника генерального штаба Соболева, рекогносцировавшего летом левый обходный путь. Наоборот, Гурко рвался наступать через Балканы и не имел никакого сомнения в успехе. Для железной воли этого полководца не могло быть препятствий, что он и доказал на деле. Под энергичным напором Гурко было решено одновременно прорываться через Балканы в обоих направлениях.

1 декабря отряд «обложения» был расформирован, и армия составила три отряда: Восточный — цесаревича, Центральный — Радецкого и Западный — Гурко. Прежде всего освободившимися под Плевной войсками был усилен Рушукский отряд, как имевший против себя наиболее многочисленную и наименее расстроенную турецкую армию. 9 декабря в Тырново прибыли штаб, Киевский гусарский полк и 30-я пехотная дивизия 4-го корпуса; его 2-я пехотная дивизия с казанскими драгунами стала в Дольнем Монастыре. На усиление Гурко были отправлены 3-я гвардейская пехотная дивизия и 9-й корпус, сосредоточившиеся в Орханиз к 12 декабря. На усиление Радецкого пошел Скобелев с 16-й пехотной дивизией, 3-й стрелковой бригадой, четырьмя саперными батальонами и 9-м Донским полком, прибывший в Сельви 13—14 декабря.

Наступление Гурко предполагалось первоначально 11 декабря, но погода была в высшей степени неблагоприятной. 6 декабря началась и не прерывалась в течение трех суток снежная метель; 10-го начался на Дунае ледоход; 11-го был сорван мост у Браилова; 14-го разведены мосты у Систова и Батина, причем мосты у первого пункта были настолько повреждены, что из двух можно было составить только один. В отряде Гурко, где только половина войск могла размещаться по квартирам, а другая бивакировала, ежедневная убыль больными достигла 50 человек. В Псковском же пехотном полку 6 и 7 декабря заболело 340 бойцов.

15 декабря главнокомандующий получил донесение от нашего военного агента в Вене полковника Фельдмана, что турки укрепляют за Балканами три позиции: между Софией и Адрианополем, у Адрианополя и перед Царьградом, а так-

Переход через Балканы отряда генерал-адъютанта Гурко

же формируют в Адрианополе резервную армию в 150 тысяч. Такие известия и слухи об успешном ходе переговоров турок с Англией о недопуске на Балканы заставили великого князя особенно торопиться наступлением.

Потерпев поражение под Мечкой 30 ноября и узнав о капитуляции Османа, турки прекратили всякие наступательные попытки на всем Восточном фронте и у Шипки и переключили все свое внимание на защиту подступов через Балканы к Софии. Мехмету-Али было поручено сформировать новую армию в Софийском районе, как для его обороны, так и для помощи Осману; но достаточного количества войск не оказалось. Мехмет-Али имел не более 25—30 тысяч мустафиза, которые он расположил на позициях северных склонов Этропольских Балкан (Этрополь, Правец, Ложани, Скравена, с резервом у Врачеша), а впереди перевала Араб-Конак устроил семь редутов, вооруженных полевыми орудиями, из которых сильнейший назывался турками Илдыс-Табия, а нами Шандорник; небольшая часть войск находилась у Софии, Ташкисена и Златицы.

Гурко разбил турецкие отряды у Правца 11-го и у Этрополя 12 ноября и отбросил их к Балканам. Тогда Мехмет-

Али решил ограничиться обороной Араб-Конакской позиции, вопреки указаниям из Константинополя не только удерживать всю Орханийскую линию, но и наступать к Ловче; однако, чтобы отчасти выполнить эти указания, он выделил вперед Врачеша восемь таборов с батареями. 18 ноября Гурко обошел позицию у Орхание и занял ее без боя, захватив во Врачеше богатые склады боеприпасов, провианта и одежды. Затем, когда Гурко утвердился против Шандорника, Мехмет-Али попытался 21 ноября атаковать наш правый фланг, но, потерпев неудачу, был отозван и заменен Шакиром-пашой.

Подкрепления из Восточной турецкой армии были направлены в количестве 60 батальонов (30—37 тысяч человек) частью через Варну, морем и по железной дороге, частью на Котел и Сливно походом, и 15 декабря часть их была у Татар-Базарджика, часть подходила к Софии, куда прибыл и Сулейман, но как раз в это время кавалерия авангарда Гурко (астраханские драгуны) заняла, пройдя Чурьяк, Софийское шоссе и едва не захватила в плен турецкого главнокомандующего. Можно думать, что турки отчасти совершенно растерялись после капитуляции Плевны, а отчасти чересчур понадеялись на обещания английского посла в Константинополе Лайярда о заключении перемирия до перехода русских через Балканы.

Переход через Балканы Западного отряда. По прибытии всех подкреплений из-под Плевны в распоряжении Гурко составилось 84,5 батальона, 56 эскадронов и сотен, 264 пеших и 54 конных орудий, силой около 70 тысяч человек. Против них у Шакира имелось: на позиции Араб-Конак — Шандорник — 45 таборов, у Лютикова — 10, в Златице — 15, в окрестностях Софии и по дорогам на Пирот, Берковац — 12; всего около 80 таборов; у Араб-Конака было около 12,5 тысячи человек; турки могли в случае обхода их расположения отходить или на Софию, в укрепленный лагерь, но тогда им угрожала возможность быть отрезанными от Адрианополя, или к последнему через Петричево и Татар-Базарджик, что было несравненно выгоднее. Обладая значи-

тельным превосходством сил, Гурко решил обойти оба фланга противника. Для этого были обреченогносцированы по два направления: в обход левого фланга, от Врачеша через гору Умургач и на д. Чурьяк, и в обход правого фланга, от Этрополя через Бабу-гору и на Златицу. Все четыре дороги представляли собой лишь выючные тропы, а по крайней правой — на Умургач зимой не производилось никакого движения. Было решено главные силы провести на Чурьяк по дороге, разведанной подполковником Ставровским, а еще две колонны направить вправо на Умургач и влево через Бабу-гору.

Для подготовки движения приняты следующие меры: людям выдали сухари, чай и сахар на шесть дней (с 13 по 18 декабря) и мясо на трое суток; насколько возможно привели в порядок обувь, в ход пустили и болгарские опанки, и просто шкуры; починили одежду (полушубков и валенок не было). На подъемных лошадях наложили выюки; лошадям перековали, и кое-кто ковал на острые шипы, но таких счастливых было немного. Для облегчения перевозки орудий собрали волов и болгарские сани, которые, однако, пользы не принесли, так как артиллерию пришлось тащить исключительно на руках. С 9 декабря приступили к разработке дороги на Чурьяк преображенцами и двумя ротами гвардейских саперов. 12 декабря дорога была готова до перевала, а в 17 часов того дня полк выслал два батальона в д. Чурьяк, в одну ночь подготовили спуск к деревне; 12 декабря в Орханизэ все начальники были ознакомлены с диспозицией.

Диспозиция требовала:

- 1) авангарду генерала Рауха (13 батальонов, 16 пеших орудий, 11 сотен и четыре конных орудия) начать подъем в 11 часов дня, иметь привал в Чурьяке и в 4 часа утра 14 декабря спуститься и занять Софийское шоссе, став на позиции фронтом к Ташкисену;

- 2) средней главной колонне генерала Каталя: первому эшелону (восемь батальонов, один саперный батальон, 16 пеших орудий, пять эскадронов и сотен) начать подъем через полчаса после того, как пройдет хвост авангарда, а второму эшелону (10 батальонов и восемь пеших орудий) через полчаса после прохождения первого; оба эшелона должны иметь

ночлег на 15 декабря на Софийском шоссе; таким образом, весь переход через Балканы предполагалось совершить за полтора суток;

3) правой колонне генерала Вельяминова (шесть батальонов, восемь пеших орудий, 16 эскадронов и восемь конных орудий) выступить из Врачеша в 5 часов 30 минут утра и на следующий день пехоте иметь ночлег в Желяве, составив заслон от Софии, а кавалерии захватить Филиппопольско-Софийское шоссе и содействовать дебушированию средней колонны;

4) левой колонне генерала Дандевилля (девять батальонов, восемь пеших орудий, шесть эскадронов и сотен, шесть конных орудий) выступить из Этрополя в 6 часов утра и на следующий день выслать кавалерию через Буново на Софийское шоссе, а пехоте провести демонстрацию в тыл турецкой позиции у Шандорника, чем отвлечь противника от главной колонны;

5) отрядам графа Шувалова (12 батальонов и 24 орудия), принца Ольденбургского (восемь батальонов и 28 орудий), генерала Брока (5,5 батальона, два орудия и три сотни) и генерала Шильдер-Шульднера (девять батальонов, 38 орудий и семь эскадронов) оставаться против турецких позиций на перевалах и вести демонстрации, а в случае отступления противника преследовать его.

Всего для действий на фронте Мургач-Златица было назначено для наступления 47 батальонов, 74 орудия и 38 эскадронов и сотен, а для наблюдения за позициями турок на перевалах 34,5 батальона, 92 орудия и 10 эскадронов и сотен.

Мороз достигал 20 градусов и почти все время сопровождался сильным ветром и даже в некоторых местах вьюгой. Относительно легче были условия движения авангарда и главной колонны на Чурьяк вследствие разработки дороги, но при гололедице вырубленные ступени на крутых подъемах быстро стирались и их приходилось возобновлять. Только в 14 часов два орудия авангарда с двумя ротами достигли перевала; весь авангард должен был оставаться на перевале день 14-го и ночь на 15 декабря. При силь-

ной метели без варки пищи, в напряженной работе люди выбивались из сил.

14 декабря Гурко уже произвел рекогносцировку турецких позиций, а 15-го, как только можно было начать спуск, он приказал находившемуся в Чурьяке Преображенскому полку сбить турок с позиции у д. Негашево; в то же время козловцы заняли находившуюся западнее д. Потоп, а казаки, выйдя на Софийское шоссе, прервали сообщение Шакира с Софией и захватили турецкий обоз. Таким образом, выход для главной колонны был совершенно и прочно обеспечен, первый эшелон мог начать подъем только в 15 часов 15 декабря, и к вечеру 18-го вся колонна сосредоточилась в Софийской долине, затратив четверо суток на подъем и спуск всего 44 орудий.

Левая колонна за отсутствием саперов при помощи 700 рабочих-болгар, проработав подряд 42 часа, достигла головной перевала через Бабу-гору к вечеру 14 декабря. Эта колонна больше всего пострадала от метели и урагана¹. При таком бедственном положении отряда Дандевиль отошел к Этрополю, а затем, по соглашению с генералом Броком, действовавшим у Златицы, перешел Балканы в этом направлении и принял начальство над обоими отрядами.

На долю правой колонны генерала Вельяминова выпала самая отчаянная тропа на гору Умургач, откуда можно было спуститься или западнее к д. Желяве, или восточнее к д. Чурьяк, куда выходила и главная колонна². К вечеру 14 декабря, хотя два батальона авангарда и дошли до перевала, но вследствие поднявшейся метели должны были возвратиться. Метель свирепствовала и 15-го, но люди продолжали работать, и около полудня 16-го голова достигла Умургача,

¹ В ее авангарде 16 декабря были обморожены 13 офицеров и 813 нижних чинов; орудия (четыре орудия 19-й донской батареи) были откопаны вместе с погибшей прислужгой лишь несколько дней спустя.

² На донесение о встреченных непреодолимых затруднениях Гурко ответил: «Отряду идти вперед во что бы то ни стало; пешую артиллерию отправить домой, а конной бросить задние ходы». Было взято с собой только восемь конных орудий и восемь орудийных и ящичных передков.

где ветром сносило всех одиночных людей. Тогда же была установлена связь с главной колонной и получено разрешение генерала Гурко спускаться прямо на Чурьяк, что было исполнено необычайно энергично 17-го.

Шакир-паша проявлял страшную суетливость: то испрашивал разрешения сосредоточить все силы у Адрианополя, то просил Сулеймана выслать из Софии в горы войска; ему было известно и о наступлении русских через Чурьяк. Когда Шакир собственными глазами увидел спускающуюся по склонам Балкан русскую кавалерию, выслал в Ташкисен Беккер-паше четыре батальона, четыре орудия и три эскадрона; этот отряд начал укрепляться. Подкрепив Беккера, Шакир решил оставаться на месте до 19 декабря.

Сосредоточив войска трех колонн к вечеру 18-го, Гурко в тот же день произвел личную разведку позиции у Ташкинсена и ознакомил начальников с планом атаки на следующий день. Гурко распределил войска для атаки следующим образом: колонна Рауха (девять батальонов, восемь орудий и полэскадрона) с колонной Васмунда (три батальона) должны были выступать севернее шоссе на три турецких редута; в связи с ними должен действовать граф Шувалов (восемь батальонов и два орудия), смененный на позиции перед Араб-Конаком отрядом Шильдер-Шульднера, освободившемся вследствие отступления турок от Лютикова. Колонна Курлова (10 батальонов и восемь орудий) должна была наступать южнее шоссе на главную высоту турецкой позиции; за нею следовал резерв из 10 батальонов и 16 орудий. Кавалерия Клодта (16 гвардейских эскадронов и четыре орудия) должна была через д. Комарци действовать в тыл туркам. Всего для атаки назначено 39,5 батальона, 32 пеших орудия, 16 эскадронов и шесть конных орудий, а в заслонах оставалось 45 батальонов, 260 орудий и 32 эскадрона. Из этого видно, что приходилось действовать с ничтожным количеством артиллерии.

Турки, несмотря на присутствие в их рядах мустахфиза, оказали упорное сопротивление, выставив восемь батальонов, четыре орудия и три эскадрона, всего до 5000 человек. В этом отряде почему-то проявили особую деятель-

ность английские офицеры: полковник Алликс и капитан Текерей.

К 3 часам дня колонны Рауха и Курлова овладели всей турецкой позицией. Турки, отойдя в некотором беспорядке, все-таки успели занять вторую позицию в расстоянии 300 сажень от первой. Туман, а главное, изнурение людей не позволили продолжать атаку. Наши потери в бою достигли 15 офицеров и 547 нижних чинов, турки потеряли около 1000 человек.

Шакир-паша начал отступление после полудня; выслав одну бригаду к д. Комарцам, под прикрытием ее и Беккера ему удалось отправить все обозы и тяжести, оставив лишь под Шандорником 10 орудий. Наши войска убедились в отступлении турок только на следующий день утром, когда и были взяты все неприятельские позиции.

Генерал Гурко приказал с рассветом 20 декабря возобновить наступление под Ташкисеном, но и здесь турки уже отступили, так что оставалось их только преследовать. Отступление отряда Шакира усложнилось тем обстоятельством, что турецкие войска, оборонявшие Златицу, тронулись только в ночь на 21 декабря и, будучи преследуемые Дандевилем, были отрезаны от Петричева; Дандевиль мог также отрезать от Отлукиоэ самого Шакира. Это и имел в виду Гурко, но вследствие запаздывания приказаний отряд Дандевилья не вышел наперерез туркам. Точно так же не удалось и преследование в охват Шакира с юга, ибо гвардейская кавалерия, желая иметь при себе свои орудия, потеряла время на прокладку дороги и вышла в тыл своей 3-й гвардейской дивизии, которая одна преследовала противника в хвост. Турки оказали сопротивление у Петричева, причем здесь были убиты генералы Каталей и Философов, неосторожно выехавшие в боевую цепь. Шакир продолжал уходить и 23 декабря сосредоточил свои войска в Отлукиоэ, оставив в арьергарде одну бригаду против с. Мечки.

Когда генерал Гурко выступил против Шакира, то к стороне Софии был выслан отряд генерала Вельяминова с его шестью батальонами и Кавказской казачьей бригадой. Но затем надо было захватить Софию с ее богатыми продоволь-

ственными запасами, так как это прежде всего обеспечивало наше сообщение, а затем мы должны были войти в связь с сербами, уже бывшими у Пирота. К этому времени турки сосредоточили для обороны Софии до 30 таборов, силой около 12 тысяч человек, но у них не было определенного плана действий. Узнав о приближении отряда Вельяминова, турки выступили из Софии и 20 декабря энергично атаковали его у Горного Бугорова. Это молодецкое дело было нами выиграно, несмотря на огромное превосходство сил противника. Гурко поспешил подкрепить Вельяминова, выслав часть войск с генералом Раухом в ночь на 21 декабря, а сам повел к Софии 1-ю гвардейскую дивизию, стрелковую бригаду, Козловский полк и две батареи. 22 декабря Гурко уже произвел рекогносцировку Софии и нашел ее северный фронт совершенно беззащитным. Однако атаковать не пришлось, потому что турки воспользовались свободным путем на Дубницу и отступили. 23 декабря состоялся торжественный въезд генерала Гурко в Софию и молебствие в соборе. Мы получили много продовольствия (до 200 тысяч пудов муки) и снарядов (в одной мечети было найдено 20 тысяч патронов с надписью «в Плевну»).

Таких блестящих результатов достигли русские войска под предводительством Гурко; оценка их доблести и выносливости лучше всего отражена их начальником-героем в приказе, отданном им в Софии 25 декабря в День Рождества Христова: «Не знаешь, чему удивляться больше: храбрости ли и имуществу вашему в боях с неприятелем или же стойкости и терпению в перенесении тяжелых трудов в борьбе с горами, морозами и глубоким снегом. Пройдут годы, и потомки наши, посетив эти дикие горы, с гордостью и торжеством скажут: здесь прошли русские войска и воскресили славу суворовских и румянцевских чудо-богатырей».

Сражение под Шейновом

Ко дню падения Плевны войсками генерала Радецкого заканчивался четвертый месяц исторической самоотверженной осады Шипки, и можно сказать смело, что только русские офицеры и солдаты оказались в состоянии не только

жить под постоянным огнем противника, но и переносить невероятные тяготы погоды. Всего в отряде было 20 батальонов: 14-й дивизии — полки Минский, Подольский и Житомирский — и 24-й дивизии — полки Иркутский, Енисейский и Красноярский. Больных числилось 81 офицер и 5214 нижних чинов. В начале декабря морозы достигали свыше 20 градусов; свирепствовали снежные ураганы, наметавшие сугробы в полторы сажени высотой. Жизнь войск была отчаянная¹: на голых вершинах, резком ветру, при непрерывных выюгах; солдаты ютились в земляных норах и снеговых сугробах, подвергаясь постоянно перекрестному огню с командных высот. Потери были настолько значительными, что, например, в Подольском полку выбыло 280 раненых — все во время отправления естественных надобностей. 16 декабря Волынский полк сменил три полка 24-й дивизии, отправленных на отдых в Тырново.

У турок на Балканах и за Балканами для обороны Шипкинского района было около 40 батальонов, расположенных в двух группах: меньшая — на горных позициях, а большая — в укрепленном Шейновском лагере. Относительно форсирования Шипки Радецкий настаивал на том, чтобы дождаться минуты, когда Гурко прорвется через Этропольские Балканы, ибо если бы ему удалось достигнуть Калофера, то турки были бы вынуждены оставить Шипку без боя. Однако главнокомандующий, которому принадлежит идея форсирования Шипки, настоял на своем плане, несмотря на то что Радецкий даже, двинувшись вперед, телеграфировал, что слагает с себя ответственность за последствия.

Скобелев явился ярким защитником необходимости наступления, находя, что мы, располагая достаточными силами, конечно, могли бы оказать сильнейшую поддержку Западному отряду. В представленном 16 декабря Непокойчицкому докладе он, между прочим, соглашаясь, что атаковать турецкие шипкинские позиции в лоб невозможно, доказывал, что их можно обойти, и тогда турки могли быть не толь-

¹ 11 декабря заболели 903 человека и к 12-му числу было больных: в Иркутском полку — 2001, в Енисейском — 2005 и в Красноярском — 2207.

ко охвачены, но и окружены, после чего сложили бы оружие. Обилие снега в горах Скобелев находил выгодным, так как он заставлял противника двигаться траншеями и действовать не фронтом, а отдельными кучками и толпами. Нельзя не заметить также, что Скобелев еще в октябре предвидел возможность зимнего перехода Балкан и тогда уже заказал 800 вьючных седел, которые были перекуплены другими войсками, но все-таки пригодились.

Первоначально в состав отряда Скобелева вошла только его 16-я дивизия, в которой к 1 декабря состояли 171 офицер и 10 783 нижних чина. Скобелев принял все меры к снабжению дивизии теплой одеждой¹. Наконец, дивизия имела в достаточном количестве шанцевый инструмент. Из Плевенских складов Углицкому полку было выдано 500 ружей Пибоди с 500 патронами на ружье. В три перехода Скобелев довел свою дивизию в Сельви, где был задержан на 5 дней.

Всего в распоряжении Радецкого к 19 декабря было 55 батальонов, пять рот саперов, восемь болгарских дружин, восемь эскадронов, 13 сотен при 86 орудиях. При таком сосредоточении сил было признано возможным обойти турок с обоих флангов, а часть войск оставить на позициях перед Шипкой для того, чтобы не позволить им стянуть все свои силы против обходящих колонн. Для обходов было назначено 40 батальонов, восемь дружин, вся кавалерия и 38 орудий, распределенных следующим образом:

1) правая (западная) колонна — Иметлийский отряд — Скобелева: 16-я пехотная дивизия, 9, 11 и 12-й стрелковые батальоны, две саперные роты, 9-й Донской полк, уральская сотня, одна полевая и одна горная батареи; всего 15 батальонов, семь дружин, семь сотен и 14 орудий; позднее добавлены еще три полка 1-й кавалерийской дивизии — восемь эскадронов и шесть сотен, итого 15,6 тысячи штыков и сабель;

2) левая (восточная) колонна — Травненский отряд — князя Святополка-Мирского: 30-я пехотная дивизия, три полка 9-й дивизии, 4-я стрелковая бригада, одна дружина, одна рота саперов, 23-й Донской полк; всего 25 батальонов,

¹ Войскам были розданы теплые фуфайки и новые сапоги.

одна дружина, шесть сотен и 24 орудия; всего 18 тысяч штыков и сабель;

Под непосредственным начальством Радецкого оставались на позициях у горы Св. Николая: 14-я пехотная дивизия, Брянский полк, две роты саперов; всего 15 батальонов и 48 орудий.

20 декабря Радецкий предписал правой колонне двинуться от Таплыша на Иметли, занять последнюю деревню, там «укрепиться и оставаться впредь до получения приказаний», выставив боковой отряд к Лысой горе; левой колонне было приказано двинуться от Травны к Янине. Дальнейшее движение было назначено на 24 декабря. К этому времени авангард Скобелева сосредоточился у Топлыша, а главные силы — в Габрове; авангард Мирского был в четырех верстах от горы Крестца, а главные силы — в Травне и Дренове; в последнем пункте только что сосредоточилась 30-я пехотная дивизия, назначенная в поход неожиданно и потому к нему совершенно не подготовившаяся. Предполагалось, что 24 декабря левая колонна сосредоточится у Гузова-Маглижа (45—50 верст от штаба Радецкого), а правая — у Иметли (32 версты от штаба Радецкого) и на следующий день произойдет атака Шипки с двух сторон, причем правой колонне рекомендовалась «осторожность» и указывалось на вероятность содействия отряда генерала Карцева, направленного через Троянский перевал; было сказано «атаковать без Карцева только при благоприятной обстановке». Таким образом, все действия должны были разыграться на площади около 200 кв. верст, и связь между отрядами должна была отсутствовать из-за движения исключительно по горным тропам и отсутствия телеграфа, который был доведен только до горы Крестца. Ни одна из обходящих колонн не могла рассчитывать на какой бы то ни было резерв.

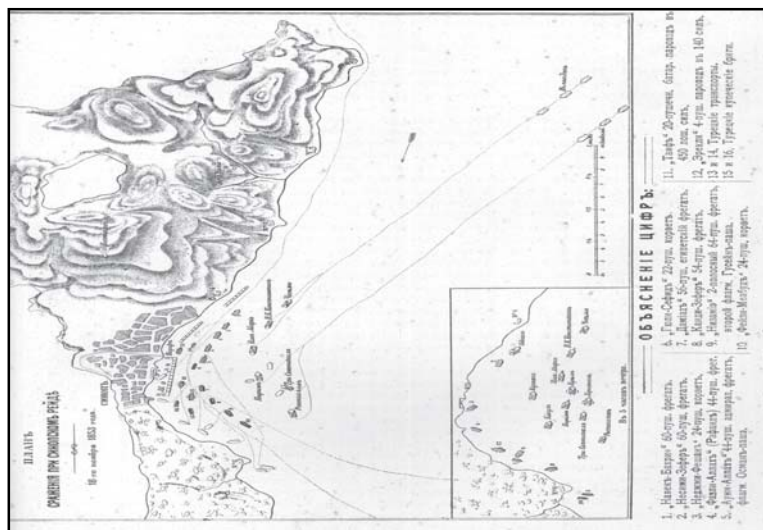
Относительно пути движения Скобелева хотя и имелись довольно полные сведения, но они относились к летнему и осеннему времени. Еще в августе дорогу рекогносцировали казаки Скобелева, но более подробную разведку произвел 2 ноября подполковник граф Келлер, доходивший до горы Караджи с двумя болгарскими проводниками и четырьмя ка-

заками, до самых черкесских постов. Путь Топлыш-Иметли представлял труднопроходимую тропу летом и признавался местными жителями совершенно непроходимым зимой, с заваленным снегом, а местами с обледеневшим покровом. Протяженность пути 16—17 верст. Подъем до горы Чуфута тянулся на 9 верст, а спуск в 3 версты отличался необычайной крутизной и становился иногда почти отвесным; затем до Иметли оставалось еще 3 версты. Высота перевала 5000 тысяч футов. После подъема на Ветропольскую поляну и преодоления горы Караджи путь пролегал всего в 1000—1200 сажен от турецких позиций и мог быть обстреливаем. Снег приходилось расчищать на протяжении 15 верст, роя траншею глубиной иногда до 2 сажен.

Скобелев предполагал дойти до Иметли за 24 часа (в действительности потребовалось более 72) и там укрепиться. Он мог выбрать еще более западный путь, на Сеченый Камень, но эта дорога оказалась менее проходимой и притом длиной в 26 верст.

Скобелев разделил свой отряд на авангард генерала Столетова в составе двух батальонов (один казанцев и 12-й стрелковый) и уральской сотни; главные силы — 2-я бригада 16-й дивизии, семь дружин и горная батарея; эти части должны были следовать от Топлыша через гору Караджу; 9-й Донской полк должен был составить правую колонну и идти по кружной дороге на Сеченый Камень, а 1-я бригада 16-й дивизии с полевой батареей составила резерв, который предполагалось также двинуть в обход за Донцами.

Мороз достигал 10 градусов, но без ветра. В голове пошел граф Келлер, начальник штаба генерала Столетова, со стрелками и уральцами; казанцы прокладывали дорогу. В 6 часов 30 минут Келлер вышел на Ветропольскую поляну, а в 9 часов 30 минут был уже на горе Карадже. Скобелев радовался тому, что турки не заняли перевала, и уже рассчитывал вечером достигнуть Иметли, но чрезвычайные затруднения при подъеме расстроили его планы. Хвост авангарда взобрался на Ветропольскую поляну лишь около полудня, а это был лишь только первый уступ и оставалось еще два. Главные силы могли тронуться только в 4 часа следующего дня.

Переход отряда Радецкого через Балканы

В 15 часов Скобелев прибыл на Ветропольскую поляну, где авангард окопался. В 14 часов начали прокладывать дальнейшую дорогу, а на горе Караджа выставили заслон к востоку из одной дружины и 12-го стрелкового батальона, так как в 750 сажень были видны турки. В 16 часов Скобелев послал Радецкому донесение, что не может определить, когда прибудет в Иметли. К ночи на Ветропольской поляне собрался Казанский полк, и получили известие о взятии Гурко Софии. Одна рота крикнула «ура», которое было подхвачено другими, и таким образом можно было считать, что мы обнаружили себя туркам; поэтому было разрешено развести костры. К этому времени выяснилась невозможность движения по дороге на Сеченый Камень, и Скобелев приказал следовать по этому направлению только двум сотням донцов.

Весь день 25 декабря прокладывали дорогу и с трудом продвигали вперед горные пушки; работали все ночи, и к рассвету 26-го глава авангарда начала прокладывать спуск, ниспадавший почти отвесно в овраг, так что люди скорее сваливались, а не сходили; лошадей пришлось развьючивать.

За спуском дорога выходила на средний отрог главного хребта, а по бокам были еще два — западный и восточный, на которых и встретил нас противник. Турки давно уже заметили наше движение, пробовали обстреливать дорогу южнее Караджи, но вреда нам не причинили. Хвост главных сил — 2-й бригады — забрался на Ветрополье только к 6 часам 26-го, и только тогда могла двинуться 1-я бригада.

В 9 часов 30 минут 26-го турки повели наступление на д. Иметли, уже занятую главными частями казанцев; две с половиной роты последних отошли и заняли позицию на среднем отроге. Положение этих рот сразу же стало критическим, так как ни одна из остальных частей еще не начала спускаться и находилась не ближе 3 верст. Турки быстро заняли оба соседних отрога и поражали казанцев не только с флангов, но и в тыл, а равно самым действенным образом обстреливали участок дороги, по которому могли прибыть подкрепления. Казанцам удалось удержаться, и в 11 часов 30 минут подошли 5,5 роты казанцев и угличан, а в 14 часов прибыл Скобелев, который приказал перейти в наступление с целью расширить фронт действий.

В 15 часов пришло приказание Радецкого «занять Иметли и 27-го утром идти на д. Шипку и атаковать неприятеля». В записке сообщалось, кроме того, что голова колонны Мирского находится на полпути от Сельцев к Гузову. Скобелев ответил, что дебуширует из гор с боем и, вероятно, сосредоточится только на следующий день не ранее полудня (без полка и батареи); предполагает атаковать в полдень, но если бы Мирский атаковал раньше, то поддержит его всем, что будет под рукой.

Между тем бой принимал довольно опасный оборот; измученные солдаты оказывались не в состоянии выдержать губительный огонь турок. Тогда Скобелев под страшным огнем проследовал на передовую позицию и ободрил бойцов (сперва ему даже не отвечали на приветствие, но его энергичность позволила вывести солдат из состояния апатии). Затем Скобелев вернулся к спуску и опять подвергся жестокому огню. При этом был ранен в ключицу его начальник штаба Куропаткин, обязанности которого принял храб-

рый и энергичный граф Келлер. Благодаря общему наступлению наших войск турки были, наконец, изгнаны со своих позиций на предгорьях, после чего ушли и из д. Иметли, в которой были найдены в изобилии скот, мука, птица, мед и орехи.

Но большая часть наших войск была еще в горах. В 1 час ночи Скобелев донес: «Невозможно быть готовым к атаке в полдень, так как главные силы еще не спустились, но если увижу атаку левой колонны, то поддержу, какими бы малыми силами ни располагал, но предпочитаю атаковать позднее (полудня)». В 3 часа ночи, а затем еще через три часа были получены приказания Радецкого: «Назначена в состав Иметлийского отряда 1-я кавалерийская дивизия; Мирский с рассветом двинется к Хаскию и будет у Шипки не ранее полудня; рассчитать движение так, чтобы Мирский прибыл ранее». Как видно, Радецкий сам требовал, чтобы Скобелев атаковал позднее Мирского.

К рассвету 27-го в д. Иметли собрались Казанский полк без трех рот и 20 уральских казаков; в версте позади были два с половиной батальона угличан, а у Крутого спуска — уральская сотня, четыре сотни донцев, четыре дружины и голова Владимирского полка. От Топлыша двинулись Владимирский полк и одна дружина, батареи, Суздальский полк и два стрелковых батальона.

В 7 часов Скобелев донес: «Сегодня, в случае атаки после 16 часов, в долине будет около 12 батальонов при шести горных орудиях». Утром Панютин окончательно освободил отроги гор от турок, а Казанский полк двинулся против наступавших на Иметли колонн турок и занял позицию на буграх, фронтом на Шейново, в 700—900 шагах от окраины Иметли. Захваченный казаками в плен турецкий офицер показал, что армия Весселя стоит в Шейновском лагере и окружена сильными укреплениями. Около 11 часов получено донесение о спуске колонн Мирского, а также был замечен спуск турок от Лысой горы к Шипке. Казалось, что турки готовятся наступать, и Скобелев приказал окапываться.

В 14 часов дня, когда бой колонны Мирского был в самом разгаре, Скобелев приказал своим войскам наступать.

Он располагал в Иметли девятью батальонами, шестью орудиями и семью сотнями, но из них два батальона нужно было оставить для защиты тыла и левого фланга. Были развернуты знамена, раздалась музыка, и бойцы под артиллерийским огнем турок дошли на расстояние 2000 шагов от западного фронта укрепленного лагеря, который был резко обозначен опушкой леса. Продолжение движения повлекло бы за собой штурм лагеря, но, несмотря на обстоятельное донесение о наступлении Мирского, причем были даже представлены скроки с указанием занятия передовой, но не главной позиции на восточном фронте лагеря, Скобелев решил ограничиться демонстрацией, а потому продолжалась с обеих сторон вялая артиллерийская стрельба и мы окапывались. Извещения об этом решении Мирскому послано не было. Почему-то обе колонны считали, что держать связь между собой, заставляя посыльных спускаться с гор в долину, невозможно, и не желали рисковать напрасно людьми.

Положение Скобелева было в высшей степени затруднительным, ибо ему приходилось брать на себя ответственность в случае, если бы колонна Мирского из-за бездействия его войск понесла поражение. В то же время столь честолюбивому и выдающемуся полководцу, как Скобелев, казалось, что если Мирскому удастся в одиночку своей колонной взять Шейновский лагерь, то сам Скобелев будет навеки покрыт позором, поскольку не принял участия в победе русских войск. Однако Скобелев не побоялся будущих обвинений в бездействии¹. В данном случае Скобелев мог атаковать только половиной всех своих сил и не имел возможности подготовить атаку артиллерийским огнем, так как в его распоряжении было всего шесть горных пушечек против нескольких десятков турецких дальнобойных орудий. Перед ним возвышались мощные укрепления. Перед западным фронтом лагеря не было позиции, взяв которую, можно было бы укрепиться и поджидать подхода укреплений; нужно было, следовательно, брать лагерь одним порывом шестью батальонами. Ясно, что если бы последовала неудача, то по-

¹ А его действительно обвиняли рутинеры военного дела.

ложение стало бы тяжелым: повторный штурм, хотя бы и с большими силами, конечно, имел меньше шансов на успех, а новая неудача поставила бы отряд в критическое положение за невозможностью отступить.

Итак, не сосредоточив силы, Скобелев не должен был и не имел права штурмовать лагерь: это ему предписывали обстановка, военное искусство, элементарное знание тактики. Но может, ему нужно было пожертвовать своими войсками, чтобы выручить Мирского? На это можно ответить так: победителя не судят, а Скобелев победил; кроме того, Мирский не был разбит и даже не понес никаких напрасных потерь. Следовательно, в чем же вина Скобелева? Наоборот, его военный гений позволил ему ясно, отчетливо сознавать, что 25 батальонов славных русских боевых войск в колонне Мирского могли бороться с Весселем-пашой, и поэтому следовало дать генеральный бой только после сосредоточения всех сил, а бой Мирского 27-го числа должен был послужить к нему лишь подготовкой. Наконец, нельзя не обратить внимания на следующий факт: имелись сведения, подтвержденные и казаками Скобелевского отряда о том, что со стороны Калофера могли наступать значительные силы турок, а в таком случае тем более Скобелев должен был действовать наверняка, то есть всеми силами, и дожидаться их спуска с гор.

В 16 часов разгорелась перестрелка в отряде Мирского, но вскоре стихла, и в 18-м часу Скобелев отошел к Иметли. Суздальский полк собрался на перевале только к 20 часам и затем двигался всю ночь. В 20 часов двинулась из Топлыша голова 1-й кавалерийской дивизии, стоявшей по недоразумению на месте с 14 часов.

Собственно выступление 1-й дивизии пользы Скобелеву не принесло, а, наоборот, усложнило движение в горах пехоты, задержав ее на несколько часов.

Поскольку переход через горы Иметлийского отряда завершился к утру 28 декабря, то выходит, что он продолжался 3,5—4 суток, а для полевой батареи 5 суток; головное орудие доставили за 56 часов.

Колонне Мирского продвигаться было несравненно легче, чем правой колонне. Расстояние от Травны до Гузова —

31 верста, но до Крестца дорога на протяжении 13 верст удобная и легкая, а из тяжелых 18 верст — 11 верст подъема до д. Сельцы и семь спуска, гораздо более отлогого, чем под Иметли. Вообще этот путь считался зимой одним из лучших. Наконец, и высота перевала всего 3300 футов, тогда как Иметлийского — 5000. Кроме того, значительную помощь движению оказали 2000 рабочих болгар, деревянными лопатами энергично расчищавших снег. Турки не только не занимали Травнинский перевал, но даже его не контролировали; поэтому авангард беспрепятственно занял селения Сельцы и Гузово. Полевая артиллерия была отправлена в Травну, чем сильно облегчилось движение. К 17 часам весь отряд, за исключением 2-й бригады 30-й дивизии, сосредоточился в окрестностях Гузова, в долине, а 2-я бригада (Коломенский и Шуйский полки), свернув восточнее с перевала, заняла с боя в сумерках д. Маглине. Таким образом, переход левой колонны оказался легче.

Как сказано выше, Вессель-паша, несмотря на видимый его обход, упорствовал в обороне, вероятно, надеясь на силу укреплений под Шейновом. Действительно, они представляли собой обширный четырехугольник с обводом в 7 верст, с 14 редутами, из которых наиболее сильные находились на северо-восточном (группа укреплений на главном кургане) и юго-западном фронтах. Остальные редуты были построены с расчетом на две роты, а некоторые вмещали еще и по два орудия. Толщина бруствера до 7 футов, глубина наружного рва до 7 и ширина до 10 футов.

Наилучшим был подступ от д. Скиречию с юго-восточной стороны, но на него не было обращено внимание в колонне Мирского. На восточном фронте имелась передовая позиция на курганах в 300 саженях от главной линии обвода. Расстояние от Шейнова до Гузова — 10, до Иметли — 6 верст. К северо-востоку лежала д. Шипка, которую атаковать отдельно было невозможно, так как атакующий попадал меж двух огней: с севера — со стороны войск, сидевших на позициях против Шипкинского перевала, и с юга — из укрепленного Шейновского лагеря. Турки имели в горах приблизительно 15—20 батальонов; из них против горы

Св. Николая — пять—семь, на Лысой горе — четыре—пять, на батареях правого фланга — два и в Маглиже — три с половиной. В Шейнове и д. Шипке могло быть 25—30 таборов. Всего у турок было 30—35 тысяч человек. Главные склады были в Шейновском лагере, частью в д. Шипке и в Казанлыке. Радецкий, не подозревая о существовании Шейновского лагеря, отдал приказ атаковать д. Шипку.

Атака князя Мирского. Направив генерала Шнитникова с пятью батальонами (один батальон был оставлен в Маглиже) для демонстрации к Казанлыку, князь Мирский в 9 часов утра начал наступление на Шейново. Турки не заняли ни одной из имевшихся по пути позиций, поэтому войска беспрепятственно достигли восточного фронта укрепленного лагеря, где с передовой позиции по ним был открыт огонь из пяти орудий, а с 2000 шагов полились ружейные пули. В боевой части шли стрелки с горной батареи, в частном резерве Елецкий, а в общем Севский, Орловский и Ярославский полки; Серпуховский полк был оставлен в Гузове.

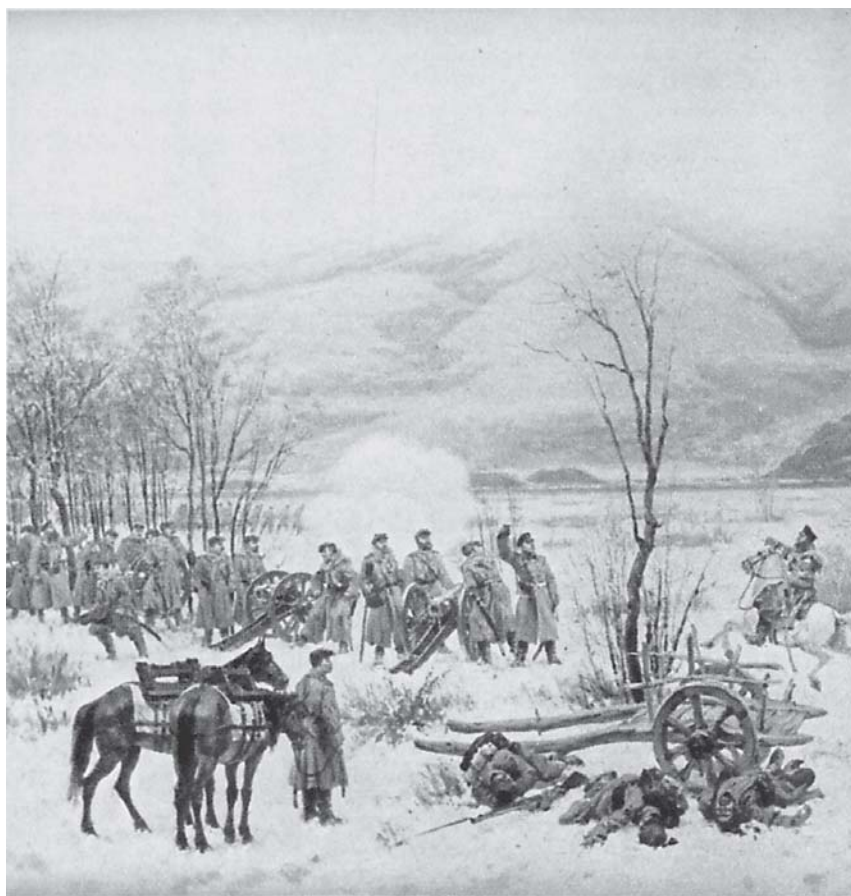
Наша горная батарея открыла действенный огонь сперва с 800 сажен, а потом с 800 шагов и взорвала ящик в турецком укреплении; это послужило сигналом для атаки, и в полдень стрелки одним махом взяли передовую позицию на курганах, захватили три орудия и до 70 пленных. С прибытием Елецкого полка семь батальонов начали атаку главной позиции, но страшный огонь остановил наступление, а турки сами перешли в контратаку. Подкрепившие боевую линию севцы и орловцы вместе с уже сражавшимися частями отбросили турок и преследовали их, но огонь 20 орудий и прибытие турецких резервов заставили нас остановиться. Можно считать, что против наших тринадцати турки постепенно ввели в дело своих 16—20 батальонов и, кроме того, имели огромное превосходство в кавалерии и артиллерии. У нас выбыли из строя один бригадный командир, два командира полка и два командира стрелковых батальонов, но тем не менее мы атаковали два раза и остались ночью на занятой позиции, которая была немедленно укреплена, почти от д. Шипки до роши у д. Скиречио (в полуверсте).

Ночью шел снег; войска не получили горячей пищи, а носимые в ранцах запасы были на исходе, но так как генерал Шнитников беспрепятственно занял Казанлык и нашел там много продовольствия, то немедленно выслал галеты для отряда.

Для продолжения боя Мирский решил сосредоточить до 22 батальонов, оставя лишь по одному в Маглиже, Гузове и Казанлыке; из них девять было свежих, не бывших еще в бою. В общем положение Мирского не было плохим, но тем не менее он донес Радецкому о своих будто бы отчаянных трудностях: «Войска дрались как львы целый день; потери большие; отступление невозможно; о Скобелеве ничего неизвестно; выручайте, патронов и пищи надо; мы взяли два орудия и 100 пленных».

Еще до рассвета 28-го началась перестрелка, а с утра турки перешли в наступление: сперва на наш правый фланг, потом на центр и позднее на левый фланг. Следовало, сосредоточив свежие батальоны в Скиречинской роще, прорвать оттуда расположение турок, тем более что это направление атаки допускало и связь с действиями Скобелева. Однако, хотя мы и утвердились в ней, но по недоразумению, вернее по причине непроверенных слухов о наступлении со стороны Эски-Загры 10 тысяч турок, Шнитников получил приказание следовать со своими батальонами на Гузово и таким образом не участвовал в бою. Наконец около 11 часов стало известно, что Скобелев близко, и казацьи разъезды обеих колонн вошли в связь. После полудня среди турок началось особенное смятение; их конница бросилась вон из лагеря, прорываясь западнее Скиречинской рощи; бывшие на фланге три сотни спешили, но турки пронеслись под их огнем.

Затем турки массами дебушировали из Шейновского леса к своему лагерю, и было видно, как наступавшие скобелевские войска их расстреливали, но еще держался северо-восточный фронт с главным курганом. Тогда по всей линии был дан сигнал к атаке, и началось наступление. Неожиданно огонь турок начал стихать и наконец совсем прекратился. Наши 15,5 батальона остановились, потому что последовала уже сдача Весселя Скобелеву.

Сражение у деревень Шейново и Шипка

Атака отряда Скобелева. К 10 часам у Иметли собрались все части Скобелевского отряда, кроме Суздальского полка, начавшего в 8 часов спуск, 4-й батареи, оставшейся еще у Ветрополя, двух кавалерийских полков и пяти рот. Кроме оставленных для охраны пути арьергарда одной дружины и третьей роты, Скобелев рассчитывал иметь в 10 часов 20 батальонов и дружин, но не оказалось еще шести;

28 декабря 1877 г. С картины А. Кившенко

вот почему он медлил с атакой, все поджидая суздальцев и твердо веря, что 25 батальонов Мирского, не встретивших никаких затруднений при своем движении до Шейнова, не дадут себя разбить. Однако с 8 часов он уже начал выстраивать боевой порядок. Как-то не верится заверениям некоторых историков о том, что Скобелев никак не мог решиться наступать на Шейновский укрепленный лагерь,

желая выполнить буквально приказ Радецкого атаковать д. Шипку. Впрочем, вряд ли стоит оспаривать это... равно и приводимые факты о том, как писались предварительные распоряжения Скобелева (их исследовал между прочим Куропаткин), ибо в действительности он атаковал не д. Шипку, а Шейновский укрепленный лагерь, то есть поступил не по букве приказа, а как того требовали здравый смысл и обстановка.

Главным пунктом атаки Скобелев избрал юго-западный фронт, как позволявший скорее войти в связь с левой колонной. Для подготовки атаки огнем были назначены 9-й и 11-й стрелковые батальоны и угличане, вооруженные Пибоди, с горной батареей; кроме того, боевую часть составили две дружины; в частном резерве шли угличане и одна рота саперов, в общем были казанцы, владимирцы и ожидалось суздальцы; два донских полка, под начальством Дохтурова, наступали на правом фланге. Всего в бою приняли участие 15 батальонов, шесть орудий и 11 сотен.

Перед западным фронтом турецкого лагеря местность была совершенно открытой и ровной, но были два лога, допускаявших укрытие резервов. Турки открыли огонь более чем из 20 орудий, а с 1500 шагов сильнейший оружейный огонь. Стрелки храбро овладели передовыми ложементами, но в эту минуту неприятельская кавалерия произвела бешеную атаку на левый фланг 11-го стрелкового батальона, и был ранен командовавший здесь граф Толстой. Хотя атака кавалерии была отражена, но произошло некоторое замешательство, и говорят, что Скобелев смутился и даже сказал: «Опять начинается Плевна». Однако он немедленно послал на выручку батальон владимирцев. Внимание турок было отвлечено на их правый фланг, а потому Понютин с 9-м стрелковым батальоном, подкрепленный дружиной и угличанами, овладел одним из важнейших редутов. Таким образом, первая линия укреплений перешла в наши руки, но за ней находились еще сильнейший редут и укрепленная опушка леса.

Несмотря на самоотверженные порывы смельчаков-одиночек, массы не могли преодолеть турецкого огня и не двинулись, но случайно выручил один барабанщик, неожиданно

обратившийся к Понютину с такими словами: «Ваше высокоблагородие, что вы на них смотрите: пойдёте в редут. Пропадать — так по присяге. Тут все равно всех перестреляют». Он забил в барабан и пошел, а Понютин, взяв знамя, двинулся также вперед. Одним махом стрелки, болгары и угличане бросились на редут и захватили в нем три орудия и одно знамя; пленных было мало, потому что сгоряча всех перекололи.

Таким образом, во втором часу пала последняя линия обороны турок на западе, и они бросились через лес на восток, к лагерю и главному кургану. Нашим войскам оставалось только преследовать их по пятам, что они и сделали. Нельзя не отметить того искусства, с которым вел бой Скобелев. В ту минуту, когда он достиг решающего успеха, у него остались лишь нетронутыми девять свежих батальонов, уже подходивших к опушке леса; вероятно, один вид этой грозной массы должен был много способствовать последовавшему решению Весселя капитулировать. Контратака турок, направленная из лагеря, была отбита, а равно не удался прорыв на юг, где кавалерия приняла их в шашки, а пехота в штыки. Тут сдались 73 офицера и 2500 солдат, да 300 кавалеристов были изрублены казаками.

К Скобелеву приехал подполковник Саид-Бей в качестве парламентаря, а в скором времени генерал Столетов привез и Весселя, который вручил Скобелеву свою саблю; Скобелев потребовал немедленно послать приказание войскам, занимавшим горные позиции, сдаваться. В 16 часов 10 минут уже выставлялись караулы к имуществу, а затем всех пленных постепенно стали отправлять в Иметли, причем Скобелев позаботился об их продовольствии. Нашими трофеями были: два паши, четыре полковника, 280 офицеров, а всего пленных около 30 тысяч; 27 орудий, из которых 12 взяты с боя, семь знамен и много значков; а также большие запасы продовольствия. Наши потери составили: в отряде Мирского 2100 человек, в отряде Скобелева — 1700; против наших 33 тысяч сражалось около 27—28 тысяч турок.

В этот же день Радецкий атаковал в лоб турецкие шипкинские позиции. Он знал заранее, что успеха быть не мог-

ло, потому что позиции турок, сильные вообще, зимой становились совершенно неприступными, но, не имея связи с обеими подходящими колоннами и слыша, что у них идет бой, он решил облегчить их действия, притянув на себя по крайней мере те силы турок, которые находились перед ним, тем более что полученное им вышеприведенное отчаянное донесение Мирского, очевидно, заставило его решиться на это; туман и ветер 28 декабря не позволили ему ни видеть, ни слышать ход боя в долине. Прождав до полудня, очевидно, в надежде получить какие-либо определенные донесения от Скобелева и Мирского и примирившись с болью в сердце с неизбежными жертвами, он наконец пустил в атаку сперва три батальона, а затем и еще три. Герои своими трупами устлали все шоссе от нашей позиции до турецкого расположения и заполнили рвы их укреплений, но никакого успеха иметь не могли. Это дело обошлось нам в 1700 жертв.

Необычайная трудность местности, несокрушимая настойчивость русских войск и самого Скобелева заставляют восхищаться всей Шейновской операцией, ее можно причислить к одним из самых блестящих подвигов русской армии.

Настроение Радецкого и вообще всего отряда на Шипке было в высшей степени угнетенным, ибо в 15 часов пришлось отказаться от бесплодных атак, но около 16 часов вдруг слышалось громовое «ура». С турецкой стороны показались генерал Столетов и турецкие офицеры. Радецкий узнал о сдаче Весселя и мог теперь обезоружить только что сражавшиеся против него восемь турецких батальонов. Тогда же было послано приказание сдаваться и остальным турецким отрядам, расположенным в горах. Победа была полной и блестящей, но обошлась нам в 5300 убитыми и ранеными.

Наступление за Балканами с 28 декабря 1877 г.

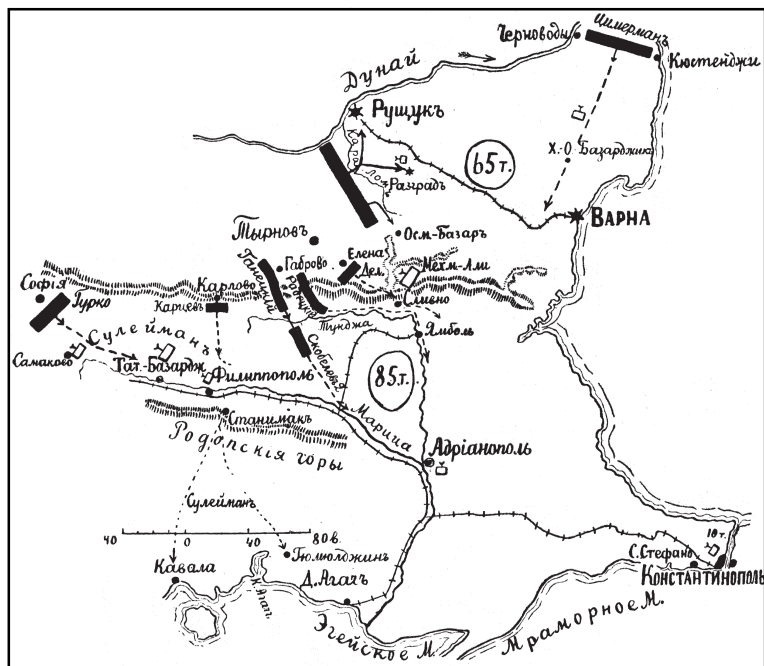
Дальнейшее наступление русских войск представляет собой их победное шествие к Царьграду вслед за деморализованными остатками турецких вооруженных сил. Собственно военные действия не могут представлять интереса, и центр тяжести последнего переходит исключительно к политике. Мы увидим, как скоро блестящие успехи стратегии,

одержанные ею благодаря беспримерной в военной истории тактической выносливости русского солдата, начинают постепенно таять и наконец сводятся к нулю вследствие неуверенности, запутанности, сложности и негибкости русской политики.

В Константинополе поняли наконец безвыходность положения и решили вступить в переговоры. 28 декабря в Ловче главнокомандующий получил одновременно донесение о пленении Весселя и телеграмму турецкого военного министра о согласии султана заключить перемирие. Великий князь ответил, что не может быть и речи о перемирии без предварительного принятия оснований мира. 30 декабря на вторичную телеграмму из Константинополя был дан ответ, что условия будут предъявлены лицу, уполномоченному Портой принять их и затем заключить перемирие. В тот же день пришло высочайшее повеление «не торопиться объявлением турецкому уполномоченному наших условий, а по возможности протянуть дело и между тем не ослаблять энергии в военных действиях».

К 28 декабря войска генерал-адъютанта Гурко заняли Мечку, Ихтиман и подходили к Самакову. Сулейман, еще до занятия нами Софии, сомневаясь в дальнейшем сопротивлении Шакира у Араб-Конака, отправился в Адрианополь, где только и считал возможным задержать русских, но получил приказание дать отпор на линии Самаково-Ихтиман-Злотарица. Ввиду отказа Сулеймана удержаться на этой растянутой линии он был отрешен от звания главнокомандующего с оставлением начальником над войсками, отступавшими с Балкан. В то же время новый главнокомандующий и военный министр Реуф сообщил Сулейману о посылке уполномоченных для заключения перемирия; Сулейман приостановил поэтому движение своих войск и, опоздав со средоточением к Адрианополю, приказал войскам собираться к Татар-Базарджику.

Так как прорывом у Шипки нам открывался свободный путь на Адрианополь, то главнокомандующий, находившийся в Ловче, тотчас же приказал Радецкому и Гурко продолжать движение вперед, а прибыв 1 января в Казанлык, сде-

Переход через Балканы в декабре 1877 г.

лал окончательные распоряжения относительно общего наступления всей действующей армии и преследования турок:

1) правой колонне Гурко — войска западного отряда с Троянским отрядом генерал-лейтенанта Карцова — 86,25 батальона, 91,5 эскадрона и 176 орудий — наступать к Адрианоплю;

2) средней колонне Гонцекого — 24 батальона и 96 орудий — выступить 2 января из Габрова и, возможно скорее перейдя Балканы, собраться в Казанлыке, откуда двигаться за своим авангардом; этому авангарду под командованием Скобелева — 28 батальонов, 20 эскадронов и 22 орудия — наступать 3 января через Эски-Загру, Сейменли-Тырново и Херманлы на Адрианополь, выслав три полка кавалерии для захвата железной дороги Ямболи-Адрианополь и моста на р. Марице;

3) левой колонне Радецкого — 21 батальон, шесть сотен и 48 орудий двинуться через Эски и Ени-Загры к Ямболи, а оттуда долиной Тунджи к Адрианополю;

4) трем полкам 8-й кавалерийской дивизии из состава войск наследника цесаревича двинуться через Твардицкий перевал к Ямболе на соединение с Радецким;

5) для прикрытия левого фланга армии за Балканами боковому отряду барона Деллинсгаузена — 12 батальонов, восемь эскадронов и 38 орудий — перейти Балканы у Твардицы, занять Сливно и Ямболи и выслать части на Котел, Карнобад, Айдос и Бургас, войдя в связь с отрядом Циммермана¹;

6) Восточному отряду наследника цесаревича — 84 батальона, 58 эскадронов и 370 орудий — при первой возможности перейти в наступление к стороне Рушука, Разграда, Эски-Джумы и Осман-Базара, стараясь овладеть последними тремя пунктами и прервать железнодорожное сообщение Рушука с Шумлой;

7) Нижнедунайскому отряду Циммермана начать наступление к Ходжи-Оглу-Базарджику, овладеть ими, разрушить железную дорогу Рушук-Варна, выдвинуть отряд на Проводы и войти в связь с отрядом барона Деллинсгаузена; выдвинуть боковой отряд к Силистрии; защиту тыла обеспечить 30-й пехотной дивизии на линии Черноводы-Кюстенджи;

8) поддержание порядка в занятой стране и охрана путей сообщений возлагались на 18 резервных батальонов и полевые войска (шесть батальонов, 14 эскадронов и два саперных батальона), находившихся на левом берегу Дуная, которым предписывалось перейти на правый берег.

В Казанлыке великий князь получил уведомление о назначении Портой своими уполномоченными Сервера и Намика-паши. Вследствие непосредственного обращения султана государь телеграммой от 3 января выразил желание, чтобы «до окончательного заключения перемирия военные действия продолжались с величайшей энергией». 7 января

¹ Таким образом для похода на Балканы было назначено 171,75 батальона, 125,5 эскадрона при 380 орудиях.

в 16 часов турецкие уполномоченные были приняты с почестями в Казанлыке. В тот же день великий князь получил телеграмму князя Горчакова от 5 января с указанием телеграфировать в Петербург о предлагаемых Портой условиях для остановки военных действий; это было важно «для выигрыша времени, чтобы прийти к соглашению с Австрией».

Вследствие этого нового высочайшего повеления нужно было затягивать переговоры, но так как уполномоченные упорно заявляли, что не имеют никаких инструкций о предъявлении нам мирных предложений и посланы лишь выслушать сообщение о них, но это вынудило великого князя сообщить им высланные ему при письме военного министра от 20 декабря условия мира.

Предварительные условия мира состояли в следующем:

1) возведение Болгарии в пределах согласно преобладанию болгарского населения (не меньше указанных на Константинопольской конференции) в автономное княжество, платящее дань; вывод из Болгарии Оттоманской армии, за исключением некоторых пунктов;

2) признание независимости Черногории (с расширением границ), Румынии (с выдачей контрибуции) и Сербии (с изменением границ);

3) предоставление Боснии и Герцеговине автономного управления, с распространением подобных реформ на прочие христианские области Европейской Турции;

4) компенсация России ее издержек на войну и понесенных потерь денежно и территориально;

5) тотчас после подписания основания мира и условий перемирия приостановление военных действий на обоих театрах войны.

Кроме того, в письме военного министра было предложено по возможности добиться, чтобы турецкие войска покинули важные стратегические позиции и нужнейшие из не взятых нами крепостей — одной или двух на Дунае и р. Эрзурума в Анатолии. Выбор этих позиций и крепостей обуславливался тем, чтобы туркам при несостоявшихся переговорах или их разрыве было трудно возобновить военные действия.

Великий князь донес, что «необычайно быстрый ход военных действий обязывал его не затягивать возможности прекратить военные действия; если наступление на Константинополь не входило в наши соображения, то оно могло быть предупреждено только скорым заключением перемирия; искусственная же затяжка переговоров могла только возвести на нас неблагоприятное нареkanie в том, что мы, обольщая Порту надеждой на мирный исход, подступаем к ее столице».

Намик и Сервер-паша сперва ответили, что принятие предъявленных им требований повлечет за собой окончательный распад Турецкой империи, потом они отклонили большую их часть и наконец 10 января согласились на все пункты, но придание Болгарии статуса автономной провинции признали все-таки нарушением целостности империи.

Между тем уже 8 января великий князь получил известие о бегстве из Адрианополя турецких войск и губернатора Джемиля-паши, сына Наймика. Несмотря на то что наши войска из-за чрезвычайных трудностей не успели перейти Балканы одновременно, но быстрое наступление к Адрианополю способствовало окончательному разгрому врага. Везде тесня и опрокидывая его, мы успели с 31 декабря по 8 января овладеть с боя Филиппополем (3—5 января), отбросить армию Сулеймана в Родопские горы, захватив всю ее артиллерию, и без выстрела занять Адрианополь (8 января), у которого, как того ожидали наши недруги в Европе, турки должны были устроить нам вторую Плевну. Вместе с паническим отступлением турецких войск шло поголовное бегство сулейманского населения.

Великий князь пришел к заключению, что при быстроте смены событий желательно, не прекращая переговоров с турками, сохранить свободу действий. Еще 9 января великий князь испросил указаний, как поступить в случае подхода к Константинополю, а также что делать, если: 1) английский или другие флоты вступят в Босфор, 2) иностранный десант высадится в Константинополе, 3) начнутся беспорядки и резня христиан. Еще один вопрос, адресованный императору, касался Галлиполи.

10 января, получив известие о занятии без выстрела Адрианополя, великий князь донес государю, что «при настоящих обстоятельствах невозможно уже теперь остановиться и, ввиду отказа турками принять условия мира, необходимо идти до Царьграда и там покончить предпринятое святое дело». Во всеподданнейшем донесении от 12 января великий князь опять настаивает на занятии Царьграда и проливов: «Нам будет выгодно иметь в руках столь ценный залог, как Константинополь и берега Босфора. Он послужит нам и к ограждению нашей безопасности в Черном море в случае могущего произойти столкновения с одной из морских держав. Без сомнения, для полного обеспечения наших интересов на Востоке и в особенности для предупреждения захвата в чужие руки необходимого нам выхода из Черного моря в Средиземное неизбежным делается, вместе с движением на Константинополь, занятие Галлиполи и Дарданелл. Мне неизвестно, к каким осложнениям может повести направление наших сил на этот пункт, но ввиду опасности перехода его во враждебные руки я считаю себя обязанным сделать со своей стороны все возможное, чтобы предупредить разрешение этого вопроса в неблагоприятном для нас смысле».

14 января великий князь прибыл в Адрианополь, где христианское население встретило его восторженно. Наши войска уже сильно продвинулись вперед:

1) средняя колонна Скобелева имела три полка кавалерии в Люле-Бургасе и передовые отряды в Кирк-Килисе и Айроболе;

2) вся гвардейская кавалерия правой колонны Гурко стояла у Люле-Бургаса и Айроболя; восемь батальонов — в Адрианополе, а остальные войска — на пути от Филлиппополя, выслав отряды к р. Арде, за которую бежали остатки армии Сулеймана;

3) левая колонна — 8-й корпус Радецкого — находилась в одном переходе от Адрианополя;

4) пехота отряда барона Деллингаузена заняла Сливно и Ямболе, а кавалерия наступала к Карнобаду;

5) резерв — гренадерский корпус — занимал поэшелонно Казанлык, Эски-Загру и Тырново-Сейменли.

Войска были сильно утомлены и совершенно обносились; на людях были изношенные шинели и полушубки; не было сапог, а вместо фуражек — болгарские шапки и чалмы. Войсковые обозы остались далеко позади; сообщение с левым берегом Дуная было прервано ледоходом. Число отсталых вследствие обморожения ног было так велико, что в батальонах оставалось до 500 человек; кавалерия пострадала меньше, но в эскадронах было не более 80 коней; артиллерия всех колонн наполовину осталась позади; парки были в нескольких переходах, и снаряды везли лишь в передках и передних ходах зарядных ящиков; также мало было и патронов. Но надежда на скорый и славный конец великого дела поддерживала физические силы людей и не давала развиваться болезням, неизменно сопутствующим утомлению и лишениям.

Хотя следовало дать войскам некоторый отдых, чтобы исправить снаряжение, подтянуть артиллерию, парки и обозы, но силы людей уже достигли крайнего предела нервного возбуждения, и приостановка не пошла им на пользу, а потому великий князь, приказав авангарду Скобелева двигаться безостановочно, решил тотчас, как только соберется к Адрианополю весь отряд Гурко, начать общее наступление тремя колоннами: левой — генерала Радецкого — через Кирк-Килиссе и Визу на Деркосо; средней — Скобелева — через Люле-Бургас и Чорлу на Чаталджу; правой — генерал-адъютанта Гурко — от Чорлу к Буюк-Чекмендже; общему резерву генерал-лейтенанта Ганецкого — за войсками средней колонны. Для прикрытия флангов направлены боковые отряды: к стороне Сливно-Ямболе-Бургас — барона Деллинсгаузена и к стороне Демотика—Деде-Агач-Галлиполи—Шаркиой — генерал-лейтенанта Карцова; к стороне р. Арды — генерала Чернозубова. Для защиты тыла оставлены войска в Софии, Филиппополе, на Шипке и в Адрианополе.

Однако дальнейшее наступление к Царьграду было приостановлено заключением перемирия, и войска наши стали в районе Херманлы и Адрианополя, выдвинув передовые отряды к побережью Черного, Мраморного и Эгейского морей.

14 января великий князь телеграфировал государю, прося приготовить в Севастополе десант из одной дивизии с тремя 9-фунтовыми батареями. Турецкие уполномоченные испросили разрешения отправить 16 января через наши аванпосты запрос Порте. На другой день были получены от государя ответы по вопросам, содержащимся в телеграмме от 9-го числа. В случае вступления иностранных флотов в Босфор войти в дружественные сношения с начальниками эскадр относительно водворения общими силами порядка в городе; при наличии иностранного десанта в Константинополе избегать всякого столкновения с ним, оставив войска наши под стенами города; если сами жители Константинополя или представители других держав будут просить о водворении порядка в городе и охранении спокойствия, то констатировать этот факт особым актом и ввести наши войска; ни в коем случае не отступать от сделанного нами Англии заявления, что мы не намерены действовать на Галлиполи. Англия со своей стороны обещала нам ничего не предпринимать для занятия Галлипольского полуострова, а потому и мы не должны давать ей предлог к вмешательству, даже если бы какой-нибудь отряд турецкий находился на полуострове. Достаточно выдвинуть наблюдательный отряд на перешеек, отнюдь не подходя к самому Галлиполи.

Ввиду приближения наших войск к Царьграду государь повелел генерал-адъютанту графу Игнатьеву отправиться в Адрианополь для ведения, совместно с Нелидовым, предварительных переговоров о мире при главной квартире.

18 января турецкие уполномоченные испросили экстренную аудиенцию у великого князя. Были немедленно назначены делегаты: с нашей стороны начальник полевого штаба генерал-адъютант Непокойчицкий и его помощник генерал-майор Левицкий; со стороны турок дивизионный генерал Неджиб-паша и бригадный генерал Осман-паша, пробывший несколько лет в нашем учебном батальоне и в должности военного агента в Петербурге.

Подписание протокола об основаниях мира и условиях перемирия состоялось в 17 часов 19 января. Великий князь заставил турецких уполномоченных строго придерживать-

ся присланного из Петербурга текста, но усилил его требованиями полностью вывести турецкие войска из Болгарии и сдать нам крепости Видин, Рушук и Силистрию в Европе и Эрзурум в Азии; кроме того, русские войска получили право на временное занятие, в продолжение переговоров, известных стратегических пунктов, обозначенных в условиях перемирия, на обоих театрах войны. В последнем отношении встретились некоторые затруднения, когда мы потребовали вывести гарнизоны из константинопольских укреплений между Деркосом и Буюк-Чекмендже, составляющих последний оплот столицы, но турки покорились и этому.

19 января великий князь телеграфировал государю: «Имею счастье поздравить Ваше Величество. Предпринятое Вами святое дело благополучно приведено к концу. Основания мира, предложенные Вашим Величеством, приняты Портой, и протокол сию минуту подписан мною и уполномоченными султана. Перемирие заключено и подписано, и приказания о приостановлении военных действий немедленно отправляются во все отряды и на Кавказ. Все Дунайские крепости, Разград и Эрзурум очищаются турецкими войсками». 22 января во всеподданейшем донесении сказано: «Вся совокупность фактов достаточно свидетельствует о полном поражении, нанесенном Турции славными войсками Вашего Императорского Величества, и о необходимости, в которую султан был поставлен предоставить себя вполне на великодушие русского государя».

В первых числах февраля наши войска расположились следующим образом:

1) Правая колонна — гвардейский корпус — в районе Люле-Бургас-Урша-Селиври;

2) левая колонна — в районе Кирк-Килиссе-Сарая-Мидия;

3) средняя колонна Скобелева — в Чаталдже и окрестностях, в готовности по первому приказанию захватить линию турецких укреплений Деркос-Буюк-Чекмендже;

4) резерв армии — в Херманлы и Хайской; в тылу остались 9-й корпус и некоторые части — всего 30 батальонов, 32 эскадрона.

Войска наследника цесаревича занимали Разград, Эски-Джуму, Осман-Базар, Котел и с 8 января Рушук. Отряд генерала Циммермана занял Хаджа-Оглы-Базарджик и Бальчик, выслав полк пехоты и казаков в Силистрию. На низовьях Дуная стояли бригада 36-й пехотной дивизии и Ольвиопольский уланский полк.

29 января великий князь получил уведомление от турецкого министра иностранных дел, что английское правительство в целях защиты своих подданных в Константинополе приказало части своего флота вступить в Дарданеллы и что шесть броненосцев уже пытались войти, но, получив отказ в пропуске, отошли в Безикскую бухту. Великий князь немедленно предупредил Сервера-пашу о последствиях вступления британских морских сил в проливы, указав на возможность занятия нашими войсками высот Константинополя, и отправил в Константинополь для переговоров относительно дружественного вступления наших войск в столицу статского советника Ону.

29 января государь под сильным впечатлением, вызванным политикой Англии, составил такую телеграмму главнокомандующему:

«Вступление английской эскадры в Босфор слагает с нас прежние обязательства, принятые нами относительно Галлиполи и Дарданелл. В случае, если бы англичане сделали где-либо высадку, следует немедленно привести в исполнение предположенное вступление наших войск в Константинополь. Предоставляю тебе в таком случае полную свободу действий на берегах Босфора и Дарданелл, с тем, однако же, чтобы избегать непосредственного столкновения с англичанами, пока они сами не будут действовать враждебно».

Выслушав доклад военного министра и признав, что занятие нашими войсками Константинополя не согласовывалось бы с прежде данными Англии по этому вопросу заявлениями, государь поручил генерал-адъютанту Милютину составить новую телеграмму такого содержания:

«Из Лондона получено официальное извещение, что британский кабинет, узнав от Лаярда об опасном будто бы положении христиан в Константинополе, дать приказание час-

ти своего флота идти в Царьград для защиты своих подданных. Нахожу необходимым войти с турецкими уполномоченными в соглашение о вступлении и наших войск в Константинополь с той же целью. Весьма желательно, чтобы вступление это могло исполниться дружественным образом; если же уполномоченные воспротивятся, то нам надобно быть готовыми занять Царьград даже силой. О назначении числа войск предоставляю твоему усмотрению, равно как и выбор времени, когда приступить к исполнению, приняв в соображение действительное очищение турками дунайских крепостей».

Милютин отправил эту последнюю депешу, но через несколько часов государь отослал и свою первую депешу. Депеша второй редакции пришла ранее депешы первой редакции, но во всяком случае ни та, ни другая не заключали в себе категорического приказа занять Константинополь, что справедливо отметил великий князь в ответ на нарекания в неисполнении будто бы приказа государя. Мало того, он тогда же, 4 февраля, донес государю, что положение дел со времени заключения перемирия (более двух недель) изменилось не в нашу пользу, так как численность турецких войск в Константинополе увеличивалась с каждым днем и турки вообще пришли в себя после паники.

3 декабря английская эскадра в составе четырех броненосцев и одного парохода вошла в Мраморное море и бросила якорь у Принцевых островов. Великий князь на случай занятия Константинополя сперва притянул две гренадерские дивизии, а затем 4 февраля приказал: правой колонне — части гвардейской пехоты и кавалерии — сосредоточиться в Буюк-Чекмендже; средней колонне Скобелева приготовиться к наступлению на Царьград по первому приказанию; левой колонне генерала Радецкого наступать к Чаталдже, а оттуда далее смотря по обстоятельствам; резерву армии: одной гренадерской дивизии дойти до Чорлу и Чаталджи, а другой — до Энос-Шаркиой, выслав заслон к Галлиполи. Кроме того, чтобы усилить вообще войска, направляемые на Царьград, были двинуты через Балканы 1-я пехотная дивизия и из Софии 1-я гвардейская пехотная дивизия.

27 января прибыл в главную квартиру граф Игнатъев и приступил к переговорам о мире с турецкими уполномоченными (новыми) Сафвет-пашой и Саадуллах-беем.

Между тем из Европы, Петербурга и Константинополя приходили самые тревожные известия по поводу политических осложнений с Англией и Австрией; распространялись слухи о предполагаемой европейской конференции, до завершения которой мир не будет считаться окончательным. Турецкое правительство не отвечало на сделанное ему великим князем предложение относительно Сан-Стефано. Тогда долготерпение главнокомандующего истощилось, и 9 февраля он категорично объявил Сафвет-паше, что если 11 февраля к 6 часам утра не получит согласия Порты для вступления в Сан-Стефано, то займет его и все те места и позиции, которые признает нужным, и без ее согласия, не придавая, однако, этой мере враждебного для Турции характера.

Решительные тон и смысл заявлений подействовали на Порту, и первый министр поспешил послать в Адрианополь приглашение перевести главную квартиру в Сан-Стефано, но это приглашение запоздало: великий князь в 6 часов утра 11 февраля выехал по железной дороге и прибыл в Сан-Стефано в 4 часа утра следующего дня; здесь он был встречен двумя пашами, которые, идя пешком у стремени, сопровождали въезд Его Высочества в Сан-Стефано. Местное греческое духовенство встретило великого князя с крестом, а жители выказали радость при виде православных войск «в одном из предместий Константинополя». В тот же день вступила в Сан-Стефано и часть гвардии. 14 февраля великий князь донес государю: «Присутствие наших войск у самых ворот турецкой столицы передает окончательно в наши руки судьбу Оттоманской империи и подымает в глазах местных христиан великое историческое значение избавительницы России, призванной Проведением к разрешению сосредоточенных на здешней почве вековых вопросов».

Занятие нами Сан-Стефано вызвало в Европе большое беспокойство, но, конечно, приближение наших войск к Константинополю не могло не сделать турок более сго-

ворчивыми, так как казалось им постоянной угрозой столицы империи. В 16 часов 15 минут 19 февраля, в знаменательный день восшествия на престол Александра II и дарованного им освобождения крестьян, был подписан мир, освобождавший миллионы наших братьев православных славян от турецко-магометанского ига. В тот же день состоялся парад войск, и великий князь телеграфировал государю: «Счастье имею поздравить Ваше Величество с заключением мира. Господь сподобил Вас окончить великое, Вами предпринятое святое дело: в день освобождения крестьян Вы освободили христиан из-под ига мусульманского». Государь ответил: «Благодарю Бога за заключение мира. Спасибо от души тебе и всем нашим молодцам за достигнутый славный результат. Лишь бы европейская конференция не испортила то, чего мы достигли нашей кровью». О, как был прав государь в отношении того, что сделал с нашими блестящими результатами кровавой войны Берлинский конгресс!

Главнейшие деятели войны¹

Несмотря на то что война застала нас в самый неблагоприятный момент крупных реформ в армии, далеко еще не законченных, несмотря на то что русское огнестрельное оружие значительно уступало оружию противника, несмотря на то что в отношении тактической подготовки наша армия не усвоила современные требования, наконец, несмотря на то что турецкий солдат того времени мало уступал по своим личным качествам русскому солдату, Россия блестяще выиграла кампанию и внесла в историю военного искусства целый ряд положительных образцов, вызвавших удивление даже теоретика Мольтке и явившихся предметом тщательного изучения не только европейских армий, но и японцев.

Невольно вспоминаются незабвенные слова приказа Гурко, отданного им 25 декабря в Софии: «Пройдут годы, и потомки наши, посетив эти дикие горы, с гордостью и торже-

¹ Материал написан В. П. Никольским.

Великий князь Николай Николаевич Старший
(портрет 1878 г.)

ством скажут: здесь прошли русские войска и воскресили славу суворовских и румянцевских чудо-богатырей!» И слава эта была создана старшими военачальниками, умело подвигнувшими неподражаемого русского солдата на новые подвиги.

Главнокомандующий армией, великий князь Николай Николаевич Старший, являлся главным деятелем этой войны и смело может быть назван душой всех побед. На эту должность он явился достаточно подготовленным предшествовавшими должностями генерал-инспектора кавалерии и особенно главнокомандующего войсками гвардии и Петер-

бургского военного округа¹. Здесь уже он обнаружил острый и широкий ум, способный охватить сложную обстановку в полном объеме и сделать из нее правильный вывод. К тому же это был чисто русский человек, беззаветно любивший Россию, знавший ее историю; он прекрасно понимал задачи России, скорбел о тех громадных жертвах, которые понесла уже Россия в деле освобождения балканских славян, и в этом отношении вряд ли кто-нибудь иной лучше него понимал ту историческую миссию, которая выпадала на долю главнокомандующего армией в войне 1877—1878 гг. На эту войну он смотрел как на святое дело, начатое Александром II.

Блестящий кавалерийский начальник, он обладал чрезвычайно энергичным и смелым характером, любил рисковать, особенно если видел поддержку в некоторых своих подчиненных и отваживался на такие стратегические операции, которые другим полководцам казались несбыточными. Он отличался порывистостью и подчас нетерпеливостью, поэтому, цenia мнение людей, особенно опытных и старше себя, не подчинялся им всецело. Его кипучая натура требовала действий решительных и стремительных, а вместе с тем не исключала известной выдержки, так как неудачи не обескураживали его, а наоборот побуждали все к новым и новым попыткам добиться раз намеченной цели.

В этом отношении нельзя не отметить его настойчивости при взятии Плевны; ему всецело принадлежит честь незамедлительного перехода через Балканы; ему же следует приписать стремление дойти до самого Константинополя, и если он не вошел в Царьград, то это можно объяснить лишь особым его уважением и почтением к Александру II, находившемуся в этом вопросе под влиянием канцлера князя Горчакова. Он умел ценить выдающихся своих сподвижников, ненавидел интриги и глубоко любил русского офицера и солдата; Плевненское сидение и особенно неудачные штурмы доставили много мучений его восприимчивой душе; еще больше страдал он как

¹ Великий князь Николай Николаевич родился в 1831 г.; за участие в Инкерманском сражении 24 октября 1854 г. (в Севастополе) был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени.

Генерал-адъютант А. А. Непокойчицкий

русский человек от тех дипломатических унижений, на которые были мы обречены под стенами Константинополя.

Необходимо отметить его способность предоставлять полную инициативу своим подчиненным, к ошибкам которых он относился чрезвычайно снисходительно. Это даже давало повод некоторым обвинять его в слабости характера, особенно при сравнении с такими железными натурами, как Скобелев и Гурко.

Трудно обрисовать его личность в кратких словах, но несомненно, что это был полководец крупный, смелый, самоубытный, с широким кругозором и верой в себя и своих подчиненных.

Начальник штаба Действующей армии, генерал от инфантерии, генерал-адъютант Артур Адамович Непокойчицкий

на войну пошел, имея от роду 63 года, с должности председателя Военно-кодификационного комитета. Прослужив восемь лет на Кавказе (1840—1848 гг.), он показал себя выдающимся офицером Генерального штаба во время Венгерского похода; затем участвовал в Восточной войне и отличился опять при осаде Силистрии. С наступлением реформ в военном ведомстве он, как один из самых выдающихся деятелей того времени (1857 г.), был назначен председателем Комитета по сокращению штатов и делопроизводства в военном ведомстве, а затем и Военно-кодификационного комитета. Здесь он выказал себя чрезвычайно спокойным и уравновешенным, умевшим согласовывать различные мнения и притом пользовавшимся большим авторитетом. Этим он заслужил особое уважение Д. А. Милютина и императора. Назначение его начальником штаба к великому князю можно объяснить, с одной стороны, желанием уравновесить его спокойствием кипучую натуру главнокомандующего; с другой стороны, его опытность, приобретенный авторитет и независимое служебное положение давали ему возможность управлять штабом главнокомандующего, набранным преимущественно из Петербурга; к сожалению, тяготы и лишения войны сделали его там апатичным и недостаточно авторитетным; однако его советы во всех трудных случаях отличались глубоким осознанием сложившейся ситуации и принимались во внимание. Великий князь, доверяя ему и ценя его уравновешенность, посылал обыкновенно Непокойчицкого в особо важные места (Шипка) и затем уж полагался всецело на его мнение, основанное на личном знакомстве с тем или иным вопросом. Нельзя также не отметить, что своим невозмутимым спокойствием он нередко заражал и великого князя.

Наследник цесаревич Александр Александрович был на этой войне в роли начальника маловидного, но чрезвычайно ответственного Рушукского отряда. Этому отряду приходилось прикрывать единственную переправу через Дунай, обеспечивать Плевненский отряд и тыл отряда Радецкого, действуя все время против значительно превосходящих сил противника, и притом наиболее соорганизованных и опирающихся на сильные крепости.

Наследник цесаревич Александр Александрович

Сначала, действуя оборонительно, Рущукский отряд остановил все наступательные порывы турок. Начальник отряда, всегда спокойный и сосредоточенный, являлся обыкновенно в наиболее важные места; его появление, его вид уже внушали войскам уверенность в успехе дела; они дрались как львы. Он поставил в своем отряде на должную высоту разведку кавалерии; выяснив какое-нибудь серьезное изменение в положении противника, наследник цесаревич немедленно принимал быстрейшие меры для противодействия противнику, с особым искусством производя сосредоточение войск к угрожаемым пунктам; весь отряд всегда верил в силу и целесообразность предпринимаемых им мер. Редкий начальник пользовался таким авторитетом, как цесаревич в своем отряде, и редкому начальнику верили так слепо

его войска, как наследнику. Всегда спокойный, уравновешенный, упорный, он эти качества перелил и своим подчиненным, и тяжелая работа делалась в Рушукском отряде без горячки, суетливости, но спокойно и уверенно.

Когда обстановка для отряда сложилась более благоприятно, он перешел в решительное наступление и в сентябрьских боях нанес врагу сильное поражение. Победа цесаревича выручила русскую армию, поставленную в тяжелое положение под Плевной и на Шипке. Новое поражение турок в ноябре навсегда отбило у них желание предпринимать какие-либо серьезные активные действия. На Ломе стало спокойно. Мощный русский витязь крепко стоял на страже и надежно обеспечил с этой стороны свободу русских действий — своими мощными ударами он безжалостно разрушил все розовые мечты турок о победе.

Военный министр генерал-адъютант Дмитрий Алексеевич Милютин принимал горячее и непосредственное участие в войне, сопровождая на театр военных действий государя.

Несмотря на то что война застала военное ведомство с далеко еще не законченными реформами, первая мобилизация русской армии прошла без особых трений главным образом благодаря мерам, своевременно принятым Милютиным. В этом отношении особую деятельность проявил Дмитрий Алексеевич в деле усиления обороноспособности берегов Черного моря; им же особое внимание было уделено организации обозов армии и интендантской части; к сожалению, интендантство не проявило должной энергии и потому продовольственная часть, по настоянию Непокойчицкого, была передана товариществу Грегера, Горвица и Когана, что следует признать безусловно неудачной мерой.

Будучи на театре военных действий, Дмитрий Алексеевич являлся постоянным и самым близким советчиком государя; мнения его принимались к сведению даже главнокомандующим. Но нельзя при этом не отметить, что в то же время Милютин зачастую подвергал критике многие операции главнокомандующего, и эта критика была особенно чувствительна уже потому, что Дмитрий Алексеевич по своему характеру всегда стоял за действия методические, осто-

Генерал-адъютант Д. А. Милютин

рожные, тогда как главнокомандующий являлся ярким сторонником решительной стратегии. Кроме того, он иногда через государя стремился помимо желания главнокомандующего назначать генералов, деятельность которых, по его мнению, была особенно ценна для пользы военных действий (Обручева), а в критические минуты предлагал и собственные планы; этим он зачастую причинял великому князю огорчения. Однако во все продолжение войны он прилагал все

свои усилия к тому, чтобы последующие мобилизации шли как можно лучше и чтобы Действующая армия не терпела ни в чем лишений.

Имя генерала Эдуарда Ивановича Тотлебена было популярно во всей русской армии. Деятельность его в войне 1877—1878 гг. достаточно ярко описана ранее. Здесь лишь необходимо отметить, что вызван он был из России, чтобы поправить дела под Плевной, после того как там все, за исключением, кажется, одного М. Д. Скобелева, отчаялись в успешности операций. В душу воюющих стало закрадываться сомнение в успехе войны, утрачивалась вера в себя. Тотлебен водворил порядок под Плевной и сумел всем подчиненным внушить веру в свои силы, в его искусство, а главное, в его авторитет. Даже Гурко, плохо переносивший чью-либо власть над собой, говорил, что никогда еще такого авторитетного и опытного начальника не видал¹.

Дав каждому из подчиненных ему начальников определенную задачу, он не вмешивался в исполнение, но строго требовал точного выполнения своего поручения; отступления в этом отношении не допускал, что и было поводом к столкновениям с М. Д. Скобелевым. Он не допускал также вмешательства в его распоряжения или отдачи распоряжений подчиненным помимо него; это повело также к серьезным размолвкам между ним и главнокомандующим². Это был человек, отличающийся удивительной систематизацией в работе и строгостью в оценке.

Однако, несмотря на строгость, Тотлебена все очень ценили и чрезвычайно уважали, а войска смотрели на него с благоговением.

Имя Ф. Ф. Радецкого тесно связано со славной переправой через Дунай и тяжелым шипкиным сидением. В этих противоположных по характеру операциях он проявил одинаковую распорядительность и удивительную храбрость, но все это Радецкий выказывал с такой скромностью и простотой, как будто делал самое обыденное дело, оставаясь все

¹ Газенкампф М. Мой дневник 1877—1878 гг. СПб., 1908. С. 159.

² Там же.

Генерал Э. И. Тотлебен

время в тени, выдвигая своих помощников, но подавая собой пример. Всегда ровный, спокойный и доброжелательный, Радецкий представлял собой тип чисто русского героя; этим он был особенно близок и дорог русскому солдату. А между тем Шипка держалась наполовину обаянием его личности¹. Страшные условия службы там казались издали спокойными («На Шипке все спокойно!») в освещении Ф. Ф. Радецкого, считавшего службу царскую всюду одинаковой.

Он обладал в высшей мере непреклонной решимостью в достижении раз поставленной цели, бесстрашием и равнодушием к опасности. В критические минуты он становился

¹ Газенкамф М. Мой дневник 1877—1878 гг. С. 144.

Генерал-лейтенант Ф. Ф. Радецкий

перед войсками и лично водил их в штыки (на Шипке 12 августа). Его скромность не знала предела. Когда государь за переправу через Дунай вручил Радецкому Св. Георгия 3-й степени, тот сказал: «Ваше Величество, это не мне следует, а Драгомирову!»¹ Точно так же, когда главнокомандующий, встретив его 31 декабря у подножия Балкан, снял с себя орден Св. Георгия 2-й степени и передал ему, то Радецкий так сконфузился, что сунул орден в карман². А между тем как гордились им солдаты Шипкинского отряда! Это был их шипкинский орел! Это был истинный герой.

¹ Газенкамф М. Мой дневник 1877—1878 гг. С. 144.

² Там же. С. 311.

Генерал-адъютант И. В. Гурко

Иосиф Владимирович Гурко прославил имя свое в Русско-турецкой войне на Балканах в первый раз как лихой кавалерийский начальник, второй раз — как командующий большим отрядом. Оба раза он проявил себя чрезвычайно решительным начальником, выказавшим изумительную неутомимость и энергию; в основу его характера была положена железная воля. Благодаря ей он добивался во всех своих действиях блестящих результатов, которые обыкновенно ошеломляли турок, трепетавших при его имени. Суровый, подчас резкий на словах, он отличался большой заботливостью о подчиненных, всегда верил в их силы и способности, так как выше всего ставил русского офицера и солдата, чем

Генерал-лейтенант М. Д. Скобелев

заслужил любовь солдат; русский же народ причислял его к немногим героям Русско-турецкой войны.

Генерал-лейтенант Михаил Дмитриевич Скобелев 2-й, явившись на войну 1877—1878 гг. в числе многих генералов, жаждавших отличиться, вышел из нее в ореоле героя и кумира русского солдата и народа. Почти все важнейшие операции под Плевной, при переходе через Балканы и движении к Константинополю связаны с именем Скобелева. Во всех критических и самых тяжелых положениях обыкновенно обращались к нему; прибегая к нему, Скобелеву, далеко не всегда давали необходимые средства, но Михаил Дмитриевич и с малыми средствами обыкновенно делал большие

дела. В сердце своем он носил «искру войны», и она зажигала не его одного, но и всех его окружавших. В этом он имел много сродного с Суворовым и, подобно ему, на войне больше всего обращал внимание на моральную подготовку успеха, развивая эту сторону виртуозно; стоит только вспомнить атаки Зеленых гор и события 30—31 августа.

Никто не умел водить войска на штурм так, как это делал М. Д. Скобелев. В этом умении уже видна печать гениальности. Его кипучая деятельность, безумная отвага, жесткая настойчивость в атаках в то же время сочетались с теплым, душевным чувством к офицерам и солдатам. «Дисциплина должна быть железной, — сказал он на войне одному из подчиненных ему командиров, ударившему солдата, — в этом нет никакого сомнения, но достигается это нравственным авторитетом, а не бойней... Я очень многим обязан здравому смыслу солдата. Нужно только прислушиваться к ним». И русский солдат это чувствовал, своей принадлежностью к отряду Скобелева он гордился необычайно. «Мы — Скобелевские!» — обыкновенно отвечали они на вопрос, какой они части или дивизии. С каждым днем войны его влияние на солдат и офицеров все более и более росло, и вскоре он стал для своих подчиненных полубогом, а для России — героем, гордостью страны.

Мы здесь не касаемся той удивительной заботливости, какую проявлял всегда Михаил Дмитриевич к своим подчиненным, — заботливостью, проявляемой и в виде стремления вооружить своих солдат более совершенным, лучшим оружием, отбитым у турок, и заказом выючных седел для перехода через Балканы, когда никто еще необходимости в них не предвидел. Заботливость эта была исключительная. Его войска всегда были одеты, обуты и сыты при самой невозможной обстановке. Эти второстепенные заботы лишь подчеркивали в этой живой, кипучей натуре черты крупного, гениального полководца, основывавшего успех всех своих действий на идеальном знании души русского солдата и офицера, на умении управлять ими безгранично, исключительно на движении вперед, на нападении, на атаке и штурме. Других способов войны Михаил Дмитриевич не знал!

Берлинский конгресс¹

Сан-Стефанский мирный договор совершенно видоизменял территориальные границы на Балканском полуострове. За Турцией еще оставались Константинополь, Адрианополь, Салунь, Эпир, Фессалия, Албания, Босния и Герцеговина. Но вся Болгария, от Дуная до Эгейского моря, от Черного моря до Охридского озера, обращалась в самостоятельное княжество, с христианским управлением, с правом избрания князя. Порта признавала независимость Черногории, получавшей значительное земельное приращение от Албании и Герцеговины и кусок Адриатического побережья. Провозглашалась независимость Румынии и Сербии, расширявшей свои владения к югу. В Боснии и Герцеговине вводились преобразования, устранявшие возможность повторения турецких неистовств; облегчалось положение Эпира, Фессалии, Албании. Обещаны были реформы и армянам, а равно и ограждение их от неистовств курдов и черкесов.

К сожалению, этот договор был слишком поспешно обнародован и сообщен всем европейским кабинетам. В Берлине не возразили против него; Франция и Италия были слишком заняты своими внутренними делами и не интересовались войной, зато Англия давно уже была вне себя из-за полного крушения своих надежд; ее тайная и явная помощь Турции не могла исправить дела. Открытое выступление английского флота в Мраморном море едва не довело дело до войны между Россией и Англией. Россия принуждена была сдерживать свое возмущение из-за выступления заодно с Англией и Австрией; последняя, ознакомившись только с «основаниями мира», подписанными 19 января в Адрианополе², предъявила резкий протест, находя, что эти основания представляют целую политическую программу, совершенно противоречащую видам и интересам Австро-Венгрии.

Сознавая, что осуществление этой программы навсегда закроет ей всякий доступ к Эгейскому морю и распростра-

¹ Автор В. П. Никольский.

² Опять-таки сообщенными Горчаковым всем европейским кабинетам.

нение по Адриатическому, Австро-Венгрия стала готовиться к противодействию, приступить с лихорадочной поспешностью к вооружениям.

А между тем положение русской армии у Царьграда, развитие сильной заболеваемости в рядах армии, не защищенной ни со стороны Дарданелл, ни со стороны Босфора, где силы турок не были еще окончательно сломлены, было тем особенно опасным, что России теперь грозила война с Австро-Венгрией. Остальные наши вооруженные силы, хотя постепенно и мобилизуемые ввиду австрийского шума, были далеко еще не готовы к войне. Наши политики считали, что Россия и так слишком истощена только что законченной войной и что наши финансы не выдержат новой войны.

Между тем отношения с Англией и Австро-Венгрией продолжали ухудшаться, и предводитель австро-мадьярской политики граф Андраши видел единственный выход из создавшегося положения в созыве общеевропейской конференции, о чем и поспешил оповестить великие державы, приглашая собраться в Вене. Однако вследствие отказа России местом конференции избрать Вену вопрос этот затянулся. Вот в этот-то период, именно 19 февраля 1878 г., турецкими и русскими уполномоченными и был подписан в Сан-Стефано предварительный мир между Россией и Турцией, немедленно ратифицированный султаном; эта ратификация не была признана ни Англией, ни Австрией.

Попытка Андраши организовать конференцию в Баден-Бадене опять не удалась. Тогда князь Горчаков обратился к канцлеру Германии князю Бисмарку с просьбой созвать в Берлине уже не конференцию, а конгресс из представителей великих держав, под личным председательством самого Бисмарка, выразив при этом надежду, что «германский канцлер будет руководить прениями в духе честных отношений к России»¹. После некоторых колебаний император Вильгельм и князь Бисмарк изъявили свое согласие.

¹ *Татищев С.* Император Александр II. Его жизнь и царствование. СПб.; 1903. Т. II. С. 464.

Берлинский конгресс разрешал все недоразумения с Австро-Венгрией, а потому опасность войны с нею отпадала, но зато со стороны Великобритании возникли неожиданные препятствия. Английский кабинет в очень резкой форме объявил, что соглашается участвовать в Конгрессе лишь при условии, что рассмотрению на нем будут подлежать все без исключения вопросы, затронутые в заключенном уже в Сан-Стефано мирном договоре и что никакое изменение порядка, установленного прежними трактатами, не будет признано действительным иначе как с общего согласия великих держав. Князь Горчаков, вполне естественно, признал оскорбительным для достоинства России подобное заявление. Россия явилась бы на конгресс не в качестве даже равноправной участницы, а как бы в роли подсудимой. Горчаков, решительно отклонив притязание Англии, заявил, что «русский двор уже выразил согласие на обсуждение конгрессом вопросов, касающихся европейских интересов, и что дальше этого он пойти не может»¹.

Дальнейшие дипломатические сношения повели к еще большему обострению. 20 мая лорд Биконсфильд издал королевский приказ о созыве резервов; возможность войны с Англией у нас сознавалась всеми. Новый министр иностранных дел лорд Салисбюри поспешил обнародовать циркуляр к дипломатическим представителям Англии, в котором все постановления Сан-Стефанского мира изображались в виде мер, направленных к распространению преобладания России на Востоке. В своем ответе Горчаков весьма умело разбил все доводы английского циркуляра.

Однако во время этой затянувшейся войны дипломатов и Австро-Венгрия предъявила свои решительные возражения против Сан-Стефанского договора. Она указала на следующие необходимые изменения, согласованные с интересами Габсбургской империи: 1) занятие Австро-Венгрией не только Боснии и Герцеговины, с включением и южных округов, отданных в Сан-Стефано Черногории, но и Ново-Базарского пашалыка, а также крепости Ада-Кале на острове Ду-

¹ Татищев С. Император Александр II. С. 466.

ная; 2) отказ в согласии на дарование Черногории какого-либо порта на Адриатическом море; 3) изменение западной границы Сербского княжества, с уменьшением территории в пользу Боснии; 4) Исключение из состава Болгарии всей Македонии, а также проведение южной границы княжества в расстоянии менее близком от Адрианополя; 5) сокращение срока занятия Болгарии русскими войсками с двух лет до шести месяцев. В случае согласия России на эти перемены Австро-Венгрия обязывалась не вступать в сделку с Англией, поддержать требование России о возвращении ей Дунайского участка Бессарабии и вообще поддерживать на будущем конгрессе ее дипломатическую программу.

Не прерывая доверительных переговоров с Веной, у нас начали более деятельно готовиться к войне не только с Англией, но и с Австрией; в Главном штабе были составлены планы военных действий на случай объявления России войны Англией и Австрией. Решили собрать на австрийской границе армию из войск, не принимавших участия в Русско-Турецкой войне, с подкреплениями с Кавказа и даже из-за Дуная. Однако последнее можно было предпринять лишь при условии овладения берегами Босфора и заграждения этого пролива минами, дабы воспрепятствовать английскому флоту проникнуть туда. Для этого приходилось выяснить отношение к нам Турции. Обо всем этом был запрошен главнокомандующий великий князь Николай Николаевич. Из Сан-Стефано получили неутешительные вести — поведение Турции было более чем уклончивым. Великий князь писал государю, что овладеть Босфором — «вещь до крайности трудная». Письмо это заканчивалось так: «Да поможет нам бог окончить все запутанные дела миром! Если же суждено опять драться, то верь, что каждый из нас исполнит свой долг свято»¹.

Между тем обстановка складывалась все более и более неблагоприятно для нас, Турция совершенно подчинилась влиянию английской и австрийской дипломатии; великий князь указывал на трудное положение нашей армии. 17 ап-

¹ Татищев С. Император Александр II. Т. II. С. 479.

реля он был по собственной просьбе ввиду расстроенного здоровья отозван в Петербург с производством в генерал-фельдмаршалы. На его место назначили генерал-адъютанта Тотлебена. Ознакомившись досконально с общим положением в армии, Тотлебен признал наилучшим в случае войны с Англией отступить с армией к Адрианополю; тогда он считал возможным отделить от дунайской армии два корпуса на поддержку армии, сосредотачиваемой против Австрии.

Ввиду такой неблагоприятной обстановки князь Горчаков продолжил переговоры с Австро-Венгрией, начав постепенно делать ей уступки (занятие Австрией Герцеговины, выделение Южной Болгарии в особое государство); однако эти уступки не удовлетворили графа Андраши.

Прошло уже два месяца со дня подписания Сан-Стефанского мирного договора, а вопрос о мире или войне ни на шаг не приблизился к развязке. Обе стороны усиленно вооружались, дипломатические переговоры тянулись вяло и бесплодно. Наконец нашему лондонскому послу, графу Петру Андреевичу Шувалову, удалось склонить министра иностранных дел лорда Салисбюри объяснить: какие из статей Сан-Стефанского мирного договора будут признаны правомочными, какие изменены и в каком смысле?

После некоторых колебаний и совещаний с лордом Беконсфильдом лорд Салисбюри согласился на предложенный обмен мнений, но при условии и сохранении строжайшей тайны. Князь Бисмарк все же был посвящен графом П.А. Шуваловым в тайну этих переговоров. «Вы хорошо сделали, что уговорились с Англией, — сказал он, — она и одна объявила бы вам войну, тогда как Австрия не двинется без союзников»¹.

18 мая граф Шувалов подписал с лордом Салисбюри три тайные конвенции, главные условия которых были следующими: Болгария разделялась на две части; южная получала лишь широкую административную автономию; границы ее сокращались. Вообще права султана на эту часть значительно усиливаются. Обещанные Портой права и преимущества ее христианским подданным в европейских областях, а так-

¹ Татищев С. Император Александр II. С. 486.

же армянам в Малой Азии будут поставлены под наблюдение всех великих держав. Англия не препятствует присоединению к России участка Бессарабии, Карса и Батуми, но зато Россия отказывается от Алашкертской долины с крепостью Баязет. В отношении контрибуции Россия удостоверила, что не посягнет на права Англии как кредитора Порты и ничто не изменит в положении, которое она занимала в этом отношении до войны.

22 мая германское правительство разослало всем державам — участницам Парижского трактата 1856 г. — приглашение собраться на конгресс в Берлин для обсуждения условий «прелиминарного» мирного договора, заключенного в Сан-Стефано между Россией и Турцией.

К 1 июня съехались в Берлин члены конгресса, представители великих держав; прибыли также и представители некоторых заинтересованных государств, хотя они не получили приглашения.

Уполномоченными были: от России — канцлер князь Горчаков (большую часть конгресса проболел), лондонский посол граф П. Шувалов, берлинский посол барон Убри; от Германии — канцлер князь Бисмарк, министр фон Бюлов, парижский посол князь Гогенлоэ-Шиллингсфюрст; от Австро-Венгрии — граф Андраши, граф Кайроли, барон Гаймерле; от Франции — министр Валдингтон, посол Сен-Валье; от Англии — лорд Биконсфильд, лорд Салисбюри, посол Одо Россель; от Италии — министр граф Корти, берлинский посол граф де Лоннэ; от Турции — Каратеодори-паша, Могаммед-Али-паша, берлинский посол Садуллабей; от Греции — министр Дельянис; от Румынии — министры Братиано и Когальничано; от Сербии — министр Ристичь; от Черногории — Божко Петрович, а также армянские архипастыри и персидский посланник Малькольм-хан.

Важнейшие вопросы обсуждались и разрешались не в ходе заседаний конгресса, а большей частью в частных собраниях, им предшествовавших, между представителями России, Англии и Австро-Венгрии. Те из них, которые еще недавно служили предметом раздора между Россией и Англией, теперь уже были предрешены тайными конвенциями. Но зато

на конгрессе пришлось согласовать враждебные интересы России и Австро-Венгрии. Благодаря искусному посредничеству князя Бисмарка все английские требования были признаны как английскими, так и русскими уполномоченными. С другой стороны, германский канцлер не раз вмешательством своим решал в пользу России пререкания, возникшие преимущественно по второстепенным вопросам и возбуждаемые обыкновенно великобританскими представителями. Так, когда уже в конце заседаний конгресса в одной из английских газет были опубликованы тайные конвенции Англии с Россией и напечатаны страстные нападки на лорда Биконсфильда якобы за чрезмерную уступчивость его по отношению к России, английские уполномоченные заявили, что Англии придется, по всей вероятности, взять обратно уже выраженное ею согласие на присоединение к России Батуми; однако резкое вмешательство князя Бисмарка¹, заявившего лорду Биконсфильду, что, отступив от своего обязательства перед Россией, Великобритания тем самым нарушила бы обязательства и перед Германией², заставила Биконсфильда уступить России.

Первое заседание состоялось 1 июня. Оно было посвящено составлению бюро конгресса. Председателем избрали единогласно князя Бисмарка.

Канцлер открыл заседание речью, которую закончил словами: «Цель наша утвердить с общего согласия и на основании новых поручательств мир, в котором так нуждается Европа».

Прения на общих заседаниях носили иногда очень страстный характер, немало было и пикировок между дипломатами, и только дипломатическое искусство председателя, поступавшего иногда весьма властно, довели все эти заседания до конца. Наконец на последнем заседании конгресса, 1 июля, представители великих держав подписали трактат, состоявший из

¹ По просьбе графа П. А. Шувалова, находившегося в дружеских отношениях с Бисмарком.

² Так как имперский канцлер решил созвать конгресс в Берлине лишь после предъявления ему тайного англо-русского соглашения.

64 статей. В этом трактате Сан-Стефанский «предварительный» договор был значительно видоизменен в пользу интересов западных держав и преимущественно Австро-Венгрии.

Сущность Берлинского трактата заключалась в следующем: Болгарии отошли лишь болгарские области к северу от Балкан. Болгария являлась хотя и вассальным, но вполне самостоятельным княжеством. До введения в нем нового государственного строя управление возлагалось на «императорского русского комиссара», с «целью контроля» при котором находились оттаманский комиссар и консулы великих держав. Временное управление продолжалось до девяти месяцев со дня ратификации Берлинского договора.

К югу от Балкан образовалась Восточная Румелия; она находилась под непосредственной властью султана, но пользовалась административной автономией. Границы ее были сужены. Во главе стоял генерал-губернатор из христиан, назначаемый Портой на пять лет с согласия великих держав. Организация Восточной Румелии поручалась Европейской комиссии (представители великих держав и Порты).

Русских войск на Балканском полуострове не должно быть больше 50 тысяч человек. Через девять месяцев они отзывались, а через 12 месяцев обязаны были отойти даже из Румынии. Вся территория к востоку от новых областей до границ Албании, отошедшая по Сан-Стефанскому договору Болгарии, была оставлена за Турцией, которая обязывалась ввести областное устройство, более свободное и гуманное. Австро-Венгрия получила право занять своими войсками и ввести свое управление в Боснии и Герцеговине, а также держать свои гарнизоны в Ново-Базарском пашалыке, оставленном, однако, за Портой¹.

Черногория признана независимой, она получила небольшое земельное приращение за счет Герцеговины и Албании, а также порт Антивари, но без права содержать военный флот. Получили также независимость Сербия и Румыния. Сербия получила небольшую прирезку из старых земель,

¹ За это Австрия обязывалась проложить в занятых областях военные и транспортные дороги.

Румыния — Добруджу, в обмен придунайского участка Бессарабии, присоединенного к России, однако без устьев Дуная.

Ардаган, Карс, Батуми с их округами присоединены к России, возвратившей Порте завоеванную Алашкерцскую долину с крепостью Баязетом. Хотур отошел к Персии.

Порта обязалась ввести улучшение и преобразование в областях, населенных армянами.

Во всех новых независимых государствах и в Турции провозглашены полная свобода совести и пользование всеми гражданскими и политическим правами без различия вероисповедания. Установлено, что положение, существующее в святых местах, не может быть подвергнуто изменению. Заключительной статьей подтверждены все не отмененные или не измененные Берлинским трактатом постановления Парижского договора 1854 г. и Лондонского 1871 г.

Между большинством участвовавших в конгрессе держав завязались тесные связи, вылившиеся впоследствии в союзы и соглашения. Так, Англия заключила с Турцией оборонительный союзный договор (конечно, против России) и получила за это в управление остров Кипр. В Берлине же произошло сближение между министрами Англии и Франции, в итоге последняя получила полную свободу в Тунисе. Наконец, окончательно окрепла дружба между князем Бисмарком и графом Андраши.

Берлинский договор был ратифицирован государем уже 15 июля. По поводу его обнародования в «Правительственном вестнике» появилось официальное сообщение; в нем, между прочим, указывалось, что война была предпринята Россией «не по расчету, не из материальных выгод или честолюбивых политических замыслов, но в силу чувства христианского, чувства человеколюбия, того чувства, которое охватывает всякого честного человека при виде вопиющего зла». В заключение было сказано, что Россия «не делала торга ни из своих жертв, ни из своих успехов» и что не напрасно «русский народ подчинил свои права победителя высшим интересам общего мира и солидарности народов»¹.

¹ *Татищев С.* Император Александр II. Т. II. С. 510.

Азиатский театр¹

Обстановка перед войной. Значение Азиатского театра войны, хотя и являвшегося второстепенным по сравнению с Европейским, было для нас немаловажным. Прежде всего, Азиатская Турция является главным источником пополнения вооруженных сил Османской империи, и потому бездействие наше здесь позволило бы туркам стянуть все лучшие свои силы на Балканском полуострове. Затем, успех на этом театре войны был необходим для поддержания нашего престижа у населения Кавказа, и наконец, здесь возможны и желательны были территориальные приобретения.

Для военных действий в Азиатской Турции мы могли противопоставить противнику, прежде всего наши кавказские войска. Войска эти в силу сложившейся обстановки долголетней ожесточенной борьбы с кавказскими горцами, сравнительно недавно закончившейся, отличались многими выдающимися качествами и пользовались вполне заслуженной боевой славой. Постоянная необходимость иметь дело с врагом изворотливым, смелым, жестоким и неуловимым, в горной стране, с населением фанатичным и враждебно настроенным выработала в кавказских войсках своеобразный, рыцарственный дух героизма; наряду с этим усвоены были зачастую совершенно оригинальные приемы ведения военных действий, приспособленные как к местным условиям, так и к характеру противника.

В кавказских войсках как нижние чины, так и офицеры отличались духом предприимчивости, находчивостью и частным почином, чему способствовали постоянные экспедиции небольшими отрядами, где такая небольшая часть, как рота, зачастую играла самостоятельную роль. С такими войсками можно было принимать самые смелые решения, будучи уверены, что каждый воин понимает свой маневр и действует во благо общего успеха. Сверх того, в кавказских войсках под влиянием постоянного соприкосновения с горцами, развилось совершенно особое чувство чести, в силу

¹ Автор П. А. Ниве.

которого соревнование в проявлении мужества между воинскими частями, а равно и между отдельными лицами, достигло степени наивысшего напряжения.

Первоначально для военных действий на Азиатском театре войны предназначались только войска кавказского военного округа, которые с 1 ноября 1876 г. уже были мобилизованы, в числе четырех пехотных и двух кавалерийских дивизий; остальные три дивизии были пока оставлены в тылу для поддержания спокойствия в стране. Стянутые к границе Турции, наши кавказские войска образовали два самостоятельных отряда: так называемый Отдельный Кавказский корпус генерал-адъютанта Лорис-Меликова, который назначался для ведения главных операций, и Кобулетский отряд генерал-лейтенанта Оклобжио, задача которого заключалась в обеспечении фланга последних со стороны моря и в овладении Батумом. Силы Лорис-Меликова делились на три части соответственно трем естественным операционным направлениям, по которым единственно только и возможно было наступление в глубь неприятельской страны. Главные силы (около 30 тысяч) располагались у Александрополя, на прямом пути Карс — Эрзурум; Ахалцихский отряд генерал-лейтенанта Девеля (около 9 тысяч) — у Ахалкалак, на прямом пути к крепости Ардаган, и наконец, Эриванский отряд генерал-лейтенанта Тергукасова (до 11,5 тысячи) — у Игдыря, откуда Алашкертской долиной шел путь к Эрзуруму, в обход Карса.

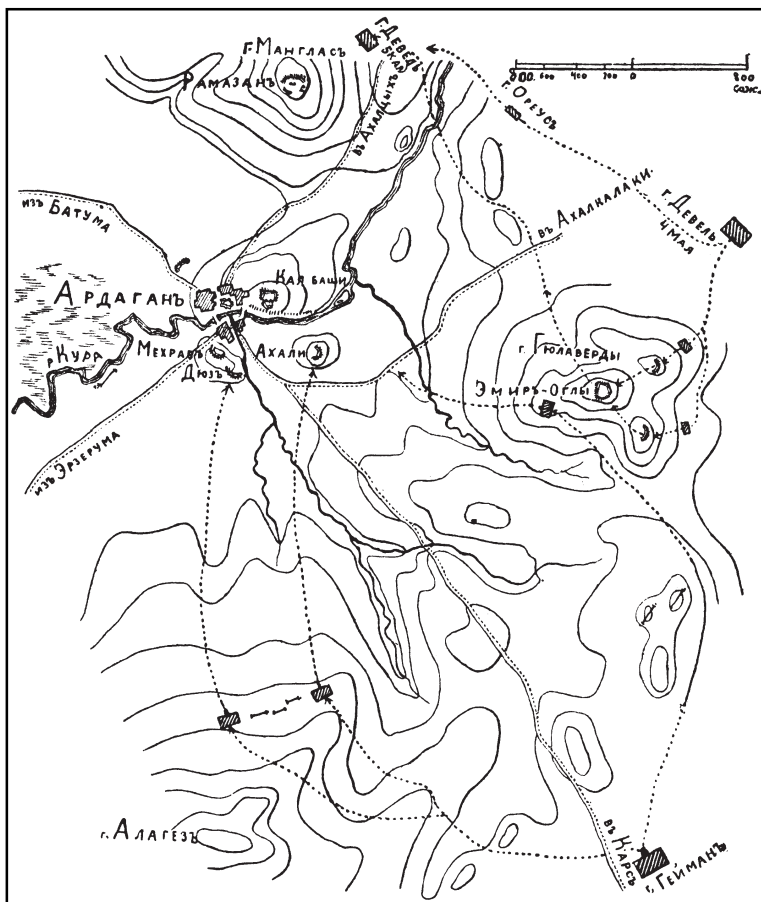
Во главе всех войск Кавказского военного округа стоял великий князь Михаил Николаевич. На его долю выпало завершение Кавказской войны после пленения Шамиля в Гундубе. Назначение великого князя кавказским наместником состоялось в начале 1863 г., и в течение всего этого года, а также и следующего, 1864-го (до 21 мая), военные действия по окончательному усмирению горцев продолжались. Твердый, настойчивый характер великого князя, сумевшего своим личным обаянием быстро приобрести доверие как среди войск, так и у местного грузинского, армянского и мусульманского населения, во многом способствовало тому, что 65-летняя Кавказская война была приведена к долгожданно-

му окончанию. Великий князь сумел расположить к себе своих ближайших сотрудников, и авторитет его на Кавказе ко времени начала военных действий против Турции стоял чрезвычайно высоко. Обладая несомненным военным глазомером, великий князь, однако, претендовал на непосредственное руководство военными операциями и ограничивался лишь общими указаниями; хотя во вторую половину кампании лично прибыл на театр военных действий и своим присутствием и влиянием много способствовал упорядочению операций. Он умел подбирать себе сотрудников и привлекать к делу каждого сообразно его качествам и способностям.

Объявление войны застало турок не готовыми, так же как и на Европейском театре. Большая часть войск 4-го корпуса, квартировавшего в Армении, была на Европейском театре. Назначенный главным начальником (муширом), Мухтар-паша протянул часть 5-го корпуса из Сирии и с лихорадочной деятельностью начал формировать новые регулярные части, а равно пешие и конные ополчения. Однако к 12 апреля турки могли нам противопоставить лишь гарнизоны крепостей (в Карсе — 10,5 тысячи, в Ардагане — 5,5 тысячи, в Баязете — 1500 человек) да не более 4,5 тысячи в окрестностях Карса и 7,5 тысячи, расбросанных в Алашкертской долине, не считая самостоятельного 25—30-тысячного отряда Дервиша-паши, оборонявшего доступ к Батуми. Ардаган был обращен перед войной в крепость, укрепления Карса окончательно подновлены, расширены и усилены. Что же касается Батуми, то при отсутствии у нас на Черном море флота ему с моря ничего не угрожало, а с суши его защищали, кроме войск Дервиша-паши, свойства труднодоступной местности да еще воинственность местного населения (кобулетцев).

Успех русских войск под Ардаганом

Политическое наше положение на Кавказе требовало наступательных действий. Первоначально так и предполагалось сделать, причем при быстром захвате линии Ардаган — Карс — Баязет. Конечной целью наступления ставился Эрзурум, как средоточие всех неприятельских сил и средств на этом

Направления движения русских войск к Ардагану

театре. Но затем явилось опасение высадки сильного неприятельского десанта на Черноморском побережье, удачное движение которого в тыл могло нейтрализовать все наши успехи.

Это вызвало, с одной стороны, усиление Кобулетского отряда за счет действующего корпуса, а с другой — принятия для последнего такого нерешительного плана действий, который совершенно не соответствовал действительному по-

Штурм Ардагана 3 мая 1877 г.

ложению противника. Правда, наши представления о его силах и их состоянии были значительно преувеличены: мы считали их вдвое превосходящими нас. В результате решено было перейти одновременно всеми силами границу по всем трем направлениям, затем, приостановившись для прикрытия своей территории, выяснить более точно положение и силы противника и в зависимости от этого решить, что же предпринять: действовать против одной из крепостей или же наступать в обход или в глубь страны.

С картины А. Кившенко

Мухтар-паша также намеревался наступать; он рассчитывал опередить подход наших сил на пограничной реке Арпачае, после чего, опираясь на Карс и Ардаган, вторгнуться в Закавказье, где искать поддержки у местного мусульманского населения. Но для выполнения этого плана надо было успеть закончить формирование войск и стянуть необходимые силы, что к 12 апреля отнюдь не могло быть исполнено.

Наши войска перешли границу беспрепятственно, турецкие посты были всюду легко оттеснены; но затем наступле-

ние продолжалось слишком осторожно, малыми переходами, а конница наша держалась чересчур близко от своей пехоты, на расстоянии не более 10—15 верст. В силу этого мы были по-прежнему мало осведомлены. Приостановившись у Енгикея (20 верст не доходя до Карса), Лорис-Меликов бросил, наконец, 42 эскадрона своей конницы в поиск по западную сторону Карса. Мухтар-паша успел уйти из Карса и укрыться за горным хребтом Саганлуг, пересекавшим путь Карс—Эрзурум. До 27 апреля наши главные силы оставались у Енгикея, ограничиваясь разведками к стороне Карса.

Тем временем Алахцихский отряд Девеля беспрепятственно наступал на Ардаган и, приблизившись к нему на расстояние одного перехода, выяснил, что самостоятельно не в силах предпринять что-либо решительное против этой крепости. Овладение Ардаганом давало нам большую свободу действий против Карса, открывало связь с Кобулетским отрядом и возможность наступления на Эрзурум западным путем через Ольты, что преграждало всякое сообщение Дервишу-паше с Мухтаром.

Для наблюдения за Карсом оставлен был отряд генерала Комарова (около 19 тысяч), а остальные силы, под командой генерала Геймана, двинуты к Ардагану, который решено было штурмовать совместными силами Девеля и Геймана. Лежавшие восточнее Ардагана Гюлявердынские высоты, с фортом Эмир-Оглы, являлись ключом крепости, и на них решено было направить главный удар. 4 мая они были атакованы войсками Девеля и частью сил Геймана; к концу дня, после упорного боя, форт Эмир-Оглы был взят, причем особенно отличился Елизаветпольский полк. В ночь на 5 мая возведены с южной стороны Ардагана батареи, а 5-го, с 18 часов, произведен общий штурм, на который доблестные кавказские войска пошли с музыкой и распущенными знаменами. Артиллерия наша смолкла, когда штурмовые колонны были в 400 шагах от укреплений. Грозный вид наступающего произвел на турок такое могучее впечатление, что огонь их ослаб и даже совсем утих при приближении нашем на 200 шагов. Турки бежали, причем вынесшийся вперед взвод Кубанской казачьей артиллерии, дав несколько выстрелов

по мостам, еще более усилил смятение и панику. Наши потери — 69 убитых и 352 раненых; у турок — до 2000 убитых и 300 пленных; остальные разбежались.

Успех под Ардаганом, помимо материальных выгод, в числе которых немаловажное значение имели доставшиеся нам в этой крепости запасы всякого рода, оказал еще огромное моральное влияние. Доблестный штурм окрылил наши войска и поднял их дух, а на противника и на единовверных ему кавказских мусульман произвел угнетающее впечатление.

Для удержания в своих руках Ардагана, упрочения нашей власти в крае и преграждения Мухтару попыток войти в связь с Батуми в Ардагане был оставлен отряд генерал-майора Комарова (5 тысяч). Все прочие силы можно было либо направить против Батуми совместно с Кобулетским отрядом, либо действовать ими против Карса, либо, наконец, пользуясь пассивностью этой крепости, направить за Саганлук, искать и бить противника в поле. Последнему решению благоприятствовали и успехи Эриванского отряда, который уже овладел к этому времени Баязетом.

Переход в наступление Мухтара-паши

Несмотря на проявленную Мухтаром-пашой энергию, до половины мая его положение по справедливости можно считать критическим. Эрзурум прикрывался единственно теми силами, о которых упомянуто выше, то есть 5 тысячами в Зевине и 7,5 тысячами в Алашкертской долине. Но с середины мая начали подходить подкрепления, закончились формирования, и в результате к концу мая на фронте Ольты—Зевин—Дели-баба находилось уже почти 30 тысяч.

Военный совет, собранный у нас после взятия Ардагана, пришел к заключению, что количество наших сил не позволяет вести одновременно наступление против Мухтара и действия против Карса, а потому все усилия надлежит сосредоточить исключительно против крепости. Такое решение было чрезвычайно благоприятно для турецкого мушира, так как давало ему время выйти из критического положения и ни в чем не препятствовало его организационной работе.

К 12 мая главные наши силы сосредоточились на северо-восточной стороне Карса, а затем, до прибытия осадного парка, ограничились установлением блокады, для чего разделены были на два отряда, Геймана и Девеля. Первый из этих отрядов расположен был севернее, а второй — южнее Карса. 15 мая в отряде Геймана получено было сведение, что из-за Саганлуга к Карсу двигаются массы конницы, под начальством Муссы-паши Кундухова. Лорис-Меликов решил немедленно направить всю имевшуюся у него в распоряжении конницу для атаки неприятеля, поддержав ее в случае надобности пехотой Геймана. В назначенный для этой цели конный отряд, под начальством князя Чавчавадзе, вошли полки: Нижегородский и Северский драгунские, Кизляр-Гребенский, 1-й и 2-й Волгские и Кавказский казачьи полки, 2-й Дагестанский и Кабардино-Кумыкский конные иррегулярные полки и две сотни Александровского конного иррегулярного полка с двумя конными батареями.

Конный отряд, задержанный плохими дорогами, только к 12 часам ночи достиг реки Карс-чая. Увидев на той стороне большие бивачные огни и тянувшийся к Карсу длинный обоз, Чавчавадзе решил, не теряя ни минуты и пользуясь ночной темнотой, стремительно напасть на бивак противника со всех сторон. Разделив свои силы на три колонны, он направил первую в обход левого фланга турок, среднюю прямо с фронта и левую — со стороны Саганлуга. Движение колонн было так рассчитано, чтобы в 4 часа утра напасть на бивак противника одновременно.

Ровно в 2 часа ночи все колонны перешли вброд реку, а в 3 часа ночи левая колонна князя Эристова, ошибочно принявшая вправо, наткнулась на противника. Выгоды внезапности были утрачены, неприятель всполошился и превосходящими силами напал на Эристова, начав теснить его с обоих флангов. Князь Чавчавадзе послал первый Волгский казачий полк на выручку, что дало возможность Эристову перейти в наступление; турки были опрокинуты, часть их искрошена нижегородскими драгунами и волгскими казаками, а остальные рассеяны. Но новые массы турецкой конницы наступали на фланги и в тылу нижегородцев.

Показавшаяся луна облегчила ориентирование; драгуны, во главе с 3-м эскадром, устремились на неприятеля и в рукопашной жестокой свалке опрокинули его, несмотря на то что он был втрое сильнее. Преследование велось при содействии огня артиллерии до самого Бегли-Ахмета, где находились главные силы Кундухова. Нижегородцы врзались в густую толпу бежавших и на рассвете наголову их разбили. Беглецы-турки попали под огонь правой колонны, которая не успела вовремя к бою. Преследование велось до самого лагеря, но здесь прекратилось из опасения наткнуться на пехоту. Турки потеряли 83 убитыми и 30 пленными, а мы захватили два орудия, четыре зарядных ящика, два значка и много разного оружия.

Лихое ночное Бегли-Ахметское дело является одной из славнейших боевых страниц нашей кавказской конницы и слухит своего рода классическим примером.

Слухи о народившейся за Саганлугом новой турецкой армии, давление, оказываемое ею на ход операций под Карсом, и затруднительное положение, в котором оказался Эриванский отряд, побудили нас принять новое решение, а именно: оставя отряд генерала Девеля под Карсом для ведения осадных работ, выделить войска генерала Геймана в целях наступательной операции против Мухтара и оказания поддержки Эриванскому отряду. После взятия Баязета генерал Тергукасов 29 апреля занял Сурп-Оганес, после чего до 22 мая оставался в бездействии, выжидая развития наших действий под Карсом.

Генерал Тергукасов был типичным представителем героев кавказской школы. Он, будучи уроженцем Кавказа, отлично знал все местные особенности. Не имея высшего военного образования, он обладал светлым умом и богатым военным опытом при несомненной военной даровитости, волю же имел железную.

Бездействием Тергукасова воспользовался начальник Ванского отряда Фаик-паша, который организовал и собрал многочисленные ополчения. Наступать решительно к Вану было рискованно; мелкие же поиски не приводили ни к чему. Чтобы облегчить наше положение под Карсом, Лорис-Ме-

ликов поручил Тергукасову привлечь на себя внимание Мухтара, а для этого начать наступление по Алашкертской долине. 29 мая Тергукасов занял Зейдекан, а в переходе впереди, у подножия Драм-Дага, правофланговый отряд Мухтара, под начальством Мехмета-паши, поспешно укреплялся. Удалившись на 200 верст от своей базы, Тергукасов, особенно ввиду присутствия у Вана скопищ Фаика-паши, вынужден был более трети своего состава оставить для охраны сообщений, так что у Зейдекана имел не более 7000 человек. В связи с опасным положением Эрванского отряда Мухтар-паша уже с середины мая настойчиво требовал от Фаика-паши наступления к Баязету, но последний медлил под разными предлогами и только в начале июня подошел на расстояние одного перехода к Баязету, как раз тогда, когда от генерала Тергукасова потребовано было телеграммой перейти к решительным действиям.

Сражение при Драмдаге

4 июня Тергукасов одержал победу при Драмдаге. Противник занимал укрепленный высокий гребень с двумя крутыми высотами на флангах. Правофланговая и послужила точкой главного удара. Батальоны Ставропольского полка, входившие в состав нашей правой колонны, несмотря на сильные контратаки турок, утвердились на этой высоте и, поддержанные от резерва, вынудили неприятеля к отступлению. Наша конница преследовала, пока подошедшие два свежих турецких батальона не остановили ее.

Путь в Пассинскую долину был, таким образом, открыт; но так как с фронта, то есть со стороны Карса, Мухтару пока ничего не угрожало, то он мог безнаказанно сосредоточиться к правому своему флангу, другими словами — обрушиться почти всеми силами на Тергукасова. К 6 июля Баязет был окружен Фаик-пашой, и, таким образом, путь отступления Тергукасова был перехвачен. К счастью, последний ограничился только этим и не вторгся в Эрванскую губернию, защищаемую лишь двумя ротами. В этом отношении огромную пользу сослужила геройская оборона баязетского гарнизона. 9 июня Мухтар-паша лично перешел в наступление

против Тергукасова, но в бою при Даяре усилия его раздавить этот отряд разбились о геройское сопротивление наших войск.

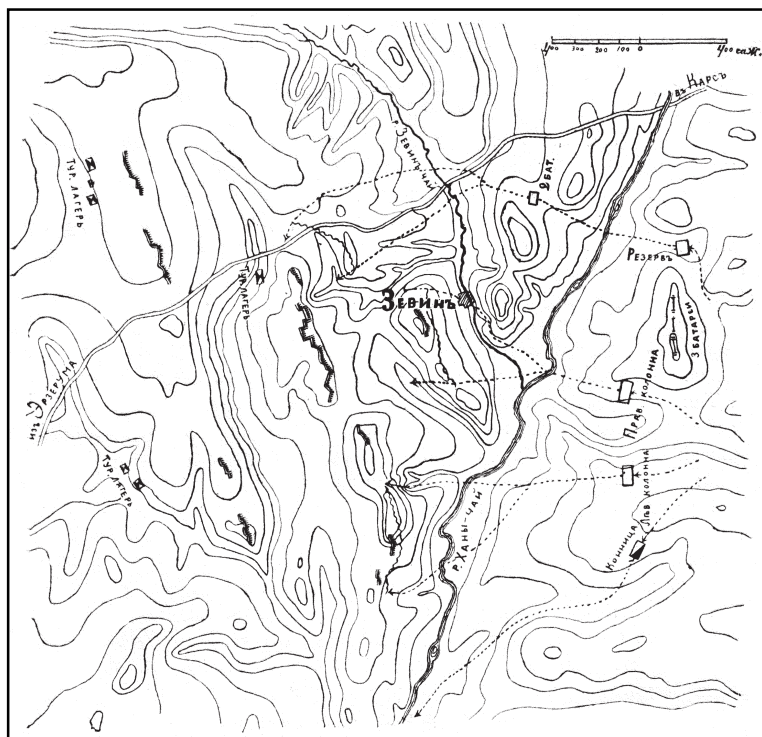
Наступление турок было раскрыто нашим разведотрядом, который, искусно пользуясь местностью, задержал их и был немедленно Тергукасовым поддержан. Заняв отдельные опорные пункты, наши два с половиной батальона с 22 орудиями удерживали позицию протяженностью до 6 верст по фронту против превосходящих сил противника. Пока Мухтар делал распоряжения для атаки, намереваясь обрушиться на наш правый фланг, все силы Тергукасова подтянулись и развернулись; только один батальон Крымского полка оставался в резерве. Турки после сильного обстрела нашего расположения пошли в атаку только в половине пятого, но все их усилия были тщетны. В 10 часов вечера бой прекратился, и обе стороны остались на своих местах.

Мухтар-паша намерен был на другой день возобновить атаку, но получил известие о выступлении из Карса войск генерала Геймана, что заставило его остаться в выжидательном положении. В свою очередь Тергукасов отошел к Драм-Дагу, дабы выждать здесь результатов наступления Геймана.

Генерал Гейман был старым кавказцем и в последние годы Кавказской войны командовал войсками. Смелый и решительный, он не обладал, однако, должной выдержкой и вообще не имел достаточно широкого кругозора для самостоятельных и ответственных действий.

Зевинский бой

10 июня отряд Геймана дошел до Саракамыша, где выяснилось, что у Зевина — только часть сил турок (Измаила-паши), не более 10—14 батальонов; главные же их силы — у Дели-бабы, против Тергукасова. Возник вопрос: атаковать ли Зевинскую позицию, чтобы разбить отдельно Измаила-пашу, или же, продвинувшись к Хорасану, занять срединное положение между обеими неприятельскими группами и попытаться разбить их по частям. Последнее решение облегчило бы и положение Тергукасова, о судьбе которого определенных сведений у Геймана не было. Тем не менее после-

План Зевинского боя

дний решил идти на Зевин. Турки занимали здесь позицию на возвышенностях правого берега речки Зевин-чая с крутыми скатами, пересеченными глубокими оврагами. Позиция была усилена тремя линиями укреплений.

Атаковать Гейман решил с фронта, направив конницу в обход правого фланга для удара в тыл позиции и пресечения подхода подкреплений со стороны Хорасана. Пехотные колонны перешли Зевин-чай и под страшным фронтальным огнем одолели крутизну правого берега и выбили турок из укреплений 1-й линии; но все попытки овладеть 2-й линией, где уже были редуты, окончились неудачей: турки подтянули резервы и отбили все атаки. Несмотря на это, успеха еще

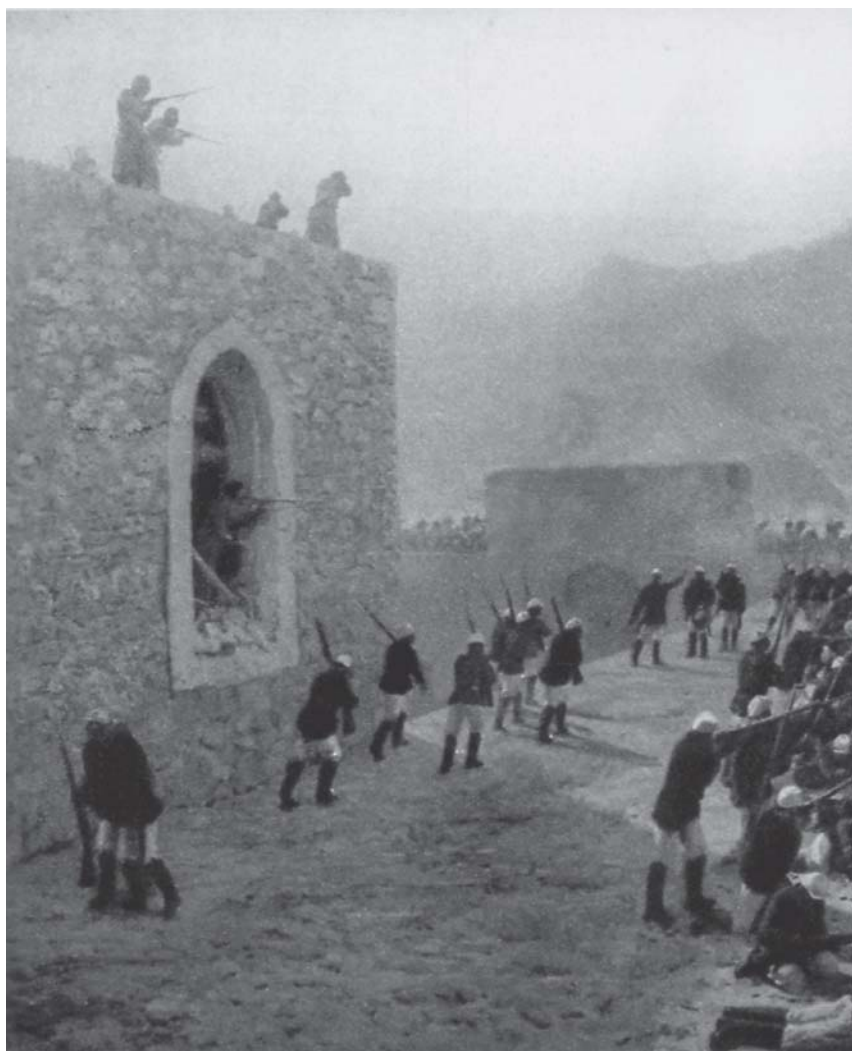
можно было достигнуть, если бы конница сделала свое дело, так как все резервы турок были перетянуты на левый фланг. Но князь Чавчавадзе, вместо того чтобы кружно обойти позицию по более удобному пути, двинулся кратчайшим путем в горы и повел спешенный бой, в котором на пересеченной местности был приостановлен даже слабой пехотой. Темнота прекратила бой, войска наши отошли на левый берег Зевин-чая; турки не преследовали. Несмотря на тактический неуспех, все-таки пользу Зевинский бой принес, так как облегчил отступление Тергукасова благодаря тому, что отвлек большую часть сил Мухтара.

Зевинская неудача произвела полный поворот в ходе кампании. И Гейману, и Тергукасову пришлось отступить. Но если первый отступал беспрепятственно, несмотря на то что за ним по пятам следовал сам Мушир с 35 батальонами, то Эриванскому отряду пришлось пережить ряд кризисов. Обремененный ранеными, ощущая недостаток в патронах и снарядах и вынужденный еще оберегать многие сотни армянских семейств, спасавшихся от грозной мести турок, Тергукасов должен был отступать под натиском превосходящих сил посланного против него Измаила-паши, имея сверх того в тылу скопища Фаика.

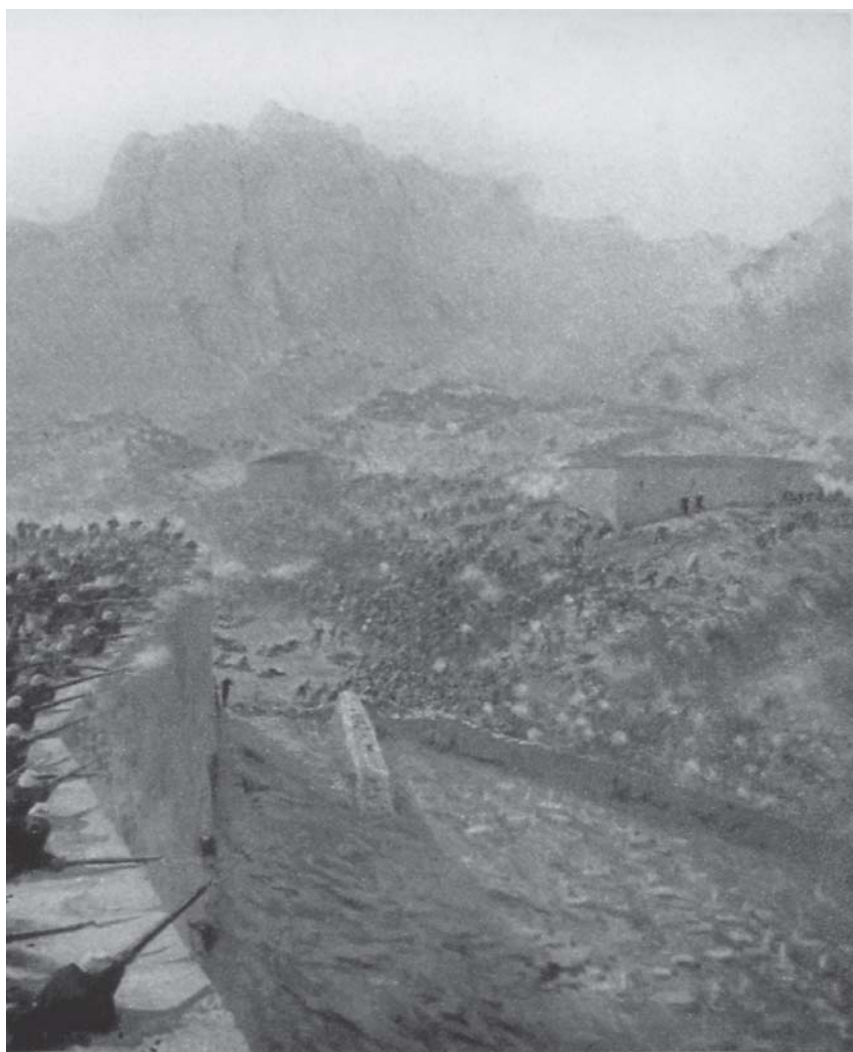
Только моральный подъем духа после удачных боев 4 и 9 июня и энергия предводителя позволили Эриванскому отряду со славой выйти из тягостного положения и совершить за 10 дней 180-верстное отступление, приравниваемое некоторыми историками к знаменитому отступлению 10 тысяч греков. 25 июня Тергукасов достиг Игдыря, откуда два дня спустя отправился на выручку геройского гарнизона Баязета.

Оборона Баязета

Крепость Баязет состояла из старинных, полуразвалившихся каменных построек и расположена была на высокой круче, у подножия которой протекала горная речка. В распоряжении коменданта, майора Штоквича, было всего-навсего пять штаб-, 30 обер-офицеров и 1587 нижних чинов. Огромные скопища курдов и турок подступили к крепости, причем в числе их начальников находился и сын знаменитого

Отбитие турецкого штурма у Баязета 8 июня 1877 г.
С картины Л. Лагорио

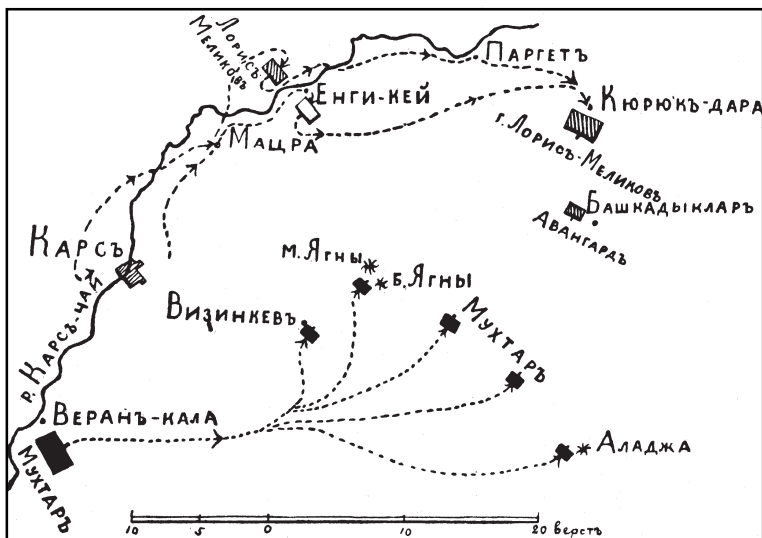

Шамиля, генерал свиты турецкого султана. Не имея ни боевых припасов, ни продовольствия, ни питьевой воды, которую можно было доставать, только рискуя жизнью, под выстрелами неприятеля, мужественный баязетский гарнизон героически отбивал ежедневные ожесточенные атаки турок. Брать воду из речки скоро сделалось совершенно невозможно: каждая попытка стоила жизни смельчакам, спускавшимся к воде. Дело дошло до того, что пили собственную мочу. Несмотря на все эти ужасные лишения, комендант и офицеры, подавая пример выносливости и мужества, поддерживали героический дух в людях. Когда явился на выручку Тергукасов, освобожденный гарнизон Баязета напоминал своим видом призраков.

В течение 23-дневной осады гарнизон потерял двух штаб-офицеров и 159 нижних чинов. Комендант, майор Штоквич, за славную оборону Баязета был награжден Георгием 4-й степени и пожизненной пенсией в 1000 рублей.

27 июня Тергукасов с 28 ротами, 19 эскадронами и сотнями и 24 орудиями двинулся на освобождение героического баязетского гарнизона. Прикрывшись к стороне Диадина конницей, он атаковал Фаика-пашу и, нанеся ему поражение, увел освобожденных баязетцев к Игдырю. Измаил-паша, присоединив к себе Фаика, занял Баязет, выдвинул передовые части в русские пределы и готовился вторгнуться в Эриванскую губернию.

На всем театре войны к началу июля положение радикально изменилось. Кроме Ардагана, почти вся захваченная территория противника была утрачена, и наши войска вынуждены были не только перейти к обороне, но и снять осаду Карса. Положение турок настолько улучшилось, что они имели на своей стороне превосходство сил, могли их сосредоточить и перейти к наступательным действиям. Очевидно, такое положение дел крайне поколебало наш престиж в глазах кавказского населения; а между тем опасность восстания в тылу (оно действительно возникло в Чечне и Дагестане) не позволяло ослаблять оставленные на Кавказе войска, и подкрепление приходилось притягивать изнутри России, откуда нельзя было получить их скоро.

Расположение русских и турецких войск вблизи Кюрюк-Дарá

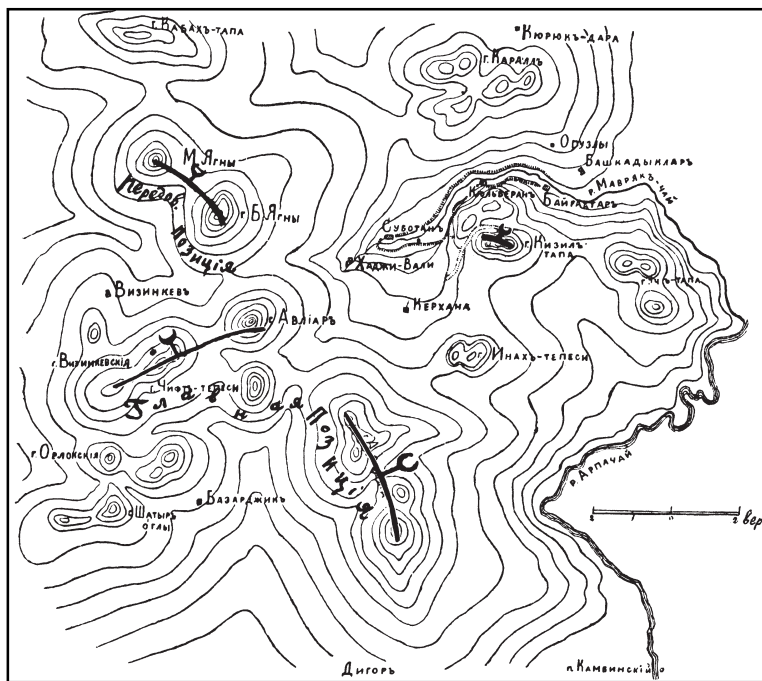
Теперь Мухтару-паше можно было приступить к исполнению своих первоначальных планов о вторжении в пределы Закавказья. Кратчайшим было направление от Карса прямо на Ахалкалаки—Тифлис; оно к тому же проходило по краю богатому и густонаселенному. Другое направление, более кругное, шло на Тифлис через Александрополь; оно было более безопасным, так как сообщения с Карсом и Эрзурумом оставались прикрытыми и можно было действовать совместно с Измаилом-пашой, наступавшим в Ереванскую губернию.

Опасаясь, что турками избрано будет первое направление, мы даже перевели часть сил наших на левый берег реки Карс-чай, чтобы помешать им в этом движении; но оказалось, что Мухтар простоял до 2 июля, тронулся по второму направлению весьма медленно, причем на Аладжинских высотах (восточнее Карса) остановился. Его армия, насчитывавшая теперь уже 53 батальона, 42 эскадрона и 56 орудий, тотчас же приступила к возведению укреплений.

Наши войска отошли к Кюрюк-Дарá, выдвинув авангард к Башкадыкляру. Первоначально Мухтар-паша, по-видимому, имел в виду лишь выждать на этой укрепленной позиции приближение Измаила-паши и только после того наступать соединенными силами. Такое выжидание привело к обоюдному бездействию, заполненному лишь мелкими поисками, особенно выгодному для нас, так как это приближало нас к сроку ожидаемого прибытия подкреплений. С другой стороны, нам на руку играло и бездействие Измаила-паши, на которого между тем, по плану Мухтара, ложился почин наступления.

Эреванскому отряду при вступлении в русские пределы пришлось выполнять весьма тяжелую задачу охранения границы на протяжении 70 верст от соединенных сил Измаила и Фаика (25 тысяч), превосходивших его более чем вдвое. Тергукасов очень искусно воспользовался горной местностью, заняв перевалы; попытка Измаила в последней декаде июля воспользоваться разброской наших сил и, отвлекая наше внимание к одному из перевалов (Чингильскому), прорваться в другом направлении, потерпела неудачу. Турки приступили к устройству укрепленного лагеря у Аликочака; тем не менее у нас признано было необходимым усилить генерала Тергукасова из главных сил, куда уже начали прибывать подкрепления. Прежде всего они были выделены из Кобулетского отряда, а к 1 августа начали прибывать эшелоны 40-й пехотной дивизии; к середине сентября ожидалось прибытие из Москвы еще и 1-й гренадерской дивизии, с приходом которой на нашей стороне оказывался даже перевес в силах.

Первоначально решено было выступить против Измаила-паши и с этой целью усилить Эреванский отряд; а чтобы не дать в свою очередь Мухтару-паше оказать Измаилу помощь, 6 августа произведена нами была усиленная рекогносцировка Аладжинской позиции. Рекогносцировка эта в то же время имела целью ближе изучить особенности турецкой укрепленной позиции и подступы к ней. Аладжа, будучи отрогом Карадага, граничит с южной частью Карской равнины, имеет высоту более 6000 футов над уровнем моря, а над окружающей местностью — около 1500 футов. Восточные ее скаты круче северных, которые более пологи и спускают-

Турецкие позиции в районе горы Аладжи

ся террасами. Возвышенности Аладжи и окружающая их местность открыты и не препятствуют обзору на огромные расстояния. Сама позиция турок распадалась на две части: 1) правый фланг — собственно Аладжа и высота Чифт-Тепеси и 2) левый фланг — Визинкевские высоты и гора Авлиар; обе эти части разделялись труднопроходимым оврагом Суботанского ручья. Впереди левого фланга передовую позицию образовали куполообразные высоты Большие и Малые Ягны, из которых вторая уже близка была к крепости Карсу. Впереди правого фланга ту же роль играла высокая Кизил-Тапа, а скалистая высота Инах-Тепеси являлась на этом фланге опорным пунктом.

Протяженность главной позиции по фронту — 18 верст, а передовых — 28 верст, что для 40—50-тысячной армии

Расположение русских войск в районе Аладжи

Мухтара было непосильным, и позиция являлась растянутой; надо прибавить к этому трудность из-за оврагов поддержания связи между отдельными ее частями. Фланги позиции обеспечивались: левый — крепостью Карсом, а правый лишь отчасти прикрывался рекой Арпачей, через которую имелись переправы. По отношению к нашему операционному направлению Александрополь—Карс—Арзурум позиция являлась фланговой и к базе турок — крепости Карсу — примыкала флангом, хотя пути на Эрзурум, минуя Карс, ею все-таки прикрывались.

Для усиленной разведки Аладжинской позиции 6 августа, а также с демонстративной целью сформированы были

три колонны: левая генерала Девеля, средняя генерала Геймана и правая — полковника Комарова. Первая направлена была на правый фланг турок — к горе Инах-Тепеси; вторая — против Суботана и третья — к горе Большие Ягны. В состав колонн вошли 40-я пехотная и Кавказская гренадерская дивизии с добавлением некоторых частей и подкреплений, присланных из Ардаганского отряда. Разведка охватывала весь фронт турецкой позиции, причем войскам предписано было в серьезный бой не вдаваться, а действовать преимущественно артиллерийским огнем. Разведка Инах-Тепеси выяснила, что овладение этой вершиной не принесет никакой пользы, так как она находится под выстрелами с главного хребта Аладжи. В свою очередь, полковник Комаров захватил Большие Ягны, а Гейман — позиции у Суботана и Хаджи-Вали. Другими словами, обе эти колонны вышли из пределов поставленной задачи. Поэтому им пришлось с большими трудностями, под напором превосходящих сил, отступить, что, однако, они выполнили с большим искусством.

11 августа из главных сил выделена была колонна генерала Девеля (около бригады), которая и двинулась на усиление Эреванского отряда. Узнав об этом, Мухтар-паша в ночь на 13 августа захватил слабо охраняемую нами вершину Кизил-Тапа. Во втором часу ночи дивизия Мехмедбея скрытно двинулась к этой горе, на которой у нас стояли только передовые посты; другая дивизия предназначалась для ее поддержки и стала в промежуток между Кизил-Тапой и Уч-Тапой; конница же Хуссейна-паши, при поддержке пехотного отряда, выдвинутого из Визинкева, должна была, для отвращения нашего внимания, угрожать нашему лагерю вблизи Кюрюк-Дара. Нападение турок на Кизил-Тапу было удачным: наши передовые части были смяты, а Кизил-Тапа захвачена неприятелем. Наши упорные контратаки, несмотря даже на возвращение колонны Девеля, не достигли цели. Что же касается турецких демонстративных атак на Кюрюк-Дара, то все они были отбиты. Потеря Кизил-Тапы заставила нас отойти несколько назад и занять более сосредоточенное расположение; турки грозили ему обходом обоих флангов, но сами еще более

растянулись. Туркам не следовало медлить и надлежало развивать успешно начатое наступление, а они бездействовали; только Измаил-паша произвел ряд атак на наши войска у Игдыря, но не всеми своими силами, почему они и были отбиты.

Наступление русских: Аладжинское сражение; Авлиар; Деве-Бойну

Тем временем к 20 сентября все подкрепления наши сосредоточились и в главных силах Лорис-Меликова уже насчитывалось 60 батальонов, 96 эскадронов и сотен при 240 орудиях. С такими силами решено было перейти к решительному наступлению. На командированного из Петербурга генерала Обручева (впоследствии начальник Главного штаба) возложено было составление плана атаки Аладжинской позиции. Генерал Обручев к этому времени уже составил себе репутацию выдающегося офицера Генерального штаба. Отличающийся замечательными дарованиями, особенно в области стратегического искусства, он, при содействии лиц, близко изучивших топографические особенности местности, принялся за составление плана общей атаки Аладжинской позиции. Так как левый ее фланг имел особо важное стратегическое значение, ибо оттуда шли сообщения Мухтара с Карсом и Эрзурумом через Визинкев и Базарджик, то этот фланг и намечен был точкой главного удара.

Войска разделены были на правое крыло генерал-адъютанта Лорис-Меликова (32 батальона, 40 эскадронов и сотен и 112 орудий), левое крыло, под командованием генерал-лейтенанта Лазарева (11,25 батальона, 15 эскадронов и сотен и 28 орудий), и Камбинский отряд генерал-майора Шелковникова (5,5 батальона, три сотни, 12 орудий).

Правое крыло в свою очередь делилось на четыре колонны, из которых две (Комарова и графа Граббе) направлялись с двух сторон на Малые Ягны, под общим начальством генерал-лейтенанта Роопа; 3-я — на Большие Ягны и 4-я (фон Шака) — на Хаджи-Вали; обе эти колонны были подчинены генерал-лейтенанту Гейману. Частный резерв правого крыла (генерал-лейтенант Соловьев) двигался за правофланго-

выми колоннами. На войска левого крыла возлагалась задача удерживать турок, действуя на них преимущественно огнем. Общий резерв стал близ горы Караял. Камбинский отряд Шелковникова должен был пробраться в тыл туркам, для чего заранее был собран у Камбинского поста на Арпачае, где устроена переправа.

Колонны правого крыла выступили 19-го с вечера, чтобы атаковать на рассвете, но сбились с направления и разобшились, из-за чего атака Малых Ягн пошла не так, как предполагалось, а вылазка из Карса вынудила и вовсе отказаться от этого намерения. Штурм Больших Ягн, наоборот, вполне удался; но дальнейшее наступление к Авлиару несвижских гренадер не имело успеха вследствие отпора превосходящих сил противника. К тому же положение колонны фон Шака оказалось неблагоприятным для наступления: колонна эта столкнулась у Хаджи-Вали со значительно превосходящими силами и потеряв много убитыми и ранеными, под угрозой обхода справа отошла к Большим Ягнам, где уже частный резерв Соловьева остановил турок. Противник отступил, преследуемый конницей, но использовать успех генералу Гейману не пришлось за дальностью общего резерва и вследствие наступления темноты. Правому крылу пришлось не только действовать огнем, но и отбивать направленные против него неприятельские атаки; Камбинский отряд генерал-майора Шелковникова выступил с Камбинского поста (на реке Арпачае) в 8 часов вечера 19 сентября и, преодолев огромные трудности при подъеме на кручи Аладжи, к утру 20 сентября оказался в тылу правого фланга турок; но слабость его сил и наличие всего четырех горных пушек привели к тому, что турки не только сосредоточили против него превосходящие силы, но и окружили войска Шелковникова. Положение последнего сделалось положительно безвыходным; но смелость и искусство этого выдающегося молодого генерала¹ да невероятная доблесть войск вывели отряд из критического

¹ К сожалению, впоследствии умершего от тифа во время зимней стоянки под Эрзурумом.

положения. Потеряв 582 бойца убитыми и ранеными, Шелковников с невероятными усилиями пробился к Арпачаю.

21 сентября турки атаковали наше левое крыло со стороны Суботана и были отброшены в полном беспорядке; 22-го они наступали на войска Геймана (очистившие Большие Ягны вследствие недостатка воды), но были остановлены огнем.

Бои 20—22 сентября хотя и не достигли цели, но послужили в значительной мере прологом последующей блестящей победы нашей 3 октября. Они ослабили силы турок, поколебали их дух, привели к еще большей растяжке их позиции — ибо меньшим количеством войск приходилось занимать тот же фронт; нам же они позволили вызнать неприятельское расположение и ввести весьма целесообразные поправки в сам план атаки.

Показателем деморализации турок послужило, с одной стороны, значительное дезертирство, а с другой — отвод турецких войск с захваченных ими передовых пунктов (у Суботана, Кизил-Тапы и Больших Ягн) на главные позиции, занимавшиеся ими до 13 августа. Это как бы подтверждало слухи о намерении Мухтар-паши, ввиду приближения зимы и бездействия Измаила, отступить к Карсу, что откладывалось лишь до тех пор, пока все запасы не будут перевезены в крепость. Опасение возможности такого исхода вызвало с нашей стороны решение безотлагательно вновь атаковать неприятеля, не допустив его безнаказанно укрыться в крепость.

По новому плану атаки, разработанному генералом Обручевым, главный удар решено было обрушить на центр турецкого расположения, направив его при том не только с фронта, но и с тыла. Такое решение, приводящее при удаче к такому же перехвату путей отступления на Эрзурум, как и при атаке левого фланга, более отвечало растянутому теперь расположению турок; сверх того, мы не подвергались более фланговому удару со стороны крепости Карс. В обход Аладжи направлена была сильная колонна генерал-лейтенанта Лазарева (23,5 батальона, 29,25 эскадрона и сотен, 76 орудий — около трети всех сил), которая должна была, перейдя Арпачай, обойти турок, но не в тыл правого фланга

их позиции, как сделал Шелковников, напорвшийся на труднодоступные кручи, а гораздо глубже, направляясь на Визинкев и Базарджик. Так как одновременно с этим наше левое крыло должно было сдерживать турок на фронте, а правое наносить удар на центр (Авлиар), то выходило, что одновременно с прорывом турецкой позиции правый ее фланг (наиболее сильный по природным свойствам) в случае успеха сжимался в железные тиски и обрекался на самую печальную участь, будучи совершенно лишен путей отступления.

Войска, оставшиеся на фронте, были разделены на две группы: правое крыло осталось под общим начальством генерала Геймана; левое было вверено генералу Роопу. Общий резерв придвинут ближе к центру. Генерал Лазарев должен был совершить 80-верстное обходное движение по крайне труднодоступной местности, причем река Арпачай, с крутыми, обрывистыми берегами, отделяла его от своих. Для связи обходной колонны с остальными силами была проложена телеграфная линия.

2 октября конница, шедшая в голове обходной колонны, наткнулась на шесть турецких батальонов; дважды пробившись сквозь их ряды, она подтвердила сведения о противнике, полученные от лазутчиков, заплатив за это, однако, дорогой ценой. Турки, распознав обходное движение, поспешили преградить обходной колонне дорогу. Они были остановлены нашей спешенной конницей, которая, подкрепленная стрелками, оттеснила неприятеля к Визинкевским высотам, где наша авангардная пехота и утвердилась к вечеру на передовой позиции противника. Тем временем главные силы генерала Лазарева подтянулись к Базарджику. Таким образом, обходная колонна прочно утвердилась в тылу противника к ночи на 3 октября, о чем было доложено главнокомандующему Кавказской армии, великому князю Михаилу Николаевичу, по телеграфу.

Утром 3 октября генерал Гейман повел атаку на Авлиар. 44 тяжелые 9-фунтовые пушки с рассвета начали громить его куполообразную вершину, которая вскоре от падающих на нее снарядов стала дымиться, подобно вулкану. Попытки

турок приостановить атаку нашей пехоты ударами в ее фланги окончились неудачно. В 12 часов 30 минут дня Авлиар пал, а вслед за ним и Визинкевские высоты, атакованные Лазаревым. Турецкая позиция, как и было задумано, оказалась разрезанной; войска ее левого фланга в полном беспорядке бежали в Карс (в том числе и сам Мушир вместе с находившимся при нем в качестве советника английским генералом); наша конница их преследовала и забрала множество пленных и трофеев; остальные продолжали держаться на гребне Аладжи, которая постепенно сжималась железным кольцом наших доблестных героев: с севера и востока — левым крылом генерала Роопа, с северо-запада — Гейманом, а с запада и юго-запада — Лазаревым. В третьем часу часть войск противника, видя безвыходность своего положения и не имея мужества пробиться, сдалась; другая еще держалась до вечера на высоте Чифт-Тепеси, но, окруженная там со всех сторон, также вынуждена была сложить оружие.

Авлиарская победа стоила нам 56 офицеров и около 1385 нижних чинов убитыми и ранеными. Турки потеряли: пленными — семь пашей, 250 офицеров и около 7000 нижних чинов при 35 орудиях, а убитыми и ранеными — до 15 тысяч человек. Это был полный разгром их армии.

Авлиарский бой в тактическом отношении является крайне поучительным примером атаки укрепленной позиции. Бой этот, безусловно, является одной из наиболее блестящих страниц нашей истории, одним из наиболее рельефных образцов проявления русского военного искусства.

В крепости Карс господствовала полная паника, как выяснилось впоследствии. Если бы у нас рискнули преследовать турок немедленно всеми силами, то весьма вероятно, что и твердыня неприятеля могла достаться нам с налета почти без всяких жертв. Но и без того результаты победы были грандиозны. Сразу покончено было с пресловутым аладжинским сидением; полевые войска противника более чем наполовину уничтожены; у нас развязаны руки для операций против Карса или Эрзурума; Измаил-паша, естественно, вынужден был отступить за наши пределы; наконец, у мест-

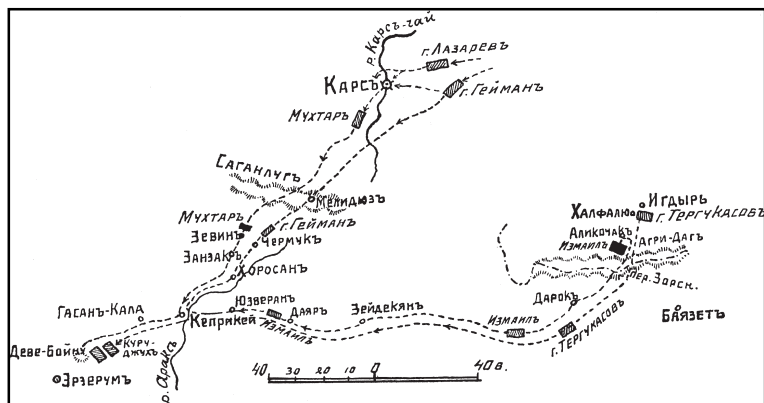
ного населения Кавказа престиж русской власти и русского оружия сразу окреп и возрос; восстание в тылу успокоилось, и нам открыт был широкий путь к целому ряду блистательных побед.

Мухтару-паше оставалось теперь одно: прикрывать доступ к Эрзуруму — главной своей базе и средоточию турецких сил и средств в Армении. Наиболее важной частью этих сил, почти нетронутой, являлись теперь войска Измаила-паши, которому и приказано было безотлагательно спешить на соединение с остатками разбитых на Аладже войск, отступавших от Карса.

Для нас было чрезвычайно важно не допустить соединения этих двух неприятельских групп, к чему имелась полная возможность при условии безотвязности в преследовании. К сожалению, это было упущено; для преследования Мухтара войска высланы были только 4 октября вечером, и притом, сбившись с направления, они дошли только до Карсчая. Распоряжения для дальнейших действий были даны только вечером 5 октября, причем войска наши были разделены на два отряда. На генерала Лазарева (34 батальона, 34 эскадрона и сотни, 126 орудий) возложены были действия против крепости Карс; генералу Гейману (28 батальонов, 25,5 эскадрона и сотен и 98 орудий) поручено было наступать за Саганлугом, действуя совместно с Тергукасовым против Измаила-паши и вообще остатков турецких войск. Что же касается Тергукасова, то ему приказано неотступно преследовать Измаила.

Саганлугский отряд Геймана должен был выступить 6-го, но промедлил до 10-го, вследствие неустройства продовольственной части. 12 октября Гейман уже достиг Зевинской позиции, занятой слабым отрядом. Тем не менее Гейман задержался перед этой позицией, вместо того чтобы поспешить занять Хорасань и Керпикей, то есть те пункты, где только и могло произойти на пути к Эрзуруму соединение обоих неприятельских отрядов. Лишь 14-го он передвинулся в Чермук.

Тем временем Измаил-паша, еще с 5 октября начавший отходить от своих позиций на Агри-Даг, искусно скрыл от

Движение русских войск в направлении к Эрзуруму

Тергукасова свой отход и направление своего отступления, удачно прошел опасные ущелья и, выиграв у противника целые сутки, кинулся наутек усиленными 35-верстными переходами, бросая тяжести, обозы и уничтожая запасы. К 12 октября расстояние между ним и главными силами Эриванского отряда возросло до 60 верст, и только наши передовые конные части следовали за ним. Дойдя 14-го к вечеру до Юз-Верана и узнав здесь о близости войск Геймана, Измаил продолжил марш ночью, перешел Аракс и в Керпикей соединился с остатками войск Мухтара. Таким образом, последнему удалось достигнуть очень важного результата: собрать все силы, что у него оставались, и прикрыть Эрзурум.

Медлительность Геймана, который к тому же не воспользовался должным образом своей конницей, чтобы точно быть осведомленным о движениях и действиях неприятеля, лишила нас весьма существенных выгод. Неприятельские силы, которые, под влиянием только что пережитого разгрома, были деморализованы и разобщены, так что легко могли быть разбиты по частям, теперь соединились. Уже одно это придавало остаткам турецких войск бодрость и надежду на лучшее будущее. Эти 36 батальонов, 27 эскадронов и 40 орудий были уже теперь такой силой, с которой Гейману пришлось серьезно считаться.

Заняв 15-го Хорасан, Гейман начал настойчиво преследовать турок, которые спешно продолжали отступать. В ночь на 17-е арьергард неприятеля был достигнут в Гасан-Кала, и наша конница нанесла ему здесь жестокое поражение. Турки укрылись на позиции Деве-Бойну, а Гейман, соединившись у Гасан-Кала 21 октября с Тергукасовым, решил атаковать турок.

Поражение последних должно было, скорее всего, открыть нам ворота Эрзурума и тем нанести неприятелю последний решительный удар в пределах Армении. Вместе с тем мы получали возможность на предстоящую зиму избежать трудной стоянки в горной малонаселенной и скудной местности, приобретали удобные зимние квартиры и богатые запасы Эрзурумской равнины, что было очень важно ввиду трудности доставки припасов через Саганлугский хребет. Хребет Деве-Бойну пересекал прямой путь к Эрзуруму и со своими разветвлениями представлял местность весьма пересеченную; края его упирались в труднодоступные высоты Чобандаг и Полантекен. Протяженность по фронту — до 6 верст. Турки занимали Деве-Бойну 40 батальонами, 12 эскадронами, 39 орудиями и укрепились так, чтобы держать всю местность под перекрестной обороной. Рассчитывая на то, что противник деморализован предшествовавшими неудачами, Гейман решил, соединясь с Эреванским отрядом, атаковать эту сильную позицию тотчас же.

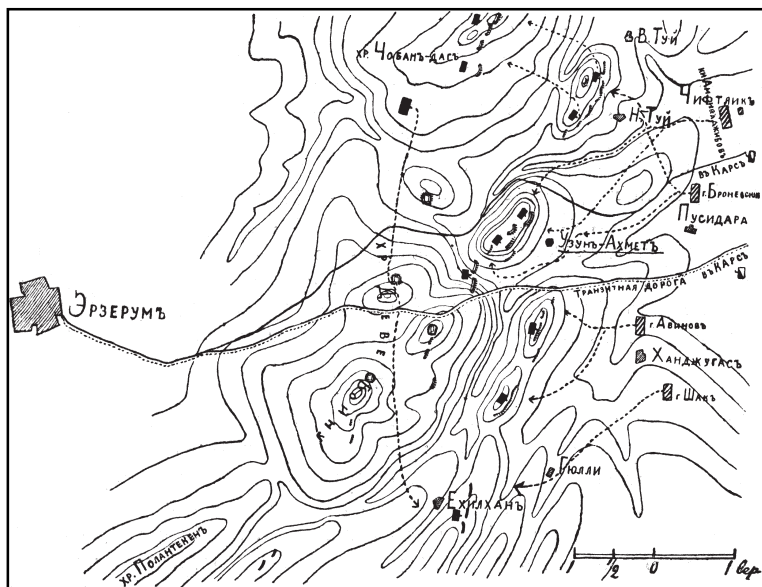
Главным пунктом атаки намечена была высота Узун-Ахмет, находившаяся на левом фланге неприятельского расположения; она была как раз между единственными двумя дорогами, шедшими через перевал, превалируя над ними так, что овладевший этой высотой господствовал над путями к Эрзуруму. Для отвлечения внимания противника от главного пункта атаки намечена была демонстрация против правого фланга. К 7 часам утра войска уже были готовы приступить к атаке. Для главного удара назначались две колонны: князя Амераджибова и Броневского (всего 15 батальонов и 38 орудий); для демонстрации на правом фланге восемь батальонов, шесть орудий и три сотни — генерал-майора фон Шака и еще восемь батальонов и 36 орудий генерал-майора

Авинова для действия огнем против центра и правого фланга неприятеля. Конница охраняла фланги. Всего назначено для атаки 31 батальон, 29 эскадронов и 90 орудий. Около 10 часов утра обе стороны открыли артиллерийский огонь. Энергичные действия генерала фон Шака ввели в заблуждение турок, и Мухтар-паша начал перетягивать силы на свой правый фланг.

Тем временем высоту Узун-Ахмет энергично обстреливала наша артиллерия; для обеспечения защиты правого фланга и тыла будущей атаки два батальона Крымского полка выбили турок с холма у деревни Нижний Туй и отбросили к Чобандагу. Подготовленная таким образом главная атака начата была в половине пятого дня четырьмя батальонами с фронта, четырьмя по ущелью с северной стороны и двумя (из колонны Броневского) с юга. К 6 часам мы утвердились на Узун-Ахмет, захватив неприятельскую артиллерию. Это привело к быстрому отступлению турок по всей линии, очень скоро обратившемуся в бегство. Конница левого фланга (князя Амилахварова) преследовала бегущих до наступления темноты, захватив 10 пушек.

Разгром неприятеля был полный: взято 400 пленных, 43 орудия, масса боевых запасов, весь лагерь. Урон турок — 3000 убитых и раненых. К сожалению, упоенный победой Гейман не воспользовался ею немедленно — Эрзурум мог быть захвачен легко: в городе царил паника; армянское духовенство уже готовилось встречать победителей с крестом и молитвой.

Если промедление Геймана в ночь с 23 на 24 октября еще может быть отчасти оправдано опасением расстроить войска при преследовании в темноте на незнакомой местности, то бездействие его 24-го не имеет оправдания. В этот день положение Эрзурума было таково, что возможен был захват крепости прямо с налета. Сделанное же Гейманом после 24-го предложение о сдаче было отвергнуто. Первое впечатление от погрома сгладилось; разбежавшихся солдат собрали, форты крепости Эрзурум заняли гарнизоны, и турки приготовились к упорному сопротивлению. Получив отказ на вторичное предложение сдать крепость, Гейман решил

План боя на высоте Узун-Ахмет

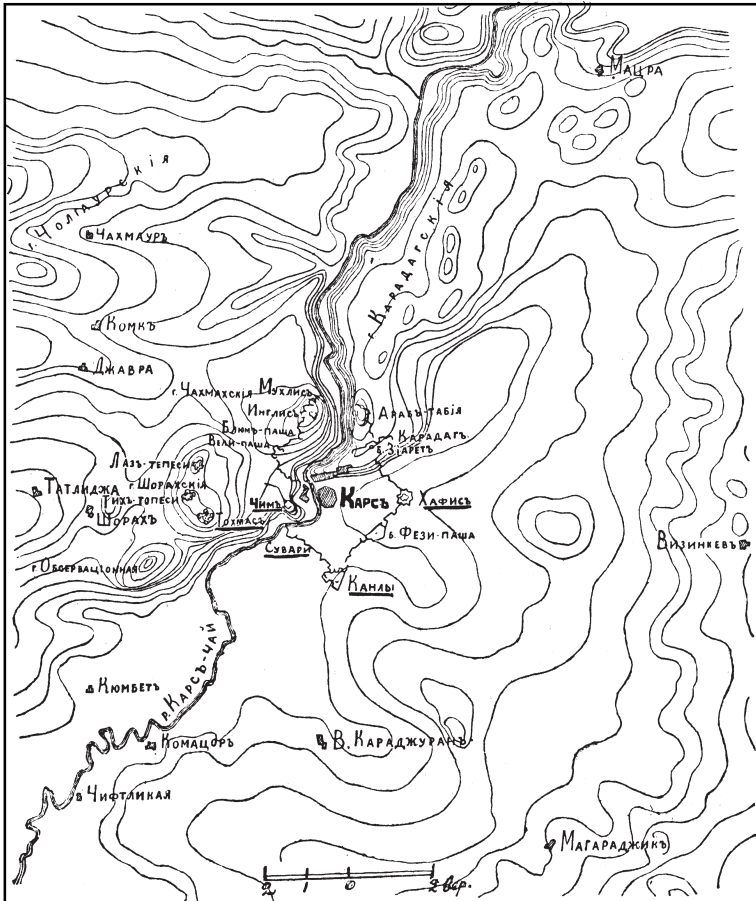
овладеть ею ночным штурмом. Однако предприятие это постигла неудача: колонны, двинутые в темную, безлунную ночь издалека, заблудились, так как не изучили предварительно местности и подступов к крепостным сооружениям; ни одна из них своевременно не прибыла куда ей было назначено, и только один из намеченных для атаки фортов удалось захватить и продержаться в нем до утра. Таким образом, захват Эрзурума открытой силой, легко осуществимый немедленно вслед за победой при Деве-Бойну, теперь, из-за допущенного промедления, требовал уже серьезной подготовки. С налета достигнуть этой цели оказалось невозможным, и овладеть Эрзурумом нам в эту кампанию так и не удалось.

Тем временем под Карсом отряд генерала Лазарева приступил к осадным работам. В крепости оставалось гарнизон на 20—25 тысяч; несмотря на сильное нравственное впечатление, произведенное на гарнизон Авлиарским погромом,

а затем установленной с 10 октября тесной блокадой крепости, комендант Гуссейн-паша резко отверг предложения о сдаче — и не без основания. Гарнизон Карса имел полное право рассчитывать отсидеться до зимы, во время которой едва ли действия против крепости могли продолжаться. Запасов было вдоволь; укрепления, только что подновленные и усиленные под руководством иностранцев, были мощными и хорошо вооруженными. Вести же осаду нам мешал, с одной стороны, скалистый грунт, а с другой — отсутствие необходимых для этого средств, доставка которых потребовала бы очень много времени. Единственно возможным, хотя и крайне смелым, рискованным решением, было овладеть Карсом открытой силой, предварительно подготовив успех бомбардирования и вообще всеми доступными мерами.

Взятие Карса

В 1877 г. укрепления Карса состояли из цитадели и каменной стены, окружавшей старый город; эти сооружения были старой постройки и имели второстепенное значение. Кроме них вокруг города на высотах, командующих окружающей местностью, имелись сильные форты. Укрепления эти превосходно защищали от подступов к городу и имели сильную взаимную артиллерийскую оборону. Сообразно условиям местности, форты эти распадалась на три группы: Северо-восточную или Карадагскую (форты Араб и Карадаг); Юго-восточную, или Равнинную (форты Хафис, Канлы и Сувари); и Западную (две линии укреплений и фортов на левом берегу Карсчая). Наибольшее значение имела первая группа: она возвышалась над всем городом, цитаделью и отчасти укреплениями левого берега, а потому составляла ключ крепости: форты эти были самыми сильными и на самых труднодоступных высотах. Вооружение Карса состояло из 300 орудий, преимущественно крупных калибров; для нанесения главного удара избрана была юго-восточная сторона крепости. Только с этой стороны обстреливался весь город, который легче было захватить при овладении равнинными укреплениями, а в городе сосредоточены были

План окружающей Карс местности

все запасы и средства для нагорных укреплений, а кроме того, только там можно было добыть питьевую воду. Другими словами, заняв город, можно было лишить нагорные укрепления источников существования и заставить их сдаться. Помимо этого против равнинных укреплений можно было воздвигнуть батареи не далее 600 сажен от города, с которых можно было обстреливать город и цитадель; с прочих же сторон город защищался горами и воз-

веденными на них фортами, до которых от него было не менее 3 верст.

В ночь с 23 на 24 октября приступили к возведению осадных батарей, из которых первые три были построены против форта Канлы. Турки утром атаковали их и были отбиты. В тот же день генералу Алхазову было поручено отеснить турецкие передовые посты против форта Хафиса, чтобы дать возможность ближе заложить здесь осадную батарею. Алхазов решил прежде всего овладеть неприятельской полевой батареей, выстроенной впереди форта и мешавшей осадным работам. Полковник Есипов с тремя батальонами выполнил это; полковник Фадеев (два батальона Кутаисского полка) ошибочно уклонился вправо и вместо батареи очутился вблизи самого форта Хафис. Приняв в темноте это укрепление за батарею, Фадеев лихо налетел на вал, сбил турок с бруствера, огнем выгнал их из каменной казармы и захватил форт. Попытки турок в течение ночи выбить кутаисцев были неудачны; к рассвету они открыли с Карадага огонь по внутренним укреплениям. Только на рассвете кутаисцы поняли, какое смелое дело они сделали; видя, что на подкрепление рассчитывать не приходится, а самим едва ли можно удержать форт, Фадеев решил отступить, приведя в негодность как можно больше орудий. Кутаисцы забрали с собой и пленных — 10 офицеров и 68 нижних чинов. Потери их: двое убитых, 52 раненых, в том числе два офицера.

Ночной случайный захват кутаисцами форта Хафис имел весьма важное значение: он показал возможность нападения врасплох на турок, подтвердил слабую действенность огня и доказал, что штурм — дело не безнадежное. На турок этот успех произвел потрясающее впечатление; а с 30 октября, когда открыли свои действия все наши осадные батареи, их упорство было в значительной мере поколеблено бомбардированием, производившим в городе большие опустошения. Тем не менее, когда после получения известия о победе при Деве-Бойну, коменданту повторено было предложение сдать крепость — он оставил письмо без ответа. Тогда решено было у нас окончательно прибегнуть к штурму.

Одной из наиболее действенных мер, подготовивших успех штурма, были постоянные ночные экспедиции охотничьих команд. В этих смелых разведочных действиях охотники наши искусились еще за время стоянки под Аладжей; их самоотверженной и лихой работе мы обязаны тому, что подступы ко всем частям запутанной турецкой позиции были нами изучены в конце концов в совершенстве, что сослужило нам огромную службу в дни решительных ее атак.

Точно так же и под Карсом охотники каждую ночь, на всех фронтах, производили смелые ночные поиски, которые помимо изучения местности до мельчайших подробностей принесли еще ту огромную пользу, что приучили гарнизон к постоянным ночным тревогам, так что турки перестали на них обращать внимание и в ночь штурма приняли первые наши выстрелы за обычную тревогу. Первоначально штурм был назначен на 2 ноября, но вследствие дождя и сильного тумана решено было отложить его, с одной стороны — до ночных заморозков, а с другой — до наступления лунных ночей.

По имевшимся сведениям, гарнизон Карса был распределен следующим образом. В укреплениях левого берега — около 5500 турок и 115 орудий; в Карадагской группе — 2000 человек с 39 орудиями; в равнинных укреплениях — 2000 бойцов и 52 орудия. В резерве позади равнинных укреплений — 4500 турок и шесть полевых орудий; в резерве — за нагорными укреплениями — 2000. Одной из задач при составлении плана предстоящего штурма было заставить турок стянуть все эти резервы к тому фронту крепости, который не являлся намеченным для главного удара.

Согласно диспозиции для штурма, наши силы были распределены следующим образом. Под общим начальством генерала Лазарева направились на юго-восточный фронт следующие силы: 1) колонна генерала Алхазова (5,25 батальона и восемь орудий), которая должна была взять Хафис; 2) колонны генерал-майора графа Граббе и полковника Вождакина должны были с двух сторон взять Канлы; 3) колонна полковника князя Меликова (три батальона) должна была, овладев сперва Сувари, атаковать форт Чим с тыла, в по-

мощь; 4) колонна генерал-майора Комарова (шесть батальонов, 16 орудий), которой поставлено задачей, демонстрируя частью сил против форта Тохмас, совместно с Меликовым взять форт Чим. После овладения укреплениями все эти войска должны были взять город.

Против остальных укреплений назначены демонстрации: с северо-запада — колонна подполковника Черемисинова; с северо-востока — колонна генерал-майора Рыдзевского. Общее начальство над войсками, действующими на левом берегу р. Карс-чай, вверено генерал-лейтенанту Роопу. Кроме того, оставлен общий резерв генерал-майора Дена и особое прикрытие (один батальон) при Главной квартире. Конница генерал-майора Шереметева (19 эскадронов и восемь орудий) наблюдала за дорогами на Эрзурум и Ардаган, обеспечивая связь между собой Рыдзевского и Черемисинова; конница генерал-майора князя Щербатова (19,5 эскадрона и сотен) прикрывала большую Эрзурумскую дорогу. Всего для штурма было назначено 32,7 тысячи человек, из них для атаки Чима, Сувари, Канлы и Хафиса — 14,5 тысячи, то есть почти половина.

К 17 часам 5 ноября войска сошлись на сборных пунктах и к 20 часам 30 минутам выступили, соблюдая полнейшую тишину и имея впереди каждой колонны редкие цепи охотников.

Граф Граббе направил на Канлы Вождякина слева, а сам ударил с фронта. Форт состоял из трех отдельных укреплений — двух передовых редутов и центрального люнета; передовые редуты, а также траншея, соединяющая Канлы с фортом Сувари, были взяты; но все атаки на центральное укрепление были безуспешны. Убитого Граббе сменил командир Перновского полка, полковник Белинский. После продолжительных усилий наконец перновцам удалось ворваться через вал в главное укрепление; но центральной каменной казармой, в которой засели уцелевшие защитники редута, овладеть было никак нельзя, а огнем оттуда очищалась вся внутренность укрепления.

Колонна Вождякина сбилась с пути и наткнулась на батарею, бывшую между Канлы и Хафисом. Батарею эту взяли

и преследовали турок до самого города, после чего, выяснив ошибку, войска этой колонны повернули к Канлам. Но и при содействии Вожакина все попытки взять казарму этого форта ни к чему не приводили.

На помощь к Канлам были посланы: один батальон из колонны Алхазова (уже взявший форт Хафис) и прикрытие из осадных батарей, а также казаки Чавчавадзе. Инженер-полковник Бульмеринг, принявший начальствование, повел атаку с обоих флангов; конница заскакала в тыл; тем не менее гарнизон горжевой казармы упорствовал и сдался только к 5 часам, когда прочие форты крепости были взяты или заняты.

Таким образом, у главного укрепления, намеченного для атаки фаса, встречено было наиболее упорное сопротивление, и не здесь был достигнут решающий успех.

Князь Мелихов взял легко форт Сувари, с налета и без выстрелов, благодаря тому, что турки приняли его приближение за обычный поиск охотников. Но у форта Чима колонна была встречена страшным огнем; самого Меликова смертельно ранило, а его заместитель, видя, что атаки с фронта со стороны генерал-майора Комарова нет, отошел к Сувари.

У Комарова же происходило следующее: выделив ростовских grenадер (два батальона) для демонстраций против форта Тохмас, Комаров повел пятигорцев полковника Бучкиева для атаки форта Чима, но по пути их обстреливали продольно со стороны форта Тохмас, что вынудило весь боевой порядок повернуть в этом направлении. Под страшным огнем батальоны пятигорцев, потеряв своего командира, дошли до Тохмаса, заняли ров, но овладеть фортом не могли и вынуждены были отступить. Тогда Комаров повторил атаку в направлении на Чим, но здесь убийственный огонь с фланга нанес наступающему такие страшные потери, что колонне, вконец расстроенной, пришлось отойти совершенно. Таким образом, и здесь нас постигла неудача.

Что касается генерал-майора Алхазова, колонне которого назначено было атаковать Хафис с двух сторон, то обе части ее уклонились от намеченных путей. Два батальона

майора Урбанского, направленные на южный фас форта, вышли на батарею, которую уже атаковал Вождякин, и отсюда пошли на Хафис, который и взяли сразу, с тыла. Будучи выбиты и вновь поддержаны батальоном из резерва, они опять атаковали и к 23 часам окончательно взяли Хафис. Что касается другой части колонны Алхазова (два батальона кутаисцев полковника Фадеева), то она должна была атаковать Хафис с запада, но попала под огонь батареи, бывшей между этим фортом и Карадагом. Фадеев решил взять прежде эту батарею, что и выполнил; выбитые турки в полном расстройстве бросились бежать к Карадагу, а увлеченные успехом кутаисцы горячо преследовали их по пятам. Таким образом, пользуясь темнотой, кутаисцы вскарабкались по отвесным почти скалам Карадага и ворвались без выстрелов в это самое сильное и важное сооружение Карса. Защитники Карадага были настолько ошеломлены неожиданным появлением русских, что бросились в панике к форту Араб. Таким образом, благодаря смелости и находчивости кутаисцев и их командира в 22 часа пал тактический ключ крепости. Все попытки выбить нас оттуда туркам не удалось.

Колонна генерал-майора Рыдзевского так искусно вела демонстрацию огнем и притворным наступлением, что отвлекла внимание гарнизонов противолежащих фортов и этим обеспечила нам легчайшее достижение успеха на других пунктах. Рыдзевский вместе с тем подготовил успех и самому себе, так как ему вскоре пришлось перейти к решительным действиям. На рассвете от генерала Лазарева пришло приказание ввиду падения Карадага штурмовать Араб. Около 5 часов Рыдзевский с Абхазским полком и шестью ротами Гурильского начал взбираться на кручи и взял Араб, защитники которого были деморализованы быстрым падением Карадага. Таким образом, к 5 часам все форты левого берега были в наших руках. К 7 часам генерал Алхазов занял город и цитадель.

Что касается колонны Черемисинова, то она принесла огромную пользу успеху общего дела, так как не только энергичным огнем вела решительную демонстрацию про-

тив северо-западного фронта крепости, но еще и атаковала форт Лаз-Тепеси и заняла передовые траншеи. Результат таких действий был блестящим. Комендант Карса, находившийся в начале штурма за фортом Хафис, при главном резерве, как только на северо-западном фронте раздались первые выстрелы, прибыл в Лаз-Тепеси и убедился, что русские намерены овладеть фортом. Кстати сказать, что в 1855 г. штурм нами Карса производился именно с этой стороны. Гуссейн-паша начал притягивать сюда войска из ближайших укреплений и даже послал в город за последним резервом. В это время пришла роковая весть о падении Карадага и вторжении русских в город. Тогда комендант, видя, что дело проиграно, ускакал во главе сотни башибузуков на Ольту.

Турки, собравшиеся на Шорахских высотах, попытались было прорваться в направлении на Эрзурум, но мы преградили им путь последними резервами, бывшими в распоряжении генерал-лейтенанта Роопа и при Главной квартире. В Карсе взято 303 орудия, до 17 тысяч пленных (в том числе пять пашей и до 800 офицеров) и огромные склады запасов и имущества. Потери наши: один генерал, 17 офицеров и 47 нижних чинов убитыми и один генерал, 58 офицеров и 1726 нижних чинов ранеными. У турок было одних убитых до 3 тысяч.

Падение Карса имело огромное значение: помимо потрясающего нравственного влияния все войска теперь можно было направить под Эрзурум; операционная линия наша освобождалась, чем обеспечивалось снабжение войск под Эрзурумом; в самом же Карсе мы приобрели отличный, прекрасно снабженный опорный пункт. К сожалению, овладению Эрзурумом, последним оплотом турок, в котором укрылись остатки их сил, воспрепятствовала зима. Горы покрылись снегом, подвозы затруднились до крайности, штурм Эрзурума стал невозможен; войска наши должны были ограничиться блокадой, терпя во всем жестокою нужду. Развился сыпной тиф, и за время до 21 января — когда было заключено перемирие — войска потеряли от болезней больше, нежели за всю кампанию.

Действия Кобулетского отряда

Совершенно независимо от действий отдельного Кавказского корпуса шли операции на берегу Черного моря. Сильный турецкий флот господствовал на нем безусловно, ибо все наши морские средства ограничивались семью небольшими кораблями, приспособленными из торговых судов. Побережье у нас ничем защищено не было, а захват береговой полосы был опасен для нас ввиду возможности забросить оттуда факел восстания в среду кавказских магометан.

Что касается Кобулетского отряда генерал-лейтенанта Оклобжио, то задачей его, как известно, являлось обеспечение справа операций отдельного Кавказского корпуса путем самостоятельных действий против Батуми, где находился 25-тысячный корпус Дервиша-паши. Надо было помешать Дервишупаше оказывать содействия Мухтару и, так сказать, приковать его к Батуми. С этой целью Ардаганский отряд Комарова рядом смелых движений на Ольту и Ардануч пресек все попытки восстановить связь между Карской и Батумской армиями турок, а тем временем Кобулетский отряд Оклобжио двигался из Озургет на Батуми. В состав Кобулетского отряда входило 15,5 батальона, 48 орудий и семь сотен. Наступление его чрезвычайно затруднялось крутыми лесистыми и бездорожными ущельями отрогов Аджаро-Ахалцихского хребта.

Отбросив турок с высот у Муха-Эстатэ, отряд генерал-лейтенанта Оклобжио 14 апреля занял их и окончательно там утвердился. 29 апреля произведено было частью сил наступление к реке Кинтриш для занятия передовых позиций на высотах Хуцубани. Несмотря на крайне неудобную для наступления местность и содействие турецкого флота, задачу эту выполнили и приступили к укреплению и налаживанию сообщений с Муха-Эстатэ, где оставались главные силы Кобулетского отряда. Для того чтобы прикрыть свое расположение со стороны нагорного Кобулету, жители которого были вооружены, при содействии турок, скорострельными винтовками, заняты были таким же порядком высоты Самеба.

После этого кобулетцы, отрезанные от турок, стали, по видимому, склоняться на нашу сторону, являться в наш ла-

герь и сдавать оружие. Но с 20 мая настроение их вдруг изменилось, и для усмирения бандитских вылазок потребовалось выслать несколько подвижных колонн.

В таком положении отряд оставался до 11 июня, когда предпринята была усиленная разведка турецких позиций у Цихисдзири — где устроен был ими укрепленный лагерь, — дабы выяснить возможность дальнейшего наступления к Батуми.

После упорного 14-часового боя под палящим солнцем и на едва проходимой местности удалось с точностью установить, что турок — не менее 30 тысяч, которые к тому же занимают местность, крайне недоступную для атаки. Вследствие этого ввиду малочисленности отряда решено было 12 июня утром оставить захваченные передовые позиции, а, сосредоточив все силы на высотах Муха-Эстатэ, укрепиться здесь и выждать более благоприятной обстановки для перехода в наступление. Но турки произвели на нас энергичное нападение; нам с большими усилиями пришлось отбить целый ряд решительных и ожесточенных атак, руководимых самим Дервишем-пашей. Спустя несколько дней войска Кобулетского отряда снялись с позиций Самеба и 18 июня сосредоточились на Муха-Эстатэ, где и оставались до 15 ноября в оборонительном положении, пока вследствие падения Карса Дервиш-паша не отступил внезапно. Тотчас же наши войска заняли оставленные им позиции, а Ардаганский отряд генерал-майора Комарова был направлен через Ардануч к Батуми для облегчения наступления отряда генерал-лейтенанта Оклобжио.

С большими трудностями пройдя перевалы, заваленные вечными снегами, добрался Комаров до Ардануча, сбивая передовые части противника. Здесь он тотчас назначил администрацию занятого края и приступил к водворению порядка. Дальнейшее движение Ардаганского отряда к Батуми происходило все время с боем, и когда отряд овладел Долисанской позицией, открывавшей путь в долину реки Чорох, Кобулетский отряд также перешел в наступление. Атака высот Цихисдзири 18 января, однако, была неудачной, и на этом закончились наши действия против Батуми, так как была получена телеграмма о заключении перемирия.

Безуспешность наших операций против Батуми зависела, во-первых, от медлительности действий генерал-лейтенанта Оклобжио в период с 12 апреля по 1 мая, когда положение турок было незавидным, что позволило последним изготавиться, стянуть подкрепление и даже укрепить позиции. Во-вторых, отряд не был снабжен достаточным вьючным обозом и горной артиллерией, да и вообще гористая местность была настолько пересечена, что наступление значительными силами являлось затруднительным.

В общем, итогом наших военных действий в Азиатской Турции стали весьма существенные территориальные приобретения: мы получили крепость Карс с прилегающей местностью и важный для нас Батумский порт.

Операции в Турецкой Армении вписали в нашу военную историю блестящие страницы. Славные кавказские войска выказали все свои лучшие боевые качества и выдвинули целый ряд талантливых предводителей.

Беспримерный в военной истории ночной штурм перво-классной крепости, Авлиарский разгром армии на укрепленной позиции, блестящие действия Эриванского отряда, не считая других, более мелких деяний, сами по себе уже являются настолько крупными фактами, что ими в достаточной степени определяется громадная военно-историческая роль этой кампании, а равно и заслуги наших кавказских войск в деле создания прочного памятника русскому военному искусству этой эпохи.

Содержание

А. М. ЗАЙОНЧКОВСКИЙ. Восточная война 1853—1856 гг.

Император Николай I и политические отношения между Россией и Турцией	3
Состояние русских войск перед началом войны	14
Подготовка к войне. Дунайский театр военных действий. Начало войны. Ольтеницкий бой. Бой при Четати	25
Переправа через Дунай. Опасения князя Паскевича. Осада Силистрии; снятие осады. Отступление армии князя Горчакова к русской границе	43
Военные действия на Кавказе: операции Александропольского отряда; сражения при Баш-Кадыкларе и Кюряк-Дара	62
Операции в Крыму: театр военных действий; состояние крепости Севастополь. Высадка союзников; сражение на Альме. Обложение Севастополя с южной стороны; бомбардировка 5 октября; Балаклавский бой; сражение при Инкермане	84
Осада Севастополя; бой за передовые позиции; бомбардировка 28 марта — 7 апреля; штурмы 26 мая и 6 июня	122
Сражение на р. Черной; штурм 27 августа; оставление Севастополя. Операции союзников на южном побережье Черного моря. Общая убыль и потери	139
Действия на Кавказе: операции под Карсом; падение его. Парижский мир	160
Краткие характеристики князя А. С. Меншикова, князя М. Д. Горчакова, адмиралов В. А. Корнилова, П. С. Нахимова и генерала Э. М. Тотлебена	173

Д. Н. ЛОГОФЕТ.
Завоевание Средней Азии

Военные действия от начала XVI столетия до 1839 г.	182
Военные действия в Средней Азии с 1839 по 1877 г.	190
Характеристика главнейших деятелей по завоеванию Туркестанского края	238

А. Д. ШЕМАНСКИЙ.
Ахалтекинская экспедиция 1880—1881 гг.

Политическая обстановка в преддверии походов Лазарева и Ломакина	254
Подготовительная операция Скобелева к разгрому Геок-Тепе	263
Взятие Геок-Тепе 12 января 1881 г.	305
Влияние на Среднюю Азию нашей победы и последующих действий	310
Характеристика главнейших деятелей экспедиции	321
Столкновения с Афганистаном в 1885 г.	325
Памирские походы 1891—1895 гг.	344

К. И. ДРУЖИНИН.
Русско-Турецкая война 1877—1878 гг.

Военное дело в России при вступлении на престол Александра II и перед войной 1877—1878 гг.	353
Балканский театр	377
Театр войны	386
Вооруженные силы противоборствующих сторон	393
Мобилизация и сосредоточение русской армии в пределах Бессарабии	407
Вступление действующей армии в Румынию, ее разверты- вание на Дунае и подготовка к главной переправе	409
Переправа русской армии у Зимницы—Систова	414
Действия армии после переправы через Дунай	424

Сражения под Плевной	433
Шестидневный бой под Шипкой 9—14 августа	459
Действия Рушукского отряда против четырехугольника крепостей	481
Сражение под Ловчей	486
Сражение под Плевной 26—31 августа	496
Блокада Плевны с 1 сентября по 28 ноября	524
Действия Рушукского отряда в сентябре—ноябре	547
Наступление на Балканы	562
Сражение под Шейновом	573
Наступление за Балканами с 28 декабря 1877 г.	590
Главнейшие деятели войны	603
Берлинский конгресс	617
Азиатский театр	626
Успех русских войск под Ардаганом	628
Переход в наступление Мухтара-паши	633
Сражение при Драмдаге	636
Зевинский бой	637
Оборона Баязета	639
Наступление русских: Аладжинское сражение; Авлиар; Деве-Бойну	648
Взятие Карса	658
Действия Кобулетского отряда	666

Научно-популярное издание

История русской армии
Том третий

Главный редактор *Н. Л. Волковский*. Редактор *Л. Ю. Киреева*.
Технический редактор *И. В. Буздалева*. Корректор *Е. А. Тимошенко*.
Компьютерная верстка *Ю. А. Федоровой*.
Компьютерная графика *А. В. Аракчеева*.

ЛР ИД № 03073 от 23.10.2000 г.
Подписано в печать 14.10.03. Формат 84×108 ¹/₃₂. Печать офсетная.
Гарнитура TimeRoman. Печ. физ. л. 21,0.
Усл. печ. л. 35,28. Тираж 5000 экз. Зак. №

ООО «Издательство «Полигон»,
194044, С.-Петербург, Б. Сампсониевский пр., д. 38/40.
Тел./факс: 542-91-12. E-mail: polygon@rol.ru